БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

Плантагенеты

Короли и королевы, создавшие Англию

ДЭН ДЖОНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первые короли династии Плантагенетов унаследовали от своих предков-норманнов залитое кровью царство и превратили его в империю, простиравшуюся от Шотландии до Палестины. В этой эпической хронике мужества, предательства, амбиций и обмана Дэн Джонс воскрешает непокорную королевскую династию, каждый представитель которой был замечательной и запоминающейся фигурой. Перед глазами читателя пройдут: Генрих II и его жена Алиенора Аквитанская, дважды королева и самая известная женщина в христианском мире; их сын Ричард Львиное Сердце, который сражался с Саладином в Третьем крестовом походе; и его коварный брат король Иоанн, вынужденный подписать Великую хартию вольностей, ставшую первым в Европе примером ограничения королевского произвола. Сочетая последние академические исследования с даром рассказчика, Джонс ярко воссоздает великие битвы при Бэннокберне, Креси и Слёйсе и показывает, как короли Эдуард II и Ричард II встретили свои последние дни. Это эпоха рыцарства и Черной смерти, тамплиеров, основания парламента и Столетней войны, когда национальное самосознание Англии было выковано мечом и судейским молотком.

- Дэн Джонс
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть I
    - ■ Белый корабль
    - ■ В поисках наследника
    - ■ Крушение
    - ■ Честолюбивые замыслы
    - ■ Скандальный брак
    - ■ Генрих завоеватель
    - ■ Мирный процесс
  - ○ Часть II
    - ■ Рождение и возрождение
    - ■ Вселенная плантагенетов
    - ■ Несвятая война
    - ■ Наследные планы
    - ■ Орлиное гнездо
    - ■ Генрих триумфатор

- Мир в огне
- Новые горизонты
- Герой Востока
- Предательство
- Во власти императора
- Возвращение львиного сердца
- Восхождение Иоанна
- Иоанн Вялый Меч
- Триумф и катастрофа
- Иоанн Разгромленный

○ Часть III
- Спасение тонущего корабля
- Король-домосед
- Жестокий господин
- Начало конца
- К Бувину
- Великая хартия вольностей
- Вступление в права наследства
- От маршала до великой хартии вольностей
- Наконец-то государь
- Брак и семья
- Святая монархия
- На пути к войне
- Оксфордские провизии

○ Часть IV
- Льюис
- От тюрьмы до Ившема
- Леопард
- Наконец-то король
- Новый Артур
- Последний бой
- Замки короля
- Цена завоевания
- Изгнание евреев
- Великая тяжба
- Война на всех фронтах
- Завоевание Шотландии
- Переломный момент
- Обострение

○ Часть V
- Король и его братец
- Коронация
- Чрезвычайная ситуация
- Ордонансы

        - Облава
        - Лето надежд
        - Бэннокберн
        - Новые фавориты
        - Гражданская война
        - Тирания короля
        - Мортимер, Изабелла и принц Эдуард
        - Развязка
        - Низложение
        - Ложная надежда
    - Часть VI
        - Королевский переворот
        - Славный король разрушенного королевства
        - Новые графы, новые враги
        - Начало Столетней войны
        - В бурном море
        - Кризис 1341 года
        - Доминирование
        - Смерть принцессы
        - Рождение рыцарства
        - Триумфальное десятилетие
    - Часть VII
        - Дела семейные
        - Фортуна разбушевалась
        - Добрый парламент
        - Новый король, старые проблемы
        - Беспорядки
        - Кризис возвращается
        - Измена и душевная травма
        - Обновление монархии
        - Ричард отмщенный
        - Ричард разгромленный
        - Ричард покинутый
    - Заключение
    - Рекомендуемая литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

Дэн Джонс
Плантагенеты. Короли и королевы, создавшие Англию

Переводчик *Галина Бородина*
Научный редактор *Николай Сайнаков, канд. ист. наук*
Редактор *Любовь Сумм*
Издатель *П. Подкосов*
Руководитель проекта *А. Казакова*
Арт-директор *Ю. Буга*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Корректоры *И. Астапкина, М. Ведюшкина*
Адаптация оригинальной обложки *Д. Изотов*

© Dan Jones, 2012
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

ДЭН ДЖОНС

Плантагенеты

Короли и королевы, создавшие Англию

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН
Москва
2021

Разумный человек должен учитывать, что благосклонность Фортуны изменчива, а колесо ее вращается без остановки… Правителю стоит быть осторожнее и никогда не забывать, что, хотя

милосердный Творец… долготерпелив и кроток… Он, тем не менее, сурово карает своенравных упрямцев и обрушивает на них возмездие обычно еще при земной их жизни.

Геральд Камбрийский.

Завоевание Ирландии

КАРТЫ

Англия во время войны между Стефаном и Матильдой, 1135–1154 гг.

Империя Плантагенетов на пике могущества, 1187 г.

Империя Плантагенетов к концу царствования Иоанна, 1216 г.

Уэльские замки Эдуарда I

Битвы Плантагенетов в Шотландии

Франция при Эдуарде III, 1360 г.

Англия в годы войны между Стефаном и Матильдой, 1135–1154 гг.
N
ШОТЛАНДИЯ
НАБЕГИ ШОТЛАНДЦЕВ
Тис
Уз
Северное море
Ирландское море
АНГЛИЯ
Северн
Уз
УЭЛЬС
ТЕРРИТОРИИ СТЕФАНА
Темза
Лондон
Бристоль
Девайзес
ТЕРРИТОРИИ МАТИЛЬДЫ

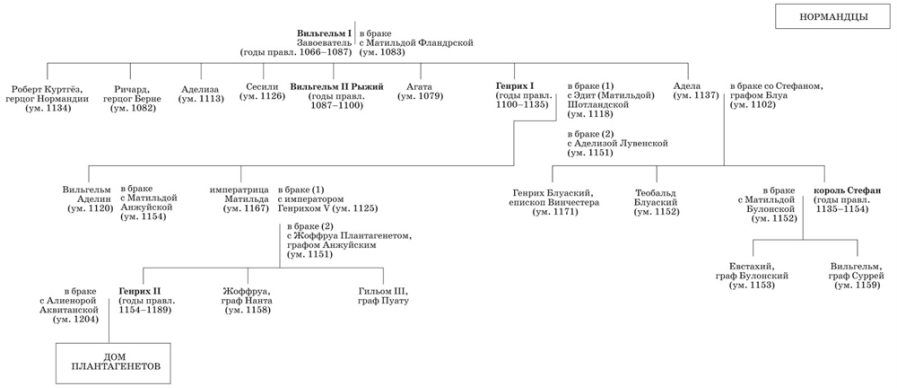

Империя Плантагенетов
на пике могущества, 1187 г.
N
ШОТЛАНДИЯ
Северное
море
Ирландское
море
АНГЛИЯ
УЭЛЬС
Лондон
ФЛАНДРИЯ
ВЕРМАНДУА
НОРМАНДИЯ
Париж
ШАМПАНЬ
БРЕТАНЬ
МЭН
БЛУА
ЗЕМЛИ
КОРОНЫ
АНЖУ
ТУРЕНЬ
САНСЕР
БЕРРИ
НЕВЕР
БУРГУНДИЯ
ШАТО-РУ
БУРБОН
ПУАТУ
ЛА МАРШ
ОНИС
ФОРЕ
ОВЕРНЬ
АНГУЛЕМ
СЕНТОНЖ
ЛИМУЗЕН
АКВИТАНИЯ
ПЕРИГОР
АЖЕН
КАГОР
ГАСКОНЬ
АРМАНЬЯК
ТУЛУЗА
БЕАРН
НАВАРРА
БИГОРР
АРАГОН
БАРСЕЛОНА
Территории, удерживаемые французской короной
Территории Плантагенетов

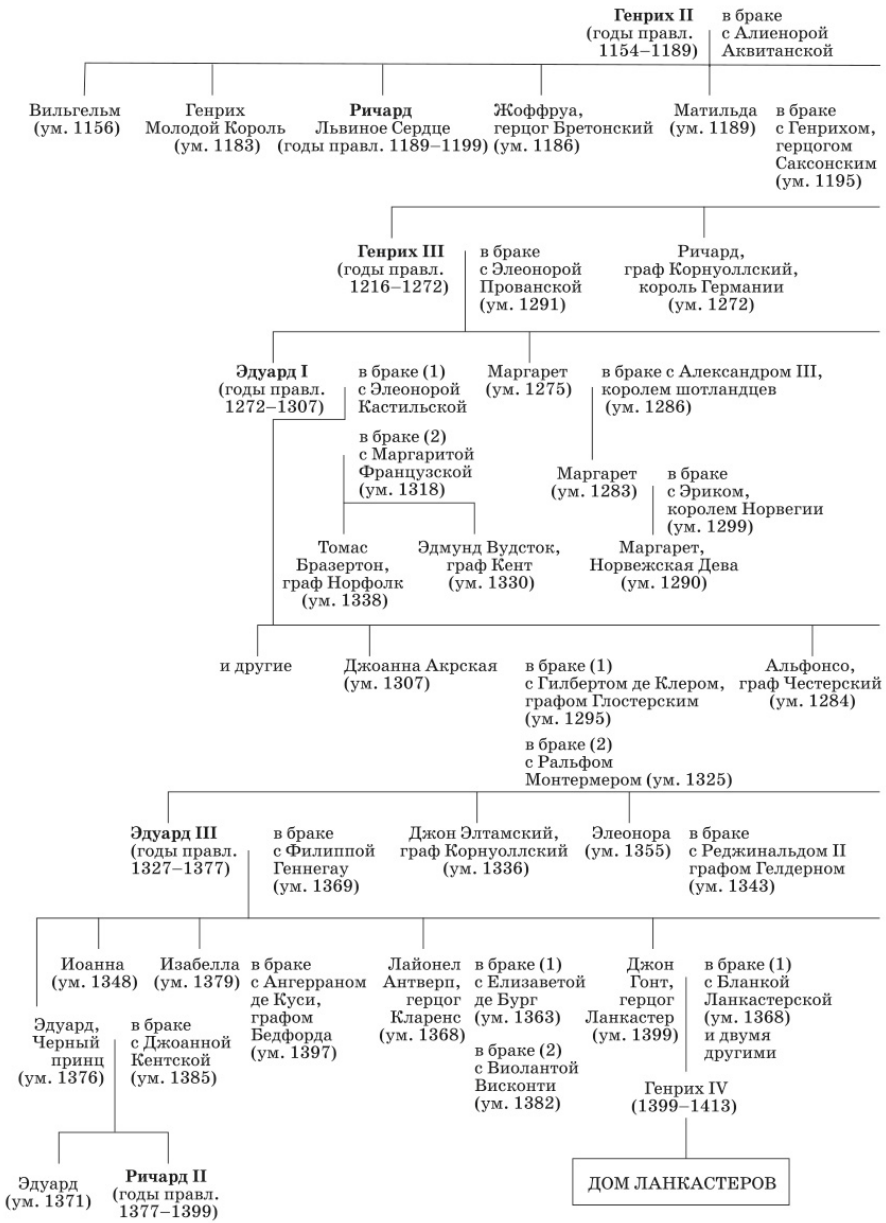

Империя Плантагенетов к концу царствования Иоанна, 1216 г.
N
Северное море
Ирландское море
Лондон
Париж
Анжуйская империя
Французское королевство

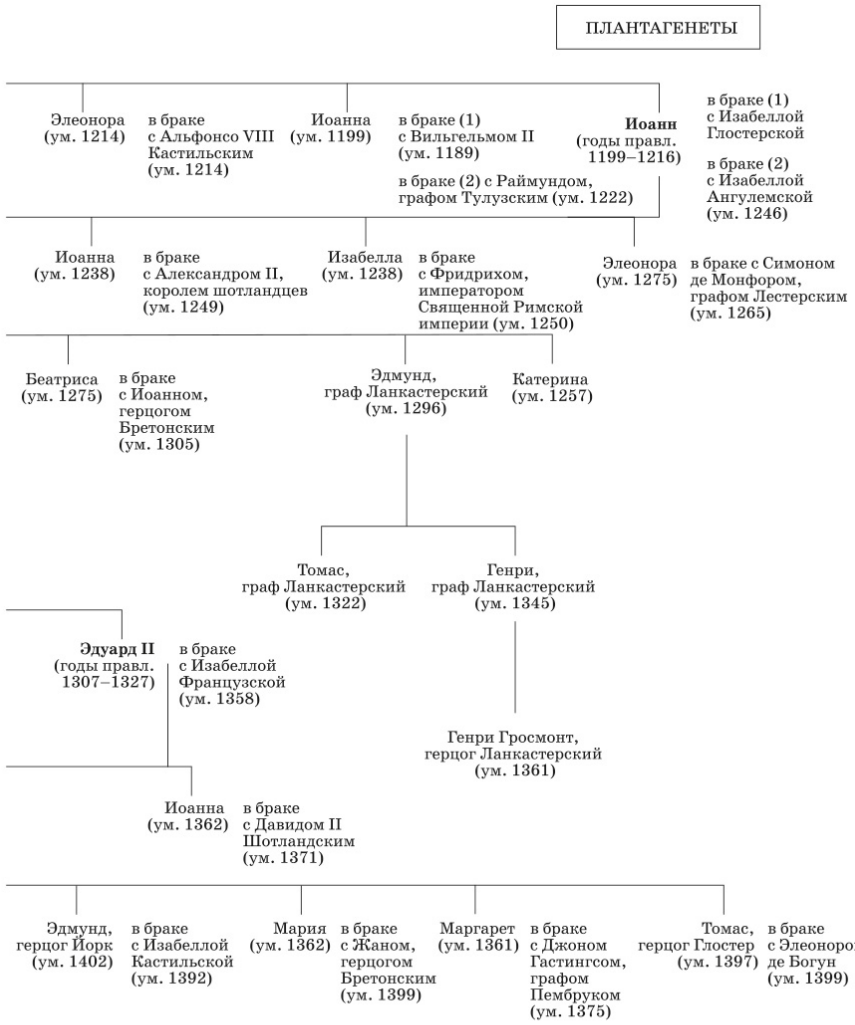

Уэльские замки Эдуарда I
N
Ирландское море
Бомарис
Конвей
Рудлен
Конвей
Деньби
Флинт
Гаварден
Руфин
Каргри
Холт
Долвиддлан
Крикайет
Харлеч
Чирк
Кастелл-и-Бер
Шрусбери
Залив Кардиган
Монтгомери
Аберистуит
Долфоруин
Кардиган
Билт Уэлс
Кармартен
Бристольский залив

Битвы Плантагенетов в Шотландии
N
Северное море
Банф
Килдрамми
Абердин
Стракатро
Перт
Метвен
Дупплин-Мур
Стирлинг-Бридж
Замок Стирлинг
Бэннокберн
Фолкирк
Эдинбург
Данбар
Халидон-Хилл
Берик
Норхем
Ботвелл
Лоудон
Роксбург
Алнуик
Дамфрис
Карлаврок
Карлайл
Невиллс-Кросс
Стенхоуп-Парк
Ирландское море
Фогарт

Франция при Эдуарде III, 1360 г.
N
Ирландское море
Северное море
Лондон
Уинчелси
Слёйс
ФЛАНДРИЯ
Кале
Кресси
ПОНТЬЕ
Париж
НОРМАНДИЯ
БРЕТАНЬ
МЭН
АНЖУ
ТУРЕНЬ
ПУАТУ
Пуатье
АНГУМУА
Бискайский залив
ЛИМУЗЕН
СЕНТОНЖ
ПЕРИГОР
АЖЕН
РУЭРГ
ГАСКОНЬ
АРМАНЬЯК
Английские владения

НОРМАНДЦЫ
Вильгельм I Завоеватель (годы правл. 1066–1087)
в браке с Матильдой Фландрской (ум. 1083)
Роберт Куртгёз, герцог Нормандии (ум. 1134)
Ричард, герцог Бернe (ум. 1082)
Аделиза (ум. 1113)
Сесили (ум. 1126)
Вильгельм II Рыжий (годы правл. 1087–1100)
Агата (ум. 1079)
Генрих I (годы правл. 1100–1135)
в браке (1) с Эдит (Матильдой) Шотландской (ум. 1118)
в браке (2) с Аделизой Лувенской (ум. 1151)
Адела (ум. 1137)
в браке со Стефаном, графом Блуа (ум. 1102)
Вильгельм Аделин (ум. 1120)
в браке с Матильдой Анжуйской (ум. 1154)
императрица Матильда (ум. 1167)
в браке (1) с императором Генрихом V (ум. 1125)
в браке (2) с Жоффруа Плантагенетом, графом Анжуйским (ум. 1151)
Генрих Блуаский, епископ Винчестера (ум. 1171)
Теобальд Блуаский (ум. 1152)
в браке с Матильдой Булонской (ум. 1152)
король Стефан (годы правл. 1135–1154)
Евстахий, граф Булонский (ум. 1153)
Вильгельм, граф Суррей (ум. 1159)
в браке с Алиенорой Аквитанской (ум. 1204)
Генрих II (годы правл. 1154–1189)
Жоффруа, граф Нанта (ум. 1158)
Гильом III, граф Пуату
ДОМ ПЛАНТАГЕНЕТОВ

Генрих II (годы правл. 1154–1189)
в браке с Алиенорой Аквитанской
Вильгельм (ум. 1156)
Генрих Молодой Король (ум. 1183)
Ричард Львиное Сердце (годы правл. 1189–1199)
Жоффруа, герцог Бретонский (ум. 1186)
Матильда (ум. 1189)
в браке с Генрихом, герцогом Саксонским (ум. 1195)
Генрих III (годы правл. 1216–1272)
в браке с Элеонорой Прованской (ум. 1291)
Ричард, граф Корнуоллский, король Германии (ум. 1272)
Эдуард I (годы правл. 1272–1307)
в браке (1) с Элеонорой Кастильской
Маргарет (ум. 1275)
в браке с Александром III, королем шотландцев (ум. 1286)
в браке (2) с Маргаритой Французской (ум. 1318)
Маргарет (ум. 1283)
в браке с Эриком, королем Норвегии (ум. 1299)
Томас Бразертон, граф Норфолк (ум. 1338)
Эдмунд Вудсток, граф Кент (ум. 1330)
Маргарет, Норвежская Дева (ум. 1290)
и другие
Джоанна Акрская (ум. 1307)
в браке (1) с Гилбертом де Клером, графом Глостерским (ум. 1295)
Альфонсо, граф Честерский (ум. 1284)
в браке (2) с Ральфом Монтермером (ум. 1325)
Эдуард III (годы правл. 1327–1377)
в браке с Филиппой Геннегау (ум. 1369)
Джон Элтамский, граф Корнуоллский (ум. 1336)
Элеонора (ум. 1355)
в браке с Реджинальдом II графом Гелдерном (ум. 1343)
Иоанна (ум. 1348)
Изабелла (ум. 1379)
в браке с Ангерраном де Куси, графом Бедфорда (ум. 1397)
Лайонел Антверп, герцог Кларенс (ум. 1368)
в браке (1) с Елизаветой де Бург (ум. 1363)
в браке (2) с Виолантой Висконти (ум. 1382)
Джон Гонт, герцог Ланкастер (ум. 1399)
в браке (1) с Бланкой Ланкастерской (ум. 1368) и двумя другими
Эдуард, Черный принц (ум. 1376)
в браке с Джоанной Кентской (ум. 1385)
Генрих IV (1399–1413)
Эдуард (ум. 1371)
Ричард II (годы правл. 1377–1399)
ДОМ ЛАНКАСТЕРОВ

ПЛАНТАГЕНЕТЫ
Элеонора (ум. 1214)
в браке с Альфонсо VIII Кастильским (ум. 1214)
Иоанна (ум. 1199)
в браке (1) с Вильгельмом II (ум. 1189)
в браке (2) с Раймундом, графом Тулузским (ум. 1222)
Иоанн (годы правл. 1199–1216)
в браке (1) с Изабеллой Глостерской
в браке (2) с Изабеллой Ангулемской (ум. 1246)
Иоанна (ум. 1238)
в браке с Александром II, королем шотландцев (ум. 1249)
Изабелла (ум. 1238)
в браке с Фридрихом, императором Священной Римской империи (ум. 1250)
Элеонора (ум. 1275)
в браке с Симоном де Монфором, графом Лестерским (ум. 1265)
Беатриса (ум. 1275)
в браке с Иоанном, герцогом Бретонским (ум. 1305)
Эдмунд, граф Ланкастерский (ум. 1296)
Катерина (ум. 1257)
Томас, граф Ланкастерский (ум. 1322)
Генри, граф Ланкастерский (ум. 1345)
Эдуард II (годы правл. 1307–1327)
в браке с Изабеллой Французской (ум. 1358)
Генри Гросмонт, герцог Ланкастерский (ум. 1361)
Иоанна (ум. 1362)
в браке с Давидом II Шотландским (ум. 1371)
Эдмунд, герцог Йорк (ум. 1402)
в браке с Изабеллой Кастильской (ум. 1392)
Мария (ум. 1362)
в браке с Жаном, герцогом Бретонским (ум. 1399)
Маргарет (ум. 1361)
в браке с Джоном Гастингсом, графом Пембруком (ум. 1375)
Томас, герцог Глостер (ум. 1397)
в браке с Элеонорой де Богун (ум. 1399)

Предисловие

Кто такие Плантагенеты? Никто из героев этой книги так себя не называл, за исключением одного – Жоффруа, графа Анжуйского, красивого, задиристого, рыжеволосого юноши, родившегося в 1113 году: он украшал свой шлем веточкой дрока, а щит – изображением львов. Латинское название растения (*planta genista*) подарило имя династии Плантагенетов, а шествующие львы стали геральдическим символом английских королей: знамя со львами несли перед огромными армиями, вступавшими в сражение в разных уголках мира – от холодных равнин Шотландии до пыльных пустынь. Ирония истории: Жоффруа никогда не бывал в Англии, не особенно интересовался делами этого королевства и умер в 1151 году, за три года до того, как его старший сын взошел на английский престол.

И тем не менее Плантагенеты – громкое имя. Короли, потомки Жоффруа, правили Англией дольше двух столетий: первым был Генрих II, унаследовавший корону в 1154 году, последним – Ричард II, которого в 1399 году лишил короны его кузен Генрих Болингброк. Плантагенеты продержались на английском троне дольше всех прочих королевских династий; именно в период их правления был заложен фундамент страны, которую мы сегодня называем Англией. Были определены границы королевства, установлены отношения с соседями – прежде всего с Шотландией, Уэльсом, Францией и Ирландией, а также с Нидерландами, папским престолом и странами Пиренейского полуострова, которые позже войдут в состав Испании. Возникли основы законодательства и правительственные институты, дожившие до наших дней, – одни были созданы целенаправленно, другие появились благодаря случаю или под давлением обстоятельств. Были придуманы исторические мифы и легенды, оформились культы двух национальных святых: Эдуарда Исповедника и святого Георгия. Английский язык превратился из сырого, грубого местного диалекта в язык парламентских дебатов и поэтических сочинений. Были воздвигнуты великолепные дворцы, замки, соборы и памятники – и многие из них стоят до сих пор, свидетельствуя о гении людей, которые их проектировали, строили и защищали от неприятеля. Рождались, умирали и становились легендами герои и злодеи, чьи имена до сих пор отдаются эхом на страницах истории. (Кое-кто из этих злодеев носил корону.) Состоялся ряд самых знаменательных и впечатляющих битв в истории Европы: при Бувине и Бэннокберне,

при Слёйсе и Уинчелси, при Креси и Пуатье. Военные тактики претерпели революционные изменения: во времена нормандцев война была искусством осады крепостей, а уже в конце XV века в обычай вошел встречный бой, и англичане – и их тяжеловооруженные всадники и меткие лучники – стали грозой Европы. Более того, к концу эпохи Плантагенетов англичане начали овладевать искусством морских сражений. Тактики морского боя совершенствовались медленнее тактик боя на суше, но к середине XIV века Англия уже могла задействовать нечто вроде военного флота для защиты побережий и для атак на вражеские суда. Невозможно отрицать, что в эпоху Плантагенетов творились вещи дикие, свирепые, жестокие и глупые, но к 1399 году, которым заканчивается эта книга, королевство на холодном острове, в 1066 году завоеванное Вильгельмом, бастардом из Нормандии, превратилось в одно из самых сложно устроенных и влиятельных государств христианского мира. И в сердце его лежали престиж и могущество королевской семьи.

В книге описывается этот процесс становления государства, что не мешает ей быть также и занимательным чтением. Это повествование, включающее множество великих событий из истории Англии, случившихся между крушением Белого Корабля в 1120 году и официальным низложением Ричарда II в 1399 году. В числе таких событий – масштабная гражданская война между Стефаном и Матильдой; убийство Томаса Бекета рыцарями Генриха II; Великая война 1173–1174 годов; сражения Ричарда I с Саладином в Третьем крестовом походе; война баронов против короля Иоанна и подписание Великой хартии вольностей; последующие беспомощные попытки Генриха III справиться с баронами, возглавляемыми его зятем и заклятым врагом Симоном де Монфором; военные кампании Эдуарда I в Уэльсе и Шотландии; эксцентричная любовная связь Эдуарда II с Пирсом Гавестоном и его нерадостное отречение от престола в 1327 году; политика Эдуарда III, спровоцировавшая Столетнюю войну, в которой он бился бок о бок со своим сыном, Черным принцем, и взял в плен короля Франции; последующее учреждение ордена Подвязки в честь обретенного Англией военного превосходства; Черная смерть, выкосившая Европу; героизм, проявленный Ричардом II в борьбе с Уотом Тайлером во время крестьянского бунта 1381 года, и деспотизм Ричарда, лишивший в итоге его трона, узурпированного Болингброком. Эти сюжеты интересны и сами по себе; но вместе они представляют собой канву английской истории, которая до сих пор, даже в культурном хаосе XXI столетия, определяет Англию как страну и народ. Короли династии Плантагенетов не только создали Англию как

политическую, административную и военную единицу. Они помогли сформулировать саму идею Англии – идею, которая сегодня важна не меньше, чем когда-либо прежде.

Это объемная книга, и она могла бы быть еще толще. Чтобы облегчить чтение, я разделил текст на семь частей. Часть I, «Эпоха крушения», иллюстрирует печальное состояние, в которое погрузилась Англия к концу периода нормандского правления, начавшегося с Вильгельма Завоевателя и продолжившегося царствованием двух его сыновей, Вильгельма Рыжего и Генриха I. После смерти Генриха Англию и Нормандию охватила грязная, парализующая гражданская война. Ее вели между собой два претендента на трон: внук Завоевателя, король Стефан, и внучка, императрица Матильда. Потребовалось два десятилетия, чтобы дело решилось в пользу последней. Все это время Англия была разделена между двумя дворами и двумя соперничающими правительствами, и раздробленная власть превратила страну в дымящиеся руины, наводненные наемниками. Только со вступлением на престол старшего сына Матильды – от Жоффруа Плантагенета, – ершистого, вспыльчивого, но безусловно выдающегося юноши, известного как Генрих Сын Императрицы, королевство вновь объединилось и надлежащее управление было восстановлено. Генрих Сын Императрицы стал королем Генрихом II, и с помощью чуточки везения, колоссальной энергичности, несомненного военного таланта и расчетливой целеустремленности Генрих приступил к утверждению себя, а тем самым и английской короны, в качестве хозяина лоскутного одеяла земель, простирающихся от границ Шотландии до подножия Пиренеев.

История правления Генриха II в его обширных владениях и их постепенное, хоть и ненамеренное, превращение в своего рода империю – тема второй части книги, которая называется «Эпоха империи». В ней перечисляются удивительно успешные завоевания Генриха, рассказывается о его закончившемся катастрофой конфликте с некогда лучшим другом архиепископом Томасом Бекетом, о войне короля со своими никчемными детьми и выдающейся женой Алиенорой Аквитанской (эту войну некоторые современники считали наказанием свыше за убийство Бекета). В «Эпохе империи» описываются революционные реформы английского законодательства, судебной системы и государственного аппарата, осуществленные Генрихом, – реформы, благодаря которым в Англии появилось судопроизводство и принципы управления, просуществовавшие столетия.

Несмотря на все свои достижения, Генрих II – самый

малоизвестный из королей династии Плантагенетов, в отличие от своего третьего сына, Ричарда Львиное Сердце, унаследовавшего империю Плантагенетов в 1189 году, во время горячки самых восторженных лет крестовых походов. Ричард (который провел удивительно мало времени в Англии, особенно учитывая тот героический ореол, что окружил там его имя спустя десятилетия после смерти) посвятил свою жизнь защите и расширению границ империи Плантагенетов. На пути к цели ему пришлось повоевать в Сицилии, на Кипре и в Иерусалимском королевстве во время Третьего крестового похода, пройти через дорого вставшее ему пленение в Германии и вернуться – как раз вовремя, чтобы вступить в борьбу за свое наследство с французским королем Филиппом II Августом. «Эпоха империи» заканчивается в 1204 году, когда брат Ричарда, король Иоанн, потерпел сокрушительное поражение от Филиппа. Иоанн потерял герцогство Нормандское и обесславил военное наследие семьи, а последствия его правления влияли на отношения между Англией и Францией еще почти 150 лет.

Отголоски военных неудач Иоанна исследуются в третьей части; ее название – «Эпоха сопротивления». Потеряв Нормандию, английские короли были вынуждены безвылазно сидеть в Англии, что вскоре привело к конфликту Иоанна с баронами, служителями Церкви и соседями по острову. «Эпоха Сопротивления» начинается в темные дни правления Иоанна, когда военные успехи в сражениях против Уэльса, Шотландии и Ирландии омрачала чрезвычайная жестокость никуда не годного короля. Сложным государственным аппаратом, оставленным ему отцом, Генрихом II, Иоанн распоряжался неумело и беззастенчиво злоупотреблял, спровоцировав один из крупнейших кризисов власти в английской истории. В 1215 году Англия погрязла в длительной гражданской войне, пытаясь разрешить вопрос, как обществу призвать к порядку короля-тирана. Ответить на него попытались – безуспешно – с помощью мирного договора, известного как Magna Carta, или Великая хартия вольностей. Magna Carta, хотя и не стала действующим законом, зафиксировала ряд важных принципов английского управления, а во времена сына Иоанна, Генриха III, и в начале правления его внука, Эдуарда I, превратилась в боевой клич оппонентов короля. На протяжении всего XIII века именно к Хартии апеллировали противники короны в моменты кризиса. Возглавлял силы сопротивления человек по имени Симон де Монфор, и войны Генриха III и Эдуарда I с де Монфором подвели черту под эпохой сопротивления.

Часть четвертая начинается в 1260 году, в конце долгого

периода войн между представителями династии Плантагенетов и их баронами. Главным героем тех лет был Эдуард I, величественный и неумолимый король: говорили, что он был так свиреп, что однажды буквально напугал человека до смерти. Железной рукой Эдуард заставил англичан прекратить междоусобицы и обратить внимание на соседей: Шотландию и Уэльс. Яростным усилиям Эдуарда стать владыкой не одной только Англии, но и всей Британии посвящена часть под названием «Эпоха Артура». В этот период складывалась новая мифология английской монархии: популярность легенд о короле Артуре росла, активизировалась охота за историческими реликвиями. Эдуард претендовал на роль наследника Артура (легендарного короля Уэльса), стремившегося объединить Британские острова и положить начало новой великой эпохе королевского правления. Не считаясь со вспышками негодования со стороны баронов, которые использовали зарождающийся политический институт, известный как парламент, для формирования оппозиции, Эдуард практически достиг своей цели: последствия его действий до сих пор определяют отношения Англии с Шотландией и Уэльсом.

Эдуард I, без сомнения, один из великих, чуть ли не самый располагающий к себе король из всех Плантагенетов. А вот его сын, Эдуард II, был наихудшим во всех отношениях. В пятой части, «Эпоха насилия», речь пойдет о печальной истории короля, который вообще не понимал основных задач монархии, чье правление превратилось в отвратительный фарс: крах международной политики, полная изоляция политического сообщества и кровавая гражданская война. Злополучная связь Эдуарда с фаворитами Пирсом Гавестоном и Хью Диспенсером Младшим превратила в хаос политическую жизнь Англии. Масла в огонь подливало и упрямство кузена Эдуарда, Томаса, графа Ланкастерского, который вел бескомпромиссную войну с королем, пока тот в 1322 году его не казнил. Воинственность Ланкастера и несостоятельность Эдуарда привели к ослаблению и деградации монархии, которая в итоге подверглась атаке со стороны подданных короля; страницы английской истории с 1307-го по 1330-е годы запятнаны кровью. Цель пятой части – объяснить, как это случилось и как «Эпохе насилия» был положен конец.

Величайшим из всех Плантагенетов был Эдуард III. Он унаследовал трон еще подростком – король-марионетка при своей матери и ее любовнике Роджере Мортимере, сыгравшем ключевую роль в свержении Эдуарда II. Вскоре юный король избавился от их влияния, и часть шестая, «Эпоха славы»,

посвящена описанию трех десятилетий его триумфального правления. В эти годы Плантагенеты развернулись во всю силу. В начале Столетней войны, под умелым командованием Эдуарда, его сына Черного принца и кузена Генри Гросмонта Англия разбила в пух и прах Францию, Шотландию (и других противников, в том числе Кастилию). В победах на материке при Хэлидон-Хилле (1333), Креси (1346), Кале (1347), Пуатье (1356) и Нахере (1367) ковалась английская военная машина, самая страшная в Европе, своей мощью обязанная смертоносному длинному луку. Морские успехи при Слёйсе (1340) и Уинчелси (1350) помогли Плантагенетам обрести уверенность на зыбкой арене морских сражений. Восстанавливая военную мощь английской короны, Эдуард и его сыновья целенаправленно поощряли мифологию, которая связывала воедино легенды об Артуре, новоявленный культ святого Георгия и возрождение кодекса рыцарской чести с помощью ордена Подвязки. Они создали культуру, которая спаяла английскую аристократию общей целью – стремлением к победам. К 1360 году монархия Плантагенетов достигла расцвета. Политическая гармония внутри страны подкреплялась международным доминированием Англии. Впереди сияла новая эра величия.

Затем, так же внезапно, как появилось, английское превосходство развеялось, словно дым. Седьмая часть показывает, как быстро может повернуться колесо фортуны – излюбленная средневековая метафора превратностей судьбы. После 1360 года правление Эдуарда клонилось к закату, а в 1377 году, когда на престол взошел его внук, Ричард II, на горизонте замаячил системный кризис. В наследство Ричарду досталось множество весьма серьезных проблем. Эпидемия Черной смерти, волна за волной опустошавшей Европу с середины XIV века, перевернула английский экономический порядок с ног на голову. Сыновья старого короля не могли договориться между собой по вопросам внешней политики, и Франция, воспрянувшая при Карле V и Карле VI, начала выдавливать Англию к Ла-Маншу. Ричарду выпали плохие карты, а разыграл он их и вовсе дьявольски скверно. Королевский двор обзавелся внешними атрибутами роскоши; взялись за работу первые из великих писателей Средневековья: Джеффри Чосер, Джон Гауэр и Уильям Ленгленд. Но Ричард был подозрителен, жаден, жесток и злопамятен и оттолкнул от себя многих важных персон своего королевства. К 1399 году их терпение лопнуло, и Ричард был низложен своим кузеном Генрихом Болингброком.

Здесь книга заканчивается. Теоретически повествование можно было бы и продолжить. Прямые потомки Эдуарда III

правили Англией до 1485 года, когда Ричард III уступил корону Генриху Тюдору в битве при Босворте. Интересно, что имя Плантагенет впервые вошло в употребление во время войны Алой и Белой розы: в 1460 году в парламентских свитках появилась запись о том, что «Ричард Плантагенет, обычно именуемый герцогом Йоркским», заявляет права на английский престол. Позже Эдуард IV и Ричард III присваивали эту фамилию некоторым из своих внебрачных детей – намек на то, что в их жилах течет королевская кровь, связывающая их с древним семейством легендарных королей, и корни их (пусть и неофициального) генеалогического древа уходят непредставимо далеко в глубь веков.

Я ограничил эпоху английских Плантагенетов 1254–1400 годами по трем причинам.

Во-первых, это единственный период в истории английского Средневековья, когда корона переходила от предыдущего поколения к следующему без каких-либо серьезных споров о престолонаследии или династических войн. Если не считать Артура Бретонского и французского принца Людовика, которые самонадеянно, но безрезультатно заявляли о своих претензиях на трон в начале и в конце бурного правления короля Иоанна, в эру Плантагенетов не было других претендентов на английскую корону – чего нельзя сказать о нормандском периоде, закончившемся с правлением короля Стефана, или о веках, последовавших за свержением Ричарда II, когда династия Плантагенетов распалась на две младших ветви – Ланкастеров и Йорков.

Во-вторых, я решил писать о годах с 1254-го по 1399-й еще и потому, что считаю этот период Средневековья одним из самых интересных, интригующих, вместивших величайшие моменты истории Англии.

И в-третьих, я ограничил свой рассказ этими годами по практическим соображениям. Книга и так вышла толстой, но легко могла бы получиться в несколько раз объемней. И хотя я с большим удовольствием продлил бы историю Плантагенетов до чудовищной гибели династии во времена Генриха Тюдора, меня остановила мысль, что тогда мой опус будет уже совершенно невозможно читать в постели перед сном. Возможно, когда-нибудь я возьмусь за продолжение.

Писать эту книгу было для меня радостью – надеюсь, что и читать ее будет удовольствием. В работе мне помогало множество людей. Книга не появилась бы на свет без моего несравненного литературного агента Джорджины Кэпел. Я весьма благодарен доктору Хелен Кастор за ее невероятную щедрость, мудрость и

поддержку – мы обсуждали с ней практически каждый аспект книги. Во всех вопросах, касающихся военно-морского флота, я советовался с Беном Уилсоном и доктором Сэмом Уиллисом. Ричард Партингтон консультировал меня по эпохе Эдуарда III. Уолтер Донохью, Пол Уилсон и Тоби Уайзман делали бесценные замечания на разных стадиях работы над черновиком. Все ошибки, конечно, мои. Редактор из издательства Harper Press, Арабелла Пайк, была, как всегда, терпелива и точна в своих наблюдениях и комментариях к тексту. Члены ее команды, особенно Керри Энзор, Софи Эзра, Стив Кокс и Каролина Хотблэк тоже были весьма отзывчивы и терпеливы. Сотрудники Британской библиотеки, Лондонской библиотеки, Национального архива, Лондонского городского архива и библиотеки Гилдхолла были исключительно добры, так же как и хранители, экскурсоводы и сотрудники бесчисленных замков, соборов и музеев на полях сражений, которые я посетил, совершая путешествие по трем столетиям европейской истории.

Но самая горячая моя благодарность – Джо, Вайолет и Айви Джонс, которым пришлось мириться с моим бесконечным бумагомаранием и которым вполне заслуженно я посвящаю эту книгу.

Дэн Джонс Баттерси, Лондон январь 2012 года

Часть I
Эпоха крушения (1120–1154)

Словно бы Христос и все его святые погрузились в сон.

Англосаксонская хроника

Белый корабль

Принц был пьян. Как и вся команда и пассажиры зафрахтованного им судна. 25 ноября 1120 года почти две сотни молодых и прекрасных представителей аристократических семей Англии и Нормандии веселились на борту великолепного белоснежного корабля. Корабль одолжили у богатого судовладельца, чтобы переправиться из Нормандии в Англию, и сейчас судно мягко покачивалось под взрывы смеха в многолюдной гавани Барфлёра. Вояж в 70 миль предстояло совершить по неспокойным предзимним водам Ла-Манша, но на корабль, пришвартованный в порту шумного города, одну за другой закатывали бочки с вином, и никому не отказывали в угощении.

Принца звали Вильгельм Аделин. Он был единственным законным сыном Генриха I, короля Англии и герцога Нормандии, и Матильды Шотландской – одаренной, образованной королевы, происходившей из дома Кердика, из династии королей Уэссекса, правивших Англией до нормандского завоевания. Свое первое имя, Вильгельм, он получил в честь деда, Вильгельма Завоевателя, а прозвище Аделин было переводом традиционного англосаксонского имени для наследника трона – Этелинг. Вильгельм был приветливым юным аристократом, он вполне осознавал свое двойное королевское происхождение и точно соответствовал стереотипу обожаемого, избалованного старшего сына. Один нормандский летописец оставил нам его описание: «Облаченный в шелковые одежды, расшитые золотом, окруженный толпой слуг и телохранителей и сияющий чуть ли не божественным величием». Неудивительно, что юнец, которому все наперебой торопились угодить, заискивая с «преизбыточным благоговением», был склонен к вспышкам «неумеренной спеси».

Вильгельма окружала толпа «золотой молодежи». Были среди них и его сводный брат Ричард Линкольнский, и сестра Матильда, графиня Перша, – два бастарда, принадлежавшие к числу 24 детей любвеобильного короля Генриха; кузен Вильгельма Стефан Блуаский – еще один внук Вильгельма Завоевателя; 26-летний Ричард, граф Честер и его жена Мод; Джеффри Ридел, английский судья; наставник принца Освер; и без числа прочих кузин, кузенов, друзей и королевских чинов. Вместе они составляли золотое поколение англо-нормандской аристократии. Разумеется, путешествовали они с шиком.

Владельцем Белого Корабля был Томас Фиц-Стефен. Когда-то его дед, Айрард, снарядил боевой корабль во флот Вильгельма

Завоевателя, и Фиц-Стефен рассудил, что доставлять будущих королей в Англию – его потомственная привилегия. Он просил короля о чести перевезти королевскую свиту из Барфлёра на южный берег Англии. Генрих удостоил его этой милости, но предупредил: «Я вверяю вам моих сыновей Вильгельма и Ричарда, которыми дорожу, как собственной жизнью».

О да, Вильгельм был драгоценным грузом. В свои 17 он уже был богатым и успешным молодым человеком. В 1119 году он женился на Матильде, дочери Фулька V, графа Анжуйского и будущего короля Иерусалима. Этот союз должен был положить конец давней вражде между нормандцами и анжуйцами. После свадьбы Вильгельм год сопровождал короля Генриха в поездке по Нормандии, учась искусству управления и наблюдая, как Генрих устанавливает, как сказано в летописи Вильяма Мальмсберийского, «превосходный и тщательно продуманный мир» с Людовиком VI Толстым, ушлым, безобразно обрюзгшим королем Франции. Поездка задумывалась как обучение тонкостям государева ремесла и оказалась весьма удачной. В официальных документах Вильгельма теперь называли *rex designatus* – назначенным королем: еще один шаг к статусу соправителя отца.

Всего за несколько недель до отплытия Белого Корабля случилось важнейшее событие в юной жизни Вильгельма: он преклонил колена перед тучным Людовиком, принося ему оммаж (ленную присягу) в качестве нового герцога Нормандии. Эта почти священная церемония подтверждала, что Генрих передал герцогство сыну, превращала Вильгельма в одну из ведущих политических фигур в Европе и в некотором смысле отмечала его окончательное возмужание.

Молодая жена, новое герцогство и прямая дорога к королевскому сану: чем не повод для праздника! – и Аделин закатил вечеринку. Свежий ноябрьский день уступил место ясной морозной ночи, Белый Корабль все стоял у причала в Барфлёре, а вино лилось рекой.

Белый Корабль был вместителен и легко мог перевезти несколько сотен пассажиров, не считая ценного груза и экипажа из 50 человек. Наверняка это было отличное судно: нормандский историк Ордерик Виталий называл его «прекрасно оснащенным и подходящим для короля». Корабль был длинным, высоким, с глубокой осадкой, нос и корма его были украшены изысканной резьбой. Над палубой возвышалась мощная центральная мачта с квадратным парусом, а по бортам виднелись гребные люки. Руль – штирборт – располагался не в центре, а на правом борту корабля, так что капитан должен был знать береговой рельеф назубок: все, что находилось по левому борту, оставалось вне

поля зрения.

С юга дул попутный ветер, обещая, что путешествие не займет много времени. Экипаж и пассажиры корабля Вильгельма помахали вслед королевскому кораблю еще вечером. Ожидалось, что вскоре они двинутся за ним, но попойка на борту оказалась такой увлекательной, что судно дотемна не снималось с якоря. Когда же прибыли служители божьи, чтобы перед отходом окропить корабль святой водой, их с насмешками отправили восвояси.

Пирушка продолжалась; полилась похвальба. Груза в трюмах Белого Корабля было немного, а гребцов – целых 50 человек. Подвыпивший капитан хвастался, что, если поднять прямой парус и приказать гребцам налечь на весла, его корабль, даже дав фору кораблю короля Генриха, прибудет в Англию первым.

Кое-кто начал беспокоиться, что гонки на корабле с нализавшейся командой не самый безопасный способ попасть в Англию, и под предлогом расстройства желудка кузен Аделина Стефан Блуаский сошел на берег, рассчитывая приискать другое судно, которое доставит его домой. К нему присоединились и другие гости, встревоженные неуправляемым поведением королевской свиты и команды корабля. Однако, не обращая внимания на дезертиров, пьяные моряки готовили корабль к отплытию. Около полуночи, ясной ночью, освещенной молодой луной, Белый Корабль поднял якорь и взял курс на Англию. «Он летел быстрее выпущенной стрелы, разглаживая рябь над бездной», писал Вильям Мальмсберийский. Но далеко он не улетел. Белый Корабль даже не покинул гавани Барфлёра.

То ли из-за пьянки на борту, то ли из-за элементарной навигационной ошибки, то ли по воле Господа Всемогущего, разгневанного отказом принять его святую воду, Белый Корабль, едва отчалив, налетел на крутой скалистый мыс, который сейчас называется Кийбёф – и в наши дни он еще виднеется у выхода из гавани. Фатальное столкновение проделало дыру в носу деревянного корабля. Обломки посыпались в море, а ледяная вода начала поступать внутрь.

Первейшим долгом каждого на борту было спасение Вильгельма. Пока команда пыталась вычерпывать воду, спустили спасательную шлюпку. Аделин забрался в нее: с ним было несколько человек из его свиты и гребцы, которые должны были в целости и сохранности доставить его в Барфлёр.

Это, конечно, было ужасающее зрелище: рев пьяной команды, пытающейся удержать на плаву поврежденное судно, сливался с воплями пассажиров, сброшенных в воду мощным ударом. Дорогие одежды благородных леди и джентльменов, намокнув,

стали такими тяжелыми, что не давали возможности плыть или даже держаться на воде. Крики тонущих эхом носились над волнами.

Когда спасательная шлюпка повернула к гавани, Вильгельм различил среди панических голосов вопль старшей сводной сестры Матильды. Она кричала что было сил – ей было не выплыть в таком холоде и темноте. Аделин не мог вынести этой мысли. Он приказал своим гребцам вернуться и спасти сестру.

Это было роковое решение – ведь тонула не одна только графиня. Как только лодка приблизилась, ее заметили другие пассажиры, захлебывавшиеся в ледяной воде. Все они, отталкивая друг друга, попытались забраться в лодку; та перевернулась и затонула. Матильда не спаслась, не спасся и Вильгельм Аделин, герцог Нормандии и назначенный король Англии. Он исчез в пучинах вод. Как записал летописец Генрих Хантингдонский, «вместо того, чтобы увенчаться золотой короной, голова его разбилась о морские скалы».

Лишь один человек выжил в крушении Белого Корабля: мясник из Руана, который поднялся на борт в Барфлёре, чтобы получить причитающиеся ему деньги, и которого гуляки утащили с собой в море. Когда корабль пошел ко дну, он завернулся в баранью шкуру и всю ночь болтался в воде, цепляясь за обломки. Промокший насквозь, утром он выбрался на берег и поведал свою историю. Чуть позже прибой вернул еще несколько тел.

Новость нескоро достигла Англии. Корабль короля Генриха со всеми предосторожностями пересек пролив под управлением трезвого капитана, в целости и сохранности достиг королевства, и двор погрузился в подготовку к празднованию Рождества. Когда ужасные вести о катастрофе в Барфлёре достигли двора, люди онемели от ужаса. Поначалу Генриха держали в неведении. Вельмож и чиновников ужасала мысль, что королю нужно как-то сообщить, что трое его детей, в том числе обожаемый наследник, пошли, как сказал Вильям Мальмсберийский, «морским чудовищам на корм».

Наконец с известием послали маленького мальчика. Тот пал ниц у ног короля и плача сообщил ему трагическую весть. По словам Ордерика Виталия, Генрих I, «сраженный горем, упал на пол». Говорят, что с тех пор он больше никогда не улыбался.

Крушение Белого Корабля за одну ночь стерло с лица земли целое поколение молодых англо-нормандских аристократов. Гибель Аделина – и счастливое спасение его кузена Стефана Блуаского – на три десятка лет погрузит в хаос всю западноевропейскую политику.

Крушение Белого Корабля было не только личной трагедией

Генриха I. Оно стало политической катастрофой для нормандской династии. По словам Генриха Хантингдонского, «уверенность Вильгельма в скором восшествии на трон была значительней, чем реальная власть его отца над королевством». Через брак Вильгельма Аделина Нормандия заключала мир с Анжу. Оммаж Людовику VI обеспечивал англо-нормандскому королевству мир с Францией. Все труды Генриха по защите своих земель, все его планы опирались на наличие живого наследника.

Без него все было напрасно.

В поисках наследника

Генрих I был «человеком, которого не мог превзойти никто, кроме самого только Господа Бога». Так писал автор хроники «Брут». И действительно, царствование Генриха было удачным почти во всех сферах. Исключительно долгое, мирное и успешное правление четвертого сына Вильгельма Завоевателя продлилось 35 лет, а королевская власть в Англии при нем достигла новых высот. Отец Генриха, Вильгельм Завоеватель, умер в 1087 году, после чего Англия откололась от Нормандии. Генрих железной рукой вновь объединил их. Заполучив английскую корону в 1100 году, в 1106 году он разбил своего старшего брата Роберта Куртгёза в битве при Теншбре, чтобы прибрать к рукам еще и Нормандию, а Роберта продержал в заточении почти 30 лет, до самой его смерти, в замке Кардифф в 1134 году. Генрих поощрял браки между истинной англо-нормандской аристократией, чья культура и земельные владения лежали по обе стороны Ла-Манша. Сам же, чтобы залечить раны побежденных, взял в жены королеву Матильду: этот брак объединил нормандскую и саксонскую династии.

Генрих был выдающимся законодателем и строителем государства. Он сформировал в англо-нормандском королевстве сложнейшую систему управления, которая значительно превосходила все, что удалось создать его отцу, Вильгельму Завоевателю, и брату Вильгельму Рыжему. Он даровал английским баронам Хартию вольностей, опирающуюся на законы Эдуарда Исповедника, которая гарантировала сеньориальные права и полагала предел королевской власти. Он отправил королевских судей в английские графства, в крупные судебные «турне» расследовать преступления, случаи злоупотреблений и коррупции и укреплять роль короны в местных органах власти. Он реформировал королевскую казну, обязав ее дважды в год сводить баланс, и объединил финансовые системы Англии и Нормандии под управлением одного казначея. Он немало сделал для того, чтобы упрочить положение Нормандии на континенте. В целом государственный аппарат Генриха стал одной из сложнейших бюрократических машин в Европе со времен Римской империи. «В его время, – гласит Англосаксонская хроника, – ни один человек не смел причинить зла другому; он установил мир на благо всех живущих».

Но при всех великих достижениях короля Генриха, в одной, принципиально важной задаче он не преуспел. Он не смог обеспечить стране надежное будущее.

После гибели Вильгельма Аделина при крушении Белого Корабля Генрих I изо всех сил пытался обзавестись еще одним законным сыном, чтобы передать ему земли и титулы. Королева Матильда умерла в 1118 году, и в 1121 году Генрих женился на юной Аделизе Лувенской. Удивительно, но мужчина, ставший отцом 22 бастардов, так и не смог зачать ребенка с молодой женой.

И это оставляло Генриху последнее отчаянное средство. Понимая, что не сможет передать корону одному из своих незаконнорожденных сыновей (например, весьма способному старшему, Роберту, графу Глостерскому), Генрих решил назначить наследницей единственного оставшегося законного ребенка – императрицу Матильду.

Когда ее младший брат погиб в кораблекрушении, Матильде было 18 лет и десять из них она прожила в Германии, отосланная туда, чтобы стать женой Генриха V, короля Германии и Италии и императора Священной Римской империи. Она выросла в величайшей роскоши городов и дворцов центральной Европы и ощутила вкус политической власти. Власть императора простиралась от Германии до Тосканы. Супруг ее постоянно перемещался по своим огромным владениям, и Матильда в его отсутствие исполняла функции регента. Она дважды надевала императорскую корону на пышных церемониях в Риме и, будучи одной из влиятельнейших женщин Европы, вращалась в кругах самых знатных и важных фигур своего времени.

В 1125 году Матильда овдовела. Она не родила императору детей, так что политического будущего у нее в Германии не было. Генрих I вызвал ее в Англию, уготовив ей новую роль. Она приехала в ореоле императорского титула и со своей любимой реликвией – рукой святого Иакова, сувениром из императорской часовни. Вернувшись, она попала прямиком в центр политического водоворота. На рождественском приеме 1126 года Матильда сидела подле отца, а английские и нормандские бароны приносили ей клятву верности как наследнице королевства и герцогства.

Это была крайняя мера, что Генрих, как и его бароны, прекрасно понимал. Прецеденты женского правления в XII веке были наперечет. Король просил слишком многого, требуя от своих подданных согласиться на правление его дочери. К сожалению, другого выхода у Генриха не было.

Было ясно, что Матильде нужен муж, способный подкрепить ее права на наследование. Как и для Вильгельма Аделина, Генрих снова стал искать союза с графами Анжуйскими. Он связался с Фульком V и договорился о браке между Матильдой и старшим

сыном Фулька, Жоффруа. 17 июня 1128 года пара обвенчалась в городе Ле-Ман на границе Нормандии и Анжу. Императрице Матильде было 26 лет, ее жениху – 15. Жан из Мармутье записал, что свадьбу праздновали «три недели без перерыва и никто из гостей не ушел без подарка».

В то время Жоффруа Анжуйский был высоким нахальным подростком с рыжими волосами, практически неисчерпаемой природной энергией и склонностью к позерству. За свою светлую кожу и приятную внешность он получил прозвище «красивый». Предание гласит, что он любил носить в волосах ярко-желтый цветок дрока (*на латыни planta genista*), которому он обязан еще одним именем: Жоффруа Плантагенет. Жан из Мармутье позже напишет, что Жоффруа «был очарователен и умел расположить к себе… был искушен в спорах и достиг небывалого мастерства в военном деле». За неделю до женитьбы на Матильде Генрих I посвятил его в рыцари. Церемония прошла в Руане. Жоффруа был одет в лен и пурпур, на нем была кольчуга с двойными кольцами и золотые шпоры, в руках он держал щит с изображением золотых львов и меч, якобы выкованный кузнецом Велундом из скандинавской мифологии. По завершении брачных церемоний Жоффруа стал полноправным графом Анжуйским, а Фульк V отрекся от титула и отбыл на Восток, чтобы стать королем Иерусалима.

Однако Матильда была не в восторге. Жоффруа не только был на 11 лет младше, он к тому же был проклятым анжуйцем. Нормандцы считали анжуйцев варварами, убивающими священников, оскверняющими храмы и не умеющими вести себя за столом. Легенды называли их потомками дочери Сатаны Мелюзины, которая в древности вышла замуж за графа Анжуйского. Дьяволица выдала себя, когда ее заставили присутствовать на мессе, вылетела в окно церкви и исчезла навсегда, но ее адская кровь все еще кипела в жилах потомков.

Кроме этой старой легенды, были и другие истории, относящиеся к не столь отдаленному прошлому и подтверждающие, что анжуйская кровь опасна. Прадед Жоффруа Фульк III Черный славился своей жестокостью. Говорили, что свою первую жену он сжег на костре прямо в свадебном платье, узнав об ее интрижке с козопасом, а его репутация как мародера и насильника-извращенца была известна всем от берегов Атлантики до Святой земли.

И тем не менее Жоффруа Плантагенет казался Генриху I подходящим мужем для его дочери-императрицы. Супруги друг другу не нравились, но вряд ли это имело какое-то значение. Первые годы брака они постоянно скандалили и жили раздельно,

но затем примирились, не без помощи Генриха I, и исполнили свой долг перед государством. 5 марта 1133 года в Ле-Мане Матильда родила первенца. Пара назвала его Генрихом в честь англо-нормандского короля, чью корону он должен был унаследовать. Младенца крестили в субботу перед Пасхой в кафедральном соборе Ле-Мана и поместили под защиту святого Юлиана. Но, чтобы обеспечить будущее этого ребенка, одного только небесного покровительства было недостаточно. Через два года все надежды Генриха на царствование его внука будут поставлены под сомнение.

Крушение

В последнюю неделю ноября 1135 года Генрих I и его свита прибыли в Лион-ла-Форе на севере Нормандии. Замок и лес, его окружавший, были излюбленным местом охоты нормандских герцогов лет 200, и Генрих приехал поразвлечься по примеру предков. Даже в возрасте 68 лет король был силен и могуч.

Генрих прибыл в понедельник и намеревался отправиться на охоту на следующий день. Но ночью он почувствовал себя плохо и состояние его быстро ухудшилось. К концу недели стало ясно, что болезнь его крайне серьезна. Старый король приготовился к смерти. Согласно письму архиепископа Руана, Генрих «исповедал грехи… ударяя себя в грудь и оставив всякую враждебность». В воскресенье, 1 декабря, спустя три дня молитв, покаяния и раздачи милостыни, архиепископ соборовал Генриха, после чего король испустил дух.

Хотя многие летописцы отметили набожность, с которой король отошел в мир иной, один из них – Генрих Хантингдонский – описал мрачные детали, сопровождавшие смерть Генриха I. Тело короля «привезли в Руан, где погребли его мозг, глаза и внутренности». Затем его «полностью изрезали ножами, обильно посыпали солью и завернули в бычью шкуру, чтобы остановить всепроникающий смрад, который уже стал причиной смерти нескольких из тех, кто за телом присматривал. От него умер даже человек, которого за большую плату наняли вскрыть королю голову и вынуть мозг, издающий тошнотворный запах, – хоть он и укрывал лицо льняной тканью…»

Как все это не похоже на королевское великолепие! Такова была грустная физическая реальность смерти Генриха I, но ее политические последствия были куда хуже. Не успели кое-как забальзамированное тело Генриха доставить в Англию и похоронить в Редингском аббатстве, как страну охватил кризис власти и гражданская война, которая продлилась почти 20 лет. Этот период остался в истории под названием «анархия», но свидетели и летописцы тех мрачных дней предпочитали называть его временем крушения.

Генриху не удалось обзавестись взрослым преемником мужского пола, и англо-нормандское королевство стало предметом раздоров. С тех пор как Матильда вернулась из Германии, Генрих I трижды – в 1126, 1131 и 1133 годах – заставлял своих баронов клясться ей в верности. Но, как только старый король умер, его подданные принялись нарушать свои обещания.

В декабре 1135 года двоюродный брат Матильды Стефан Блуаский находился в Булони – графстве, принадлежавшем его жене. И как только он узнал о смерти дядюшки Генриха, немедленно отправился в Англию. Презрев свою клятву подчиниться власти Матильды, Стефан поехал прямиком в Лондон и провозгласил себя королем, а 22 декабря добрался до Винчестера, где прибрал к рукам королевскую казну. В тот же день его короновал архиепископ Кентерберийский. Стефан поспешил заручиться поддержкой англо-нормандских феодалов по обе стороны Ла-Манша. Без колебаний и без сомнений они приняли его сторону. Императрица Матильда, Жоффруа Плантагенет и их молодая семья внезапно оказались не у дел.

Скорость, с какой бароны и епископы Англии и Нормандии нарушили клятву верности Матильде, многое может сообщить нам о природе королевской власти в XII столетии. Да, женщины становились единовластными правительницами, но прецеденты были слабы и неубедительны. Ходили слухи, что Генрих на смертном одре сам освободил баронов от клятв верности, данных его дочери. Слухи упали на благодатную почву. Перспектива подчиняться женщине не радовала.

Более того, кровное родство тогда еще не было определяющим фактором при передаче власти от одного короля другому. Должность короля в значительной мере была выборной. Будь иначе, и сам Генрих I не смог бы взойти на трон. Генрих выхватил Англию и Нормандию из-под носа своего старшего брата Роберта Куртгёза в 1100 и 1106 годах соответственно. Сейчас же история повторялась. Согласно праву первородства, Стефан не мог претендовать на корону. Прежде всего, у него был старший брат, Тибо Блуаский, у которого кровных прав на трон явно было больше. Но Стефан был достойным кандидатом. Он воспитывался при дворе Генриха I вместе с сыновьями короля и занимал высокое положение среди англо-нормандских баронов. Он чудом избежал гибели вместе с Вильгельмом Аделином, покинув Белый Корабль прежде, чем тот вышел из гавани. Сам Генрих его любил и привечал. Стефан был богатым, могущественным, очаровательным и галантным мужчиной, которому недавно исполнилось 40. Булонь, графство его жены Матильды, имела большое значение для английской торговли шерстью. Его брат Генрих Блуаский, архиепископ Винчестерский, обладал большим весом в английской церкви и пользовался поддержкой собратьев-епископов. И что важнее всего, Стефан, воспользовавшись вакуумом власти, моментально ухватился за возможность занять трон. Он оказался в нужном месте в нужное время и громко заявил о своих претензиях на власть и о

готовности защищать Англию и Нормандию. «Под рукой не было никого другого, кто мог бы занять место короля и спасти королевство от угрожающих ему великих опасностей», писал неизвестный автор «Деяний Стефана» (*Gesta Stephani*).

Положение Матильды и Жоффруа отнюдь не было таким выгодным. В декабре 1135 года императрица была беременна третьим ребенком, находилась гораздо дальше от Англии и не могла действовать так же быстро, как ее кузен Стефан. Более того, она и Жоффруа в последние годы жизни Генриха серьезно конфликтовали с ним, пытаясь заполучить замки у нормандской границы, которые старый король обещал отдать дочери в качестве приданого. Анжуец Жоффруа и сам по себе вызывал большие сомнения в Нормандии и Англии. Репутация Матильды явно была не лучше. Согласно Генриху Хантингдонскому, императрица «была невыносимо высокомерна… чем охладила практически все сердца». Хотя два ее сына – двухлетний Генрих и годовалый Жоффруа – имели больше кровных прав на престол, чем Стефан, в XII столетии у младенца вряд ли был шанс стать королем только на основании права по рождению.

Вот так в 1135 году Матильду и Жоффруа отодвинули в сторону. Все, что они могли делать, так это продолжать борьбу за оспариваемые замки из приданого и выжидать удобного момента, пока Стефан укреплялся на престоле Англии и Нормандии.

Стефан, правда, обнаружил, что приобрести королевство было легче, чем управлять им. Ему не хватало расчетливой беспощадности и политической мудрости Генриха I. Он полагался на советы и поддержку нескольких своих друзей-баронов, а других, гораздо выше статусом, игнорировал. Он не смог навязать себя в качестве сюзерена баронам, сопротивлявшимся его власти, и умудрился настроить против себя тех, кто мог бы стать его первейшим сторонником.

В первые же три года правления власть Стефана по обе стороны пролива заметно поколебалась. Жоффруа Плантагенет от имени своего сына заявил права на герцогство Нормандское. В 1136 году он начал завоевательную войну на южных границах герцогства, которые Стефан не в состоянии был защитить. Все внимание короля было сосредоточено на Англии, где он быстро лишился поддержки сначала сводного брата Матильды, Роберта Глостера, самого могущественного барона в стране; затем своего собственного брата Генриха, епископа Винчестерского, которого он обидел, не отдав ему должности епископа Кентерберийского; и Роджера, епископа Солсбери, весьма опытного королевского чиновника, сына и сторонников которого Стефан арестовал, нарушив данную при коронации клятву не притеснять Церковь и

ее епископов.

Политика Стефана сеяла распри с первых дней его правления. Он щедрой рукой раздавал богатства, которые так старательно копил Генрих, но делал это очень несправедливо. Он осыпал милостями своих друзей, например близнецов Галерана и Роберта де Бомона, и обходил авторитетных, влиятельных баронов вроде Ранульфа, графа Честера. Это дестабилизировало как общегосударственную, так и местную политику, а негативные последствия своих решений король усугубил непродуманными атаками на профессиональный чиновничий аппарат, созданный Генрихом I. Стефан увольнял одаренных администраторов и пытался править Англией с помощью представителей военной аристократии, которым он отдавал ключевые посты только лишь на основании их высокого социального положения, а не какого-либо административного опыта.

Для англо-нормандского государства это было плохо, но хорошо для Матильды и ее семьи, которые с пробуждающейся надеждой наблюдали издалека, как Стефан роет себе могилу. К 1138 году, когда влиятельный сводный брат Матильды Роберт, граф Глостерский, официально покинул круг сторонников Стефана, им, казалось, представился шанс взять реванш. В 1139 году, пока Жоффруа Плантагенет продолжал свои набеги на Нормандию, Матильда на правах наследницы своего отца обратилась к папе римскому и ко Второму Латеранскому собору с просьбой признать коронацию Стефана незаконной, вступив в союз с Глостером, вторглась в Англию и учредила свой двор и альтернативное правительство в Бристоле. Гражданская война началась.

К появлению на сцене Матильды Англия уже была в состоянии полной анархии. Очень скоро ее присутствие ухудшило дело. Она переманила на свою сторону небольшую, но весомую коалицию недовольных баронов, в том числе Глостера, лорда Марки Брайена Фиц-Каунта и Майлса Глостера, который занимал важный административный пост на западе Англии в годы правления ее отца. Но ее действия лишь раскололи страну пополам. Майлс Глостер атаковал крепости роялистов по всей Англии. Стефан выбивался из сил, отражая нападения, что позволило Матильде укрепиться, обрести уверенность и увеличить число своих сторонников. Однако императрица и близко не была так сильна, чтобы окончательно разбить короля и взять Англию под полный контроль. Результатом стала затяжная война между двумя кузенами: каждый утверждал, что является правомочным правителем Англии, но ни один не мог распространить свою власть на все королевство.

В 1141 году императрица одержала первую значительную победу. В конце 1140 года король Стефан нанес оскорбление Ранульфу, графу Честеру, пожаловав его врагам замки и земли, на которые тот положил глаз. Этого было достаточно, чтобы подтолкнуть Честера к вооруженному сопротивлению. Ранульф выбил королевский гарнизон из замка Линкольн, и в феврале 1141 года Стефан осадил замок, пытаясь вернуть его себе. Воспользовавшись случаем, Роберт, граф Глостерский, направил войска к Линкольну и атаковал королевскую армию. В решающей битве войска Стефана были обращены в бегство, а король взят в плен.

Это должно было стать моментом триумфа Матильды. Теперь, когда ее кузен был пленен, она могла заполучить английскую корону для себя и своего сына. Приняв новый титул *Госпожи англичан,* она попыталась организовать коронацию в Лондоне. Брат Стефана, епископ Винчестерский Генрих, был теперь папским легатом и своим авторитетом подкрепил притязания императрицы. Многие важные английские бароны, преследуя собственные интересы, оставили короля, не желая спасать режим, который уже давно вызывал у них сомнения.

Но императрица не смогла реализовать свое преимущество. Ей пришлось противостоять яростному сопротивлению, организованному супругой Стефана, которую тоже звали Матильдой. Она умудрилась быстро рассориться с епископом Винчестерским и обидеть большинство магнатов, с которыми обращалась с присущим ей высокомерием и гордыней. Когда ближе к лету императрица хотела лишить жителей Лондона финансовых льгот, они взялись за оружие и 24 июня 1141 года изгнали Матильду из города. Все ее планы пошли прахом, и императрица попыталась осадить Генриха, епископа Винчестера, в его епископской резиденции. В жестокой битве Роберт Глостерский был взят в плен. Чтобы освободить сводного брата, Матильде ничего не оставалось, как согласиться на обмен пленниками. Король Стефан обрел свободу, успех императрицы оказался мимолетным, и через восемь месяцев все вернулось на круги своя.

К концу 1142 года казалось, что битва Матильды за корону практически проиграна. Силы Стефана гнали ее до самого Оксфорда и в конце ноября взяли в осаду в замке. Положение было безнадежным. Далеко за Ла-Маншем ее муж, Жоффруа Плантагенет, продолжал свое в высшей мере успешное завоевание Нормандии. Роберту Глостерскому не удалось уговорить его отвлечься от этого занятия и спасти попавшую в беду жену. Все, чем смог помочь Жоффруа – отправить в Англию 300 рыцарей и

девятилетнего сына Генриха в качестве нового представителя интересов Анжуйского дома в Англии.

С приближением Рождества Матильда все глубже погружалась в отчаяние. Не дожидаясь, когда подойдут посланные мужем рыцари и снимут осаду Оксфорда, она решила спасаться собственными силами. Однажды ночью, в пургу, Матильда завернулась в белый плащ, тайно покинула замок, прокралась мимо стражи и двинулась по заснеженным полям. Ее белоснежный камуфляж – призрачная фигура на фоне темного горизонта – позволил ей пройти восемь миль или около того до Абингдона не попавшись. Она шла по замерзшей земле, готовая в любой момент услышать хруст снега под копытами, возвещающий приближение поисковой группы, посланной в погоню. Но ничего подобного не произошло. В Абингдоне она встретилась с друзьями, которые переправили ее в безопасное место на западе страны. Матильда была спасена, битва за английскую корону продолжалась.

Этот легендарный момент войны стал спасением для Матильды и катастрофой для английского королевства. Роберт Глостерский, получив подкрепление, подбодренный чудесным побегом своей сводной сестры, возглавил контрнаступление на армию Стефана. Но положение снова было патовым. Корону удерживал Стефан, однако он, как и раньше, был слабым королем и не мог рассчитывать на безоговорочную преданность англо-нормандских баронов. Матильда же была на свободе и гораздо более сильна, чем когда-либо прежде, но после разгрома 1141 года она упала в глазах столь многих, что уже не могла победить собственными силами. Решительные действия велись лишь в Нормандии, где Жоффруа Плантагенет быстро оккупировал герцогство, которое Стефан за все время своего правления посетил лишь однажды, в 1137 году. К 1144 году Жоффруа завладел Руаном и был признан герцогом Нормандским, поставив тех баронов, чья собственность располагалась по обе стороны Ла-Манша, в немыслимое положение, когда им приходилось признавать власть двух враждующих сеньоров над одним и тем же феодом.

И Англия, и в меньшей степени Нормандия по-прежнему страдали от последствий конфликта. Страна, писал Вильям Ньюбургский, была «изувечена». С 1142 года Англия была поделена между двумя дворами: один, королевский, номинально располагался в Вестминстере и Винчестере, а другой, двор императрицы Матильды, – в Девайзесе, на юго-западе страны. Верховенство закона развеялось как дым, а вместе с ним и общественный порядок. Жестокий гражданский конфликт

разрывал страну между сторонниками Стефана, сторонниками Матильды и баронами, воевавшими за себя и ни за кого другого. В отсутствие полноценного правителя северными землями – Уэстморлендом, Камберлендом и Нортумберлендом – правил шотландский король Давид. Англию, которая при Генрихе была богатой страной с эффективным управлением и прочно защищенными границами, рвали в клочья конкурирующие органы власти. Страна стонала под тяжестью народного горя. «Словно бы, – писал автор Англосаксонской хроники, – Христос и все его святые погрузились в сон».

В этой ситуации победителей быть не могло. Стефан и Матильда оба считали себя законными преемниками Генриха I и, соответственно, учреждали официальные правительства: собственные монетные дворы, суды, системы протекции и дипломатический аппарат. Но двух правительств быть не может: в этом случае ни одно из них не будет прочным и не сможет гарантировать исполнение приказов, так что ни один подданный не будет уверен в верховенстве закона. Как в любом государстве без единого централизованного источника безусловной власти, каждый пытался защищаться самостоятельно, и феодалы вели между собой кровопролитные локальные войны. Фламандские наемники заняли замки и заново укрепленные поместья по всей стране. Чтобы вооружить сельчан, использовался принудительный труд. Уровень насилия вырос, потому что землевладельцам ничего не оставалось, как защищать свое имущество своими силами. Небо затягивал дым от охваченных огнем посевов, а простой люд невыносимо страдал от мародерства иностранных солдат.

Хроники того времени полны записей о горестях, без которых не обходится война. Автор «Деяний Стефана» приводит один пример:

> [Король] приказал опустошить прелестную и спокойную местность близ Солсбери, изобильную многими вещами; солдаты забирали и портили все, что попадалось им под руку, поджигали дома и церкви и, что страшней и хуже всего, жгли хлеб – уже убранный и сложенный в скирды на полях, изничтожая и превращая в прах все съестное, что только могли найти. От их звериной жестокости сильнее всего пострадал округ Мальборо, они ужасно обошлись с деревнями близ Девайзеса и собирались поступить так же со своими врагами по всей Англии.

И вдруг в 1148 году Матильда покинула Англию. Может

показаться странным, что она отказалась от борьбы, которой отдала значительную часть своей жизни, но за десять лет, которые она посвятила защите интересов Плантагенетов, долг ее был исполнен. Ее дети – Генрих и два его младших брата Жоффруа и Гильом – подрастали на другом берегу Ла-Манша. Матильда намеревалась прожить оставшиеся годы в тихом и комфортабельном уединении монастыря при аббатстве Бек в Кевийи, в приорате Нотр-Дам-дю-Пре. Там, на противоположном берегу Сены, стоял Руан, столица Нормандии, которую Ордерик Виталий описывал так: «…прекрасный город в окружении журчащих рек и приветливых лугов… защищенный прочными зубчатыми стенами и крепостными валами…» Этот город был многим обязан Матильде: ее упорные старания сковать силы короля Стефана на английском фронте позволили Жоффруа Плантагенету захватить Руан. Теперь же она планировала наслаждаться видами столицы с другого берега.

Но и об Англии она не забывала. Ее старший сын приближался к своему 16-му дню рождения. Пришло его время продолжить борьбу, пришло время Генриху Сыну Императрицы попробовать свои силы.

Честолюбивые замыслы

Генрих, 16 лет от роду и снедаемый амбициями, высадился на берегу Девона 13 апреля 1149 года. Это был его третий визит в расколотое королевство, которое, как не уставала повторять мать, принадлежало ему по праву рождения. Он увидел страну в самые мрачные ее дни. Вся Англия была зоной военных действий: король и императрица преследовали друг друга из города в город и из замка в замок, сжигая имения и терроризируя народ в попытках втоптать друг друга в окровавленную землю. Но мать, долгие годы воевавшая со Стефаном, отошла от дел. На пороге зрелости Генрих явился оповестить, что теперь он будет представлять интересы анжуйской династии в Англии.

Эта страна не была его домом. Он понимал язык, но не говорил на нем. Однако и чужаком в Англии он не был. В 1142 году, в возрасте девяти лет, Генриха ненадолго привезли на английский фронт в качестве номинального лидера военной кампании, которую вела его мать. Он прибыл в тяжелое время, незадолго до легендарного побега Матильды по заснеженным полям Оксфорда. Пока Англия находилась в глубоком кризисе, Генрих оставался на попечении своего дяди Роберта Глостерского. В Бристоле он пробыл 15 месяцев, обучаясь у известного астронома, математика и философа-схоласта Аделарда Батского, который, кстати, посвятил молодому человеку свой трактат об астролябии. В 1144 году, по соображениям как безопасности, так и политического прагматизма, Генрих вернулся к отцу, чтобы помочь тому укрепиться в положении герцога Нормандии.

Генрих обладал приметной внешностью. В его жилах бурлила кровь трех династий: нормандской, саксонской и Плантагенетов. Он в секунду мог перейти от добродушного веселья к пылкому гневу. От своего отца он унаследовал красноватый оттенок кожи и неукротимую энергию; от деда по матери – склонность к деспотизму и тонкое политическое чутье. Геральд Камбрийский, писатель, хорошо знакомый с семьей Плантагенетов, оставил наглядный портрет Генриха в его зрелые годы:

> Генрих II был краснолиц и веснушчат, с крупной круглой головой и серыми глазами, яростно сверкавшими и наливавшимися кровью в гневе. Он был вспыльчив и разговаривал резким, надтреснутым голосом. Шея его слегка выдавалась вперед, грудь была квадратной и широкой, а руки мощными и сильными.

> Сложения он был коренастого, с заметной склонностью к полноте – по природе, а не от невоздержанности, – с которой старался справиться упражнениями. В еде и питье он был умерен и скромен…

Генрих с детства отличался явной храбростью, даже безрассудством. Свой второй визит в Англию, в 1147 году, он совершил уже не с учебной, а с военной целью. Ему было только 13, когда он ухитрился собрать небольшой отряд наемников и переправился с ними через Ла-Манш, спеша прийти на помощь матери. Явление неуправляемого подростка на короткое время повергло Англию в ужас: ходили слухи, что парень привел с собой тысячное войско и привез кучу денег. Истина была скорее похожа на фарс: малолетний Генрих вряд ли мог заплатить даже своим солдатам, которые бросили его уже через несколько недель. («Ослабленные леностью и бездельем, побежденные бедностью и нуждой, они оставили благородного юношу», – писал Вильям Ньюбургский.) Стефан не принял глупых слухов всерьез: его это вторжение скорее позабавило, чем напугало. Чтобы выйти из неловкой ситуации, король заплатил наемникам Генриха вместо него и отослал мальчика домой в Нормандию.

И тем не менее такая решительность в столь юном возрасте сулила Генриху большое будущее. Нахальное вторжение 13-летнего юнца в Англию, причем в одиночку, – пусть и неудачное, это не столь важно, – демонстрировало, что Генрих с пользой провел время подле отца, руководившего военной кампанией в Нормандии. Жоффруа Плантагенет вовлекал сына в государственные дела как минимум с 1144 года, когда тот присутствовал при подписании им хартии в Анжере, столице Анжу. Затяжная военная кампания, которую Жоффруа вел в сложных условиях политической раздробленности французских земель, разворачивалась у Генриха на глазах. Он знал, что его воспитывают как будущего герцога Нормандии, и, скорее всего, рассчитывал стать еще и графом Анжуйским.

Наверное, именно в дни, проведенные рядом с Жоффруа, Генрих стал таким искусным наездником. Сопровождая отца по Анжу и Нормандии, он проводил верхом долгие часы, научившись галопировать на скорости, которую позже назовут легендарной. (Со временем ноги Генриха искривятся по форме седла, которое они вечно сжимали.)

Жоффруа наверняка должен был настойчиво обучать сына вести дела и войны в ненадежной, коварной стране. Политическая обстановка во Франции XII века была нестабильной и часто зависела от грубой силы, но Жоффруа был виртуозным

игроком. Страна была раздроблена на бесхозные и переходящие из рук в руки районы, которые мало подчинялись какой-либо центральной власти. Огромными территориями правили представители знатных родов, которые по большому счету были не более чем полевыми командирами.

Наблюдая, как методично его отец прокладывает путь к завоеванию Нормандии, Генрих понял, что политическое выживание – игра, победу в которой приносит умение предвосхитить смену власти, лавировать между сиюминутными друзьями и врагами, в нужное время вступать в альянсы с правильными союзниками, способными подкрепить твои территориальные претензии. В таком запутанном мире выживает самый изворотливый.

В этих феодальных играх у Генриха теоретически имелось одно огромное преимущество. Он был сыном императрицы и мог претендовать на английский престол. Во Франции не было недостатка в могущественных герцогах и графах, но королей было всего два: король Англии и король Франции. Стать значительной силой на континенте, противостоять новому королю Франции Людовику VII, унаследовавшему трон в 1137 году! Генрих знал: он не просто владетельный граф или герцог, каких немало, но в первую очередь «Генрих, сын дочери короля Генриха I и законный наследник Англии и Нормандии».

Когда юный Генрих в 1147 году приехал в Англию, его главной задачей было показать себя достойным продолжателем дела императрицы. Королевская кровь – это важно; но теперь ему требовалось признание пэров. Здесь-то ему и пригодились долгие дни в седле: юноша отправился на север, где его ждал дядя матери, король Давид Шотландский, чтобы посвятить в рыцари.

Генриха препоясали мечом в Карлайле на Троицу 1149 года. Приобретя рыцарское звание, он решил продемонстрировать всей Англии, что и воинской отваги ему не занимать. На обратном пути на юг он попытался атаковать Йорк. Предприятие окончилось неудачей, и Генрих, подгоняемый войсками короля, бежал к Ла-Маншу. Шестнадцатилетнему рыцарю удалось пробраться на юго-запад, отбить атаку сына Стефана Евстахия на город Девайзес и удрать в Нормандию. Это, конечно, трудно назвать удачной вылазкой, но это был самый большой успех, которого его семье удавалось достичь на английском фронте с 1141 года.

К 1149 и 1150 годам стало ясно, что Генрих – баловень судьбы. Он набрал политический вес. В 1150 году отец официально объявил его герцогом Нормандским – Генрих начал пользоваться этим титулом за несколько месяцев до того. В

августе 1151 года герцог Нормандский Генрих принес оммаж королю Людовику VII Французскому от имени Нормандии: торжественное и публичное подтверждение его герцогских прав и достоинства.

В сентябре Жоффруа Плантагенет умер. Ему было всего 39 лет. Согласно Жану из Мармутье, Жоффруа возвращался с королевского совета, и «в Шато-дю-Луар его привезли уже в лихорадке. [Он] упал на ложе. Затем, пророчески заглядывая в будущее своих людей и земель, он запретил своему наследнику Генриху насаждать традиции Нормандии или Англии в собственном графстве, равно как и наоборот». И еще: «Смерть такого великого правителя была предсказана кометой, и его тело вернулось с земли на небо».

Таков был внезапный конец насыщенной событиями жизни Жоффруа Плантагенета. Теперь ответственность за судьбу дела Анжу полностью легла на плечи его старшего сына. Восемнадцатилетнему герцогу Нормандии Генриху пришлось пройти долгий путь, чтобы реализовать амбиции своих родителей. Ему предстояла нелегкая борьба. Но награда, которую сулила победа, превосходила всякое воображение.

Скандальный брак

18 мая 1152 года Генрих, герцог Нормандии, обвенчался с Алиенорой, герцогиней Аквитанской в кафедральном соборе Пуатье. Устроенный наспех и в обстановке строжайшей секретности брак был заключен со всей возможной поспешностью. Последствия этого брака будут сотрясать Европу и десятилетия спустя.

Генрих, как и его отец, взял в жены женщину старше себя. Алиеноре было 28. Генриху только исполнилось 19. Он был неутомимым молодым солдатом, мало озабоченным внешними атрибутами знатности. Его невеста, напротив, была невероятно эффектна и известна всему христианскому миру своей незаурядной красотой, бьющей через край сексапильностью и неуступчивостью в делах политики. И что самое важное, всего за два месяца до свадьбы с Генрихом она была королевой Франции: женой Людовика VII, матерью двух французских принцесс. Принадлежавшее ей герцогство Аквитанское, простиравшееся от границ Анжу до Пиренеев, составляло значительную часть территории, на которую распространялось влияние французской короны.

Брак с Алиенорой Аквитанской стал для Генриха одной из величайших в жизни удач. Амбициозный молодой игрок на поле европейской политики не мог найти себе более завидной невесты. Приданым Алиеноры было богатство, власть и обширные земельные владения. Сама она была опытным политиком и самостоятельным правителем. А то, что еще недавно она была супругой Людовика VII, дополнительно повышало ее ценность в глазах герцога Нормандии, мечтавшего утвердиться в статусе первейшего французского сеньора.

История жизни Алиеноры замечательна сама по себе. Старшая дочь Гильома X, герцога Аквитании и графа Пуату, покровителя искусств и завзятого вояки, который то грызся с папским престолом, то благочестиво смирялся перед Церковью, родилась в 1124 году. Поэтический талант, как и истовая набожность, всегда были присущи герцогам Аквитанским. Дед Алиеноры Гильом IX, «герцог-трубадур», был, вероятно, величайшим острословом и поэтом своего времени. Он писал баллады на языке юга Франции – окситанском – и рассказывал в них истории о любви, рыцарском героизме и галантности, которые стали неотъемлемой частью романтической культуры тех мест. Его имя – как и имена его потомков – неразрывно сплелось с представлением о рыцарской романтике, служившей

лейтмотивом его поэзии. Слава Аквитанского дома зиждилась на его славе.

Гильом IX умер в 1126 году, вскоре после рождения Алиеноры. Одиннадцать лет спустя, в 1137 году, совершая паломничество в Сантьяго-де-Компостела, внезапно скончался ее отец, Гильом X. Его смерть сделала 13-летнюю Алиенору единственной наследницей одного из громаднейших доменов в Европе и одновременно беззащитной сиротой, отчаянно нуждавшейся в покровительстве.

Аквитания тогда представляла собой огромный, беспорядочно раскинувшийся и очень слабо управляемый регион, составлявший больше четверти от всей территории средневековой Франции. Ей принадлежали Гасконь, города Бордо и Байонна, графства Сентонж, Ангулем, Перигор, Лимузен, Овернь и Ла Манш. Влияние герцогов Аквитанских распространялось на север до графства Пуату и на юг, где у них были связи с Наваррой и Барселоной. Аквитания, благодатная плодородная страна, торговала вином и солью через гасконские порты на атлантическом побережье. Важной частью доходов герцогства был туризм: на пути в Компостелу у благочестивых паломников была возможность насладиться аквитанским гостеприимством и пополнить запасы, прежде чем устремиться к выжженным солнцем перевалам Пиренеев. Для того, кто контролировал его, герцогство обещало стать неиссякаемым источником богатства, власти и культурного влияния.

Однако контролировать Аквитанию было нелегко. Аппарат власти был чрезвычайно слаб. Кучка беспокойных мятежных вельмож устраивала свары за права и полномочия, а их верность сюзерену была, как правило, не более чем номинальной. Всем было очевидно, что это не то место, где может править 13-летняя девочка. Король Франции Людовик VI действовал без промедления: через три месяца после смерти отца Алиенора вышла замуж за 17-летнего сына короля, принца Людовика, в кафедральном соборе Бордо. Брачный союз с прямым наследником французской короны передавал Аквитанию под непосредственный контроль Парижа.

Не успели отгреметь свадебные колокола, как новоиспеченный свекор Алиеноры Людовик VI скончался. Юная герцогиня стала королевой Франции.

Королева южного происхождения поначалу чувствовала себя не в своей тарелке, столкнувшись с высокомерным аскетизмом парижского двора. Культура региона Иль-де-Франс, расположенного в центре северофранцузской низменности, сильно отличалась от нравов славного герцогства Аквитанского.

Даже язык там был другим: северный лангедойль был мало похож на лангедок, на котором говорили Алиенора и большая свита, которую она привезла с собой. Алиенора, типичная темпераментная и беззаботная южанка, и привлекала, и пугала своего юного супруга. Людовик VII держался скромно, замкнуто и благочестиво, а Алиенора вовсю наслаждалась привилегиями своего королевского положения. И сама она, и ее свита одевались и вели себя вызывающе. Людовик же носил рясу и скудно, почти по-монашески питался. По словам Вильяма Ньюбургского, Алиенора позже жаловалась, что в лице Людовика вышла «замуж за монаха, а не за монарха». Алиенора окунулась в бурную жизнь высшего света, чем шокировала окружение своего мужа.

С самого начала этот брак был исключительно неудачным как в личном, так и в политическом плане. Алиенора могла, как писал известный французский аббат Бернард Клервоский, «жестко отстаивать свою позицию». Она подтолкнула Людовика к нескольким неразумным авантюрам, включая бессмысленную войну с графством Шампань, спровоцированную младшей сестрой Алиеноры Петрониллой, опрометчиво выскочившую замуж за графа Вермандуа. Очень быстро Алиенора заслужила во Франции репутацию скандалистки, сеющей политический хаос. В 1140-х годах дурная слава уже бежала впереди нее. Когда Алиенора в 1147 году сопровождала Людовика во Втором крестовом походе на Восток, чуть ли не каждое ее движение искажалось слухами. Ее обвиняли (напрасно) в разрушительных внезапных атаках врагов на силы крестоносцев; ее подозревали (безосновательно) в сговоре – или в интрижке – с дядей, принцем Раймундом Тулузским, правителем Антиохии. Позднее летописцы даже пустили слух, что у нее был роман с великим мусульманским правителем Саладином и что она пыталась сбежать с ним на лодке – недурная зарубка на кроватном столбике Саладина, учитывая, что во время Второго крестового похода ему было всего десять лет. По пути домой Людовик и Алиенора остановились в Тускуле, чтобы встретиться с папой римским Евгением III. Тот выступил в роли брачного консультанта и даже подарил супругам для примирения кровать, задрапированную принадлежавшим ему богатым пологом.

Но и это не сработало. Несмотря на то что Алиенора родила Людовику двух детей – графиню Шампани Марию в 1145 году, а в 1150 году Алису, графиню Блуа, – к началу 1150-х годов стало ясно, что их брак долго не протянет. Вероятно, семью можно было бы сохранить, роди Алиенора сына, но увы. После Рождественской курии, отмечавшей наступление 1152 года и проходившей в Лиможе, на земле Алиеноры, всем стало

очевидно: брак французского короля скоро отправится в разбухшую мусорную корзину истории Капетингов. 21 марта 1152 года собрание французских епископов постановило, что Людовик и Алиенора связаны кровным родством. Их брак был объявлен недействительным. Алиенора получила назад свое герцогство Аквитанское, а Людовик, как все Капетинги до него, начиная с Филиппа I, аннулировал брак. Продолжить королевский род наследником предстояло другой женщине. И вряд ли Алиенора испытывала что-то кроме облегчения.

Однако это приятное чувство омрачалось пониманием, что теперь, в возрасте 28 лет, она так же уязвима, как и в день смерти отца. Герцогиня Аквитанская, опять незамужняя и больше не под защитой французской короны, вернулась на брачный рынок: и недостатка в претендентах на ее руку не было. В марте 1152 года она отправилась в опасный путь по долине Луары, из Божанси в Пуатье, столицу своего герцогства. Она путешествовала с чрезвычайной поспешностью, зная, что местность вокруг таит опасность. Уже распространилась новость, что Алиенора больше не королева Франции. Говорят, что ее преследовали сразу два владетельных князя, надеясь похитить и силой сделать своей женой. По словам летописца из Тура, и граф Блуа Тибо V, и Жоффруа Плантагенет Молодой (16-летний младший брат Генриха, второй сын императрицы Матильды) собирались перехватить ее по пути. Если бы одному из них это удалось, она не была бы уже хозяйкой своей судьбы и самой жизни.

Но полтора десятилетия закалки в горниле французской политики научили Алиенору выживать. Она прекрасно понимала, что брак необходим и неизбежен, но намеревалась заключить его на своих условиях. И пока, ускользнув от преследователей, она изо всех сил гнала в Пуатье и думала о том единственном мужчине, что сможет обеспечить ее будущее, Генрих Плантагенет, герцог Нормандии, граф Анжу, Мена и Турени, будучи в Лизьё, на побережье Нормандии, готовил вторжение в Англию, где собирался востребовать корону от имени матери.

Генрих уже встречался с Алиенорой – в прошлом, 1151 году, когда сопровождал отца на мирные переговоры в Париже. Весьма вероятно, что несчастливая королева и амбициозный Плантагенет приметили друг друга еще тогда. Было ли заключено формальное соглашение, нам неизвестно. Но можно предположить, что Алиенора бросила взгляд своих соблазнительных темных глаз на молодого герцога Нормандского; наверняка и Генрих засматривался на привлекательную зрелую королеву и просчитывал шансы.

Но нет никаких сомнений в том, что к 1152 году к свадьбе все уже было готово. По приезде в Пуату Алиенора отправила Генриху послание, призывая его немедленно остановить вторжение в Англию и приехать жениться на ней. Генрих тут же отложил планы по завоеванию неспокойного королевства короля Стефана. «Герцог, очарованный благородством этой женщины и соблазненный желанием получить принадлежащие ей великие владения, не теряя времени зря и взяв с собой всего нескольких спутников, очень быстро покрыл большое расстояние и немедленно заключил союз, о котором уже давно мечтал», – писал Вильям Ньюбургский.

Итак, Генрих Плантагенет женился на Алиеноре Аквитанской. Скромная церемония прошла в кафедральном соборе Нотр-Дам-ля-Гранд в Пуатье 18 мая 1152 года – меньше чем через два месяца после аннулирования брака с Людовиком. Свадьба была тихой, но заметно нарушила баланс сил своей эпохи. Больше всех потерял Людовик VII. Конечно, он не ожидал от Алиеноры ничего другого, кроме нового замужества, но был вправе рассчитывать, что Генрих, как его вассал, и Алиенора, как бывшая жена, испросят разрешения на брак. То, что они этого не сделали, терзало его всю жизнь. Как писал Генрих Хантингдонский, женитьба Генриха на Алиеноре «стала причиной и источником великой ненависти и раздора между королем и герцогом».

Повторный брак Алиеноры, которая вышла замуж за Генриха – а не за его брата Жоффруа Молодого или за Тибо Блуаского, – в мгновение ока перекроил карту Франции. Владения Генриха – Нормандия, Анжу, Мен и Турень – слились с огромным герцогством Аквитанским. Один вассал теперь контролировал практически все западное побережье королевства и почти половину его внутренних территорий. Желая аннулировать брак с Алиенорой, Людовик поступал вполне понятно. Позволив же ей упасть в объятья Генриха Плантагенета, он совершил непростительный просчет.

Мучения Людовика усугублялись еще и тем, что через несколько месяцев после своего скоропалительного брака Алиенора забеременела, а Генрих вернулся к своим планам по завоеванию Англии. Какая насмешка над неспособностью Людовика зачать с Алиенорой еще одного ребенка! Кроме того, его дочери Мария и Алиса вскоре могли лишиться всяких прав на аквитанское приданое. В ближайшее время на свет появится наследник Плантагенетов, который будет когда-нибудь править не только Нормандией и Анжу, но и Аквитанией. А через два года в состав этого домена войдет и английское королевство.

Генрих завоеватель

Мальмсбери, несчастному городку в Уилтшире, досталось так же сильно, как и любому другому английскому городу в страшные годы крушения. Морозным январским днем 1153 года Генрих Плантагенет стоял у его стен в боевом настроении. Совершив тяжелую и опасную переправу через зимний Ла-Манш, его суда пристали к английскому берегу в седмицу Богоявления: восьмидневный праздник, которым христиане отмечают поклонение волхвов младенцу Иисусу. Но Генрих пришел не поклониться, опуститься на колени и принести ценные дары. Он прибыл в сопровождении 140 рыцарей и привел с собой вооруженную до зубов трехтысячную армию.

Мальмсбери пребывал в жалком состоянии. Его стены и окруженный рвом замок за время гражданской войны осаждали как минимум трижды, а жителей терзали и грабили несчетное число раз. Теперь у стен его стоял Генрих, готовый разрушить то немногое, что от городка осталось. Автор «Деяний Стефана» пишет:

> Когда жители взобрались на городские стены, приготовившись обороняться, [Генрих] приказал одним из своих солдат, людям величайшей жестокости, которых он привел с собою, стрелять в защитников города из луков и метательных орудий, а другим – приложить все усилия, чтобы разрушить стену.

Шум, наверное, стоял неимоверный: свист арбалетных болтов, вопли спасающихся бегством горожан, грохот огромных камней, которые осадные машины обрушивали на крепостные стены. Проливной дождь и ветер хлестали как атакующих, так и обороняющихся; мокрая грязь облепляла их с головы до ног. К стенам приставили лестницы, и лютые наемники Генриха с легкостью взобрались наверх. Горожане в ужасе бежали в церковь, пытаясь найти спасение в местной монашеской обители. Наемники, перебравшись через стену, бросились в погоню. Если верить летописцу, церковь была разгромлена, монахи и священники убиты, а алтарь осквернен.

Король Стефан ожидал вторжения герцога, но не предвидел атаки на Мальмсбери. Силы короля осаждали мятежный город Уоллингфорд, и он рассчитывал, что Генрих тоже явится туда и вступит в битву. Генрих же не собирался оправдывать чьих-либо ожиданий. Король Стефан был вынужден выдвинуться навстречу

захватчику и несколько дней спустя уже вел войска на запад. «Это была огромная армия со множеством баронов, их стяги сверкали золотом, прекрасные и грозные», – писал Генрих Хантингдонский. «Однако Господь, в ком единственном спасение, оставил их». Погода была мерзкой; войско Стефана мало верило в своего предводителя. «Небеса разверзлись, и в лицо им летели такие лютые порывы ледяного ветра и проливного дождя, что казалось, будто сам Господь сражается на стороне герцога. Армия короля с трудом могла держать оружие и свои отяжелевшие от воды мокрые копья».

Промокшие и деморализованные, солдаты Стефана отказались сражаться. Гражданская война тянулась ужасно долго, а вступать в бой в таких условиях было чистым самоубийством. Надежд на награду или на победу было немного, и в армии Стефана назревал бунт. «Король… удалился, не достигнув своей цели», – писал Вильям Ньюбургский. Захватчик одержал свою первую победу.

Позже, описывая происходящее, Вильям Ньюбургский заметил, что после Мальмсбери «Нобли королевства… теперь постепенно обращались к [Генриху], настолько, что, благодаря блеску его успехов, слава герцога… уже затмила королевский титул его противника». Но все было не так просто. Критически оценивая положение дел в Англии, Генрих осознал, что королевство измотано войной. Именно его реакция на эти обстоятельства, а не только военные победы, позволила ему добиться успеха большего, чем достался его матери.

Во-первых, Генрих увидел, что наемники, которых он привез с собой, внушали населению не доверие, а страх. Англия и так уже кишела иностранными солдатами, воюющими за деньги, и простой люд их не выносил. «Будучи не в силах терпеть и дальше их грубую необузданную бесцеремонность, [бароны] посоветовали герцогу отправить наемников по домам, дабы их предосудительная дерзость не навлекла по воле Божьей больших несчастий на него и его людей», – записано в «Деяниях Стефана».

Демонстрируя гибкость ума, которая хорошо послужит ему и в будущем, Генрих прислушался к совету и выслал 500 наемников обратно в Нормандию. Но месть Господня их все-таки настигла. Когда они вышли в море, поднялся жестокий шторм и потопил всех.

Генрих не стал обрушивать новых военных бедствий на истощенное королевство, а вместо этого попытался найти мирный подход к английским вельможам, баронам и прелатам. При посредничестве архиепископа Теобальда Кентерберийского и епископа Генриха Винчестерского были открыты каналы для

переговоров со Стефаном. Магнаты постепенно переходили на сторону юного герцога.

Самым влиятельным из присоединившихся к нему баронов был Роберт, граф Лестер. Он, как и его брат-близнец Галеран, принадлежал к элите англо-нормандского нобилитета, которая много лет была верна Стефану. Крупные земельные владения Лестера располагались в центральной части страны, что дало Генриху существенное территориальное преимущество в сердце Англии. Но граф, кроме всего прочего, укрепил партию Генриха еще и ценными личностными качествами и опытом – и до конца жизни оставался одним из наиболее надежных и близких ему людей. Это был действительно превосходный тип аристократа, который и импонировал, и требовался Генриху: Лестер приближался к 50 годам, был грамотен и дисциплинирован. Он воспитывался с Вильгельмом Аделином; детьми он и его брат Галеран были любимчиками при дворах Европы и еще сопливыми юнцами забавы ради участвовали в дебатах с кардиналами. При Генрихе I и Стефане близнецы были роялистами, но неспособность Стефана гарантировать сохранение за ними земель в Нормандии подорвала их поддержку и политическую волю.

Оставив Стефана, Лестер высветил сложное положение всех англо-нормандских феодалов, разрывавшихся между своими нормандскими владениями, гарантированными Плантагенетом, герцогом Нормандии, и английскими землями, которые теоретически защищал Стефан. Задачей Генриха было доказать другим, таким как Лестер, что он способен обеспечить их право собственности и в Англии, и в Нормандии и больше не навлечет на них войну и разорение. Именно это обязательство, в конце концов, и лежит в основе королевской власти.

Итак, Генрих посвятил весну 1153 года широкой «рекламной кампании». Совершив поездку в Бристоль и Глостер, которые всегда были на стороне его матери, он отправился в путь по неспокойным срединным землям. Неустойчивый мир здесь держался на личных договоренностях между феодалами. Эта земля со всей наглядностью показывала, насколько провальным было царствование Стефана. Государственной власти не существовало.

Генрих подавал себя политическому сообществу прежде всего как хорошего правителя, а не как хорошего главнокомандующего. Он не разорял земли – он по всей стране устраивал приемы и приглашал влиятельных людей прийти к нему с миром. Он не сжигал посевы – он издавал хартии, гарантирующие феодалам сеньоральные права и земли не только в Англии, но и в Нормандии. Он подтвердил свою приверженность закону,

признав, что права на пожалованные им английские земли должны быть утверждены законодательно. Его поездка по Англии все больше походила на триумфальный тур: Генрих рекламировал себя как достойную альтернативу королю и быстро расширял круг поддержки среди политического сообщества.

Но полностью избежать столкновений было невозможно. В июле 1153 года Генрих встретил Стефана при Уоллингфорде, городе, приютившемся у излучины Темзы к юго-востоку от Оксфорда, в опасной близости к Вестминстеру и Лондону. Стефан осадил верную Генриху крепость; к тому же местность здесь была усеяна меньшими по размеру укреплениями сторонников короля: существовала практически постоянная система обороны. Генрих привел войска с целью снять осаду и с надеждой, что конец войны близок.

Король Стефан ждал. В начале августа его великолепное войско выступило в поход навстречу герцогу. Но, как и в Мальмсбери, армия отказалась сражаться. Как сказано в «Деяниях Стефана»: «…командиры с обеих сторон… уклонились от столкновения: ведь это была не заурядная стычка соседей; дело грозило опустошением целого королевства». Люди устали не столько от правления Стефана, сколько от гражданской войны. «Бароны, эти предатели Англии… не хотели драться, как не хотели и победы ни одной из сторон», – писал Генрих Хантингдонский. Но эти «предатели Англии» уже два десятка лет страдали от гражданской войны и понимали, что победа одной из сторон в битве выльется в массовую конфискацию земель и усугубит жестокие разногласия в королевстве. Пришло время для перемирия. Генрих и Стефан согласились на переговоры. «Король и герцог, разделенные небольшим ручьем, беседовали с глазу на глаз, обсуждая заключение прочного мира, – писал Генрих Хантингдонский. – Мирный договор начался здесь, но не был завершен до следующего случая». Условия мира становились ясны обоим: Стефан должен признать Генриха Плантагенета своим преемником на троне Англии и начать процесс врачевания глубоких ран, нанесенных стране войной, которую вели их семьи. Оставалось лишь одно крупное препятствие.

Мирный процесс

В 1153 году старшему сыну короля Стефана, Евстахию IV, графу Булонскому, исполнилось 23 года. Он уже был ветераном долгой войны, которую его отец вел с Плантагенетами. Евстахий вырос, не зная ничего другого, кроме битв и раздоров, ему всегда говорили, что он – будущий король, и поощряли с мечом в руках отстаивать свое право на корону. Он был наследником своего отца – и неудивительно, что герцог Нормандии Генрих был его злейшим врагом.

Генрих возносился со скоростью метеора. Всего за три года (с 1150-го по 1153-й) из безземельного сына амбициозного графа он превратился в бесспорного хозяина половины Франции. Он восстановил против себя многих, и Евстахия прежде всего. Евстахий задался целью увидеть – словами нормандского хрониста Роберта деТориньи, – как «ожидание почти всех нормандцев, что герцог Генрих быстро растеряет все свои приобретения», воплотится в жизнь со всей возможной скоростью. Он вступил в союз с Людовиком VII, на сестре которого, Констанце, был женат, и с братом Генриха, Жоффруа Плантагенетом-младшим, который был обижен на Генриха, поскольку считал, что тот лишил его части отцовского наследства. Вместе они замыслили вести войну против герцога Нормандии при любом удобном случае.

Евстахий определенно терял больше всех от сближения Стефана с Генрихом. Его положение было чрезвычайно слабым. Из-за разногласий между Стефаном и папой Евгением III Евстахия до сих пор не объявили соправителем отца, что в те времена уже вошло в обычай. На горизонте маячил мирный договор, по условиям которого Стефан мог лишить своих сыновей (Евстахия и его младшего брата Вильгельма) наследства и назвать своим преемником Генриха. После Уоллингфорда такое развитие событий казалось более чем вероятным.

По словам автора «Деяний Стефана», Евстахий был «весьма зол и раздражен тем, что война, по его мнению, не пришла к должному завершению». Чтобы дать волю своим гневу и разочарованию, он помчался на восток в Бери-Сент-Эдмундс, где устроил совершенно бессмысленную оргию разбоя и поджигательства.

Однако, к несчастью для Евстахия, Господь – или, может быть, святой Эдмунд – был начеку и наказал неправедных. В начале августа 1153 года, практически сразу после самозабвенного припадка буйства, Евстахий заболел и умер.

Причиной посчитали то ли испорченную пищу, то ли глубокое горе. Циники подозревали отравление.

Смерть Евстахия разбила Стефану сердце. Но, с другой стороны, она была ниспослана провидением, поскольку открывала возможность для переговоров, в результате которых герцог Генрих мог бы занять место Стефана. Соглашение было заключено в виде своего рода официального усыновления, передававшего корону Плантагенетам и раз и навсегда завершавшего войну. Второй сын Стефана, Вильгельм, явно был сговорчивее своего покойного брата и в качестве компенсации за отказ от всяких притязаний на трон удовольствовался крупным земельным владением.

Переговоры высоких сторон длились все лето под патронажем архиепископа Теобальда Кентерберийского и брата короля Стефана, Генриха, епископа Винчестера. В ноябре 1153 года на встрече в Винчестере было заключено перемирие. Стефан официально признал Генриха как своего сына и наследника. «Какая неоценимая радость! Что за благословенный день! – ликовал Генрих Хантингдонский. – Король лично встретил молодого принца в Винчестере во главе великолепной процессии ноблей и прелатов, в окружении ликующей толпы». Впервые с 1135 года Англия могла питать надежду на мир и процветание под единой, цельной и неделимой королевской властью.

Мир был скреплен глубоко символичной церемонией в знаковом месте. В Винчестере английские короли венчались на царство; древний собор был местом упокоения святого Свитуна и таких легендарных королей саксов, как Эдвиг. Все видные люди королевства собрались в выстуженном соборе, чтобы услышать слова короля Стефана и герцога Генриха.

Король Стефан – ему шел 62-й год – с честью исполнил свою роль. «Незлобивый и кроткий, добрый человек», – так описывают его «Деяния Стефана». Рядом с неопрятным, лохматым, рыжеволосым 20-летним Генрихом он казался осколком уходящего поколения. Но держался он с достоинством и обратился к собранию со словами, от которых его старший сын, наверное, перевернулся в своей свежевырытой могиле.

«Да будет вам известно, что я, король Стефан, назначил Генриха, герцога Нормандского, своим преемником на троне Англии и моим законным наследником, – сказал Стефан. – Этим я передаю ему и его наследникам и утверждаю за ними Английское королевство».

Генрих сделал соответствующее заявление. Затем, в присутствии своих будущих подданных, он принес оммаж

Стефану и принял оммаж младшего сына Стефана, Вильгельма. Это была явная и недвусмысленная презентация нового порядка вещей. На глазах собравшихся возникала новая королевская династия, причем при передаче власти удалось избежать правового хаоса, сопутствующего узурпации трона или перевороту. Блестящей дипломатией и грамотным военным командованием Генрих проложил себе путь к английскому престолу.

Празднование было пышным. Стефан в сопровождении своего приемного сына проехался по древней столице Англии: «Прославленного юношу с восторгом приветствовали в городе Винчестере; блистательную процессию епископов и известных людей возглавлял король, – писал Вильям Ньюбургский. – Затем король повез герцога в Лондон, и там его с радостью приветствовала толпа простых людей и великолепная процессия…» Винчестерский мирный договор был скреплен печатью и оглашен в Вестминстере. «Мир взошел над разрушенным королевством, – писал Генрих Хантингдонский, – положив конец трудной ночи».

Во время переходного периода, с момента объявления Генриха наследником и до дня своей смерти, старый король согласился следовать советам будущего короля. Вместе они начали длительный процесс восстановления разрушенного королевства. Перед ними стояли три основные задачи: подавить насилие и мародерство; изгнать наводнившие страну банды иностранных наемников; и срыть замки, которые как грибы возникали по всей стране в годы царствования Стефана.

Но не все в Англии поддерживали мирный процесс. На встрече в Кентербери в марте 1154 года Генриху рассказали о готовящемся покушении на его жизнь, спланированном отступниками фламандцами. Поговаривали, что и сын Стефана Вильгельм знал о нем. Рассудив, что сейчас ситуация в Англии достаточно стабильна, так что его постоянное присутствие не требуется, но в то же время достаточно опасна, чтобы оправдать его отъезд, Генрих решил вернуться в Нормандию. Пока Стефан был занят проблемами на севере Англии и вводом в обращение новой монеты, Генрих немедленно покинул Англию, по пути к Ла-Маншу остановившись в Рочестере и Лондоне.

В конце октября 1154 года Генрих участвовал в кампании Людовика VII по усмирению мятежных вассалов на границе Нормандии и Франции в регионе Вексен. Там его и настигло известие о смерти Стефана. По словам хрониста Гервазия Кентерберийского, Стефан захворал 25 октября 1154 года, когда встречался с графом Фландрии. «Короля сразила внезапная боль

в животе, сопровождаемая излитием крови (такое уже случалось с ним и раньше), – писал Гервазий. – Его отнесли в постель в [монастыре Дувра], где он и скончался». Стефан был похоронен в клюнийском монастыре в Фавершеме, в графстве Кент, рядом с женой, королевой Матильдой, чьего мудрого совета он лишился с ее смертью в мае 1152 года, и со своим вспыльчивым сыном Евстахием.

Стефан умер безутешным. Он был одержим королевским титулом и церемониалом, и горечь от невозможности свободно выбрать и объявить одного из своих сыновей наследником умножалась унижением, какое нанесла ему потеря лояльности и поддержки со стороны поклявшегося ему в верности нобилитета, переметнувшегося на сторону Генриха, стоило тому ступить на английский берег. Но, хотя царствование его было катастрофически неудачным, мир Стефана, тщательно спланированный и с охотой поддержанный крупными феодалами, имел оглушительный успех. Генриху и Стефану удалось сконструировать механизм, обеспечивший первую почти за 70 лет мирную передачу королевской власти. Генрих прибыл в Англию, чтобы востребовать корону, только в декабре 1154 года – он не спешил, зная, что политическое сообщество полностью признает его и нуждается в нем. Царствование Генриха обещало стабильность и неделимую королевскую власть, которой остро не хватало в прошлые, горемычные 19 лет. Более того, он уже хорошо себя проявил. Без сомнения, Генрих, епископ Хантингдонский, льстил в панегирике новому королю, но у него были основания для радужных надежд:

> Англия, так долго скованная смертельным холодом! Ты согреваешься, оживленная теплом нового солнца. Ты поднимаешь склоненную голову и, вытирая слезы горя, плачешь от радости… Со слезами ты молвишь такие слова своему приемному сыну: «Ты дух, я плоть: с твоим приходом я возвращаюсь к жизни».

Часть II
Эпоха империи (1154–1204)

Самый благородный и самый победоносный,
Что рождался на земле со времен Моисея,
За исключением лишь короля Карла [Карла Великого]…

Джордан Фантосм (о Генрихе II)

Король, что отстаивает свои права,
Имеет больше прав на наследство.
Войной и милосердием стяжает
Король себе славу и земли.

Бертран де Борн

Рождение и возрождение

Король Генрих II был коронован в Вестминстерском аббатстве 19 декабря 1154 года. Подле него сидела королева Алиенора на последних сроках беременности. Церемонию, за которой наблюдала вся церковная и светская знать Англии, провел старый архиепископ Теобальд Кентерберийский. Генрих стал первым правителем, коронованным новым титулом «король Англии», а не прежним – «король англичан». Коронация прошла в обстановке всенародного воодушевления. «По всей Англии люди кричали: „Да здравствует король!“ – писал Вильям Ньюбургский. – [Они] предвосхищали лучшие времена при своем новом суверене, отличавшемся большим благоразумием и твердостью, в котором была видна строгая внимательность к правосудию и который с самого начала нес на себе печать великого государя».

Коронационная хартия Генриха была адресована всем знатным людям королевства. В ней король заверял, что гарантирует им все «уступки, дары, свободы и вольности», которые признавал за ними Генрих I, и что он упразднит «дурные обычаи». Никаких конкретных обещаний он не сделал и, в отличие от своего предшественника Стефана, не вспоминал о «добрых законах и обычаях», действовавших во времена Эдуарда Исповедника. Однако в хартии особо подчеркивалось желание Генриха трудиться ради «улучшения всего моего государства»

Новому королю Англии исполнился 21 год; он был хорошо образован, мыслил как законодатель и знал несколько языков, хоть и говорил только на латыни и французском – и, скорее всего, понимал не только северный его диалект, но и южный, поскольку родным языком его жены был окситанский. Он поражал современников своей невероятной целеустремленностью и особенно преданностью псовой и соколиной охоте – на головокружительной скорости он скакал верхом по лесам и паркам своих обширных владений, преодолевая за раз огромные расстояния. Геральд Камбрийский так описывал короля, с которым был хорошо знаком лично:

> Его пристрастие к охоте не знает меры; как только забрезжит рассвет, он, оседлав коня, уже летит по пустошам, носится по лесам или взбирается на вершины холмов; и так он проводит дни без отдыха. Вечером, по возвращении домой, его нельзя застать сидящим ни до, ни после ужина… Он изматывает весь свой двор, вынуждая придворных постоянно стоять…

И еще:

> Он был прост в общении, снисходителен, покладист и остроумен, сравниться с ним в любезности не мог никто… решительный на войне… очень осмотрительный в мирной жизни… Он был свиреп к тем, кто еще не укрощен, но милостив к побежденным; груб со слугами и приветлив с незнакомцами; расточителен на людях, расчетлив в глубине души… Он усердно старался достичь мира и сохранить его, милосердие его не поддается сравнению; преданный защитник святой земли; любитель смиренномудрия, притеснитель знати, презирающий спесивых.

Придворный писатель Уолтер Мап рисует похожий портрет. Генриху «посчастливилось иметь крепкое здоровье и привлекательную внешность… он хорошо образован… открыт к общению… всегда в разъездах, подобно гонцу, за раз он покрывает непомерные расстояния». Он испытывал «мало сострадания к слугам и домочадцам, его сопровождавшим… был очень опытен в псовой и соколиной охоте, и обожал борзых». Даже если в характеристиках, которые давали ему придворные писатели, немало общих фраз и прямой лести, очевидно, что люди, знавшие Генриха лично, считали его ярким, успешным, деятельным правителем.

С ранних лет Генрих вел бродячую жизнь. Он тратил огромные средства на свои великолепные дворцы и замки, но редко останавливался в них надолго. Путешествующий двор Генриха свидетели описывали как отвратительный, грязный и вонючий, и говорили, что вино там подавали такое кислое, что его приходилось цедить сквозь зубы. Жизнь в постоянном движении диктовала свои условия. Хронист Радульф де Дисето упоминал, с каким изумлением Людовик VII комментировал умение Генриха буквально из-под земли возникать где угодно и без предупреждения. «Он будто летает, а не скачет на лошади», – говорил французский король. Как писал биограф XII века Герберт из Бошема, Генрих был подобен «человеку-колеснице, которая все тащит за собой».

Но вряд ли король мог таскать за собой молодую семью, и после торжественной коронации Плантагенеты обнаружили, что им нужно где-то жить. Их первому сыну, Вильгельму, на момент коронации родителей было чуть больше года; второй сын, Генрих, родился 28 февраля 1155 года. Алиеноре и мальчикам нужен был дом на время пребывания в стране. Огромный англосаксонский Вестминстерский дворец в годы гражданской войны пришел в

запустение и для жилья был непригоден. Поэтому в 1155 году королевская семья переехала в замок Бермондси, расположенный на противоположном берегу Темзы, в удалении от центра Лондона.

Отсюда Алиенора могла посещать Лондон, когда только пожелает. Английская столица, должно быть, показалась ей оживленным, процветающим городом: битком набитым торговцами и развлечениями, паяцами и жонглерами, преступностью, грязью, отчаянием и милосердием. Кентерберийский клирик и биограф Уильям Фиц-Стефен оставил известное восторженное описание города, каким он был в 1170-х, – вынеся за скобки бескрайний энтузиазм автора, можно предположить, что Алиенора, поселившись в Англии, увидела Лондон примерно таким же:

> [Лондон] славен целебным климатом и христианским благочестием, мощью стен и местоположением, честью горожан и целомудрием горожанок, он приятен своими развлечениями и знаменит благородными мужами… в Лондоне и пригородах имеется 13 больших монастырских церквей, кроме 126 маленьких приходских. На востоке высится большая и мощная королевская цитадель, внутренний двор и стены которой воздвигнуты на глубоком фундаменте, скрепленном раствором на крови животных. На западе находятся два хорошо укрепленных замка, а стены города высокие и толстые, с семью двойными воротами и на севере укреплены через равные промежутки башнями… Также на западе над рекой возвышается королевский дворец – здание несравненное, с крепостным валом и укреплениями; он расположен в двух милях от города, в многолюдном пригороде… На севере также находятся поля, пастбища и живописные луга с бегущими по ним речками, которые с приятным рокотом приводят в движение мельничные колеса. Невдалеке стоит огромный лес с густой чащей, убежище диких зверей: оленей, серн, вепрей и туров…
>
> Люди различных занятий, продавцы различных товаров и поденщики всякого рода ежедневно утром занимают свои места, каждый в зависимости от его занятия. На берегу реки в Лондоне, среди винных лавок, находящихся на кораблях и в погребах, имеется открытая для всех харчевня. Здесь ежедневно, в зависимости от времени года, можно найти тертые, жареные, вареные

кушанья, крупную и мелкую рыбу, грубое мясо для бедных и более изысканное для богатых, дичь и разную птицу… В этом городе купцы всех народов, живущих под небесами и плавающих по морям, рады вести торговлю… [1]

Это был шумный, живой, многонациональный город, и он наверняка пробудил воспоминания Алиеноры о Париже – величайшей из столиц Северной Европы, с его реками, дворцами и просторными лугами: город, где она впервые стала королевой. Однако Лондон явно подходил ей лучше, поскольку в свой первый приезд в Англию Алиеноре удалось то, что очевидно не удавалось, когда она была королевой Франции: она практически непрерывно рожала здоровых детей. В сентябре 1155 года, едва оправившись от рождения юного Генриха, она снова забеременела: девочка, Матильда, родилась в июне 1156 года и получила имя в честь императрицы, которая так долго сражалась, чтобы завоевать Плантагенетам новое великое королевство.

Возможно, рождение Матильды несколько облегчило горе, выпавшее на долю Алиеноры в июне 1156 года, когда умер ее первый сын, Вильгельм. Мальчику было всего три года. Его с почестями похоронили в Редингском аббатстве, в ногах прадеда, Генриха I. Это было время великой скорби для семьи. Но в Средние века от смерти ребенка не были застрахованы и короли, и лучшее, что можно было предпринять, – это рожать как можно больше детей. Без перерыва и без задержки в Англии родились еще два мальчика: Ричард, в Оксфорде в сентябре 1157 года, и год спустя, чуть ли не день в день, – Джеффри.

Генрих, Матильда, Ричард и Джеффри – к Рождеству 1158 года Генрих и Алиенора растили четверых здоровых детей, старшему из которых не исполнилось и четырех лет. Еще трое их детей доживут до взрослого возраста: Элеонора (родилась в 1162 году), Иоанна (1165) и Иоанн (1167). Два периода рождения детей разделяет разрыв в четыре года: это время Генрих провел вдали от жены, управляясь с отдаленными областями королевства.

Пока Алиенора была занята первым длинным циклом беременностей, Генрих разъезжал по королевству, занимаясь государственными делами и дипломатией, попутно уделяя время своей великой страсти – охоте. Путешествуя, Генрих определял подходящие места как для размещения правительственных учреждений, так и для собственно охоты. Очень скоро по его возвращении в Лондон началась работа по превращению охотничьих заимок в Кларендоне и Вудстоке в полноценные замки, не уступающие по комфорту и пышности европейским.

Но все дворцы мира не могли решить основной вопрос 1150-х годов: как новый король собирается восстанавливать страну, до основания разрушенную гражданской войной? Англия обеспечила Генриху Плантагенету то, что Ричард из Пуатье называл «уважением и почтением к его королевскому имени». Но эту богатую землю, с ее городами и портами, крепко пьющим, тяжело работающим населением и древней историей, нужно было спасать от застоя. Генрих должен был заново утвердить в государстве королевскую власть, которой обладал его дед Генрих I. Англию нужно было завоевать заново.

Страна лежала в руинах. При Стефане доходы казны упали на две трети. Королевские земли, замки и должности раздавались направо и налево, часто в вечное владение. Осуществляемых шерифами сборов с поместий, которые были основным источником доходов короля, поступало удручающе мало. Многие графства присваивали себе королевские полномочия, и казалось, что управление некоторыми районами страны не просто неудовлетворительно, но и в принципе невозможно. Отношения короны с Церковью зашли в тупик по причине длительного разлада между Стефаном и архиепископом Теобальдом из-за разграничения юрисдикций. Крепости, понастроенные, когда нормандцы завоевали Южный Уэльс, попали в руки баронов и местных князьков. Север Англии фактически находился под властью шотландского короля.

Основной задачей Генриха было потушить очаги мятежа. В своей коронационной хартии он довольно обдуманно избегал подтверждения любых привилегий и прав собственности, дарованных Стефаном, не делая исключения ни для служителей Церкви, ни для мирян. Все, что было приобретено после царствования Генриха I, считалось незаконным, если только владение не было утверждено новым королем. Генрих II приказал вернуть короне все замки, города и земли, полученные при Стефане, а затем отозвал графские титулы, которые Стефан раздавал своим сторонникам. Во многих случаях конфискованные земли возвращались затем прежним владельцам, но Генрих ясно дал понять: власть теперь исходит от него, и каждый лорд обязан своим положением и имуществом короне Плантагенетов.

Тогда же, сразу после Рождества 1154 года, Генрих развернул быструю кампанию по разрушению незаконных крепостей и высылке иностранных наемников. Сотни замков пали в 1155 году жертвой ошеломляющего проекта сноса. Бегство фламандских солдат, которых так не любили и хронисты, и обычные люди, сопровождалось треском ломающихся деревянных балок.

Генриху пришлось применить серьезные меры лишь к

нескольким баронам. Вильям Омерльский, так укрепившийся в Йоркшире, что власть короля туда практически не распространялась, лишился своей земли и замка Скарборо, высокой каменной цитадели на мысу, господствовавшей над продуваемым всеми ветрами северо-востоком королевства и подходами к нему с моря. Роджера Херефорда же, лорда Валлийской марки, – из тех, что вечно готовы оспаривать власть короля, – убедили сдать крепости в Глостере и Херефорде при деликатном посредничестве его кузена, Гилберта Фолиота, епископа Херефорда.

Генрих Блуаский, епископ Винчестера и брат Стефана, предпочел бежать из страны, лишь бы не подчиниться преемнику брата. При этом он сдал Генриху шесть своих замков. Единственным феодалом, который заставил короля взяться за оружие, был Гуго де Мортимер, лорд Вигмор, который до поздней весны держался за три замка в центре страны и вынудил Генриха выдвинуть против него армию. И даже ему позволили сохранить свои земли после формального подчинения Генриху.

То, что эта операция мгновенной зачистки проводилась в духе примирения, а не отмщения, – в значительной мере заслуга предыдущих успешных дипломатических усилий Генриха в процессе утверждения и соблюдения условий Винчестерского мира. Тот факт, что он почти не встретил сопротивления, что не возникло угрозы серьезного соперничества за трон, демонстрировал широкую поддержку, какой пользовалась сильная, единая власть Генриха. Он обращался с мечом и весами правосудия как настоящий король; более того, он продолжал плодить детей, буквально сеял семена будущей стабильности. Но скорость, с которой шло воссоединение, была не роскошью, а необходимостью. Не стоит забывать, что Англия была лишь частью огромного домена Плантагенетов.

В 1156 году Генриху пришлось покинуть Англию, чтобы призвать к порядку мятежников в Анжу, возглавляемых его младшим братом Жоффруа. Проблемный юнец Плантагенет был уверен, что по условиям завещания отца Генрих, завоевав Англию, должен передать ему как второму сыну Анжу, Мен и Турень. И действительно, весьма вероятно, что именно таково было намерение старшего Жоффруа Плантагенета. Не бывало еще такого, чтобы Англией, Нормандией и Анжу правил один человек.

Но Генрих не собирался отдавать исконно принадлежавшие Плантагенетам земли докучливому младшему брату. Жоффруа показал свою ненадежность и вероломство, когда в 1151 году присоединился к Людовику VII и Евстахию, чтобы атаковать позиции Генриха в Нормандии. Отдать Жоффруа земли,

расположенные как раз между Нормандским герцогством Генриха и Аквитанским герцогством Алиеноры, значило напрашиваться на неприятности. Кроме того, это разрушило бы мечту Генриха безраздельно править огромным лоскутным одеялом земель.

Но Жоффруа требовалось ублажить. Раскол между братьями был очень серьезным, что показало семейное совещание, состоявшееся в Руане 2 февраля 1156 года под материнским присмотром императрицы Матильды. Генрих провел переговоры с Жоффруа, самым младшим братом Гильомом и с тетушкой Сибиллой, графиней Фландрии. Чтобы изолировать брата дипломатически, в конце января Генрих принес ленную присягу Людовику VII за Нормандию, Анжу и Аквитанию и отправил послов к новоизбранному папе Адриану IV с просьбой освободить его от клятвы исполнить последнюю волю отца. Он был намерен сохранить контроль над Анжу любой ценой.

Миротворческие усилия не увенчались успехом. После встречи в семейном кругу Жоффруа взбунтовался. Распря завершилась позже в том же году, когда народ Нанта и нижней Бретани избрал Жоффруа своим новым графом. Счастливая случайность обеспечила Жоффруа богатой землей, которую он мог назвать своей, и сгладила обиду, которую, как он считал, нанес ему возвысившийся старший брат, лишив наследства отца.

Довольный Генрих обеспечил избрание Жоффруа на новую стратегически важную позицию. Из наследства Плантагенетов он выделил ему в качестве подарка один приграничный замок – Луден и денежное довольствие. Это была приемлемая цена за подавление семейного раскола, отвлекающего от более важных дел. К тому же новое положение Жоффруа в Нанте распространяло семейное предприятие Плантагенетов ниже по течению Луары и ближе к морской границе Бретани – практически единственному во Франции выходу к морю, который они еще не контролировали.

Жоффруа был удовлетворен, а вскоре, в 1158 году, очень кстати умер. Однако вся эта история показала, что, как бы искусно ни утихомиривал Генрих новое королевство, ему придется приложить титанические усилия, достойные Александра Македонского и Карла Великого, чтобы уберечь свои обширные континентальные владения от распада.

Вселенная плантагенетов

1150-е были славным десятилетием для Генриха. Еще в 1151 году его положение было сравнительно слабым и неустойчивым, но с тех пор он значительно расширил пределы своей власти. Он продвигался настойчиво и неустанно. В 1155 году папа Адриан IV (единственный в истории англичанин на этом высоком посту) дал Генриху благословение распространить власть английской короны на Ирландию, издав папскую буллу *Laudabiliter*, в которой призывал Генриха реформировать ирландскую церковь. Генрих не озаботился немедленным исполнением буллы, но принцип был установлен. В 1157 году Генрих принял оммаж Малькольма IV Шотландского в замке Певерил, вернув Англии северные земли, утраченные в годы гражданской войны: он обменял их на графство Хантингдон, исконно шотландское владение. В том же году Генрих распространил свое влияние и на Уэльс, желая вернуть Англии доминирующую позицию на юге, какой страна обладала во времена его нормандских предков. В ходе крупнейшей военной операции той кампании его чуть не убили из засады в лесу Эуло, недалеко от замка Флинт, и воинственные валлийцы, искушенные в партизанской войне, показались ему такими же свирепыми противниками, как и всем его предшественникам. Однако два великих валлийских князя – Оуэн Гвинед и Рис ап Гриффит из Дехейбарта – были вынуждены уступить перед лицом превосходящей военной мощи противника. Это развязало Генриху руки для дальнейших действий, и в 1158 году он под угрозой применения военной силы заявил права на графство Нант, распространив свою власть на герцогство Бретань. В том же году он обручил своего старшего сына Генриха с дочерью Людовика VII Маргаритой, приданым которой, подлежащим передаче при заключении брака, стал нормандский Вексен – крошечный, но стратегически важный участок границы между регионом Иль-де-Франс и Нормандией.

Шаг за шагом, фронт за фронтом Генрих доказывал всем князьям и королям, с которыми сталкивался, что Плантагенеты – это сила, с которой следует считаться. К концу 1150-х годов Генрих уже владел территориями, о которых даже не мечтал ни один из его предков. Однако он все еще не утолил своих амбиций. Казалось, ему и целого мира было мало.

В разгар лета 1159 года, когда солнце безжалостно жгло южные долины Франции, по направлению к Тулузе громыхала гигантская армия. В стенах города 35 000 душ тряслись от страха,

прислушиваясь к поступи пехотинцев, топоту копыт боевых коней и скрипу повозок, к реву труб, к барабанной дроби, к чудовищному скрежету осадных орудий. Армия приближалась, громя все на своем пути. Кагор, Овиллар и Вильмюр были разорены и сожжены. Посевы пылали, имения опустошались. Весь регион Тулузы пристально следил за новым бичом Запада. «Генрих Второй запугал не только Прованс вплоть до Роны и Альп, – сообщал писатель и дипломат Иоанн Солсберийский. – Разрушая крепости и покоряя народы, он грозил и правителям Испании и Галлии».

Армия, с которой Генрих II пересек Южную Францию в июне 1159 года, превосходила все, что ему удавалось собрать прежде или впредь. Расходы на наемников превысили 9000 фунтов: весь доход королевской казны за предыдущий год. Поэт Стефан из Руана писал, что Генрих пришел с «железом, метательными орудиями и осадными машинами», а нормандский хронист Роберт де Ториньи называл армию Генриха «военной силой всей Англии, Нормандии, Аквитании и прочих подчиненных ему провинций». Цели его не вызывали никаких сомнений. Генрих пришел как завоеватель: он хотел отнять Тулузу у ее правителя, графа Раймунда V, и присоединить ее к своему герцогству Аквитанскому. «Король требовал наследство своей жены Алиеноры», – лаконично писал Ториньи. Но Генрих смотрел дальше. Он вел обширную кампанию с целью утвердиться в качестве владыки необъятных земель, простирающихся от шотландских гор до подножия Пиренеев.

В походе участвовали многие высокородные мужи. Малькольм IV Шотландский – сосед, с которым король недавно примирился, снарядил на юг флотилию и присоединился к армии Генриха в Пуатье. Южные лорды Раймунд Беренгер IV, граф Барселоны, и Раймунд Транкавель, лорд Безье и Каркасона, примкнули к нему, воодушевленные перспективой извести соседа. И где-то в центре этого войска ехал верхом священник в шлеме и в латах, организовавший всю кампанию: Томас Бекет, канцлер Англии и архидьякон Кентерберийский. Доспехи его сверкали на солнце. Говорили, что Бекет возглавлял личное войско в семь сотен рыцарей. Эта цифра почти наверняка преувеличена, но Бекет, без сомнения, собрал внушительный отряд, особенно для священнослужителя.

Осада Тулузы продлилась с июня по сентябрь 1159 года и показала, насколько амбициозные цели ставил перед собой Генрих II в начале правления. Король посвящал массу времени и усилий реорганизации и закреплению за собой обширных территорий, которыми завладел между 1149 и 1154 годом. Но

останавливаться на достигнутом он не собирался. Тулузская кампания была логичным продолжением стратегии, принятой им после усмирения Англии. С высоты прошедших веков тактика Генриха напоминает имперскую экспансию: он собирал армии, часто довольно многочисленные, и вторгался на территории, прилегающие к его уже и так обширным границам, словно бы желая стать не просто герцогом или королем, но императором.

На самом же деле его политика была более прагматичной. Генрих хотел, говоря простыми словами, реализовать все свои права и использовать все подворачивающиеся возможности. Иногда он действовал военными средствами, а порой прибегал к дипломатии. При любом удобном случае он требовал признать его власть: развязывая войны на периферии, Генрих сплетал воедино непрочную сеть своих огромных территорий. Тулуза была еще одним приграничным регионом, в котором его власти бросили вызов. Он вел не столько завоевательную войну, сколько войну за официальное признание.

Тулуза оказалась пресловутым крепким орешком. Алиенора Аквитанская в какой-то мере могла претендовать на это графство через Филиппу, свою бабушку по отцу, которую обошли наследством в 1090-х. В 1141 году первый муж Алиеноры Людовик VII попытался овладеть городом, как Генрих в 1159-м, но потерпел поражение. Генриха II это не охладило. У него был удобный предлог, деньги для набора крупной армии и политический вес, приобретенный после покорения Уэльса и Бретани. Оба региона он принудил к повиновению, припугнув своей военной мощью. Принявшись за Тулузу, Генрих применил ту же стратегию.

Нет сомнений, как писал Иоанн Солсберийский, что принцы Испании и Галлии обратили внимание на размер войска, мобилизованного Генрихом и препорученного заботам блестящего канцлера Бекета. Однако они скептически оценивали шансы Генриха на победу. Тулуза, большой, хорошо защищенный город, располагалась в месте, где Гаронна делала крутой поворот. Город делился на три укрепленных района. Древний римский город примыкал к огороженному стеной поселению, которое позже выросло вокруг необъятной и великолепной базилики церкви Сен-Сернен. Стена огибала оба эти района и проходила между ними, а с юга располагался замок Нарбонне, резиденция правителя города. Тулузу нельзя было уморить жаждой и заставить сдаться, потому что река обеспечивала постоянный приток воды и не пересыхала летом.

Несмотря на все усилия солдат Генриха и на все невзгоды, какие они навлекли на деревни и замки региона, скептики

оказались правы. Как и Людовик в 1141 году, Генрих обрушил на защитников города всю свою мощь – и обломал себе зубы.

Почему же это огромное войско не смогло заполучить такой сравнительно небольшой трофей? Возможно, либеральное правление графов Тулузских нравилось народу больше агрессивного господства, какое сулила им захватническая армия Генриха. Возможно, выгодное расположение города действительно сделало его неприступным. Но в любом случае решающий удар по кампании Генриха был нанесен ранней осенью 1159 года, когда его захватил врасплох подошедший к Тулузе Людовик VII.

Из всех французских властителей именно Людовику Генрих сильнее всего досаждал предпринятой им в 1150-х годах экспансией. Герцог Нормандии, повысивший свой статус до королевского, превратился в опасного для Капетингов вассала, обладающего военными ресурсами и аристократическим престижем, о которых ни один французский вельможа не мог и мечтать. Такое положение дел составляло проблему прежде всего там, где проходила граница между Французским королевством и герцогством Нормандским, в регионе Вексен. В 1156 году на церемонии великой пышности и политического символизма Генрих принес французскому королю ленную присягу, поклявшись: «Я, король Генрих, буду охранять жизнь, здоровье и земельные владения короля Франции как моего господина, если он гарантирует мне, как его верноподданному, мою собственную жизнь, и здоровье, и земли, которые он закрепил за мной, ибо я его человек». Но феодальный статус Людовика как сюзерена не стоил бы ничего, если бы он сложил руки и позволил Генриху завоевать Тулузу – регион, который он сам не смог взять под прямой контроль почти 20 лет назад. Более того, граф Раймунд был шурином французского короля. Подвести его значило показать себя очень слабым владыкой.

Людовик прибыл в Тулузу, зная, что само его присутствие за спиной графа Раймунда заставит Генриха серьезно подумать, может ли он позволить себе продолжать военную кампанию. Напасть на Раймунда – это одно, воевать же против Раймунда и Людовика одновременно значило проявить агрессию, способную навлечь на Генриха бесчисленные неприятности на севере – в Нормандии и Анжу, где он всеми силами старался поддерживать порядок. Более того, если бы он вступил в вооруженный конфликт с Людовиком и проиграл, это подорвало бы символическую ценность Тулузской экспедиции как демонстрации силы и совокупной мощи английской короны и владений Плантагенетов.

Генрих поговорил с владетельными баронами и своими главными советниками, в том числе с Бекетом. Опасаясь покушаться на королевскую честь, бароны Плантагенетов рассудили, что атаковать французского короля было бы неприемлемо. Бекет протестовал, требуя немедленно штурмовать город. Он остался в меньшинстве, и его мнение проигнорировали. Генрих отказался от битвы. Заявив, что он решил пощадить короля Капетинга и город, около Михайлова дня он отвел войска от Тулузы.

Хронист Роджер Ховеденский назвал Тулузскую эскападу Генриха «неоконченным предприятием». Не катастрофа, но, безусловно, провал. Самым полезным событием всей кампании стало случайное следствие осады: в октябре 1159 года, на обратном пути в Англию, умер Вильгельм, граф Булонский, последний оставшийся в живых сын короля Стефана. Его обширные английские земли вернулись во владение короны. Не считая этого, единственное, что можно сказать хорошего о дорогостоящем летнем предприятии по метанию камней в стены города – так это что оно помогло Генриху определить географические пределы своих военных возможностей и продемонстрировало, что Плантагенет может превзойти Капетинга: если не по рангу, то хотя бы в военной силе.

К тому же Англии пришлось заплатить еще одну цену за провал Тулузской кампании. Случившееся впервые поставило под вопрос отношения между Генрихом и его ближайшим советником, канцлером Томасом Бекетом.

Несвятая война

Летом 1158 года, за год до того, как повести войска Генриха к стенам Тулузы, Томас Бекет во главе еще более блистательной процессии въехал в Париж. Явившись с миром, как канцлер Англии и слуга английского короля, он излучал великолепие и торжественную гордость. Бекет был послан с поручением обсудить обручение трехлетнего сына и тезки Генриха и дочери Людовика, Маргариты: династический союз двух королевских домов Западной Европы, который должен был принести Плантагенетам нормандский Вексен. Неудивительно, что он старался впечатлить французского короля богатством и благородством своего господина.

Бекет устроил великолепное шоу. В частной жизни он был истово верующим человеком, регулярно себя бичевал, носил власяницу, скромно питался и хранил целомудрие. Но Бекет знал, как впечатлить толпу. Он прибыл в Париж с экзотическими дарами и обставил свое появление с театральной пышностью: собаки, обезьянки, бесконечная вереница слуг – все, чтобы продемонстрировать щедрость английского короля и блеск его двора. Живое описание этого события сохранил для нас Уильям Фиц-Стефен, который сопровождал Бекета и видел все своими глазами:

> С ним была свита из 200 всадников, рыцарей, клириков, стюардов и камергеров, тяжеловооруженных воинов и оруженосцев из благородных семей, выстроенных согласно чину. И они сами, и все, кто шел с ними, были одеты в совершенно новую праздничную одежду. Он взял с собою 24 костюма… и множество шелковых плащей на подарки, и самые разные пестрые наряды, заграничные меха, портьеры и ковры для гостевой комнаты епископа.
>
> В процессии были и гончие, и соколы… и восемь колесниц – каждая запряжена пятью лошадьми шайрской породы. На каждой лошади сидел крепкий грум, а в каждой колеснице – стражник. Одно только пиво везли на двух повозках… для французов, не знакомых с пивоварением: это здоровое питье, чистое, темное, как вино, и превосходного вкуса. Одни повозки были нагружены едой и напитками, другие – алтарными покрывалами, коврами, тюками с вечерними нарядами и прочим багажом. У него было 12 вьючных лошадей и

> восемь сундуков со столовой посудой, золотой и серебряной… Одна из лошадей везла церковную утварь, алтарь и книги из его часовни… При каждой лошади был грум в щегольском выезде; в каждой колеснице сидел – или бежал рядом на поводке – огромный свирепый пес, а на спине каждой вьючной лошади сидела длиннохвостая обезьянка…
>
> Затем шли около 250 солдат, марширующих по шесть или по десять в ряд; они пели на ходу на английский манер. Следом надсмотрщики вели оленьих борзых и грейхаундов… затем шли воины со щитами и боевыми конями рыцарей, затем другие вооруженные люди, затем мальчики и мужчины, несущие соколов… Самым последним шел канцлер и некоторые из его товарищей…
>
> Прибыв в Париж… он наделил каждого барона, рыцаря… профессора, студента и горожанина подарками: посудой, одеждой, лошадьми и деньгами.
>
> Это было зрелище, достойное короля.

В 1158 году Томас Бекет стремительно сближался с Генрихом II и в итоге стал его лучшим другом и самым доверенным советником. Король встретил Бекета, когда тот служил у Теобальда, архиепископа Кентерберийского. Он спас его от прозябания в неизвестности и сделал лицом самой амбициозной королевской семьи в Европе. Бекет справился с задачей. Он преуспевал на королевской службе.

Управление государством в XII веке все еще было бессистемным, частным занятием. Придворный Уолтер Мап оставил нам выразительное и весьма правдоподобное описание того, как проходил прием у Генриха:

> Как только король появляется, толпа окружает его, и тянет, и толкает туда и сюда. Ему орут в уши и грубо хватают; но он тем не менее слушает всех терпеливо и, как кажется, без раздражения. Когда же уже не может этого более выносить, он молча удаляется в какое-нибудь тихое место.

Чтобы справиться с этакой толчеей, королю требовалась большая и запутанная система домашних слуг, писцов, дипломатов и администраторов. Этой-то неформальной организацией и руководил Бекет. Подобно великим слугам королей будущих столетий – главному министру Генриха VIII Томасу Вулси, и терпеливому секретарю Елизаветы I Уильяму

Сесилу, – Бекет освободил харизматичного монарха от тягот ежедневного управления и взялся воплощать в реальность его грандиозные планы.

Бекет достиг высот власти примерно в 1160 году, когда ему только исполнилось 40, а король приближался к 27 годам. Канцлер был высоким приятным человеком со старательно выученными манерами и отточенными навыками учтивой беседы. Его путь к власти, богатству и славе был удивительным. Он получил хорошее образование в Мертонском приорате в Суссексе и продолжил его в лондонской школе – вероятно, в школе Святого Павла. Но, когда пожар уничтожил дело его отца, все жизненные планы Томаса пошли прахом. В возрасте около 20 лет он два года проучился в Париже, но так и не получил законченного образования в каноническом и гражданском праве, которое имелось у любого честолюбивого молодого интеллигента в Средние века. Всю свою жизнь он будет пытаться компенсировать преследующее его чувство неполноценности.

Недостаток образования Бекет восполнял амбициозностью. Он был не только канцлером, но и архидьяконом Кентербери – важная позиция в английской церкви. Он имел обильные бенефиции везде, от Кента до Йоркшира, и содержал роскошный, отлично устроенный дом в Лондоне, куда некоторые бароны отдавали в обучение сыновей.

Высокий, светлокожий, темноволосый и длинноносый, канцлер во всем отличался от невысокого рыжего короля, с его буйной энергией и легкостью в общении – скорее врожденной, чем приобретенной. Бекет придавал большое значение ценностям, которые для короля значили очень мало, но были важны для поддержания королевского достоинства. Согласно биографу Бекета Фиц-Стефену, канцлер «едва ли когда-нибудь обедал не в компании графов и епископов». Он держал превосходный стол: изысканные блюда подавали на дорогой золотой и серебряной посуде. С дозволения короля Бекет наслаждался всей той вельможной роскошью, которая давно наскучила самому монарху.

Похоже, королю нравился почти комический контраст между ним и Бекетом, и он с удовольствием подшучивал над своим другом. Фиц-Стефен записал известную историю о том, как Бекет и Генрих, на заре их дружбы, ехали верхом по зимним улицам Лондона. Король указал на несчастного попрошайку, трясущегося от холода, и сказал канцлеру, что было бы неплохо пожаловать тому плотный теплый плащ. Когда Бекет согласился с тем, что это было бы действительно милосердно, Генрих схватил его, силком стянул дорогую алую с серым накидку и отдал ее

остолбеневшему нищему. Природная напыщенность Бекета не позволила ему разделить веселье, которое эта выходка вызвала у спутников короля. Генрих при любой возможности пытался задеть гордыню друга. Рассказывали, как он въехал на лошади в столовую залу канцлера, спешился и уселся обедать. Ситуация так же взбесила Бекета, как развеселила короля. Но, несмотря на досаду, которую вызывало у него это поддразнивание, Бекет оставался другом Генриха, его преданным слугой и доверенным лицом.

И что важнее всего, в глазах короля Бекет был мостом между двумя мирами: короной и Церковью. В XII веке повсюду в Европе короли и светские лорды сражались с церковными иерархами из-за власти и полномочий. Чаще всего конфликты случались по поводу права короновать, права апеллировать к папскому, а не к королевскому суду, права епископов покидать страну для участия в соборах и права королей разводиться с женами. Практически каждого европейского короля Церковь пыталась припугнуть интердиктом (приговор, запрещающий отправление церковных служб и таинств на территории всего королевства) или личным отлучением. Папа Евгений III пытался наложить оба этих наказания на короля Стефана. Даже Фридрих I Барбаросса – правитель из династии Гогенштауфенов, император Священной Римской империи и единственный в Европе король, у которого было больше земли, чем у самого Генриха, – был отлучен от Церкви в 1160 году за отказ признать власть папы Александра III.

К 1160-м годам Генрих понимал, что его замыслы по управлению Англией вряд ли понравятся папскому престолу и английской церкви. Он чувствовал, что его права как короля Англии были ущемлены возросшим могуществом Церкви, и был полон решимости подчинить ее своей власти. Создать империю для Генриха значило не просто расширить границы своих владений. На кону стояла защита и упрочение королевской власти. Он не собирался устанавливать превосходство светской власти над властью Церкви или править как король и первосвященник в одном лице. Но ему, безусловно, хотелось точно определить права короля на своей земле и защищать их.

18 апреля 1161 года после долгой болезни в своем дворце в Кентербери скончался архиепископ Теобальд. Он дожил до весьма преклонного возраста, до 70 с лишним лет, и занимал архиепископский престол с 1138 года, когда его утвердил в этом сане король Стефан. Когда эта новость достигла ушей Генриха, он тут же ухватился за многообещающую возможность. Король строил планы на будущее, для реализации которых кресло в Кентербери должен был занимать покладистый епископ. Прежде

всего, Генрих собирался короновать своего старшего сына как назначенного короля. Именно это наотрез отказался сделать для короля Стефана архиепископ Теобальд, когда Евстахий еще был жив. Кроме того, Генрих хотел пересмотреть границы юрисдикции Церкви и короны. Тут требовалась осторожность, и было бы хорошо, если бы во главе английской церкви в это время стоял союзник, а не враг.

Бекет казался Генриху идеальным кандидатом на место Теобальда. Фридрих Барбаросса посадил в архиепископские кресла канцлеров Майнца и Кельна и с их помощью правил Германией и Италией. Генрих решил поступить так же. Но для многих в английской церкви, в том числе для монахов кафедрального собора в Кентербери, которые пользовались правом выбирать архиепископа, кандидатура Бекета стала насмешкой. Они считали его неподходящим по множеству причин. Бекет был откровенно светской фигурой. Его образование оставляло желать лучшего. Он не был знатоком права, и уж точно не был богословом. Он был явным приверженцем короны. Он настроил кентерберийских монахов против себя, когда еще служил Теобальду. И не только монахи не одобряли выбор короля. Мать Генриха, императрица Матильда, которая живо интересовалась политической карьерой сына из своего уединения в Руане, писала Генриху, изо всех сил пытаясь убедить его отказаться от идеи продвинуть друга на пост архиепископа.

Но Генриха не мог поколебать никто. Плюсы утверждения Бекета на пост архиепископа-канцлера значительно перевешивали недовольство, которое могло возникнуть в Кентербери. В отдаленной перспективе Генрих хотел передать королевство старшему сыну, ментором и регентом при котором станет Бекет. Мальчик приближался к семи годам; в этом возрасте сыновья аристократов обычно оставляли дом матери и начинали подготовку к жизни мужчины. Король в 1162 году планировал передать юного Генриха под опеку Бекета. И лучше всего, чтобы мальчик обучался в доме архиепископа. Поэтому 2 июня 1161 года Бекет был рукоположен в священники. На следующий день он был посвящен в сан архиепископа.

Генрих был уверен, что возвышение Бекета станет грандиозным триумфом, но очень скоро оказалось, что в стратегию вкралась роковая ошибка. И этой ошибкой был сам Бекет.

Несмотря на все титулы, дары и привилегии, которыми осыпал его король, Бекет чувствовал себя абсолютно неподходящим для роли архиепископа. Прежде всего, почти все английские первосвященники до него были монахами. Но Бекет с

первых месяцев на новом посту заметно выделялся своим светлым, немонашеским платьем и казался посторонним на высоком престоле. Его обуяла своего рода «статусная тревожность». Всю свою жизнь он старался стать великим канцлером, а теперь его выбросили в мир, где презиралось все, что он собой представлял. Он был плохо образован, он не был монахом, его близость к королю не одобрялась. Бекет чувствовал болезненную потребность показать себя достойным архиепископом как перед своей новой паствой, так и перед самим Богом. Под светской одеждой совершилось внезапное и резкое преображение взглядов и подходов, что полностью перевернуло его отношения с Генрихом.

Став архиепископом, Бекет практически сразу начал дистанцироваться от политики короля. Первым делом он отказался от поста канцлера, заявив, что «недостоин и одной должности, не говоря уже о двух», чем на корню разрушил все планы короля, связанные с назначением его на этот пост. Затем он влез в борьбу за церковные земли с несколькими светскими лордами, включая графа Хартфорда и Уильяма, лорда Эйнсфорда, еще одного землевладельца из Кента. Он объявил день своего посвящения новым праздником – днем Святой Троицы. Он обрушил на папу Александра III шквал ходатайств, испрашивая позволения укрепить авторитет Кентербери над соперничающим архиепископством Йорка. Союзник короля превратился – буквально за одну ночь – в его противника. Генрих ожидал, что Бекет смажет шестеренки королевской политики в отношении Церкви, а он вместо этого совал в них свои костлявые пальцы. Бекет расстроил все замыслы короля и до конца своей жизни оставался напыщенной, непримиримой и строптивой помехой всем попыткам Генриха обеспечить стабильное управление.

Какими бы ни были психологические причины трансформации Бекета, современникам она казалась чуть ли не обращением Савла. Неудивительно, что неизвестный хронист из аббатства Баттл изображал ее как своего рода сбрасывание кожи, как духовное преображение, вызванное повышением в статусе:

> Пословица говорит, что «слава меняет человека», но он, в отличие от почти всех прочих, менялся не к худшему, но к лучшему – день за днем. Он отринул себя прежнего, скроенного для этого мира, и устремился к себе новому, созданному по образу и подобию Божию.

Впечатлился даже Вильям Ньюбургский, писатель, в целом не симпатизировавший Бекету:

> Спустя некоторое время, относясь благочестиво и ответственно к несению столь высокой чести, он вдруг так изменил свое поведение и свои манеры, что некоторые усмотрели в этом «перст Божий», а другие решили, что «изменение это произведено рукой Всевышнего».

Превращение Бекета из верного королевского подручного в яростного защитника прав Церкви случилось с ошеломляющей скоростью. Генрих терпел раздражающее поведение своего друга со значительного расстояния. До осени 1162 года он был слишком занят нормандскими делами, и ему было не до английских проблем. Но, вернувшись с континента в январе 1163 года, он намеревался осуществить ряд законодательных и правительственных реформ, которые, как он считал, были критически важны для укрепления закона и порядка. Реформы, которые Генрих в 1164 году хотел провести в Англии, сейчас известны как Кларендонские конституции. Документ, состоящий из 16 пунктов, – один из самых известных в истории английского законодательства.

Конституции были попыткой Генриха провести четкую границу между размытой юрисдикцией Церкви и королевской властью. В этой области велись ожесточенные споры по многим вопросам, но он решил уделить особое внимание вопросу о преступных клириках.

Практически каждый шестой англичанин в XII веке технически был служителем Церкви. Хотя большинство из них не были и не имели шансов стать священниками, в церквях существовало множество мелких должностей, а кроме того, были еще и те, кто примкнул к Церкви ради получения образования, а потом ушел служить светскому господину. Многие приходские священники были слабо образованны и практически неграмотны. Их жизнь мало отличалась от жизни простых крестьян. Но, если некто преступал закон, духовный статус давал ему значительное преимущество. Церковь требовала права наказывать своих провинившихся служителей – тех, что воровали, насиловали, увечили и убивали, – самостоятельно. Но наказания, предусмотренные каноническим правом, были значительно мягче. Церковь не проводила испытания ордалиями, не калечила и не казнила виновных. Из-за этого, по мнению Генриха, постыдное количество преступлений оставалось безнаказанным. Зорко оборонявший свои королевские права Генрих считал грубейшим злоупотреблением позволять преступникам укрываться под широкой рясой канонического права, и он не собирался с этим

мириться. Такое положение дел шло вразрез с его главной целью: вернуть короне могущество, которым она обладала во времена его деда.

Если свести запутанную полемику к простым понятиям, то Генрих хотел, чтобы священников, нарушивших закон, лишали духовного сана и передавали светским властям для телесных наказаний. Собственно говоря, он не собирался ставить светский суд выше церковного: он требовал, чтобы преступники из числа служителей Церкви несли, как он считал, справедливое наказание. Бекет же был настроен противостоять любому покушению на права Церкви, какую бы политическую цену ни пришлось за это заплатить.

На совете в Вудстоке летом 1163 года Бекет поругался с королем из-за выплат «шерифской помощи». Этот своеобразный налог землевладельцы традиционно платили напрямую местному шерифу, чтобы помочь ему поддерживать порядок в округе. Теперь Генрих хотел перенаправить этот платеж в казну: таким образом он обеспечивал короне значительные налоговые поступления, брал под контроль источник крупных доходов и при этом напоминал всей Англии, что именно король – непосредственный источник власти, делегирующий ее всем прочим политическим силам. Другими словами, это была финансовая реформа с политической подоплекой. Вопрос этот был важен разве что самим шерифам, однако архиепископ Томас Бекет, сам себя назначивший инспектировать королевскую программу реформ, запротестовал. Он сообщил королю, что «его светлости не пристало забирать себе то, что принадлежит другим», и добавил, что королевство нельзя «принуждать законом». Это так взбесило Генриха, что он выругался на чем свет стоит. Согласно Эдварду Гриму, современнику, который писал биографию Бекета, Генрих закричал на архиепископа: «Клянусь глазами Господними, эти деньги будут занесены в королевские книги, и вы будете платить их в виде налога; а тебе совсем не подобает противиться этому, ибо никто против твоей воли не тронет твоих владений».

Но архиепископ осадил его: «Благословлением тех самых глаз, которыми ты поклялся, милорд король, их не будут платить ни в одной из моих земель, и ни единого пенни [ты не получишь] с земель, которые принадлежат Церкви». Поведение Бекета было продиктовано чистым упрямством, учитывая, что сам он от реформы шерифской помощи почти ничего не терял. Но его выходка ясно давала понять: Бекет твердо настроен проявить себя на новом посту.

Летом отношения между бывшими друзьями в очередной раз

ухудшились. Вопрос о преступных клириках не был решен. От своих советников Генрих узнал, что за девять лет, минувшие с момента его коронации, духовными лицами было совершено более 100 убийств и бесчисленное множество других преступлений, и никто из них не был наказан королевским судом. Бекет пытался удержать Генриха от внесения кардинальных изменений в юрисдикцию судов, изгнав, заклеймив или приговорив к пожизненному заключению нескольких священников, но этого было недостаточно, чтобы убедить короля отступиться. 1 октября 1163 года Генрих созвал английских церковных иерархов на королевский совет в Вестминстере. Обратившись к ним с речью, он потребовал, чтобы они подчинились ему в вопросе преступных клириков и соблюдали древние обычаи королевства. Разгорелась острая дискуссия: королевские стряпчие и знатоки канонического права старались переспорить друг друга. Генрих потребовал от епископов признать, что нарушивший закон священник, чья вина установлена церковным судом, должен быть передан королевскому суду для наказания. В случае же отказа – настаивал Генрих – пусть епископы скажут, согласны ли они вообще следовать «английским обычаям».

Неуступчивость Генриха и упрямство Бекета раздули дело до неимоверных масштабов. На встрече в Вудстоке возглавляемые Бекетом епископы ответили, что они согласны соблюдать обычаи Англии, «сохраняя свой порядок», – уклончивый ответ, который оставлял им возможность ставить каноническое право превыше законов короля.

Генрих взбеленился. «Разгневанный, [король] неожиданно покинул Лондон, не закончив дела и оставив тяжбу в подвешенном состоянии», – писал приближенный и биограф Бекета Герберт из Бошема. На следующее утро Генрих потребовал, чтобы Бекет вернул замки, пожалованные ему в бытность канцлером, и забрал сына из-под его опеки. Злобный жест, порожденный досадой, растоптал их десятилетнюю дружбу. Бекета назначили в Кентербери с конкретной целью, а он делал все наоборот. Позже, во время неудачной попытки примирения в Нортгемптоне, Генрих лично скажет Бекету, что архиепископ должен перестать читать ему проповеди и вспомнить, что всем обязан королевской милости. «Разве ты не сын одного из моих холопов? – спросил он Бекета. – Ты слишком занесся после своего возвышения». Это был острый укол.

Разрыв, случившийся в Вестминстере, оставил у обеих сторон неприятный осадок. И Генрих, и Бекет обратились к папе Александру. Изгнанный из Рима папа был слишком занят

собственными проблемами. Его конфликт со светскими властителями – а конкретно с Фридрихом Барбароссой – вылился в Великую схизму. На престоле в Риме восседал антипапа – Виктор IV. Александр со всей деликатностью уговаривал Бекета сотрудничать с королем; то же делали Гилберт Фолиот, епископ Лондонский, Роджер, архиепископ Йорка, несколько кардиналов и уважаемый цистерцианский аббат Филипп из Омона. В ноябре, по утверждению Роджера из Понтиньи, «архиепископ, поколебленный советами папы и кардиналов и словами этого аббата и других, пришедших с ним», согласился подчиниться королю. Сделал он это приватно в Оксфорде. Торжествующий Генрих в конце января 1164 года созвал Большой совет в своем охотничьем замке и дворце Кларендон. Он хотел, чтобы Бекет был публично и окончательно унижен. Бекет был настороже и попытался уклониться, но Генрих угрозами и злобными нападками заставил его объявить перед собравшимися магнатами – баронами, чиновниками и епископами, что он будет соблюдать все законы и обычаи королевства без всяких оговорок.

Вот тут-то Генрих и захлопнул ловушку. Не удовольствовавшись моральной победой, он завершил атаку и довел дело до окончательного и недвусмысленного триумфа. 29 января Кларендонские конституции были выпущены в виде хирографа – рукописного закона, подразумевающего постоянство и универсальность. Одну копию Кларендонских конституций вручили Бекету, другая осталась у короля, а третья навечно отправилась в королевский архив.

Бекет был в ужасе. Документ состоял из 16 пунктов, перечислявших «обычаи», соблюдать которые он, выходит, согласился. Туда вошли предложенные Генрихом меры в отношении преступных клириков, а кроме того, новый закон запрещал обращаться к папе через голову короля и содержал ряд общих заявлений, утверждающих превосходство королевского суда над церковным.

Архиепископ видел западню, подстроенную Генрихом, но сам попал в двусмысленное положение: поддавшись угрозам короля и согласившись принять его политику в отношении Церкви, он поставил Церковь в положение беспрецедентного подчинения, чем подтвердил, что он именно тот, кем его и считали все это время, – марионетка короля.

Измученный Бекет сложил с себя духовные обязанности. Он сам наложил на себя епитимью и написал папе, признаваясь в совершенном и умоляя о прощении. Он был, писал Герберт из Бошема, «необычайно встревожен и мрачен». Жестокие рыдания сотрясали его тело, когда он оплакивал свое несоответствие сану

по причине мирского прошлого. Его исступленные попытки утвердить себя в глазах Господа Бога, братьев во Христе, да и в собственных тоже, ни к чему не привели. Он полностью потерял расположение короля, его дружбу и поддержку, но и благосклонности высшего Владыки не приобрел: «Я ясно вижу, что заслуживаю того, чтобы Господь меня покинул, я недостоин занимать святой престол, который был мне отдан», – вскричал он. Ударившись в панику, он полностью потерял способность рассуждать здраво и в поисках поддержки написал врагу Генриха, Людовику VII, а летом безуспешно пытался бежать во Францию.

Генрих же пылал жаждой мщения. Осенью он вызвал Бекета на совет в Нортгемптонском замке. 6 октября 1164 года архиепископ и бывший друг Генриха был обвинен в растрате, совершенной в бытность канцлером. Бекет вновь обратился к папе. Так же поступил и Генрих. Он намеревался сместить архиепископа с поста и злонамеренно отклонил его жалобу папе как нарушение Кларендонских конституций.

Обвиненный в преступлениях против короны и против собственной души, Бекет запаниковал. Судебный процесс в Нортгемптоне приближался к развязке, когда он объявил, что отказывается выслушать приговор, развернулся и вышел из помещения. Ему удалось покинуть замок, и следующим утром, когда свинцовое небо пролилось дождем, посрамленный и промокший архиепископ ушел из города в сопровождении всего четырех человек. Он покинул Англию 2 ноября 1164 года: опасная и безрассудная переправа через Ла-Манш на небольшом судне в поисках приюта у французского короля привела его на берега Фландрии. Бекет не вернется в Англию еще пять долгих лет.

Наследные планы

Бекет ускользнул из Англии в унынии, которое очень скоро сменилось яростью. Во Франции он поселился в аббатстве Понтиньи. Там он и пребывал, разъяренный и негодующий, скрипя зубами обращался в письмах с протестом к папе и громко жаловался каждому, кто готов быть слушать. Товарищ Бекета Эдвард Грим писал, что он истязал себя суровой аскезой:

> С этого времени он довольствовался овощами и грубой пищей и, отказавшись от вкусной еды, украдкой лишал себя разных деликатесов… Он опускался в ручей, протекавший между мастерскими монастыря [Понтиньи], и оставался там дольше, чем может выдержать бренное тело. От бесконечных истязаний жестоким холодом в попытках очиститься от страстей, которые, казалось, обитали в нем, его избавила лишь последовавшая в результате болезнь… У него развился абсцесс, который распространился вглубь горла и перерос в язву. Его долго терзала мучительная боль, и только после удаления двух зубов он постепенно поправился.

Письма, которые Бекет слал из Понтиньи, выдают обуревавшее его чувство яростного негодования. И чем дольше длилось его изгнание, тем чаще он пускался в разглагольствования о своей правоте. Он выпускал залп за залпом по главным министрам Генриха II, в особенности по юстициариям Ричарду де Люси и Джослину де Бэллиолу, основным авторам Кларендонских конституций. На Троицу 1166 года в Везле он прочел негодующую проповедь, приговорив всех своих английских врагов к отлучению от Церкви.

Но лаял он страшнее, чем кусался. Генрих иногда вспоминал о Бекете, но в основном был занят решением самых разнообразных проблем, возникающих на его огромных территориях. Время шло, и вся эта история с архиепископом ему уже поднадоела. Генрих приспособился к сложившемуся положению вещей. Он передал обязанности канцлера (хоть и не титул) Джеффри Риделу. Ему же демонстративно передали и прежний сан Бекета – архидьякона Кентерберийского. Генрих продолжал вести изнурительные пограничные войны с Людовиком и своими собственными мятежными вассалами. Он приступил к завоеванию Бретани, заключал союзы на восточных и

южных окраинах владений Плантагенетов – от Альп до нормандского Сицилийского королевства, усмирял восстания аквитанских баронов и отражал французскую агрессию на границах Нормандии. Несмотря на гневные филиппики, выходившие из-под пера Бекета, у короля Англии, герцога Нормандии и Аквитании и графа Анжуйского, в конце 1160-х годов были поводы для волнения поважнее резонерствующего бывшего канцлера, грызущего морковку во французской глуши.

В сентябре 1167 года заболела и умерла императрица Матильда. Ей было 65 лет. В первые 13 лет царствования Генриха мать была для него мудрой советчицей и наперсницей в политических вопросах, особенно в отношениях со Священной Римской империей, где она провела свою юность. Время от времени Матильда исполняла обязанности гранд-дамы Нормандии; к ней обращались за советом и посредничеством великие мужи Европы, в том числе Людовик VII, который признавал ее авторитет в делах Руана. В 1162 году Матильда проявила предусмотрительность, отговаривая Генриха продвигать Бекета на пост архиепископа Кентерберийского, а всего за несколько месяцев до смерти, когда вражда двух королей в очередной раз обострилась, решала насущные политические вопросы, пытаясь помирить своего сына с Людовиком.

Матильда умерла в окружении монахов аббатства Бек, среди которых прожила много лет, удалившись от дел. Братья зашили ее тело в бычью шкуру и устроили пышные похороны. Этим они отдавали ей долг благодарности за несметные сокровища, которыми она осыпала церковь аббатства: два тяжелых золотых венца из Германии; переносной алтарь из серебра и мрамора; и ее собственная, отделанная золотом императорская мантия. Она умерла как жила: дочь, жена и мать трех выдающихся Генрихов: короля Генриха I Английского, Генриха V, императора Священной Римской империи, и Генриха Плантагенета, великого владыки, который грозил затмить их всех. Она пережила двух сыновей – Жоффруа умер в 1158-м, а Гильом в 1164 году, но оставила после себя поколение внуков, которые будут править всей Европой.

Смерть Матильды ознаменовала смену поколений. В 1168 году умер и Роберт, граф Лестер, переход которого на сторону Генриха в 1153 году стал переломным моментом в борьбе за английскую корону, и который с 1154 года был одним из юстициариев Англии. Ветераны гражданской войны друг за другом покидали этот мир, но Генриху уже удалось определиться с целями. Его уверенность в себе достигла апогея. Согласно Иоанну Солсберийскому, в 1168 году Генрих воскликнул, что «теперь он наконец-то добился власти деда (Генриха I), который

был королем на своей земле, папским легатом, главой семьи, императором и всем, чего только мог пожелать». У него была семья, королевство, безопасность. Настало время подумать о будущем.

В 1167 году Алиенора родила свое последнее дитя, которому суждено было выжить. Мальчика назвали Иоанном, и с ним число детей Плантагенетов достигло семи: четыре сына и три дочери. Алиеноре было 43 года, когда родился Иоанн; ее репродуктивный успех был и политическим достижением, потому что с помощью этих семерых детей Генрих надеялся пустить корни своей династии по всей Европе. Их будущее было буквально будущим империи Плантагенетов, а предназначенные им браки должны были до конца века расчертить карту Западной Европы.

Основной заботой Генриха в конце 1160-х было установление прочных отношений со все более воинственно настроенным Людовиком VII. В августе 1165 года третья жена французского короля, Адель Шампанская, наконец родила ему сына, Филиппа. Долгожданное появление на свет наследника дома Капетингов улицы Парижа встретили ликованием, и груз упал с плеч Людовика. Однако рождение Филиппа стало не только облегчением, но и своего рода катализатором. Французский король беспокоился о будущем и все сильнее нервничал при мысли, что королевское наследство, которое он передаст сыну, за годы его правления сократилось в размерах, а престиж титула сошел на нет. Он начал при любом удобном случае искать способа досадить английскому королю (приютив Бекета, например). Участились столкновения в приграничных регионах, где территории постоянно переходили из рук в руки; Людовик принялся поощрять бунтовщиков из числа самых беспокойных подданных Генриха: короля Шотландии, валлийских князей, лишенных владений в 1157 году, и бретонцев, которым не нравились агрессивные попытки Генриха завладеть герцогством. Людовик был основным соперником Генриха в борьбе за господство на континенте, и эта его роль не укрылась от аквитанских баронов во главе с графом Ангулемским и графом Ла Марш, которые раздумывали, не предпочесть ли им в качестве сюзерена французского короля вместо английского.

В этих условиях Генриху приходилось строить планы на будущее с осторожностью и даже с некоторым сочувствием к своему сопернику Капетингу.

Возможно, в память о матери через год после ее смерти Генрих отдал старшую дочь Матильду замуж за Генриха Льва, герцога Саксонии и Баварии, сохранив тем самым связи английской короны с германскими государствами. Но у этой

Матильды было четыре брата, и ее вряд ли когда-нибудь заберут из Германии, заставив защищать интересы Плантагенетов в Англии. По плану Генриха II эта честь принадлежала его старшему сыну и тезке. В 1162 и 1163 годах юный Генрих уже принял оммаж английских баронов, короля Шотландии и князей Уэльса. Ссора с Бекетом помешала короновать его как назначенного короля (*rex designatus)*, потому что короновать короля Англии мог только архиепископ Кентерберийский. Тем не менее король Генрих ясно дал понять: он желает, чтобы в будущем этот мальчик правил всем наследством Плантагенетов: Англией, Нормандией и Анжу. Младший Генрих должен был стать правителем и повелителем львиной доли территорий, принадлежавших отцу.

К 1168 году в состав этих владений вошло все герцогство Бретань. Годами неустанно осуществляя военное и дипломатическое давление, Генриху II удалось женить своего третьего сына, Джеффри, на Констанции, единственной дочери Конана IV, герцога Бретонского. Затем он заставил герцога отречься. Отдав ему английское графство Ричмонд в качестве пенсионного обеспечения, в обмен он обрел контроль над Бретанью от имени Джеффри. Когда сын войдет в лета, распорядился Генрих, он будет править как герцог Бретани, сохраняя герцогство в феодальной зависимости от своего старшего брата, который, в свою очередь, принесет оммаж за него королю Франции. Пока же мальчик не достиг зрелости, Генрих будет править Бретанью сам.

Из четверых старших детей непристроенным оставался один Ричард. Второй сын Генриха был дитя юга – на это указывало и его имя, больше распространенное в Пуатье, чем в Руане или Шиноне. Он был любимчиком матери, и поэтому было решено, что он должен унаследовать ее часть империи Плантагенетов: герцогство Аквитанское и графство Пуату. Алиенора, которая не могла больше родить, мечтала вернуться в Аквитанию и править ею как герцогиня, которой она всегда была. С помощью Ричарда это можно было устроить.

Независимость Аквитании много значила для Людовика с тех самых пор, как он утратил контроль над герцогством, потеряв Алиенору, которая в 1152 году бросила его и вышла замуж за Генриха. И Генрих предложил, чтобы Ричард держал Аквитанию в прямой вассальной зависимости от французской короны, ослабив связи герцогства с остальными владениями Генриха. Чтобы подсластить пилюлю, Генрих предложил женить Ричарда на дочери Людовика Алисе, рожденной в 1160 году.

Этот план был представлен Людовику в Монмирай, в Мене,

на встрече, состоявшейся в январе 1169 года. Это было, несомненно, великодушное предложение – как для сыновей Генриха, так и для самого Людовика. Генрих настойчиво строил свою империю, и в его эпоху ему не было равных. Тем не менее он продемонстрировал Людовику, что не намеревается навечно сохранять единым целым огромный домен, который он контролировал. Все же это не было полноценной империей – территориями, навечно объединенными под общим управлением. Это была скорее федерация, и связи между ее частями можно было при необходимости усиливать и ослаблять. Ни Аквитанию, ни Бретань не предполагалось присоединить навечно к огромному территориальному блоку под властью английской короны. План раздела, предложенный Генрихом, предполагал в будущем объединить Анжу с Англией и Нормандией, консолидировать власть в Аквитании и изменить феодальные отношения между Бретанью и французской короной. Предполагалось, что в день, когда Генрих последует за матерью в небытие, стрелки часов будут переведены обратно на 1152 год.

Это в некотором роде развеяло наихудшие опасения Людовика о вечной империи Плантагенетов под властью английской монархии, способной превзойти свою парижскую соперницу. В Монмирае короли заключили мирный договор и набросали новую картину будущих феодальных отношений, обеспечив себе долгожданную передышку. Встрече предшествовала изнурительная война: в 1167 и 1168 годах Генрих вел кампании в Бретани и Аквитании, сокрушая мятежников, восстающих против его власти. Заодно он опустошал земли, принадлежавшие вассалам Людовика, на границах Нормандии и в Перше. Даже для XII века, привычного к постоянным осадам, перестрелкам, разрушениям и рыцарям-грабителям, военные действия тянулись слишком долго.

Действительно, в подходящих обстоятельствах, соглашения, достигнутые в Монмирае, могли привести к беспрецедентному периоду мира и согласия между двумя королями. Но один вопрос не удалось решить за столом переговоров в большой французской крепости: дело Томаса Бекета.

Бекет и Генрих столкнулись в Монмирае лицом к лицу – впервые со времен их громкого разрыва. Их встреча была обставлена в духе миролюбия, пронизывающего все мероприятие. Бекет, на которого со всех сторон давили, заставляя извиниться, пришел к Генриху, чтобы преодолеть пагубную размолвку, тянувшуюся пять лет.

К несчастью, Бекет показал Генриху, что ни капли не изменился за пять лет изгнания. Герберт из Бошема наблюдал за

встречей короля и архиепископа:

> Архиепископа подвели к королю… стоявшему в окружении огромной толпы людей, пытавшихся с ним поговорить… Архиепископ немедленно простерся у ног короля… Но король удержал его и поднял на ноги.
>
> Стоя перед королем, архиепископ начал униженно и усердно просить королевского милосердия к Церкви, порученной его, недостойного грешника, заботам. По обычаю праведников, в начале своей речи он признал себя виновным и приписал все беды Церкви и все причиненное ей беспокойство исключительно своим собственным ошибкам. Завершая свою речь, он сказал: «Милорд, что касается всего дела между мной и вами, я теперь вручаю себя вашей милости и справедливости в присутствии нашего господина короля Франции, и епископов, и знати, и всех здесь собравшихся». Но, к удивлению короля, посредников и даже его собственных людей, в конце добавил: «…сохраняя честь Божию».

Это был Бекет во всей красе. Посредники на переговорах в Монмирае неоднократно предупреждали его не прибавлять такой раздражающей оговорки к своему извинению. Фраза «сохраняя наш порядок» была камнем преткновения в жестоких спорах вокруг Кларендонских конституций, и Бекет никого не обманул, изменив ее на «честь Божию». Услышав последние слова Бекета, Генрих понял, что ничего не изменилось. «Король был оскорблен до глубины души и воспылал гневом на архиепископа, принялся оскорблять и унижать его, упрекать и бранить его, обвиняя в гордыне, высокомерии, забывчивости и неблагодарности к королевским милостям, которыми он был осыпан», – писал Герберт из Бошема, который заметил, что даже французский король, казалось, был раздражен непримиримостью Бекета. Людовик спросил его: «Лорд архиепископ, ты что, хочешь быть святее всех святых?» Итогом мирной конференции стали тщательно разработанные планы по разделу территорий, но разрыв между Бекетом и королем преодолен не был.

«Ты хочешь быть святее всех святых?» Эти слова Людовика стали пророческими. После неудачного примирения в Монмирае Генрих и Бекет предприняли еще одну, с треском провалившуюся попытку в Монмартре в ноябре 1169 года. На этот раз Генрих не предложил архиепископу примирительного поцелуя. Бекет угрожал наложить интердикт на всю Англию и пытался заручиться для этого поддержкой папы. В контексте наследных планов Генриха он становился уже не просто досадной помехой.

В июле 1170 года Генрих приступил к решительным действиям. Прибыв в Англию в сопровождении старшего сына и нескольких нормандских епископов, он отправился в Вестминстерское аббатство, где архиепископ Йорка, Роджер Понт л'Эвек помазал Генриха-младшего на царство как *rex designatus* – назначенного короля. На церемонии присутствовало и около десятка других епископов.

Узнав об этом возмутительном попрании его привилегий, Бекет пришел в ярость. После короткого периода непрочного мира 30 ноября 1170 года Бекет прибыл в Англию с намерением наказать епископов, принявших участие в неподобающей коронации. На Рождество он метал громы и молнии с кафедры Кентерберийского собора, отлучив от Церкви чуть ли не всех, кто когда-либо шел против него. Затем он объявил суровый приговор тем, кто принимал участие в коронации Генриха Молодого Короля.

Известие о провокационной выходке Бекета достигло ушей Генриха в Бюре, в Нижней Нормандии, где он проводил свою Рождественскую курию. Узнав новости, он пробормотал одну из самых печально известных фраз в истории: «Каких жалких дармоедов и предателей я пригрел и возвысил в своем доме, что позволяют безродному клирику с таким постыдным неуважением относиться к их господину!» (Эти его слова часто неверно передают как «Неужели никто не может избавить меня от этого назойливого попа?»)

Не прошло и нескольких дней, как архиепископ был убит. 29 декабря четыре вооруженных человека ворвались в боковую дверь Кентерберийского собора, разрубив ее топором. Архиепископ Кентерберийский ждал их внутри. Они были в бешенстве. Он был безоружен. Они попытались арестовать его. Он не подчинился. Они снесли ему череп и растоптали мозги сапогами.

Четыре рыцаря, убившие Бекета, кажется, верили, что выполняют желание Генриха. В недели и месяцы после смерти Бекета это убеждение распространилось по охваченному шоком христианскому миру. Генрих, еще недавно считавший себя величайшим из европейцев, наследником Генриха I, внезапно стал парией. Не только Церковь, но и все европейское общество было возмущено убийством. Казалось, папа Александр – который неделю отказывался разговаривать с англичанами, получив известие о смерти Бекета, – был готов отлучить Генриха. Колесо фортуны резко прокрутилось вниз. Положение Генриха, которое он так тщательно выстраивал, опираясь на свою политическую изворотливость и выдающиеся организаторские способности,

внезапно разлетелось на куски, и все из-за нескольких сказанных в гневе слов.

Оказавшись в самой сложной ситуации за всю свою политическую карьеру, король счел за лучшее ретироваться. Он отправился в самый глухой угол своей империи, куда вряд ли кто-нибудь осмелился бы за ним последовать, – в Ирландию.

Генрих высадился в Уотерфорде в октябре 1171 года и пробыл в Ирландии до следующего года. Этот отвлекающий маневр обеспечил ему необходимую и небесполезную передышку: сфера его влияния на западе Британских островов расширилась, а сам он скрылся от внимания Европы, пока не смягчился шок, с каким было встречено известие о смерти архиепископа.

Ситуация в Ирландии была сложной. Еще в 1155 году Генрих получил от папы Адриана IV своего рода разрешение на завоевание Ирландии, однако дело не казалось ему срочным. Но в последнее время Ирландию охватила гражданская война. Коалиция недругов, возглавляемая Руайдри Уа Конхобайром (Рори О'Коннором), сместила короля Лейнстера, Диармайта Мак Мурхаду, который принужден был искать убежища в Англии. Генрих позволил Диармайту завербовать людей для вторжения из числа англо-нормандских баронов, и Диармайт не преминул воспользоваться их помощью, чтобы вернуть себе трон. Поддержавших его баронов он щедро наградил. В их числе был и Ричард Фиц-Гилберт де Клер, сын бывшего графа Пембрука, чье прозвище Тугой Лук гремело по всей Европе. Со временем Диармайт, Тугой Лук и их союзники овладели Ирландией и присвоили себе тот сорт самовластия, который не давал Генриху покоя, если принадлежал людям, которых он считал своими вассалами и подданными. Тугой Лук в особенности был опасной фигурой. Высокий, светловолосый, прирожденный государственный деятель, он пользовался уважением и восхищением со стороны тех, кто, как Геральд Камбрийский, писал о нем. Он женился на дочери Диармайта, Еве, и, когда Диармайт в мае 1171 года умер, Тугой Лук унаследовал Лейнстер и огромные территории в Южной Ирландии.

Генрих привез в Ирландию большую армию и грозное осадное снаряжение. Это была демонстрация силы, а не серьезная попытка изгнать из Ирландии людей типа Тугого Лука. Генрих удовлетворился бы признанием его прав, и он его добился: все вторгшиеся в Ирландию лорды и большинство местных князей ему подчинились. Тугой Лук лишился своих земель и титулов, а затем получил большую их часть обратно, но уже как феоды, дарованные непосредственно английским королем. Главенство короля и иерархия князей были прочно установлены.

Организованный ум Генриха был удовлетворен.

Он провел в Ирландии шесть месяцев, пересматривая сферы полномочий, укрепляя свои права и прерогативы в качестве верховного правителя. Пока Генрих был занят делами, ужас, охвативший христианский мир после убийства Бекета, начал утихать. Папа Александр III оттаял настолько, что писал Генриху, похвалив его за усилия в Ирландии. Папа сообщил ирландским епископам, что английский король, «наш драгоценный сын во Христе», «покорил этот варварский и грубый народ, не знающий закона Божьего», и потребовал оказывать ему всяческое содействие. Весной 1172 года Генрих реабилитировался и вернулся на континент для заключения мира между короной и Церковью, известного как компромисс в Авранше.

Компромисс положил конец болезненному разрыву Генриха с Церковью. В этом мировом соглашении утверждалось, что между Церковью и государством теоретически должно царить согласие, но предусмотрительно не уточнялось, что для этого нужно предпринять. Генрих должен был отступиться и не заставлять английских епископов следовать букве Кларендонских конституций, а кроме того, в договоре содержались некоторые положения о благих намерениях, касающиеся крестовых походов. В результате все заинтересованные стороны, сохранив лицо и предотвратив конфликт, вернулись к своим делам. Современники же считали, что Генрих должен поплатиться за жестокие слова, сказанные на Рождество 1170 года. Так оно и произошло. Через год после компромисса в Авранше короля Англии настигло божественное возмездие. Хроника аббатства Баттл сообщает: «Мученик Господень или даже сам Господь от имени своего мученика, похоже, жаждал отомстить за невинную кровь». Удар пришелся туда, где причинил больше всего боли королю Плантагенетов: кара настигла его в собственной семье.

Орлиное гнездо

Мятеж, охвативший семейство Плантагенетов в 1173 году, следом за скандальным делом Бекета, стал самым серьезным кризисом, с каким пришлось столкнуться Генриху за все время царствования. Внезапно, ни с того ни с сего, жена Генриха и трое его старших сыновей ополчились против 39-летнего короля. В компании разношерстных союзников, среди которых были могущественнейшие персоны христианского мира, дети Плантагенетов по всем своим обширным территориям поднимали на бунт людей и крепости с дислоцированными в них гарнизонами. Генрих, поначалу захваченный врасплох, вскоре осознал, что столкнулся с единой оппозицией, подстрекаемой к действиям членами его семьи. Он больше года вынужден был сражаться на нескольких фронтах сразу, а империя его трещала по швам. Позже Генрих скажет, что в ту войну он ощущал себя орлом, которого сокрушили и заклевали собственные птенцы.

Неприятности начались с Генриха Молодого Короля. В начале 1173 года Генрих-младший приближался к 18-му дню рождения. Он стоял на пороге совершеннолетия и уже был женат на дочери Людовика VII принцессе Маргарите. Хронисты изображали Генриха безответственным и некомпетентным юнцом. Принц был высок, светловолос и миловиден и умел держать себя в обществе. Искусный наездник, он обожал турниры; Молодого Короля постоянно окружала толпа приспешников, играющих на его рыцарском честолюбии. Его дважды короновали как короля Англии: за сомнительной церемонией, совершенной Роджером, архиепископом Йорка, последовала вторая, состоявшаяся в августе 1172 года в Винчестере, где его жену короновали вместе с ним. В обоих случаях Генриха помазали елеем – особенно священным маслом, а присутствовавшие рыцари обращались с ним с необычайным почтением. На одном из коронационных банкетов отец лично ему прислуживал. Молодой Король упивался собственным великолепием, но окружающие считали его заносчивым, жадным и недалеким.

Несмотря на высокое положение наследника отца, Молодой Король, как это ни парадоксально, был лишен реальных плодов королевской власти. Генрих планировал отдать сыну Англию, Нормандию и Анжу. Но вот Молодой Король вошел в лета, а земельных владений и власти – в которых и заключается весь смысл царствования – у него не прибавилось. Наделенный титулами, он был обделен землями и доходами со своего королевства, герцогства и графства. Юный Генрих был по уши в

долгах, не имея средств оплатить свой расточительный аристократический образ жизни. Гордость его была уязвлена. Генриху II было 16, когда он получил в свое безраздельное владение герцогство Нормандское. Генрих Молодой Король был почти на два года старше, но не имел за душой практически ничего. Досаду, снедавшую юношу во время томительного ожидания наследства, с энтузиазмом раздувал его тесть, Людовик VII.

Толчком к разрыву между Генрихом и его отцом послужили распоряжения старого короля относительно брака младшего сына, шестилетнего Иоанна. Чтобы обеспечить его будущее, в качестве свадебного подарка отец передал Иоанну три замка: Шинон, Луден и Миребо. Эти стратегически важные крепости располагались между Анжу и Меном. Шинон в особенности был важным центром власти Плантагенетов, и Молодой Король считал его опорой наследства, принадлежащего ему по праву. К тому же все они были частью властного ресурса, которого, по мнению младшего Генриха, он был лишен. Через несколько дней после передачи замков разъяренный Генрих удрал от отца и отправился ко двору французского короля. Мятеж начался.

Для Генриха II ссора со старшим сыном была закономерной – возможно, даже неизбежной. Но ситуация обострилась, когда Ричард (которому было 15) и Джеффри (14) поддержали бунт, уехав от матери из Пуатье и присоединившись к Людовику. «Сыновья подняли оружие на отца в дни, когда христиане повсюду складывали его из уважения к Пасхе», – писал хронист Радульф де Дисето. Молва гласила, что младшие сыновья Генриха присоединились к восстанию против старого короля по наущению Алиеноры Аквитанской. Сам Генрих определенно в это поверил, потому что попросил архиепископа Руана написать Алиеноре письмо, напомнив о ее обязанности «вернуть сыновей мужу, которому ты должна подчиняться и с которым должна жить».

Почему Алиенора пошла против мужа после столь долгого периода безусловной лояльности – загадка до сих пор. Причиной называли ревность и обиду на то, что Генрих оставил ее ради любовницы Розамунды Клиффорд (что не имеет под собой никаких оснований), или недовольство тем влиянием, которое оказывала на Генриха его мать, императрица Матильда (абсурд, потому что Матильда умерла в 1167 году). Похоже, у Алиеноры имелся более серьезный повод для возмущения.

В 1173 году Алиенора была так же политически бесправна, как и ее старший сын. Первые 15 лет брака с Генрихом она была занята рождением детей. С появлением на свет Иоанна этот период ее жизни закончился, и она заняла новое положение в

огромной федерации Плантагенетов. Алиенора вернулась к обязанностям герцогини и правительницы крупной южной части домена Плантагенетов, которым она владела по собственному праву. Но в 1173 году она, как и Генрих Молодой Король, поняла, что на практике ее политическая роль ставится под сомнение. Номинально она была герцогиней Аквитанской, но реальный объем ее власти над герцогством медленно сокращался. Игнорируя права жены на ее владения, Генрих начал распоряжаться Аквитанией так, как сам считал нужным. Когда их дочь Элеонора вышла замуж за короля Кастилии, в качестве приданого он отдал ей Гасконь. Заключив мир с Раймундом, графом Тулузы, он заставил графа принести ленную присягу Генриху Молодому Королю, не имевшему прав на Аквитанию. Для Алиеноры этот жест означал, что ее муж считает Аквитанию территорией, подчиненной англо-нормандской короне, а не автономной частью большого домена Плантагенетов. Как и ее старший сын, Алиенора почувствовала, что обладает исключительно фиктивной властью. И решила бороться за власть реальную.

Нельзя сказать, что ее действия были продиктованы чистым эгоизмом – для Алиеноры независимость Аквитании была делом не только личного престижа: под угрозой оказались интересы ее любимого сына Ричарда. По плану наследования Ричард должен был стать герцогом Аквитанским. С этой целью его в 1170 году сделали графом Пуату – первый шаг на пути к титулу герцога. В помощь Ричарду Алиенора организовала регентский совет и живо интересовалась его развитием как политического деятеля. Соответственно, ее неприятности были и его неприятностями. Неужели Ричарду, достигнув совершеннолетия, придется довольствоваться жалкими крохами реальной государственной власти в герцогстве, которым Алиенора учила его управлять? Ни один из них не собирался мириться с таким положением дел.

Алиенора взбунтовалась. Призвав на помощь сыновей, она решила объединить силы с человеком, о союзе с которым за эти долгие годы не могла бы и помыслить: с бывшим мужем Людовиком VII Французским. В конце февраля она отправилась верхом через всю страну в Париж, где Генрих, Ричард и Джеффри уже укрылись под крылом французского короля.

Второй раз в жизни она совершала смертельно опасное путешествие по дорогам Франции. Хронист Гервазий Кентерберийский пишет, что Алиенора, выезжая в Шартрез из замка Фей-ла-Винез, расположенного недалеко от Пуатье, и опасаясь быть узнанной, нарядилась в мужской костюм. Но маскировка не помогла, и до Шартреза она не доехала. Алиеноре

было почти 50 лет: это была уже не та энергичная молодая женщина, что в 1152 году улизнула от назойливых женихов, торопясь на встречу с Генрихом. В пути ее узнали. Люди Генриха схватили королеву и увезли в замок Шинон. Хронисты, которых достигли слухи, что в момент задержания Алиенора была одета как мужчина, не поверили своим ушам и на все лады обсуждали ее скандальное поведение.

Алиенору поймали, но сыновей она успела передать в руки французского короля. Узнав о ее предательстве, Генрих отправил в Париж послов, приказывая мальчикам отказаться от своей глупой затеи. Генрих Молодой Король встретил послов в компании Людовика VII. Когда они попросили юношу вернуться к отцу, Людовик VII вмешался:

– Кто просит об этом?

– Король Англии, – прозвучало в ответ.

– Неправда, – возразил Людовик, взглянув на младшего Генриха. – Король Англии перед вами.

Началась война, и обе стороны приготовились к длительному противостоянию. Людовик VII и юные Плантагенеты сформировали широкую коалицию недовольных, многих привлекли смехотворными обещаниями обогащения за счет владений Генриха Молодого Короля – потом, когда он их завоюет. Король Франции заказал для юного Генриха специальную печать, и тот, раздуваясь от гордости, принялся ее использовать, раздавая направо и налево тысячи фунтов вознаграждений, земли в Мортене и Турени, а заодно и графство Кент целиком. Привлеченные щедрыми дарами, к мятежу с энтузиазмом присоединились Филипп, граф Фландрии, Матье, граф Булонский, и Тибо, граф Блуаский.

В Англии на сторону бунтовщиков перешел Роберт Лестерский, сын того Роберта, что до самой смерти верно служил Генриху, выполняя обязанности юстициария. Кроме него, к мятежу присоединились несколько северных графов, епископ Дарема и Гуго Биго, граф Норфолка. И наконец, мятежникам удалось привлечь на свою сторону Вильгельма Льва, короля Шотландии, наследовавшего своему отцу в 1165 году, – человека, настолько ненавистного Генриху, что одно упоминание его имени в положительном ключе однажды спровоцировало приступ бешенства: король бросился на пол в своей опочивальне и принялся грызть солому матраса. Вильгельму пообещали все английские земли, которые удерживал его предшественник Малькольм IV в годы анархии.

Раздаривая земли и суверенитет, 18-летний Молодой Король демонстрировал свою неопытность и неосведомленность в

государственных делах. На протяжении всей Великой войны, бушевавшей в течение следующих 18 месяцев, Генрих Молодой Король служил марионеткой Людовика VII и его союзников, мечтавших разрушить власть Плантагенетов везде, где только можно.

Первый этап войны пришелся на лето 1173 года. В мае союзники без особого успеха атаковали города Вексена. В июне и июле им удалось сделать больше: они взяли Омаль и Дриankур – но у стен Дриankура погиб Матье Булонский, смертельно раненный стрелой, выпущенной из замка. В июле Людовик и молодой Генрих осадили Верней, но осажденным удалось продержаться достаточно долго и дождаться прибытия Генриха II. Войска союзников бежали, а солдаты Генриха, бросившись в погоню, жестоко смяли их арьергард.

В конце июня Вильгельм Лев со своими шотландцами вторгся в Нортумбрию. Это была не особо выдающаяся кампания. Они то ли не смогли, то ли не захотели взять замки Варк и Варкворт, разорили местность вокруг Ньюкасла-на-Тайне и ввязались в кровавую рукопашную у мощных каменных стен Карлайла. Силы короля возглавлял кастелян Роберт де Во. Защитники замка бились доблестно и бесстрашно, отбили у шотландцев провиант и трофеи, что в дальнейшем помогло им выдержать осаду. Когда же шотландцы узнали, что с юга под командованием юстициария Ричарда де Люси приближается армия короля, они скрылись в приграничных землях, продолжая причинять там мелкие неприятности.

Стратегия, принятая мятежниками в 1173 году, была безыскусной и не увенчалась успехом. Они хотели напасть сразу со всех сторон, заставить Генриха метаться по его владениям и наносить самые сильные удары там, где он в этот момент отсутствовал. Вот тут-то Генрих и воспользовался своим основным преимуществом: способностью перемещаться с безумной скоростью, действовать решительно и с абсолютной точностью направлять наемников туда, где нужно сломить сопротивление. Он перебрасывал войска изматывающими марш-бросками: однажды пересек Нормандию от Руана до Доля за два дня. Он укомплектовал армию бесстрашными брабантскими наемниками, дорогими, но крайне умелыми, свирепыми и легкими на подъем. Генрих говорил, что ценит их за боевые навыки, бесстрашие в атаках и неистовство, которым они превосходят диких зверей.

Энергичные действия Генриха запугали его менее решительных противников. Такая тактика выставила французского короля неумелым полководцем и к тому же

нерадивым и безынициативным правителем. Это стало понятно очень быстро, и Генрих изо всех сил старался воспользоваться ситуацией: на мирных переговорах в Жизоре он предложил сыновьям сложить оружие на весьма выгодных для них условиях. Но Роберт Лестерский, присоединившийся к бунтовщикам, сорвал переговоры: он устроил некрасивую сцену, обнажил меч и принялся оскорблять Генриха. Король явно нажил себе достаточно вооруженных врагов по всем своим громадным территориям, чтобы война продолжалась все лето.

Генриху приходилось вести войну на множестве фронтов, и тут ему весьма пригодились компетентные управленцы, имевшиеся во всех его землях. С самого начала он старался поставить каждую из территорий под управление одаренного администратора, способного рулить государственной машиной в его отсутствие. Ему, в отличие от сыновей и их союзников, не нужно было подкупать людей, переманивая их на свою сторону. Люди, подобные Ричарду де Люси, юстициарию Англии, поддерживали короля прежде всего из верности и чувства долга. Оставив прошлое в прошлом, Церковь тоже его поддержала.

В сентябре центр военных действий переместился в Англию, где граф Лестер и Гуго Биго, еще один мятежный барон, попытались устроить хаос, наняв во Фландрии войско из вчерашних ткачей. Они высадились во Фрамлингеме и двинулись на северо-запад через Восточную Англию в направлении центральных графств. Наемники вышагивали по дорогам, оглашая холодные равнины боевыми песнями.

Народ, помнивший мрачные дни анархии, не обрадовался возвращению фламандцев. В Данвиче женщины и дети бросали камни в армию мятежников. Английские магнаты оказывали юстициарию Генриха Ричарду де Люси всестороннюю помощь – и тем не менее, когда разразилась битва на болотах Форнхэма, недалеко от Бери-Сент-Эдмундс, армия короля, как говорят, в четыре раза уступала врагу в численности. Это не помешало роялистам одержать сокрушительную победу, рассеяв рыцарей графа и отдав наемников на растерзание местному населению. Множество фламандцев потонуло в торфяных болотах.

Зима – неподходящий сезон для средневековых войн – принесла с собой обычное перемирие. Но весной 1174 года военные действия возобновились. Теперь ситуация обострилась в Англии. Вильгельм Лев за зиму перегруппировался и увеличил численность своего войска. Роялисты потерпели ряд поражений в Нортгемптоне, Ноттингеме и Лестере, а ситуация в Нортумбрии оставалась неопределенной. Вдобавок ко всему Филипп Фландрский поклялся на святых мощах, что в начале июня

1174 года предпримет полномасштабное вторжение в Англию. Английские магнаты настойчиво просили Генриха вернуться, и в июле 1174 года он покинул свои континентальные владения и направился в Англию.

Генрих отплыл из Барфлёра в сопровождении огромной армии брабантских наемников, взяв с собой ближайших родственников: жену Молодого Короля королеву Маргариту и своих младших детей Иоанну и Иоанна, а также важных пленников, в том числе собственную жену.

Море штормило, дул порывистый ветер, вздымались гигантские волны. Моряки засомневались, стоит ли пускаться в плавание, и тогда Генрих встал перед командой и сказал: «Если Господь желает, чтобы король вернул себе свое королевство, Он доставит их в порт в целости и сохранности». Так Он и сделал.

Мысли о воле Божьей обуревали Генриха. Он прибыл в Саутгемптон, чтобы сделать одно важное дело, прежде чем вступить в бой. Наверное, это был самый гениальный его ход за всю кампанию. Вместо того чтобы прямиком отправиться в Восточную Англию, где высадился и собирался с силами Филипп Фландрский, Генрих поехал в Кентербери.

Генрих был упрямцем, но всегда внимательно следил за тем, какое впечатление производит на людей. Он знал, что многие думают, будто Господь наслал на него мятеж и рознь в отместку за смерть Бекета, и понимал, что, пока причины мятежа увязывают с делом святого мученика Томаса, надежды на мир нет.

За три дня Генрих добрался до Кентербери, полный решимости устроить яркое представление. Радульф де Дисето пишет:

> Приехав в Кентербери, он соскочил с коня, отбросил свое королевское достоинство, принял вид паломника, молельщика, кающегося грешника и в пятницу, 12 июля, отправился в кафедральный собор. Там, заливаясь слезами, вздыхая и стеная, он дошел до могилы славного мученика. Простершись ниц и раскинув руки, он долгое время лежал там, предаваясь молитве.

Генрих в присутствии епископа Лондонского призвал Бога в свидетели и заявил, что не хотел смерти Бекета, но признал, что своими необдуманными словами он, не желая того, стал ее причиной. Дисето продолжает:

> Он просил присутствующих епископов об отпущении грехов и подверг свою плоть жестокому бичеванию

плетьми, получив три или даже пять ударов от каждого из монахов по очереди, а их там собралось множество… Он провел остаток дня и всю следующую ночь без сна, в душевной скорби, отдаваясь молитве, и три дня держал пост… Нет сомнений, что ему удалось умиротворить мученика…

Разумеется, удалось. Устроив великолепный спектакль публичного раскаяния, Генрих выиграл самую важную пропагандистскую битву той войны. Хроники гудели сообщениями об унижении великого короля, полуодетого, безжалостно бичуемого и истекающего кровью.

Как и писал Дисето, Господь и его мученик услышали короля. Далеко от Кентербери, наутро после королевского покаяния, Вильгельм Лев, сняв шлем, завтракал на привале. Король Шотландии возобновил начатые в прошлом году атаки на северные замки, которые ему пообещали в обмен на соучастие в мятеже. Крепость Варк выдержала неистовые удары кирками и осадными снарядами, не поддалась катапультам и попыткам поджога. Лев посылал войска на штурм Карлайла и Прадо, и также безуспешно. Завтракая, он обдумывал свой следующий шаг: нападение на внушительные многоугольные укрепления замка Алник.

И тут разразилась катастрофа. Группа йоркширских рыцарей, следовавших за шотландцами от Прадо до Алника, предприняла внезапную атаку. Завязался бой, в котором все шотландские рыцари были убиты или взяты в плен. Среди пленных оказался и сам Вильгельм Лев.

В Кентербери была ночь, и Генрих спал, когда пришла весть о пленении Вильгельма в битве при Алнике. Ее принес выбившийся из сил гонец, без остановки гнавший лошадей, чтобы первым доставить новости. Сияя от радости, король возблагодарил Бога и мученика Томаса за свою удачу. Он вскочил с кровати и поднял всех своих баронов, чтобы сообщить им потрясающие известия. Одно удачное сражение – и ядовитое жало мятежа вырвано.

Минимальными военными усилиями Генрих укрепил свою власть в Англии, одолев врагов в центральной и восточной части страны. Те, кого не подчинили силой, сами покорились старому королю к концу июля. 8 августа 1174 года Генрих вернулся в Барфлёр. Он отсутствовал на континенте меньше месяца.

В это время Людовик, Генрих Молодой Король и Филипп Фландрский вторглись на территорию Нормандии и осадили Руан. Генрих сильно рисковал, понадеявшись, что успеет усмирить сопротивление в Англии до того, как жители Руана

сдадут город. Но риск оказался оправданным. Теперь, уверенный в победе, он собрал еще одну армию, в которую кроме испытанных брабантцев вошли и беспощадные валлийские наемники. Очень быстро французы сняли осаду. Вскоре после этого Людовик запросил мира.

Великая война была выиграна. «Мир был восстановлен после краха королевства, – писал казначей Генриха, Ричард Фицнил. – Самые могущественные люди из числа заговорщиков… поняли, как трудно – если вообще возможно – выбить палицу из рук Геракла». Как обычно, талант и везение Генриха позволили ему обойти уступающего во всех отношениях французского короля и своих собственных неопытных сыновей. Он пережил предательство жены Алиеноры, которая теперь сидела взаперти в английском замке, и мог проявить милосердие к сыновьям, заключая с ними мир в Монлуи в 1174 году.

Утвердив в Монлуи свою победу, Генрих позволил всем мятежникам сохранить свои земли и владения в том же состоянии, в каком они пребывали до мятежа. Он одарил каждого из своих сыновей замками или доходами – хотя и не властью, которой они жаждали: Генрих не без оснований боялся, что в этом случае его земельное могущество испарится еще при его жизни. Молодой Король получил два замка в Нормандии и 15 000 фунтов дохода с графства Анжу в обмен на отказ от пограничных замков, отданных Иоанну в качестве свадебного подарка. Ричарду достались два поместья в Пуату и половина годового дохода этого графства. Джеффри получил половину годового дохода Бретани; кроме того, был окончательно утвержден его брак с Констанцией, наследницей герцогства. Раздав все вышеперечисленное имущество, Генрих запретил своим сыновьям просить большего, чем он сам решит даровать им, и послал Ричарда в Пуату, а Джеффри в Бретань – гасить очаги мятежа, который они разожгли.

Генрих приберег свой гнев для старших мятежников. Сильнее всего его задело предательство жены. Алиенора злоупотребила своим положением, присматривая за аквитанским регентством еще не оперившегося Ричарда. Она побудила к мятежу трех своих старших сыновей и проявила при этом ту же бессердечность, что и ее бывший муж. Она восстала против своего пола и положения. Генрих держал Алиенору в заключении в замке Шинон еще несколько месяцев после окончания восстания. Затем, когда толстые каменные стены замка раскалились под июльским солнцем, ее перевезли через всю страну в компании двух мятежных английских графов (Лестера и Честера) и доставили в английский замок Солсбери. Генрих держал ее во вполне

комфортном заточении в разных замках Южной Англии весь остаток своего царствования. В эти годы ее несколько раз видели при дворе, но Генрих II, который в какой-то момент даже испрашивал благословения папы на развод, никогда ей больше не доверял. Разрешения он не получил, а Алиенора не могла вернуться в герцогство, которое она так любила: наказание, отдававшее тщательно продуманной жестокостью.

Последним влиятельным бунтовщиком, с которым Генриху пришлось иметь дело, был Вильгельм Лев. Если Алиеноре досталась самая психологически тяжелая кара за участие в мятеже, то Вильгельм был наказан самыми жесткими политическими мерами. 1 декабря 1174 года его вынудили согласиться на условия Фалезского договора. Подписанный в Йорке договор превращал Вильгельма в личного вассала Генриха II и Генриха Молодого Короля – замки его были конфискованы, а шотландские бароны, епископы и клир должны были подчиниться сюзеренитету английского короля и английской церкви. Шотландская корона теперь была подконтрольна английской, а ее достоинство сокрушено.

Наказание все равно было сравнительно мягким: король, одержав величайшую в своей военной карьере победу, хотел не отомстить, а восстановить нормальное управление в своих владениях. Мир, заключенный в Монлуи, показал все величие и дальновидность Генриха. Пожалуй, этот момент стал кульминацией всего его царствования.

Генрих триумфатор

Двор Генриха в середине 1170-х годов был на редкость блистателен. Победив в Великой войне, он добился статуса величайшего из правителей Европы. Людовик VII был разбит наголову, а в 1177 году в Иври он подпишет пакт о ненападении, признав, что французский и английский короли «с этого момента друзья и что каждый из нас будет в меру своих возможностей защищать жизнь и здоровье другого». Сыновьям Плантагенетов, которые составят следующее поколение европейских государей, был преподан урок терпения. Им нашлось хорошее применение на время ожидания наследства: тушить последние тлеющие угольки мятежа, раздутого ими во владениях отца. Король Шотландский признал власть Генриха, подписав унизительный Фалезский договор. В 1175 году король Коннахта Руайдри Уа Конхобайр утвердил Виндзорский договор, сделавший Генриха феодальным сюзереном большей части Ирландии, что позволило ему через два года назначить своего младшего сына Иоанна верховным королем этой страны. Казалось, ни один из прославленных соседей Генриха не мог оспорить его превосходства. Даже успехи императора Фридриха Барбароссы бледнели на его фоне: пока король Англии грелся в лучах военной славы, император в мае 1176 года проиграл затянувшуюся войну с Ломбардской лигой, и власть его в Южной Европе серьезно пошатнулась.

Все считали короля Англии величайшим из правителей Европы. К его двору приезжали послы и представители со всего христианского мира: от Барбароссы, императора Константинополя, архиепископа Реймсского, герцога Савойского и графа Фландрии. Папа прислал своего легата, кардинала Хугузона, который несколько лет провел рядом с королем, пытаясь убедить его поддержать возрождающееся движение крестоносцев, возглавив крестовый поход. Даже Вильгельм Лев регулярно появлялся при дворе и на королевском совете. Князья Европы обращались к Генриху за помощью в урегулировании конфликтов. Двум его дочерям сделали очень лестные брачные предложения. Старшая, Матильда, в 1166 году вышла замуж за Генриха Льва и стала герцогиней Саксонии. Перед ее младшими сестрами открывались еще более блестящие перспективы, поскольку обеим суждено было выйти замуж за правящих королей. В 1176 году младшую, десятилетнюю Иоанну, отослали на Сицилию, где она должна была стать супругой короля Вильгельма II. На следующий год Элеонора, которой уже

исполнилось 14, вышла замуж за Альфонсо VIII, короля Кастилии. Влияние Плантагенетов простиралось до самых дальних уголков Европы.

Не только международный престиж Генриха достиг апогея – он с поразительной скоростью и политической мудростью консолидировал власть и в собственных землях, особенно в Англии. Перед ним всегда стояли две основные задачи: укрепить границы империи и отстоять и расширить свою власть внутри нее. Победа в Великой войне не оставила шансов врагам, покушавшимся на границы его территорий. С 1174 года король сосредоточил все внимание на второй цели.

Всплеск насилия 1173 года снова привел к появлению в Англии множества замков и фортификационных сооружений, где окопались враги короля. Как и в царствование Стефана, эти деревянные и каменные укрепления с их неприступными бастионами и глубокими рвами заслоняли горизонт, заявляя о правах владеющего ими лорда. Генрих считал замки, занятые без его персонального позволения, оскорблением своего королевского достоинства. По словам Роджера Ховеденского, в 1176 году Генрих «прибрал к рукам все английские крепости». Он изгнал старых кастелянов и поставил на их место своих людей. Подчеркивая, что цель его не отомстить, а продемонстрировать свою верховную власть, Генрих заставил даже самых верных своих слуг – включая Ричарда де Люси, который так много сделал для победы в военных действиях на территории Англии, – сдать свои замки. Какие-то из них были разрушены, какие-то переданы другим вельможам. Послание считывалось безошибочно: власть, которой бароны и епископы Англии держат замки и оружие, проистекает из одного-единственного источника, и этот источник – король.

Крепости и их владельцы всегда были для Генриха жизненно важным вопросом. Нормандский хронист Роберт де Ториньи заметил, что в правление Генриха «замки возводились не только в Нормандии, но и в Англии, в герцогстве Аквитанском, в графстве Анжу, в Мене и в Турени». Со времен нормандского вторжения замки были высшим символом военной власти. Генрих не жалел на них денег – как минимум 21 000 фунтов потребовалась на реконструкцию замков в одной только Англии. Он подстегнул общую тенденцию в области строительства крепостей, и на месте деревянных укреплений по всей Англии вырастали прочные и долговечные каменные. Особенно дорого обошлись ему масштабные работы в Ньюкасле-на-Тайне, Ноттингеме, Орфорде, Виндзоре и Винчестере. Новые каменные стены замков в Скарборо и Боуэсе помогли укрепить границу с Шотландией.

Но жемчужиной проекта, сиявшей ярче всех прочих, стал Дувр, расположенный на вершине устремленного ввысь белого утеса, контролирующего морские подступы к Англии со стороны северо-западного побережья Франции. Когда-то там стоял форт, построенный еще в железном веке, и там же Вильгельм Завоеватель воздвиг свою крепость из дерева и земли. Масштабная реконструкция, которой король подверг замок прадеда, заняла 12 лет и обошлась почти в 6500 фунтов стерлингов, что составило больше двух третей всех денег, потраченных на английские замки в последнее десятилетие царствования Генриха. Когда Людовик VII в августе 1179 года впервые посетил Англию, предприняв четырехдневное паломничество на могилу Бекета, первым, что он и его спутник Филипп Фландрский увидели, ступив на английскую землю, стал замок Дувр. Прежде чем они двинулись дальше, Генрих с гордостью провел гостей по стройплощадке. Людовик был уже не молод – 59 лет – и слаб здоровьем, и Генрих, должно быть, получил массу удовольствия, сопровождая своего давнего соперника по великолепному укреплению. Впечатляющие стены выходили на скалы и контролировали подступы к ним с моря. Начались работы на массивной каменной башне, ничем не уступавшей башням известнейших замков континентальной Европы: анжуйским Лошу, Лудену, Монбазону, Монришару, Божанси и знаменитым нормандским сооружениям в Фалезе, Кане и на границе с Францией.

В 1170-х годах строительство замков стало для английского короля лишь одним из способов расширить пределы своей власти. Генрих был не только солдатом, он был еще и прозорливым, законодательно мыслящим политиком. Перестраивая военный фасад Англии, он одновременно вступил в десятилетие правовой революции, которая будет влиять на английское государственное управление и в следующих поколениях.

Самым крупным вкладом Генриха в законодательство в период до начала Великой войны была Кларендонская ассиза, выпущенная в феврале 1166 года. Этот законодательный акт привел всю систему английского уголовного права в подчинение королю. Во времена нормандского правления правосудие вершили разномастные поместные суды и инстанции, которые могли быть подчинены не только королю, но и Церкви или какому-нибудь барону. Теперь же, намереваясь положить конец беззаконию 1160-х годов, Генрих передал окончательную ответственность за решение судьбы грабителей, убийц, воров и тех, кто их укрывает, королевским шерифам и судьям. Манориальные (баронские) и духовные суды еще существовали,

но по всей Англии их постепенно замещало правосудие короля. Были введены стандартные процедуры разбирательства преступлений. Нарушителей закона предполагалось извести с корнем с помощью присяжных – такое жюри, как правило, состояло из 12 мужчин, которые должны были под присягой сообщать шерифу или судье обо всех совершенных в общине преступлениях. После этого подозреваемых подвергали испытанию водой – жуткий ритуал, в котором обвиняемого связывали и погружали в пруд, реку или озеро. Если вода принимала его и он начинал тонуть, обвиняемый считался оправданным, если же всплывал – вина его считалась доказанной и в качестве наказания ему отрубали правую ступню, изгоняли или казнили. Имущество осужденного переходило в собственность короны.

Кларендонская ассиза наделяла королевских шерифов правом расследовать преступления везде, где требовалось, даже если они подпадали под юрисдикцию каких-то вельмож. «Не должно никому, хоть владеющему замком, хоть не владеющему им… чинить препятствия шерифу и мешать ему явиться в суд лорда или в его земли» – гласила ассиза. Это была действительно революционная мера, потому что таким способом рука королевского правосудия могла дотянуться до самых отдаленных уголков Англии. Правосудие короля теперь действительно стояло выше всех прочих юрисдикций. В вопросах законотворчества и юриспруденции Генрих также провозгласил себя главой всего королевства.

В 1176 году сама эта идея была символически важнее, чем когда-либо, и в январе была принята Нортгемптонская ассиза, уточняющая и подкрепляющая законы, объявленные ранее в Кларендоне. Хаос, посеянный Великой войной, вызвал рост беспорядков и преступности. Поэтому наказания ужесточили: осужденные лишались теперь не только правой ноги, но и правой руки; подозреваемых, выдержавших испытание водой, но пользовавшихся устойчиво дурной славой, изгоняли в любом случае. Выстраивая систему правосудия, Генрих и его советники разделили Англию на шесть судебных округов, в каждом из которых действовал свой выездной суд, и королевские судьи поскакали по стране, восстанавливая порядок, наказывая злодеев и преступников и утверждая правосудие короля в качестве высшей и окончательной формы публичной власти. Судьи рассматривали преступления задним числом, чтобы показать, что королевский суд вправе наказывать, говоря словами ассизы, «все преступления… кроме мелкого воровства и краж, совершенных во время войны, таких как кража лошадей, скота и другого мелкого

добра».

Реформируя уголовное законодательство, Генрих одновременно сделал королевский суд центральным звеном и гражданского права. Выездные суды сообщали, что незаконный захват земли стал такой же серьезной проблемой, как и уголовные преступления. Генрих решил создать механизм, позволяющий легко и быстро устранять земельные споры, обратившись к королевскому суду. Ассиза о новом захвате (*novel disseisin*) привела его в действие. Теперь королевские судьи имели право спрашивать присяжных и о том, кому принадлежат оспариваемые земли. Если присяжные утвердительно отвечали на вопрос, был ли истец несправедливо лишен земельного надела, тогда судьи решали, виновен ли в этом ответчик. За причиненный убыток проигравшая сторона наказывалась конфискацией земель и штрафом.

В Англии XII века земля означала власть, и решение крупных земельных споров было прямой обязанностью короля. Теперь же – теоретически – все земли в Англии можно было защитить, оспорить или возвратить владельцу, просто оплатив приказ королевской канцелярии. Приказ предписывал местному шерифу начать действия, предусмотренные ассизой о новом захвате. Текст его был кратким и шаблонным. Брактон, правовед, живший в XII веке, писал, что подбор слов для формулировки приказа стоил Генриху и его советникам множества бессонных ночей. Если это правда – а похоже, так оно и есть, – у них была на то серьезная причина. Королевский закон и королевские чиновники должны были обеспечивать функционирование привязанного к земле политического сообщества не только в случаях, когда крупные землевладельцы обращались в королевский суд, но каждый день, на уровне графств. Более того, важнейшая с точки зрения баронов обязанность короля была теперь возложена на немудреный бюрократический аппарат. Споры можно было уладить, обратившись в канцелярию, а не лично к королю – бесценное усовершенствование, учитывая огромные размеры империи Плантагенетов и привычку Генриха безустанно и быстро перемещаться по ней из конца в конец.

В 1178 году Генрих реорганизовал королевский совет (королевскую курию). Вместо того чтобы следовать за королем, куда бы он ни поехал, и выслушивать обращения и жалобы на местах, теперь пятеро членов королевского совета должны были находиться в Вестминстере и выносить свои вердикты на постоянной основе. Этот институт, по сути, стал Верховным судом Англии, а позже будет называться Судом королевской скамьи. Тем самым были заложены основы правовой системы

Англии, независимой от короля Генриха, но выражающей полноту его власти (и взимающей неплохие комиссионные за свои услуги).

К 1179 году были разработаны новые виды указов, регулирующих владение землей, а канцелярия взяла на себя еще больше полномочий, традиционно принадлежавших королю. Ассиза последнего представления, или *Darrein presentment*, регулировала права на получение церковного прихода. *Mort d'ancestor*, ассиза о смерти предшественника, решала споры о наследстве. Указ *de recto*, или «указ о праве», позволял людям, считавшим, что манориальный суд был к ним несправедлив, обращаться через голову своего лорда в суд короля. Этот указ применялся и раньше, но теперь форма его была унифицирована: он назначал шерифа основным органом власти, призванным обеспечить правосудие на уровне графства. Новшества повлекли за собой кардинальные перемены в управлении страной.

Итак, пока Генрих наводил порядок в державе Плантагенетов после пароксизмов Великой войны, Англия медленно менялась. Замки, усеивающие ландшафт, теперь были заняты слугами короля или отданы им в пользование баронами и стали символами королевской монополии на военную силу в целом. Ассиза об оружии 1181 года способствовала росту щитового налога – платы, которую магнаты вносили в казну вместо того, чтобы поставлять в войско рыцарей или самим отправляться на военную службу, – и дальнейшему разоружению английских баронов. В одночасье щупальца королевского правосудия проникли в каждое английское графство. Власть короны пустила прочные, глубокие корни в структуру английского общества. Из этих корней она самым удивительным образом прорастет в будущем.

В феврале 1182 года Генрих, приготовившись праздновать свой 49-й день рождения, созвал большой совет в Бишоп Уолтем, в Гемпшире, где объявил, что готов обнародовать свою последнюю волю. В завещании он намеренно не затрагивал политических вопросов. Король сделал крупные пожертвования орденам тамплиеров и госпитальеров. Он оставил 5000 серебряных марок монастырям Англии и 1000 серебряных марок таковым в Анжу. Двести золотых марок отписал в качестве приданого бедным девственницам Нормандии и Анжу. Генрих приказал своим четверым сыновьям – Генриху, Джеффри, Ричарду и Иоанну – проследить, чтобы «его воля была твердо и непоколебимо исполнена; а кто воспротивится или оспорит ее, навлечет на себя негодование и гнев Господень и мой и будет проклят Богом».

Объявив свою волю, Генрих не перестал разъезжать по своим владениям, в основном уделяя время Англии и Нормандии. Но в каком-то смысле он завершил свою миссию. Юридические реформы 1170-х стали последней активной фазой его энергичного правления. Он не знал покоя больше трех десятилетий. Пришло время подумать, что он оставит после себя. С 1182 года Генриха в основном занимали мысли, как наилучшим образом передать свои обширные земельные владения новому поколению правителей-Плантагенетов. И тем не менее именно об этот камень преткновения в конце концов разобьются все жизненные достижения старого короля.

Мир в огне

В 1183 году Генриху должно было исполниться 50, и, несмотря на всю свою предприимчивость и природную энергичность, он чувствовал, что постарел. Жизнь в постоянном движении брала свое. Ноги, навсегда искривленные жизнью в седле, теперь постоянно болели. В 1174 году лошадь лягнула его в бедро, и он получил серьезную травму – вероятно перелом бедренной кости, который так никогда толком и не сросся. Здоровье его ухудшилось, и он уже не был так быстр, как раньше. Скорее всего, он постоянно хромал. Генрих по-прежнему непрестанно переезжал с места на место, но теперь его путешествия прерывались периодическими приступами нездоровья. Хотя Рим принудил Генриха принять крест и обязательство возглавить новый поход на Восток, становилось ясно, что этому не бывать.

Жизнь продолжалась. Король Людовик VII умер 18 сентября 1180 года в возрасте 60 лет, после долгой болезни, которая сопровождалась серией ударов и параличом. Его 15-летний сын был коронован как соправитель за год до смерти Людовика; теперь же он полностью вступил в права наследства и именовался королем Филиппом II. Генриху приходилось вести переговоры и вершить политику, прислушиваясь к мальчику-подростку, а не к мужчине на десять лет старше его самого. Филипп был младше троих сыновей Генриха и только на считаные месяцы старше самого младшего, Иоанна. Генрих в их окружении выглядел фигурой из другого времени. Казалось, вся Франция вскоре будет принадлежать этим мальчикам.

Новым «спарринг-партнером» Филиппа II должен был стать Генрих Молодой Король. Казалось, он не в силах дождаться этого момента. Он тоже был коронован как младший король и время от времени именовал себя в хартиях «королем Англии, герцогом Нормандии и графом Аквитании, сыном короля Генриха», к имени которого прибавлял слово «достопамятного». Молодой Король был одержим перспективой наследовать отцу, и окончательное восшествие Филиппа на трон Капетингов только обострило его жажду.

Тем не менее реального опыта управления Молодой Король почти не имел. В феврале 1183 года ему исполнилось 28 лет, но, несмотря на все присвоенные ему титулы и женитьбу на принцессе из рода Капетингов, его фактически не допускали к власти. В результате он не приобрел ни политической мудрости, ни навыков полководца. Современники, как и раньше, считали

его тщеславным, недалеким и незрелым, обожающим роскошь, но без всякого представления о реальных обязанностях короля. Не имея возможности изучать искусство управления, Молодой Король посвящал массу времени и энергии участию в рыцарских турнирах. Вместе с Филиппом, графом Фландрии, и Болдуином, графом Геннегау, он стал постоянным участником аристократических спортивных состязаний. Его тренером на турнирах был Уильям Маршал, человек, который до 1170 года был его наставником и числился среди самых блестящих и благородных рыцарей Европы. Молодой Король тратил космические суммы, создавая себе имидж героя-рыцаря, чья слава гремит по всей Европе. Когда Филипп II в 1179 году короновался в Реймсе, Плантагенетов на церемонии представлял Молодой Король: он нес корону Капетингов, возглавляя торжественную процессию, а на праздничный турнир выставил 500 рыцарей.

Но при всем внешнем блеске роль Молодого Короля на коронации Филиппа только подчеркнула, как мало реальной власти отдано в его руки. Раздосадованный, он начал бряцать оружием на территориях Плантагенетов, поставив Генриха в неловкое и опасное положение.

В конце лета 1182 года Молодой Король снова потребовал, чтобы отец, как писал хронист Роджер Ховеденский, дал ему «какую-нибудь землю, где он мог бы жить со своей женой и с которой мог кормить рыцарей, служивших ему». Если точнее, он хотел получить в свое распоряжение герцогство Нормандское. Генрих ему отказал. Как и в 1173 году, Молодой Король обиделся, разозлился и удалился ко французскому двору, чтобы демонстративно объединить силы со своим шурином Филиппом II. И только неустанными посулами увеличить его содержание Генриху II удалось заманить Молодого Короля на семейный совет, состоявшийся сразу после Рождества. Генрих председательствовал на встрече в Ле-Мане, где присутствовал Молодой Король, два его брата – Ричард и Джеффри, и герцог Саксонский, которого вместе с женой, старшей дочерью Генриха Матильдой, недавно изгнали из их герцогства.

Генрих хотел убедиться, что все трое его старших сыновей по-прежнему придерживаются разработанных им планов по разделу державы Плантагенетов. Он хотел задобрить старшего знаками статусного превосходства и при этом не слишком раззадорить младших. Генрих попытался выйти из ситуации, потребовав, чтобы все сыновья по очереди торжественно поклялись отцу в верности, а Ричард и Джеффри принесли оммаж Молодому Королю за герцогства Аквитанию и Бретань соответственно.

Ричард отказался. Как герцог Аквитании, он должен был

приносить ленную присягу королю Франции, а не королю Англии, и не собирался менять статус-кво. Он провел почти все десятилетие со времен Великой войны утверждая свое господство в Аквитании и оттачивая военные таланты в бесконечных попытках усмирить мятежных вассалов в герцогстве матери. В последнее время действия старшего брата значительно усложнили эту задачу. Молодой Король делал авансы баронам Аквитании, внушая им мысль, что уж он-то будет править лучше Ричарда, создавая напряженность и возбуждая мятежные настроения, которые его брат с трудом мог обуздать. Никакой братской любви между блистательным солдатом Ричардом и этим тщеславным позером, его старшим братом, не осталось. В Ле-Мане их вражда вылилась в бурную ссору: Ричард в гневе покинул семейный совет и вернулся в Аквитанию укреплять свои замки. Молодой Король отправил жену под защиту стен Парижа и объединился с Джеффри, которому Геральд Камбрийский дал такую образную характеристику: «…многоречивый, мягкий, как масло… способный разрушить два королевства одним языком; неутомимо предприимчивый, коварный во всем, обманщик и пройдоха», – и приготовился атаковать. У Генриха II не было другого выбора, кроме как поддержать Ричарда. 5 марта 1183 года старый король встретил свой 50-й день рождения, пытаясь навести порядок в деле, грозившем вылиться в разрушительную свару в младшем поколении семьи Плантагенетов.

Последовавшую недолгую войну Молодой Король вел отвратительно. Он не соблюдал договоренности с отцом, поощрял нападения своих слуг на дипломатических представителей, грабил города, церкви и святые места по всей Аквитании, чтобы заплатить своим наемникам, и пытался – не добившись, впрочем, большого успеха – поднять лордов Аквитании на общий бунт против Ричарда. Генрих II и Ричард наняли солдат и метались от города к городу, изо всех сил пытаясь взять ситуацию под контроль.

В конце концов не стратегия, а судьба положила конец военным действиям. В начале июня, вскоре после кощунственного нападения на церковь в Керси, Молодой Король подхватил дизентерию. 11 июня, после короткой и тяжелой болезни, он умер в южном городе Мартель. Перед смертью Молодой Король попросил своего бывшего наставника и товарища по турнирам Уильяма Маршала отнести в Иерусалим крест крестоносца, который он недавно принял. В конце месяца его похоронили в Руане, в столице герцогства Нормандского, о котором он так давно мечтал. Мир был избавлен от легкомысленного и

взбалмошного юноши. Молодому Королю так и не дали стать взрослым, но он, судя по всему, и сам не очень-то к этому стремился. Как бы там ни было, смерть Генриха-младшего смешала все тщательно выстроенные наследственные планы его отца.

Оправившись от горя, Генрих начал планировать новое будущее для державы Плантагенетов. Осенью 1183 года он сказал Ричарду, что тот должен отдать Аквитанию младшему брату Иоанну, то есть занять место Молодого Короля в качестве наследника Англии, Нормандии и Анжу и позволить Иоанну вступить во владение Аквитанией.

Ричард снова решительно отказался. Аквитания принадлежала ему, он не отдал ее старшему брату и не собирался отдавать младшему. В конце 1184 года Генрих понял, что не сможет его переубедить. Он позволил Ричарду вернуться в Аквитанию и приготовился отослать Иоанна в Ирландию, чтобы закрепить за ним номинально принадлежащий ему титул короля. Между делом он подумывал, не продвинуть ли на место Молодого Короля среднего сына Джеффри, навсегда присоединив Бретань (герцогство, принадлежавшее Джеффри после женитьбы на Констанции) к владениям Плантагенетов, а Ричарда предоставить самому себе в его обожаемой Аквитании. Но и на это Ричард не согласился. Он собрал армию и вторгся в земли Джеффри.

В досаде Генрих потерял самообладание. Он привез из Англии единственного человека, имевшего на Аквитанию значительно больше прав, чем Ричард. Королева Алиенора, многолетняя смиренная узница, приняла сторону Генриха, и старый король потребовал, чтобы Ричард вернул герцогство матери. На деле это, конечно, означало отдать Аквитанию Генриху: хотя Алиенору и освободили, она по-прежнему была скорее пленницей Генриха, чем его женой, и уж тем более давно не являлась независимым правителем. Но Ричард, наконец, позволил себя убедить. Он сдался и передал формальный контроль над Аквитанией отцу. Следующие два года Генрих избегал делать какие-нибудь определенные заявления относительно будущего державы Плантагенетов.

Проблем удалось избежать, но их причина устранена не была. Генрих притормозил и тянул время, прорабатывая вопрос безопасности границ, возникший между ним и Филиппом II в результате смерти Молодого Короля. Но так как ни Ричард, ни Джеффри не был назван ни соправителем, ни предпочитаемым наследником, контроль Генриха над будущим – всегда так же важный для него, как власть в настоящем, – по-прежнему был

неустойчив.

В июле 1186 года в дело вновь вмешалась судьба. В духе вероломства, которое так широко приписывали ему хронисты, Джеффри завязал близкие отношения с Филиппом II, предполагая, вероятно, что может настать день, когда ему понадобится военная поддержка французского короля в борьбе против отца или братьев. Он проводил лето в Париже и был опасно ранен на проходившем там турнире. 19 августа он умер, вероятно от осложнений ранения. Его похоронили с великими почестями в кафедральном соборе Нотр-Дам в Париже. Говорили, что на его похоронах короля Филиппа обуяло такое горе, что он чуть не бросился в разверстую могилу своего друга.

Генрих потерял еще одного сына. И хотя не многие скорбели по Джеффри с такой силой, как Филипп, – Роджер Ховеденский называл Джеффри сыном погибели и сыном беззакония – положение Генриха становилось все серьезнее. Он даже не рассматривал очевидного решения сделать Ричарда своим единственным преемником. Похоже, Генрих не верил, что кто-то может сравниться с ним в способности удержать от распада огромный конгломерат земель Плантагенетов. Даже когда патриарх Иерусалима в январе 1185 года проделал долгий путь в Англию и сложил у ног Генриха ключи от священного города, Башни Давида и Гроба Господня, умоляя его отправиться на Восток и принять титул короля Иерусалима, Генрих, проконсультировавшись со своими крупнейшими баронами, решил, что он лучше будет защищать земли Плантагенетов в Европе, чем христианские сокровища от армии Саладина. Именно упрямое неумение отступиться сделало Генриха таким великим правителем, но оно же вскоре приведет его к погибели.

Смерть Джеффри изменила отношения Генриха II и Филиппа II, которого его сподвижники скоро станут называть Филиппом Августом. Первые шесть лет правления молодого французского короля они были вполне сердечными. Генрих помог Филиппу заключить мир с графом Фландрии, а с Генрихом Молодым Королем и с Джеффри Филиппа связывала близкая дружба. Но теперь 24-летнего Филиппа начало злить влияние, каким Генрих пользовался во Франции, а между ним и Ричардом или Иоанном не существовало дружеских отношений, способных смягчить юного короля. Более того, отношения его с Ричардом уже давно осложнялись тем, что еще с 1161 года принц из дома Плантагенетов был обручен со старшей сводной сестрой Филиппа, Алисой. Алиса жила при дворе Генриха с самого детства: ей уже стукнуло 25 лет, но свадьбой так и не пахло. Вдобавок ходили мерзкие слухи, что Генрих сам ее соблазнил.

С 1186 года отношения между Плантагенетами и Капетингами резко ухудшились. Вспыхнуло несколько приграничных войн. Генрих так и не утвердил брак Ричарда и Алисы, а значит, принадлежность района Вексен, расположенного на границе Франции и Нормандии и заявленного в качестве приданого Алисы, снова оказалась спорной. Филипп притязал на статус верховного сюзерена Бретани, где Джеффри оставил по себе двух дочек и младенца-сына по имени Артур. Обострились противоречия в Берри и в графстве Тулузском – плацдарме, на котором в 1159 году громко выясняли отношения Генрих и Людовик. Это был первый крупный период конфликтов между английским и французским королями со времен Великой войны.

Филипп пока не мог сравняться с Генрихом в богатстве, опыте или военной хитрости, и в 1187 году он стал искать другие способы расстроить планы соперника. Самой очевидной мишенью был Ричард. Отношения между герцогом Аквитании и его отцом дали трещину, и Филипп постарался вбить в нее клин пошире. Генрих категорически не желал делать Ричарда единственным наследником, но все больше приближал к себе Иоанна, а это значило, что судьба наследия Плантагенетов еще далеко не решена. Ричард мечтал покинуть Европу и присоединиться к движению крестоносцев на Востоке. Но сделать этого он не мог, пока не был прочно утвержден в качестве преемника.

Летом 1187 года Филипп постарался завязать дружбу с очередным, уже третьим принцем Плантагенетом. Когда Ричард пожаловал в Париж, французский король обрушил на него все свое очарование. Согласно Роджеру Ховеденскому, «Филипп чествовал Ричарда так усердно, что каждый день ел с ним за одним столом и с одного блюда; и ночью постель не разлучала их. Король Франции любил его всей душой, и их взаимная любовь была так велика, что милорд король Англии был ошеломлен ее силою». Замечание Роджера, что Ричард и Филипп делили постель, часто трактуют как намек на сексуальную ориентацию Ричарда. Ничего подобного. Скорее автор хотел подчеркнуть силу и внезапность политической дружбы, расцветшей между молодым королем Франции и предполагаемым наследником Плантагенетов. Филипп играл на страхе Ричарда, который опасался, что отец лишит его наследства, и, возможно, даже нашептывал другу, что Генрих хочет выдать Алису за Иоанна.

План сработал. Ричард покинул Париж и вернулся к отцу, но, когда Европу охватила лихорадка крестовых походов, а мечты Ричарда о Святой земле окрепли, его отношения с отцом опять стали натянутыми. Уязвленный измышлениями Филиппа, Ричард уверился, как писал Гервазий, «что отец хочет обойти его в

порядке престолонаследия и намеревается, по слухам, передать корону своему младшему сыну Иоанну». В ноябре 1188 года нарыв вскрылся. Филипп и Генрих вступили в войну из-за споров по поводу Берри и Тулузы. Мирная конференция в Бонмулене проходила в нервной обстановке: Филипп и Генрих ругались так яростно, что чуть не подрались, а Ричард потребовал, чтобы отец немедленно подтвердил, что передаст королевство ему. Генрих ничего не ответил. «Тогда я могу лишь посчитать правдой то, что раньше считал невозможным», – сказал Ричард, если верить Гервазию Кентерберийскому. Он преклонил колено перед Филиппом и принес ему ленную присягу за Аквитанию и Нормандию. Это был окончательный, непоправимый разрыв.

В январе 1189 года Генрих тяжело заболел, и его хворь продлилась до Пасхи. С одра болезни он слал письма Ричарду, умоляя вернуться. Но Ричард был непоколебим и вместо этого помогал Филиппу устраивать приграничные набеги на земли своего занедужившего отца. В начале июня Генрих достаточно восстановил силы, чтобы посетить мирную конференцию в Ла-Ферте-Бернар, но дело опять закончилось ничем из-за подозрения – с энтузиазмом раздуваемого Филиппом, – что старый король по-прежнему хочет сделать своим наследником Иоанна.

Сразу после провала мирной конференции Филипп и Ричард нанесли неожиданный удар по замку Ла-Ферте, захватив и его, и все другие замки поблизости. Быстро перегруппировавшись, 12 июня они атаковали Генриха на его базе в Ле-Мане, городе, где он родился 56 лет назад.

Ле-Ман был не готов к атаке, и в качестве экстренной меры, пытаясь задержать нападающих, защитники замка подожгли пригороды. Поднялся ветер, который понес огонь прямо на город, и скоро весь Ле-Ман охватило пламя. Генриху и его свите удалось скрыться. Затем, несмотря на летнюю жару и ухудшившееся здоровье, король предпринял форсированный марш-бросок на север Нормандии. И тут Генрих сделал то, чего никогда прежде не делал за всю свою долгую жизнь. Он сдался. Не дойдя десяти миль до пограничной крепости Алансон, Генрих повернул обратно, отправив большую часть своего эскорта в Нормандию, и вернулся в Анжу. Совершив опасное путешествие длиною в 200 миль по дорогам и проселкам, наводненным людьми Филиппа, Генрих прибыл под защиту внушительных стен замка Шинон – крупнейшей крепости Плантагенетов и одной из любимых своих резиденций. Но ко времени, когда король, наконец, попал внутрь, он был полностью истощен. На следующие две недели он слег в постель и слабел с каждым днем.

А за стенами замка рушилась его империя. К началу июля сдался Мен и пал Тур. Генрих еле поднял себя с кровати, чтобы 3 июля лицом к лицу встретиться с Филиппом в Баллане, недалеко от Тура. Пока Филипп зачитывал длинный список требований, в который входила полная капитуляция Генриха и утверждение Ричарда наследником всех земель по обе стороны Ла-Манша, спутники поддерживали старого короля, чтобы он не упал с лошади. Жаркий день разразился грозой. Генрих согласился на все требования Филиппа. Он был слишком слаб, чтобы вернуться в Шинон верхом, и слуги отнесли его туда в паланкине.

Очутившись в Шиноне, Генрих, который уже с трудом держался на ногах, послал за списком своих подданных, вставших на сторону Ричарда. По словам Геральда Камбрийского, первым в списке значился его любимый сын Иоанн. Боль и шок были слишком сильны, и старый король не смог этого вынести. Его сразил последний приступ болезни, который сопровождался галлюцинациями и бредом. Ненадолго придя в себя, Генрих причастился святых даров в часовне замка. Затем, 6 июля 1189 года, он умер.

Невероятная, проведенная в непрерывном движении жизнь окончилась печально. Генриха предала жена и все до единого сыновья, он увидел, как место, где он родился, превратилось в гору дымящихся камней, претерпел унижение от короля Капетингов, который был на 30 с лишним лет его моложе. Но что ни говори, а Генрих оставил свой неизгладимый след в бесчисленном количестве мест, где побывал, разъезжая по Франции и Британским островам. До последних лет жизни он мог одолеть любого короля, графа или герцога, намеревавшегося проверить его на прочность. Он был, вероятно, самым известным человеком своего времени. И слава его воссияет в веках. С Генриха II, короля Англии, герцога Аквитании и Нормандии, графа Анжу, Мена, Турени и лорда Ирландии, началась династия, которая просуществует больше 200 лет.

Новые горизонты

Ричард в молчании стоял над телом отца, всматриваясь в лицо, на котором оставили свой след почти полвека тревог и триумфов. Генрих II умер жалкой смертью: всеми покинутый и ожесточенный. Последние его слова, которые он злобно прошипел на ухо Ричарду, когда отец и сын по традиции обменивались примирительным поцелуем по заключении унизительного мира в Баллане, были: «Господи, не дай мне умереть, пока я не отомщу тебе». Но такого подарка Господь его не удостоил. С 1187 года Ричард, при поддержке Филиппа II, силой оружия прибрал к рукам большую часть своего королевского наследства: Мен, Турень и множество анжуйских замков. После смерти Генриха остальное перешло ему по закону.

Теперь тело Генриха лежало в церкви аббатства Фонтевро, в крупном монастыре, расположенном в глухомани между Анжу и графством Пуату – политическим центром герцогства Аквитанского. Стоя в холодном нефе возле тела своего отца, Ричард мог слышать биение собственного сердца. Над ним возвышались массивные стылые колонны и сводчатый потолок церкви. Сохраняя молчание над бездыханным телом отца, Ричард, этот человек действия, имел возможность остановиться и подумать. У изголовья смертного одра он не произнес ни слова и ничем не выдал своих чувств. Он лишь посмотрел на недвижное лицо своего некогда неугомонного родителя, повернулся к нему спиной и вышел вон. Легендарному царствованию пришел конец. Начиналось новое – его собственное.

И сутью его станет война. Уже было понятно, где она начнется. В 1187 году Франция узнала о падении Иерусалима, не выстоявшего под напором мусульманского войска Саладина. Опасность угрожала и всему Утремеру (общее название христианских государств, основанных на Ближнем Востоке после Первого крестового похода). Ричард услышал о страшных зверствах, творимых от имени Саладина: о безжалостных расправах над святыми рыцарями; о казнях великих воинов, в том числе Рено де Шатильона, которого Саладин зарубил мечом, а затем отсек ему голову. Он узнал о жестоком разгроме армии крестоносцев 4 июля в битве при Хаттине, где погибли тысячи. Франкским солдатам пришлось сражаться в огне и дыму от горящего кустарника; их запекшиеся языки трескались, когда они падали под градом стрел, выпущенных отборными мусульманскими лучниками. Ему наверняка рассказывали о страданиях бедных христиан, проданных в рабство в Северной

Африке. Но больше всего Ричарда беспокоила потеря Святого Животворящего Креста Господня, священнейшей реликвии королевства Иерусалим, который носили во главе каждого христианского воинства, пока его не отбила армия Саладина в битве при Хаттине.

Третий крестовый поход манил Ричарда и как воина Христова, и как принца Плантагенетов. Ричард разделял ненависть к неверным, обуревавшую каждого христианина, присоединявшегося к Третьему крестовому походу. Но, кроме того, он помнил, что Сибилла, королева Иерусалима, приходилась ему родней: их общим предком был прапрадед Ричарда Фульк V Анжуйский. Муж Сибиллы, Ги де Лузиньян, был вассалом Плантагенетов. Для Ричарда крестовый поход был и религиозным обязательством, и семейным делом.

Осенью 1187 года Ричард принял крест – первым среди титулованных вельмож к северу от Альп. Однако из-за конфликта с отцом ему пришлось отложить отъезд на Святую землю на два долгих года. И как бы он ни мечтал возглавить силы европейского воинства, эта честь выпала его зятю, Вильгельму II, королю Сицилии, снарядившему на Восток 50 кораблей и сотни рыцарей – сразу, как только до него дошли новости о падении Иерусалима. Старый Фридрих Барбаросса тоже повел войско в Утремер: в 1188 году оно отправилось в долгий путь по суше вдоль Дуная. (Именно в этом походе Барбаросса погиб: утонул, купаясь в реке.) Ричард не в силах был больше ждать. Однако, прежде чем нашить крест на одежду и отбыть на Восток, ему нужно было закончить два серьезных дела: во-первых, утрясти вопрос своего наследства; во-вторых – урегулировать отношения с французским королем, Филиппом II. Две эти проблемы были тесно связаны.

Ричарда короновали в воскресенье, 13 сентября 1189 года, в Вестминстерском аббатстве. Только второй раз, считая с нормандского завоевания, король сравнительно мирным путем передавал корону избранному сыну. Событие привлекло толпы людей, мечтавших краешком глаза взглянуть на человека, которого они нечасто видели в предыдущие 32 года. Их приветствовал элегантный долговязый мужчина с золотисто-рыжими волосами, в ореоле славы устремляющийся к первой на памяти этого поколения коронации. Легко было поверить, что присутствуешь при начале новой славной эры.

Впереди Ричарда шествовал строй епископов и аббатов, баронов, рыцарей и официальных лиц. Его друзья из числа светских вельмож несли перед ним великолепные золотые мечи и церемониальные скипетры. Представители духовенства были

облачены в пурпурные ризы и белые одежды. Во главе процессии несли огромный крест; аббатство было залито ярким светом свечей. Густой дурманящий запах фимиама наполнял осенний воздух и тянулся вслед за процессией, направляющейся во внутренние помещения аббатства.

Внутри аббатской церкви гудели торжественные гимны. Ричард прошествовал к алтарю. Со всех сторон за ним наблюдали крупные церковные иерархи и могущественные бароны Англии. Самой знатной из них была, несомненно, Алиенора Аквитанская. Своими глазами увидеть, как коронуют Ричарда, – чем не славный итог долгого пути к исполнению пророчества Мерлина: «Орел со сломанной судьбой воспрянет духом в [ее] третьем гнезде».

Перед алтарем Ричард дал три клятвы. Он поклялся на Евангелии и святых мощах, что будет хранить мир, почитать Господа Бога, Святую Церковь и ее служителей; что будет вершить суд в интересах людей; и что отменит плохие законы и обычаи в пользу хороших. Стоя там в одном исподнем, в рубахе, распоротой на правом плече, в золоченых сандалиях, этот набожный рубака, должно быть, с особым благоговением произносил первую из своих клятв. Его провозгласили молотом Божьим.

Ричард держал скипетр в правой руке, а королевский жезл в левой; Болдуин, архиепископ Кентерберийский, помазал святым елеем его голову, плечи и предназначенную для меча правую руку. Ричарда облачили в освященные одежды из льна, ризу, хитон и далматику – особую литургическую тунику с широкими рукавами, которые развевались вокруг его рук. Затем ему вручили королевские регалии: Болдуин дал ему меч, которым король должен наказывать врагов Церкви, а два графа пристегнули к его ногам золотые шпоры из королевской сокровищницы.

Полностью облаченного Ричарда подвели к алтарю, и архиепископ прилюдно предупредил его, что он теперь несет огромную ответственность за королевство. В нетерпении Ричард ответил, что знает это, схватил корону с алтаря, сунул ее Болдуину в руки и позволил архиепископу возложить ее ему на голову. «Вот так, – писал хронист Роджер Ховеденский, – коронованный король был возведен на трон».

Король немедля начал сборы. Англию и остальные земли Плантагенетов охватила горячка крестового похода. Проповедники разъезжали по Европе, собирая в дни церковных праздников толпы народа: рекрутируя новобранцев, записывая верных тысячами, обещая отпущение исповеданных грехов и

вечную жизнь для тех, кто присоединится к кампании. Неслучайно области, известные воинственностью своих жителей, удостаивались особого внимания миссионеров: архиепископ Болдуин совершил продолжительное путешествие по Уэльсу, набрав там 3000 свирепых валлийских солдат, славившихся смертоносным мастерством в обращении с луком и пикой. Живший в XIII веке биограф благородного рыцаря Уильяма Маршала писал:

> Король Ричард во время своего пребывания в Англии снарядил большую флотилию судов, на которых хотел отправиться на Святую землю… Множество прекрасных кораблей, усиленных башнями, прекрасно вооруженных и с такими умелыми командами, что без страха могли противостоять любой галере или враждебной силе.
>
> Ричард вез с собой столько серебра и золота, столько мехов горностая и серой белки, столько утвари, чудесных дорогих одеяний и оружия всякого рода, что никто из видевших это не смог бы все перечислить. В припасах не было недостатка: копченые свиные туши, вино, зерно, мука и сухарей вдоволь… перец, тмин, воск, пряности и снадобья лучшие из возможных. Много разных напитков, вареньев и сиропов, луки, арбалеты и арбалетные болты – острые и быстрые…

Ричард за год истратил около 14 000 фунтов, с сентября 1189 года оплачивая крупные поставки товаров: 14 000 вяленых свиных туш, 60 000 подков для лошадей, неимоверное количество сыра и бобов, тысячи и тысячи стрел. Груды провизии и необходимых припасов он оплатил, задействовав одновременно все мыслимые источники королевских доходов.

Перед смертью Генрих II собрал огромную сумму в 100 000 фунтов стерлингов с помощью «десятины Саладина»: налога в 10 % на все движимое имущество, подкрепленного угрозой отлучения. Десятину собирали рыцари-тамплиеры и госпитальеры. Но для Ричарда эти 100 000 были лишь началом. Он смотрел на унаследованную им империю Плантагенетов и видел потоки денег там, где не видел его отец. Генрих в целом старался уравновешивать доходы, получаемые от продажи должностей и королевских привилегий с необходимостью поддерживать в государстве стабильное правление с помощью компетентных служащих. Ричард никогда не был таким мудрым управленцем. Как заметил Роджер Ховеденский, «он выставил на продажу все, что только мог: должности, титулы, графства, шерифства, замки, города, земли – все». Он, конечно, не продавал

земли так легкомысленно, чтобы поставить под удар свое правление, но тем не менее торговал ими достаточно активно. Говорили, что Ричард шутил, что продал бы и Лондон, если бы нашел покупателя.

Пока Англия бурлила активностью, Ричард озаботился политикой. Он встретился с Филиппом II в Нонанкуре после Рождества 1189 года, чтобы проработать пакт о взаимной обороне. Французский король тоже должен был отправиться в крестовый поход, но, чтобы оставить Европу без верховной власти, требовалось серьезное взаимное доверие. Ричард и Филипп поклялись не вторгаться в земли друг друга, защищать имущество всех крестоносцев и поступать честно по отношению друг к другу. Их бароны дали обязательство сохранять мир. Однако это не помогло развеять взаимное недоверие. Два короля достаточно хорошо узнали друг друга в годы правления Генриха II и прекрасно представляли себе пределы доброй воли другой стороны.

Прежде чем покинуть королевство, Ричарду нужно было разобраться с самой серьезной проблемой: решить, как поступить с 22-летним братом Иоанном, не принявшим крест. В годы правления их отца получивший прозвище Jean sans Terre, или Иоанн Безземельный, сейчас он был лордом Ирландии. Ему был обещан ежегодный доход в 4000 фунтов с английских земель, и Ричард выполнил это обещание. Иоанн получил нормандский титул – граф Мортен, ему были отданы графства Дерби, Ноттингем, Корнуолл, Девон, Сомерсет и Дорсет, а также бесчисленные замки в центральных графствах. Его женой была Изабелла Глостерская, наследница Бристоля, Гламоргана и Ньюпорта. Опираясь на такой массивный силовой блок, Иоанн легко мог дестабилизировать власть. Ричард никогда не доверял своему младшему брату и, когда заключал мир с отцом в их последней войне, настаивал, чтобы Иоанн сопровождал его в крестовом походе. Сейчас он колебался: сначала изгнал Иоанна из Англии, а затем сменил гнев на милость – возможно, по совету Алиеноры. Не существовало простого способа решить такую проблему, как Иоанн, – единственным возможным выходом было оставить ему его обширные земли, но лишить всякой официальной власти.

Ричард поручил группе верных людей править в его отсутствие – в надежде, что они смогут справиться с Иоанном. Алиенора Аквитанская, вернувшая себе политический вес после долгих лет заключения и в возрасте 66 лет явно не планировавшая второй раз отправляться в крестовый поход, должна была по-матерински присматривать за младшим сыном.

Управление делами в Англии было поделено между Гуго де Пюизе, епископом Дарема, и Уильямом Лонгчампом, епископом Или: граница их ответственности проходила по реке Хамбер. Епископы получили четкие инструкции по управлению страной, но было бы удивительно, если бы их не обуревали дурные предчувствия. Хотя Генрих II доказал на собственном примере, что король Плантагенетов может без особых проблем покидать Англию на долгое время, но и он никогда не уезжал дальше южного побережья Франции.

Собрав и снарядив армию и огромный флот, который должен был ждать его в Марселе в конце июля 1190 года, Ричард встретился с Филиппом II в Бургундии. Они поклялись поровну разделить всю будущую добычу и военные трофеи. 4 июля два короля двинулись на юг в сопровождении своих гигантских армий. В Лионе их пути разошлись: войско французского короля проследовало в Геную, где он собирался нанять флот; люди Ричарда же направились в Марсель. Ричард, который заботливо взращивал романтический миф о себе самом, постоянно носил меч – якобы легендарный Экскалибур, меч короля Артура. Лихорадка крестовых походов расчищала ему путь.

Герой Востока

В середине зимы 1191 года по заснеженным ущельям Альп медленно ехала Алиенора Аквитанская. С нею была юная девушка. Их путь лежал через горы и далее вниз, по равнинам Ломбардии в направлении Пизы. Они провели в дороге уже несколько недель. Останавливаясь на ночлег в монастырях, днем они медленно пробирались по неприветливой местности. Передвигались они в паланкинах, в окружении многочисленной челяди. Но в таком трудном путешествии нелегко обеспечить комфортные условия. Хотя они были весьма знатными путешественницами, дорога была в ту пору опасна для всех.

На исходе лета Алиенора Аквитанская увезла девушку – 18-летнюю Беренгарию Наваррскую – из семейного гнезда, новехонького замка-дворца Отиле, воздвигнутого недалеко от Памплоны, на высушенных солнцем равнинах Наварры. Она везла Беренгарию к своему сыну Ричарду, чтобы они могли пожениться. Увидев Беренгарию своими глазами, Алиенора убедилась, что она, как и писали хронисты, более умна, чем красива, зато скромна и целомудренна.

Эпопею с путешествием Беренгарии планировали несколько лет, и, видимо, Ричарду и его дипломатам пришлось постараться, убеждая Санчо VI отпустить дочь в долгое и опасное путешествие по труднопреодолимой местности через земли враждебных королевств вдогонку за королем, направляющимся в опаснейшую зону военных действий. Вдобавок Беренгарию пришлось вверить заботам Алиеноры, самой знаменитой и самой скандально известной женщины в Европе, что не столько успокаивало, сколько добавляло волнений.

Беренгария знала, что ее брак с Ричардом будет воспринят крайне неоднозначно. Английский король все еще был обручен с сестрой Филиппа II, Алисой, которой был предназначен с детства. Ходили слухи, что Алису соблазнил его отец, но и это не освобождало Ричарда от обязательства жениться на ней.

Если что и могло успокоить Беренгарию, так это путешествие в компании спутницы, знавшей гораздо худшие времена. Годы были не властны над Алиенорой. В дороге она решала дипломатические вопросы: в частности, встретилась с сыном и наследником Фридриха Барбароссы, Генрихом VI, в Лоди, недалеко от Милана. Юная Беренгария наверняка понимала, на какую высоту поднимет ее этот брак: входя в семью Плантагенетов, она присоединялась к династии, чьи контакты и влияние простирались от Германской империи до Иерусалима.

Не застав короля в Пизе, Алиенора и Беренгария 30 марта 1191 года догнали его на Сицилии. Сам Ричард находился на острове уже шесть месяцев, пережив по дороге немало приключений. Огромное воинство Плантагенетов высадилось в Лиссабоне, где проявило свое религиозное рвение, насилуя женщин и разоряя земли. Затем, воссоединившись в Марселе с Ричардом, армия переправилась на Сицилию. На долю Ричарда выпали и другие испытания: на итальянском побережье он наткнулся на неаполитанских крестьян, запускающих сокола, и отчитал их за занятие, приличествующее лишь аристократам. Те в ответ чуть не забили его камнями до смерти. Добравшись до Сицилии и овладев Мессиной, он рискнул поднять над стенами города английский флаг, нарушая данное Филиппу обещание разделить с ним военную добычу. Мессинский пролив был забит его высокобортными, широкими боевыми кораблями – к неудовольствию французского короля, считавшего помпезность, с какой путешествовал его союзник, несколько утомительной.

Но если бесцеремонный стиль ведения войны всего лишь раздражал Филиппа, то, узнав, что на Сицилию вот-вот прибудет Беренгария Наваррская, французский король пришел в ярость. В неприятном разговоре, состоявшемся за несколько дней до приезда новой невесты, Ричард наконец сообщил Филиппу, что не собирается жениться на Алисе. Он говорил, что девушку растлил его отец, и утверждал, что плодом этой связи стал внебрачный ребенок. Филиппу не оставалось ничего другого, как смириться с тем, что его годами водили за нос. Проглотив постыдную новость об отмене свадьбы, он согласился принять компенсацию в 10 000 марок, но все равно, шокированный и оскорбленный, покинул Сицилию, на пару дней разминувшись с Беренгарией.

Алиенора сделала на Сицилии трехдневную остановку, достаточную для того, чтобы повидаться с любимым сыном и дочерью Иоанной, королевой Сицилии, которую Ричард освободил из заточения, завоевав Мессину. Алиенора не видела Иоанну с тех пор, как в 1177 году в возрасте 11 лет ту отослали на остров с целью выдать замуж. Но воссоединение семьи было кратким. Дела в Англии и Нормандии, где Иоанн продолжал мутить воду, требовали присутствия Алиеноры. Армия крестоносцев готовилась покинуть остров и отплыть на Святую землю, и взять на себя роль дуэньи при Беренгарии пришлось Иоанне.

Следующим перевалочным пунктом предполагалось сделать Крит, но на море поднялся шторм, и около 25 кораблей Ричарда снесло к Кипру. Остров тогда был независимой греческой территорией, и правил им византийский «деспот Кипра» Исаак

Комнин. Кипр был важной базой для прибрежных городов Утремера, но полагаться на Комнина было невозможно. Когда корабли крестоносцев потерпели крушение у берегов острова, подданные Комнина жестоко обошлись с пассажирами. И что самое оскорбительное, Комнин попытался захватить судно с Иоанной и Беренгарией, стоявшее на якоре у Лимассола.

Корабль Ричарда в шторм не попал. 22 апреля, высадившись на Родосе, он узнал об опасности, угрожавшей его сестре и невесте. Он решил наказать киприотов, как и жителей Мессины, и пойти на них войной, как будто позабыв, что Кипр – христианское государство, а сам он – крестоносец. 5 мая Ричард и его люди атаковали Лимассол с моря и устроили кровавую резню на улицах города. Киприоты были отброшены к городу Фамагуста, расположенному на восточном побережье. 12 мая, празднуя победу, Ричард женился на Беренгарии Наваррской. Церемония прошла в Лимассоле, в византийской церкви святого Георгия. Молодую королеву венчал на царство нормандский епископ Эврё. Среди гостей наверняка присутствовал Ги де Лузиньян, бывший король Иерусалима и вассал Ричарда как граф Пуату. Это без сомнения была самая необычная королевская свадьба и коронация в истории Англии: девушка из Наварры стала королевой Англии, а короновал ее нормандский епископ – в церкви на Кипре, в присутствии аквитанско-иерусалимской знати. Пожалуй, сложно придумать более убедительное доказательство широчайшего влияния английской короны при Плантагенетах.

Отпраздновав свадьбу своего короля, войско Ричарда потратило следующие три недели на окончательное завоевание Кипра. Ричард разбил флот на две части и отправил их вокруг острова навстречу друг другу. Где бы не причаливали его корабли, в воздух взмывали крики ужаса, когда солдаты английского святого воинства, в одеждах с белым крестом, высаживались на берег, грабили города, захватывали замки и брали на абордаж вражеские суда. Главным врагом и главным трофеем был сам Исаак Комнин. Деспот какое-то время держался, но, когда его любимая дочь попала в западню в крепости Кирения, его воля к сопротивлению угасла. Он сдался Ричарду с одним лишь условием: уважать его положение и не заковывать в железо. Ричард, неизменно галантный, оказал ему эту милость. Комнина заковали в специально изготовленные серебряные кандалы.

С завоеванием Кипра империя Плантагенетов дотянулась, в прямом смысле слова, до окраин Ближнего Востока. Ричард писал домой, своему канцлеру Уильяму Лонгчампу: «Мы подчинили себе целый остров Кипр со всеми его крепостями». Он приказал

кипрским мужчинам брить бороду и отправлять местные законы и обычаи под контролем его официальной администрации. Но Ричард, в отличие от отца, больше интересовался звонкой монетой, чем укреплением своей власти. Завоевав Кипр, он незамедлительно продал его тамплиерам за 100 000 сарацинских безантов.

С некоторых высот Кипра был виден берег Ливана. Близость Святой земли дразнила. Ричард не стал терять времени даром и поднял паруса. 8 июня 1191 года он добрался до Акры и узнал, что осада города тянется уже больше года. Филипп II поехал в Акру прямо из Мессины и находился там уже несколько месяцев. Его войско было расквартировано к востоку от города; недавно к нему присоединились армии христиан Востока, германцы, пизанцы и все остальные. Они выставили огромную катапульту Мальвуазен («Злой сосед») против такой же с мусульманской стороны – эта звалась Малькузен («Злой кузен»). Мальвуазен постоянно страдал от вражеского огня, но Филипп снова и снова восстанавливал его. Свист и грохот огромных камней, врезающихся в городские стены и глубоко увязающих в земле снаружи, приводил в ужас всех, кто мог его слышать.

Акра открылась Ричарду с моря: город, затянутый пылевыми облаками многомесячной войны на истощение. Это была картина такого неимоверного человеческого страдания, какую только можно себе вообразить. Гниющие тела солдат распространяли заразу, а мертвыми лошадьми и павшими воинами христиане засыпали крепостной ров, чтобы подтащить к стенам осадные орудия; тени гигантских камней и шквал смертоносных стрел заслоняли полуденное небо.

Искать здесь спасения было бессмысленно. Люди озверели. Женщины-христианки захватили египетскую галеру и запытали команду до смерти. Мусульманские военачальники планировали устроить теракт, запустив в лагерь христиан сотни ядовитых змей. Французы строили громадные осадные машины, а мусульмане исправно сжигали греческим огнем обслуживающих машины солдат. Голодающая германская армия съела своих мулов. Копатели траншей работали на износ, не в силах справиться с позывами рвоты из-за зловония, окутывающего поле битвы. Хваткие проститутки из «квартала красных фонарей», выросшего в лагере христиан, работали на две стороны. Море кишело разлагающимися человеческими останками.

Как только Ричард прибыл в Утремер, конфликт между Плантагенетами и Капетингами обострился. Вместо того чтобы единым фронтом выступить против неверных, европейцы привезли на Святую землю все свои распри. Ричард был гораздо

богаче Филиппа, и с его прибытием ряды христиан пополнились хорошо оплачиваемыми солдатами, жадными до славы и добычи. Он увеличил английское войско и подбрасывал дровишки в огонь гнева Филиппа, предлагая вербуемым солдатам плату выше, чем мог дать им французский король.

Даже без осады и междоусобиц Акра была опасным местом для завоевателей. Не прошло и недели с приезда Ричарда, как он серьезно заболел. Хворь, похожую на авитаминоз, называли «арнальдия» или «леонардия». У него начали шататься зубы и отслаиваться ногти, а волосы лезли пучками. Однако Ричард умел вести бои и на поле пропаганды. Болезнь подрывала его силы, но нельзя было позволить ей помешать военной кампании. Чтобы не снижать темпа, он слал письма Саладину, требуя секретных переговоров, а еще персиков и льда, чтобы облегчить жестокую лихорадку. Саладин прислал фрукты, встречаться отказался, но поддерживал переписку и проникся уважением к новому предводителю франков.

Болезнь мучила Ричарда большую часть его карьеры рыцаря-крестоносца. Но он не собирался ей поддаваться. В начале июля, когда христиане усилили натиск на Акру и город практически пал, Ричарда принесли на поле боя в паланкине, затянутом великолепным шелковым королевским покрывалом, и он принялся стрелять из лука по мусульманам, убив нескольких и укрепив боевой дух своих людей тем, что прямо на линии фронта руководил типичной для него дерзкой атакой.

Оборона Акры была прорвана 5 июля. Победа стала заслугой как настойчивых атак Филиппа с востока, так и обстрелов, которые Ричард вел с севера. Кто только не делал подкопов под стены Акры, не дробил их тяжелыми камнями, не взбирался на них по лестницам и не палил по ним из арбалетов за последние два года – чуть ли не все знатные христиане Востока, объединенная военная мощь империй Плантагенетов и Капетингов, пизанцы, генуэзцы, датчане, германцы и пилигримы всех мастей. То, что город продержался так долго, свидетельствует о невероятной доблести его защитников-мусульман.

Перед падением Акры между Саладином и христианскими королями была заключена сделка, предотвратившая кровавую резню. Крестоносцы позволили защитникам Акры сдаться с честью и водрузили над городом флаги Ричарда и Филиппа, минимизировав кровопролитие. В обмен Саладин согласился уплатить выкуп в 200 000 динаров, отпустить почти 2000 пленных, а также вернуть Животворящий Крест. Христиане захватили большую часть египетских галер, стоявших на якоре в

гавани города, упрочили свое господство на побережье Леванта и развеяли надежды мусульман, планировавших усилить свои позиции в западной части Средиземного моря. На улицах города, за стенами королевского дворца, собирались толпы христиан: они пели и танцевали от радости после долгих суровых испытаний, наводняли питейные заведения и публичные дома в самых грязных городских кварталах. Но эта победа посеяла семена катастрофы, которая повлечет за собой серьезные последствия для европейских владений Плантагенетов. Хотя Акра была взята совместными усилиями, в королевский дворец въехали Ричард, Беренгария и Иоанна: Ричард сорвал со здания стяг своего союзника, герцога Леопольда Австрийского, сражавшегося на Святой земле с апреля и много сделавшего для победы. Заносчивость Плантагенетов страшно разозлила и герцога Леопольда, и Филиппа, который претерпел от Ричарда столько обид, что для него весь крестовый поход превратился в одну длинную череду унижений.

В дни, последовавшие за падением Акры, движение крестоносцев получило и щелчок, и толчок. Филипп II, в душе которого смешалась зависть, тоска по дому и раздражение, объявил, что, взяв Акру, считает свою клятву крестоносца исполненной. Он едет домой.

Общественное мнение посчитало его поступок проявлением трусости, подрывающим достоинство французской короны. На самом деле Филипп был сыт по горло унижениями со стороны Ричарда – его женитьбой, завоеванием Мессины, а позже и силовым противостоянием, в котором английский и французский короли поддерживали разных кандидатов на Иерусалимский престол: Ричард – своего вассала, Ги де Лузиньяна, а Филипп – Конрада Монферратского.

Кроме всего прочего, в боях за Акру погиб влиятельный вассал французского короля, Филипп, граф Фландрский. Это была крупная потеря для аристократов Востока, но громче всего событие отозвалось в Европе. Фландрия была европейской столицей шерсти и ткани, весьма богатым графством, и, если бы удалось прибрать ее к рукам, могла серьезно пополнить французскую казну. Служить славе Господа на Востоке дело важное, но Филипп был Капетингом до мозга костей. Его желание завладеть землями графа Фландрского было гораздо сильнее. Французский король предпочитал отстаивать интересы своей короны на северо-западе Европы, а не плясать под дудку своего вассала в запекшейся от зноя сточной канаве Востока. 3 августа Филипп покинул Утремер, отплыв из Тира во Францию.

Теперь никто не мог оспорить лидерство Ричарда в Третьем

крестовом походе. У него было вдосталь людей, денег, огромный флот и растущий авторитет. В его руках сосредоточилось и военное командование. По словам хрониста Ричарда из Девайзеса, Ричард заявил, что, пока Филипп торчал на Востоке, сам он чувствовал себя котом, к хвосту которого привязали молоток. Что ж, избавившись от молотка, кот мог мчаться куда хочет. Пребывание Ричарда в регионе одарит его еще большей славой, и теперь ее не нужно будет делить с Филиппом. Но с каждым месяцем, проведенным в походе, проблемы дома, в оставленной им империи Плантагенетов, приобретали все более угрожающие размеры.

Предательство

Джеффри, архиепископ Йоркский, как и всякий гость Дувра, разглядывал строящийся замок, возносящийся над гаванью. К сентябрю 1191 года работы несколько продвинулись с тех пор, как почивший король Людовик VII осматривал стройку. Джеффри поднял глаза на внушительную квадратную башню и подумал о своем отце, потратившем целое состояние, чтобы довести цитадель до уровня, достойного великого короля, и превратить ее в храм, прославляющий земную власть династии Плантагенетов.

Джеффри и сам был примечательной личностью. Талантливый военачальник, образованный священник и наполовину принц Плантагенет. Он был незаконнорожденным сыном Генриха II и женщины по имени Хикенай, сделал карьеру в Церкви и на королевской службе. В администрации отца он занимал должность канцлера и рисковал жизнью, возглавляя блестящую военную операцию на севере в дни Великой войны 1173–1174 годов. Сейчас, в правление своего брата Ричарда, он был вторым по значимости иерархом английской церкви. Но, хотя он и был верным слугой Плантагенетов в прошлом, присутствие богатого, властного и амбициозного Джеффри в стране, которую король покинул, не оставив прямого наследника, было довольно опасным. Уезжая на Святую землю, Ричард заставил Джеффри – как и Иоанна – поклясться не показываться в Англии в течение трех лет. Заботы по управлению страной были возложены на плечи Уильяма Лонгчампа, исполняющего обязанности епископа Или, папского легата, юстициария и канцлера, – пусть не короля, но фигуры, настолько близкой к воплощению высшей власти в Церкви и государстве, насколько это вообще возможно.

Джеффри, сговорившись со своим единокровным братом Иоанном, нарушил клятву. В пору краткого пребывания на Сицилии, Ричард намекал, что в случае гибели в крестовом походе хотел бы видеть своим преемником в Англии племянника, Артура Бретонского. Артур был сыном старшего брата Ричарда – Джеффри Плантагенета, убитого на рыцарском турнире в Париже в 1186 году. Когда Ричард отбыл в Утремер, Артуру было около четырех лет. Иоанн, которому стукнуло уже 24, резко отреагировал на такой выбор брата. Добившись поддержки Алиеноры Аквитанской, он вернулся в Англию, захватил замки Ноттингем и Тикхилл и поднял восстание против канцлера. Иоанн строил свои планы, зная, что Лонгчамп не пользуется популярностью в Англии. Канцлер родился и вырос в Нормандии, и надменность, с какой он себя держал, рассорила его со

множеством баронов, которыми он должен был править. В переговорах, устроенных с целью уладить конфликт, младший брат короля принудил Лонгчампа оставить сторону Артура Бретонского и признать престолонаследником по праву его, Иоанна. Прибытие в страну Джеффри стало следующим шагом Иоанна, стремящегося в реальности осуществить свое теоретическое право на власть.

Высадившись неподалеку от неприветливого замка, Джеффри получил известие, в котором Иоанн предупреждал архиепископа о грозившей тому опасности. Канцлеру стало известно о его приезде, и агенты Лонгчампа уже мчались в Дувр, чтобы арестовать Джеффри. Его хотели обвинить в незаконном вторжении в королевство и, вероятно, сделать пленником канцлера. Архиепископ поспешил в город, надеясь укрыться в приорате святого Мартина; люди Лонгчампа висели у него на хвосте.

Джеффри удалось добраться до монастыря чуть раньше преследователей и найти убежище в монашеской обители. Люди Лонгчампа осадили приорат, но через четыре дня потеряли терпение и проложили себе путь оружием. Они нашли архиепископа у алтаря. Это было безопасное место – святое место. И к тому же, в контексте недавних событий, весьма символическое место. Когда люди канцлера схватили архиепископа Джеффри и вытолкали его из монастыря, сцена до боли напоминала убийство Бекета, случившееся двумя десятилетиями ранее. Стража тащила его за руки и за ноги по улицам Дувра, а голова его билась о землю.

Для Джеффри это, конечно, было неприятным приключением, но для Уильяма Лонгчампа – политической катастрофой. Король отсутствовал уже 18 месяцев, и все это время Лонгчамп держал в руках английское правительство. Несмотря на свои благие верноподданнические намерения, теперь он восстановил против себя всех без исключения английских церковников.

Иоанн не упустил шанса обернуть скандал себе на пользу. Его пропагандисты лихорадочно взялись за работу. Верные Иоанну авторы, такие как Гуго де Нонан, называли Лонгчампа обезьяной, карликом, развратником и педофилом. Его обвиняли во всех грехах и извращениях, какие только могло измыслить средневековое воображение. Граф между тем намеревался овладеть Лондоном. И пока Лонгчамп пытался не пустить Иоанна в город, горожане заперли ворота перед его собственным носом и объявили канцлера предателем.

Торжествующий Иоанн притащил Лонгчампа в регентский совет, где Джеффри Йоркский обвинил того в ряде преступлений,

включая позорный арест и финансовые злоупотребления. Его репутация была полностью разрушена. Совет лишил Лонгчампа полномочий и заставил выдать заложников за его замки; неделю ему пришлось промаяться в тюрьме Дувра. Когда его выпустили, он был разорен и не теряя времени сбежал во Фландрию. Совет утвердил Иоанна верховным правителем королевства. Именно таких ситуаций надеялся избежать Ричард.

Крестовый поход Ричарда продвигался довольно успешно. Несмотря на тяжелые условия и болезнь, он укрепился в Акре и громил Саладина, хотя и прибегал к весьма неприглядным стратегиям. В августе 1191 года он казнил у стен Акры 2600 пленных мусульман. Вслед за этим христиане отправились на юг и взяли Яффу, иерусалимский портовый город. Дипломатические связи с Саладином поддерживались постоянно, и два полководца прощупывали друг друга предложениями мирного урегулирования. Ричард даже ехидно предложил выдать свою сестру Иоанну замуж за брата Саладина при условии, что тот примет христианство.

Тем не менее на Восток регулярно просачивались и английские новости. Слухам о заговорах и темных делишках Иоанна не понадобилось много времени, чтобы достичь ушей короля. В начале апреля 1192 года Ричард узнал о смещении Лонгчампа. Новости настораживали, но у Ричарда был план на случай такой экстренной ситуации. Он отправил Вальтера де Кутанса, епископа Линкольна, улаживать конфликт Иоанна и Лонгчампа и регулировать работу правительства в качестве юстициария.

Но в конце мая 1192 года Ричард получил известие, которое встревожило его гораздо сильнее сплетен о захвате регентской власти в Англии. Он узнал, что Иоанн сговаривается с Филиппом II. Посланец, доставивший новости, предупредил его о «гнусном предательстве» и вероятной потере Англии. Одна только Алиенора Аквитанская пока еще сдерживала сына. Ричард по личному опыту знал, сколько бед может обрушиться на державу Плантагенетов, если принц крови объединится с Капетингами. В конце концов, он сам так поступил со своим отцом.

К весне 1192 года Ричард наконец осознал, что время работает против его крестового похода. Королевство Иерусалимское было отвоевано лишь наполовину, но чем дольше он торчал тут, пытаясь завершить свою миссию, тем выше становились шансы, что к его возвращению его родной брат, единокровный брат и Филипп II превратят английское королевство в руины. Вот-вот должен был начаться заключительный сезон его военной кампании в Утремере.

Последняя возможность добиться славы, последний шанс поставить Саладина на место, и потом – домой, в Анжу, Нормандию и Англию.

В середине апреля 1192 года итальянский аристократ Конрад Монферратский получил потрясающее известие. Увенчав свою долгую военную карьеру на Святой земле, он, наконец, станет королем Иерусалимским. Его длительная борьба с основным конкурентом, Ги де Лузиньяном, была позади: Ги отказался от королевства в обмен на Кипр. Конрад должен был стать постоянным главой христианского сообщества в Утремере. Когда западные вельможи отчалят, на него ляжет ответственность по сдерживанию Саладина. Это была великая честь, о которой он так долго мечтал.

Ночью 28 апреля Конрад, все еще в прекрасном настроении, отправился на ужин в Тир в гости к Филиппу, епископу Бове. Возвращаясь с оживленной вечеринки, Конрад ехал домой через город в сопровождении пары телохранителей. Повернув на узкую улочку, он увидел двоих человек, сидящих по обе стороны дороги. Когда Конрад приблизился, они встали и направились к нему. Один из них держал письмо. Конрад был заинтригован, но спешиваться не стал. Он свесился с лошади и потянулся за письмом. Человек вытащил нож и нанес удар, вонзив лезвие глубоко в тело Конрада. В то же мгновение второй вскочил на спину коня и ударил Конрада ножом в бок. Бездыханный, тот упал наземь. Королем он числился меньше двух недель.

Конрада убили два ассасина, подосланные таинственным Рашидом ад-дин Синаном, «старцем гор» – лидером воинствующей сирийской секты, объединившимся с Саладином в борьбе против христиан. Это убийство стало концом крестового похода Ричарда. Тут же поползли слухи, что убийство заказал Ричард, потому что он в свое время поддерживал Ги де Лузиньяна. Политический кризис вновь охватил Утремер. Дело оборачивалось против Ричарда, да и военная ситуация ухудшалась. Летний поход на Иерусалим окончился неудачей и препирательствами. Саладин разрушил и отравил все колодцы в Иудее, а командиры христиан разошлись во мнениях, что стратегически выгодней – атаковать Иерусалим или же сосредоточить внимание на Южной Палестине, чтобы пресечь связи Саладина с Египтом. Противостояние длилось: Саладин контролировал Иерусалим, а христиане – морские порты. Война измотала обе стороны. Как писал Саладину Ричард, «и вы, и я, мы оба уничтожены».

Впереди была еще одна, последняя победа. В конце июля Ричард нанес отвлекающий удар в районе Акры, надеясь убедить

Саладина, что нацелился на Бейрут, и отвлечь его силы с южного фронта. Саладин на эту приманку не попался. В отсутствие Ричарда он яростно атаковал Яффу. Это был блистательный успех. Мусульмане мастерски устроили подкоп под крепостную стену и заминировали его: 31 июля гигантские сегменты стены с грохотом обрушились, подняв в воздух тучи пыли. Беснующиеся сарацины разгромили город. Это была катастрофа: Яффа, порт Иерусалима и стратегически важная крепость, обеспечивающая христианам превосходство на море, пала.

Но в ночь на 31 июля в дело вступил Ричард с небольшой флотилией кораблей. Он плыл против ветра в припадке отчаянного безрассудства. Его маленький флот пристал к берегу, сияя рыцарским алым: красный тент укрывал корабль, с которого сошел рыжеволосый король; над отрядом развевался его алый стяг. Король провел своих людей через город, где над каждым кварталом реяли флаги мусульман, а улицы звенели криками «Аллах акбар!». Пока команда укрепляла береговые позиции с помощью собранных тут же досок и бревен, Ричард возглавил атаку на город.

Нападение было бесстрашным и неожиданным. Вопреки всякой вероятности, люди Ричарда очистили Яффу от захватчиков-мусульман, поливая их градом арбалетных стрел, и отбросили их вглубь страны. Несколько дней спустя мусульмане вернулись к разоренному городу, но нападение удалось отбить: в этот раз рыцари открыли огонь из арбалетов, построившись «ежом». И снова Ричард одержал победу, которая казалась невозможной, подкрепив тем самым свое громкое имя легенды Востока.

Это была последняя крупная битва Третьего крестового похода. Война истощила силы противоборствующих сторон. Ричард писал Саладину, предупреждая, что, если боевые действия продлятся, «и вы, и я, мы оба [будем] уничтожены». Противникам не оставалось ничего другого, как прибегнуть к дипломатии. В среду, 2 сентября 1192 года, был наконец заключен мир сроком на три года. Саладин сохранял за собой Иерусалим, но согласился пропускать некоторое число христианских паломников к Гробу Господню. Христиане удерживали территории от Тира до Яффы. Святой Крест оставался в руках Саладина.

Ричард никогда не встречался с Саладином лично и так и не совершил паломничества в Иерусалим. Он отправил послание султану, обещая вернуться и возобновить противостояние: вызов, который Саладин решительно принял, написав в ответ, что не может представить себе другого короля, кому он охотнее

проиграл бы в бою. Но Саладину оставался всего год жизни, и этим двоим не суждено было сойтись в матче-реванше.

В октябре 1192 года Ричард вышел в море и взял курс на Европу. Должно быть, он покидал Восток в большой тревоге, не зная, что ждет его впереди. Исходя из того, что ему было известно, его брат к этому времени вполне мог узурпировать трон. Ричард оставил в Иерусалиме нового короля: 26-летнего Генри, графа Шампанского, который приходился племянником и ему, и Филиппу II. Но король этот контролировал только половину королевства. По большому счету крестовый поход Ричарда вряд ли можно назвать удачным. Но в одном он, несомненно, преуспел: создал легенду о Львином Сердце. К сожалению, это еще не значило, что все теперь будут его обожать.

Во власти императора

Весной 1193 года Ричард I написал песню. Это была баллада уныния и одиночества, обиды и тоски по дому. Запоминающаяся мелодия сопровождалась стихами на окситанском наречии. По первым своим словам она известна как «Ja nus hons pris». Песне суждена была долгая жизнь: уже более восьми столетий.

Вот текст двух ее самых известных куплетов:

Ja nus hons pris ne dira sa raison
adroitement, se dolantement non;
Mes par confort puet il fere chancon.
Moult ai amis, mes povre sont li don;
honte en avront, se por ma reancon
sui ces deus yvers pris.
Ce sevent bien mi homme et mi baron,
Englois, Normant, Poitevin et Gascon,
que je n'avoie si povre compaignon,
cui je laissasse por avoir en prixon.
Je nei di pas por nule retracon,
mes encor suit ge pris.

Поскольку речи пленного напор
Не свойствен, как и речи тех, кто хвор,
Пусть песнь утешно вступит в разговор.
Друзьям, не шлющим выкупа, позор!
Мне из-за тех, кто на дары не скор,
Быть две зимы в плену.
Пусть знает каждый в Англии сеньор,
В Анжу, в Гаскони, словом, весь мой двор,
Что я их безотказный кредитор,
Что мной тюремный отперт был запор
И нищим был, скажу им не в укор, –
А я еще в плену[2].

Скорее всего, Ричард сочинил свою печальную песнь в императорском дворце в Хагенау – огромном укрепленном охотничьем замке на реке Модер. Великолепное здание построил Фридрих Барбаросса, а сейчас оно принадлежало его преемнику, новому императору Священной Римской империи, Генриху VI. Дворец был напичкан драгоценными камнями и невероятными сокровищами. Но в 1193 году не было в нем сокровища ценнее,

чем Ричард Львиное Сердце.

Несмотря на проявленный героизм, вернувшись в Европу из крестового похода, Ричард обнаружил, что его имя опорочено. Те, кто оставался с ним на Востоке до самого конца, признавали его заслуги, но союзники, вернувшиеся раньше, считали Ричарда негодным королем. Он самым унизительным образом отверг сестру французского короля. Он сместил правителя Кипра, родственника ряда влиятельных европейских вельмож. Он лишил военных трофеев людей вроде Леопольда Австрийского, чей флаг Ричард сорвал с дома, который Леопольд захватил во время разграбления Акры. Распространились слухи, что Ричард был заказчиком убийства Конрада Монферратского, погибшего в Тире от рук наемных убийц в апреле 1192 года. Почти у каждого владетельного принца Западной Европы были свои причины ненавидеть Ричарда, и когда он осенью вернулся из Утремера, то быстро понял, как мало в Европе найдется земель, по которым английский король мог бы путешествовать без опаски.

Из Святой земли Ричард возвращался совсем другой дорогой, не той, которая привела его туда. Сначала он добрался до Корфу, где узнал, что враги объединяют силы против него. Они отрезали ему практически все морские пути, сделав невозможной высадку где бы то ни было между Северной Италией и южной оконечностью Иберии. Практически все дороги в империю Плантагенетов проходили через вражескую территорию.

В ноябре море было неспокойно; Ричард с горсткой доверенных офицеров нанял галеру и отправился на север. В бурном осеннем море они потерпели крушение у берегов Истрии, в Адриатике. Теперь предстоял долгий путь домой через Центральную Европу и далее, по Северо-Западной Германии, землям его зятя Генриха Льва. И практически каждый шаг на этом пути вел их по вражеским территориям. Небольшой отряд замаскировался под пилигримов и отправился в путь пешком. Но вряд ли самый известный король-крестоносец в Европе мог сохранять инкогнито. Всего через три дня в 50 милях от Вены их заметили и разоблачили. Ричарда арестовали и доставили пленника к Леопольду, герцогу Австрийскому. В феврале 1193 года Леопольд продал его императору Генриху VI.

При нем он и оставался. В плену у императора с Ричардом обращались осмотрительно, но без жестокости. Аристократический этикет требовал домашнего ареста, а не заключения правящего короля в темницу. Ричард был крестоносцем, и технически папа запрещал сажать его в тюрьму – на что в самых несдержанных выражениях упирали в Риме дипломаты Плантагенетов. Заморить его голодом в сырых

застенках значило навлечь на себя анафему и бесчестье. Но тем не менее Ричард был несвободен: как его мать, которую держал под надзором его отец, и как Роберт Куртгёз в царствование его прадеда, Генриха I. Ричарда наверняка обуревали думы о том, что мать его была узницей 15 долгих лет, а Куртгёз так и умер, проведя в заточении все 30. Сколько же самому Ричарду суждено просидеть в плену? Никто в Европе не мог ответить на этот вопрос.

Дома, в Англии, человеком, сильнее прочих заинтересованным в содержании Ричарда под стражей, был, конечно, его брат Иоанн. Ничего граф так страстно не желал, как вечного заключения Ричарда в императорской или во французской тюрьме, открывающего ему путь к английской короне. Иоанну, такому же честолюбивому и бессовестному, как все Плантагенеты, не нужно было особого приглашения, чтобы попытаться узурпировать трон.

В январе 1193 года в Париже Иоанн принес ленную присягу Филиппу II за все домены Плантагенетов и согласился жениться на Алисе, отвергнутой невесте своего брата. После чего, вернувшись в Англию, попытался поднять восстание.

К счастью для Ричарда и для Англии, страну возглавляли разумные люди, вполне справлявшиеся со своими обязанностями и в отсутствие короля. Алиенора Аквитанская и Вальтер де Кутанс сосредоточили внимание на защите побережий, которым теперь угрожала с моря Фландрия: не зря Филипп Французский так торопился вернуться из крестового похода и заявить права на эти земли. Вильгельм Лев, король Шотландии, помня об обещании защищать имущество отправившихся на войну крестоносцев и о великодушии, проявленном к нему Ричардом в 1189 году, отказался бунтовать. Хьюберт Уолтер, товарищ Ричарда по крестовому походу, ныне избранный архиепископом Кентерберийским по настоянию Ричарда, который в марте отправил из Хагенау соответствующее поручение, собрал Большой совет, и члены его сошлись на том, что король жив, но отчаянно нуждается в помощи. Пока его английские союзники геройствовали, Ричард с королевским апломбом оспаривал свое заключение. В марте император привлек его к суду. Ричард обратился к собравшимся магнатам и придворным с таким величием, любезностью, красноречием и достоинством, что многих растрогал до слез, и приобрел друзей среди местных аристократов. Уильям Бретонский писал, что Ричард «говорил так красноречиво и царственно, в манере, подтверждающей его прозвище – Львиное Сердце, как будто сидел на троне предков в Линкольне или Кане». Когда Филипп II попытался организовать

его доставку ко французскому двору, Ричард связался с мятежными лордами Рейнланда, расположенного на границе Священной Римской империи и Французского королевства, примирил их с империей и благодаря этому хитрому дипломатическому ходу добился сохранения статус-кво: остался при дворе императора. И даже получив донесение, что силы Филиппа опустошают Нормандию, что величественная крепость Жизор пала, а столица герцогства, Руан, в осаде, он не поддался панике, но слал подбадривающие письма своим сторонникам в Англии, создавая крайне нужное впечатление, что его освобождение не за горами.

Однако для освобождения нужна была крупная сумма денег, такая, что требовала предельного напряжения сил всей империи Плантагенетов. Уже выжатые досуха необходимостью финансировать крестовый поход, подданные Ричарда были вынуждены заплатить бесчеловечный налог в 25 % с доходов и движимого имущества. Великим баронам пришлось отдельно жертвовать деньги на выкуп короля. Монастыри и церкви по всей Англии дрожали, заслышав стук копыт, возвещавших о приближении слуг короля, явившихся, чтобы забрать шерсть или ценную утварь. Как писал хронист Радульф де Дисето:

> Крупные церкви расстались с сокровищами, сохранившимися с давних времен, а мелкие приходы лишились серебряных потиров… Архиепископы, епископы, аббаты, приоры, графы и бароны пожертвовали четвертью своего годового дохода; цистерцианские монахи и премонстранианцы отдали годовой урожай шерсти, а клирикам пришлось выживать на жалкую одну десятую поступлений.

Карманы Церкви и крупных подданных безжалостно обшарили под внимательным взором Алиеноры и королевских юстициариев. Судя по всему, подданные Ричарда высоко ценили легитимное правление прославленного воина: королевство Ричарда сплотилось, чтобы заплатить грабительскую цену за его освобождение, игнорируя отчаянные попытки братца Иоанна захватить власть.

Но, несмотря на такие упорные усилия, чтобы собрать деньги на выкуп, потребовалось больше шести месяцев. Всю осень Ричард чах во власти императора, а легенда о плененном Львином Сердце распространялась по Европе. Много позже будут рассказывать, будто любимый менестрель Ричарда, Блондель, скитался по континенту в поисках своего господина, и в конце концов определил, где того держат, услышав припев песни,

которую они сочиняли вместе. Этот миф – творение последующих веков. Но, похоже, что Ричард в заключении действительно не падал духом и навещавшим его дипломатам казался веселым и жизнерадостным, несмотря на то что его вероломный брат пытался подмять под себя королевство.

4 февраля 1194 года Ричард обрел свободу. Он заплатил за нее 100 000 марок, оставил заложников в качестве гарантии, что заплатит еще 50 000, и поддался на уговоры матери, согласившись подчиниться неджентльменскому, балансирующему на грани приличий требованию Генриха VI: Ричарду пришлось передать английскую корону императору и затем получить ее обратно уже на правах вассала. Это была дикая цена, поистине королевский выкуп. И все же это была свобода – после полутора лет в плену. Его империя трещала по швам, но ждала его. Согласно хронисту Роджеру Ховеденскому, Филипп II немедленно написал Иоанну, чтобы сообщить ему новости. «Берегись, – писал король, – дьявол на свободе».

Ричард высадился в Сэндвиче 20 марта, после почти четырехлетнего отсутствия. Три дня спустя, как пишет Радульф де Дисето, «к великой радости клира и мирян, его приветствовали процессией в празднично украшенном городе [Лондоне], в церкви Святого Павла». Возвращение на родину было радостным. Но Ричард не мог позволить себе долгих торжеств. Ему предстояла большая работа.

Возвращение львиного сердца

17 апреля 1194 года Ричард вышел из своих покоев в монастыре при кафедральном соборе Винчестера; при нем были королевские регалии тончайшей работы. На голове его покоилась тяжелая корона, облачен он был в пышные церемониальные одежды, которые последний раз примерял в Вестминстере в 1189 году. Как и в день коронации, три графа несли перед ним мечи. Одним из этих троих был Вильгельм Шотландский: Лев, шествующий впереди Львиного Сердца.

Из монастыря Ричард, окруженный великими графами и рыцарями Англии, двинулся в кафедральный собор. Внутри его ждала Алиенора со свитой: старая, но все еще влиятельная герцогиня хотела увидеть короля во всем его великолепии. Снаружи собрались толпы зевак. Вот он идет, герой Святой земли, бельмо на глазу европейских принцев. Солнце Утремера опалило его лицо, а годы в заключении прибавили морщин, но Ричард вернулся в королевство и немедленно организовал демонстрацию своего могущества и королевского достоинства.

Это было официальное ношение короны: церемониальное мероприятие почти такой же значимости, как и сама коронация. Традиционно нормандские короли Англии устраивали его несколько раз в год, но при Генрихе II обычай вышел из употребления. Последним королем, надевавшим корону, освободившись из плена, был Стефан, в 1141 году вырвавшийся из когтей бабки Ричарда, императрицы Матильды. Сам Ричард не планировал возрождать традиции, скорее его убедили помощники, которые на Большом совете, состоявшемся по его возвращении, настаивали на проведении церемонии как важного и наглядного способа заново утвердить власть монарха. Англия явно нуждалась в доказательствах, что болезнь, плен и оммаж иностранному императору не умалили величия Ричарда. Каким бы дорогостоящим ни было царствование Плантагенетов, как бы много времени короли ни проводили за пределами королевства, англичане их высоко ценили и за выгоды стабильного правления, и за возвышенную символику. Ричард, которого обычно раздражали всякие ритуалы и публичные демонстрации, на этот раз покорно исполнил долг короля.

Разделавшись с ношением короны, Ричард провел весну 1194 года, укрепляя контроль над правительством Англии. Он вытоптал тлеющие угли Иоаннова мятежа практически сразу по прибытии: осадил замки Тикхилл и Ноттингем, повесил изменников и объявил всем наблюдателям, что король вернулся в

страну. У своего незадачливого брата и его сторонников он конфисковал земли и поместья. Выгнал с должности многих английских шерифов, освободив место для новых, надежных людей, которым он доверил поддерживать порядок и наполнять королевскую казну, и утвердил своего товарища по крестовому походу Хьюберта Уолтера в должности главы правительства.

Уолтер был архиепископом Кентерберийским, главным юстициарием, а с начала 1195 года еще и папским легатом. Выдающийся администратор, доблестный и мужественный крестоносец, Уолтер был, вероятно, величайшим из королевских служителей Средневековья. Богатый, щедрый, набожный и честолюбивый, он приходился племянником Ранульфу Гленвилю, главному казначею Генриха II. Не получив формального образования, он строил карьеру, постигая юридическое и управленческое мастерство на практике. При Генрихе II он был верным, умелым служакой, а позже искусным и успешным дипломатом при штабе Ричарда в Утремере. Когда Ричард попал в плен, Уолтеру первому из английских подданных удалось встретиться с ним и начать переговоры об освобождении. Ричард утвердил за ним архиепископство Кентерберийское письмом, отправленным из застенков, а Уолтер отплатил ему, организовав политическую поддержку, которая не позволила Иоанну окончательно разрушить королевство в отсутствие монарха. Теперь же Уолтер занял пост вице-регента, и он Ричарда не подведет. Он с одинаковой легкостью справлялся как с делами короля, так и с делами Церкви. Он реформировал английский судебный корпус и устроил работу казначейства и канцелярии так, что при нем правительство собирало денег больше, услуги его были доступнее, а деятельность – эффективнее. Уолтер пользовался всеобщим доверием, а слово его было так же крепко, как слово самого короля.

С Уолтером во главе королевской администрации Ричард не сомневался, что не будет испытывать недостатка в средствах, отправившись воевать с Францией. Даже после сбора денег для выкупа, в Англии можно было отыскать некоторые нереализованные возможности. Ричард выручил крупную сумму, продавая должности – как новым претендентам, так и действующим, с негодованием узнававшим, что снова должны заплатить за пост, который они уже занимают. Уолтер лично объехал всю Англию в основном с целью восстановить закон и порядок, нарушенный мятежом Иоанна, но заодно внимательно исследуя королевские поместья и замки на предмет получения с них дохода. Уделял он внимание и феодальным правам короля на имущество, находящееся под опекой и арестом или бесхозное в

результате смерти владельца (таковое переходило в собственность короны). Местных рыцарей назначили присматривать за эффективной эксплуатацией всех источников королевского дохода, какие только могла поставить на учет казна. Уолтер надзирал и за созданием новой системы контроля, регулирования и учета ростовщической деятельности английских евреев – предмет беспокойства для королевского министерства финансов, потому что в случае смерти заемщика его обязательства возлагались на корону.

Все эти меры укрепили ощущение, возникшее в царствование Генриха II, что правительство короля все глубже и равномернее проникает в английское общество. Вряд ли, конечно, это было главной заботой Ричарда. Финансовая политика Хьюберта Уолтера была необходима просто потому, что Ричард уже содрал с королевства больше денег, чем любой король до него. И только благодаря бесспорному богатству Англии (и Нормандии, чья казна активно пополнялась в конце 1190-х годов), даже такие высокие запросы не спровоцировали мятежа или конституционного кризиса. Одним из главных талантов Ричарда-короля было умение вытрясти из подданных финансовые пожертвования, не потеряв при этом доверия вельмож. Конечно, деньги, собранные им, шли прямиком в ненасытную утробу осад и кровавых войн, но король никогда не бросал их на ветер.

Ричард отчалил из Портсмута в Барфлёр 12 мая 1194 года. Больше он в Англию не вернется. Перед отъездом он даровал Портсмуту хартию и начал отстраивать город и дворец, превращая его в важнейший военный порт на южном побережье – перевалочный пункт для денег, оружия и людей, отправляющихся из Англии воевать на континенте. Затем он взошел на борт флагманского корабля и покинул королевство. Следующие пять лет он будет проводить от девяти до десяти месяцев в году в Нормандии, посвящая остальное время прочим своим континентальным владениям, занятый войной с Филиппом II и защитой сердца империи Плантагенетов во Франции.

Когда Ричард прибыл в Барфлёр, город взорвался ликованием. Это была картина настоящего триумфа: правитель вернулся домой во главе флотилии в 100 кораблей и привез с собой осадные машины и флаги, доспехи и солдат, лошадей, рыцарей, наемников и королевских служащих. Люди пели и танцевали, веселились и праздновали с таким упоением, что и ветераны прежних войн Плантагенетов не могли удержаться от удивления. Уильям Маршал писал, что никогда прежде ничего подобного не видывал:

> Когда король прибыл в Нормандию, все его люди, завидев его приближение, приносили ему ценные подарки и говорили приятные слова. Народ скакал и танцевал вокруг него… Собралась такая великая, многолюдная, восторженная толпа, что и яблоку негде было упасть… Везде звонили колокола, а стар и млад присоединялись к процессиям и пели на ходу: «Господь явился во всем своем могуществе, и король Франции будет теперь изгнан!»

Но ни один праздник не мог отвлечь Ричарда от тяжелых дум. Враг был силен. Вернувшись из крестового похода, Филипп прибрал к рукам богатую фламандскую область Артуа, значительно улучшив свое финансовое положение. Французский король воспользовался обретенным преимуществом там, где это было чувствительней всего: в Нормандии. Еще никогда – с тех пор как прадед Ричарда по отцу, Жоффруа Плантагенет, завоевал герцогство в 1140 году – не сталкивалась Нормандия с таким суровым натиском. Филипп начал наступление в 1190-х с попустительства изменника Иоанна, сговорившись с императором Генрихом VI и вступая в непрочные союзы с магнатами, чьи земли тянулись вдоль франко-нормандской границы. Ему удалось захватить значительную часть герцогства.

Благодаря малодушным мирным договорам, которые Иоанн заключал в попытках овладеть английской короной, пока Ричард маялся в застенках, Филипп захватил не только Вексен: он удерживал большую часть Западной Нормандии, в том числе прибрежные владения Арк и Э. Отсюда, как и из своих новых земель во Фландрии, Капетинги впервые могли угрожать Англии с моря. Более того, Иоанн отдал Филиппу критически важные крепости в Турени и отрекся от власти в Ангулеме – самой проблемной части Аквитании. Безопасности Нормандии это напрямую не угрожало, однако теперь Филипп принимался мутить там воду, когда ему вздумается, отвлекая значительные силы от основного театра военных действий и рассеивая внимание Ричарда.

Самой серьезной потерей была вексенская крепость Жизор, один из величайших замков во всей Франции. Его гигантские восьмиугольные стены окружали круглую башню и каменные укрепления. Жизор ощетинился защитными сооружениями, как и подобает крепости, стратегически расположенной между непримиримыми столицами Руаном и Парижем. Из этого замка герцоги Нормандские могли контролировать и оборонять самые важные свои границы в Западной Европе. Теперь, когда Жизор

был в руках Филиппа, роли поменялись. Полвека усилий по обеспечению безопасности границ империи Плантагенетов, которую Генрих II построил, а Ричард I старался сохранить, пошли прахом стараниями продажного Иоанна.

После всего, что Иоанн сделал, чтобы разрушить его империю, было бы естественно, если бы Ричард считал его своим вечным врагом. Однако этого не случилось. Как только Ричард прибыл в Нормандию, Иоанн явился ко двору и упал брату в ноги, умоляя о прощении. Уильям Маршал вспоминает сцену, которая иллюстрирует и сострадание, и презрение, с каким Ричард относился к брату.

Король протянул руку, поднял своего родного брата и, поцеловав его, сказал: «Иоанн, не бойся. Ты еще дитя, и за тобой плохо присматривали. Те, кто осмелился давать тебе дурные советы, получат по заслугам! Вставай – пойдем, поедим».

Королю как раз поднесли великолепного лосося, и он приказал приготовить его для своего непутевого братца.

Почему Ричард простил Иоанна? Роджер Ховеденский считал, что воссоединение было срежиссировано Алиенорой Аквитанской. Она достаточно хорошо знала историю Плантагенетов, чтобы понимать, что семья сильна в единстве, а распри ее только ослабляют. По ее совету Ричард, зная, что его 27-летний брат лицемер и трус, решил, что все же разумней иметь его в союзниках, нежели во врагах. И как только Ричард даровал ему прощение, Иоанн вновь показал свою предательскую натуру. Он отправился в город Эвре, который удерживал от имени Филиппа, перебил французский гарнизон и объявил, что город теперь принадлежит английскому королю. Сама же Алиенора, решив, что ее работа, наконец, завершена, удалилась от дел в богатый семейный монастырь в Фонтевро. Ей было 72 года.

Ричард вышел на тропу войны. Он знал, что его противостоянию с Филиппом суждено продлиться долго. Уильям Маршал писал, что это была «жестокая и опасная война» и ситуация «какое-то время висела на волоске». Армия Ричарда состояла из рыцарей, отдающих свой вассальный долг, свирепых валлийских наемников, подразделений, управляющихся с греческим огнем, экзотической кучки воинов-сарацинов, большого числа осадных машин и обычных отрядов лучников и арбалетчиков. Стратегия была проста: король лично вел свои полки в бой и одновременно выплачивал крупные суммы владетельным господам французских окраин, побуждая их выступить против Филиппа II единым фронтом.

Тем временем Филиппу удалось задействовать больше

ресурсов, чем любому Капетингу на памяти последних поколений, и он гонял Ричарда вдоль границ империи Плантагенетов. Осада сменялась осадой; союзы создавались и распадались, а рыцари обеих армий нападали друг на друга с такой яростью, что дело порой доходило до смешного. Маршал описывает одну битву, в которой он, отчаянно рубясь, влез на стену замка Мийи и так устал рассыпать удары направо и налево, что в конце концов обездвижил коменданта крепости, просто усевшись на него сверху.

Зимой 1195–1196 годов перевес был на стороне Ричарда. Он разгромил важный порт Дьепп, который Филипп пожаловал своему союзнику графу Понтье, помешал попытке французского короля осадить Исуден в Берри. Во время последовавшего перемирия Филипп раскрыл карты, отказавшись от всех территориальных претензий к Плантагенетам, за исключением нормандского Вексена и ряда особенно важных пограничных крепостей. И что самое важное, он разорвал союз с Тулузой, положив конец длительной и утомительной марионеточной войне, тянувшейся далеко на юго-западе Аквитании долгих 40 лет. Опасный враг отступил от аквитанских границ, и политическая ситуация в регионе моментально изменилась. Приоритеты Филиппа становились ясны. У него не было намерений взломать империю Плантагенетов с юга или завоевать Англию. Он нацелился на Нормандию и Вексен.

Выталкивая герцогов Нормандских из Вексена, Филипп был готов использовать все доступные средства, и в 1196 году судьба ему улыбнулась: ему удалось взять под опеку девятилетнего племянника Ричарда, Артура Бретонского.

Артур был единственным законным внуком Генриха II. Его мать, Констанция, родила его уже после смерти младшего брата Ричарда, Джеффри. Если не считать Иоанна, Артур был единственным вероятным наследником владений Плантагенетов, в случае если Ричард умрет бездетным. Учитывая, что Иоанн показал себя совершенно бесперспективным кандидатом, неудивительно, что в начале 1196 года Ричард настоятельно потребовал, чтобы Констанция привезла Артура к нему в Нормандию. Когда бретонцы отказались отдать своего наследника, Ричард вторгся в герцогство. Бретонцы, которым до смерти надоели вторжения Плантагенетов, незамедлительно спровадили Артура ко французскому двору.

Теперь у Филиппа были все козыри. Брачный союз Ричарда с Беренгарией не увенчался успехом. За шесть лет она так и не родила. В браке с Генрихом II Алиенора Аквитанская за тот же срок произвела на свет пятерых. Ричард, конечно, был занят

сильнее, чем его отец в первые годы правления, но оставить вопрос престолонаследия висеть в воздухе так долго – это либо беспечность, либо физическая неспособность. (Старые сказки, будто Ричард больше интересовался друзьями-мужчинами, чем женой, полностью опровергнуты.)

Как бы то ни было, в 1196 году Филипп завязал с Артуром отношения, которые создадут проблемы на много лет вперед. Мальчик провел несколько месяцев при дворе французского короля и подружился там со своим ровесником, сыном Филиппа, Людовиком. Филипп заполучил еще один клин, который можно было вбить между Плантагенетами, когда придет время.

Но этот успех был для Филиппа лишь кратким проблеском солнца. К лету 1197 года фортуна повернулась лицом к Ричарду. Политика подкупа соседей Филиппа оказалась крайне успешной, и военная удача была на стороне английского короля. Артур вернулся в Бретань, подчинившись требованию Ричарда, и Констанция стала привлекать сына к управлению герцогством. Ричард разрушил опасный союз Филиппа и Болдуина, графа Фландрии, наложив строгое эмбарго на жизненно-важную для Фландрии торговлю с Англией. Во время осады вексенского замка Гайон английский король был ранен арбалетным болтом в колено, но выжил. А в Нормандии развернулось строительство нового оплота Плантагенетов: огромного, роскошного дворца, города и крепости Шато-Гайар в Лез-Андели.

Шато-Гайар, «веселый замок», был предметом гордости Ричарда, а Лез-Андели быстро стал его любимой резиденцией. Высившийся на утесе Андели, всего в пяти милях от французской крепости Гайон, он бросал французам вызов: веха, вбитая в землю в самом сердце Вексена; памятник ратному наследию Ричарда. Этот огромный, круглый в плане, замок располагался в сотне шагов над городом и дворцом, возведенным одновременно с ним. Лез-Андели мог похвастаться речным портом, системой мостов и роскошными жилыми строениями, в которых король из династии Плантагенетов разместил свой двор. Невероятно, но все это было построено за два года. (Реконструкция замка Дувр, начатая Генрихом II, заняла больше десятилетия.) Предприятие обошлось англо-нормандской казне дороже любого другого замка, построенного в правление Ричарда. Говорили, пока строился Шато-Гайар, кровь лилась с небес. Неудивительно, что цена вышла астрономическая: Ричард правил, руководствуясь уверенностью, что он лучше любого европейского принца знает, как собирать и тратить деньги.

Шато-Гайар стал одним из полюсов силовой линии, протянувшейся от новой военной базы в Портсмуте через Руан к

Лез-Андели. Теперь правительство было в буквальном смысле единым – сообщение между Нормандией и Англией стало быстрее и удобнее, и король мог эффективно управлять страной, даже застряв в Вексене.

Шато-Гайар возносился ввысь, и перевес в войне был на стороне Ричарда. В июле 1197 года он, наконец, переманил на свою сторону Болдуина Фландрского, и к осени расклад сил заставил Филиппа запросить перемирия на год. Пока действовал мирный договор, судьба опять улыбнулась Ричарду. Связи, которые он завязал с германскими принцами во время своего пленения, со смертью императора Генриха VI принесли свои плоды. В феврале 1198 года курфюрстов убедили отдать трон племяннику Генриха, Оттону – сыну его сестры Матильды и Генриха Льва Саксонского. Для Ричарда это был настоящий подарок: Оттон воспитывался при дворе Плантагенетов и как граф Пуату был тесно связан с герцогством Аквитанским. На его поддержку можно было рассчитывать. Удача плыла прямо в руки, а Филипп начал терять сторонников и на западе, и на востоке. Французские аристократы смекнули, что Плантагенеты вновь на пике военного могущества, и покинули Филиппа с той же скоростью, с какой отвернулись от Ричарда в годы его плена.

Ричард же забил гвоздь по самую шляпку. Болдуин Фландрский атаковал Филиппа в Артуа, открыв второй фронт. Ричард гонял французские войска по всему Вексену. В сентябре, в Жизоре, он неожиданно напал на Филиппа. По воспоминаниям Уильяма Маршала, Ричард лично возглавил атаку, вскричав: «Господь на нашей стороне!» Он «понесся на них подобно разъяренному льву, голодному и преследующему свою добычу». Когда французы бежали, под весом рыцарей обрушился мост. Филиппу повезло – короля выловили из воды живым. «Когда они вытащили короля из воды, он страшно испугался за свою жизнь и не решился оставаться в Жизоре… потому что очень сильно опасался противника», – писал счастливый Маршал.

Теперь Плантагенеты практически полностью контролировали Вексен. У Филиппа вряд ли осталось что-то, кроме Жизора, и эта прежде принадлежавшая нормандцам крепость не шла ни в какое сравнение с замком в Лез-Андели. Было совершенно ясно, что пришло время примириться с Ричардом. Сразу после Рождества, 13 января 1199 года, Филипп и Ричард встретились, чтобы заключить долгосрочное перемирие. Папский легат Пьетро Капуано выступал посредником на переговорах, надеясь примирить двух королей и побудить их отправиться в новый крестовый поход при новом папе, Иннокентии III. Но во время язвительного обсуждения стало ясно,

что Ричард затаил злобу на Церковь за то, что та не помогла вызволить его из плена и сидела сложа руки, пока Филипп в его отсутствие угрожал его землям. Ричард потребовал от Филиппа возврата всех без исключения владений Плантагенетов, которые тот у него отобрал. Филипп был готов вернуть все, кроме Жизора, который он надеялся сохранить за собой путем брачного союза. Переговоры продлились до марта.

В конце марта, несмотря на то что во время Великого поста военные действия запрещены, Ричард поехал в Лимузен, чтобы возглавить отряд, атакующий замок Шалю-Шаброль. Граф Ангулемский и виконт Лиможа вышли из повиновения. Ричард без колебаний отправился наводить порядок.

Шалю-Шаброль был небольшой крепостью. Обороняли его всего 40 человек, из которых лишь двое были обученными военному делу рыцарями. Они были совершенно не готовы ни к сражению, ни к осаде – им катастрофически не хватало людей и оружия.

Земля вокруг Шалю-Шаброля была выжжена. Армия Ричарда действовала с обычной безжалостностью: люди с мечами и арбалетами промчались по сельской местности, сжигая все, что видели, а затем осадили замок. Инженеры рыли туннели под прикрытием арбалетного огня, свистевшего над зубчатыми стенами: обороняющимся оставалось лишь уклоняться от выстрелов, они были не в силах помешать подрыву стен, на которых стояли. Обрушение стен могло похоронить и тех, кто работал прямо под ними, но инженеры упорно продолжали копать, подтачивая стены замка, а заодно и волю осажденных.

Три дня они рыли и палили из всех орудий. Три дня маленький гарнизон держался. Три дня Ричард был со своими людьми, наблюдая, направляя, применяя весь свой опыт, чтобы заставить противника сдаться. Сумрачным вечером 26 марта он вышел из палатки, чтобы проинспектировать укрепления. Он взял с собой арбалет, длинный щит и железный шлем, но доспехов не надел. В сгустившихся сумерках зубчатые стены замка казались пустыми.

Но кое-кто там все же был. Посмотрев вверх, Ричард уловил какое-то движение. Над крепостным валом выросла одинокая фигура. Человек (Радульф де Дисето позже напишет, что звали его Пьер Базиль) держал арбалет в одной руке, а сковороду из дворцовой кухни в другой – в качестве импровизированного щита.

В приступе отчаянного безрассудства незадачливый вояка сделал единственный выстрел в сторону Ричарда.

Ричард привык находиться на линии огня. Он стоял перед

вражескими войсками у Яффы и у Гайона, уверенный в своей подготовке, скорости реакции и профессионализме товарищей. Он несчетное число раз вел своих людей в атаку, уклоняясь от стрел и арбалетных болтов. Он жил ради упоения битвы и получал массу удовольствия, сражаясь по-рыцарски благородно. Враг его был жалок, но Ричард оценил доблесть, которой стал свидетелем. Как всегда уверенный в своей неуязвимости, он, прежде чем уклониться от выстрела, позволил себе поаплодировать несломленному защитнику замка. Промедление оказалось фатальным. То ли реакция Ричарда несколько замедлилась, то ли гордыня наконец подвела его, но уклониться король не успел. Арбалетный болт вонзился ему в левое плечо, погрузившись на глубину в шесть дюймов.

Ричард не издал ни звука. Он был королем и полководцем. Он не мог позволить себе поднять боевой дух защитников крепости или же обеспокоить своих людей. Древко стрелы торчало из его плеча, но он просто вернулся в свою палатку.

Было уже темно. Ему наверняка было очень больно. Болт не повредил крупных кровеносных сосудов и не задел сердца, но глубоко погрузился в плоть. Ричард попытался выдернуть стрелу, но древко обломилось, оставив зазубренный наконечник внутри.

Ему требовалась профессиональная помощь. Вызвали хирурга. Было сделано все, чтобы о ранении короля никто не узнал. При свете костра хирург попытался вытащить злосчастный кусок металла, расковыряв рану в поисках заостренного жала. В конце концов наконечник вытащили, а рану забинтовали.

Но неосвещенное поле боя, да еще в Средневековье – неподходящее место для проведения операций. Рана воспалилась; началась гангрена. Инфекция распространялась по всему телу. Никто не сомневался в исходе. В Средние века солдаты не выживали после инфицированных ран в такой близости к сердцу. А Ричард был солдатом до мозга костей.

Он не выходил из своей палатки, его состояние держали в секрете. Среди тех немногих, кому сообщили о случившемся, была Алиенора Аквитанская. Когда Шалю-Шаброль пал, в Фонтевро отправили гонца, который рассказал стареющей герцогине, что ее любимый сын смертельно ранен. Она успела приехать и была рядом, когда 6 апреля 1199 года, через десять дней после ранения, Ричард Львиное Сердце простил бравого защитника крепости с арбалетом и сковородкой и скончался. Его сердце похоронили в Руане, рядом с могилой брата, Генриха Молодого Короля. Тело его, а также корону и роскошный наряд, который Ричард с таким неудовольствием надевал при коронации, отвезли в Фонтевро. Его похоронили у ног отца: там,

где он и начал свой путь короля.

Восхождение Иоанна

Была суббота, 10 апреля 1199 года. На Руан опускалась темная весенняя ночь. Хьюберт Уолтер, архиепископ Кентерберийский, укладывался спать. Завтра наступит Вербное воскресенье, праздник триумфального въезда Иисуса в Иерусалим. Для Уолтера это была ночь раздумий. Предстоятель английской церкви, герой Святой земли, он и сам дошел почти до Иерусалима.

Было уже поздно, когда ему доложили о прибытии гостя. Уильям Маршал требовал срочной встречи с Уолтером. Этого визита архиепископ с ужасом ждал уже несколько дней.

Они оба были посвящены в тайну, известную немногим доверенным слугам Плантагенетов: король Ричард серьезно ранен у Шалю-Шаброля. Они ждали новостей о его состоянии, вопреки всякой вероятности надеясь на лучшее, – но готовились и к худшему. Уолтер понимал, что столь поздний визит Маршала не сулит ничего хорошего. Биография Маршала сохранила для нас слова, которыми они в тот вечер обменялись.

«Давай, – сказал Уолтер, как только Маршал вошел. – Выкладывай свои новости!» Выражение лица архиепископа в этот момент, должно быть, выдавало обуревавшие его дурные предчувствия.

«Могу лишь сказать, что дело плохо, милорд», – произнес Маршал.

Король Ричард умер. Для них обоих это было кошмарное известие. Как только по континенту поползут слухи о неожиданной смерти 41-летнего короля, политическая карта Европы начнет стремительно меняться. Возвращением своего могущества в конце 1190-х годов Плантагенеты были обязаны лично Ричарду, его умению повести за собой и его превосходству над Филиппом II Французским. Ричард привел империю Плантагенетов от хаоса к триумфу. Самым его горячим желанием было прогнать Филиппа вон со всех французских земель, принадлежавших Плантагенетам. Этой задаче он подчинил все свое правление, этой целью связал всех, кто шел за ним. Примирение Плантагенетов и Капетингов было скорее личной договоренностью двух королей, чем политическим урегулированием конфликта двух великих держав. Со смертью Ричарда все могло пойти прахом.

Или, как сказал той ночью архиепископ Кентерберийский, обсуждая с Уильямом Маршалом последствия драматического события: «Мы утратили преимущество».

Двое мужчин вели беседу в сгущающейся тьме. Смерть Ричарда была лишена смысла. За что наказал его Бог? За жадность? За похоть? Может, Господь был зол на него? Понять было невозможно. Уолтер и Маршал могли лишь гадать, что готовит им будущее.

Ричард умер, не оставив законных детей, а последние несколько лет жил отдельно от своей жены Беренгарии. Не оставил он и ясных указаний насчет престолонаследия. Не было сына, которого можно было бы короновать как младшего короля. Не было дочери, которую можно было бы выдать замуж за подходящего преемника. Все крутилось вокруг Ричарда. В отличие от своего отца, Ричард унаследовал земли Плантагенетов целиком. В 1180-х Аквитанию, Анжу и Англо-нормандское королевство еще можно было отдать разным наследникам, но сейчас эти территории воспринимались скорее как одна большая вотчина.

Уже давно было понятно – с 1190 года, когда Ричард ушел в крестовый поход, – что, если империю Плантагенетов унаследует кто-то один, это будет либо его брат Иоанн, либо 12-летний племянник Артур Бретонский, постигавший секреты управления герцогством под руководством матери, Констанции. В начале правления Ричард склонялся к кандидатуре Артура, но на смертном одре назвал своим преемником Иоанна.

Маршал, государственный деятель, целиком и полностью преданный Плантагенетам, выступал за старшего претендента. Высказываясь против кандидатуры Артура, Маршал сказал Уолтеру, что герцог Бретонский полагается на дурных советчиков. Он назвал его «неприступным и заносчивым». «Если мы призовем его на нашу сторону, мы навлечем на себя беды и неприятности, – сказал Маршал. – В нем нет любви к Англии. Я считаю, ему не стоит быть королем. Подумайте лучше о правах Иоанна: похоже, именно он ближайший в роду наследник земель своего отца и брата».

Вряд ли права Иоанна невозможно было оспорить. Даже на рубеже нового столетия правила престолонаследия были так же туманны, как и на протяжении всего XII века. Кто имеет больше прав на престол: сын младшего брата короля (Артур, сын Джеффри, третьего сына Генриха II) или же самый младший брат короля Иоанн? Знатоки права и писатели тех времен расходились во мнениях. В Европе обычаи разнились, и довольно часто дело решали, основываясь на личных качествах конкретных претендентов. Вряд ли Хьюберт Уолтер на исходе той апрельской ночи мог привести безусловные аргументы в пользу Артура. Но, обращаясь к Маршалу, он произнес страшное пророчество,

основываясь не на законах престолонаследия, но на том, что он знал об Иоанне.

«Одно могу тебе сказать, – начал он. – Ты в жизни ни о чем не пожалеешь сильнее, чем об этом своем решении».

Иоанн не внушал доверия. Похоже, эта черта характеризовала его ярче всего. Ни вельможи, ни чиновники не верили ему и не верили в него, и тому были убедительные причины. К 1199 году Иоанн запятнал свое имя отвратительными примерами предательства, легкомыслия и бесславных провалов – начиная с раннего невольного участия в династических распрях семьи Плантагенетов в качестве Иоанна Безземельного, избалованного любимчика отца, и до продиктованного завистью поведения во время долгого плена брата. В последние годы правления Ричарда Иоанн вел себя безупречно, но все помнили, что он вытворял, пока Ричард отсутствовал в стране. Иоанн бунтовал против назначенных Ричардом министров и иерархов Церкви, попустительствовал смещению юстициария Уильяма Лонгчампа, подговаривал короля Шотландии напасть на Англию, распространял слухи о смерти брата, умолял Филиппа II помочь ему завладеть английским троном, принес Филиппу ленную присягу за континентальные земли, принадлежавшие брату, отдал французскому королю чуть ли не все герцогство Нормандское, пытался подкупить германского императора, чтобы тот сгноил его брата в тюрьме, и практически в одиночку привел земли и границы Плантагенетов в то жалкое состояние, в котором нашел их Ричард по возвращении.

И это только то, что касалось политики. Как человек он был еще хуже. И хотя Иоанн с 1195 года, примирившись с Ричардом, сидел тише воды ниже травы и послушно служил королю, многие по-прежнему считали его недостойным доверия. Современные ему авторы писали и об отталкивающей манере поведения Иоанна, которая резко контрастировала с аурой благородства, окружавшей его брата. Подобно Ричарду и Генриху II, Иоанн славился своими непомерными финансовыми требованиями и неукротимым темпераментом. Он был жесток, как Генрих, и угрожал страшными карами тем, кто перечил ему. Но, в отличие от Ричарда и Генриха, он был слабым и нерешительным; благородства в нем не было ни на грош. Многие хронисты писали, что Иоанн и его приспешники всегда были рады посмеяться над чужими несчастьями. Его считали неблагонадежным, подозрительным типом, слушающим советов недобрых людей. Еще на заре его карьеры Вильям Ньюбургский называл его «врагом естества».

На фоне такой враждебности Иоанн в 1199 году был вовсе не

уверен, что корона достанется ему без боя. Но в том, что Филипп II поддержит претензии Артура, он не сомневался. Первое, что сделал Иоанн, – захватил королевскую казну в замке Шинон. У него были все основания так поступить: пока он навещал могилу брата в Фонтевро и выражал соболезнования вдове, общественное мнение в центре империи Плантагенетов склонялось на сторону Артура. На Пасху бароны Анжу, Мена и Турени – самого сердца империи, созданной Генрихом II, – публично поддержали бретонца, моментально отрезав Нормандию от Пуату и остальной Аквитании. Иоанн поехал в Ле-Ман, любимый город отца, но стража не пустила его внутрь, и он чуть не попал в лапы Филиппа и Артура.

Только в Руане, где по обычаям герцогства брат однозначно имел больше прав на престол, чем племянник, Иоанна встретили более-менее приветливо. 25 апреля его провозгласили герцогом Нормандии и возложили на его голову корону из золотых роз. Это была хоть какая-то победа – потому что потерять Нормандию после всех усилий последних пяти лет было бы действительно жалким провалом.

Чтобы получить власть над остальными доменами Ричарда, Иоанн обратился к доверенным лицам, которые должны были обеспечить ему политическую поддержку. Несравненная Алиенора, ныне 75-летняя, возглавила движение, имевшее целью утвердить ее сына Иоанна наследником Аквитании. В начале 1190-х Иоанн ее разочаровал, но герцогиня всегда была на стороне своих детей. Жена двух королей, она бы сделала все, что в ее власти, лишь бы быть матерью еще троих. Она собрала армию под командованием известного предводителя наемников Меркадье, громила силы, верные Артуру Бретонскому, и помогала Иоанну закрепить за собой наследные права перед лицом жесткой оппозиции. В это время в Англии Маршал, вооружившись верой в легитимность Иоанна, приступил к активным действиям. Он рассылал по стране эмиссаров, убеждавших английских баронов присягнуть Иоанну на верность: те, кто имел интересы по обе стороны Ла-Манша, понимали, что Иоанн, уже коронованный герцогом Нормандии, может лучше защитить их права. Так что при поддержке Хьюберта Уолтера и юстициария Джеффри Фицпетера Иоанна приняли в качестве короля. Но, как позже вспоминал Маршал, так активно агитировавший за Иоанна в той ночной беседе, «ни гасконцы, ни лимузенцы, ни пуатевинцы или анжуйцы, ни бретонцы не были с этим согласны, поскольку не хотели его правления».

Иоанн Вялый Меч

Старый король Франции встретился с новым королем Англии на границе принадлежавших им земель. Разница в возрасте между ними составляла всего два года, но опыт их был несопоставим. Была середина января 1200 года. Тридцатидвухлетний Иоанн занимал трон восемь месяцев. Филипп II, которому исполнилось 34, царствовал уже почти 20 лет. Только что миновало Рождество, и все еще действовало перемирие, запрещавшее военные действия в период рождественских праздников. Это была их первая встреча с момента интронизации Иоанна. Короли долго обсуждали условия перемирия, тепло обнявшись по завершении разговора. Иоанну наверняка казалось, что он вошел в тесный круг царственных особ.

Филипп же, скорее всего, понимал, что вот, наконец, перед ним соперник Плантагенет, которого он сможет одолеть. Он хорошо знал Иоанна. Они уже не раз воевали и на одной стороне, и друг против друга, но никогда на равных. Иоанн всегда был ребенком, младшим братом, просителем, а Филипп – королем и судией.

Есть все основания полагать, что Филипп не принимал Иоанна всерьез. Поведение английского короля во время пленения Ричарда можно было назвать по меньшей мере трусливым. Сделки, на которые он готов был пойти, лишь бы почувствовать на голове тяжесть короны, явно демонстрировали, что Иоанн жаждет власти, но вряд ли дорос до понимания самой сути власти. Иоанн был из тех людей, кто первым отводит взгляд и не способен оказать сопротивления, когда их лишают даже законных прав.

Иоанна короновал Хьюберт Уолтер в день Вознесения Господня, 25 мая 1199 года. Король прибыл с континента в компании нескольких друзей. В этот раз для пышной церемонии не было времени. Новому королю выразили почтение и завалили его подарками, но чувствовалось, что все это лишь необходимая формальность, а не настоящее торжество. Иоанн не мог и не хотел задерживаться в своем новом королевстве. Помазание на царство и коронация были лишь прологом к защите Нормандии, Анжу и слабых мест на границах его новых владений.

Иоанн вернулся на континент уже через полмесяца. Ситуация в Нормандии требовала неотложного внимания; ему нужны были союзники. Филипп поддерживал претензии Артура Бретонского, и объединенные франко-бретонские силы атаковали Анжу, Мен и Турень. Велик был риск лишиться стратегически важных земель,

расположенных между Нормандией и Аквитанией.

Высадившись в Дьеппе, Иоанн заново заключил союзы с графами Фландрскими и Булонскими, которые так старательно поддерживал Ричард. Осенью 1199 года он выступил против Филиппа в Анжу. Тут Иоанну удалось сделать удачный ход. Гильом де Рош – самый могущественный барон в графстве, возглавлявший восстание от имени Артура, – внезапно перешел на сторону Иоанна. Просочились известия, будто император Отто IV и папа Иннокентий III приняли сторону Иоанна, и де Рошу казалось, что удача отворачивается от Филиппа.

Когда де Рош не поделил с французским королем замок в Мене, между ними, к счастью для Иоанна, пробежала черная кошка. Де Рош встретился с Иоанном в Ле-Мане, чтобы официально подтвердить свой переход на службу к новому сюзерену. Он привез с собой потрясающий подарок: своих важнейших союзников – Артура Бретонского и его мать Констанцию, готовых заключить мир. Теоретически такой поворот событий лишал Филиппа всякого повода продолжать войну. Но для этого Иоанну нужно было примириться со своим племянником, а он этого сделать не сумел. Констанция и Артур приехали ко двору Иоанна даже в большей тревоге, чем де Рош. Они просто не верили, что новый король обойдется с ними достойно. 22 сентября они официально признали власть Иоанна, но, как только наступила ночь, сбежали обратно ко двору Филиппа.

Таков был расклад сил в январе 1200 года, когда Иоанн и Филипп встретились на границе. Артур формально подчинился Иоанну, но находился при Филиппе, по-прежнему представляя собой потенциальную угрозу. К тому же многие союзники Иоанна оставили его, отправившись в Четвертый крестовый поход, объявленный папой Иннокентием III. На турнире в Шампани в ноябре 1199 года графы Фландрии, Блуа, Перша и маркиз Монферратский объявили, что принимают крест. Болдуин Фландрский удвоил оскорбление тем, что немедленно начал переговоры с Филиппом, лишив Иоанна возможности атаковать позиции французского короля в Нормандии с двух фронтов одновременно.

В этих условиях Иоанн решил, что лучше заключить мир, чем продолжать сопротивление. И вот, через пять месяцев после январских объятий, в мае 1200 года, английский и французский короли заключили, как предполагалось, прочный мир в Ле-Гуле.

Оглядываясь на договор в Ле-Гуле, хронист Гервазий Кентерберийский вспоминает, что думали о нем люди – судя по слухам и болтовне торговцев и пилигримов. Гервазий пишет, что

недоброжелатели Иоанна окрестили его «Иоанн Вялый Меч». Сам Гервазий был с этим не согласен: он полагал, что в условиях усталости от войны и финансового истощения мирный договор был оправдан. Но нет сомнений, что уступку, которую Иоанн сделал Филиппу в самом начале своего правления, многие считали необдуманной. Когда договор был скреплен, Андреас Маршьеннский, автор с севера Франции, с презрением писал, как «вяло» Иоанн ведет войну, не выдерживая никакого сравнения с отважным и решительным Ричардом. Андреас считал, что в Ле-Гуле Иоанн отказался от прав на замки, ради которых «и затевалась вся война».

По условиям мирного договора Франция получала значительное преимущество. Филипп согласился признать Иоанна сюзереном большей части континентальных земель, принадлежавших его брату и отцу, и согласился, что Артур должен принести Иоанну оммаж как его вассал. Но французский король отказался уступить Иоанну важные пограничные области. Хуже всего, что Франции достался целиком нормандский Вексен, за исключением громадной крепости и города Лез-Андели, построенных Ричардом. Та же судьба постигла и Эвре, еще одно важное графство, расположенное между Францией и Нормандией. На юге, в Берри, Иоанн отдал Филиппу Исуден, Грасе и Бурж. Он считал все это мелкими уступками и, в отличие от Ричарда и Генриха II, не понимал, что с таких мелких уступок и начинаются большие неприятности.

Но самой значительной уступкой Иоанна был даже не его отказ от лоскутков приграничных территорий, а пересмотр взаимного расположения королей на феодальной лестнице. С 1156 года, когда Генрих II впервые принес оммаж Людовику VII, короли Плантагенеты теоретически признавали, что держат свои континентальные земли по праву, дарованному им французским королем. Но по большей части это была простая формальность. Иоанн же превратил формальность в реальность. В обмен на признание Филиппом его прав Иоанн согласился уплатить 20 000 марок в качестве налога на наследство. Это был крайне серьезный компромисс, потому что он превращал теоретическое вассальное подчинение во вполне реальное.

Филипп, не стесняясь, напичкал договор, заключенный в Ле-Гуле, указаниями, которые были бы уместны разве что в ситуации строгого подчинения вассала сеньору. Иоанн принял ленную присягу Артура с оговоркой, что не будет посягать на права своего нового вассала. Его вынудили разорвать союзы с Фландрией и Булонью – не только в качестве жеста доброй воли, но в качестве признания, что графы Фландрские и Булонские

прежде всего вассалы Капетингов и в первую очередь должны сохранять верность французской, а не английской короне. В договоре не упоминалась только Аквитания, которую Иоанн технически удерживал как наследник своей матери.

У Иоанна было достаточно убедительных причин пожертвовать в Ле-Гуле столь многим. Его брат ободрал королевство как липку своими непомерными финансовыми требованиями. Сколько еще оно могло терпеть неподъемные налоги, сборы с баронов и безжалостное давление на Церковь? Сколько еще Шато-Гайаров потребуется, чтобы изгнать французского короля из Вексена – по сути, узкой полоски земли, важной скорее стратегически, чем экономически? Как долго еще сможет Англия оплачивать наемников, необходимых, чтобы держать Нормандию в полной боевой готовности? Как мог Иоанн сохранить систему союзов своего почившего брата, когда все его потенциальные союзники уходили в крестовый поход? Не проще ли было примириться с Филиппом, чем попусту тратить силы на борьбу с ним?

Соблазнительный ответ на все эти вопросы заключался в соглашении, которое Иоанн скрепил, обнявшись с королем Франции в январе 1200 года и подписав майский договор. Еще события 1193–1194 годов показали, что Иоанн жаждал власти, а не драки. В общем, в первые пять месяцев XIII века Иоанн сдал позиции, которые его брату, отцу и деду пришлось завоевывать почти 100 лет. Опровергнуть остряков-пилигримов, подслушанных Гервазием Кентерберийским и обзывавших Иоанна Вялым Мечом, несложно: им были невдомек проблемы королей. Но очень скоро станет ясно, насколько серьезные неприятности ожидали Иоанна впереди, и причиной тому были уступки, сделанные в Ле-Гуле.

Триумф и катастрофа

29 июля 1202 года большой отряд рыцарей, гремя доспехами, прискакал под стены замка Миребо. Их было больше двух с половиной сотен – значительная сила, и прибыли они с пугающей целью: они намеревались захватить Алиенору Аквитанскую.

Старой королеве было 78 лет, и она рассчитывала, что в таком преклонном возрасте налеты вражеских армий уже не будут ей грозить. Но внизу, у стен, в гуще тяжелых кованых шлемов, кольчуг, арбалетов, мечей и пик она разглядела знакомое лицо: своего 16-летнего внука, Артура Бретонского. Еще один Плантагенет хотел лишить ее свободы. Приключения, которыми была так богата ее жизнь, не закончились.

Причины, подтолкнувшие Артура к попытке взять в плен свою бабушку, были просты: она могла стать важным заложником в войне за наследство Плантагенетов, которую он вел против своего дяди Иоанна.

Где-то среди осаждавших был и Гуго де Лузиньян. У Гуго имелись свои причины страстно ненавидеть Плантагенетов. Два года назад король Иоанн внезапно вторгся в Ангулем – графство, соседствующее с землями Гуго, – и выкрал юную невесту Гуго, Изабеллу Ангулемскую, прямо у него из-под носа. С тех пор Иоанн делал все, что только мог, чтобы спровоцировать и унизить семью Лузиньянов, напомнить им, что он теперь на стороне их противников, графов Ангулемских, и потешался над их подчиненным положением. Он не только увел у них девушку– со свадьбы прошло два года, но Иоанн не упускал возможности указать Лузиньянам их место: он беззастенчиво нападал на их вассалов и замки в графствах таких удаленных, как Ла Марш и Э, и (хоть и безуспешно) призывал их предстать перед его судом и защитить себя и свои требования, вступив в судебный поединок с его лучшими рыцарями.

Иоанн вел себя с Лузиньянами как самодур и сам толкнул их в распростертые объятия Филиппа II. В первые годы XIII века за королем Филиппом уже закрепилось прозвище Август, под которым он и войдет в историю. В 1201–1202 годах он собрал огромную и боеспособную армию. К весне 1202 года он был готов двинуть ее на Плантагенетов. Опираясь на феодальное превосходство, достигнутое благодаря договору в Ле-Гуле, Филипп объявил, что лишает Иоанна всех континентальных владений. Он свел Лузиньянов с Артуром, которого посвятил в рыцари, обручил со своей младшей дочерью Марией и признал герцогом Бретонским и Аквитанским, графом Анжу и Мена. Затем

он отправил Лузиньянов и своего юного протеже атаковать позиции Иоанна в Анжу.

Алиенора, даже будучи слаба здоровьем, следила за политическими событиями с тревогой. Она быстро поняла, что представляет собой заманчивую цель для новых друзей внука. Как ни мечтала вдовая королева отойти от политики и связанных с нею опасностей, политика никак не хотела оставить в покое ее. Как и ожидалось, враги пришли за ней в Фонтевро, в ее роскошное убежище в монастыре. Она жила там уже около года, восстанавливая силы после завершения своей последней дипломатической миссии – долгого путешествия на север Испании, где среди своих внучек от дочери Элеоноры она выбрала жену для Людовика, сына Филиппа II: принцессу Бланку Кастильскую. Узнав заранее о приближении сил Артура и Гуго Лузиньяна, она поспешила уехать из Фонтевро в Пуатье. Но до цели не добралась – они настигли ее в Миребо. Вражеские рыцари караулили у стен замка, и надеяться королева могла лишь на то, что подоспеет помощь с севера. С дороги она успела отправить срочное сообщение Иоанну, который в то время находился в Нормандии и оборонял свои пограничные замки от армий Филиппа, рыщущих по Вексену. Добраться до матери раньше, чем падут стены замка, он мог только чудом. Но надежда на чудо – это все, что у Алиеноры оставалось.

Пока его мать молилась в Миребо, Иоанн торчал в Ле-Мане. Он ждал, чтобы вербовщики, отправленные им в Англию, собрали армию наемников. За лето его войско платных головорезов значительно выросло. Сейчас, в конце июля, людей было достаточно, чтобы одолеть Филиппа на севере, а Артура и Лузиньянов – на юге. Письмо Алиеноры застало его в Ле-Мане. Внезапно в нем вскипела кровь Плантагенетов.

О Генрихе II говорили – обычно его изумленные и обиженные недруги, – что он мог внезапно появиться в любой точке своей империи и именно тогда, когда его меньше всего ждали. Он обладал сверхчеловеческой способностью на безумной скорости гонять и себя, и свои армии по огромным территориям Плантагенетов, и в этом был секрет его успеха. В Иоанна словно вселился дух отца. Он покрыл 80 миль, отделявших Ле-Ман от Миребо, меньше чем за 48 часов: немыслимая скорость даже для легковооруженных солдат.

Они прибыли к Миребо вечером 31 июля и обнаружили, что пуатевинцы уже проложили себе путь в город. Мятежники явно подготовились к прибытию Иоанна и заблокировали огромными земляными валами все городские ворота за исключением одних. «В безопасности ждали они прибытия короля, уверенные в своих

многочисленных и испытанных в сражениях рыцарях и командирах», – писал Ральф из Коггесхолла. Но одной уверенности оказалось мало.

По пути в Миребо Иоанн захватил Гийома де Роша, аристократа, который в 1200 году перешел на его сторону, оставив Артура. Де Рош заключил с королем сделку. Он согласился возглавить атаку на город и замок при условии, что именно ему в случае пленения Артура будет принадлежать решающий голос в определении его судьбы. Иоанн с готовностью согласился. Они расположились лагерем у земляных валов, окружавших город, и де Рош стал готовить атаку, которую планировал начать с первыми лучами солнца.

В городе на рассвете брат Гуго де Лузиньяна, Джеффри, лакомился жареными голубями. Яростная атака на единственные действующие городские ворота застала его врасплох. Его люди окружили замок, но люди Иоанна окружили город и готовились протаранить ворота. Завязались яростные уличные бои, возглавляемые неистовым де Рошем, под которым пали три лошади, пока он без устали обрушивался на ворота замка. Устрашившись мощи и неукротимой энергии противника, в попытке избежать свирепых атак де Роша, бунтовщики укрылись в замке. Но удержать его они не смогли. Силы Иоанна под командованием сенешаля де Роша разгромили врага в пух и прах. Алиенора обрела свободу – Артур, Гуго и Джеффри Лузиньяны, а с ними и «252 лучших рыцаря» ее потеряли.

Это была безусловная, полная победа армии под командованием английского короля – первая с тех пор, как Ричард освободил Яффу в 1192 году. Иоанн мгновенно обезглавил сопротивление Лузиньянов в Аквитании и к тому же пленил Артура – самое опасное оружие, которое мог применить против него Филипп. Иоанн не упускал случая потыкать в это носом всех, кого только мог встретить на обратном пути в Нормандию. Его знатные пленники шли, закованные в тяжелые цепи: недвусмысленное предупреждение о карах, ожидающих бунтовщиков. Артура и Джеффри Лузиньяна отвезли в Фалез; Гуго де Лузиньяна держали в Кане, в одиночном заключении и под внушительной охраной. Прочих узников под конвоем отправили в английские крепости, многих – в Корф, мрачный замок, возвышающийся над холмами Пурбек в Дорсете. Их заключение будет горьким и мрачным.

Артуру пришлось еще хуже. В Фалезе родился Вильгельм Завоеватель. Крепость – самое сердце древней Нормандии – располагалась неподалеку от бывшей столицы герцогства, Кана – шумного города, над которым высился большой нормандский

замок с квадратным донжоном. Там-то и держали 16-летнего Артура – в самых жутких условиях.

Условия содержания в средневековой тюрьме обычно зависели от статуса узника. Благородным пленникам приходилось полегче, нежели бедным и неплатежеспособным. Но тюрьмы Иоанна были мрачны, опасны и безотрадны для всех без исключения. Согласно Уильяму Маршалу, знатоку правил ведения войны и рыцарских обычаев, Иоанн «обращался со своими пленниками самым отвратительным образом и держал их в таком унизительном заточении, что даже его люди, будучи свидетелями такой жестокости, считали ее оскорблением и позором».

За весь XIII век не случится другого такого постыдного и бесславного тюремного заключения, как история с пленением Артура. Мало того что герцог был высокопоставленным заложником – в отсутствие у Иоанна собственных детей он был его потенциальным преемником на троне Англии и конкурентом в борьбе за наследство Плантагенетов на континенте. Он появился на свет на окраине Франции, в диких кельтских местах, что считались родиной легендарного короля Артура, в честь которого герцога и назвали.

Когда он попал в руки своего дяди, и его статус, и кровное родство с Иоанном должны были обеспечить ему определенный уровень безопасности. Зная о том, как он ценен для Филиппа, Артур, должно быть, рассчитывал, что Иоанн, убоявшись последствий, не причинит ему серьезного вреда. Вероятно, ему предстоит провести долгое время в плену, а его герцогству – понести некоторый политический урон, но когда-нибудь Филипп выкупит или отобьет его у Иоанна.

Но Иоанн не был ни расчетливым, ни благородным типом короля. Несмотря на успех в Миребо, с конца 1202 года он был одержим идеей, что со всех сторон его окружают предатели. И при этом он раздувался от гордости, добившись превосходства над своими противниками. «Самонадеянность и чванство короля перешли всякие границы, – писал Маршал, – они так затуманивали ему глаза, что он не видел реального положения дел».

Мы не знаем, сколько было известно Артуру, сидящему в темнице, о действиях Иоанна в первые месяцы его заключения. Но, если какая-то информация к нему вообще просачивалась, он должен был знать, что, пока Иоанн над ним измывается, Нормандия рушится, расколотая недовольством и изменой. Все вокруг внезапно вспомнили, что нормандцы и анжуйцы испокон веку враждовали. Верность, которую внушал Ричард благодаря

своим лидерским качествам, быстро таяла; люди переходили на сторону французской короны, и Иоанну больше не на кого было опереться.

Несмотря на то что Артур был буквально отрезан от мира, сам факт его пленения имел далеко идущие последствия. В герцогстве ширился ропот, что Иоанн неблагородно обращается со своими пленниками. Да и по отношению к своим союзникам он вел себя отвратительно. Гийом де Рош, в сентябре 1202 года возглавивший стремительную атаку на Миребо, понадеялся на твердое обещание Иоанна предоставить ему право решать судьбу Артура и остался ни с чем. «Король так и не сдержал обещания, данного де Рошу, – писал Маршал. – Из-за такого дурного обращения де Рош потом перешел на сторону короля Франции. Король сделал грубую ошибку, не доверившись ему».

Лишиться поддержки Гийома де Роша уже было серьезным промахом. Но, когда де Рош увел с собой другого важного союзника Иоанна, Эмери де Туара, все стало еще хуже. Эмери несколько раз то принимал сторону Иоанна, то оставлял его, и ограничить его влияние удавалось только благодаря настойчивым усилиям Алиеноры Аквитанской. Эмери и де Рош не были естественными союзниками, но Иоанн умудрился объединить врагов общей ненавистью, и эти двое принялись совместными усилиями разорять Анжу. Уже через месяц они захватили город Анж, столицу графства.

Это были далеко не последние союзники, отвернувшиеся от Иоанна. Вплоть до декабря 1202 года английский король пытался удержать Анжу, но противостоять волне мятежников, переходящих на сторону Филиппа, было уже невозможно. Кусок за куском Анжу вырывали из рук Иоанна, пока от исконной земли Плантагенетов не осталась всего лишь горстка замков.

Анжу балансировал на грани, и Аквитанию тоже охватила смута. В начале 1203 года Иоанн освободил Лузиньянов, захваченных в плен при Миребо. Он намеревался протянуть им руку дружбы, в которой так надменно отказал им два года назад, и надеялся получить взамен поддержку в Северной Аквитании. Как бы не так! Они оставили уйму заложников и убедительно пообещали примерно себя вести, но, вырвавшись на свободу, тут же взбунтовались. Иоанн, в отличие от Ричарда, был для южан чужаком. Он не понимал их порядков; серьезного опыта, без которого не удержать герцогство в повиновении, у него не было, да и аквитанские бароны никогда не боялись его и не доверяли ему.

К концу 1203 года беды Иоанна умножились настолько, что ситуация уже не поддавалась контролю. «Он видел, что

положение его земель и безопасность границ ухудшаются день ото дня в результате войны с французами, которые его не любили и разграбляли его земли… с попустительства перебежчиков, покинувших его лагерь», – писал Маршал. Отступив в декабре в Нормандию, Иоанн попытался укрепить свои замки гарнизонами наемников, но это только разозлило местных жителей, потому что эти же самые наемники грабили их города и монастыри, отбирая припасы и ценные вещи.

Чем больше друзей терял Иоанн, тем кровожаднее он становился. Когда 25 пленников попытались вырваться из тюрьмы в английской крепости Корф, люди Иоанна окружили их, лишив доступа к продовольствию. Практически все узники предпочли умереть от голода, лишь бы не покориться королю. Иоанн был тогда далеко от Корфа, но зверство, без сомнения, творилось по его приказу.

Озлобленный Иоанн жаждал крови Артура Бретонского. В начале 1203 года он отправил приказ своему слуге Хьюберту де Бургу, тюремщику Артура, требуя, чтобы тот ослепил и кастрировал юного герцога. К счастью для Артура, де Бург ощутил укол сострадания и не смог привести отвратительный приговор в исполнение и искалечить 16-летнего подростка, умоляющего о пощаде. К несчастью для Иоанна, де Бург – побоявшись ослушаться приказа короля – пустил слух, что Артур скончался естественной смертью.

Если он хотел таким образом умерить гнев бретонцев, попытка провалилась. Заподозрив, что их наследник был убит, они разъярились и поклялись отомстить. Хьюберт тут же попытался сдать назад, сообщив, что Артур жив-здоров. Но было слишком поздно – ущерб уже был нанесен, и мятеж против Иоанна обзавелся солидным моральным основанием.

Трудно сказать, откуда взялась сама идея, что для Плантагенетов будет выгоднее кастрировать, ослепить или убить Артура. Но Иоанн в те дни был уже неспособен мыслить логически. Король сходил с ума от тревоги. Когда в январе 1203 года Анжу пал под ударами врага, Иоанн чуть не потерял королеву Изабеллу: бунтовщики осадили ее в замке Шинон. Ее пришлось вызволять силами отряда наемников.

Все его союзники бежали. Иоанна оставил граф Алансонский: он переметнулся к Филиппу через два дня после того, как отужинал с Иоанном. «Граф Роберт… повел себя некрасиво: после того, как король… принес ему щедрые дары и поцеловал его в губы, в тот же самый день граф унизил его», – писал Маршал.

К весне 1203 года Иоанн был разбит. Филипп и его союзники захватили Бретань и практически целиком удерживали Анжу, Мен

и Турень. Освобожденные Лузиньяны выдавливали Иоанна вглубь Пуату, а мать его была уже слишком слаба, чтобы организовать сопротивление. Французы без устали обрушивались на приграничные крепости в Нормандии – в герцогстве, в котором, как говорили, ни один человек более неспособен держать свое слово дольше недели.

Дух Миребо быстро оставил Иоанна. Его буквально парализовали грандиозность задач и собственная нерешительность. Он все еще удерживал Артура – хотя скорее по случайности, чем в силу осознанного решения. У него сохранялся английский трон и прочная власть в Южной Аквитании. Но все остальное было в полной неопределенности. Иоанн и сам не мог дать отпора врагам, и никого другого вдохновить на сопротивление не мог. Все, на что он был способен – сидеть на усыхающем клочке земли и надеяться на чудо. Но чуда не произойдет.

Иоанн Разгромленный

Наступил четверг перед Пасхой, 3 апреля 1203 года: день скорби для христиан. Король Иоанн был зол и пьян. Он сидел за обеденным столом в Руане, обуреваемый черными думами, а вокруг него толпились невидимые враги. Он почти никому не доверял и не мог даже путешествовать по своему герцогству, не опасаясь засады или нападения. Неприятели обступали его со всех сторон. Он был близок к безумию.

Той ночью в Руане находился и Артур Бретонский. Ему, конечно, не предложили присоединиться к застолью. Артура перевезли из Фалеза после позорной попытки его искалечить и с тех пор мариновали в казематах Руанского замка. Уильям де Браоз, богатый и могущественный вельможа, которому принадлежали земли вдоль границ с Уэльсом, сопроводил узника к королю. Именно де Браоз взял Артура в плен при Миребо. Как ближайший соратник Иоанна, он был знаком с темпераментом своего короля и, доставив к нему юного герцога, во всеуслышание объявил, что снимает с себя всякую ответственность за жизнь и здоровье Артура.

У де Браоза были основания для опасений. Вечером в Страстной четверг пьяным Иоанном овладела злая сила. Мы никогда не узнаем, что за мысли проносились в его голове. Немногие свидетели говорили, что в него будто бы дьявол вселился. Тем, кто видел, как пьяный король в неистовстве несся к тюремной камере Артура, он казался жутким призраком. Не знаем мы наверняка и всего, что случилось в ту страшную ночь, но очень похоже на то, что Иоанн ворвался в темницу, собственноручно прикончил бедного юношу, привязал к его бездыханному телу тяжелый камень и бросил в Сену, откуда его потом и выловил какой-то рыбак. Монахини Нотр-Дам-де-Пре похоронили юного герцога по христианскому обряду – тайно, опасаясь гнева Иоанна.

Если и можно было страшнее надругаться над праздником Пасхи и институтом королевской власти, то ни одному королю Плантагенетов до Иоанна этого еще не удавалось. Однако было не похоже, чтобы Иоанн хоть немного раскаивался. Смерть племянника как будто бы успокоила его. Он сразу же отправил зашифрованное послание Алиеноре Аквитанской, в котором были такие слова: «…милость Божия одарила нас большим, чем [посланник] может тебе рассказать».

Но Иоанн ошибался. Милость Божия вот-вот его оставит, и последствия будут катастрофическими. Нормандия, Бретань и вся

Франция долгие месяцы полнились слухами о судьбе Артура. Французский двор не мог поверить в его гибель почти до 1204 года, но даже и тогда, когда новости считали просто мерзкими слухами, убийство герцога поставило Иоанна в немыслимо сложное положение. На всех последующих переговорах с Филиппом II на руках у французского короля была козырная карта. «Никакого мира, пока не отдашь Артура», – упрямо повторял он. Но теперь, даже мечтая о мире, Иоанн не мог выполнить это условие.

Летом 1203 года Филипп вовсю использовал преимущество опасного положения, в котором оказался Иоанн, зажатый в Нормандии между Бретанью и бунтующими пуатевинцами на юге. Войска французского короля атаковали нормандские границы с востока. Иоанн совершал вылазки на восточный фронт со своей базы в Руане. Ни с одного из фронтов не поступало утешительных известий. Филипп мог резвиться на землях Плантагенетов, как ему вздумается. Отправляясь на юг, он садился на корабль и сплавлялся вниз по Луаре – основной водной магистрали Плантагенетов – в полнейшей безопасности.

В таких условиях моральный дух нормандцев улетучивался на глазах. Пограничные замки капитулировали, как только Филипп приближался. Не успев и глазом моргнуть, Иоанн потерял Конш и Водрей. Рыцари, занимавшие последний, даже не стали делать вид, будто сопротивляются. Система обороны Нормандии рассыпалась, как замок из песка. К концу августа французские армии добрались до жемчужины в этом ожерелье: Шато-Гайара.

Ричард строил дорогую его сердцу цитадель так, чтобы ее было невозможно взять. Но сейчас силы Филиппа собрались у крепости, возвышавшейся на огромном утесе, вокруг которого несла свои воды Сена. Они заблокировали реку, надеясь голодом принудить врага сдаться. Ночью, в конце лета 1203 года, Иоанн силами наемников попытался прорвать блокаду и доставить в город флотилию кораблей с припасами. Люди Иоанна, возглавляемые Уильямом Маршалом, напали под прикрытием темноты. Но удача совершенно покинула Иоанна. Сражаясь с течением реки, гребцы английского флота отстали от наземных сил, и стрелы французов сбрасывали их в реку, пока темные воды Сены не покраснели от крови.

Больше Иоанн не пытался спасти Шато-Гайар, символ непокорности, построенный последним великим герцогом Нормандии. Осада продлилась до марта 1204 года, но Иоанн уже не пытался ее снять. Он сделал несколько отчаянных, но бесполезных попыток отвлечь Филиппа на бретонский фронт и

сжег город Доль. Но осенью 1204 года уже было ясно, что власть ускользает из рук Иоанна. Ходили слухи, что он не вылезает из постели своей несовершеннолетней жены, а на все требования встать на защиту независимости Нормандии беззаботно отвечает: «Пусть, пусть! Что бы он ни забрал сейчас, я когда-нибудь верну». Уильям Маршал в смущении наблюдал, как король принялся бесцельно разъезжать по окрестностям, просто исчезая из города, не сказав никому ни слова и выбирая проселочные дороги из страха, что на основных его поджидают предатели.

Ближе к Рождеству 1203 года Иоанн покинул Нормандию навсегда. Несмотря на все свои обещания еще на год остаться в герцогстве и оборонять его, в начале декабря он тайно начал готовить свой вещевой обоз к отправке в Англию. Перед рассветом 5 декабря он сел на коня, выехал из Руана и что было сил поскакал в Кан и далее в Байе. Покидая гавань Барфлёра вместе со своей королевой, Иоанн миновал утес, погубивший пьяных кутил на борту Белого Корабля его двоюродного деда Вильгельма Аделина в 1120 году. Итогом той трагедии стало более чем полувековое господство Плантагенетов во Франции – от Руана до Тулузы. Сейчас, когда трезвая команда Иоанна, не нарываясь на неприятности, налегла на весла по пути в Портсмут, это окно возможностей закрылось. В оставленной им Нормандии несколько лоялистов еще защищали его интересы, вопреки всякой вероятности надеясь устоять против беспощадного натиска Филиппа. Иоанн обещал им вернуться, но слова своего не сдержал.

От обширных владений, которые завоевал Генрих II и отстоял Ричард I, осталась лишь изорванная в клочья сердцевина. Не считая отдельных замков и горстки верных людей, король Иоанн потерял большую часть Нормандии, Анжу, Мена и Турени. Для бретонцев он стал презреннейшим из смертных. Он сохранял номинальный контроль над Пуату и остальной Аквитанией только благодаря тому, что аристократия герцогства в какой-то мере еще была верна его матери. Отвоевать потерянное в войне с возрожденной и окрепшей Французской империей, возглавляемой королем, который заслужил свое славное имя Филипп Август, было задачей едва ли посильной для отца или брата Иоанна даже на вершине их могущества. Иоанн же для этой задачи не подходил совершенно, и лучшее, что он мог сделать, так это, поджав хвост, удрать из своей пылающей и рушащейся континентальной империи. Выбор, не суливший ничего хорошего.

Часть III
Эпоха сопротивления (1204–1263)

Когда сила на стороне дурного человека,
жди бесчинств и произвола.

Уильям Маршал

Спасение тонущего корабля

Англию сковал холод. Зимой 1204–1205 годов на страну обрушились жестокие морозы, останавливая течение жизни и отнимая надежду. Темза в районе Лондона покрылась таким толстым слоем льда, что горожане могли перебираться по нему с берега на берег. Земля на полях так промерзла, что и в конце марта с трудом поддавалась плугу. Озимые посевы погибли; изголодавшиеся люди выкапывали первые корнеплоды, не давая им хоть немного подрасти. Страну изнуряла нехватка еды, а цены росли. Овес за год подорожал в десять раз. Нищета, голод и страдание распространились повсюду. Ходили суеверные слухи – записанные Ральфом из Коггесхолла, – что Господь покарал короля Иоанна, забрав у него Нормандию, а сейчас наказывает и всю Англию вместе с ним.

Иоанн отсиживался на острове уже год. Это было нелегкое время. Хотя блестящий и шумный двор его по-прежнему веселился на разгульных пирушках, а молодые приближенные предавались своим обычным рыцарским забавам, тревог и невзгод, одолевших Англию, уже нельзя было не замечать. Многие поддавались панике и не верили в безопасность государства. Страну заполонили слухи о скором вторжении Франции. Говорили, что Филипп Август уже нашел удобный предлог для нападения – притязания герцога Брабантского и графа Булонского на английские земли, которые были отняты у них в правление Генриха II. Все были уверены, что желание Филиппа сокрушить Плантагенетов неумолимо, а умение Иоанна пускать по ветру наследство – безгранично.

Угрозу вторжения воспринимали всерьез. На Большом совете, состоявшемся в 1205 году, Иоанн приказал привести к присяге всех подданных мужского пола старше 12 лет и взять с них клятву защищать королевство и хранить мир. Отказ должен был расцениваться местными констеблями как измена, а тех, кто не выступит на защиту королевства в случае вторжения, было предписано наказывать безвозвратным лишением наследства или пожизненным рабством. Ни один корабль не мог покинуть замерзающие гавани без письменного разрешения короля.

Нетрудно понять причины этих страхов. Крах Плантагенетов во Франции был быстрым, окончательным и болезненным. Герцогство Нормандское рухнуло с отъездом Иоанна и теперь полностью принадлежало Филиппу – впервые в истории вошло в состав Французского королевства. К тому же Иоанн практически потерял Анжу, Мен и Турень, кроме разве что пары островков

лояльности в крепостях Шинон и Лош, удерживаемых верными людьми, но окруженных французами. А когда просочились известия о гибели Артура, герцога Бретани, имя сбежавшего Иоанна покрылось позором во всем Французском королевстве.

Дела в Аквитании обстояли немногим лучше. 1 апреля 1204 года Алиенора Аквитанская скончалась. Она дожила до преклонных 80 лет и провела свои последние годы в аббатстве Фонтевро, одряхлевшая, но не смирившаяся. Даже постригшись в монахини, она до последних дней, несмотря ни на что, продолжала обеспечивать сыну поддержку своего герцогства, одаряя землями и привилегиями верных ему баронов и укрепляя позиции Плантагенетов.

Во исполнение ее завещания, составленного в 1202 году, Алиенору похоронили рядом с ее супругом Генрихом II и любимым сыном Ричардом I в часовне Фонтевро. И по сей день три представителя самой харизматичной и влиятельной семьи XII века покоятся там в мире – если не при жизни, то хотя бы после смерти. Скульптурное надгробие на могиле Алиеноры сохранилось до наших дней, такое же незаурядное, как и женщина, память которой оно увековечивает. Королева изображена во всем великолепии зрелых лет: веки ее смежены, но книга в руках открыта. Эффигия Алиеноры была – и остается – символом рыцарской романтики и памятником уму этой женщины.

Монахини Фонтевро отдали Алиеноре дань уважения в некрологе, поблагодарив ее за щедрые дары аббатству – золото, серебро, драгоценные камни и шелка. Там же они несколько подобострастно отметили, что королева «осветила мир блеском своих потомков». Если вспомнить успехи Генриха Молодого Короля, герцога Бретани Джеффри и короля Англии Иоанна, поверить в это сложно. И тем не менее Алиенора была могущественной королевой, влиявшей на решения трех королей, и она любила своих сыновей, несмотря на все их опрометчивые поступки.

Лишившись направляющей материнской руки, Иоанн еще глубже завяз в аквитанских проблемах. Он уже нанес оскорбление аквитанским баронам женитьбой на Изабелле Ангулемской и неуклюжим вмешательством в сложные политические игры герцогства. Ни один пуатевинский барон в своем уме не собирался приносить оммаж английскому королю как преемнику Алиеноры, боясь лишиться владений по воле могущественного короля Франции. Как только стало известно о смерти Алиеноры, многие бароны, признававшие ее власть, поспешили помириться с Филиппом. Летом 1204 года французский король, торжествуя,

двинулся к Пуату – графству, из которого осуществлялось управление всей Аквитанией. В то же время зять Иоанна, король Кастилии Альфонсо VIII, вторгся в Гасконь на северо-западе Аквитании, заявляя свои права на эти земли через жену – старшую сестру Иоанна Элеонору. Враги наступали со всех сторон, остатки империи Плантагенетов трещали и шатались.

Иоанн был в смятении. Когда в первые месяцы 1205 года на Англию обрушились зимние напасти, стало похоже, что вскоре он лишится всех земель, приобретенных его семейством во Франции. Он должен был оказать сопротивление. Нельзя было просто отсиживаться в Англии, защищая побережья: Иоанн не мог не осознавать, что его репутация, которая никогда не была особенно высока, погублена окончательно и вряд ли восстановится, если только не начать действовать немедленно. Авторы Мелроузской хроники записали для будущих поколений, что Иоанн «бесславно потерял свои заморские замки и земли».

Летом 1205 года страх нападения поутих, и Иоанн начал подготовку к серьезному вторжению во Францию, планируя ударить одновременно с двух направлений. Флот из Портсмута должен был высадиться на берег Нормандии и атаковать герцогство с запада. Второй экспедиции, отправленной из Дартмута, следовало неожиданно напасть на Пуату. Ее возглавлял незаконнорожденный брат Иоанна, Уильям Длинный Меч, граф Солсбери, – его ровесник, обладатель громкого имени и солидного военного опыта, к тому же добрый друг короля, с которым тот провел массу счастливых часов за игорным столом.

Чтобы воплотить свои планы в жизнь, Иоанн начал всеобщую мобилизацию – крупнейшую со времен крестового похода Ричарда. Основной задачей было нарастить мощь военно-морских сил короля. Ричард первым из Плантагенетов собрал значительный военный флот: большую часть кораблей он мобилизовал в 1190 году, а в 1196 году построил еще 70 судов для патрулирования Сены, а также основал Портсмут – крупный военно-морской порт, связывающий Англию с Нормандией. Иоанн поднял эту стратегию на новый уровень. В 1203–1204 годах для патрулирования английских побережий было построено 45 кораблей, но, чтобы в короткие сроки обзавестись мощным военно-морским флотом, требовались другие методы. Поэтому в 1205 году Иоанн просто конфисковал все плавсредства, которые показались его констеблям пригодными для использования в военных целях. Даже если на судно помещалось хотя бы несколько лошадей, его забирали у владельца и присоединяли к зарождающемуся королевскому флоту.

Чтобы укомплектовать военные корабли, людей и снаряжение

собирали по всей стране. Подковы, гвозди, арбалетные болты и наконечники стрел ковались тысячами. По направлению к побережью громыхали повозки, груженные солеными свиными тушами и оленьими боками. Возобновили чеканку национальной монеты. Страну наводнили новехонькие серебряные пенни с ликом Иоанна. Получив оплату за работу и продукцию для военных нужд, любой мог как следует рассмотреть своего короля: волосы у ушей вьются, борода коротко подстрижена, а глаза, даже на этом упрощенном изображении, смотрят в упор на обладателя пенни, словно бросая ему вызов.

Этими же монетами оплачивали и услуги наемников, моряков и солдат, которых до середины лета свозили на побережье. На подготовку к войне, в том числе финансирование колоссального живого груза кораблей, болтающихся в проливе Те-Солент, потратили четверть годового дохода казны. Ральф из Коггесхолла писал, что никогда еще английская армия не была так велика и никогда еще в английский порт не стягивались такие громадные морские силы.

Наконец-то Иоанн действовал целенаправленно. Англия была занята общим делом, но отнюдь не в общем порыве. Хотя Иоанн и доказал, что способен собрать крупную армию, переменчивые английские бароны по-прежнему ставили ему палки в колеса. Пусть военные приготовления Иоанна и напоминали сборы в крестовый поход, но нынешняя цель короля не зажигала сердца англичан былым огнем.

Далеко не все бароны поддерживали Иоанна в его желании отвоевать Нормандию. Когда в прошлом герцогству грозила опасность, английские магнаты вставали на сторону короля исходя из личной заинтересованности. Генрих II не нарушал нормандских обычаев, сохраняя в неприкосновенности земли своих баронов на другой стороне Ла-Манша. Он укреплял политическое единство Англо-нормандского королевства и следил, чтобы великие лорды оставались истинно англо-нормандскими, а их интересы и земли были как на острове, так и на континенте, что мотивировало баронов помогать королю сохранять политическое единство этих земель и защищать их от внешних угроз.

Потеря Иоанном Нормандии полностью изменила положение дел в Англо-нормандском королевстве, просуществовавшее почти 150 лет. Принужденные решать, какие земли сохранить за собой – английские или нормандские, бароны в 1204 году в большинстве своем сделали выбор, примкнув к одному из королей. Практически в одночасье они перестали быть англо-нормандцами, превратившись либо в английских, либо во

французских подданных. Ла-Манш стал водоразделом, а не проливом между королевством и герцогством. Ряд великих лордов – например, Уильям Маршал – приватно договорились с обоими королями о сохранении за собой земель в каждом из королевств. Сделав так, они очутились в двойственном положении: принесли оммаж Филиппу за свои нормандские земли, а Иоанну – за земли в Англии. Но отправиться на войну с одним из них, не нарушив обещания, данного другому, было невозможно.

И вот, прибыв в 1205 году в Портсмут инспектировать свой великолепный флот, Иоанн обнаружил, что английские бароны не желают идти с ним на войну. Встретившись в замке Порчестер, Иоанн и Маршал разругались. Король обвинил Маршала в предательстве из-за того, что тот заключил соглашение с Филиппом Августом; Маршал произнес большую речь, в которой упирал на то, что это король его предал, и предупреждал друзей-баронов, что король собирается его обобрать, и «сделает [то же самое] с каждым из вас, как только станет достаточно силен».

Даже если остальные бароны в целом готовы были довериться Иоанну, сейчас их серьезно беспокоила перспектива биться за нормандские земли, в которых они были не заинтересованы, или воевать против другого своего лорда (Филиппа), чей гнев мог оказаться не менее страшным, чем немилость Иоанна. Все были настроены категорически против высадки на побережье Франции, а Маршал и Хьюберт Уолтер умоляли короля не пересекать пролив. Уолтер привел несколько практических доводов: Филипп значительно богаче и сильнее в военном отношении; у Иоанна слишком мало безопасных убежищ на континенте; он полагается на свой союз с пуатевинцами – от природы коварным народом; король не должен оставлять Англию без защиты, когда вассалы Филиппа планируют сами в нее вторгнуться; и у Англии нет наследника на случай, если Иоанну суждено встретить в бою свой конец.

В итоге дело обернулось массовым неповиновением в крайне унизительных обстоятельствах. Вся армия, расквартированная в Портсмуте, была теперь бесполезна, потому что без баронов, которые должны были ею командовать, и без их личных ресурсов не было никакой надежды отвоевать Нормандию. Иоанн места себе не находил от злости. Король на пару дней вышел в море и ходил вдоль побережья в бесплодной надежде, что сможет пристыдить или переубедить баронов. Но все было напрасно. Экспедиция лорда Солсбери из Дартмута благополучно пересекла пролив и пришла на подмогу гарнизону в Ла-Рошели, но по большей части все приготовления 1205 года ни к чему не

привели. А на противоположном берегу Ла-Манша Филипп занимался своими делами, радостно разъезжая по территориям, которые его отец и не мечтал посетить. Летом пали Шинон и Лош, а теперь и Турень целиком оказалась в руках французов. Закончился еще один злополучный год.

Король-домосед

Вряд ли возможно было повторить фиаско 1204 и 1205 годов, однако к чести Иоанна надо сказать, что в 1206 году ему удалось переломить судьбу. Не смирившись с провалом своей Нормандской кампании, Иоанн начал действовать прицельно. Всю зиму 1205 года он рассылал ларцы с сокровищами всевозможным потенциальным союзникам за Ла-Маншем, а весной 1206 года отправился в поездку по северу Англии в надежде лично уговорить баронов Йоркшира, Камберленда, Чешира и Ланкашира поддержать его военные предприятия. В апреле 1206 года в Пуату, первоначальную цель прошлогодней вылазки лорда Солсбери, отправилась еще одна крупная английская экспедиция. Возглавлял ее Иоанн собственной персоной, и в этот раз бароны, которых он подкупил или улестил, были на его стороне. Прибыв в Ла-Рошель в июне, Иоанн повел армию вдоль южного побережья Франции, отвоевывая аквитанские земли. Он вернул себе Сентонж, укрепил свои позиции в графстве жены, Ангулеме, и выдворил Альфонсо VIII из Гаскони. К концу лета король вступил в союз с могущественным пуатевинским бароном Эмери де Туаром и двинулся на север, в направлении Анжу. Здесь до него дошли сведения, что Филипп II – которого заботила не столько Аквитания, сколько защита Нормандии – собирает собственную армию. Не желая потерпеть поражение и лишиться всего, чего добился за лето, Иоанн отступил и в октябре 1206 года заключил с Филиппом перемирие сроком на два года.

Это была довольно успешная кампания. Конечно, ничто не отменяло того факта, что владения Плантагенетов в правление Иоанна сузились до Англии, Нормандских островов и прибрежного огрызка Аквитании – всего лишь ломтика огромных территорий, которые он унаследовал. Этот английский король, в отличие от двух предыдущих монархов, был вынужден постоянно жить в своем королевстве. Иоанн учился править Англией, а страна узнавала, что это такое, когда типично неугомонный, агрессивный Плантагенет безвылазно торчит на острове.

Иоанн оказался деятельным правителем. Он желал узнать свое королевство досконально и всегда находился в движении. Тут не было ничего нового: королю приходилось постоянно перемещаться по стране, потому что в Англии было не так уж много мест, где монарх и его огромный двор могли разместиться надолго и с комфортом. Но Иоанн был неутомимым путешественником даже по королевским меркам. Он редко

останавливался где-то дольше, чем на пару дней. Он прокладывал путь между королевскими замками, охотничьими заимками, дворцами и поместьями и после короткого отдыха снова пускался в дорогу.

Вряд ли путешествующий двор Иоанна сильно отличался от двора его отца. Иоанн больше Генриха II ценил комфорт, любил роскошь и заботился о впечатлении, какое производит. Он регулярно принимал ванну – в те времена это было в новинку, а рыцари его двора обожали выставлять напоказ свои куртуазные манеры. Но по существу королевский двор на выезде, как и в прежние времена, представлял собой вереницу повозок и вьючных лошадей, растягивавшуюся на сотни ярдов по проселочным дорогам. Все было переносным: разряженные слуги несли постельное белье и дорогую посуду, тяжелые кошели с монетами, ценные книги – Иоанн любил читать – и запасы драгоценных камней под надежной охраной. Часовню Иоанна, как и его столовую, можно было раскинуть прямо на обочине. Огромный змеящийся обоз покрывал примерно 20 миль ежедневно: месил грязь дорог и привлекал зевак, которые наблюдали, как Иоанн принимает посетителей и наслаждается радушным приемом местных лордов.

Королевские выезды представляли собой великолепное зрелище. Визиты монарха тяжким грузом ложились на плечи англичан, которым приходилось оказывать ему гостеприимство, однако королевский двор привозил с собой и некоторые выгоды: в правление Иоанна он был не просто странствующим цирком, а еще и передвижным судом.

Куда бы ни поехал король, мысли его занимало правосудие. В юности его обучал главный судья Генриха II, один из ведущих ученых-правоведов того времени, Ранульф Гленвиль. Его стараниями Иоанн глубоко проникся ролью короля как верховного судии. Он интересовался правом и с небывалым рвением участвовал в судебных заседаниях. Король искренне вникал в самые мелкие и незначительные случаи, а его правосудие пользовалось спросом. Он привозил с собой профессиональных судей и вместе с ними выслушивал дела, накопившиеся за время их отсутствия.

Сохранились удивительные свидетельства того, как правосудие Иоанна меняло жизнь обычных людей XIII века. Самые разные люди выигрывали от его вмешательства. Он помиловал маленького мальчика, который случайно убил товарища, бросив в него камень. Он отозвал обвинение, предъявленное умственно отсталому мужчине, признавшемуся в преступлении, которого явно не совершал. Он с головой

погружался в мельчайшие детали дел, которые практически не касались его королевских интересов или прерогатив. Его беспокоила тяжелая участь бедноты.

Все это было крайне необычно: прежние короли Англии не делали ничего подобного. Генрих II был великим законодателем, но его прежде всего интересовала передача судебных полномочий короля специально созданным институтам на время его длительных отлучек. Ричард – просто в силу того факта, что практически не жил в Англии в годы своего правления, – следовал примеру отца. Короля Иоанна, напротив, завораживал отлаженный механизм закона и порядка Плантагенетов. Он был склонен к ручному управлению и всегда готов лично вмешаться в решение самых разных вопросов – от споров между великими баронами до мальчишеских драк.

Конечно, Иоанн не мог руководить правительством и судебной системой в одиночку. Хьюберт Уолтер, архиепископ Кентерберийский и опытнейший управленец, умер от гнойной язвы на спине в июле 1205 года, и Иоанн – как свидетельствуют сразу несколько хронистов – воскликнул: «Вот теперь я наконец-то стал настоящим королем Англии!» Избавившись от Уолтера, король окружил себя новыми советниками и помощниками. Некоторых пригласили из бывших континентальных владений. Люди вроде Питера де Роша, Питера де Моле, Фалька де Броте и Жерара д'Ате выделялись своими иностранными именами и манерами, напоминавшими англичанам, что их король – чужестранец, хоть ему нынче и приходится жить исключительно в Англии. Однако нельзя сказать, что правительство полностью захватили иностранцы. На высоких постах хватало и коренных англичан: Джеффри Фицпетер служил юстициарием, Уильям Эли – казначеем, а Хью Невилл – главным лесничим.

После 1206 года приоритетная цель Иоанна и его людей была проста: им нужна была звонкая монета. Чтобы вернуть утраченное во Франции, королю требовались огромные деньги: на оплату армии наемников, на подкуп континентальных союзников, чтобы те выступили против Филиппа. Перед Иоанном стояла более дорогостоящая задача, чем перед его предшественниками.

Когда с Капетингами воевали Генрих II и Ричард I, у них было преимущество: и тот и другой в основном защищали свои земли, а не завоевывали их с нуля. На возведение оборонительных рубежей вдоль Сены и мзду союзникам в Германии и Фландрии Ричард тоже истратил немало, но в его распоряжении была еще и Нормандия, и остальные домены Плантагенетов, а не одна только Англия. Этой роскоши Иоанн был лишен. Англия была практически единственным источником доходов младшего

Плантагенета, мечтающего вернуть свое наследство.

Иоанн приступил к делу извлечения дохода с решительностью, бросавшейся в глаза. Враждебно настроенный к нему хронист Роджер Вендоверский распространял байки, будто Иоанн был скупердяем, который экономил даже на чаевых. Эти нелицеприятные выдумки отражали всеобщее убеждение, что король – сквалыга, озабоченный лишь тем, как бы обобрать своих подданных до последнего пенни. Но, честно говоря, пенни буквально валялись под ногами. Даже после правления Ричарда, изнурительного для экономики, Англия оставалась источником значительного богатства. Разъезжая по стране, Иоанн повсюду замечал приметы процветания. В начале XIII века торговля и производство росли рекордными темпами, а европейское серебро из новых копей, наводнившее страну после 1180 года, подтолкнуло денежную инфляцию.

В 1207 году Иоанн сделал первую серьезную попытку завладеть этим богатством. Он ввел новый налог – 13-ю долю, или один шиллинг с каждой марки, – на все движимое имущество в стране. Королевские сундуки пополнились невероятной суммой в 57 425 фунтов, что превышало доход казны за два года. Этому предшествовала череда экспериментов с налогами на товары, прибыль, земли и собственность, растянувшаяся на два десятилетия, но 13-я доля стала самым успешным из них, что говорит как о богатстве Англии, так и о способности короны присваивать его с помощью хорошо организованной системы королевского правления. И хотя Иоанн этого не мог предугадать и не планировал, 13-я доля сформировала модель субсидии – шаблонного налога, источника регулярных доходов английской казны в Средние века и в эпоху Тюдоров.

Но прямым налогообложением богатых англичан дело не ограничилось. Для Иоанна самым очевидным способом получить с королевства больше денег была система правосудия. Тут он использовал две взаимосвязанные тактики. Во-первых, правосудие само по себе приносило прибыль. Когда Генрих II заложил основы всепроникающей системы королевского правосудия и управления, которая распространила закон короля на всю Англию, и сделал должность королевского шерифа ключевой в местном правительстве, он поступил так не из бескорыстной любви к административным реформам. Напротив, он четко понимал, что правосудие – доходное предприятие. Королевская канцелярия делала деньги, продавая приказы. корона преуспевала благодаря штрафам и конфискациям собственности, которые осуществлялись во исполнение судебных приговоров. Путешествовавшие по стране разъездные суды не только

восстанавливали закон и порядок, но и приносили короне деньги, а сопровождавшие их лесные суды, агрессивно отстаивавшие права короны на огромные лесные угодья, представляли собой предприятия по извлечению чистой прибыли без каких-либо затрат.

Между 1207 и 1210 годом лесные суды отправлялись в дорогу один за другим, а Иоанн выжимал тысячи фунтов из графств, где присваивали себе лесные угодья или попустительствовали охоте без королевского позволения. В эти годы одни только лесные суды пополнили казну суммой в 8738 фунтов, что в два раза больше, чем было собрано в период между 1198 и 1201 годом. Такой успех свидетельствовал как об эффективности и размахе, с которым корона могла использовать правосудие для извлечения прибыли, так и о том, что, потеряв Нормандию, Иоанн был намерен эксплуатировать свои королевские права по максимуму.

Второй способ, каким Иоанн наживался на судебной системе, был теснее связан с политикой и со временем доставит ему немало проблем. Он использовал систему правосудия как инструмент непосредственного налогообложения, а заодно и политического контроля великих баронов Англии.

Королевское правосудие было доступно в любом уголке страны, но при этом полностью подчинено воле короля. Чтобы королевский суд начал расследование по частному делу, нужно было внести плату, и Иоанн с удовольствием назначал высокую цену. На каждой стадии судебного спора у богатых истцов и ответчиков была возможность предложить королю крупные взятки за вынесение нужного им решения или затягивание процедуры. Вот только один типичный пример: в 1207 году Иоанн взял у Жерара де Фурниваля 1000 фунтов и 15 верховых лошадей за мировое соглашение в судебном споре с Найджелом де Луветотом. Сотни и тысячи фунтов переходили из рук у руки, когда стороны процесса предлагали свою цену за благоприятный для них исход дела. Не все вырученные средства оседали в карманах короля – много доставалось и его министрам, – но в годы правления Иоанна стоимость судебных издержек росла быстрыми темпами, а правосудие все чаще продавалось и покупалось. В те времена это было своего рода нормой, но цены при Иоанне взлетели так, что существовать в таких условиях становилось все сложнее и обременительней.

Вместе с тем резко выросли цены и на то, что теперь называют феодальными повинностями. Политическое общество Англии строилось на сложной системе связей между сеньорами и их вассалами; на самом верху этой иерархии располагался король и его бароны. Теоретически король должен был охранять своих

подданных от внутренних и от внешних врагов, а подданные чтили его своей верностью и по устоявшемуся обычаю оплачивали определенные привилегии. Как правило, бароны платили за важные в жизни аристократической семьи церемонии: когда старшего сына посвящали в рыцари, выдавали замуж дочь, вступали в права наследства. Размер рельефа – пошлины, уплачиваемой королю за баронские привилегии, – определялся обычаем, и король, давая на коронации обет соблюдать обычаи королевства, соглашался придерживаться его, ну или хотя бы держаться в рамках разумного, решая, кто должен платить и сколько.

Вдобавок король пользовался и другими привилегиями своего положения. Он имел право выставить на брачный аукцион знатную вдову или наследницу и продать ее за наивысшую цену – или же, напротив, стребовать со вдовы деньги за разрешение не выходить больше замуж. Ребенок, вступивший в права наследства до совершеннолетия (для мужчин – 21 год), не мог управлять своими землями: король либо распоряжался ими самостоятельно, выступая в качестве опекуна, либо продавал право опеки и сопутствующие доходы кому-то из своих подданных.

На протяжении жизни великие бароны могли задолжать короне серьезные суммы феодальных пошлин. Чаще всего эти долги оставались чисто условными, и корона никогда не востребовала их полностью. Сборы можно было оплатить в рассрочку или не выплачивать вовсе, в зависимости от снисходительности короля. Скорее, это были своего рода финансовые узы, связывающие короля и его подданных.

Иоанн, оказавшийся на мели, потеряв Нормандию, смотрел на систему пошлин и рельефов как на богатый источник денег и власти. Обычный рельеф, уплачиваемый при наследовании титула и земель графа, составлял 100 фунтов. Иоанн же порой взимал сумму в семь раз большую. Более того, он требовал немедленной выплаты долгов – сотен и даже тысяч фунтов, которые бароны должны были вносить в казну, придерживаясь четкого графика. Если же должник не мог внести нужную сумму, он лишался земли.

1207 год отметился первой крупной конфискацией: Иоанн отнял землю графства Лестер, которое с 1204 года, когда скончался Роберт Бомон, четвертый граф Лестер, оставалось без лорда. Вместо того чтобы закрепить право наследования за дочерью Бомона Амицией и ее мужем, Иоанн забрал земельное владение и доходы с него себе, в качестве предлога использовав невыплату долга. Возможно, с юридической точки зрения это было допустимо, но, учитывая, что первейшей обязанностью

короля считалась защита собственности подданных, Иоанн самым откровенным образом своего долга не исполнил.

Вот так этот король проявил себя в Англии в годы, последовавшие за падением Нормандии. Система управления серьезно не изменилась, зато резко выросли аппетиты стоящего во главе ее короля. И не было никакой надежды, что он их вскоре умерит. 1 октября 1207 года 19-летняя королева Изабелла Ангулемская родила в Винчестерском дворце сына. Это был первый ребенок Плантагенетов, родившийся с момента появления на свет самого Иоанна 40 лет назад. Его назвали Генрихом в честь его блистательного деда, лорда Нормандии, Анжу, Мена, Турени и Аквитании. Трудно представить себе более отчетливый сигнал о намерениях Иоанна: он хотел раздобыть денег, с помощью которых мог бы вернуть себе все завоевания отца. У Англии не было другого выхода, кроме как подчиниться.

Жестокий господин

Ни один из Плантагенетов не избежал сравнения с дьяволом: эти короли обладали безмерной властью и могли быть нечеловечески жестокими. В этом отношении Иоанн не отличался от родственников. Но даже по стандартам того времени хватка, которой король зажал страну между 1208 и 1211 годом, была сурова и немилосердна. В эти годы Иоанн обрел уверенность в себе и насаждал свою власть во всех сферах жизни в Англии. Возмужав как правитель, Иоанн не только исполнил свою мечту и накопил огромные сокровища, какие не снились ни одному английскому королю до него, он также укрепил власть короны над Шотландией, Уэльсом и Ирландией, безжалостно разоряя и изгоняя те баронские семьи, которые противились его правлению, изъял огромные суммы денег у английских евреев и – что самое примечательное – одолел папу римского в борьбе за верховную власть в Церкви.

Период жестокого владычества Иоанна предварялся знамением 15 февраля 1208 года, когда в небе зажегся зловещий знак. Мужчины и женщины смотрели в темноту небес с трепетом и дурным предчувствием. Согласно Роджеру Вендоверскому, луна взошла «сначала окрашенная в кроваво-красный, а затем помутнела». Это было лунное затмение, и, как все явленные луной знаки, оно произвело сильное впечатление на средневековые умы. Затмение считалось дурной приметой, и через пять недель предзнаменование исполнилось. Колокола на английских церквях умолкли: из-за продолжительного ожесточенного конфликта между королем и папой Иннокентием III на королевство был наложен папский интердикт.

Разногласия между Иоанном и Иннокентием касались исключительно мирских тем, но конфликт быстро превратился в дело международной важности, затрагивающее вопросы власти, прецедента и превосходства. Его последствия ощутил на себе каждый мужчина, женщина и ребенок в Англии.

Все началось вскоре после сорвавшегося вторжения Иоанна в Нормандию, в 1205 году, когда умер Хьюберт Уолтер, оставив вакантным пост архиепископа Кентерберийского. Иоанн посчитал, что архиепископство теперь в его власти, и намеревался отдать его своему человеку – Джону де Грею, епископу Норвича, опытному юристу, судье, а при случае и дипломату, служившему секретарем Иоанна и ссудившему королю деньги под залог драгоценностей, когда тому пришлось бежать из Нормандии.

Камнем преткновения стал протокол выборов в Кентербери: Иоанн обнаружил, что не может распорядиться таким высоким церковным постом, не наткнувшись на сопротивление Церкви. Капитул клириков Кентербери, отстаивавших древнее право избирать нового архиепископа, отверг кандидатуру Грея в пользу своего человека, субприора Реджинальда. В декабре Иоанн приехал в Кентербери, застращал капитул и заставил монахов проголосовать за Грея. Когда об этом узнали в Риме, папа Иннокентий, категоричный иерарх-новатор, свято веривший, что стоит выше любого европейского монарха, вышел из себя. В марте 1206 года он аннулировал избрание Грея, отверг кандидатуру Реджинальда и продвинул на пост собственного кандидата, кардинала Стефана Лангтона. Этот опытный кардинал был англичанином, богословом и ученым, отличался благочестием, талантом к сочинению гимнов и чутьем на изменения, которое импонировало Иннокентию. 17 июня 1207 года в Риме папа посвятил Лангтона в сан архиепископа.

Когда Иоанн узнал, что новым архиепископом избран Лангтон, он разъярился. Король слал гневные письма в Рим, обещая защищать свои права до последнего и угрожая наложить запрет на все поездки к папскому престолу из английских портов. Когда это не произвело на Иннокентия никакого впечатления, Иоанн изгнал монахов Кентербери из Англии, объявил Лангтона врагом короны и конфисковал имущество Кентерберийского престола. Иннокентий не замедлил с ответом и 23 марта 1208 года наложил интердикт на всю Англию.

Интердикт считался суровым наказанием. Он запрещал отправление практически всех церковных служб и закрывал двери Церкви для всего народа. В XII и XIII веках европейские королевства не раз подвергались этой каре, потому что интердикт был популярным методом давления и папы пользовались им при любых разногласиях с королями. Иннокентий уже применял интердикт против Норвегии и Франции.

Наказание было бессрочным и могло длиться так долго, как длилось неудовольствие папы. Так что с весны 1208 года королевство Иоанна накрыла мертвая тишина – все церковные службы прекратились. Нормальное течение жизни было нарушено. Разрешена была только исповедь, крещение младенцев и соборование умирающих. Повсюду двери церквей были заперты, а священники сидели без дела. Браки заключались на церковном крыльце, умерших хоронили за стенами города, в канавах вдоль дорог, и священники не читали над ними молитв. Англию отправили в духовную ссылку.

Реакция Иоанна не уступала знаменитым вспышкам ярости

его отца. Сначала он разозлился: говорят, что, услышав об интердикте, он чуть с ума не сошел от бешенства, богохульничал и проклинал наглость попов, клялся зубами Бога, что он повыкалывает священникам глаза и вырвет их лживые языки. Но Иоанн был прагматиком, и на следующий же день после объявления интердикта королевские чиновники поскакали по стране, конфискуя собственность клириков именем короля. Амбары и сады, поля и рыбоводные пруды – люди Иоанна забрали все, оставив английских священников не только без работы, но и без средств к существованию. Шерифов и королевских служащих поставили управлять собственностью клириков от имени короля, а в графствах были созданы специальные комитеты, которым предписывалось конфисковать имущество священников и выплачивать им небольшое пособие на время отстранения от работы. Две недели спустя король разрешил ограбленным священникам выкупать свое имущество назад – на кабальных условиях. Клирики, желавшие избавить свои земли и собственность от прямого управления короля, должны были отдавать ему огромную долю своих доходов.

Этим хитроумным способом на протяжении пяти лет разрыва с Римом Иоанн собирал огромные суммы с английской церкви и делал это с удовольствием. Вероятно, самой креативной схемой была следующая: он брал в заложники сожительниц, любовниц и подруг священников и требовал за их возвращение выкуп. Так как многие священники были отцами грудных младенцев, у них не было другого выбора – приходилось платить.

В итоге наказание, которым Иннокентий намеревался застращать короля Иоанна и заставить его уважать папский престол, на самом деле только обогатило последнего. Но нельзя безнаказанно смеяться в лицо папе. За невероятное пренебрежение интердиктом Иоанн подвергся самому суровому наказанию, к какому только могла приговорить его Церковь. В январе 1209 года Иннокентий начал процедуру отлучения Иоанна. К ноябрю того же года приговор был утвержден. Теперь не только королевство Иоанна, но и сам король был официально отлучен от Церкви.

Отлучение короля было жестоким приговором, потому что давало право другим христианским королям атаковать Англию без страха вызвать неудовольствие папы. Но отлучение – судьба, которой даже Генрих II избежал после убийства Бекета, – не обескуражило Иоанна. Никакого вторжения не последовало. Худшее, что случилось, – массовый исход английских епископов, многие из которых эмигрировали за море. И даже это вряд ли было тяжким ударом для королевства Иоанна: епископства и

аббатства оказались вакантными, так что доходы с них потекли в королевскую казну.

Еще одна кара «просвистела над головой» Иоанна. Спустя какое-то время единственным реальным результатом интердикта и отлучения стало умеренное неудобство для обычных англичан и серьезные финансовые санкции в отношении английских священников. Доход Иоанна, полученный благодаря интердикту, оценивается где-то в 200 000 марок в год, что примерно в три раза больше, чем было собрано с помощью десятины Саладина в 1188 году.

Когда кризис интердикта помог Иоанну обрести временное преимущество перед Церковью, он рьяно кинулся искать возможность приструнить других своих соседей и подданных. В Рождество 1209–1210 года он обратил внимание на евреев. Евреи держали монополию на денежные ссуды – в Англии их было немного, но все они были очень богаты. К тому же по закону они считались личным имуществом короля и только под защитой короля могли жить и работать. Иоанн сначала запустил руку им в карман и взыскал пошлину в 66 000 марок – огромная сумма, изъятая с крайней пристрастностью. Евреи подвергались гонениям по всей Англии. Согласно хронисту Уолтеру из Ковентри, мужчин и женщин «хватали, бросали в тюрьмы и жестоко пытали, чтобы исполнить волю короля в отношении их денег; некоторые после пыток отдавали все, что имели и обещали еще больше…».

Ничего концептуально нового Иоанн не изобрел. Еще раньше, в 1187 году, Генрих II забрал четверть имущества евреев в фонд крестового похода. После коронации Ричарда толпы, возбужденные лихорадкой крестовых походов, сожгли и разграбили лондонский еврейский квартал, оставив трупы его обитателей валяться на улицах. Но даже по стандартам тех времен Иоанн действовал грубо. Он предъявлял непомерные требования конкретным евреям и подкреплял их ужасающим насилием. В Бристоле один еврей отказался удовлетворить требования короля. Его бросили в темницу, где палачи принялись рвать ему зубы. Роджер Вендоверский писал: «…король приказал своим людям рвать ему по зубу ежедневно, пока он не заплатит 10 000 марок серебром… после того как они семь дней вырывали ему по одному зубу, причиняя невыносимые мучения… и хотели приступить к своему делу на восьмой день, еврей… отдал названную сумму, чтобы сохранить свой восьмой зуб, хоть и потерял уже семь».

Вот до какой жестокости мог дойти Иоанн. На следующий год он начал свою самую печально известную вендетту:

преследование семьи де Браоз. В этой истории слились воедино натура Иоанна и его излюбленные тактики: жажда денег, желание насадить прямую власть короля в кельтских окраинах Британии и его свирепая ненависть к самым богатым и знаменитым подданным.

Уильям де Браоз принадлежал к древней нормандской фамилии, служившей английским королям со времен Завоевания. Его жена Матильда тоже была благородного происхождения. Вместе они превратили семью де Браозов в одну из влиятельнейших в Англии и обосновались в Валлийской марке, где вместе с Уильямом Маршалом, графом Пембрука, удерживали валлийцев в повиновении и способствовали укреплению власти Англии.

Уильям де Браоз был участником и свидетелем практически всех важных событий, случившихся в царствование Ричарда и Иоанна. Он был у Шалю-Шаброля, когда погиб Ричард. Он практически не разлучался с Иоанном в первые годы его правления. Иоанн отдал политику в отношении Уэльса на откуп Уильяму и людям вроде него: он пожаловал им баронства в Уэльсе и в Валлийской марке и поощрял расширять свои владения путем завоеваний. Де Браоз получил земли в районе Лимерика в Ирландии и ежегодно вносил кругленькую сумму за право передать свое имущество по наследству. Семья владела собственностью в Суррее, Хартфордшире и Девоне; ей принадлежали два важных приората, присвоенных благодаря интердикту. Второй сын де Браоза получил должность епископа в Херефорде. К десятой годовщине царствования Иоанна де Браоз был могущественным бароном, владевшим значительными участками земли, замками, поместьями, а также опекой над рядом территорий. Но он владел еще и опасным секретом: в 1203 году в Нормандии де Браоз был очень близок к королю и, вероятно, принадлежал к числу тех немногих, кто знал, что на самом деле случилось с Артуром Бретонским.

К 1208 году Иоанн уже не считал де Браоза полезным слугой и могущественным вассалом, услуги которого щедро вознаграждаются; теперь он видел в нем потенциального возмутителя спокойствия, который к тому же не отдает своих долгов. На протяжении жизни Уильям, как и большинство других баронов, серьезно задолжал короне. За ним числились крупные суммы феодальных сборов и пошлин, подлежащих уплате в обмен на его титулы и унаследованное имущество: всего около 3000 фунтов, которые он должен был по частям вносить в королевскую казну. Но в марте 1208 года Иоанн потребовал возврата долга целиком.

Согласно Роджеру Вендоверскому, в качестве гарантии уплаты Иоанн запросил заложников. Когда посланники короля приехали, чтобы забрать их из дома де Браозов, жена Уильяма Матильда «со свойственной женщинам дерзостью» прогнала их, вопя, что Иоанн расправился с Артуром и сделает то же самое с ее сыновьями. Роджер Вендоверский пишет, будто Матильда кричала, что король «убил своего племянника… которого должен был содержать под стражей со всем причитающимся тому уважением!».

Это было по меньшей мере неблагоразумно с ее стороны: Иоанн затаил злобу на де Браозов. Следующие три года он активно взыскивал долги семьи и принялся смещать де Браозов со всех должностей и постов. В открытом письме, которое он спустя какое-то время написал, чтобы оправдать свои действия, король объяснял королевству, что преследовал семью де Браозов «по обычаям Англии и законам казначейства», но на самом деле это была последовательная кампания по реализации злого умысла под прикрытием закона. Он снял Уильяма де Браоза с должности бейлифа Гламоргана и заменил его иностранным наемником, которого привез с континента. Замки Хей, Брекон и Раднор вернулись в собственность короны. Под предлогом востребования долга Иоанн позволил наемникам разорять земли де Браозов, а затем умножил невзгоды семьи, выставив ей счет за накладные расходы. Де Браозы попытались отомстить, атаковав замки, которые король у них отобрал, но этим только окончательно поставили себя вне закона. Иоанн сделал их жизнь совершенно невыносимой, и в начале 1209 года семья была вынуждена пересечь Ирландское море и искать прибежища в Лейнстере, у Уильяма Маршала.

Маршал был графом Пембрука, но с Иоанном он никогда толком не ладил. Поссорившись с королем в 1205 году, Маршал впал в немилость и теперь, как и многие другие изгнанники, покинувшие двор Иоанна к концу 1209 года, жил в Ирландии. Маршал встретил де Браозов с истинно рыцарским великодушием, а другие последовали его примеру. На острове де Браоз пользовался сочувствием, и многие местные лорды оказывали гостеприимство его семье, взяв ее под свою защиту на время размолвки с королем Англии.

Но Иоанн не был настроен мириться и не желал идти на компромисс с де Браозами. Наоборот, тот факт, что де Браозы от него ускользнули, подтолкнул короля к мысли укрепить свою власть в Ирландии. Он не собирался терпеть существование неподвластного ему места, где могут найти приют непокорные епископы (многие из которых бежали в Ирландию в годы

интердикта) и преследуемые им бароны, и летом 1210 года начал готовиться к вторжению, стянув к Пембруку сотни кораблей.

Новость о крупном флоте, угрожающем вторжением, быстро достигла Ирландии. Кое-кто из изгнанных баронов поспешил пойти на поклон к Иоанну раньше, чем тот явится к ним сам. Уильям Маршал писал, что «хорошо понимал, каковы были намерения короля: единственной его целью было отыскать возможность навредить мне, и притом без всякой причины». Он поехал в Англию и объявил о своей покорности, а затем присоединился к Ирландской кампании Иоанна, в которой король задействовал две основные стратегии. «Он установил и закрепил английские законы и обычаи, поставил шерифов и других чинов управлять людьми этого королевства согласно английским законам… После этого король явился с большим войском и взял несколько крепостей своих врагов». Во время этого грозного нашествия, продлившегося чуть менее двух месяцев, Иоанн уничтожил большую часть своих ирландских противников так что сопротивление почти угасло.

Де Браозы были в ужасе. Потеряв надежду укрыться в Ирландии, Матильда и ее старший сын бежали из Ольстера в Шотландию. Но Иоанн настиг их и там. В августе 1209 года король привел к шотландским границам крупную армию и вынудил стареющего Вильгельма Льва подписать унизительный Норемский договор. Шотландия как оплот сопротивления пала. Матильду и ее сына схватили и передали английскому королю. Уильям де Браоз бежал во Францию и закончил жизнь в изгнании, рассказав всю правду о смерти Артура шокированному французскому двору.

Пытаясь откупиться и спастись от тюрьмы, Матильда предложила королю невероятную сумму в 40 000 марок – в такой ужас приводила де Браозов мысль о судьбе, которая ожидала их, попади они в руки Иоанна. Но Иоанн не заинтересовался щедрыми посулами – очевидно, что у Матильды в любом случае не было таких денег. Вместе с сыном ее отправили то ли в Виндзор, то ли в замок Корф. Они не протянут там и года.

Главным преступлением де Браозов было знание. Этой семье был известен секрет смерти Артура, и неудивительно, что они боялись разделить судьбу молодого бретонца. Их опасения были обоснованны. Матильда и ее сын никогда не выйдут из тюрьмы. К концу 1210 года их заморили голодом. Говорят, что, когда их нашли, мертвые мать и сын сидели в углу камеры, прижавшись друг к другу. На теле сына Матильды были следы зубов. Обезумев от голода, мать пыталась его съесть.

Такова была судьба тех, кто переходил дорогу королю

Иоанну. К концу 1210 года он недвусмысленно утвердил свою власть над каждым жителем Англии. Умолкшие церковные колокола знаменовали безбожное королевство под властью отлученного монарха. Беззубые евреи и мертвые жены баронов свидетельствовали о беспощадной алчности Иоанна – алчности, наполнившей королевскую казну такими богатствами, что в стране наблюдалась нехватка монеты. Шотландия и Ирландия, охваченные благоговейным страхом, покорились английской короне. В 1211 году Иоанн дважды вторгался в Уэльс, ведя борьбу с Лливелином ап Иорвертом, известным как Лливелин Великий. Одержав ряд убедительных побед, Иоанн закрепил за собой завоеванные земли в унизительном для Уэльса договоре. Если не во Франции, то уж в Британии наверняка Иоанн оказался самым могущественным из Плантагенетов. Как писал Уолтер из Ковентри, «в Ирландии, Шотландии и Уэльсе не было человека, который не подчинился бы кивку головы короля Англии, – чего, как хорошо известно, не удавалось добиться ни одному из его прародителей». К несчастью для Иоанна, фортуна, оставившая его предков, вскоре покинула и его тоже.

Начало конца

Питер из Уэйкфилда был йоркширским богомольцем-отшельником. Этот юродивый был известен на севере Англии тем, что питался в основном хлебом и водой и умел предсказывать будущее. Говорили, что Христос являлся ему трижды: дважды в Йорке и один раз в Понтефракте. Спаситель принимал облик ребенка, сидящего на руках у священника. Он говорил Питеру: «Мир, мир, мир» и учил его вести добродетельную жизнь.

В 1212 году Питера посетило другое видение. Правление короля, возвестил он, закончится к следующей годовщине его коронации – ко дню Вознесения Господня в мае 1213 года. Согласно Роджеру Вендоверскому, отшельник воскликнул: «… видение открыло мне, что король не будет править дольше 14 лет и в конце этого срока его сменит человек, более угодный Богу».

В дни, когда суеверия были обычным делом, а сила слухов – велика, пророчество Питера из Уэйкфилда имело оглушительный успех. Когда о нем рассказали королю, тот сначала только посмеялся. Но, подумав немного, обеспокоился. Он приказал арестовать Питера из Уэйкфилда и доставить к нему для объяснений. Согласно Роджеру Вендоверскому, король допрашивал Питера лично и спросил его, «умрет ли он в этот день, и если нет, то каким тогда образом лишится трона». Отшельник ответил: «Будьте уверены, что в указанный день вы уже не будете королем; а если окажется, что я солгал, делайте со мной, что хотите».

Не нуждаясь в подсказках, Иоанн отослал Питера в крепость Корф и препоручил заботам Уильяма д'Харкорта, «который заковал его в цепи и посадил в темницу – ожидать, когда сбудется предсказание». Роджер Вендоверский пишет, что, несмотря на то что Питер сидел в тюрьме, известие достигло самых глухих уголков Англии, «и почти все, кто его слышал, верили в эти слова так, будто пророчество прозвучало прямо с небес».

1212 год обещал стать годом триумфа Иоанна. Его вылазка в Ирландию увенчалась успехом: он приструнил самых воинственных местных князей, взял множество заложников и передал их земли английским лордам и епископам. Успех в Ирландии совпал с укреплением английского господства в Уэльсе: защищая свои приобретения на севере региона и в Валлийской марке, король активно строил новые замки. Иоанн добился большего территориального преимущества в Уэльсе, чем его отец и его прадед Генрих I: ему удалось прижать местных князей к ногтю. Чтобы закрепить победу, он брал множество

заложников, и двор раздулся от молодых валлийцев, служивших гарантией от мятежа.

В Шотландии Иоанн реализовал преимущество, полученное при заключении Норемского мира в 1209 году. Когда шотландский король Вильгельм Лев заболел, а его подданные начали плести против него заговоры, Иоанн вмешался. Он обменял свою благосклонность на заложников и обещания щедрого вознаграждения; на праздничном обеде на Пасху 1212 года он посвятил в рыцари 12-летнего сына и наследника Вильгельма и дал мальчику наемников, с помощью которых тому удалось одолеть и убить Гофрайда Маквильяма, претендента на шотландский трон. Английская корона доминировала на Британских островах.

Иоанну пять лет сопутствовал невероятный военный успех, и неудивительно, что к нему вернулась уверенность в своих силах. К тому же теперь он был очень богат. Даже не учитывая непредвиденные доходы, полученные благодаря интердикту и преследованию евреев, с момента потери Нормандии Иоанн умудрился в два с лишним раза увеличить свой годовой доход, который теперь регулярно превышал 50 000 фунтов. Хотя на годы его правления пришелся период быстрой инфляции, в денежном выражении Иоанн в 1212 году был богаче своего брата Ричарда: тот к началу крестового похода скопил около 200 000 фунтов, хранившихся в нескольких английских замках. Вдохновленный успехом, Иоанн почувствовал, что готов дать Филиппу Августу бой за герцогство Нормандское. Он был достаточно богат, чтобы всерьез рассматривать возможность возобновить успешную внешнюю политику Ричарда: подкупать соседей Филиппа, побуждая их объединиться против Капетингов. Иоанн восстановил дипломатические отношения с бывшими союзниками, в том числе с племянником Оттоном IV, который недавно вернул себе императорский трон, и с Рейнольдом, графом Булонским. На вербовку наемников и вооружение армии были потрачены горы серебряных пенни.

Но летом 1212 года, когда подготовка ко вторжению в бывшие континентальные владения шла полным ходом, железная хватка Иоанна в его собственном королевстве и в землях соседей ослабла. Все началось в Северном Уэльсе, где усилия Иоанна по строительству замков побудили остатки валлийского сопротивления объединиться против его правления. Не успел он направить в 40 английских городов предписание выделить людей для военных действий на континенте, как неожиданно начались партизанские налеты на английские пограничные замки с холмов и лесов внутреннего Уэльса. Английским рыцарям и солдатам

безжалостно рубили головы, а сожженные города источали едкий дым. Валлийские повстанцы убивали направо и налево, хватали, что под руку подвернется, и снова рассеивались по округе.

Такого Иоанн не ожидал. Мятеж в Уэльсе стал первым серьезным вызовом власти короля после 1205 года. Дело приняло такой серьезный оборот, что ему пришлось оставить свои континентальные планы и собрать армию в Честере, чтобы защитить границы. В августе рассвирепевший король вздернул 28 валлийских заложников на городской виселице Ноттингема. Но ситуация была даже хуже, чем он думал. Уильям Маршал записал, что не успели затихнуть последние судороги умирающих, как в Ноттингем прибыли письма с предупреждением: «…если король продолжит войну, которую начал, его убьет собственная знать – или же отдаст на смерть в руки врагов». Кое-кто из баронов Иоанна, казалось, действительно хотел его смерти и выборов нового короля. Иоанн и раньше часто вел себя так, будто его со всех сторон окружает опасность. Теперь у него были убедительные причины в это верить.

Первыми подозреваемыми в заговоре с целью убийства короля были Эсташ де Весси и Роберт Фицуолтер. Де Весси состоял на королевской службе со времен Львиного Сердца, а Иоанн пользовался его посредничеством в переговорах с шотландцами: де Весси владел значительными территориями в Нортумберленде и Йоркшире и знал дикую соседскую страну лучше, чем кто-либо. Причины его недовольства Иоанном туманны. Говорили – скорее всего, клеветали, – что король пытался соблазнить жену де Весси. Более вероятно, что де Весси был только одним из множества северных баронов, чрезвычайно недовольных тем, что Иоанн тратил благосостояние страны на финансирование своих континентальных замыслов. Как только стало ясно, что заговор раскрыт, де Весси бежал за границу и укрылся в Шотландии.

Фицуолтер, напротив, был важной фигурой в Северном Эссексе и в Лондоне. Он заявлял – и скорее всего, это тоже было лишь предлогом, – что зол на Иоанна, потому что тот пытался изнасиловать его старшую дочь. Однако корни его недовольства лежали глубже и питались личными обидами, а также квазиконституционным сопротивлением агрессивному стилю правления Иоанна, которое нарастало в среде английских баронов. Когда Иоанн узнал о заговоре, Фицуолтер бежал во Францию. Только один несчастный заговорщик, служащий казначейства по имени Джеффри из Норвича, попал королю в руки. Как и следовало ожидать, он умер в тюрьме.

Заговор, о котором он узнал в Ноттингеме, пробудил в душе Иоанна страх перед новыми врагами. Полученные им письма доказывали, что Иоанну следовало бояться не только внешних противников – Иннокентия III, Филиппа II и воинственных кельтов, – теперь он окончательно утвердился в своих подозрениях, что измена проникла в круг его баронов. Радость победы быстро переросла в подозрительность и тревогу. Через месяц после известия о заговоре он полностью распустил свою уэльскую армию и в сопровождении наемников вернулся в Лондон. Королевские замки на севере, откуда, как подозревал Иоанн, и распространяется измена, были приведены в полную боевую готовность. Осенью 1212 года длинные вереницы королевских солдат и боевой техники месили дороги на север: Иоанн поставил северную часть королевства на грань гражданской войны. Всегда начеку, он написал каждому из баронов, требуя привезти ему заложников в качестве гарантии хорошего поведения. С лета 1212 года, как писал один хронист, Иоанн нигде не появлялся без вооруженного телохранителя.

Каким образом отношения Иоанна с его баронами дошли до края? Проще всего сказать, что Англию утомило слишком близкое общение с вечно присутствующим в стране королем. Королевство познакомилось с Иоанном гораздо ближе, чем с любым другим монархом династии Плантагенетов, и многим баронам было сложно приспособиться к его энергичному ручному управлению. Он был неприятным, жестоким человеком, а его преследование де Браозов попирало аристократические ценности и оскорбляло мировоззрение знати. Но жестокость еще не причина для мятежа. Генрих II и Ричард I были равно жестоки, но их репутация и политическая устойчивость никогда так не страдали. Генрих II вешал валлийских заложников десятками; Ричард хладнокровно убивал людей по всему христианскому миру.

Проблемы Иоанна усугублялись его растущей паранойей. Он был настолько скрытным и замкнутым, что разработал специальный шифр – такой сложный, что сам его иногда забывал, – и пользовался им, отдавая приказы, которые хотел оставить неисполненными. Его подозрительность по отношению к людям вроде Уильяма Маршала и семьи де Браозов не внушала уверенности его баронам. Никто не ждал от короля нежной дружбы, но целовать своих баронов и покровительствовать им, а потом морить голодом их жен и сыновей – это попахивало опасным, непредсказуемым безумием. Если даже с фаворитами он так ужасно обращается, чего ждать тем, кто не входит в круг доверия короля?

Были проблемы и посерьезней слабости королевского

характера. Раскол между короной и английскими баронами расширялся с реформ Генриха II, а корни его лежали в самой системе правления Плантагенетов. Дело было не только в Иоанне. Ожидали своего решения серьезные вопросы, касающиеся природы и сути королевского правления как такового.

Объем королевского судопроизводства и вмешательства в жизнь страны значительно и систематически расширялся в годы, когда Англия восставала из пепла гражданской войны между Стефаном и Матильдой. Сейчас они проникли повсюду. В середине XII века королю принадлежал только один из пяти английских замков. К 1212 году, спустя полвека активного строительства и конфискаций, знамя короля развевалось на башнях доброй их половины. Расширение области применения гражданского права и участие королевских судов в рассмотрении даже самых мелких дел, которое дошло до крайности в правление Иоанна, тоже способствовало проникновению власти короля – в ущерб власти баронов – практически в каждое графство. Этой участи избежали лишь немногие регионы, такие как палатинат Чешир, где королевские приказы не действовали.

Посты в королевском правительстве все чаще занимали чужестранцы и люди неблагородного происхождения, обладающие необходимыми профессиональными навыками. В их руках сосредоточилась значительная власть – в сферах, которые до той поры контролировали бароны. В правление Иоанна ни один высший сановник или крупный государственный служащий не был выходцем из среды баронов. Со стороны эти чиновники воспринимались как шайка низкого происхождения. Кроме того, собирая войско, король все шире использовал иностранных наемников, снижая роль баронов в формировании феодальной армии и ослабляя веру в то, что королевские военные экспедиции являются совместными предприятиями короля и высшей военной касты.

Простому англичанину все эти изменения по большей части были на руку. При Иоанне, шедшем по стопам своих предков, правительство постепенно становилось профессиональным. Под эгидой правосудия короля у людей появилась возможность сохранять свою собственность и распоряжаться ей по своему усмотрению. В королевском суде они могли оспорить действия тех, кто стоял на верхних ступеньках общественной лестницы. Им продавали блестящий, почти божественный образ королевской власти как ниспосланной свыше. В Рождество 1207 года, например, Иоанн потратил немалые деньги на пышную церемонию: он нарядился в пурпурные шелка, шитые золотом, на голове его была императорская корона бабки Матильды, а в

руках – скипетр и золотой жезл. В сравнении с раздробленным королевством времен гражданской войны, которое рвали на части воюющие бароны и соперничающие монархи, Англия Плантагенетов казалась – да и была – сильной и единой.

Больше всех от его системы правления пострадали великие бароны – группа численностью около 160 человек, не считая членов их семей. Когда в 1205 году Нормандия откололась от Англии, именно они главным образом лишились земель. Они чаще прочих имели дело с Иоанном лично, и своенравие, жестокость и жадность короля сказывалась на их впечатлении от его царствования. Для этих людей королевская власть была и государственной структурой, и системой личных отношений. И функционировала она, опираясь лишь на добрую волю одного человека. Как писал юстициарий Генриха II Ричард Фицнил: «В отношении некоторых король отправляет правосудие бесплатно, в уважение их прошлых заслуг или просто по доброте душевной; но другим… он не поможет ни за деньги, ни по любви». С таким королем, как Иоанн, это внутреннее противоречие королевской власти проявилось во всей полноте. Бароны ощущали, что их власть размывается не только снизу – вторжением королевского закона и порядка в их личную юрисдикцию, но и сверху – если Иоанн решал обойтись с ними несправедливо и деспотично.

Иоанн, наделенный умом крючкотвора и непомерно спесивый, не видел никаких противоречий между своей ролью главы постоянно растущего государственного аппарата и феодальной ролью первого среди баронов, которых он мог лишить имущества или наказать, злоупотребляя полномочиями суда как ему заблагорассудится. Как их сеньор, он мог вымогать у баронов деньги, осуществляя свое феодальное право лишать их собственности, взимать с них крупные рельефы за феодальные привилегии и штрафовать за проступки. Он считал, что имеет полное право улаживать споры своих баронов и лично выносить решения по их искам друг к другу или к нему самому, и мог разве что обсудить вопрос с ближайшими советниками или провести дело через казначейство, где опять же лично определял его исход. Для Иоанна это было привилегией королевской власти. И действительно, такая стратегия не была концептуально новой, только размах отличался. Баронам же такой подход совершенно не был близок.

Таким было положение дел в конце 1212 года. Иоанн все еще страстно хотел отвоевать Нормандию и вступил в финансовые отношения с иностранными союзниками, необходимыми для осуществления его планов. К несчастью, он преследовал свои цели в обстановке растущего недовольства дома. Чтобы вернуть

потерянные земли Плантагенетов и удержать озлобленных английских баронов от прямого мятежа, потребовались бы лидерские способности, умения и удача масштаба великих героев. Однако запас своего везения король уже полностью исчерпал, хотя и не понимал еще этого. Звезды отвернулись от короля Иоанна.

К Бувину

Свою первую великую победу военно-морские силы Англии одержали над французским флотом 30 мая 1213 года. За два дня до этого под командованием единокровного брата Иоанна, Уильяма Длинного Меча, графа Солсбери, в море вышло 500 кораблей. Флотилия пересекла Ла-Манш, и Солсбери, двигаясь вдоль побережья Нормандии, достиг Фландрии и вошел в Звин – протоку, связывавшую с морем крупные торговые города Дамме и Слёйс.

Корабли ощетинились оружием и были до отказа забиты солдатами, английскими рыцарями и иностранными наемниками, чьи услуги обошлись в изрядную сумму денег, которую Иоанн скопил с 1204 года. Когда англичане поднимались по Звину к Дамме, им открылось потрясающее зрелище: неимоверных размеров флот французских кораблей, часть – на берегу, часть – покачивается в гавани в ожидании погрузки войск для вторжения в Англию. Там было около 1700 кораблей, полностью оснащенных и готовых отправиться на войну. Гавань источала угрозу.

Это был флот вторжения. Уже несколько месяцев ходили слухи, что папа Иннокентий III, уязвленный беззаботностью Иоанна перед лицом интердикта и отлучения, провозгласил короля низложенным, и Филипп готовился привести приговор в исполнение. (На самом деле бумаги о низложении Рим подготовил, но не дал им хода.) Филипп решил, что Англия могла бы стать феодальным уделом его сына Людовика, и долгие месяцы готовил корабли для вторжения. Доказательство его грозных намерений открылось теперь глазам Солсбери.

Главнокомандующий не стал терять времени. Английские части моментально заполонили гавань, атаковав слабо защищенные французские суда, отбив множество кораблей с зерном, вином, мукой, мясом и захватив львиную долю военного арсенала французов. Другие подразделения высадились на берег и разгромили корабли, стоявшие у пристани: забрали все ценное, а потом подожгли их. Горящий деготь закапал в воду, и в небо зазмеился черный дым.

В момент нападения Филиппа в городе не было, но вскоре он приехал на пепелище. «Для короля Франции было большим горем увидеть, как его корабли горят и извергают дым, будто само море охвачено огнем, – писал Уильям Маршал. – Король Филипп, вне себя от ярости и в самом черном настроении, от расстройства приказал сжечь дотла все, что уцелело от его флота». Это была храбрая и чрезвычайно важная победа во имя Иоанна, и она не

только помешала его немедленному свержению, но и на несколько ближайших лет отвела французскую угрозу от берегов Англии.

Как ни странно, Солсбери разгромил французский флот, намеревавшийся привести в исполнение приговор папы о низложении Иоанна, при полной поддержке Иннокентия III. Перед тем как атаковать Францию с моря, Иоанн поддался нарастающему давлению и, в попытке сократить список своих врагов и ослабить партию Филиппа, решил примириться с Римом. Поступить так ему советовал и Уильям Маршал, которого вызвали из ирландской ссылки. Папа прислал на переговоры своего легата, Пандульфа Маску, – Иоанн встретился с ним в Дувре за несколько дней до выхода в море флота под командованием Солсбери.

Здесь, в присутствии английских баронов, приехавших, чтобы присоединиться к армии Иоанна, король скрепил хартию печатью, поставив свое королевство Английское и Ирландское в вассальную зависимость от папы римского. В мгновение ока Англия превратилась из изгоя, прозябающего на краю христианского мира, в папский фьеф, подобно таким европейским королевствам, как Сицилия, Польша, Швеция, Дания, Португалия и Арагон. «Королевство стало царственным священством, а священство – королевством священников», – писал Иннокентий, услышав новости. Иоанн же был очевидным образом вознагражден за возвращение под сень Святого престола потрясающей победой при Дамме.

Конечно, воссоединение с Римом было не единичным событием, а длительным процессом. Через шесть недель после битвы при Дамме, 20 июля, Иоанн стоял на горе Морн около Винчестера и обозревал великолепный город, раскинувшийся внизу. Его изысканный наряд из разноцветного шелка и парчи блистал в лучах летнего солнца, как и одежды его царедворцев и сбруя их чистокровных коней. Винчестер был полон шума и красок: архиепископ Кентерберийский Стефан Лангтон, которому наконец позволили продолжить служение, во главе длинной процессии духовных лиц спустился с холмов Суссекса и вошел в древний город. Сразу после этого состоялась публичная церемония примирения короля и архиепископа, приправленная слезами, запахом ладана, поцелуями мира и обещаниями Иоанна любить и защищать Церковь.

Иоанн много отдал за это воссоединение: ему пришлось заплатить и живыми деньгами, уплаченными папе в качестве штрафа, и сокращением дохода, который он раньше получал от эксплуатации вакантных духовных должностей. Но блудный сын

вернулся и был вознагражден: Иоанн был теперь в большом фаворе у Рима. Это, как и тот факт, что Филипп II лишился своих военно-морских сил, вдохновило Иоанна бросить все усилия на еще одну попытку вернуть свои континентальные владения.

Иоанн начал планировать массированное вторжение на весну и лето 1214 года. Он собирался высадиться в Пуату и продвигаться оттуда на север. Королю крайне важно было убедить баронов последовать за ним. Однако северные бароны, возглавляемые Эсташем де Весси, который вернулся в Англию и едва помирился с Иоанном, отказались явиться на службу, заявив, что не могут себе этого позволить. Еще раз столкнувшись с неуступчивостью баронов, Иоанн предсказуемо впал в ярость, но в этот раз, в отличие от 1205 года, он не отказался от своих намерений. Король провел осень 1213 года в подготовке почвы для вторжения «невероятно крупного войска», как он описал его в письме к Эмери де Туару, который время от времени оказывал ему поддержку в Пуату.

Чтобы собрать средства для этого войска, а заодно пригрозить непокорным баронам, Иоанн до небес поднял планку денежных поборов. В месяцы перед вторжением он донельзя увеличил ставки феодальных пошлин и всячески выжимал деньги из правосудия. Он обложил баронов беспрецедентным щитовым сбором (налогом, который заменял денежными выплатами их феодальную обязанность поставлять рыцарей в королевскую армию) в три марки за одного рыцаря. Величина рельефов и пошлин, уплачиваемых при наступлении феодальных событий, безбожно выросла. Уильям Фиц-Алан заплатил 10 000 марок за право унаследовать баронский титул и земли своих предков, Джон де Ласи – 7000 марок за Понтефракт. Со вдов брали по 1000 фунтов за право сохранить свою долю и не выходить снова замуж против желания. Но выгоднее всего Иоанну удалось продать свою первую жену, Изабеллу Глостерскую, – Жоффруа Мандевиль уплатил за право жениться на ней 20 000 марок. Долг отнюдь не был формальным: Жоффруа должен был оплатить свою царскую невесту четырьмя частями в какие-то девять месяцев.

Собранные Иоанном деньги не лежали без дела. Они начали перетекать на континент: король создал антифранцузскую коалицию при активной поддержке своего племянника, императора Оттона IV. На северо-западе Европы силы сопротивления Филиппу объединяли графов Голландии, Булони и Фландрии. Они планировали зажать французского короля в клещи меж двух армий: первая, под командованием Солсбери, атакует Филиппа из Фландрии, вторая, под командованием Иоанна, выдвинется из Пуату и ударит по французам с юга. И вот

в феврале 1214 года Иоанн отплыл из Портсмута в Ла-Рошель на корабле, нагруженном драгоценными камнями, золотом и серебром, а также бесчисленными английскими аристократами. Среди них была и королева Изабелла со вторым сыном Иоанна, пятилетним принцем Ричардом. Кампанию нельзя было назвать непродуманной: Иоанн рассчитывал со славой вернуть себе то, что принадлежало ему по праву рождения.

Началась кампания неплохо. Весну Иоанн посвятил установлению контроля над Пуату и окрестностями, задействовав как дипломатические усилия, так и серию осад. С беспокойной семейкой Лузиньянов, которых Иоанн так унизил в 1202 году, выкрав у них из-под носа свою королеву, Изабеллу Ангулемскую, он заключил мир: чтобы умаслить их, был оговорен брак между дочерью Иоанна Иоанной (рожденной в 1210 году) и сыном и наследником Гуго де Лузиньяна. В начале июня, прочно укрепившись в Пуату, Иоанн двинулся в Бретань, взяв осадой Нант. Анжер, столица Анжу, быстро распахнул ворота. Филипп не торопился вступать в бой, а Иоанн доказывал, что воинственный дух Плантагенетов все еще жив.

Но затем разразилась катастрофа. Иоанн в компании нескольких пуатевинских баронов осаждал замок Ла-Рош-о-Муан, когда узнал, что к нему во главе армии приближается 26-летний сын Филиппа принц Людовик. Иоанн решил, что это подходящий момент для генерального сражения. Однако его союзники внезапно утратили боевой дух. Пуатевинские бароны, месяцами сражавшиеся с ним бок о бок, подтвердили свою репутацию предателей. Они попросту бежали, отказавшись рисковать и вступать в бой с домом Капетингов. Южный альянс распался со скоростью, не оправдавшей затраченных дипломатических усилий и денег. От битвы с Людовиком пришлось отказаться: Иоанн отступил и укрылся там, откуда начал свое наступление – в Ла-Рошели.

Несмотря на бесславное отступление на юге, Иоанн все еще мог надеяться, что его северные союзники проявят мужество. Пока король сидел в Ла-Рошели, северная коалиция собралась 27 июля под развевающимися знаменами императора Оттона IV с изображением дракона и золотого орла и приготовилась дать французскому королю бой на поле недалеко от деревни Бувин.

Армия, выступившая против Филиппа в битве при Бувине, была типичным средневековым войском – шумным, грубым и неорганизованным. Каждый командир вел своих людей в бой под собственными знаменами, а общая стратегия если и существовала, то была откровенно рудиментарной. Главным приемом были кавалерийские атаки; порой битва напоминала

стычки на турнирном поле, разве что чуть более целенаправленные. Воины держали тяжелые копья и несли на себе кольчугу весом во много фунтов, которая вполне могла задушить рыцаря насмерть, если он неловко падал во взбитую копытами грязь. Леденящие душу крики и тошнотворные звуки, какие издает железо, пронзая человеческую и лошадиную плоть, рев атаки и густое булькающее дыхание умирающих заполнили воздух, когда армии сошлись в рукопашной, после которой поле при Бувине останется перепаханным и залитым кровью.

Английские войска собрались под знаменами графа Солсбери – голубыми, с желтыми львами, вставшими на задние лапы. Англичане, стоявшие на правом фланге, сражались храбро. Командиры обеих армий были в гуще событий: и Оттона IV, и Филиппа выбили из седла во время боя. Битва ревела три долгих часа, и поначалу перевес был на стороне армии императора, но, когда накопилась усталость, удача склонилась на сторону французов.

Французы победили. Налеты их кавалерии, возглавляемой лучшими рыцарями Европы, постепенно сокрушили силы противника. И Оттон, и Филипп лично вели своих рыцарей в бой, но французы явно одерживали победу. Жизнь Оттона, рискуя своей, спасли саксонские рыцари, но у него не было иного выбора, как бежать с поля боя, чудом избежав пленения. Графу Фландрскому, Булонскому и графу Солсбери повезло меньше. Всех их взяли в плен и сопроводили в Париж, где горожане и студенты университета танцевали и пели на улицах целую неделю, празднуя славную победу своего короля.

Вдали от Бувина, в Ла-Рошели, было не до танцев. Отчаяние охватило людей, когда они узнали, что коалиция рискнула всем и проиграла. Иоанн вложил в кампанию 1214 года все, что имел, – и был побежден: союзники предали его, а соратники на далеком поле битвы подвели. Осенью он был вынужден подписать пятилетнее перемирие с Филиппом Августом, которое, по слухам, обошлось ему в 60 000 марок. Король-скопидом был разорен. Все, что имел, он потратил на подготовку к войне, а помирившись с Церковью, лишил себя основного источника дохода. Военная репутация Иоанна, которая укрепилась в годы владычества в Британии, вновь опустилась на дно, в самую грязь. Итогом десяти лет усилий короля стало лишь разочарование, изоляция и предательство. После Бувина с Иоанном как с полководцем было покончено.

Великая хартия вольностей

Поражение при Бувине стало для Иоанна катастрофой. Он вернулся в Англию с континента слабее, чем когда-либо прежде. Триумф и возвращение хорошего куска земель Плантагенетов могли бы оправдать мучения королевства, подобно тому как славные победы Ричарда I в Утремере и Франции возместили издержки крестового похода и выкуп, уплаченный за короля. Но, когда Иоанн вернулся в Англию, вся его королевская политика была дискредитирована. Поражение зафиксировало границы империи Плантагенетов: последними клочками Франции, по-прежнему верными английской короне, оставались Гасконь и область вокруг Бордо. Жалкие остатки того, что некогда было процветающим герцогством Аквитанским! Проиграв, Иоанн стал и в своем королевстве опасно уязвимой фигурой.

Недовольство знати, копившееся с 1212 года, уже ничем не сдерживалось. В среде английских баронов зрело убеждение, что Иоанна нужно каким-то образом приструнить: короля, который насаждает свою власть и эксплуатирует права настолько безжалостно, необходимо как-то контролировать. Не вполне понятно было одно – какого рода колокольчик можно повесить на шею этому коту.

На двух встречах, состоявшихся между королем и баронами зимой 1214–1215 годов, противоречия урегулировать не удалось. В январе 1215 года Иоанн встретился с 40 недовольными баронами в Лондоне, где задержался на время, достаточное, чтобы написать в Рим и предоставить решение вопроса своему феодальному сеньору, папе римскому. Весной уже обе стороны писали Иннокентию III. Бароны настаивали, что Иоанна нужно принудить соблюдать хартию вольностей, обнародованную Генрихом I на его коронации в 1100 году, а также собственную коронационную клятву блюсти закон и отправлять правосудие, а требования к английским баронам платить щитовой налог или поставлять вооруженных людей для войн на континенте признать несправедливыми и незаконными. Папский посланник Иоанна упирал на то, что король нынче – воссоединившийся с Церковью сын, которому бунтовщики из числа его подданных не имеют права доставлять неудобства. Такая позиция стала еще прочнее 4 марта, когда Иоанн принял крест. Теперь от посягательств других христиан его, как крестоносца, особо охранял гнев святого Петра.

Показательно, что бароны решили апеллировать к духу хартии Генриха I. Хартия вольностей, подтвержденная Генрихом

II в 1154 году, обещала (кроме прочего), что король не будет грабить Церковь, не будет вменять чудовищных пошлин на наследство, браки и повторные браки вдов, не будет злоупотреблять опекой и не будет расширять площадь королевских лесов. Все эти требования напрямую касались поведения короля Иоанна, но выбор в качестве основы хартии Генриха I показывает, что бароны считали свои претензии к королю претензиями к правлению Плантагенетов в целом, уходящему корнями на 100 лет в прошлое. У баронов были убедительные причины придерживаться такой позиции, но их аргументы были проигнорированы. Иннокентий назначил архиепископа Лангтона посредником между королем и баронами, но организовал и официальные слушания дела на диспуте в Риме. Там, вместо того чтобы справедливо разрешить конфликт, Иннокентий полностью встал на сторону своего вассала и крестоносца короля Иоанна. Иннокентий писал английским баронам и приказывал им заплатить щитовой налог и перестать выдвигать королю требования – топорное решение, которое никак не могло успокоить серьезные политические волнения в Англии. Единственным выходом оставалась гражданская война. 5 мая 1215 года группа мятежников оказала открытое неповиновение Иоанну: они отозвали свои оммажи и отреклись от присяги на верность – фактически отвергли его как короля Англии.

Баронов, выступивших против короля, возглавляли заговорщики 1212 года: Роберт Фицуолтер, принявший помпезный титул «маршал воинства Божьего», и Эсташ де Весси. Последний был лидером группы северных баронов, в которую входили Уильям де Мобурей, Ричард де Перси и Роджер Монбегон, лорд Хорнби из Ланкашира. Северяне были сплоченной группой, связанной браками, родством и территориальным соседством, и у каждого была причина не любить короля и его режим. Среди лидеров мятежников была и группа магнатов из Восточной Англии и графств, прилегающих к Лондону: из этих на слуху были Ричард де Клер, граф Хертфорда, его сын Гилберт и Жоффруа Мандевиль, граф Эссекса и Глостера. К мятежу присоединились Роберт де Вер, граф Оксфорда, Генри де Богун, граф Херефорда, и сын Уильяма Маршала, Уильям-младший. Множество – на самом деле почти все – мятежных баронов выступило против Иоанна, преследуя личный интерес, а некоторые, как Фицуолтер, были просто воинственными и беспринципными людьми. Но бунтовщиков связывали и зачатки идеологии: понимание, что правление Плантагенетов в целом, и в особенности правление Иоанна, нуждается в фундаментальных реформах.

Однако после того, как бароны отозвали свои ленные присяги, уже вряд ли можно было что-то реформировать, не прибегая к кровопролитию. 10 мая Иоанн написал мятежникам и пообещал, что «не станет арестовывать или лишать владения ни их самих, ни их людей и не применит к ним силу, кроме той, что полагается по закону страны и иначе как по законному приговору равных им». Он попытался лично умилостивить тех, с кем особенно сурово обошелся во время подготовки кампании в Пуату. Он предложил возложить решение вопроса на комитет из восьми баронов, возглавлять который будет лично папа. Его условия отвергли, и 12 мая Иоанн приказал конфисковать земли бунтовщиков. Теперь уже нельзя было закрывать глаза на факт, что Англия, впервые с 1173 года, находилась в состоянии войны сама с собой.

На третьей неделе мая состоялась битва за Лондон между графом Солсбери – которого освободили из тюрьмы, куда он попал после Бувина, – и группой мятежных баронов, возглавляемых Фицуолтером. Темной ночью бунтовщики мчались в направлении столицы, критически важной как для символического, так и для стратегического контроля над Англией. Лондон был двигателем экономики, оплотом культуры и источником процветания, городом-крепостью. Его внушительные стены вздымались замками – Тауэром Вильгельма Завоевателя на востоке, замком Бэйнардз на западе. Острые верхушки десятков мелких церквей пронзали горизонт, похожие на иголки рядом с центральным шпилем на деревянной крыше огромного кафедрального собора Святого Павла, гордо возвышавшегося на холме Ладгейт. Лондон был торговым узлом, колыбелью политической власти. В годы анархии королю Стефану удалось выстоять против Матильды благодаря тому, что Лондон был в его руках; весной 1215 года город снова стал драгоценным ключом к контролю над Англией.

Тихим воскресным утром 17 мая мятежники добрались до Лондона: они вынырнули из темноты короткой весенней ночи, чуть только на городские крыши упала роса. Колокола на церковных башнях гудели, призывая на утреннюю молитву, когда семь ворот города со скрипом отворились, впуская в столицу врагов короля Англии. «Богатые граждане благоволили баронам, – писал хронист Роджер Вендоверский, – а бедные боялись роптать против них». К тому времени, когда города достиг Солсбери, чтобы утвердить его за роялистами, было слишком поздно. Ворота города охраняла стража, верная врагам короля, а внутри городских стен писцы строчили письма всем графам, баронам и рыцарям, до сих пор верным Иоанну, с

требованием, чтобы те оставили «короля, который нарушил клятву», и перешли на сторону бунтовщиков. Захватив Лондон, мятежные бароны обрели вес. Надежды Иоанна сокрушить сопротивление развеялись.

Но и говорить о победе баронов было преждевременно. Пусть король Иоанн не мог больше рассчитывать на верность своих подданных, но он по-прежнему был законным королем, и папа его поддерживал. Теоретически он все еще мог забрать у мятежников земли и объявить их вне закона, цель его в этом конфликте была проста: разбить оппозицию. Задача же бунтовщиков была сложнее. Они хотели реформировать правительство – не для того, чтобы свергнуть короля или крепко связать его по рукам и ногам, но чтобы ограничить королевскую власть «разумными» пределами. Они искали способ заставить короля править мирно и честно, по закону, – но делали это нарушив закон и развязав войну. Ситуация была очень непростой и для той и для другой стороны. Когда в начале лета мятежники заняли Лондон, а Иоанн перевез свой двор вверх по реке, в Виндзор, дороги и водные пути, связывающие два лагеря, кишели гонцами и посланниками с обеих сторон: все пытались найти способ уговорить гордого короля скрепить печатью документ, который хотя бы частично отвечал требованиям оппозиции.

Решение появилось спустя месяц препирательств. Где-то между 10 и 15 июня король согласился, что основой для окончательных переговоров о мире должен стать документ, известный как Баронские статьи. В списке из 49 пунктов перечислялись требования баронов к королю Иоанну. Список затрагивал вопросы правосудия и феодальных прерогатив, излагал убедительно аргументированные предложения по делам опеки, наследования и вдовства, касался выплаты щитового налога и обязательств служить в армии за пределами королевства, оговаривал границы королевских лесов. Баронские статьи стали основой для обстоятельных переговоров, и напряженные тщательные торги продлились еще несколько дней. В итоге был составлен новый документ, такой, которому могли присягнуть договаривающиеся стороны и который король согласился подписать. 18 июня документ был утвержден, и канцелярия Иоанна выдала представителям королевской власти в графствах предписание прекратить военные действия против оппозиции. 19 июня в Раннимиде, в Беркшире, Иоанн, во всем блеске регалий императрицы Матильды, подчеркивающих древний статус его королевской власти, заново принял ленные присяги своих баронов. Затем король, его сторонники и представители мятежных баронов поклялись соблюдать условия

соглашения – известнейшего в истории Англии – Великой хартии вольностей.

Из нашего времени Великая хартия вольностей, или Magna Carta, выглядит непростым компромиссом – договором, который до конца не устраивал ни одну из сторон. Казалось, она гарантировала широкие права: «…английская церковь должна быть свободна… И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные обычаи свои»[3]. В то же время она полнилась детальными перечислениями английских обычаев: статьи называли конкретные условия, в которых с королевства мог взиматься щитовой налог, уточняли места для строительства мостов, а также законы, касающиеся возврата долгов евреям. За наследование земель графа или барона была установлена плата в 100 фунтов, за наследование рыцарского фьефа – 100 шиллингов. Что касается опеки, король обещал брать «только умеренные доходы, умеренные обычные платежи и умеренные повинности», – хотя что значит «умеренные», не уточнялось. Одна из статей сообщала, что «вдова после смерти мужа своего немедленно же и без всяких затруднений пусть получает приданое и свое наследство и пусть ничего не платит за свою вдовью часть, или за свое приданое, или за свое наследство» и что «никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа». Король обещал, что «ни щитовые деньги, ни пособие не будут взиматься в королевстве иначе как по общему совету королевства… если это не для выкупа короля, и не для возведения в рыцари его первородного сына, и не для выдачи замуж первым браком дочери его первородной».

И хотя многие статьи Великой хартии вольностей документально закрепили конкретные стратегии Иоанна, касающиеся сбора армий, налогообложения, торговых ограничений или конфликтов с Церковью, самая известная статья метила прямо в сердце системы правления Плантагенетов. Статья 39 гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен… иначе как по законному приговору равных [ему] и по закону страны». Статья 40 еще более лаконична: «Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять». Эти статьи были адресованы самому духу правления Иоанна и, в более широком смысле, духу королевского правления. За 11 лет, которые Иоанн провел в Англии, страна узнала, что такое тирания. Иоанн злоупотреблял королевской властью и пользовался ей деспотически, предвзято и своекорыстно. Он разрушил тот дух королевской власти, какой

утверждал Генрих II в 1153 году, когда путешествовал по стране, обещая единство, доброе правление и судебную защиту каждому.

Но определить суть власти короля было нелегкой задачей. И не было никакой уверенности, что король, даже подписав хартию, станет ее соблюдать. Magna Carta заканчивалась положением о гарантии. Этот пункт предусматривал создание совета из 25 баронов и наделял его правом объявить королю войну в случае, если он нарушит условия соглашения. Честно говоря, этот пункт был не более чем договорной основой гражданской войны. Как оказалось, заявить, что король должен править согласно закону, и удостовериться, что так он и будет делать, совершенно разные вещи. Эти вопросы будут лежать в основе каждого крупного конфликта между королем и страной до конца правления Плантагенетов. Безусловно, в суровой, напряженной атмосфере 1215 года было практически невозможно найти нужное определение и достичь согласия.

Как мирный договор – потому что это он и был – Magna Carta провалилась моментально. 19 июня, когда были принесены оммажи и клятвы, избраны 25 «охраняющих баронов» и значительное число мятежников согласилось с условиями хартии как основы для мира, на короткое время забрезжил луч надежды. «Король восстановил справедливость повсеместно, сняв осады, которые начал», – писал Уолтер из Ковентри. Изготовление копий поставили на поток: «…копия Хартии ходила по городам и деревням, и все, кто ее видел, были согласны с ней». Но не все бароны единодушно поддерживали формулировки хартии, и некоторые немедленно решили взбунтоваться. «Кое-кто из тех, чьи земли лежат за рекой Хамбер, удалился и возобновил враждебные действия», – продолжает хронист.

Великая хартия вольностей вызывала споры повсюду, но для одного человека она была абсолютно неприемлема: для короля Иоанна. Меньше чем через два месяца Иоанн добился ее аннулирования при поддержке Иннокентия III, который в удивительно высокопарном письме написал: «…мы полностью отвергаем и порицаем это соглашение и под угрозой отлучения приказываем, что король не смеет соблюдать его и что бароны и их единомышленники не должны требовать его соблюдения: Хартию… мы объявляем аннулированной и лишенной силы навечно». Война возобновилась, и в этот раз уже всерьез. К концу года Филипп II Французский объявил, что Иоанн лишился права на английскую корону, процитировав решение «суда», в котором Иоанн был признан виновным в убийстве Артура Бретонского. Французский король и его сын, принц Людовик, начали готовиться ко вторжению в Англию с целью свергнуть короля-

тирана – по приглашению английских баронов.

Французы высадились в Кенте 14 мая 1216 года. Лондон с распростертыми объятьями принял принца Людовика. «Его встретили с радостью и готовностью и принесли ему ленные присяги», – писал Уолтер из Ковентри. Проигнорировав папский интердикт и отлучение, наложенное на него союзником Иоанна, папским легатом Гуала Биккьери, Людовик дошел до Винчестера, а затем повернул на юго-восток, чтобы осадить гордость Генриха II, Дувр, величественную крепость, охраняющую морские ворота Англии.

Иоанн же скитался по стране, пытаясь осаждать баронские резиденции и не попасться в руки врагам, желающим его свержения, и все глубже погружался в отчаяние. Осенью 1216 года, переправляясь через залив Уош в Линкольншире, он не рассчитал время прилива и лишился большей части своего вещевого обоза. Согласно Ральфу из Коггесхолла, «он потерял… свою передвижную часовню со священными реликвиями, а также лошадей с домашним скарбом. И многие из его свиты утонули в морских водах, а других засосало в трясину».

В этом печальном путешествии Иоанн подхватил дизентерию и на протяжении октября 1216 года постепенно слабел. К середине месяца он уже мог передвигаться только в паланкине. Когда его отряд достиг Ньюарка в Ноттингемшире, его посетил врач – аббат Крокстона. Но все было тщетно: Иоанн умер 19 октября 1216 года; в его стране хозяйничали иностранные войска, он окончательно лишился власти. Тело короля не повезли в Фонтевро, где покоились его отец, брат и мать. Иоанна похоронили в кафедральном соборе Вустера, рядом с алтарем святого Вулфстона, канонизированного в правление Иоанна. Это, наверное, было подходящим решением – похоронить его в древнем англосаксонском городе, учитывая, что Иоанн был первым Плантагенетом, который проводил больше времени в Англии, чем вне ее. Для авторов вроде Уолтера из Ковентри корень бед Иоанна был очевиден. «Иоанн был великим правителем, но неудачливым, – писал он. – Как Марий, он пережил взлеты и падения в судьбе. Он был великодушен и мягок с посторонними, но грабил своих людей, доверял чужакам больше, чем собственным подданным… Его покинули его люди и в конце немногие скорбели по нему». Биограф Уильяма Маршала выражался в более поэтичной манере. Когда Иоанн смертельно заболел, его мучила боль. «Смерть, этот великий преследователь, это злобное грубое создание, овладела им и не отпускала, пока король не умер», – писал он. Что ж, это был конец, достойный самого безжалостного и бессердечного короля Англии.

Иоанн создал себе репутацию одного из худших королей в истории Англии, чудовищного убийцы, который насаждал в стране тиранию и спровоцировал конституционный кризис. К концу его правления появились первые легенды о Робине Гуде, основная тема которых – коррумпированная власть и лесные законы. Спустя годы имя Иоанна неразрывно срослось с образом главного злодея в этих историях: его описывали как монстра, конченого человека и дьявола во плоти. Но действительно ли злодеяния его были страшнее тех, что лежат на совести его отца или брата Ричарда? Скорее всего, нет, и тем не менее репутация Иоанна пострадала гораздо сильнее.

Если сохранять объективность, основным преступлением Иоанна было то, что он взошел на трон в момент, когда колесо фортуны катилось вниз. Он был так же безжалостен, как и вся его семья, но ему не досталось и капли их везения. Он не смог предотвратить потерю Нормандии, а лишившись герцогства, практически ничего уже не мог сделать, чтобы вернуть его. Он не мог вдохновить и повести за собой людей, но, честно говоря, не верится, что Генриху II или даже Ричарду удалось бы отвоевать Нормандию, будь они на месте Иоанна в 1204 году. Легко понять, почему он избрал именно такой путь между 1207 и 1211 годом, и, если не считать параноидальных личных вендетт, сложно сказать, что любой другой король мог бы сделать иначе в тех обстоятельствах. На протяжении четырех лет ложных надежд Иоанн был хозяином не только в своем королевстве, но и в английской церкви, на кельтских окраинах Англии, и возглавлял могущественную систему судопроизводства и государственного управления, которую безжалостно поставил на службу интересам короны. Он не смог вовремя осознать, какие проблемы создает себе, обращаясь с баронами не как с партнерами по совместному предприятию, но как с вынужденными кредиторами, которых можно жестоко и с пренебрежением третировать.

Все, что Иоанн оставил своей семье в наследство, – разрушительная гражданская война, увенчанная вторжением Филиппа II и принца Людовика. Великая хартия вольностей в 1215 году была просто неудачным мирным договором, который и цели своей не достиг, и спровоцировал новый опасный конфликт. Иоанн не узнает – как и бароны, обсуждавшие с ним условия Хартии, – что его имя и легенда, окружающая документ, подписанный в Раннимиде, в истории Англии будут связаны навечно. Но именно это оказалось важнее всего. После смерти Иоанна Великую хартию вольностей станут переиздавать снова и снова и толкование ее положений станет краеугольным камнем каждой конституционной битвы XIII и XIV веков. Пока Генрих III

бился за возвращение прав и земель, которые потерял его отец, Magna Carta мало-помалу стала определять условия договора между королем и обществом. Переиздав в 1225 году, ее прибивали гвоздями к дверям церквей и демонстрировали на городских площадях по всей Англии. Дух этого легендарного документа определяет долг английского короля – править, соблюдая собственные законы. Это странным образом и стало наследием Иоанна. Вероятно, самый бессердечный юрист, когда-либо занимавший трон Англии, оценил бы иронию.

Вступление в права наследства

Генриху III было девять лет, когда умер отец, и короновали его в спешке. Церемония прошла на западе страны, в Глостерском аббатстве, в безопасном месте в тылу роялистов, вдали от пламени гражданской войны, поглотившей Англию. Стоя в широком нефе церкви при нормандском аббатстве, скромная компания духовных и светских лордов с сомнением наблюдала, как епископ Винчестера, Вустера и Эксетера проводит обряд миропомазания и водружает простой женский венец на голову ребенка. На этой церемонии пришлось обойтись без королевских регалий и пышности, потому что все освященные одежды и необходимые для полной коронации вещи остались в Вестминстере, который находился во власти бунтовщиков. Но в то время было не до соблюдения формальностей. Это была практичная, крайне упрощенная коронация, имевшая целью передать маленькому мальчику то, что осталось от власти Плантагенетов.

Генрих был старшим из двух сыновей Иоанна, его младшему брату Ричарду в 1216 году исполнилось семь. Даже в детстве Генрих обращал на себя внимание серьезным выражением лица и манерой речи. Он вырастет глубоко религиозным приверженцем всех видов культа, в особенности культа Девы Марии, и таким истовым прихожанином, что посещение мессы порой будет для него важнее, чем государственные дела. Стоя у главного алтаря в Глостерском аббатстве, малолетний король дрожащим голосом поклялся, что будет беречь честь, сохранять мир, почитать и уважать Господа и Святую Церковь и ее рукоположенных священников во все дни своей жизни; что будет справедливым судьей своим людям; что отринет плохие законы и обычаи и станет следовать хорошим.

Насколько реальны были эти обещания? Безусловно, Генрих обязан был произнести слова священных обетов короля. Но в тот момент, когда ребенок принес оммаж за свое королевство Английское и Ирландское папе римскому в лице легата кардинала Гуала Биккьери, сцену озарил отблеск истинной власти, способной предотвратить коллапс государства. Король поклялся поместить Англию под защиту Церкви и ее праведников.

В 90 милях от этого места Вестминстер был под защитой Франции – во власти сына Филиппа II, Людовика. По всей стране в замках стояли гарнизоны французских рыцарей, приглашенных в Англию мятежными баронами, желавшими избрать себе нового

короля из дома Капетингов, чтобы не страдать под властью четвертого из дома Плантагенетов. Недобрый конец правления Иоанна оставил Англию раздробленной и разоренной – почти как в первые годы анархии. Как и тогда, вступление короля в права наследства было вопросом не только легитимности, но и демонстрации силы.

Немногочисленные свидетели коронации не могли не понимать, каким тревожным было начало царствования Генриха. Возложить корону на голову мальчика – такой сомнительной передачи власти страна не видывала лет сто. Последним ребенком на английском троне был Этельред, правивший еще до Завоевания. Прецедент не внушал доверия: Этельред царствовал во времена набегов и вторжений викингов и одним из них был на год лишен трона. Печальные времена ждали Англию, если ей суждено было вернуться в эпоху саксонского хаоса.

Но были люди, полные решимости не допустить такой судьбы. Генриху III повезло – его окружали помощники, одержимые не жаждой власти, но стремлением поддержать хрупкий ее институт, созданный предшественниками нового короля. На смертном одре Иоанн осознал опасность, угрожающую дому Плантагенетов, и умолял старого Уильяма Маршала, графа Пембрука, стать опекуном его сына. Пембрук, которому было уже далеко за 60, согласился взять на себя эту обязанность – поначалу по-рыцарски немногословно, но затем в типичном для себя высокопарном стиле заявил: «Если мальчика покинет весь мир, кроме меня, знаете, как я поступлю? Я понесу его на своих плечах… Я никогда его не предам и пойду с ним от острова к острову, от земли к земле, даже если мне самому придется питаться отбросами».

Что бы ни вещал Маршал, не только девятилетнему Генриху повезло, что такой настрой преобладал среди благородных мужей Англии. От этого зависело будущее династии. Королю – если он когда-нибудь по-настоящему им станет – понадобятся помощники, преданные делу восстановления власти и прав монарха в условиях самого сурового и серьезного кризиса на памяти поколения.

В окружении нового короля был еще один ключевой персонаж – богатый пуатевинский барон Питер де Рош, бывший юстициарий Иоанна и епископ Винчестерский: он и короновал Генриха. В Англии его недолюбливали, но именно де Рош станет наставником и учителем юного короля на следующие два десятилетия. Важным лицом был и Биккьери, представлявший папу римского, феодального сюзерена Генриха: считалось, что его присутствие в лагере короля добавит тому легитимности. И

наконец, на стороне короля был Хьюберт де Бург, роялист из Норфолка, больше десяти лет служивший Иоанну. На посту юстициария де Бург стал английским лицом правительства, приемлемым для тех, кто не доверял «чужакам». Эти люди были костяком коалиции, перед которой стояла задача как можно быстрее выпроводить захватчиков и разрешить кризис, поглотивший королевство.

Прежде всего им нужно было отразить военную угрозу. Мятежные северные бароны обзавелись опасным предводителем в лице принца Людовика: Людовик и его союзники захватывали и удерживали замки по всей Англии, и во многих теперь хозяйничали иностранные наемники. Людовик контролировал юго-восток страны, французские корабли бороздили Ла-Манш. Единственным способом избавиться от французов была война.

Будущее царствование Генриха решалось под Линкольном. Это было последнее и, вероятно, величайшее военное предприятие в долгой и выдающейся жизни Уильяма Маршала. Собрав в Ньюарке после Троицы 1217 года 400 рыцарей и 250 арбалетчиков со всех уголков королевства, Маршал повел своих людей прямо на Линкольн. Он подошел к городу 20 мая и обнаружил, что силы Людовика вошли в город и осадили замок. Сам французский принц находился дальше к югу, под Дувром, а в Линкольне командовал граф Перш в компании толпы мятежных английских графов. Французы знали о прибытии Маршала, но не торопились определиться со стратегией. Маршал же обратился к своим рыцарям с речью, которую Шекспир потом вложил в уста Генриха V: «Эти люди силой завладели нашими землями и нашим имуществом, – сказал он. – Позор мужчинам, которые не посмеют в этот самый день принять вызов… я не солгу, если скажу, что, победив их, мы покроем себя вечной славой до конца наших дней».

Риторика сработала. Маршал командовал верными рыцарями, сказав им, что они должны без колебаний перерезать глотки собственным лошадям, если потребуется укрыться от огня за их тушами на открытом месте у северного входа в город. Епископ де Рош командовал арбалетчиками, а Ранульф, граф Честерский, – еще одним отрядом рыцарей, но все они могли лишь с благоговением наблюдать, как Маршал ведет кавалерию в лобовую атаку на город и французские войска. Старик так жаждал броситься в бой, что чуть не забыл надеть шлем. Поправив амуницию и возглавив наступление, он врезался в ряды французов с такой силой, что пробил в них брешь глубиной в три копья. Если это был последний шанс спасти династию, которой он служил всю свою жизнь, то Маршал был полон решимости

использовать этот шанс полностью.

Шесть кровавых и жестоких часов длилась битва. Это была страшная картина: воздух наполнен оглушающим лязгом металла, мечи врезаются в шлемы, отрубают руки и ноги, копья сталкиваются и разлетаются в щепки, булавы ломают кости, а острые кинжалы втыкаются в бока людей и лошадей. Городские бои длились, пока улицы не утонули в крови, кишках и отрубленных головах. «Шум, – вспоминал Маршал, – стоял такой, что ты и божьего грома не услыхал бы».

Французы потерпели сокрушительное поражение. Практически все предводители мятежных баронов были обезглавлены, а граф Перш погиб, когда копье пробило ему глаз и вошло в мозг. Как только весть о потере достигла Дувра, принц Людовик немедленно снял осаду, поехал в Лондон и начал обдумывать условия отступления.

Но война закончилась не раньше, чем французов настигло последнее унижение. В августе они потерпели поражение на море, сойдясь в знаменитой битве при Сэндвиче с английскими военно-морскими силами под командованием Хьюберта де Бурга. Французским флотом командовал корсар Эсташ по прозвищу Монах – позднее он станет героем отдельной романтической саги в стиле легенд о Робине Гуде. Англичане осыпали французов стрелами и ослепляли их, бросая по ветру негашеную известь. Монаха Эсташа нашли в трюме корабля. Ему предложили выбор: быть обезглавленным возле осадного орудия либо повешенным на рее. Хронисты не записали, какую судьбу он избрал.

Принц Людовик был сыт по горло. Регентское правительство Генриха показало зубы, и французский принц с радостью принял отступные и удалился. Его уход отвел от английской короны самую серьезную внешнюю угрозу за столетие.

От маршала до великой хартии вольностей

Уильям Маршал, регент Англии, дожил до 73 лет – весной 1219 года здоровье его ухудшилось, и необыкновенная жизнь, посвященная служению, завершилась. Смерть Маршала встревожила и огорчила многих: он был образцом беспристрастности и объективности. Сохраняя верность короне, Маршал всегда безусловно поддерживал Плантагенетов и при этом не боялся критиковать их, если считал, что они недостойно поступают или скверно правят.

Судьба Маршала оказалась вплетена в биографию всех великих королей его века: Генриха II, Генриха Молодого Короля, Ричарда I, Иоанна, Людовика VII, Филиппа II, а на склоне лет он участвовал в битве и с будущим Людовиком VIII. Он помог передать эстафету власти следующему поколению Плантагенетов, но его время ушло. Без его направляющей руки, твердых принципов и острого ума мир грозил стать опасным и неспокойным местом.

Перед смертью Маршал был занят важными делами: в основном устраивал будущее детей и добивался исполнения своего желания и клятвы крестоносца – вступления в орден рыцарей тамплиеров. Но самыми важными из его забот были думы о будущем Генриха III – о том, чему и как учить мальчика, чтобы обеспечить процветание королевства. Лежа на смертном одре, Маршал подозвал к себе 12-летнего короля и взял его за руку. Он сказал, что хочет, чтобы тот перешел под опеку нового папского легата Пандульфа (который заменил Гуалу в 1218 году), а потом призвал короля не брать примера с отца и вести более достойную жизнь.

– Я молю Господа Бога нашего – если я сделал хоть что-то, чтобы заслужить Его милость, – чтобы Он помог тебе вырасти достойным человеком, – сказал Маршал. – Но если будет так, что ты последуешь по стопам кого-нибудь из твоих нечестивых предков и захочешь стать похожим на них, тогда я молю Господа, сына Девы Марии, чтобы ты умер прежде, чем это произойдет.

– Аминь, – ответил король.

Ко времени смерти Маршала юный Генрих III уже не был младенцем: он был достаточно взрослым, чтобы обсуждать с советниками государственные дела и скреплять личной печатью решения, вынесенные от его имени. Какое-то представление о непростой реальности государственной власти у него было, но править самостоятельно ему еще не позволяли. Пока он не повзрослеет, разногласия и неопределенность будут

сопровождать его правление.

После смерти Маршала бразды правления взял в свои руки триумвират: восстанавливать подорванную гражданской войной королевскую власть пришлось Пандульфу, Питеру де Рошу и Хьюберту де Бургу. Но после второй коронации Генриха, гораздо более пышной, состоявшейся в 1220 году, – в этот раз в роскоши Кентерберийского собора, – де Рош впал в немилость и отбыл на Святую землю. После этого власть сосредоточилась в руках де Бурга. В 1220-х годах Генрих полагался на советы и руководство юстициария в делах восстановления королевской системы финансов и усмирения мятежей воинственных баронов и агрессивных валлийцев, возглавляемых Лливелином Великим из Гвинеда.

Де Бург делал все, что мог, чтобы договориться с Лливелином и восстановить разрушенную финансовую систему. Но королевство без короля подобно кораблю, штурвал которого рвут друг у друга из рук, и любое государство под управлением малолетнего лидера будет слабым. Когда в 1223 году умер Филипп II, его 35-летний сын, недавно возглавлявший вторжение в Англию, стал Людовиком VIII и практически сразу решил атаковать позиции английской короны в Пуату.

Не считая неспокойных лет дома в самом начале царствования Генриха, это был первый вызов королю на международной арене. Решающий удар Людовик нанес летом 1224 года, напав на Ла-Рошель. Жители города услышали, как к ним с шумом и грохотом приближается французская армия: молодой, полный сил король Франции подкатывал к стенам осадные орудия. Слабый и все еще безвластный юный король Англии на противоположном берегу Ла-Манша ничем не мог им помочь, и неудивительно, что горожане сдались практически сразу, продав свою верность за французские монеты.

Позиции английской короны в Пуату в результате провальной вылазки Иоанна в 1214 году и так были неустойчивы, но потеря Ла-Рошели лишила Англию жизненно важного форпоста на континентальном побережье и базы для защиты – или возврата – тамошних владений, а кроме того, сделала небезопасным плавание по Ла-Маншу. Как объяснял хронист Роджер Вендоверский, «Ла-Рошель – это место, где короли Англии и их рыцари обычно высаживались для защиты своих земель, но теперь этот путь был закрыт для них».

Тем временем аквитанский барон Гуго де Лузиньян, который женился на вдове Иоанна королеве Изабелле и фактически стал отчимом Генриха, захватил значительную часть Гаскони. Уже усеченная английская доля Аквитании сократилась до Бордо и

нескольких прибрежных городов. Дому Плантагенетов грозила опасность безвозвратно потерять остатки владений на западном побережье континента.

Для Хьюберта и Генриха возврат Гаскони и Пуату был первостепенной задачей. От этого зависела честь семьи. Однако какое дело до этого было всем остальным? Купцы неплохо зарабатывали на торговле вином, но торговцам чужда политика. Бароны были не заинтересованы в сохранении этих земель. Кроме того, необходимость вернуть Пуату и Гасконь остро поставила вопрос о средствах для финансирования военных действий на континенте. Нежелание баронов присоединяться к многочисленным военным вылазкам Иоанна спровоцировало кризис, который закончился принятием Хартии вольностей и гражданской войной. Как теперь, 11 лет спустя, Хьюберт и Генрих могли убедить тех же людей отправиться воевать за земли, в которых они не были заинтересованы финансово?

Это, вкратце, и стало ключевой проблемой царствования Генриха на весь отведенный ему долгий срок. Не зная лично ни одного из собственных предков-королей, Генрих искренне считал своим историческим долгом восстановить их престиж – задача, которая, по его мнению, заключалась в защите остатков континентальной империи, распространении власти английской короны на земли в Центральной и Западной Франции, ранее принадлежавшие Плантагенетам, и в усилении влияния на границах империи Генриха II и Ричарда в Германии, на Сицилии и в Кастилии. Это было то самое бремя, которое политическое сообщество Англии отказалось взвалить себе на плечи в правление Иоанна. В 1224–1225 годах новый режим остро нуждался в ребрендинге империи Плантагенетов.

Решить вопрос пытались двумя способами. Первый апеллировал к страху. Ходили пугающие слухи, что Ла-Манш полон французских судов, а жадный Капетинг на французском троне спит и видит, как бы снова напасть на Англию. Завоевания на континенте мало интересовали английских баронов, но вот защита побережий была как минимум неплохим предлогом потребовать их поддержки. Хьюберт де Бург изо всех сил играл на страхе вторжения и преуспел: пусть и ненадолго, но сделал его убедительной причиной увеличить военный бюджет страны.

Второй путь решения проблемы, который оставит след в политической истории царствования Генриха и определит направление развития монархии Плантагенетов на ближайшие два столетия, был следующим: радикально ускорить длительный процесс залечивания ран, нанесенных царствованием Иоанна и перевыпустить Великую хартию вольностей. С таким

предложением правительство обратилось к светским и церковным лордам Англии на Большом совете в январе 1225 года; те же взамен должны были гарантировать уплату налога на все движимое имущество в размере 1/15 от его стоимости.

Великая хартия вольностей и Лесная хартия перевыпускались уже дважды с момента их первоначального обнародования. Но документы, утвержденные в 1225 году, в долгосрочной перспективе были намного важнее версий, навязанных Иоанну в Раннимиде, или двух обновлений 1216 и 1217 годов, изданных регентским правительством в попытке удержаться и закрепиться во власти. В совокупности они составили уступку, которая изменит ход царствования как Генриха, так и поколений Плантагенетов, что придут вслед за ним. Хартия, перестав быть случайной мешаниной вольностей, превратилась в символическое утверждение политического принципа.

Перевыпуск Лесной хартии был особенно важен: документ физически ограничивал пределы власти Плантагенетов. Лесной закон был кабальным, и частные землевладельцы негодовали – сопротивляться ползучему расширению королевских лесов буквально значило противостоять самому мощному органу королевской власти на местах. Новая Лесная хартия предусматривала создание специальных комиссий, которые должны были пешком обходить границы королевских лесов и представлять отчеты об их протяженности.

Несомненно, переиздание хартий было сделкой, выгодной как королю, так и политическому сообществу, по крайней мере Роджер Вендоверский был в этом убежден: «Ассамблея епископов, графов, баронов, аббатов и приоров… пообещала… что все они с готовностью выполнят требования короля [насчет 15-й доли], если он гарантирует им так долго желаемые ими свободы».

Сделка была заключена, и 15 и 16 февраля 1225 года пакеты с приказаниями были отосланы всем шерифам в каждое английское графство: им вменялось обнародовать и соблюдать хартии, заново проинспектировать лесные границы, а заодно и провести оценку имущества и собрать налог, который высвободит десятки тысяч фунтов национального богатства страны для финансирования военной экспедиции, якобы необходимой для защиты побережий (фактически же это было частное предприятие короля с целью отвоевать континентальные земли).

В ближайшей перспективе введение налога оказалось крайне удачным и принесло казне 45 000 фунтов – гораздо больше, чем предыдущие попытки регентского правительства собрать деньги посредством феодальных пошлин. На вырученные средства Генрих и Хьюберт снарядили летнюю экспедицию по

освобождению Гаскони. Возглавили ее младший брат Генриха, Ричард – подающий надежды молодой человек 16 лет, которому в начале года преподнесли в качестве подарка на день рождения титул графа Корнуолла, – и 49-летний государственный деятель, ветеран войн и дядя короля, граф Солсбери.

Хорошо оснащенная и направляемая опытной рукой вылазка оказалась успешной. Англичане продвигались быстро и сражались яростно; отбросили французов и помешали им захватить то, что осталось от английских владений. Солсбери вскоре понял, что за один сезон отвоевать Пуату не получится, зато ему удалось взять под контроль Гасконь с ее важной для английской короны виноторговлей, закрепив зависимость, которая сохранится еще на два столетия. Эта победа стала высшим достижением регентского правительства Генриха.

И тем не менее территориальные и торговые приобретения были, пожалуй, не так важны, как сделка, заключенная дома: та, что касалась политического участия, реформирования правительства и государственного бюджета. Тогда же, когда флаг короля Англии взвился над замками Гаскони, копии двух великих хартий распространялись по королевству за проливом. Королевские юристы чесали в затылке и пытались найти в них какие-нибудь лазейки, позволяющие королю сохранить свои привилегии. Но джинн уже вырвался из бутылки. Хартии высоко оценили везде, где бы они ни приземлились. Очень быстро стало очевидно, что конституционный договор заключен. Администрация Генриха начала процесс, благодаря которому деньги для военных экспедиций шаг за шагом обменивались на политические свободы, оформленные в виде хартий, расходившихся по всей стране. Соглашение было достигнуто в ассамблее баронов, епископов и других магнатов, и хотя это, конечно, был еще не парламент, в каком-то смысле ассамблею можно считать его началом. Феодальные прерогативы короля и пределы его власти над подданными стали отныне темой для обсуждений и переговоров с политическим сообществом. Такое положение дел сохранится до конца Средних веков.

Наконец-то государь

Период малолетства Генриха мог и, вероятно, должен был закончиться в конце 1225 года. Это было бы разумной датой по многим причинам: королю исполнится 18, он будет уже достаточно взрослым, чтобы называть себя мужчиной. В 1225 году были переизданы хартии, и это могло окончательно поставить точку в правлении его отца и отметить начало его собственного. Все выгоды такого шага стали бы очевидны в ноябре 1226 года, когда Людовик VIII в возрасте 39 лет умер от дизентерии, и началось долгое малолетство его сына, нового французского короля, 12-летнего Людовика IX.

Но в 1225 году начать все с чистого листа не удалось. Не удалось и в январе 1227 года, когда 19-летний Генрих на совете в Оксфорде объявил себя полностью совершеннолетним. Несмотря на то что король начал обустраивать собственный двор, где его наставники влияния не имели, было очевидно, что ему все еще не хватает компетенций для осуществления власти. Он разрывался между двумя стратегиями, особенно по отношению к Франции. С одной стороны, в 1228 и 1229 годах Генрих пытался собрать денег, чтобы вернуть Нормандию и Пуату, и выкручивался, как мог, лишь бы не исполнять обязательств по хартиям, вступившим в силу в 1225 году. С другой стороны, реальная власть по-прежнему была в руках де Бурга, сдерживавшего энтузиазм Генриха и его брата Ричарда, графа Корнуоллского, относительно войны на континенте. Осторожный де Бург не дал королю нанести массированный удар, без которого цели было не достичь, и попытки Генриха захватить Нормандию, предпринятые в 1229 и 1230 годах, с треском провалились.

Де Бург вцепился во власть, которую давала ему должность пожизненного юстициария, а Генриху не хватало сил и уверенности в себе, чтобы перехватить бразды правления. Его мучительное квазинесовершеннолетие сверх всяких приличий растянулось еще почти на десять лет. Только в 1234 году Генрих избавился от человека, полученного в наследство от отца, и, чтобы подтолкнуть его к этому шагу, потребовался тяжелейший кризис.

Долгий путь к зрелости и независимости, склонность сверх меры полагаться на по-отечески опекающих его министров, которые фактически оставались регентами при давно дееспособном правителе, – причину этого следует искать в самом характере короля. Генрих с ранних лет был нерешителен и даже простодушен; предавался мечтам, но воплотить свои идеи в

реальность не мог: ему недоставало решительности, необходимой для волевого правления, – решительности, свойственной и худшим из его предков.

Генрих рос, не имея перед глазами ролевой модели короля, и его неудержимо влекло к фигурам, замещающим ему отца. Тот же инстинкт лежал в основе его раздражающей тенденции брать на вооружение не лучший, а последний из услышанных советов. Генрих унаследовал темперамент Плантагенетов и не раз обрушивал свой гнев на друзей и министров, яростно нападал на них и периодически пытался проломить оппонентам голову тем, что под руку попадется. Во время одной из таких вспышек он напал на Хьюберта де Бурга с затупленным мечом. Но он редко гневался на своих советников достаточно долго, чтобы сместить их или удалить от себя, а потому они оставались рядом и продолжали править от его имени.

Чем дольше руки де Бурга сжимали рычаги власти, тем глубже царствование Генриха погружалось в хаос. Пока юстициарий обогащался опеками, получая прибыль от крупных имений, Генрих страдал от политических последствий мелочных дрязг между Хьюбертом и влиятельными молодыми баронами, которые должны были бы составить костяк партии нового короля – в их числе были сын Уильяма Маршала Ричард и Ричард Корнуоллский, которых в 1231 году практически вынудили взбунтоваться.

Режим де Бурга был довольно скверным – он правил в собственных корыстных интересах, и они не совпадали с целями, которые преследовал сам король. Но в 1231 году, когда из крестового похода вернулся наставник Генриха Питер де Рош, все стало еще хуже. Властный де Рош не мог допустить, чтобы де Бург извлекал личную выгоду из управления Англией, и постарался как можно быстрее вернуть себе влияние на короля. Вскоре Генрих разрывался между двумя высокопоставленными вельможами – своими наставниками, фигурами, замещающими отца, – не способными сотрудничать друг с другом, особенно когда над ними не было короля, достаточно сильного, чтобы удержать их от распрей и раздоров. В конце концов победил де Рош. В июле 1232 года в Вудстоке между королем и де Бургом произошла жестокая ссора, которая закончилась тем, что 24-летний король предъявил своему учителю множество дичайших обвинений, включая отравление графа Солсбери и графа Пембрука, которые оба недавно скончались (практически наверняка без вмешательства де Бурга). Де Бурга судили в Лондоне судом равных – несомненный реверанс в сторону Великой хартии вольностей и новой политической реальности – и

приговорили к пожизненному заключению в замке Девайзес.

Маятник качнулся. Теперь уже де Рош прибрал к рукам правительство и короля Генриха. Генрих немного порадовал себя драгоценностями и безделушками, конфискованными у де Бурга, и насладился кратким периодом финансовой стабильности: в сентябре 1232 года де Рош обеспечил сбор налога для финансирования Бретонской кампании, а в 1233 году правительство стребовало варварские суммы с евреев. Но для страны в целом ничего не изменилось. Правление де Роша ничем не отличалось от правления его предшественника и не только потому, что де Рош был даже менее популярен и более властен, чем де Бург, и к тому же привел в правительство своих ненавистных приспешников, погубивших правление Иоанна. Скорее, присутствие епископа рядом с Генрихом только обострило проблемы королевства. Англии нужен был лидер, который правил бы своей волей, а не по доверенности, а вместо этого ей еще два года пришлось терпеть коррумпированного и чванливого министра. Чтобы укрепить свои позиции, де Рош избавился от оппонентов при дворе и принялся наделять себя и своих сторонников роскошными должностями, замками и землями. Роджер Вендоверский писал, что под руководством де Роша Генрих «изгонял свою знать и баронов без суда равных, сжигал их деревни и поместья, урезал их лесные угодья и сады и разрушал их парки и рыбные пруды». Принципы Великой хартии вольностей были втоптаны в грязь, что никак не улучшило отношений короля с Ричардом Маршалом, который в 1233 году дважды поднимал восстание, начав мелкую гражданскую войну и сорвав планы Генриха подавить мятеж в Уэльсе.

Всем было ясно, что дело плохо. Согласно Роджеру Вендоверскому, в июне 1233 года магнаты заговорили о свержении Генриха. В феврале на Большом совете, состоявшемся в Вестминстере, английские епископы умоляли короля прогнать де Роша и его назойливых прихвостней и править самостоятельно. Генрих согласился, но тут же – и так он будет поступать всегда в моменты кризиса – испугался перспективы взять правление страной в свои руки. Вместо того чтобы смести фигуры с доски и назначить новых министров, он просто сбежал из Вестминстера и уехал в месячное путешествие по святым местам Восточной Англии: молился у святых частиц Животворящего Креста в Брохольме, в святилище Богоматери в Уолшингеме и в других своих любимых монастырях.

Ричард Маршал и Лливелин Уэльский бунтовали, но король отправился в паломничество. В апреле 1234 года Ричард Маршал умер от ран, полученных в битве в Ирландии, и некоторые

обвиняли Генриха – чудовищный навет – в его убийстве. В мае 1234 года правительственный кризис так обострился, что английские епископы во главе с Эдмундом Ричем, архиепископом Кентерберийским, пригрозили отлучить короля от Церкви.

Только тогда Генрих заставил себя действовать. С сожалением он приказал де Рошу вернуться в свою епархию и впервые взял правительство под личный контроль. Государственные дела его не особенно интересовали, но он понимал, что если не сделает этого, то очень быстро окажется в той же ситуации, что и его отец перед смертью. На Большом совете, собравшемся в Глостере сразу после удаления де Роша, Генрих признал, что его министры не преуспели в соблюдении Великой хартии вольностей и не обеспечивали своим оппонентам «суда равных». Он отменил ряд сомнительных конфискаций земель, захваченных де Рошем, и еще раз подтвердил свою преданность Хартии, пообещав принимать важные государственные решения только проконсультировавшись с Большим советом баронов. Из кризиса 1233–1234 годов Генрих вышел, хоть и не по собственной воле, королем – и королем, отвечающим настроению королевства, в котором взаимное соблюдение принципов Великой хартии вольностей стало цениться превыше всего.

Любопытно, что к началу самостоятельного правления Генриха стала очевидна произошедшая в нем духовная трансформация. Когда все его королевство забурлило недовольством, вызванным министрами-самоуправцами, мятежными баронами и свирепыми валлийцами, Генрих – глубоко уязвленный и смущенный беспорядками – попытался найти вдохновляющие примеры в истории Англии, которая, как он думал, научит его, как стать наконец королем, достойным своего титула. Такового он не обнаружил ни в одном из своих ближайших предков, зато нашел в лице своего далекого предшественника, изучив биографию последнего англосаксонского короля, святого Эдуарда Исповедника.

Эдуарда, бездетное правление которого закончилось в 1066 году, немедленно вылившись в войну за наследство между Гарольдом Годвинсоном и Вильгельмом Завоевателем, не особенно почитали в Англии Плантагенетов. Его канонизировали в 1161 году благодаря усилиям Генриха II, но великого культа вокруг него не было, а желание Иоанна покоиться рядом со святым Вулфстаном в Вустере, а не со святым Эдуардом в Вестминстере подтверждало, что англичане не испытывали к последнему каких-то особых чувств. Но Генриху, углубившемуся в прошлое королевства в поисках новой отцовской фигуры, которая

могла бы стать ему опорой, когда ни де Бурга, ни де Роша рядом не будет, Исповедник показался привлекательной ролевой моделью.

История правления Эдуарда Исповедника напомнила Генриху его собственную. Как и Исповедник, Генрих пришел к власти во времена тирании и гражданской войны. Как и Исповедник, он в каком-то смысле был предан своими министрами (как де Бург и де Рош манипулировали Генрихом в собственных интересах, так и Исповедника погубил коварный граф Годвин). Исповедник – что внушало надежду – пережил скорби царствования и вознесся на небеса, куда его сопроводил сам святой Иоанн Богослов. Для практических аспектов управления страной было важно, что древняя модель «хорошего правления», на которую ссылался в своей хартии вольностей Генрих I, опиралась на законы Исповедника. Даже король Иоанн клялся соблюдать законы короля Эдуарда, когда Стефан Лангтон в 1213 году вернул его в лоно Церкви. Все признаки выглядели обнадеживающими.

С 1234 года Генрих со все возрастающим рвением углубился в культ Исповедника. Он изучал его биографию и легенды о нем, приказывал расписывать стены в Вестминстере и в других дворцах сценами из жизни святого, с фанатичным рвением праздновал день его памяти, 13 октября, и в своих хартиях ссылался на «славного короля Эдуарда», которого считал своим «особым покровителем». Всю свою жизнь Генрих так или иначе старался равняться на Исповедника.

Хотя преданность святым и архетип набожного короля были прочно запечатлены в средневековых умах, растущее благоговение короля перед Исповедником было все-таки несколько чрезмерным. Зато на результат грех было жаловаться: в 1234 году Генрих наконец стал взрослым, полноправным королем, подтвердившим свою преданность духу Великой хартии вольностей. Это было именно то, к чему королевство стремилось годами.

Брак и семья

В мае 1234 года в Англии наконец появился король, соответствующий требованиям, предъявляемым к этой должности. Путь его от детства к зрелости был долог, и человек, сформировавшийся в результате, оказался довольно эксцентричной личностью. Ростом Генрих был около 170 сантиметров. Рассказывали, что верхние веки у него были тяжелыми, отчего лицо приобретало несколько неестественную серьезность, словно подчеркивая его непростой характер. Генрих был чрезвычайно религиозен даже по меркам столетия, когда королям подобало демонстрировать аскетизм и набожность. (Современник и соперник Генриха Людовик IX Французский, повзрослев, станет истово верующим. В его царствование будут возводиться грандиозные церкви, такие как величественная Сент-Шапель, он станет постоянным клиентом растущего рынка священных реликвий и в 1239 году заплатит астрономическую сумму в 135 000 ливров Болдуину Константинопольскому за фрагменты Святого Животворящего Креста.) Западные короли соревновались в святости, разыгрывая религиозные козыри, и Генрих был настроен войти в число самых благочестивых королей христианского мира.

Генрих был не настолько интересен как мужчина и как личность в сравнении со своими предками Плантагенетами и со многими из потомков, но он лучше любого из них умел демонстрировать подобающую королю роскошь. Пожалуй, это был величайший покровитель искусств из всех средневековых королей Англии: он преобразил места, где проходила жизнь двора, оплачивая произведения искусства и архитектурные сооружения, прославлявшие благородную старину монархии. Стены и окна расцвели его любимыми религиозными и историческими сценами и фигурами: святой Эдуард Исповедник был повсюду, а с ним святой Лазарь и богач, и четыре евангелиста, и хранители одра Соломонова, и святые покровители воинов, например святой Евстафий, стоявший на страже над постелью короля в Вестминстере. Генрих заказал портрет Александра Великого, картины, изображавшие осаду Антиохии и легендарные подвиги его дяди Ричарда Львиное Сердце на Святой земле. Может, Генрих и не стал образцово-показательным королем, но он тонко чувствовал, как выгоднее подать божественное великолепие монархии. Король вырос в искусного пропагандиста, хорошо знал историю и умел воздействовать на воображение людей. В год он тратил на

строительство в среднем 3000 фунтов – десятую часть своего дохода. Его правой рукой в создании имиджа монархии был золотых дел мастер по имени Одо, а с 1240 года – сын и наследник Одо, Эдуард из Винчестера: его обязанности как литейщика казначейства и хранителя королевской сокровищницы включали в себя изготовление золотых кубков тончайшей работы, корон, ослепительных облачений, прекрасных свечей и ювелирных украшений, которыми Генрих любил себя окружать.

Больше всего в монархии Генрих любил ее священный и парадный аспекты, а что может быть лучшим поводом выставить напоказ королевскую роскошь и прорекламировать королевскую власть, чем свадьба короля? В январе 1236 года, послушно испросив у Большого совета разрешения жениться, 28-летний Генрих сделал своей королевой 12-летнюю Элеонору Прованскую.

На первый взгляд, выбор невесты казался несколько эксцентричным. До этого Генрих был обручен с Жанной, наследницей графства Понтье. Но французский двор яростно протестовал, не желая, чтобы английский король завладел графством в северной части французского побережья, и помолвка была расторгнута. После этого Генрих обратил внимание на Элеонору, вторую из четырех дочерей Раймунда Беренгера IV, графа Прованса, чья старшая дочь Маргарита была женой Людовика IX. Элеонора Прованская была южанкой; как Алиенора Аквитанская, она принесла с собой веяния и моду теплой, живой культуры французского юга. В отличие от Алиеноры, она не обогатила мужа территориями во Франции, однако недостаток материального приданого она компенсировала связями не только с французским двором через Маргариту, но и со Священной Римской империей и с папским престолом через родню матери, графов Савойских. Мать Элеоноры, Беатриса Савойская, имела пятерых братьев, и все они были крайне успешными дипломатами, чьи союзы и связи опутывали всю Европу. Территориально савойцы контролировали северные пути в Италию, и поэтому графство находилось в центре напряженной дипломатической борьбы между Фридрихом и папским престолом. Неподдельный интерес Генриха к политике Священной Римской империи проявился в 1235 году, когда он выдал свою младшую сестру Изабеллу замуж за императора Фридриха II, а с женитьбой на Элеоноре его связи с императорским двором только укрепились. Даже если власть Плантагенетов ограничивалась теперь лишь Англией да Гасконью, Генрих был намерен продолжать силовую игру на непростом поле европейской политики.

Генрих знал, что взгляды всей Европы будут прикованы к

свадебной церемонии, которая состоится в Кентербери 20 января 1236 года, а в особенности к коронации новой королевы шестью днями позже. «Все, что только есть в мире приятного и прекрасного, было собрано отовсюду», – писал Матвей Парижский. Лондон трещал по швам, переполненный благородными леди и джентльменами, их слугами, челядью и толпами, жаждущими взглянуть на первую королевскую свадьбу за без малого 50 лет. «Весь город был украшен знаменами и флажками, гирляндами и драпировками, свечами и лампами, и дивными выдумками, и необычными представлениями, и все дороги были очищены от слякоти и грязи, палок и всякой скверны, – писал Матвей Парижский. – Граждане тоже вышли встретить короля и королеву, разодетых в украшения, и соперничали друг с другом, пытая на скорость своих коней»[4].

Если и были у кого-то сомнения в готовности английской знати прославлять монархию Плантагенетов, то на свадебных торжествах они развеялись. Архиепископы, епископы, аббаты, графы и граждане древнего английского города наперебой претендовали на свои законные церемониальные обязанности: от ролей таких престижных, как коронация королевы или несение церемониального меча святого Эдуарда Исповедника, до почетного долга отгонять палкой зевак, напирающих слишком сильно, или расставлять чашки на обеденном столе. Каждое действие этого спектакля выставляло исполняющего свою роль актера в выгодном свете и соединяло всех в общем верноподданническом порыве. В итоге Генрих обрел невесту, обеспечившую ему связи с европейской геополитикой, подтверждение мужской зрелости и отличный повод подвигнуть английское политическое сообщество на полную энтузиазма демонстрацию сплоченности и верности королю. Он был в своей стихии и отпраздновал это событие, взяв молодую королеву в летнюю поездку в Гластонбери, на место погребения короля Артура.

Одного этого было достаточно, чтобы взбудоражить страну, но за браком Генриха и Элеоноры последовал другой, не менее важный для истории королевства. В январе 1238 года восходящая звезда двора Симон де Монфор произвел сенсацию, женившись на 23-летней сестре Генриха, Элеоноре Лестерской. Принцесса Плантагенетов была не только младшей дочерью Иоанна и Изабеллы Ангулемской – она была к тому же вдовой Уильяма Маршала – младшего, почившего графа Пембрука и старшего сына бывшего регента короля. После смерти первого мужа 16-летняя Элеонора принесла обет целомудрия перед Эдмундом Ричем, архиепископом Кентерберийским. Теперь же, увлеченная

де Монфором, она желала его нарушить.

Де Монфор прибыл в Англию в 1230 году, заявив права на графство Лестер через свою бабку Амицию де Бомон. Он был харизматичным высокородным французом, в 1238 году ему исполнилось 30 лет – всего на два года моложе короля, которого он восхищал и иногда пугал своим развитым политическим и литературным умом, военными талантами, многочисленными социальными связями и крайним религиозным фанатизмом. Де Монфор был непростым человеком – несговорчивым и снедаемым амбициями. Он носил власяницу, очень скудно питался, далеко за полночь бодрствовал, посвящая часы ревностной молитве. И хотя они были примерно одного возраста, во многих отношениях де Монфор станет для Генриха еще одной отцовской фигурой, на которую король будет взирать с детским обожанием. За те восемь лет, что они были знакомы, де Монфор стал лучшим другом короля и одним из его ближайших советников.

Тем не менее внезапный брак де Монфора и Элеоноры шокировал страну. Элеонора была в каком-то смысле самой завидной невестой в Англии: жених мог рассчитывать на прямой доступ к королю, земли, власть и высокий статус. Хотя Генрих испросил разрешения у Большого совета баронов и прелатов, прежде чем жениться самому и выдать замуж свою сестру Изабеллу, Элеонору отдали де Монфору, не предупредив баронов, и пара обвенчалась тайно. Это противоречило всем принципам правления на основе консенсуса в духе Великой хартии вольностей, соблюдать которую Генрих пообещал, приступая к самостоятельному правлению, и возмутило всех английских аристократов, как светских, так и церковных.

Бароны высказывали недовольство тем, что с ними не посоветовались по вопросу государственной важности, нарушающему региональный баланс сил, поскольку брак принес де Монфору огромное состояние и обширные земельные владения в Южной Англии вдобавок к землям, которые он получил, унаследовав графство Лестер. Епископов же шокировало, что Элеоноре было позволено снова выйти замуж, несмотря на данный ею обет безбрачия. Всеобщее возмущение было настолько сильным, что повлекло за собой политический кризис: брат Генриха Ричард, граф Корнуоллский, вступив в союз с Гилбертом Маршалом (который третьим из сыновей Маршала унаследовал титул графа Пембрука) и графом Винчестером, поднял очередное вооруженное восстание против короля. Чтобы обезвредить мятеж, потребовалось полгода.

К счастью для Генриха, ему удалось быстро примириться со своим беспокойным братом, и кризис миновал. Де Монфор по-

прежнему ходил у короля в любимчиках, а теперь стал еще и его зятем и отправился в Рим просить благословения на брак у папы римского, Иннокентия IV. Вскоре после его возвращения, в ноябре 1238 года, в замке Кенилуэрт Элеонора де Монфор родила мужу первого ребенка.

Тем временем Генрих привечал при королевском дворе членов своей новой семьи. Вместе с юной королевой в Англию приехала толпа савойцев, в том числе три ее дяди-дипломата, Пьер, Томас и Бонифаций Савойские. Пьер и Томас прибыли ко двору в 1240 году, и все то время, что они проживут в Англии, они будут без стеснения вмешиваться в государственную политику. Впечатленный утонченностью, опытом и прагматизмом савойцев, подкрепленными их многочисленными связями, Генрих оказывал им щедрое покровительство. Томас, унаследовавший Фландрию, не особенно нуждался в королевских подарках, а Пьер в 1241 году был посвящен в рыцари и получил титул лорда Ричмонда в Йоркшире. Бонифаций же в 1244 году был наконец избран архиепископом Кентерберийским – должность освободилась еще в 1240 году со смертью Эдмунда Рича. Пока Генрих раздавал земли и прилагающиеся к ним титулы, Элеонора укрепляла связи между Англией и Савойей, поощряя браки, вносившие нотку новизны в жизнь английской аристократии. Не всем это нравилось, но в целом савойцы дали Англии больше, чем взяли у нее.

Важнее всего для династии Плантагенетов было продолжение рода: в середине июня 1239 года 16-летняя Элеонора произвела на свет первое королевское дитя. Король делил с женой постель с первого дня их брака (что в 1237 году даже спасло ему жизнь, когда вооруженный ножом маньяк ворвался в королевскую опочивальню и не застал там короля, проводившего ночи со своей 15-летней супругой), и рождение мальчика, продолжателя рода, послужило источником великой радости.

Рождение наследника в Вестминстерском дворце отпраздновали с размахом. Хор королевской часовни пел *Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat* («Христос побеждает, Христос царствует, Христос повелевает»), а когда новость достигла Лондона, на улицы хлынуло ликующее население. Генрих же был довольно взыскателен к способам, какими его подданные выражали свою радость. Это был первый наследник Плантагенетов, появившийся на свет за три десятилетия. Когда гонцы возвращались от великих баронов и епископов Англии, принося с собой их поздравления и подарки, Генрих тщательно инспектировал улов. Подарки, которые, по его мнению, не соответствовали грандиозности события, отсылались обратно

дарителю с требованием заменить их на что-нибудь получше.

Какое же имя получил мальчик? Традиции семьи Плантагенетов предполагали Генриха, Иоанна, Ричарда, Вильгельма или даже Жоффруа. Но Генрих III думал о чем-то более экзотическом. Он решил назвать сына Эдуардом, в честь обожаемого им Эдуарда Исповедника. Это было необычное имя для принца Плантагенетов, да и вообще для любого знатного ребенка, рожденного в Англии в XIII столетии. Аристократическому слуху имя казалось странным и старомодным. Но у Генриха было свое видение монархии, в котором переплелись исторические повествования о завоеваниях Плантагенетов и о святости древних королей. Подобно Вильгельму Аделину, лорд Эдуард, как будут звать его позже, должен был воплощать в себе и древнее прошлое Англии, и ее будущее и подарить монархии Плантагенетов новую идентичность. Генрих утверждал в королевстве, стране и в семье собственный взгляд на историю и монархию.

Но вскоре большая королевская семья дала трещину. На церемонии очистительной молитвы Элеоноры после рождения Эдуарда король разругался с де Монфором, и эта ссора повлекла за собой непредвиденные, но смертельные последствия для каждой из сторон.

С момента своего скоропалительного возвышения де Монфор испытывал финансовые трудности. Ему дорого обошлась покупка доли графства Лестер, причитавшейся его брату Амори; в 1237 году он принял крест, что тоже потребовало расходов; жена его была известная мотовка – в итоге положение зятя короля оказалось ему не по карману. В 1239 году де Монфор занял 2000 фунтов у Томаса Савойского и назвал Генриха в качестве поручителя, даже не посоветовавшись с ним. Генриху не понравилось, что его друг так свободно распоряжается королевскими милостями, и он устроил скандал прямо в церкви. Возможно, у их размолвки были и другие причины: в политическом смысле Генриху дорого обошлось решение отдать сестру в жены де Монфору, но так или иначе, резко сменив милость на гнев, Генрих набросился на де Монфора и сестру, беременную во второй раз, и обвинил Симона в том, что тот соблазнил его сестру еще до свадьбы. Было ли это правдой, неизвестно, но король был так зол, что де Монфорам пришлось бежать из Англии.

Сосланный де Монфор решил исполнить свой обет крестоносца. Ричард, граф Корнуоллский, оправдывая репутацию продолжателя дела своего дяди и тезки, между 1239 и 1241 годом возглавил крестовый поход в Палестину, и де Монфор с

энтузиазмом к нему присоединился. Крестовый поход баронов, как его станут называть, был довольно успешным, и в союзе с Теобальдом IV Шампанским Ричарду удалось освободить Галилею и укрепить Аскалон. Пока ее муж воевал в Утремере с неверными, Элеонора де Монфор жила в Бриндизи, в Южной Италии, воспользовавшись гостеприимством своего зятя Фридриха II.

Этого времени хватило, чтобы король остыл и вернул де Монфору свое расположение. Когда де Монфор в 1242 году вернулся с Востока, Генрих принял его по-дружески. Английский король к своей выгоде воспользовался наследственными спорами в Уэльсе между сыновьями Лливелина Великого: он встал на сторону сына Лливелина Давида, признал его новым правителем Гвинеда и принял его ленную присягу в Глостере, утвердив верховную власть монархии Плантагенетов. Одержав победу дома, Генрих, как и его отец в свое время, задумал еще раз заявить права Плантагенетов на заморские территории. Он начал планировать военную экспедицию в Пуату. Английская знать не испытывала по этому поводу энтузиазма и отказалась дать денег на крупную завоевательную кампанию. Чтобы осуществить вторжение, нужное исключительно ему одному, Генриху требовались все средства и таланты, какие он только мог найти. Он отчаянно нуждался в способностях де Монфора.

Тем не менее вылазка в Пуату закончилась катастрофой: английская армия была мала, денег не хватало, на службу явились жалкие 200 рыцарей, пуатевинские так называемые союзники без конца подводили, а Людовик IX обыгрывал стратегически. Де Монфор сражался как герой, но дело было безнадежным. Генрих III Плантагенет потерпел ряд унизительных поражений, показав себя худшим главнокомандующим, какого когда-либо порождала эта семья. Кампания стала причиной очередной ссоры с Ричардом Корнуоллским, которому Генрих, вопреки совету своей королевы, пообещал Гасконь в качестве вознаграждения за отважную службу безнадежному делу. Под Сентом де Монфор во всеуслышание сравнил Генриха с Карлом Простоватым, французским королем X века из рода Каролингов, чьи военные неудачи привели к тому, что собственные подданные посадили его в тюрьму. Даже если на людях они изображали согласие, было ясно, что дружба де Монфора и Генриха вряд ли долго протянет. Надежда, что кто-нибудь из свойственников Генриха сможет обеспечить своему благочестивому, но беспомощному королю еще хоть сколько-нибудь спокойных лет, все больше казалась тщетной.

Святая монархия

12 октября 1247 года слабый свет свечей всю ночь мерцал в королевской опочивальне. Это был канун праздника перенесения мощей святого Эдуарда, теперь святейшего из королей в истории английской монархии и тезки старшего сына Генриха. Король благоговейно преклонил колена и погрузился в покаянную молитву. Он постился, питаясь одним только хлебом и водой. Проводя ночь в ревностном служении, в густом чаду свечей, он готовился к церемонии освящения монархии.

Следующий день должен был ознаменоваться пышным, великолепным и благочестивым торжеством. Генрих купил у аристократов Утремера хрупкий хрустальный сосуд, хранивший каплю крови Христовой, пролитой Им, когда Он претерпевал страстные муки на Кресте. Новое приобретение прекрасно вписалось в королевскую коллекцию священных реликвий, в которой уже был камень, хранивший отпечаток ступни Иисуса, оставленный им непосредственно перед Вознесением. В день святого Эдуарда, церковный праздник, осенивший историю английской монархии благостью сонма святых, Генрих представит Вестминстерскому аббатству свой новый подарок – величайшую христианскую реликвию Западной Европы, с которой не сравнится даже принадлежащий Людовику IX Терновый венец.

В кои-то веки ему было что праздновать. Для разнообразия заняв себя мирной деятельностью, его брат Ричард Корнуоллский контролировал выпуск новой монеты, которая вернет доверие обесценившейся английской валюте и принесет обильную прибыль и казне, и графству Корнуолл. Были и другие хорошие новости: восстание валлийцев, последовавшее за подчинением Давида ап Лливелина Генриху в 1241 году, закончилось, и в апреле 1247 года союз уэльских принцев снова принял условия английской короны, покорившись Генриху как своему феодальному сюзерену. Власть английского короля простерлась над Уэльсом дальше, чем когда бы то ни было со времен правления его отца. Семья Плантагенетов тем временем росла: в мае Генрих выдал двух родственниц королевы за двоих своих подопечных: графа Линкольна и лорда Коннахта. Близкий круг короля прирос двумя влиятельными баронскими семьями, и Генрих почувствовал себя увереннее в своем королевстве.

По убеждению Генриха, его правление легло на нужный курс. И вот, когда забрезжил рассвет, все священнослужители Лондона собрались под гигантским деревянным шпилем кафедрального собора Святого Павла, одетые, согласно праздничному

церемониалу в сутаны и мантии с капюшоном; их окружали причетники, державшие церковные символы и кресты. Сотни свечей разогнали темноту осеннего утра. Все ждали короля.

Генрих приехал, одетый в простой плащ без капюшона – кающийся грешник, чье скромное платье выделялось на фоне роскошных нарядов его свиты. Он вошел в собор, крепко сжимая в поднятых над головой руках маленький хрустальный фиал; взгляд направлен вверх, на изумительную реликвию и дальше – в небеса. Затем он возглавил крестный ход из Лондона в Вестминстер.

Это было нелегкое предприятие. Король был вымотан постом и бессонной ночью и чуть не падал, спотыкаясь о рытвины и колдобины. Но его искренняя любовь к показной набожности и несгибаемая вера в славу своей монархии искупала все трудности. Он всю жизнь обожал пышные демонстрации королевского благочестия, с тех пор как в возрасте 13 лет с благоговейным трепетом наблюдал в часовне Святой Троицы в Кентербери, как останки святого Томаса Бекета переносили в великолепную золотую раку, украшенную драгоценными камнями. Может, именно это воспоминание всплывало в его памяти, когда он шествовал со святой кровью в ноющих руках: он нес свой трофей, подняв его высоко вверх, а два помощника поддерживали его локти.

Участники процессии еще издалека услышали восторженный шум толпы, ожидающей их в Вестминстерском аббатстве. Из дверей церкви доносились песни, плач и воззвания к Святому Духу. В 1245 году в церкви началась серьезная реконструкция: ее перестраивали в стиле французской готики. Чтобы она максимально походила на великолепные французские соборы – Сент-Шапель, Сен-Дени и Реймсский – и даже превосходила их, королю придется потратить около 45 000 фунтов. К фасаду пристроят стройные, устремленные ввысь колонны, добавят сводчатые окна с витражами; основной вес кровли будет перенесен со стен на арочные контрфорсы.

Охваченный религиозным экстазом король не остановился, когда процессия приблизилась к церкви. Сжимая склянку над головой, он прошествовал дальше и сделал круг почета – вокруг церкви, в прилежащий к ней дворец и в конце концов в свои личные палаты. Закончив обход, Генрих вернулся в церковь и, как выражение не только щедрости короля, но и его чуть ли не Божественного величия, преподнес бесценный дар Богу, церкви Святого Петра в Вестминстере, обожаемому святому Эдуарду и клирикам аббатства.

Этот расточительный спектакль стал самой пышной из

торжественных церемоний, устроенных Генрихом. Он разыграл перед глазами собравшихся триумфальную сцену, которой позавидовали бы утонченные дворы Людовика IX и Фридриха II. В завершение церемонии епископ Норвича прочел проповедь, в которой упирал на превосходство реликвии Генриха над любой другой реликвией Европы: «Крест – святейший предмет, но святым его сделала пролившаяся на него кровь Христова; не наоборот – не Крест одарил своей святостью Его кровь».

По словам Матвея Парижского, после он добавил: «…только благодаря благочестию и великой вере короля Англии, самого преданного христианина из всех христианских принцев, Иерусалимская патриархия рассталась с этим бесценным сокровищем… потому что все знают, что нет в мире другой такой благочестивой и верующей страны, как Англия».

Так Генрих понимал свой королевский сан: служба, исполняя которую, необходимо превзойти в святости всех предшественников и своим почтением к Исповеднику продлить линию английских королей до времен, предшествовавших Завоеванию. Как и Генрих I, король привязывал свое владычество к древней саксонской династии, прославляя его английский базис, а не только нормандскую и анжуйскую надстройку.

Но дело было не только в генеалогии. Королевская власть Генриха представала здесь вопросом не права и завоевания, но богоданности. Генрих показал себя королем – хранителем Церкви, а не ее гонителем, как часто случалось в правление его отца и деда; он обогащал и защищал Церковь, сохраняя дух коронации, на которой он был миропомазан и приобщился к Богу и его святым. Это была и дань растущему в его душе стремлению: стать королем-крестоносцем. Вот идет Генрих-заступник, Генрих-пилигрим, Генрих-благодетель, обращающийся напрямую к душе Англии и к ее истории.

Обращался он и к английской знати. После церемонии Генрих сбросил свой нищенский костюм и облачился в блестящий наряд из дорогой ткани, перевитой блестящей металлической нитью и украшенной золотом. Водрузив на голову простую золотую корону, он посвятил в рыцари своего брата по матери, лузиньянского аристократа Уильяма де Валенса, и нескольких своих пуатевинских и гасконских вассалов. Король – священник и паломник – теперь сделался предводителем знати.

И хотя за стенами Вестминстера было полно людей, сильно сомневавшихся, что кровь Христова, пролитая на Голгофе, могла сохраниться на протяжении 13 веков, богобоязненное представление Генриха вполне соответствовало моде того времени: осенняя версия весеннего праздника Тела Христова,

учрежденного годом ранее в епископстве Льежа в качестве ежегодного торжества. Спектакль был великолепен до невозможности, как позаботился подчеркнуть в описании, заказанном королем, хронист Матвей Парижский, посещавший все церемонии. Но принес ли он какие-либо политические результаты?

На пути к войне

Ответ, увы, был отрицательным. К концу 1240-х годов Генриху удалось лишь нарисовать парадный портрет королевского величия. Но, несмотря на все его успехи в переписывании мифологии Плантагенетов, к концу четвертого десятилетия царствования Генриха III обступили политические кризисы всех видов и размеров. С 1247 года на короля без конца валились проблемы, по большей части спровоцированные им самим, и к 1258 году они вылились в самый серьезный за полвека политический кризис. События развивались стремительно: к концу 1250-х годов королевство погрузилось в хаос.

Все началось в 1248 году, когда Генрих решил поставить себе на службу таланты своего непостоянного друга Симона де Монфора. В мае 1247 года он убедил де Монфора отказаться от плана покинуть Западную Европу и отправиться в новый крестовый поход. Вместо этого он послал его стабилизировать неспокойный заморский домен короля Гасконь. После провальной экспедиции в Пуату в 1242–1243 годах Генриху нужно было усилить те французские земли, в чьей верности он пока еще мог быть уверен. Он снарядил де Монфора в Гасконь в должности наместника и наделил его полномочиями, позволявшими править фактически самостоятельно, защищая интересы Англии от посягательств бесчисленных враждебных сил, окружавших герцогство: Франции, Кастилии, Арагона и Наварры.

Де Монфор рьяно взялся за дело. Получив неограниченную свободу действий в мятежной стране, вдали от бдительного ока английского правительства, поначалу он блестяще выполнял свои обязанности и, заключив ряд союзов с вельможами региона, возвел у границ герцогства дипломатический щит. Но вскоре у него закончились деньги, зато прибавилось врагов. Беспокойная гасконская знать во главе с несговорчивым бунтовщиком Гастоном Беарнским отказалась смириться с бесцеремонным правлением де Монфора. Сопротивление было жестоко подавлено. Де Монфор конфисковал земли, разрушал замки и, что хуже всего, вырубал виноградники – немыслимо суровое наказание для страны, чьим основным источником дохода было виноделие.

В 1252 году в Гаскони начались волнения. Не зная, как поступить, Генрих приказал де Монфору предстать перед судом королевского совета. Это было сложное дело, задевшее чувства обеих сторон. Против де Монфора были выдвинуты серьезные обвинения. Гасконцы называли его «гнусным предателем»,

говорили, что он грабил людей, бросал своих врагов в темницы и морил их там голодной смертью.

Согласно Матвею Парижскому, де Монфор был глубоко оскорблен этими наветами. Когда гасконцы высказали свои претензии, он набросился на Генриха: «Неужели, милорд король, вы прислушаетесь к словам этих предателей, и впустите их в сердце, и поверите тем, кого так часто ловили на измене, а не мне, вашему верному слуге?»

Генрих беспечно ответил: «Если ты не виноват, расследование никакого вреда тебе не причинит». Этим он, конечно, никого не успокоил.

Когда дело де Монфора представили на рассмотрение сочувственно настроенным баронам Генриха, обе стороны дали волю эмоциям – и языку. Де Монфор произнес гневный монолог, осуждая неразумную готовность Генриха поверить жалобам гасконцев, а потом спросил короля: «Кто поверит, что ты христианин? Неужели ты никогда не исповедовался?»

Генрих ответил: «Исповедовался».

Согласно записям Матвея Парижского, де Монфор язвительно парировал: «Но что толку от исповеди без раскаяния и искупления грехов?»

Так оскорбить благочестивого короля в присутствии всех важных персон Англии было по меньшей мере непродуманным поступком. Некогда сердечные отношения Генриха и де Монфора дали очередную трещину. Хотя королевский суд склонился на сторону графа и де Монфор ненадолго вернулся в Гасконь, само его присутствие там провоцировало волнения. Генриху пришлось приехать в герцогство лично, привести его к повиновению – что обошлось ему недешево – и подготовить для передачи сыну в качестве удела. В надлежащий срок, а точнее 1 ноября 1254 года, когда лорд Эдуард женится на Элеоноре Кастильской в аббатстве Санта-Мария-ла-Реал-де-Уэльгас в Кастилии, Генрих отдаст ему герцогство в качестве свадебного подарка, чем поставит точку в этом непростом деле.

Выполняя свою часть договоренности, Генрих полностью оплатил услуги де Монфора. Но бросил бывшему другу обидную фразу, пропитанную горечью от разрыва отношений, и облек в слова чувство, которое будет тлеть следующие десять лет: «Я никогда не жалел ни об одном своем поступке так сильно, как жалею сейчас, что разрешил тебе приехать в Англию, получить земли и почести этой страны, в которой ты нажился так, что начал сопротивляться моей власти».

В эти десять лет рушилась не только дружба: проблемы сыпались со всех сторон. С момента совершеннолетия Генрих

лелеял мечты о возвращении наследства Плантагенетов – объединении Нормандии, Анжу и Аквитании под властью английской короны. Но большинству его современников было совершенно ясно, что реальные попытки реализовать эти намерения никак не вписываются в его бюджет. Людовик IX без труда мог заплатить 150 000 ливров за Терновый венец и собрать 1 000 000 ливров в фонд крестового похода, а Генрих III каждые четыре-пять лет еле наскребал монет, чтобы пересечь Ла-Манш и предпринять очередную попытку вторжения.

Невозможно было закрывать глаза на факт, что, в отличие как от своих предков, так и от своих противников, Генрих был беден. Средства, которые ему удавалось вытрясти из своих английских владений, доходы, извлекаемые из правительства, судопроизводства и торговли, покрывали его нужды в мирное время – при условии строгого учета и контроля. Когда Генрих не гнался за возвращением Пуату, он был вполне платежеспособен. Но для ведения крупной завоевательной войны ему никогда не хватало ресурсов.

Генрих изо всех сил старался это скрыть. Его девизом, украшавшим стену расписанного батальными сценами зала в Вестминстерском дворце, была фраза «*Ke ne dune ke ne tine ne prent ke desire*», что можно вольно перевести как «Тот, кто не жертвует тем, что любит, не получает того, чего желает». Он стремился создать себе имидж не стесненного в расходах короля, чье великодушие окупается сторицей. Он питал страсть к драгоценным камням и блестящим металлам, много тратил на архитектурные проекты и не ограничивал себя в расширении коллекции обожаемых им предметов искусства и ювелирных изделий (увы, в 1260-х годах ему придется заложить большую часть своих сокровищ). Равняясь на Людовика IX, он путешествовал в роскоши, спонсировал дорогостоящие церковные стройки, делал щедрые пожертвования своим любимым церковным организациям и святилищам, а ежедневную мессу служили для него священники в дорогих облачениях. Он складировал золото – укрепляющуюся в Европе валюту – в личных покоях и жил в окружении золотых слитков, золотой фольги и золотого песка. Но, в отличие от Людовика, чей годовой доход, превышавший 70 000 ливров, был в два раза больше доходов английского короля, за этим блестящим фасадом Генрих скрывал глубокий структурный кризис королевской системы финансов.

Не имея возможности финансировать победоносную завоевательную войну самостоятельно, Генрих раз за разом прибегал к грабежу определенных слоев населения, прежде всего

евреев, и взимал налоги, которые мог теперь получить только с согласия своих именитых подданных. Мы уже знаем, что в царствование Генриха, в договоре 1225 года, был заложен принцип *quid pro quo*: политические уступки в обмен на налоги. В итоге к концу 1240-х годов знатные люди Англии уже считали совещания с королем законной и привычной возможностью высказать свои претензии к государственной политике. Когда Генрих в 1236 году перенес туда рассмотрение судебных дел, у этих встреч появилось официальное название: «парламент».

Между 1248 и 1249 годом четыре созыва протопарламента запретили Генриху взимать налог, необходимый Симону де Монфору для завоевания прилегающих к Гаскони земель. Они не просто отказались давать деньги, они еще и громко жаловались на всепоглощающую коррупцию на местах. Теперь Генрих мог раздобыть денег только продажей королевских сокровищ; абсурдной вторичной перечеканкой монет, к которой он прибег в 1257 году, используя в качестве валюты не серебро, а золото; и крупными займами у знати, в том числе у своего брата Ричарда.

Столкнувшись с упорным нежеланием баронов платить налоги, Генрих решил поднажать на другие, менее стабильные источники дохода. Он принялся еще больше обирать простых рыцарей и подданных низкого происхождения.

В 1250-х регулярный грабеж евреев приносил все меньше дохода. Путешествующий двор Генриха попытался наверстать упущенное, с удвоенной силой эксплуатируя судопроизводство. Шерифы – назначаемые центральной властью официальные лица, зачастую иностранцы, которых король отправлял в графства контролировать правительство на местах, – становились все ненасытнее в стремлении собрать средства. Игнорируя дестабилизирующий эффект, который эта постыдная стратегия оказывала на местах, Генрих назначал на шерифские должности своих сторонников и заставлял их выжимать деньги из людей, с которыми их ничего не связывало и которым они были не подотчетны. Корона тем временем направо и налево продавала феодальные привилегии, непредсказуемым образом жонглируя размерами королевских поборов на местах. Все это шло вразрез с духом, а иногда и с буквой Великой хартии вольностей.

В 1250-х годах правительство Генриха уже всерьез раздражало английскую знать. Проблемы были вызваны расколом при дворе, и одной группировкой в особенности: недавно прибывшими ко двору родственниками короля, которых прозвали Лузиньянами.

Братья-Лузиньяны – Уильям и Эмер де Валенс – были младшими единоутробными братьями Генриха, сыновьями его

матери королевы Изабеллы Ангулемской от ее второго брака с Гуго X Лузиньяном. Лузиньяны бунтовали против Людовика IX во время неудачной кампании Генриха в Пуату в 1241–1242 годах, и французский король был очень зол на всю эту семью. Уильям, Эмер, их братья Ги и Жоффруа и сестра Алиса приехали в Англию в 1247 году. Генрих принял их с почестями, оказал им всяческое гостеприимство и посвятил Уильяма в рыцари на пышной церемонии в Вестминстере 13 октября 1247 года. Но беспечная щедрость короля к Лузиньянам вызвала всеобщее недовольство, усиленное ксенофобией по отношению к явно своекорыстной группе определенно неанглийского происхождения. Уильяму де Валенсу, кроме посвящения в рыцари, был пожалован брак с наследницей Маршалов: он стал лордом Пембрука и множества других поместий и замков в Уэльсе и на границах с ним. Эмер стал избранным епископом Винчестера, а Ги и Жоффруа получили деньги и опекунства. И, что самое обидное, на них, как на друзей короля, не распространялось королевское правосудие.

Лузиньяны были той еще шайкой. Они прибыли вместе и внедрились в жизнь Англии сообща, так же как в 1230-х годах савойские дядья королевы. Однако, в отличие от савойцев, они вели себя намного грубее и бесцеремоннее, а отношения между этими двумя группировками были весьма напряженными. Лузиньянов считали – и не зря – заносчивыми, дурно воспитанными, вспыльчивыми, спесивыми, высокомерными и вздорными. Даже в обществе, где насилие было обычным делом, они умудрились выделиться на общем фоне. Эмер, поссорившись с дядей королевы Бонифацием, архиепископом Кентерберийским, отправил вооруженную банду своих дружков грабить Ламбетский дворец: вынесли деньги, серебро и посуду и, взяв заложников, удрали в принадлежавший им замок Фарнхэм. Король, которому Лузиньяны ссужали деньги, не наказал их должным образом ни за это, ни за другие преступления. Наоборот: в 1256 году Генрих приказал не давать хода жалобам против своих фаворитов. Правительство не выполняло своих обязательств, и неудивительно, что это бездействие считали прямым нарушением пункта Великой хартии вольностей, запрещавшего отказывать в правосудии или замедлять его.

И это только один пример из множества. К середине 1250-х годов бароны, как и вся страна, считали, что новые фавориты манипулируют королем, и от этого страдает правление в целом. Как позже бароны писали папе: «…если кто-то подает жалобу и ищет справедливости против Лузиньянов… король чрезвычайно ополчается против жалобщика: он, который должен быть милостивым судией, превращается в страшного врага».

Последняя фраза содержит самую суть их претензий. Король-судья стал королем-агрессором. Своей чрезмерной мягкостью к братьям Лузиньянам Генрих поставил под сомнение свою основную обязанность по условиям Великой хартии вольностей и по убеждению его баронов: долг короля – обеспечить доступное, дееспособное и в разумных пределах беспристрастное правосудие. Он же злоупотреблял государственной властью, чтобы потрафить частным интересам. Слабовольный король удивительным образом превратился в тирана – если рассуждать в терминах классической политической философии.

Но хуже всего было то, что Генрих постепенно терял связь с реальностью. Главной бедой 1250-х, связанной со всеми прочими проблемами королевства и демонстрирующей как представление Генриха о сути королевской власти, так и глубину его неизлечимой глупости, стала ситуация вокруг Сицилии – острова, расположенного далеко от границ английского королевства.

Сицилийская авантюра родилась от брака двух одержимостей Генриха: его вдохновенной религиозности и его маниакального стремления возродить империю предков. В 1250 году Генрих решил принять крест, и это заметно изменило его внешнюю политику. Потратив десятилетия на создание антифранцузских альянсов на востоке – важнейшим из них был союз с императором Фридрихом II, которому Генрих отдал в жены свою сестру, – король внезапно сменил курс.

Теперь он мечтал отправить на Восток большую армию и отвоевать Иерусалим. В 1228 году, в ходе Шестого крестового похода, Фридрих II вернул город христианам, но в 1244 году в Иерусалим вторглись свирепые хорезмийские племена и практически стерли его с лица земли. В 1248 году плащ крестоносца надел Людовик IX, и Генрих намеревался к нему присоединиться. Какое-то время он успешно собирал налог на крестовый поход, и это не было циничной финансовой махинацией. Благочестивый Генрих, украшавший дворцы изображениями мифической дуэли Ричарда Львиное Сердце с Саладином, искренне мечтал о славе, которую он вернет дому Плантагенетов, возродив традиции крестовых походов.

К несчастью, замечательным планам Генриха мешали его гасконские обязательства, поглощавшие время и – что еще важнее – деньги. Обложив налогом Церковь, он скопил значительную сумму, но к 1225 году почти все собранные им средства провалились в бездонную гасконскую яму, уйдя на восстановление там порядка после злополучного наместничества де Монфора. Однако честолюбивые мечты короля-крестоносца не потускнели. Вместо того чтобы отказаться от своих планов, он

пересмотрел их и перевел взгляд с Утремера поближе к дому. В 1254 году папа Иннокентий IV принялся навязывать европейским принцам теоретически свободную корону Сицилии, утверждая, что имеет право ей распоряжаться как феодальный сюзерен острова. Генрих ухватился за эту возможность. Он мог бы вернуть себе далекую, некогда принадлежавшую Плантагенетам землю, соединив в этом предприятии свой энтузиазм крестоносца с честолюбивым стремлением восстановить утраченное наследие.

У семьи действительно имелись кое-какие связи с Сицилийским королевством. Тетка Генриха Иоанна – дочь Генриха II и Алиеноры Аквитанской – в 1180-х годах была королевой Сицилии и пленницей короля Танкреда II в 1190-х. Ричард I освободил ее, продвигаясь на Восток в ходе Третьего крестового похода, а затем, чтобы преподать Танкреду урок, завоевал остров целиком. В результате королевство – стратегический участок земли в борьбе за власть в Италии и Центральной Европе, которую императоры десятилетиями вели с папским престолом, – оказалось втянуто в бесконечные войны. В 1254 году Генрих отправил к папе послов с просьбой отдать королевство его второму сыну, Эдмунду. В марте того же года папский легат с готовностью удовлетворил его требование.

Если бы Генрих был богаче, свободен от других проблем и обладал талантом военного стратега, обретение Сицилии для его второго сына стало бы свершением, достойным панъевропейской геополитики, в которой поднаторел его дед Генрих II. К сожалению, все вышло не так. Генрих был наивным мечтателем, увлеченным строителем воздушных замков. Ричарду, графу Корнуоллскому – горячая голова, но поумнее брата (в 1256 году его изберут королем Германии), – предложили корону Сицилии в 1252 году. Он отказался без колебаний, сказав папскому нунцию: «Вы с тем же успехом могли бы заявить: "Я подарю – или продам – вам луну; лезьте, возьмите ее"».

Как бы там ни было, в 1254 году мечты Генриха о крестовом походе трансформировались в обязательство финансировать завоевание Сицилии от имени папы. В мае 1255 года об этом было объявлено официально. Парламент остолбенел, когда – конечно же, в день святого Эдуарда, 13 октября 1255 года, – собравшимся магнатам сообщили, что под обеспечение сицилийской экспедиции Генрих влез в долги и занял у нового папы Александра IV 135 541 марку. Это была ошеломительная сумма, вероятно в три раза больше, чем Генрих мог собрать путем налогообложения церквей, и по иронии судьбы немногим меньше 150 000 марок, которые пришлось заплатить Ричарду I, чтобы освободиться из плена, куда он попал, возвращаясь из Третьего

крестового похода.

Изумленные бароны услышали, что за счет этого фантомного богатства Генрих собирается финансировать армию, которая пешком пройдет через Францию до Сицилии, используя проходы в Альпах, подконтрольные Генриху благодаря его связям с Савойей. Из Южной Италии войска «десантируются» на остров и овладеют королевством. Чрезвычайно амбициозный план – особенно учитывая прежние жалкие успехи Генриха на ниве военного искусства. Дальше – больше: Генрих заранее согласился с тем, что в случае неисполнения этого обязательства на Англию будет наложен интердикт, а самого его отлучат от Церкви.

Это была полная катастрофа. Однако Генрих излучал уверенность в успехе предприятия. Он превращал в спектакль официальные объявления обо всем, что касалось его прожекта. Он привечал в королевстве сицилийское духовенство. Устроил празднество в честь избрания брата Ричарда королем Германии (Ричарда избрали в 1256 году и возвели на трон в следующем), уверенный, что обрел полезного союзника в своем сицилийском проекте. И, что самое нелепое, в марте 1257 года Генрих представил удивленным магнатам и прелатам нового короля Сицилии, своего 12-летнего сына Эдмунда, облаченного в полный апулийский костюм.

Правда же заключалась в том, что ни один аспект его сицилийского предприятия не имел даже отдаленной связи с реальностью. «Знать королевства горевала, что обречена на такое несчастье глупостью одного человека», – писал Матвей Парижский. Генрих, уверенный, что новый «крестовый поход» понравится знати, обнаружил, что бароны презирают его за безответственный авантюризм. Магнаты отказались участвовать в финансировании экспедиции и при каждом удобном случае предъявляли бесконечный список проблем, связанных с этой опасной затеей. Но Генрих поклялся исполнить обет – а нарушать клятвы он был отнюдь не так склонен, как его отец, – завоевать для папы римского далекий остров, важный символически, но почти не имеющий практической ценности.

К 1257 году финансовые проблемы, раскол при дворе и ошибки внешней политики слились воедино, и Генриха настиг идеальный шторм. Страна все сильнее сомневалась в его способности править. Казна опустела. Лузиньянов ненавидели. Он же упорствовал в своем сицилийском сумасшествии, ради которого заложил собственное королевство и бессмертную душу – без всякой надежды выкупить их обратно. Новый папа Александр IV поднимал шум и грозил – вероятно, не совсем искренне – привести в исполнение приговор интердикта и отлучения. А в

1258 году бароны Генриха, которых он созвал на парламент в Вестминстере в надежде каким-нибудь чудом получить от них помощь на оплату сицилийского прожекта, прибыли в радикально реформаторском настроении.

Если какая-то одна сцена может ярче всего отразить душевное состояние Генриха в 40-й год его царствования, это та, которую он в 1256 году приказал нарисовать в своей гардеробной в Вестминстере – приватном помещении, где королю мыли голову и где он проводил часы уединения. В этой сцене свора верных псов спасает короля от заговорщиков из числа его приближенных. Ребенком Генрих был свидетелем вторжения врагов в королевство его отца. В 1216–1217 годах малолетний король наблюдал, как бароны обратились против семейства Плантагенетов и пригласили на трон Капетинга. Теперь, 40 лет спустя, английские бароны вновь взбунтовались, и эти мучительные воспоминания вернулись. Генрих наконец-то доказал, что он сын своего отца.

Оксфордские провизии

Рано утром 30 апреля 1258 года большая группа знатных господ, рыцарей и их сторонников, лязгая оружием и доспехами, приблизилась к королевским палатам в Вестминстерском дворце. Впереди шествовали четверо: дядя королевы Пьер Савойский; Ричард де Клер, граф Глостерский; Роджер Биго, граф Норфолкский, и Симон де Монфор, граф Лестерский, бывший друг Генриха, ставший его головной болью.

Все они с рассвета были на ногах, нервничая в предвкушении предстоящего противоборства. Приближаясь к дверям роскошной приемной Генриха, бароны должны были понимать, что заявление, которое они готовятся сделать, королю не понравится. Согласно официальной версии, они пришли, чтобы дать ответ на прозвучавшее в Вестминстерском парламенте требование короля пожертвовать денег на разрешение сицилийского кризиса. Но на самом деле они явились, чтобы отдалить от короля его зловредных друзей Лузиньянов и взять в свои руки разрешение политического кризиса, который нельзя было игнорировать дальше. Они были связаны взаимным обещанием «оказывать друг другу помощь… против всех людей, поступать справедливо; не предпринимать ничего, если это можно сделать, лишь поступив несправедливо, сохранять верность нашему господину королю Англии и английской короне».

Их поступок был отражением времени. Когда 1257 год сменился 1258-м, Англия пришла в жалкое состояние. В конце лета 1257 года по стране пронеслась смертоносная эпидемия, затяжные ливни погубили осенний урожай, а тяжелая зима помешала подготовить поля к посеву. В стране начался мор, сельские жители умирали от голода тысячами. «Мертвые тела валялись повсюду, багровые и раздувшиеся; они лежали по пять и по шесть в свинарниках, навозных кучах или на грязных улицах», – писал Матвей Парижский.

Парламент, собравшийся тремя неделями раньше, проходил в наводящих ужас обстоятельствах. Уэльс сотрясали мятежи под предводительством грозного князя Гвинеда, Лливелина ап Гриффида. Папский посланник Арло грозил отлучением и интердиктом, если сицилийский долг не будет погашен, а Лузиньяны перестали даже делать вид, что Генрих их сколько-то контролирует. В начале апреля люди, верные епископу Эмеру Винчестерскому, убили человека из свиты влиятельного аристократа Джона Фиц-Джефри, но Генрих отказался наказывать преступников. Когда парламент в Винчестере собрался, чтобы

отреагировать на очередное требование субсидии, бароны единодушно решили, что король бессилен укротить преступную группировку, подмявшую под себя двор.

В анналах Тьюксберийского монастыря подробно описана встреча, состоявшаяся 30 апреля. Весьма вероятно, что монахи записали все со слов непосредственных участников. «С приближением третьего часа [дневной канонический час, терция – середина утра] полные решимости благородные господа, графы, бароны и рыцари отправились ко двору в Вестминстер, – пишет летописец. – Они сложили свои мечи у входа в приемную короля и предстали перед королем, поприветствовав его как их господина с подобающим почтением и преданностью». Они не были бунтовщиками – они хотели, чтобы Генрих видел в них друзей английской короны и всего, что она должна символизировать.

Генрих же не видел ничего, кроме их доспехов. Мечи, может, и лежали у входа, но сложно считать друзьями людей, которые приближаются к трону, снаряженные как на войну.

«В чем дело, господа? – спросил он. – Неужели я, несчастный, теперь ваш покорный пленник?»

«Нет, – ответил граф Норфолк. – Но пусть гнусные и нетерпимые выходцы из Пуату [то есть Лузиньяны], равно как и все другие иностранцы, удалятся от вашего лица и от нашего, словно от лика льва, и тогда наступит "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение"».

Генрих наверняка был шокирован, но вряд ли удивлен так откровенно высказанной ему претензией. Ненависть к Лузиньянам была практически всеобщей – и ворвавшиеся к нему люди, скорее всего, опирались на тайную поддержку королевы. За годы правления перед Генрихом часто вставали политические вопросы, но теперь у него закончились ответы. Биго сообщил, что все магнаты единодушно постановили: король должен пообещать подчиняться их указаниям; Генрих и лорд Эдуард должны поклясться на Евангелии, что будут руководствоваться решениями совета, состоящего из 24 баронов, половину из которых созовет король, половину – магнаты; король не будет пытаться взимать никаких налогов; а еще Генрих должен отдать королевскую печать – главный инструмент правления – ответственному человеку, названному советом двадцати четырех. Они должны избрать постоянный совет из 15 человек, который будет направлять короля в решении текущих вопросов; парламент же будет собираться три раза в год и утверждать королевских министров.

Бароны требовали невероятных вещей, но обойти их

ультиматум тем апрельским утром не было никакой возможности. События вышли из-под контроля Генриха, и противостоять коллективной политической воле баронов он не мог. В тот же день Генрих и его сын Эдуард поклялись на Евангелии исполнить все, о чем просил Биго. Проблемы копились долгих десять лет; Генрих окончательно доказал свою несостоятельность, и теперь от имени короля будет править комитет – все основные функции королевской власти перешли в руки баронов.

Но, как показал опыт их предшественников в Раннимиде, не так-то просто забрать у Плантагенетов рычаги власти и удержать их. Генрих, как когда-то Иоанн, изворачивался, пытаясь воспользоваться своим правом назначить половину комитета баронов, чтобы заполнить его Лузиньянами. Попытки его потерпели крах – ему не удалось найти и дюжины человек соответствующего статуса и ранга, которые все еще поддерживали бы его. Восемь недель спустя в Оксфорде собрался еще один парламент. Город ощетинился копьями и мечами, переполненный рыцарями, верными одной из двух противоборствующих сторон. Они все якобы ехали воевать с Уэльсом, но в реальности явились на случай полномасштабной гражданской войны.

В Оксфорде сопротивление Генриха было сломлено. Его ткнули носом в длинный перечень ошибок и провалов и обвинили в нарушении Великой хартии вольностей. «Когда парламент открылся, он принял предложения и ультимативные требования магнатов; они особенно настаивали, что король должен честно соблюдать Английскую хартию вольностей и придерживаться ее, – записал Матвей Парижский. – Более того, они потребовали назначить юстициария, который осуществлял бы правосудие с равной беспристрастностью к богатым и бедным. У них также были и другие требования, касающиеся королевства, – ради общего блага, мира и чести короля и королевства».

Генрих и Эдуард немедленно поклялись подчиниться баронским реформам, но Лузиньяны заняли жесткую позицию и ни в какую не соглашались вернуть земли и замки, полученные от короля. Им без обиняков объяснили, что случится, если они не подчинятся баронам. Согласно Матвею Парижскому, «граф Лестерский [Симон де Монфор], обращаясь к Уильяму де Валенсу, неистовствовавшему пуще прочих, сказал: "Знай наверняка и хорошенько запомни: или ты вернешь замки, которые пожаловал тебе король, или лишишься головы"». Лузиньяны в ужасе бежали из Оксфорда и нашли убежище в епархии Эмера в Винчестере. В том же году они будут изгнаны из королевства

официально, но пока что собрание парламента закончилось, говоря словами того же хрониста, «сомнительно и неубедительно».

Предложения, выдвинутые баронами в Оксфорде, были составлены в тесном сотрудничестве и после консультаций с рыцарями в округах, а задачей широкой программы реформ было не просто наладить работу центрального правительства, но и решить серьезную проблему коррупции на местах. Предложенные меры стали известны как Оксфордские провизии, и, хотя составлены они были в формате, отличном от Великой хартии вольностей, они были почти такими же всеобъемлющими. Провизии предписывали избрать в каждом графстве по четыре рыцаря, уполномоченных расследовать злоупотребления со стороны королевских чиновников, и учредить коллегию из 24 магнатов, призванных контролировать правительство. Магнаты избрали юстициарием Гуго Биго. Кроме того, кандидатов на все высшие государственные должности – от казначея и канцлера до шерифов, бейлифов, судебных приставов и кастелянов, чьими руками осуществлялась королевская власть в графствах, – тоже должен был назначать парламент. Рыцари, съехавшиеся в Оксфорд, так и не добрались до Уэльса, и военные действия там были прекращены.

18 октября 1258 года от имени короля были разосланы прокламации народу Англии и королевским подданным в Ирландии, сообщавшие о введении нового порядка и о том, что все обязаны ему подчиниться. Программа реформ была действительно общенациональной – это подчеркивает тот факт, что прокламация была написана на трех языках: французском, латыни и среднеанглийском. Там были такие слова: «Знайте все, что мы повелеваем и обещаем, что все наши советники (или большая их часть), которые были избраны нами и народом нашего королевства, действуют и будут действовать во славу Господа и из верности нам, во благо страны, по мнению вышеназванных советников, и будут твердыми и настойчивыми во всех делах до скончания века. Если какой-то человек или люди им воспротивятся, мы приказываем, чтобы все наши верные подданные держали их за своих смертельных врагов». Через два дня за нею последовала новая прокламация, подтверждающая, что четыре рыцаря в каждом графстве, назначенные согласно Оксфордским провизиям, должны приступить к расследованию коррупции среди королевских чиновников.

Обе эти прокламации были выпущены от имени Генриха, но на самом деле рычаги власти были уже не в его руках. Теперь за ниточки дергали кукловоды-бароны. Личная власть Генриха была

сильно поколеблена, его друзья были изгнаны из королевства, а власть короны перешла к баронам. В следующие три года править страной будет совет магнатов, а послы баронов будут вести мирные переговоры в Уэльсе и Франции и пытаться убедить папу забыть всю печальную сицилийскую историю. Симон де Монфор начал свое восхождение к политическим вершинам – еще не регент, но уже ведущая партия нового режима. Генрих, как всегда в моменты кризиса, исчез и с головой погрузился в ревностное религиозное служение. Покинув Оксфорд, он объехал свои любимые аббатства Сент-Олбанс, Бери-Сент-Эдмундс и Уолтем, оплакивая смерть трехлетней дочери Екатерины, скончавшейся в 1257 году. В его отсутствие баронские реформы шли полным ходом. В Вестминстерских провизиях, выпущенных в октябре 1259 года, была определена широкомасштабная программа реформирования законодательства и правительства и установлен график, согласно которому выездным судам предстояло расследовать систематические злоупотребления со стороны королевских официальных лиц. К концу 1259 года Генрих окончательно остался не у дел. Монархия Плантагенетов, в основе которой поначалу лежали завоевательные войны, затем правление, осуществляемое через королевские институты, теперь сама была превращена в институт.

4 декабря 1259 года 52-летний Генрих III преклонил колена посреди узловатых стволов и голых ветвей яблоневого сада в роскошном Парижском дворце Людовика IX. Перед ним стоял Людовик – главный король-праведник Европы, семью годами моложе. Два глубоко верующих человека готовились осуществить один из самых священных актов монархии. Генриху понадобилось немало времени, чтобы приехать в Париж; он мог бы не добраться туда и до Рождества, поскольку в расстройстве останавливался в каждой церкви, чтобы прослушать мессу. Даже Людовик устал от компульсивного пристрастия английского короля к мессам и ускорил его прибытие, приказав закрыть все церкви, какие только можно.

Генрих никогда не был особенно жизнерадостным, но теперь он пребывал в действительно мрачном настроении. Совет баронов заключил мир с Францией, несмотря на сопротивление Симона де Монфора, извлекавшего выгоду из затянувшейся вражды, и лорда Эдуарда, который не хотел мириться с ослаблением авторитета короны. Мирный договор был заключен с одним принципиальным обременительным условием: Генрих должен был покориться Людовику как его вассал, раз и навсегда отказавшись от своих имперских претензий и признав, что владеет принадлежавшими ему континентальными землями как пэр Франции, а не как

король-самодержец. Конечно, английские короли приносили ленные присяги и раньше: Генрих II приносил ленную присягу Людовику VII в 1156 году, когда только начал свои завоевательные войны, – с целью добиться поддержки французского короля в борьбе против своего мятежного брата Жоффруа, и Иоанн приносил оммаж за Нормандию, когда плел интриги против Ричарда, – еще до того, как стал королем. Но ни одна из этих церемоний и близко не была похожа на унизительное подчинение Генриха III. Тут даже не пахло равенством: здесь лорд стоял на коленах перед своим сюзереном.

Церемония началась; архиепископ Руана зачитал условия мирного договора. Его голос плыл над садом, утверждая новый мировой порядок. Генрих окончательно отказывался от своих прав на земли, которыми когда-то владели Генрих II и Ричард I: Нормандию, Мен, Анжу и Пуату. На юге он сохранял за собой права только на Гасконь и на владения жены, в том числе Сентонж и Ажен. В качестве вынужденной благодарности за понижение статуса его обязали заплатить Людовику 15 000 марок и спонсировать французского короля, взяв на содержание 500 рыцарей-крестоносцев сроком на два года. Так Генрих вступил в ряды французской аристократии: более не принц волею Божьей, но герцог волею короля.

Компания, собравшаяся поглазеть на церемонию, стояла всего в нескольких сотнях ярдов от ценнейших священных реликвий Запада: в красивейшей капелле Людовика, Сент-Шапель, хранились Терновый венец и фрагменты Святого Креста. Но даже святость и великолепие окружающей обстановки не могли затмить того факта, что, преклонив колена перед французским королем, Генрих окончательно подвел черту под великой главой в истории английской монархии.

Генрих сойдет в могилу, считая себя королем нормандцев и анжуйцев. Но свет больше не станет притворяться, будто английский король сохраняет какую-то убедительную политическую связь с Ле-Маном и Анжером, Руаном и Туром. Даже жалкие обломки герцогства Аквитанского, независимость которого от Франции на протяжении десятилетий гордо и решительно отстаивала Алиенора и ее семья, были признаны французским фьефом. Об этом позаботились бароны Генриха. В географическом, политическом и феодальном смысле во фруктовом саду, в нескольких сотнях ярдов от Святого Креста, была, наконец, констатирована смерть империи Плантагенетов.

В XIII веке главным трендом среди великих государств Европы стала консолидация. Людовик IX завершил труд, начатый его дедом Филиппом Августом, и распространил суверенитет

Франции на земли от Фландрии до Тулузы. Западная Европа, в XII веке пребывавшая в аморфном, текучем состоянии, со скрипом принимала форму. Генриху пришлось смириться с переменами в мире, где корона Плантагенетов не была больше ни анжуйской, ни англо-нормандской, а только и исключительно английской. Парижский мир это подтвердил. Сицилийский провал продемонстрировал, что рассвет Плантагенетов – век, когда власть и родственные связи английских королей простирались от Шотландии до границ Утремера, – позади и вернуть его невозможно, ни финансово, ни политически. Английские горизонты сузились.

Парижский мир в каком-то смысле стал результатом фундаментального сдвига в природе монархии, прогрессировавшего на протяжении первых 43 лет правления Генриха. Теперь политическое сообщество Англии не просто оказывало на короля влияние, но активно определяло политическую повестку. Постоянные переиздания Великой хартии вольностей и Лесной хартии – в обмен на финансирование заморских войн – изменили пределы и порядок королевского правления, став основой для соглашения между короной и политическим сообществом – соглашения, определяющего, как именно должен править король. Настойчивое сопротивление баронов обреченным на неудачу, оторванным от реальности амбициям Генриха III ускоряло перемены, законодательно закрепленные в Оксфордских провизиях – итоговом документе их правового протеста. Провизии ясно дают понять, что некогда жесткая иерархическая конструкция монархии и знати на протяжении первой половины XIII века перестраивалась, превращаясь в своего рода партнерство. В рамках этого партнерства королевская власть вошла в структуру государственного управления – единого, но подчиняющегося все более безличным законам, которые политическое сообщество может при необходимости корректировать.

Современники характеризовали Генриха по-разному. Папа Александр IV в 1258 году прославлял его как *Rex Christianissimus*, самого христианского из королей. Но в веках осталась характеристика Данте: *vir simplex* – простак. Генрих изображал себя славным королем, но на самом деле он был слабым и безвольным; он тонко чувствовал искусство, но совершенно не разбирался в политике и не поспевал за быстро меняющимися временами.

Его одержимость прожектами – если не полностью бестолковыми, то определенно непосильными для такого короля – завела его прямиком в финансовый и политический

тупик. В его окружении было множество талантливых личностей, но он упорно слушал худшие советы недостойных людей в неподходящее время. Ему не хватало ни здравого смысла, ни рассудительности, чтобы выбираться из бед, которые он сам на себя навлекал. В моменты кризиса «самый христианский из королей» обычно исчезал в одном из своих таинственных туров по святилищам. Выросший без отца, брошенный матерью, он был лишен возможности наблюдать, как правят другие короли, и всю жизнь им манипулировали. Генрих с самого начала был неподходящим кандидатом в короли – эта должность требует железной уверенности в себе и такой же самодисциплины.

И в то же время в определенных обстоятельствах, Генрих умел безукоризненно и с явным удовольствием разыграть на публике роль верховного жреца. Он чувствовал, как должна выглядеть королевская власть, хотя и не мог понять, как она работает. Золотые монеты, выпущенные им в один из тяжелейших периодов кризиса, отлично это иллюстрируют. Как средство платежа монеты были абсолютно бесполезны, зато несли на себе сияющее изображение Генриха в образе Эдуарда Исповедника – восходящего национального святого и воплощения древней английской монархии. С помощью этих монет Генрих мечтал поднять английскую корону до уровня императорской – в Священной Римской империи чеканили золотые августали. Генрих мыслил масштабно и создал культ королевского величия, отраженного в витражных окнах и настенных фризах, изумительно реконструированном Вестминстерском аббатстве и дворце, а также в бесчисленных королевских резиденциях, включая великолепно модернизированный дворец в Кларендоне близ Солсбери. С подачи Генриха Англия начала интересоваться собственной историей. Он был самым талантливым пропагандистом династии среди всех своих предков и потомков – в этом и заключается его самое ценное наследие.

Однако после 1259 года Генрих во всех смыслах отстал от жизни. Он был стар и сломлен, унижен и подавлен обстоятельствами. Пока де Монфор и бароны пытались править от имени короля, локус королевской власти постепенно, но неизбежно смещался от Генриха к его 20-летнему сыну, напористому, по-солдатски решительному лорду Эдуарду. Эдуарду не суждено было стать королем в ближайшие десять лет, но в нем, бесспорно, было будущее дома Плантагенетов, если на тот момент у этой блистательной семьи вообще было какое-то будущее.

Часть IV
Эпоха Артура (1263–1307)

Островитяне все при нем объединились,
Шотландия вернулась в королевство,
И лордом тамошним был назван Эдуард.
Уэльс и Корнуолл во власти короля,
Ирландия в его руках всецело…
У самого Артура был феод поменьше.

Хроники Питера Лангтофта из Бридлингтона

Льюис

14 мая 1264 года, как только рассвело, маленькая армия без лишнего шума заняла позицию на возвышенности у города Льюис, в Суссексе. Войско было небольшим, но решительно настроенным. Под покровом ночи они пробрались сквозь гущу леса, чтобы отстоять свою землю. Теперь же воины готовились к столкновению, совершенно нехарактерному для Средневековья: к встречному бою.

Войско состояло всего из пары сотен всадников; челяди и пеших солдат было в несколько раз больше. Пока солнце карабкалось на небо, они смотрели вниз, на врага, значительно превосходившего их числом. Перед ними, вдоль линии фронта, растянувшейся почти на милю, от приората Льюис до близлежащего замка, стояла королевская армия, в которую входила почти тысяча латников, вооруженных как для вторжения в Уэльс, а также многотысячная пехота. Командовали армией принцы королевской крови, пребывавшие в злобном и кровожадном расположении духа. Армия Плантагенетов была одержима желанием отомстить мятежникам, которые слишком долго сопротивлялись власти короля. Предложение о переговорах было отвергнуто: бунтовщикам сказали, что на мир они могут рассчитывать, только если явятся сразу с веревками на шее, готовые взойти на эшафот.

Маленькое войско мятежников возглавлял 56-летний Симон де Монфор, охромевший, с поломанной ногой – на поле боя его доставили на повозке. Со дня принятия Оксфордских провизий прошло шесть лет, но де Монфор и сейчас, даже страдая от травмы, не собирался мириться с королем. В пылу праведного политического негодования он повсюду разжигал антимонархические настроения. В 1262 году Генрих получил от папы буллу, освобождающую его от обязательства подчиняться Провизиям, и де Монфор на короткое время покинул королевство, только для того, чтобы, вернувшись в 1263 году, поднять восстание. Он возглавил коалицию баронов, убежденных, что война теперь – единственный способ заставить Генриха III править согласно замыслу 1258 года. Де Монфор окружил себя молодыми аристократами, восторгавшимися его военной славой, пылкой набожностью и неустанными выступлениями против короля, которого враждебные авторы называли порочным, распущенным и несущим королевству погибель.

Восстание де Монфора началось успешно: бунтовщики захватили большую часть Южной Англии, однако в начале

следующего года удача стала отворачиваться от них. Весной Генрих и Эдуард собрали в Оксфорде мощную армию и бросили ее против сил де Монфора, организовав серию осад. К Пасхе роялисты выдавили де Монфора отовсюду, кроме Лондона. Под Льюисом де Монфор готовился дать решающий бой.

Это был отчаянный поступок. В Англии почти 50 лет не случалось генеральных сражений. По сравнению с привычной тактикой осад и грабежей битвы казались трудоемкими, непредсказуемыми и беспорядочными. Средневековые командиры избегали их так усердно, что вряд ли кто-то из рыцарей с той или другой стороны сражался хотя бы в одной.

Но сейчас, когда у подножия холмов лицом к лицу стояли две армии, было ясно, что решающий момент настал. Люди де Монфора – их можно было узнать по белым крестам на одежде – рвались в бой. В лагере короля настрой был жестким и бескомпромиссным – и прежде всего у сына Генриха, лорда Эдуарда.

Эдуарду оставалось чуть меньше месяца до 25-го дня рождения. За те шесть лет, что бушевал мятеж против его отца, он вынес немало бед и повидал достаточно насилия. Принц вырос, наблюдая, как его отец убегает и изворачивается, сопротивляясь попыткам де Монфора обуздать и реформировать институт королевской власти; он видел, как отец лишился части королевских прерогатив, подчиняясь законам и статутам, которые де Монфор и бароны навязывали ему, намереваясь взять под контроль двор короля и преследуя членов королевской семьи, чье влияние они считали вредным.

Взрослея в неспокойные годы, Эдуард часто менял свое отношение к реформам. Он воспитывался под опекой савойских братьев матери, но в 1258 году примкнул к родственникам отца – Лузиньянам. На следующий год он перешел на сторону партии реформаторов. Между 1260 и 1263 годом он менял свою позицию еще трижды. Но к 1264 году Эдуард был убежденным лоялистом.

Мнение Эдуарда о противниках в общих чертах отразил автор «Песни о Льюисе», заметивший, что под влиянием де Монфора «отсталая раса англичан, которая вечно извращала природный порядок вещей, управляла королем и его детьми». Письмо, отправленное от имени Эдуарда в ставку де Монфора за день до битвы, именовало графа «вероломным предателем и лицемером» и обещало мятежникам, что «с этого времени и далее всеми мыслями и всеми силами, где бы у нас ни явилась возможность сделать это, мы сделаем все, чтобы нанести вред вам и вашим владениям». Окруженный воинственными лордами Марки, с которыми он подружился в годы юности, Эдуард взял на себя

командование правым флангом, стоявшим перед замком Льюис; там же располагалась его ставка. Его дядя Ричард, граф Корнуоллский, который вернулся в Англию, лишившись титула короля германцев, командовал центром; отец Эдуарда, король, возглавил левый фланг, стоявший перед приоратом.

Напротив отряда Эдуарда стояло ополчение мятежных лондонцев – далеко не профессиональных воинов. Эдуард считал их наглым отребьем, предавшим Плантагенетов и смертельно оскорбившим его мать, королеву: в прошлом году горожане забросали ее мусором с лондонских улиц. Когда битва началась, кавалерия Эдуарда с ревом атаковала лондонцев.

Эдуард вел людей в атаку с напором, свойственным опытному всаднику, обожающему ближний бой. В молодости он провел несколько лет за границей, совершенствуя навыки ведения боя и выступая на турнирах, устраиваемых европейской аристократией. Теперь же бой шел не на жизнь, а на смерть, и мощь его атаки была такова, что люди Эдуарда легко смяли кавалерию противника и погнали его по долине, к берегам реки Уз. Они рассеяли ряды мятежников и несколько миль преследовали лондонцев по полям Суссекса, убивая и калеча всех, кого смогли догнать.

Когда люди Эдуарда перегруппировались и вернулись на поле боя, день уже клонился к вечеру. Основываясь на собственном успехе, Эдуард ожидал увидеть остатки монфоровской черни убитыми и плененными. Но вместо этого ему открылась сцена полного разгрома армии короля.

Оставив строй и бросившись в погоню за левым флангом врага, Эдуард склонил чашу весов битвы не в пользу армии короля. Роялисты понесли унизительное поражение. Центр армии Генриха был оттеснен атаками мятежников под стены аббатства. Ричард, граф Корнуоллский, энергично атаковал врага, но, достигнув возвышенности, обнаружил, что окружен, и вынужден был искать убежища в ветряной мельнице. Вернувшись на поле боя, Эдуард услышал, как мятежники громко распевают песни, глумятся над его дядей, засевшим в импровизированной крепости, и узнал, что отец также окружен и полностью разбит.

Битва была проиграна вчистую, единственным разумным и прагматичным решением было договориться об условиях капитуляции. Более того, де Монфор угрожал обезглавить пленных аристократов, в том числе Ричарда Корнуоллского, если соглашение не будет достигнуто. Это был знак как серьезности его намерений, так и пугающего состояния английской политики: в Англии не казнили ни одного аристократа с того дня, как Вильгельм I в XI веке обезглавил графа Вальтеофа. Генриху

позволили остаться на свободе и сохранить титул короля (это было необходимо для обеих сторон, чтобы не допустить полной анархии в стране), но в обмен де Монфор потребовал, чтобы Эдуард и его кузен Генрих Алеманский, сын Ричарда Корнуоллского, стали его пленниками.

Мир, выкованный в день битвы, станет известен как Льюисская миза. Политические условия мира в несколько измененном виде повторяли Оксфордские провизии и обязывали лордов Марки, союзников Эдуарда, предстать перед парламентом для разбирательства. Ряд политических вопросов был отдан на усмотрение Франции, а Эдуард и Генрих Алеманский отправились в тюрьму. Генрих оставался королем – с навязанным ему двором. Но теперь он более чем когда-либо был королем-марионеткой. Закулисная власть принадлежала уже не коалиции баронов, а лично Симону де Монфору.

От тюрьмы до Ившема

1264 год стал самой черной полосой в истории династии Плантагенетов. После битвы при Льюисе король лишился власти. Королеву Элеонору отправили в ссылку, и она безуспешно пыталась организовать вторжение из Франции, не оставляя попыток отвоевать королевство. Лорд Эдуард, Генрих Алеманский и Ричард Корнуоллский томились за решеткой, во власти де Монфора. В Англии длился период волнений, насилия и слабого управления. Гражданская война вспыхивала отголосками сражения при Льюисе, и хроники того времени полны рассказов о поджогах в сельской местности, об осажденных замках и о том, как патрулировались побережья – из страха, что иностранцы явятся грабить раздробленную страну.

Вряд ли де Монфор считал свою квазикоролевскую власть несложным делом. Будучи частным лицом, он пытался руководить общественным институтом. Да, он контролировал короля и распоряжался Большой государственной печатью, но властных полномочий он добился, одолев в битве собственного сеньора. По природе своей он был неуживчивым, конфликтным человеком. Эдуард поддерживал тесные личные связи с лордами Марки – сэром Роджером Мортимером из Вигмора, Роджером Клиффордом и Роджером Лейборном, – и все они были категорически против правления де Монфора. Вскоре недовольных стало больше, потому что разозленные молодые аристократы, при Льюисе сражавшиеся на стороне графа, стали покидать его лагерь. Порадовавшись победе, они обнаружили, что с приходом к власти де Монфора ничего не поменялось. Правительство было так же предвзято, как во времена засилья Лузиньянов, если не хуже. То ли ради безопасности, то ли чтобы усилить позиции своей семьи, де Монфор разделил военную добычу несправедливо, одарив себя и своих сыновей, Симона-младшего и Генриха, землями, территориями и замками, отнятыми у сторонников короля.

Гилберт де Клер, 20-летний граф Глостер, был возмущен сильнее прочих. В 1262 году, на короткий период вернув себе власть, король лишил его наследства, и в мае 1263 года де Клер примкнул к мятежу де Монфора. При Льюисе он самоотверженно сражался на стороне мятежников и в качестве вознаграждения получил должность в правительстве, соответствующую его солидному положению, обеспеченному обширными земельными владениями по всей Англии. Но вскоре Глостер разочаровался в авторитарном правлении де Монфора. Ему не нравилось, что де

Монфор прибегает к услугам иностранных рыцарей, и особенно он был недоволен тем, что Эдуард сидит в тюрьме – сначала в замке Дувр, а после в Уоллингфорде. Де Монфор попытался его успокоить, выпустив Эдуарда на свободу в марте 1265 года, – однако условия освобождения были неприемлемо жесткими: Эдуард лишался большей части своих королевских владений, которые отходили де Монфорам. Вдобавок, пусть Эдуарда больше не запирали в тюремной камере, ему приходилось мириться с постоянным присутствием сына де Монфора Генриха, приставленного за ним присматривать. К началу 1265 года Глостер, как и многие другие, стал опасаться, что де Монфоры не ограничатся реформами: казалось, они нацелились на саму корону.

В феврале 1265 года Глостер покинул двор де Монфора и уехал на запад, в свои уэльские владения, заявив, что на него напал Лливелин ап Гриффид. В апреле он отказался приехать на турнир. К концу мая стало ясно, что Глостер окончательно оставил де Монфора: он начал сговариваться с лордами Марки, планируя освободить Эдуарда и укрепить тем самым партию роялистов.

28 мая Эдуард, которому по новым, более свободным условиям содержания было позволено наносить визиты, отправился верхом в Херефорд, в центр пограничной Марки. Его, как обычно, сопровождал телохранитель – тюремщик Генрих де Монфор, но в этот раз к ним присоединились и другие благородные лорды, в том числе младший брат Глостера, Томас де Клер. Эдуард пребывал в жизнерадостном настроении, как будто не ощущая на своих плечах груза проблем, навалившихся на него и на всю его династию. По дороге молодые люди решили сыграть в игру: каждому было позволено испытать любую лошадь, чтобы выяснить, которая из них быстрее.

Игра была занятной, но у нее была и практическая цель: Эдуард смог определить лошадь, лучше всего подходящую для рывка к свободе. И когда он ее нашел, даром времени не терял. Пришпорив коня, он закричал своим тюремщикам: «Господа, хорошего вам дня! Передайте привет моему отцу и скажите, что я надеюсь вскоре увидеть его и освободить из-под стражи!» С этими словами он умело перешел на галоп и скрылся из виду – вместе с горсткой друзей, посвященных в его план. По дороге они подобрали местного союзника Эдуарда, лорда Марки сэра Роджера Мортимера, прятавшегося в роще неподалеку. Они поехали в замок Мортимера в Вигморе, а затем в Ладлоу, где Эдуард встретился с Глостером и дал ему слово, что если сможет избавить страну от де Монфора, то вернет старые добрые законы,

откажется от плохих обычаев, прогонит чужеземцев и отдаст правительство в руки истинных англичан. Это было именно то, что хотели услышать бароны, ворвавшиеся в приемную его отца в Вестминстере в 1258 году. Наконец-то Эдуард отыскал свой политический курс.

Договор между Эдуардом и Глостером заложил основы новой королевской коалиции, которую составили роялисты-изгнанники во главе с Уильямом де Валенсом и лорды Марки, считавшие правление де Монфора новой версией жадных администраций Хьюберта де Бурга и Питера де Роша. Они намеревались драться на своей земле – в Марке. Пока де Монфор с трудом набирал солдат, чтобы противостоять восставшим роялистам, люди Эдуарда организовали оборону. Они разрушили все переправы через реку Северн, ограничив зону военных действий, отрезав де Монфора от большей части Англии и заперев его на западном, уэльском берегу реки.

Противостояние длилось все лето. Армия Эдуарда гоняла по Уэльсу де Монфора, таскавшего за собой пленного Генриха III, а граф тянул время в ожидании подхода пеших воинов Лливелина ап Гриффида и кавалерии, которую набирал на востоке его сын, Симон де Монфор – младший. По сути, де Монфоры перешли к обороне, преследуемые коалицией роялистов, чей дух воспрял благодаря присутствию воинственно настроенного принца.

1 августа роялисты атаковали младшего Симона де Монфора в Кенилуэрте. Войско Симона расположилось в крепости – одной из крупнейших в центральной части страны, а сам Симон разместился в ближайшем приорате. Люди Симона считали, что силы Эдуарда находятся в Вустере, на безопасном расстоянии, и не были готовы к нападению. Они не подозревали, что среди них были шпионы Эдуарда и Глостера, в том числе пресловутый трансвестит Марго. На рассвете, когда де Монфоры спали – или, как Симон-младший, уже встали, но еще не оделись, – у приората послышался топот копыт. Симон спас свою шкуру, ускользнув от опасности голышом и укрывшись в замке. Многие из рыцарей не продемонстрировали такой прыти. Они, как и их знамена, попали в руки роялистов.

Когда старший де Монфор узнал, что позиции его сына атакованы, он был потрясен. Теперь кризис был неизбежен. Де Монфор предпринял попытку объединить два крыла своей армии и вырваться с территории, где его заперли Эдуард и Глостер: он нашел место, где смог пересечь Северн, и выступил на восток по направлению к Вустеру. Армия Эдуарда была всего в нескольких милях от него. Ночью 3 августа де Монфор сделал еще один переход, теперь уже на юг, к Ившему.

4 августа войско де Монфора остановилось позавтракать в Ившемском аббатстве, расположенном в излучине реки Эйвон. Тучи над ними набрякали дождем. Собиралась гроза. На башне стоял дозор, сквозь мглу высматривавший приближение армии Эдуарда – или Симона. Через три часа после рассвета в стане де Монфора поднялся радостный шум. Вдали показались стяги армии Симона-младшего. Ситуация была спасена.

Или нет? С высоты башни дозор прокричал роковую весть: это идет не Симон, это армия Эдуарда – под знаменами, захваченными в Кенилуэрте.

Де Монфор помчался на башню – своими глазами посмотреть на приближение войска Эдуарда. К доспехам рыцарей были прикреплены красные кресты – ответ белому кресту, какой носили солдаты армии бунтовщиков при Льюисе. Противник наступал стройными рядами, и впечатленный их дисциплиной граф провозгласил в свойственном ему высокопарном стиле: «Клянусь десницей святого Иакова! Он наступает искусно. Они научились этому не сами по себе, но от меня». Это не было пустой похвальбой; де Монфор знал, что проиграл и скоро будет разбит.

Бегство было исключено. На южном берегу Эйвона стоял отряд Мортимера, блокировавший отход через мост. Пойманные в излучине реки, люди де Монфора смотрели, как армия Эдуарда занимает позицию на возвышенности Грин Хилл, к северу от аббатства. Солдаты де Монфора встретили роялистов не дрогнув. Они уступали в числе: один к трем. Им оставалось полагаться лишь на присутствие в их стане короля Генриха и надеяться, что люди Эдуарда побоятся навредить королю. Все должно было решиться здесь. Де Монфор и его войско ожидали атаки Эдуарда и Глостера.

Долго ждать им не пришлось. Как только небо пролилось дождем и жестокий ливень затопил поле боя, люди Эдуарда атаковали.

Обе армии яростно сражались, в холоде и промокшие насквозь. Де Монфор бросился в битву с тем же напором, какой демонстрировал на протяжении всей своей долгой карьеры, но был сокрушен – враг значительно превосходил числом, а Эдуард и Глостер показали себя превосходными полководцами. На глазах у де Монфора его юных рыцарей стаскивали с коней и закалывали насмерть. Его сын Генри был убит, а сын Ги взят в плен. Король, одетый в доспехи армии де Монфора, был ранен и чудом не погиб: он успел прокричать свое имя рыцарю, который иначе убил бы его.

Для самого де Монфора спасения не было. Отряд из 12 человек рыскал по полю отдельно от основных сил Эдуарда: их

единственной задачей было найти графа и убить его. Отыскал его Роджер Мортимер. Его копье вонзилось в шею графа, убив того на месте. Тело затем чудовищно изуродовали. Мэр и шерифы Лондона прослышали, что «голова графа Лестера… была отделена от тела, ему отрезали тестикулы и повесили на нос – и в таком виде послали голову [как трофей] жене сэра Роджера Мортимера в замок Вигмор. Руки и ноги его отрубили тоже и отправили в разные места врагам его как знак великого бесчестия; туловище же, и только его, предали земле в церкви [аббатстве] Ившема». Через несколько недель вокруг могилы де Монфора возник довольно неправдоподобный культ: сообщалось о чудесах, происходивших как на месте его захоронения, так и на поле, где он был убит.

В конце дня поле боя было усеяно трупами высокородных господ: гордецы лежали мертвыми под летним дождем. Де Монфор, его сын Генрих и лидеры мятежников Генри Диспенсер, Ральф Бассет и Питер де Монфор погибли. Многие были пленены и ранены. Король радостно воссоединился со своим сыном Эдуардом и отправился восстанавливать силы в Глостер и в замок Мальборо, где занялся любимым делом: реставрацией металлических пластин алтаря.

Власть в Англии тем временем перешла еще к одному квазикоролю, но на этот раз хотя бы королевской крови. Лорд Эдуард, который так долго колебался между противостоящими сторонами в английском кризисе середины века, теперь ближе, чем когда-либо, сдвинулся к политическому центру. Он еще не был королем и даже не имел решающего голоса в английском правительстве, но за 14 месяцев, отделявших Льюис от Ившема, наследник трона показал себя прагматичным политиком и беспощадным солдатом.

Леопард

Юный принц, который вышел на авансцену английской политики в 1260-х годах, для многих своих современников был загадкой. Он родился и вырос в Англии и был непосредственным свидетелем политических потрясений, которые пришлись на годы царствования его отца. Одни были убеждены, что в сложившихся условиях он действовал отважно, другие считали его гнусным перебежчиком. Матвей Парижский описывал его так: «Эдуард был мужчиной крупного сложения, великой отваги, бесстрашия и неизмеримой силы». Но есть и множество других историй: о глупом юнце, чьи приближенные без спросу вторгались в приораты в Уоллингфорде и Саутворке, калечили случайных встречных и воровали еду у простого люда. Говорили, что принц очарователен и обожает турниры, но по натуре жесток и легкомыслен.

Эдуард был очень эффектным мужчиной. В детстве он часто болел, но, достигнув зрелости, на голову возвышался над окружающими – при росте 188 сантиметров неудивительно, что шотландцы позже прозовут его «длинноногим». Он был широкоплеч и могуч, а его телосложение свидетельствовало о долгих часах, проведенных на турнирном поле: в турнирах он участвовал с 17 лет. В 15 Эдуард женился на Элеоноре Кастильской, которая была на два года его моложе: он окажется и плодовитым отцом, и преданным супругом. Он был светловолос – не унаследовал от Генриха II отличительной черты рыжих Плантагенетов, но его нависающие, как у отца, веки были безошибочно семейной чертой. Благодаря своему эксцентричному папеньке Эдуард получил имя в честь одного из древних королей Англии: святого Эдуарда Исповедника. По натуре своей он был свирепым солдатом – почти как его двоюродный дед Ричард Львиное Сердце, чьи портреты украшали дворцы и охотничьи замки, в которых Эдуард провел детство. Буйный нрав Плантагенетов он унаследовал во всей полноте. Говорили, что в припадке ярости он однажды напугал человека буквально до смерти. Он был смелым и умелым воином и талантливым боевым командиром. Сбежав от де Монфоров и по дороге к Ившему, он показал себя как лидером, способным вести за собой, так и мстительным воякой, который без колебаний расправляется с побежденными.

Слава его была громкой, но неоднозначной. Скользкий путь, которому следовал Эдуард во время политического кризиса, предшествовавшего Баронским войнам, заслужил ему репутацию

непостоянного политика. Он метался между партией отца и реформаторами, но не потому, что был настолько двуличен: скорее, он совершенно запутался, будучи одинаково близок и с родственниками матери – савойцами, и с отцовскими любимчиками Лузиньянами; и тем не менее этого ему не забыли. В ходе войны он часто нарушал слово, если это помогало ему добиться политического или военного преимущества, и многие такие случаи вошли в историю. При осаде Глостера в 1264 году, важной стычке на пути к Ившему, он положился на благородство окружившей его армии мятежников и избежал пленения, но вскоре нарушил данное им обещание мира и потребовал выкупа от жителей города.

И сторонники, и противники называли молодого Эдуарда не «львиным сердцем», но леопардом: свирепым и непостоянным. К коронации Эдуарда в его честь была написана песня, в которой говорилось, что он «воинственный, как леопард, и сладостный, как нард». Автор промонфоровской «Песни о Льюисе» тоже коснулся этой темы: «Он лев по своей гордыне и свирепости; но по непостоянству и изменчивости своей он леопард: не держит твердо слов или обещаний и оправдывает себя красивыми словами…»

После победы при Ившеме первоочередной задачей для Эдуарда стало скорейшее восстановление раздробленного королевства отца. Под Ившемом пали многие сторонники де Монфора, а остальные были рассеяны, но страна по-прежнему находилась в состоянии гражданской войны, и такие люди, как Эдуард, его брат Эдмунд и их кузен Генрих Алеманский играли ключевую роль в реставрации власти короля. Задача была не из легких. Очаги мятежа сохранялись по всей стране. К тому же в сентябре 1265 года Генрих III сделал в Вестминстерском парламенте крайне опасное заявление, усугубившее раскол: он провозгласил, что все участники монфоровского мятежа будут навечно лишены наследства, а их земли отойдут людям, доказавшим свою верность короне.

Любой знаток истории мог бы привести Генриху III в пример его деда, Генриха II, который совершенно иначе прижигал язвы крушения 1150-х годов и мятежа сыновей, случившегося в 1173–1174 годах. Родоначальник Плантагенетов успокоил разбушевавшееся королевство, предложив взбунтовавшимся баронам справедливость, мир и воссоединение, а не вечное изгнание. Генрих III поступил иначе: он отказался пойти навстречу баронам, бросившим ему вызов, и в мгновение ока разорил почти 300 семей. Вместо того чтобы успокоить королевство, действия короля только распаляли побежденных и

поощряли мстительность роялистов, что, в свою очередь, затягивало бунт против правления Генриха.

Эдуард же и после битвы при Ившеме вел себя типично непоследовательно. Сразу после боя он горевал о множестве потерянных жизней и поначалу проявлял участие к сторонникам де Монфора, которые приходили к нему, умоляя не лишать их земель в наказание за участие в мятеже. Но, когда Генрих III объявил приговор пособникам де Монфора, Эдуард и его сторонники с радостью поживились имуществом мятежников: почти в каждом случае сомнительного возмездия – каких было немало осенью 1265 года – принц поддерживал отца, несмотря на все свои благие намерения. Генрих безжалостно разорил неблагонадежных жителей Лондона, и Эдуард не отказался от своей доли: многие его сторонники получили конфискованные у мятежников дома, а Эдуард взял под опеку владения мэра.

По всей Англии земли и имущество переходили из рук в руки; многие из разоренных мятежников оказывались буквально в лесу, сбиваясь в партизанские отряды наподобие тех, что фигурируют в легендах о Робине Гуде. Главный очаг сопротивления партии де Монфора располагался в замке Кенилуэрт, но, прежде чем решиться на полноценную атаку, роялистам нужно было взять под контроль всю страну. К Рождеству 1265 года очаги бунта вспыхивали по всей Англии, и Эдуард не знал покоя, вытаптывая искры сопротивления. Бедствующих бунтовщиков стали называть «обездоленными», и, возглавляя карательные операции, Эдуард пришел к выводу, что умиротворение – оружие более мощное, чем непримиримое насилие. В декабре он обнаружил группу повстанцев, устроивших лагерь на островке Аксхольм в болотах Линкольншира, и убедил их сдаться без кровопролития. Объединившись с Роджером Лейборном для покорения «Пяти портов» в следующем, 1266 году Эдуард уладил дело, смягчив умелые, но жестокие осады под командованием своего союзника обещанием прощения и свободы в обмен на капитуляцию.

К несчастью, Эдуард плыл против мощной волны, поднятой бессмысленной жаждой мщения, обуявшей Генриха III. К Пасхе 1266 года вдоль центрального пояса Англии – от Восточной Англии до центральных графств – пылали мятежи, и не было другого способа справиться с ними, кроме войны. В конце мая у Алтон-Вуда в Гемпшире Эдуард, разбив шайку мятежников, сошелся в единоборстве с их главарем, опытным рыцарем Адамом Гурдоном. Никакой серьезной политической роли эта дуэль не сыграла, зато стала одним из самых запоминающихся событий гражданской войны. Двое мужчин схватились на лесной опушке.

На них смотрели люди Эдуарда, отрезанные от него оврагом. В приукрашенной впоследствии легенде об этой невероятно эффектной схватке говорится, что Эдуард был так впечатлен боевыми умениями Гурдона, что по окончании боя наградил его деньгами и своей милостью. Но на самом деле Эдуард одолел Гурдона, повесил его друзей-мятежников, а затем отвез побежденного рыцаря своей матери-королеве, у которой Гурдону пришлось выкупать свою свободу и владения по немыслимой цене.

Как бы там ни было, роялисты постепенно упрочили свои позиции и к середине лета решили попытать счастья, напав на замок Кенилуэрт – крупную цитадель, укрепленную королем Иоанном, а позже Симоном де Монфором, с намерением сделать ее неприступной для осад. Крепость окружали мощные стены и оборонительные сооружения, а также огромное искусственное озеро; внутри стоял гарнизон в тысячу человек. Чтобы прорвать оборону, потребовались бы месяцы технической, грязной работы. К стенам подвезли требушеты и огромные деревянные осадные башни, оборудованные платформами, на которых располагались лучники. За работой специалистов по осадным орудиям присматривал брат Эдуарда Эдмунд. Для разведки и штурма замка со стороны водозащитных сооружений из Честера доставили баржи. Осаждающие собрали у стен крепости полноценное феодальное войско, в результате чего истощились продуктовые запасы всего региона. Эдуард не принимал серьезного участия в этом предприятии: он, как и раньше, тушил мятежи в Восточной Англии, а лето провел со своей женой, которая 14 июля родила первенца. Пара довольно провокационно нарекла мальчика Иоанном.

Спустя долгие месяцы дорогостоящих, изматывающих попыток штурма стало ясно, что единственный способ взять Кенилуэрт – заморить замок голодом: болезненный процесс, который мог занять больше года. Учитывая, что «обездоленные» по-прежнему причиняли массу проблем по всей Англии, роялистам снова пришлось прибегнуть к тактике умиротворения. Светлейшим политическим умом среди них был папский легат Оттобуоно, который вместе с Генрихом Алеманским возглавил комитет по установлению мира, созданный с целью выманить мятежников из зловонной крепости и каким-то образом примирить их с роялистами, которым достались их земли и имущество. Итогом деятельности комитета стал Кенилуэртский приговор. Приговор состоял из 41 пункта и был составлен в форме обращения крупных епископов и баронов-лоялистов к королю, королевству и Святой Церкви. В приговоре

подчеркивалось право короля «свободно осуществлять свое господство, владычество и королевскую власть без препятствий и возражений», но содержалась просьба «назначить людей, которые будут осуществлять правосудие и выносить решения, взыскуя не выгоды для себя, но блага для Бога и справедливости». Повторив обязательство соблюдать Великую хартию вольностей и Лесную хартию, Приговор определял средства, дающие возможность поддерживавшим де Монфора мятежникам быть реабилитированными и восстановленными в земельных правах: «путь, которому нужно следовать, – не лишение наследства, но искупление». Это позволяло «обездоленным» выкупить обратно конфискованные земли – или ту их часть, которую они могли себе позволить, хотя и по цене в пять-шесть раз выше ее реальной стоимости: эти деньги переходили лоялистам, которым земля была пожалована после конфискации. Вряд ли это были щедрые условия, но они по крайней мере предлагали механизм восстановления мира. Приговор был оглашен у стен замка 31 октября 1266 года. Гарнизон замка сдался – грязный, замерзший и голодный – в середине декабря.

Это был важный шаг к миру, достигнутому согласованием и переговорами, а не кровавой мясорубкой военных действий. Весной ситуация ненадолго обострилась, когда граф Глостерский вторгся в Лондон, протестуя против того, что «обездоленных» заставляли выплачивать штраф полностью, прежде чем они смогут вернуться в конфискованные поместья. Но опасность миновала – благодаря Оттобуоно, который убедил богатых баронов Англии создать фонд помощи «обездоленным», и Ричарду, графу Корнуоллскому, который пролоббировал поправки к Кенилуэртскому приговору, позволяющие мятежникам вернуться в свои земли сразу, а не после полной выплаты денег. Глостера убедили отойти от столицы, Генрих туда вернулся, и стало ясно, что мирный процесс действительно начался.

Эдуард и Генрих пребывали в благодушном настроении, и за Кенилуэртским приговором в сентябре 1267 года последовал договор в Монтгомери, который принес мир с Уэльсом: Лливелину ап Гриффиду передали широкие феодальные полномочия. Уэльский принц был союзником де Монфора и значительно укрепил свою власть в Гвинеде в бурные годы Баронских войн. Вместо того чтобы принудить Лливелина к унизительному миру, его наделили расширенными полномочиями и территориями на северо-западе Уэльса в обмен на дань в 25 000 марок. Эдуарду это дорого обошлось: он практически лишился власти за пределами Валлийской марки. Сложившаяся ситуация обернется для него немалыми

трудностями, когда он позже, уже взойдя на трон, попытается вернуть все на круги своя, но ради мира в 1267 году он, скрипя зубами, согласился на предложенные условия.

Два месяца спустя, с принятием Статута Мальборо, встала на место последняя опора реформ и восстановления «обездоленных» в правах – снова с одобрения Эдуарда, хотя и без его активного участия. Статут представлял собой пространный набор серьезных законодательных предложений, касающихся сферы управления и обсуждавшихся с 1258 года. В преамбуле Статута подтверждалось, что «королевство Англия, страдающее последнее время от множества бед и разорительного раскола, нуждается в улучшении закона и правовых норм, чтобы сохранить мир и спокойствие народа». Далее Статут в 29 подробных пунктах касался целого ряда юридических вопросов: от юрисдикции судов и верховенства королевского правосудия в ситуациях ареста имущества до дел опеки, аннулирования хартий и коллективных штрафов. Текст был написан профессиональным языком юристов и касался вопросов процедуры, прецедента и юрисдикции. Статут не стал настолько фундаментальным документом, как Великая хартия вольностей, но положил начало долгому процессу законодательных реформ, который продлится до конца века.

Однако для приближавшегося к годам своего расцвета Эдуарда, которому в 1267 году исполнилось 28 лет, мир по-прежнему был плацдармом военных действий, а не ареной юридических битв. Парадоксально, но теперь, когда королевство встало на трудный путь исцеления после всплеска насилия последнего десятилетия, принцу нечем было заняться. Мятежные бароны успокоились, с валлийцами был заключен мир, а Генрих III вернулся к дорогостоящим планам возведения новой гробницы для Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве, куда тело святого было перенесено 13 октября 1269 года. Принцу и его друзьям оставалось мало шансов упрочить свою военную репутацию. Эдуард, его брат Эдмунд и их кузен Генрих Алеманский совместными усилиями протолкнули эдикт, разрешающий устраивать в Англии турниры, но этого было недостаточно, чтобы утолить их жажду военных приключений. Если Эдуард хотел развивать свою военную карьеру, ему нужно было подыскать себе плацдарм подальше, на Святой земле. С 1267 года король Людовик IX был занят организацией нового крестового похода, который должен был выдвинуться из Европы в 1270 году. Его целью было остановить продвижение мамелюкского султана Бейбарса, который грозил завоевать все, что осталось от христианских государств Утремера.

Вот поле боя, которое поможет Эдуарду добиться

известности. Восток манил его призраком славы, и, чтобы снарядить армию в крестовый поход, он добывал деньги, где только мог. Он занял 17 000 фунтов у самого Людовика IX – долг подлежал уплате за счет доходов от Бордо. После Пасхи 1270 года Эдуарду и его товарищам-крестоносцам с огромным трудом удалось убедить скептически настроенных рыцарей собраться на парламент и дать добро на сбор налога на крестовый поход. В ответ королю пришлось подтвердить Великую хартию вольностей и ввести ограничения на еврейское ростовщичество: землевладельцы в округах получили передышку от уплаты долгов евреям и могли позволить себе внести вклад в предприятие Эдуарда. С конца мая Англия взялась за дело, а Эдуард приготовился к отъезду. Он согласился передать свой затянувшийся конфликт с Гилбертом, графом Глостерским, на разрешение третейского суда. Он отдал свои земли в доверительное управление комитету во главе с дядей Ричардом, графом Корнуоллским, и – так как Элеонора Кастильская была намерена отправиться в поход вместе с мужем – назначил Ричарда опекуном и защитником своих троих детей: Иоанна, которому было четыре года, двухлетнего Генриха и крошки Элеоноры. Наконец, 20 августа 1170 года королевский отряд крестоносцев отплыл из Дувра, оставив проблемы Англии за спиной, и направился в пыльные земли священной войны на Востоке.

Наконец-то король

Крестовый поход Эдуарда начался с неприятностей. Он направлялся на Святую землю по знакомому маршруту: по Южной Франции до Сицилии, похоронившей амбиции его отца, и дальше – в Утремер, с заходом на Кипр. Он не добрался даже до Сицилии, когда понял, что крестовый поход как всеевропейское предприятие разваливается на глазах. Армия Людовика IX выступила в поход на несколько недель раньше. На Сицилии Людовик встретился со своим младшим братом Карлом Анжуйским, который преуспел там, где проиграл Генрих III, и взошел на трон Сицилии. Пока Эдуард маршировал по Франции, Карлу удалось убедить Людовика отказаться от миссии в Утремере и отправиться в Тунис, где прятались от заслуженной кары многочисленные враги Сицилии.

Французы подняли паруса, надеясь на скорую победу, но, высадившись на северном побережье Африки, Людовик IX буквально через несколько дней умер от чумы, свирепствовавшей во французской армии. Убитый горем Карл решил вернуть крестоносцев в Сицилию, но в довершение всех бед основные силы французского флота разбил в щепки шторм в гавани Трапани. Эдуард, Генрих Алеманский и остальные англичане прибыли на Сицилию в ноябре 1270 года и нашли французов в полнейшем расстройстве. Крестоносцы решили зимовать на острове в надежде, что весной удача повернется к ним лицом, но, когда в январе 1271 года опасливый 25-летний сын Людовика – теперь король Филипп III – решил, что провидение настроено против французов и повернул домой, они не смогли ему помешать: Филипп увел своих людей в Париж по суше, через Италию.

Эдуард тем не менее был настроен решительно. Когда пришла весна, он отправил Генриха Алеманского назад, чтобы удостовериться, что новый французский король не станет угрожать его землям в Гаскони, а сам повел войско в Утремер. Туда он прибыл в середине мая.

Год спустя Эдуард оказался в самом центре запутанной политики Ближнего Востока. Христианский Утремер дышал на ладан. Французы управлялись с ним из рук вон плохо. Несмотря на попытки Ричарда Корнуоллского отвоевать Иерусалим в 1240-х годах и изрядные траты Людовика IX на укрепление Кесарии в тот же период, большая часть крупных городов христианской Палестины сдалась завоевателям-мамелюкам. Кесария и Иерусалим оказались в руках мусульман, так же как и Антиохия,

и считавшаяся неприступной крепость крестоносцев Крак-де-Шевалье, чьи устремленные ввысь стены устояли перед пальбой из требушетов, но поддались обману. Управление жалкими остатками королевства осуществлялось из Акры – деморализованного города посреди враждебной страны, жившего в вечном страхе перед нападением многотысячной мамелюкской армии.

С самого начала было ясно, что крестовому походу Эдуарда не суждено стать чем-то бóльшим, нежели бессмысленной вылазкой на поле брани. С христианами все было кончено, и дни великих побед у стен величественных городов Ближнего Востока остались позади. Главным врагом мусульман в Палестине были теперь не французские рыцари Запада, но внушающие ужас монгольские всадники, атаковавшие их с севера и востока. Эдуард и его соратники обнаружили не широкомасштабную войну, к которой они могли бы присоединиться, а дипломатический «пазл», над которым им приходилось ломать голову.

И тем не менее Эдуард провел там больше года, организуя вылазки на территорию мусульман, обмениваясь письмами с монгольским вождем Абака-ханом, стоявшим в Мераге – городе в 700 милях от Акры, и встречая немногочисленные отряды с Запада, в том числе экспедицию брата Эдмунда. Он был намерен извлечь из своего похода максимальную пользу, даже в обстоятельствах, не обещающих ничего героического.

Вечером 17 июня 1272 года – в свой 33-й день рождения – Эдуард находился в Акре, лежал в кровати рядом с женой. Ему было что обдумать, погружаясь в сон. Небольшой отряд принца ужасно страдал от жары и дизентерии. Силы противника – предводителя мамелюков Бейбарса – намного превосходили его собственные и гораздо лучше снабжались. Гуго III, номинальный король Иерусалима, склонялся к миру, а не к войне и недавно согласовал десятилетний мир с Бейбарсом – что убивало всякую надежду Эдуарда обрести славу. Мирный договор привел Эдуарда в ярость: он отказался его подписывать. Наверное, в ту восточную ночь он, засыпая, все еще обдумывал сложившуюся ситуацию.

То, что случилось дальше, вошло в легенду. Когда Эдуард уже спал, прибыл посланник, заявивший, что он дипломат-перебежчик, предавший Бейбарса и прибывший к английскому двору. Он принес с собой щедрые подарки и якобы был готов открыть известные ему секреты. Что бы он ни наплел слугам и страже Эдуарда, это наверняка звучало убедительно и казалось срочным: они разбудили спящего принца и попросили его принять посетителя. Сонный Эдуард вышел из спальни прямо в

ночной рубахе.

Как оказалось, посетитель приберег для Эдуарда особенный подарок на день рождения: смертельный удар. Эдуард единственный отказался подписывать мирный договор, и присутствие его сделалось опасным; Бейбарс хотел от него избавиться. Посланник напал на принца с кинжалом, целясь ему в бедро. Но Эдуард, славный воин, был на высоте. «Сарацин встретил его и ударил в бедро кинжалом, нанеся ему глубокую, опасную рану, – писал хронист, известный как Тамплиер из Тира. – Лорд Эдуард почувствовал, что ранен, и двинул сарацину кулаком по голове – тот в ту же секунду упал без чувств на пол. Затем лорд Эдуард схватил кинжал со столика в спальне, ударил сарацина в голову и убил его». В рукопашной мало кто мог противостоять длинноногому англичанину.

Но поднявшись от остывающего тела противника, Эдуард понял, что и сам серьезно ранен. Когда приближенные принца ворвались в комнату, все испугались, что кинжал мог быть отравлен. По легенде, Элеонора Кастильская попыталась отсосать яд из раны мужа, но, как оказалось, кинжал не был отравлен.

Сохранялась опасность инфекции, которая могла привести к мучительной смерти от гангрены, убившей Ричарда I при Шалю-Шаброле. Эдуарда спас от такой судьбы искусный хирург, который вырезал инфицированную, воспалившуюся вокруг раны плоть. В конце сентября, восстановив здоровье, Эдуард вместе с Элеонорой Кастильской и родившейся в Акре дочерью Джоанной покинул Утремер и направился в Европу. По пути домой они остановились на Сицилии, а затем двинулись в Италию, где провели Рождество. Именно здесь их нашел английский посланник, сообщивший им печальную весть: в ноябре, после скоротечной болезни, умер Генрих III. Ему было 65 лет. Королю устроили пышные похороны и погребли его в могиле, где до перенесения мощей покоился сам Эдуард Исповедник. Эдуард I наконец стал королем – после, пожалуй, самого яркого периода ученичества в богатой событиями истории семьи.

Он не торопился возвращаться в Англию. Препоручив управление королевством министрам, в том числе Роберту Бернеллу – самому его доверенному и опытному слуге, Эдуард жил за границей, пожиная плоды своей славы крестоносца. Он участвовал в турнирах во Франции, принес оммаж Филиппу III за свои французские земли и подавил возмущение в Гаскони, грозившее вылиться в мятеж. Затем, в самые жаркие дни лета 1274 года, он отплыл в Англию, назначив коронацию на 19 августа.

Эдуард сошел на берег в Дувре 4 августа, впервые за четыре

года ступив на родную землю. Он вернулся в страну, которая терпеливо ждала начала его царствования и теперь с размахом его приветствовала. У англичан было достаточно времени подготовиться к прибытию принца. Более полувека прошло с предыдущей коронации. Вместе с Эдуардом страна приветствовала и всю семью короля. На коронации королева Элеонора была на первых месяцах очередной, десятой по счету беременности – принцесса Маргарита родится в 1275 году. После долгого и трудного царствования Генриха III страна радушно принимала новое поколение королевской семьи.

Граждане Лондона, несмотря на прежние трудности во взаимоотношениях с Эдуардом или, возможно, как раз благодаря этому нелегкому прошлому, воспользовались случаем устроить зрелищный и щедрый праздник. «Когда Эдуард процветает, взирайте! – писал один восторженный лондонец. – Он сияет, как новый Ричард!» К сожалению, подробных описаний церемонии не сохранилось, но известно, что здания были задрапированы золотыми тканями, а когда король и его свита въехали в город, их встретили пышным торжеством и массовыми гуляниями. Скорее всего, накануне коронации Эдуард переехал из лондонского Тауэра в Вестминстерский дворец и провел ночь в Расписанной палате, богато украшенной библейскими картинами и сценами из семейной истории Плантагенетов.

Наверняка аббатство было переполнено магнатами из Англии и соседних стран, которые с восхищением наблюдали, как Эдуард поднимается на огромный деревянный помост в средокрестии церкви. Они видели, как он с почтением приносил дары у алтаря, украшенного двумя позолоченными статуями – святого Эдуарда Исповедника и святого Иоанна Богослова. Затем король повторил те же коронационные клятвы, какие произносили все его предки. Следуя освященной временем традиции, Эдуард пообещал защищать Церковь, осуществлять правосудие в интересах народа, отменить дурные обычаи и отстаивать права короны. Но, в отличие от многих своих предшественников, Эдуард говорил от чистого сердца и готов был подписаться под каждым своим словом. Что бы он ни думал о частной власти лорда, монархию Эдуард всегда считал институтом, в основе которого лежит нужда в сильном, едином руководстве. Пришло время вернуть себе власть, утраченную прародителями.

Первоочередной Эдуард считал клятву защищать права короны. Чуть ли не сразу по завершении торжеств слуги короля начали составлять опись королевских привилегий, и работа велась с гигантским размахом, сравнимым разве что с составлением Книги Страшного суда в царствование Вильгельма

I. Опись стала известна как «Сотенные свитки», потому что информация в них группировалась по сотням – административным единицам внутри английских графств, использовавшимся для управленческих и судебных целей. С ноября 1274-го по март 1275 года королевские поверенные нанесли визит в каждую английскую сотню. Они подробно опрашивали местных присяжных «о правах господина короля и свободах, которые были отчуждены, и о завышенных требованиях шерифов, коронеров, судебных приставов и других бейлифов господина короля, и любых других бейлифов, кто бы они ни были, каким-либо образом связанных или имеющих отношение к господину королю в третий год правления короля Эдуарда, в годы 1274–1275». По крайней мере, такая цель была указана в окончательном тексте описи, упорядочивающей информацию, собранную поверенными.

«Сотенные свитки» были обширными, всеобъемлющими и крайне детализированными. Это был первый крупный проект, предпринятый новым канцлером Эдуарда Бернеллом, теперь епископом Бата и Уэлса, – надежным, талантливым дипломатом. Роберт Бернелл правил страной, когда Эдуард был в крестовом походе, и до самой своей смерти в 1292 году он будет руководить большей частью административных и правительственных реформ в Англии. Назначенные им поверенные привезли огромное количество материала – от примеров невероятного злоупотребления властью (кое-где вскрылись избиения, пытки и незаконные тюремные заключения, санкционированные королевскими чиновниками) до комичных, сумасшедших планов, выдуманных фантазерами и мечтателями в годы гражданской войны (шерифа Эссекса обвинили в заговоре: якобы во время беспорядков 1267 года он собирался выпустить в Лондоне летающих петушков с привязанными к ним зажигательными устройствами). На деле поверенные собрали гораздо больше сведений о нарушениях и королевских прерогативах, чем можно было обработать: король поручил главному выездному суду покарать виновных во вскрывшихся преступлениях, но было понятно, что он не в состоянии по заслугам наказать каждого недостойного королевского чиновника в стране. Однако тщательное расследование нарушений на уровне графств сообщало всем в Англии: новый король твердо намерен избавиться от коррупции среди королевских официальных лиц, подкосившей правление Генриха III, – сообщение, которое особенно пришлось по душе рядовым рыцарям.

Ценность «Сотенных свитков» была скорее символической, чем практической. Опрос продемонстрировал, что Эдуард выучил

урок, преподанный баронскими программами реформ в 1250-х годах, проникся духом Оксфордских провизий и идеями сторонников де Монфора. Приняв и расширив их программу под флагом короля, Эдуард задал тон своего будущего царствования: он станет королем, который по собственной воле исправляет допущенные ошибки.

Что ж, может и так. Хотя Эдуард и не разделял инстинктивного отвращения отца к политическим реформам, он унаследовал от Генриха удивительную способность сорить деньгами. Эдуард вернулся со Святой земли обремененный долгами, превышающими 100 000 фунтов – по большей части взятыми у итальянских банкиров. Даже для обслуживания долга такого размера требовалось политическое согласие и усовершенствование финансовой системы. Учитывая, что вскоре Эдуард обнародует амбициозные планы внешней политики, которые грозили потребовать расходов бóльших, чем при его отце, поддержка народа была ему необходима. Юридически, финансово и политически Англия – и Британия – должна была подвергнуться преобразованиям. И первым на очереди был Уэльс.

Новый Артур

Легенды о короле Артуре в XIII веке пользовались необычайной популярностью. Отраженная в искусстве, литературе и туристической индустрии того времени артуриана восхищала, вдохновляла и развлекала мужчин и женщин от Сицилии до Шотландии, но вряд ли нашелся бы человек сильнее короля Эдуарда I впечатлившийся историями о короле Артуре и реликвиями, якобы с ним связанными.

Легенды об Артуре (теперь-то мы знаем, что Артур – полностью выдуманный персонаж, а не историческая личность) влились в европейскую литературную традицию в начале IX века. Именно в этот период стали распространяться истории о древнем бритте, которому было предназначено стать королем и который вел борьбу как с римлянами, так и с англосаксами, вторгшимися на остров. По прошествии веков легенды изменялись и переиначивались, чтобы удовлетворить нуждам заимствовавших их культур, пока в 1130-х годах Гальфрид Монмутский не ввел живое и полное драматизма описание жизни и царствования Артура в свою имевшую бешеный успех книгу «История британских королей». Артур в представлении Гальфрида был благочестивым христианским королем, доблестно сражался против язычников, саксов и римлян, изгонял захватчиков с британских земель, объединил Британское королевство, завоевал Ирландию, Исландию, часть Германии и Оркнейские острова и подчинил себе Норвегию, Аквитанию, Галлию и балканское королевство Дакия. Он был доблестным королем-благодетелем, и весь мир завидовал Британскому королевству. Гальфрид Монмутский писал, что во времена Артура «Британия достигла такого величия, что несметными своими богатствами, роскошью нарядов, беззаботностью своих обитателей намного превосходила все прочие государства. Всякий прославленный своей доблестью рыцарь этой страны неизменно облачался в одежды и доспехи одного и того же избранного им цвета. Женщины, наряженные в платья того же цвета, веселые и остроумные, удостаивали своею любовью только того, кто в воинских состязаниях не менее чем трижды выходил победителем. По этой причине всякая женщина была целомудренна, а стремление рыцаря внушить ей любовь побуждало его к наивысшему душевному благородству»[5]. Этот рыцарский рай изобиловал романтикой, одухотворенностью и красотой, и нетрудно понять, почему эти истории так нравились баронам позднего Средневековья – рыцарям и дамам, которые им внимали.

По мере того как рассказы Гальфрида Монмутского, поданные как истинная история Британских островов, распространялись, пересказывались и приукрашивались другими писателями, их начали принимать за буквальную истину. Ко времени появления на свет Эдуарда артуриана находилась на пике коммерческого успеха и вокруг воображаемой памяти легендарного короля выросла целая индустрия. Когда в 1184 году сгорело аббатство Гластонбери, Генрих II подсказал монахам мысль раструбить на весь свет, будто бы под руинами церкви они «обнаружили» могилу Артура и его королевы Гвиневры. По легенде, Артур был валлийцем, и валлийцы свято верили, что он вернется, чтобы освободить их от англичан; теперь же Артур очень удобно оказывался и англичанином, и мертвым, а братия Гластонбери поощряла туристов приезжать и осматривать скелеты, которые они якобы откопали. В XII веке легенда заняла важное место в английской аристократической культуре: в стране проводились турниры Круглого стола, где можно было заслужить приз за храбрость и честный бой. Неудивительно, что Эдуард, юноша с традиционными аристократическими вкусами, с юности был так же зачарован Артуром, как и все его товарищи, или что, женившись на Элеоноре Кастильской, он в медовый месяц повез ее осматривать могилу в Гластонбери.

Но для Эдуарда переделанный на английский лад миф о короле Артуре был больше чем просто развлечение и тема для светской беседы. Это было духовное мерило, с которым он сверял свое царствование. Подобно Генриху III, одержимому Исповедником как своим проводником, вдохновителем и спасителем, Эдуард видел мир через призму личной версии артурианы. Этот миф ему импонировал так же, как его отцу – история жизни Исповедника, потому что проблемы Артура словно в зеркальном отражении повторяли трудности, с которыми сталкивался Эдуард. Артур, грубо говоря, был королем Уэльса, и его миссией было сокрушить Англию. В 1277 году перед Эдуардом стояла обратная задача.

Летом 1277 года Эдуард собрал свою первую крупную армию. Больше 15 000 человек, снабженных лошадьми, припасами и грозным оружием, продвигались по прибрежным дорогам из Честера в Северный Уэльс. Над ними развевались разнообразные знамена и флаги – привычная сборная солянка феодального войска. Громыхая, они направлялись к Гвинеду, чтобы сокрушить и уничтожить «мятежника и нарушителя мира» Лливелина Последнего, принца Уэльса.

Национальная армия была собрана с одобрения Эдуарда, его магнатов и представителей графств, полученного на одном из

парламентов, которые король созывал дважды в год – на Пасху и День святого Михаила – на протяжении всего своего царствования. 12 ноября 1176 года или где-то около того англичане объявили Лливелину войну, намеренные уничтожить этого неуживчивого принца во имя безопасности и стабильности королевства. Когда Эдуард собирался в Палестину, его отряд состоял из горстки рыцарей королевского двора. Но при поддержке баронов и рыцарей парламента он смог обрушить на Уэльс всю мощь Англии.

Уэльс был вечной проблемой Плантагенетов. Все английские короли, правившие после нормандского завоевания, в какой-то момент осознавали, что покорение или хотя бы усмирение Уэльса требует гигантских ресурсов, времени и сил. Со времени побед короля Иоанна в краткий период его британского господства власть Англии в Валлийской марке ослабла. В первой половине царствования Генриха III большого успеха добился Лливелин Великий, который фактически единолично правил Уэльсом из своей резиденции в северо-западной провинции Гвинед, пока не умер в 1240 году. Позже, в годы Баронских войн, внук Лливелина Великого, Лливелин ап Гриффид, известный также как Лливелин Последний, объединился с де Монфором, чтобы добиться для себя преимущества за счет ослабления английской короны. Договор в Монтгомери, подписанный в 1267 году, когда волнения в королевстве Генриха улеглись, закрепил за Уэльсом захваченные территории. В глазах Лливелина договор в Монтгомери был одним из важнейших в истории страны: Лливелина признали принцем Уэльса в собственном праве, он получил прямой контроль над Гвинедом и стал феодальным сюзереном чуть ли не всех прочих уэльских лордов.

Эдуарда же договор в Монтгомери раздражал по множеству причин. Ему лично пришлось поступиться своими уэльскими землями. В его глазах договор представлял собой катастрофическое ущемление прав короны – которого Эдуард в своих священных коронационных обетах поклялся не допускать.

Одно это уже могло оправдать завоевательную войну. Но нашлись и дополнительные причины: в начале 1270-х годов Лливелин не скупился на провокации. Он вторгался в земли английских баронов в Шропшире и Валлийской марке, враждовал с влиятельными лордами Марки, в том числе с Роджером Мортимером и Хамфри де Богуном, графом Херефорда. В 1270 году он вторгся в Гламорган, поссорившись со своим бывшим союзником Гилбертом, графом Глостерским. Дома Лливелин враждовал со своими братьями: держал в заключении одного, Оуайна, и вынудил другого, Давида, бежать к

английскому двору. Но сам Лливелин опасался показываться в пределах досягаемости Эдуарда, несмотря на то что английский король неоднократно требовал, чтобы Лливелин к нему явился. Он так и не заплатил английской короне 15 000 марок, которые должен был внести в казну по условиям договора в Монтгомери.

И наконец, окончательно преступив границы дозволенного, в 1275 году Лливелин дал Эдуарду бесспорный *casus belli*[6]. Дожив до пятого десятка и не обзаведясь наследником, он начал переговоры о переезде в Уэльс Элеоноры де Монфор. Дочь почившего Симона де Монфора Элеонора символизировала собою весь вред, причиненный королевской семье Уэльсом и де Монфорами в период Баронских войн. Лливелин обручился с ней в 1267 году, но Элеонора жила в изгнании во Франции. В 1275 году она заочно вышла замуж за уэльского принца, а в конце года должна была покинуть континент и отправиться к мужу.

Эдуард был твердо намерен ответить на эту впечатляющую серию провокаций. Он нарушил планы Элеоноры, задержав ее корабль в Бристольском проливе и заперев благородную леди в Виндзоре. Но мало было помешать браку уэльского принца и дочери де Монфора. Эдуард должен был поставить Лливелина на место.

Летом 1277 года Эдуард вышел из Честера и по прибрежной дороге повел войско в Уэльс. Пока рыцари, солдаты и продовольственные обозы двигались вдоль побережья, с моря их прикрывал флот. Корабли обеспечивали снабжение огромной английской армии, продвигавшейся на запад, и блокировали морские пути в Ирландию, отрезая валлийцам путь к отступлению и мешая им пополнять продовольственные запасы.

Кампания была превосходно организована. За логистику отвечали постоянные военные сотоварищи Эдуарда. Крестоносцы Роджер Клиффорд, Оттон де Грандисон и Джон де Весси объединили усилия с ветеранами гражданской войны вроде Уильяма де Бошана, графа Уорика. Обосновавшись в Вустере, они принялись запасаться грозным оружием, необходимым, чтобы принудить Лливелина к повиновению. Уверенный, что его испытанные союзники с делом справятся, Эдуард продемонстрировал: что-то он от отца все же унаследовал. Король передоверил мобилизацию своим помощникам, а сам отправился в тур по святилищам Восточной Англии и молился у любимых реликвий отца, подчеркивая свою исключительную миролюбивость.

Но отнюдь не мир готовили в Вустере. В Глостершире ковались сотни тысяч арбалетных болтов. На специализированных французских рынках закупались боевые

лошади, а через юстициария Ирландии – зерно и овес. По всей Англии реквизировали повозки. Королевский монетный двор штамповал серебряные пенни для оплаты услуг тысяч солдат, которые должны были защитить Англию и отстоять честь семьи Плантагенетов. О том, насколько непрочным было владычество Лливелина, свидетельствовало число валлийских наемников в армии Эдуарда: в пехоте их было не менее 9000.

Но на этой войне главная роль досталась не пехоте, а огромным отрядам, прорубавшим проходы в лесах Северного Уэльса, обеспечивая продвижение армии Эдуарда. Под охраной рыцарей и арбалетчиков тыловые бригады прокладывали широкую дорогу, по которой могла двигаться огромная армия. Они вырубали густые глухие леса, скрывавшие традиционные маршруты в Сноудонию, расчищая путь, местами достигавший ширины в несколько сотен футов. Теперь англичане могли не бояться излюбленной партизанской тактики валлийцев, подрубавших деревья, чтобы неожиданно обрушить их на врага и раствориться в лесу. У Флинта, где сам Генрих II чуть было не стал жертвой подобной засады, была заложена большая деревянная крепость – оперативная база для дальнейшего продвижения.

Предприятие целиком стало грандиозным успехом реквизиции имущества для военных целей, тщательного планирования и инженерного искусства. В численном выражении армия Эдуарда была не так сильна, как войско, маршировавшее к Тулузе под командованием Генриха II, или армия крестоносцев, отправившаяся в Третий крестовый поход с Ричардом I. Но кампания была спланирована со знанием дела и лишила Лливелина последнего шанса сопротивляться. Он уже не мог надеяться потрепать армию англичан на марше, прибегнув к привычным партизанским налетам: инженеры Эдуарда лишили валлийцев прикрытия.

Армия глубоко вторглась на территорию Лливелина. Весь август англичане расчищали себе путь от Флинта до Рудлена, а затем до Конвея. Продвигаясь в направлении Гвинеда, они постепенно отрезали каналы поставок и передвижения людей, окружая валлийцев и голодом вынуждая их покориться. На каждой важной заставе инженеры приступали к земляным работам, отмечая места, где позже должно было начаться строительство полноценных крепостей.

Лливелин отступил в горы. Эдуард продвинулся до реки Конвей и разбил лагерь в Деганви – глубоко в тылу врага, где отношение валлийцев к власти Плантагенетов недвусмысленно демонстрировал силуэт разрушенного замка, некогда

построенного здесь Генрихом III.

Вскоре мелкие уэльские князья начали покидать Лливелина. Решительный удар Эдуард нанес в начале сентября: его военно-морские силы высадились на Англси, заняли остров и собрали урожай зерна, захватив богатейший сельскохозяйственный район Уэльса и моментально опустошив амбары Гвинеда. Этого хватило, чтобы убедить Лливелина: английский король – противник, которого следует воспринимать всерьез. Через несколько дней Лливелин сдался, а 9 ноября подписал в Рудлене мирный договор, по условиям которого он сохранял за собой Гвинед, но лишался практически всех других своих владений. Лливелин согласился уплатить штраф в 50 000 фунтов и отказаться от прав на Четыре кантрефа – четыре мелких графства у границ Гвинеда, и на все территории, занятые Эдуардом по пути на запад. Уэльский принц обязался уладить конфликт со своими братьями Оуайном и Давидом и, признав превосходство английского короля, согласился принести Эдуарду ленную присягу не только на границе, в Рудлене, но и в Вестминстере, в средоточии власти и центре управления Англией.

Лливелин был разбит наголову, и, с точки зрения Эдуарда, мирный договор был неплохим финалом военной экспедиции. Чтобы укрепить позиции Англии, он планировал построить замки в Аберистуите и Билте, во Флинте и Рудлене. По периметру Уэльса ощетинились оружием военные форпосты англичан. Вторжение 1277 года увенчалось впечатляющим успехом. Но Лливелин даже не догадывался, что это всего лишь начало.

Последний бой

Эдуард был счастлив своей победой над Лливелином. Он отпраздновал Пасху 19 апреля 1278 года жутковатой церемонией вскрытия гробницы Артура и Гвиневры в сумрачном аббатстве Гластонбери. Согласно местному хронисту Адаму из Дамерхэма, скелеты лежали рядом, каждый – в гробу, на стенках которого были изображены лик и руки усопшего. На следующий день кости перенесли в роскошное место упокоения в том же аббатстве. Новая гробница будет позже разорена в период «роспуска монастырей», но антиквар XVI века Джон Леланд писал, что она была выполнена из черного мрамора; в головах и в изножии ее были вырезаны по два льва, а сверху располагалась эффигия самого Артура. Церемония буквально пульсировала посланиями нового режима: с одной стороны, король Артур, которого так почитали валлийцы, был мертв; но с другой стороны, он жил в Эдуарде. Приложившись к костям в аббатстве Гластонбери, король и королева Элеонора намеревались вплести миф об Артуре в ткань семейной традиции Плантагенетов. Это было хорошо просчитанным завершением крайне успешной кампании.

После первой победы над Лливелином Эдуард сосредоточился на внутренних делах. Его канцлер Роберт Бернелл приступил к реализации обширной программы законодательных реформ: в 1275, 1278 и 1279 годах были приняты три статута, охватывающих чрезвычайно широкий круг вопросов (они известны как первый Вестминстерский статут, Глостерский статут и Статут о праве мертвой руки соответственно). Статуты касались самых разнообразных тем: форм землевладения, обеспечения свободных выборов в парламент и права любого человека, хоть богача, хоть бедняка, на правосудие (Вестминстерский); учреждения новой системы выездных судов, которые путешествовали по стране, расследуя нарушения прав короля (Глостерский); и предотвращения перевода земель в собственность Церкви, совершаемого с целью избежать феодальных обязанностей и пошлин (Право мертвой руки). Статуты обозначили начало законодательной революции, которая продлится больше десяти лет.

Досаждали королю и трения с Церковью. Папа Николай III не дал ему назначить Бернелла на пост архиепископа Кентерберийского, и Эдуарду пришлось смириться с кандидатурой несговорчивого и крайне набожного францисканского монаха Джона Пэкхэма. Пэкхэм был весьма принципиальным церковным политиком, неукоснительно

соблюдавшим францисканские правила. Он отказывался от любой личной собственности (а значит, у него не было своего дохода, и потому он постоянно влезал в разорительные долги, занимая деньги у итальянских банкиров), требовал от английского духовенства жесткой дисциплины и верил, что осенен божественной миссией искоренить коррупцию и злоупотребления в Церкви, особенно со стороны священников, разбогатевших за счет плюрализма – обслуживания нескольких приходов. На его подход к отношениям между Церковью и короной недвусмысленно намекала его официальная печать, на обратной стороне которой была изображена сцена мученичества Томаса Бекета.

Неудивительно, что Пэкхэм конфликтовал с Эдуардом с самого первого дня на посту архиепископа. Его позиция по отношению к плюрализму раздражала короля, которому плюрализм был на руку: Эдуард наделял своих слуг доходными постами в Церкви в награду за верную службу. И все так же длилось противостояние по вопросу юрисдикции королевских и церковных судов – борьба, уходившая корнями в конфликт, столкнувший некогда Бекета с Генрихом II, – и Пэкхэм часто высказывал королю недовольство из-за отказа королевских министров применять санкции к тем (многочисленным) людям, которых он отлучал от Церкви. Осенью 1279 года между ними разразился жаркий спор, после чего Пэкхэму пришлось отказаться от намерения вывесить копию Великой хартии вольностей во всех английских кафедральных соборах и соборных церквях.

К счастью, несмотря на одинаково сильные характеры, Эдуард и Пэкхэм были достаточно дипломатичны и делали все, чтобы их конфликты не переросли в смертельную вражду, какой закончилось противостояние Генриха и Бекета. На самом деле, несмотря на политические разногласия, они сохраняли хорошие отношения, а по некоторым вопросам были полностью друг с другом согласны. Одним из таких вопросов был характер валлийцев, которых они оба – и король, и архиепископ – считали упрямыми дикарями. И вряд ли Пэкхэм удержался бы на своем посту, если бы думал иначе, потому что в 1282 году Эдуард снова начал войну с Уэльсом, в этот раз гораздо более кровавую.

Перед Пасхальной неделей 1282 года, в ночь накануне Вербного воскресенья, брат Лливелина Давид – бывший союзник английского двора – внезапно появился у стен замка Гаварден. Резиденция сторонника Эдуарда Роджера Клиффорда маячила в темноте: 40-футовая каменная цитадель наверху округлой насыпи. Уэльского принца ожидали в гости на Пасху, но он явился раньше, не один и при оружии. Под покровом ночи Давид

повел отряд на штурм замка. Клиффорд был разбужен внезапным шумом: в темных коридорах крепости эхом отдавались захлебывающиеся крики людей, которым перерезали горло. Это был не праздничный визит, это было объявление войны.

За несколько дней Уэльс погрузился в смуту. Представителей власти обманом заманивали в ловушки, выкрадывали и брали в заложники. Банды вооруженных валлийских мятежников нападали на принадлежащие англичанам замки и стремительно овладевали ими. Мир, заключенный Эдуардом I в Рудлене, развалился практически за одну ночь, и Уэльс снова затопило насилие.

Зачинщиком беспорядков был Давид, но и рука его брата Лливелина за всем этим явно просматривалась. Лливелина, врага в войне 1277 года, ввели в круг приближенных Эдуарда, ему разрешили жениться на Элеоноре де Монфор и на свадебной церемонии Эдуард лично вел невесту к венцу. Лливелин занял достойное место в рядах английской аристократии, но так и не перешел в английский лагерь полностью. Пока мятеж не развернулся в полную силу, принц клялся, что не имеет к нему никакого отношения, но на самом деле начиная с 1277 года он потихоньку укреплял свой авторитет среди мелких валлийских князей.

Несмотря на старания Эдуарда реабилитировать обоих братьев, в начале 1280-х годов Давид и Лливелин все еще таили обиду на короля из-за земель, которых они лишились по итогам первой войны. После Рудлена их ненависть к английскому королю росла, и они мастерски вплели свое недовольство в общее возмущение, которое вызывало у валлийцев нескрываемое желание Эдуарда отменить валлийские законы и обычаи.

Покорив Уэльс, Эдуард вводил там английские законы, обычаи и административные процессы настойчивее всех прежних королей Плантагенетов. Лливелин и Давид нашептывали соотечественникам, что таким образом английский король намеренно старается сокрушить сам дух валлийского народа. Проблема кристаллизовалась в сложном юридическом диспуте между Лливелином и его соотечественником Гриффидом ап Гвенвинвином из-за кантрефа Арвистли – графства на юго-востоке от Гвинеда. Лливелин хотел решить спор в соответствии с валлийскими законами, Эдуард же настаивал на применении законов Марки. Диспут из-за незначительного клочка земли был умело раздут в принципиальный вопрос сохранения валлийских законов и обычаев. В результате в Уэльсе сформировалась новая оппозиция, отличная от той, с которой Эдуарду пришлось иметь дело в начале царствования. Тогда перед ним стояла задача

дисциплинировать своенравного соседа, теперь же он столкнулся с войной за национальную идентичность.

В этот раз он следовал в целом тому же плану вторжения, что доказал свою эффективность в 1277 году. Армия и инженерные войска опять действовали вместе, прорываясь сквозь леса Уэльса и по ходу своего движения размечая участки под строительство. Английские графы должны были собрать феодальное ополчение к маю. Средства на дорогостоящие строительные проекты заняли у итальянских банкиров. Местом сбора опять был определен Вустер, и армия снова выступила в Рудлен через Честер. «Пять портов» по-прежнему обеспечивали морские перевозки. Лордам Марки снова было поручено предпринимать собственные вылазки на юге. Англичане взяли валлийцев, чьи основные силы были сосредоточены в Сноудонии, в кольцо и связали остров Англси с большой землей посредством гигантского моста, составленного из 40 понтонных лодок, построенных на заказ огромной командой плотников из Чешира. Король потребовал поддержки от последних заморских аванпостов домена Плантагенетов, и Ирландия, Гасконь и графство королевы Элеоноры – Понтье, оказали ему материальную помощь.

В этот раз англичане продвигались медленнее, чем пять лет назад. Валлийцы больше не доверяли Эдуарду и не хотели подчиняться неприемлемым условиям очередного навязанного им мирного договора. Эдуард же не собирался уступать ни пяди. Максимум, на что он был готов пойти, так это обменять Сноудонию на богатое английское графство, но это предложение Лливелин отверг с ходу. Отдать Сноудонию значило лишиться земель бесконечно ценных: Геральд Камбрийский еще в предыдущем веке писал, что «если бы все валлийские стада собрались вместе, Сноудония могла бы обеспечить им пастбище». Более того, отдать Сноудонию англичанам значило уничтожить территориальное единство Гвинеда, центра валлийского сопротивления и национальной идентичности. Это Эдуард прекрасно понимал. Пэкхэм попытался было выступить в роли посредника, но и ему быстро стало понятно, что обе стороны с самого начала были намерены драться до последнего.

Валлийцы сражались самоотверженно, как и всегда. Лливеллин руководил военными действиями с севера, а Давид рыскал по княжеству, объявляясь то там, то сям. (Их брат Оуайн удалился в свое поместье и не принимал участия в мятеже.) В ноябре 1282 года им удалось одержать серьезную победу: войска, возглавляемые гасконским союзником Эдуарда Люком де Тани попали в засаду возле понтонного моста Англси, и под весом доспехов в холодном море утонуло множество рыцарей. Но и эти

потери не смогли заставить английского короля отказаться от своих планов.

Англичан не остановила и зима: пополнив войско несколькими сотнями бойцов, прибывших из Гаскони, они накрепко заперли валлийцев в Сноудонии. В декабре Лливелин, опасаясь голода, в отчаянии попытался вырваться из своего убежища. Его заманили в ловушку у моста Ирфон, возле Билта в Центральной марке, и 11 декабря 1282 года принц Уэльский сложил голову в бою. Сведения о его гибели безнадежно противоречивы, но, скорее всего, он был убит копьем, а после его поверженное окровавленное тело обезглавили.

Смерть Лливелина стала последним ударом по независимости Уэльса, ударом, нанесенным незадолго до Рождества на замерзшем склоне холма, среди оголившихся деревьев. Под командованием Давида валлийцы продолжали сопротивление до весны, но в апреле 1283 года после недолгой осады пала последняя валлийская крепость, Кастелл-и-Бере, и в июне Давида предали: валлийцы, верные Эдуарду, схватили его и доставили в Рудлен, откуда его затем перевезли в Шрусбери, где он предстал перед осенней сессией парламента.

Эдуард потребовал жесточайшего наказания для человека, который, как считал король, предал его гостеприимство, нарушил верность своему сюзерену и олицетворял семью предателей. Давида грубо втащили на помост и вздернули как обычного убийцу, не дав задохнуться до конца. Затем его выпотрошили ножом мясника и сожгли внутренности. Тело его разрубили на четыре части и послали в четыре английских города. Голову отправили в Лондон и водрузили на пику на Тауэре. Так казнили предателей. В Лондоне Давид воссоединился с братом: два уэльских принца мертвыми глазами смотрели на крупнейший английский город. Тем временем нация, за которую они отдали жизнь, задыхалась под гнетом как всегда амбициозных строительных проектов Плантагенетов. Эдуард был намерен сделать свою победу по-настоящему артуровской: полной и бесповоротной. Желая удостовериться, что Уэльс не восстанет снова, он дал старт величайшей программе строительства замков, какой Британия еще не видывала.

Замки короля

Средневековая стройплощадка представляла собой шумное, грязное, зловонное место, какофонию лязга и грохота. Сезон строительства замков длился семь месяцев в году – с апреля по ноябрь, когда твердая земля оттаивала и погода позволяла работать на открытом воздухе не прерываясь. Ландшафт вокруг строящейся крепости менялся до неузнаваемости. Строители валили деревья и выкорчевывали лес, дробили камни и волокли их к месту стройки; ревели обжиговые печи. Одна за другой прибывали повозки, груженные огромными бревнами и иной древесиной, добытой в далеких лесах. Бесконечный поток мастеровых, рабочих, плотников и каменотесов вытаптывал новые дороги. Земля из глубоких рвов, выкопанных для защиты вокруг стройплощадки, высилась гигантскими холмами, заслоняя горизонт. Лагеря, где жили строители, работавшие под открытым небом, производили горы мусора и отбросов, источали жар и дурной запах человеческих тел, стесненных на небольшом пространстве.

Величайшим из строителей замков того времени был мастер Джеймс де Сент-Джордж – человек, который знал о стройплощадках больше любого другого. Эдуард познакомился с ним в Италии, когда, не торопясь, возвращался из Утремера, чтобы заявить права на корону, – и в нужный момент о нем вспомнил. Джеймс происходил из династии строителей: мастерству каменщика учился у отца, а юные годы провел на стройплощадках в Савойе. Сент-Джорджи строили города и замки в Альпах, приспосабливая свои великолепные проекты ко вкусам и нуждам требовательных богатых аристократов Северной Италии. Мастер Джеймс был каменщиком и военным инженером, специалистом по организации и управлению строительными объектами – он не был архитектором, но умел претворять в жизнь амбициозные проекты своих клиентов, а возведенные им замки отвечали самым высоким стандартам качества. Для королей и принцев того времени мастер Джеймс был ценнейшим работником: он знал всех лучших узких специалистов Европы – например по рытью каналов, и имел большой опыт строительства замков в сложных и опасных условиях Альпийских гор.

В 1278 году Эдуард нанял мастера Джеймса для выполнения одного из крупнейших заказов века: строительства гигантского кольца крепостей, призванного выжечь клеймо Плантагенетов глубоко в плоти княжества Уэльс, изменив как ландшафт, так и политический облик страны и навеки запечатлев в ней

английское господство.

Все короли Плантагенетов (за исключением Ричарда I) вторгались в Уэльс, и все уходили оттуда, не оставив практически ни следа. Эдуард I довел дело до конца. Два вторжения стоили ему огромных денег и политического капитала, и с самого начала было ясно, что он намерен ускорить колонизацию княжества, чтобы помешать Уэльсу еще раз взбунтоваться в качестве независимого государства. Он намеревался построить такое впечатляющее кольцо замков в центре Гвинеда, чтобы валлийцы физически не смогли избавиться от англичан и на горизонте у них перед глазами всегда маячило бы свидетельство своего подчиненного статуса.

Эдуард и его советники имели совершенно четкое представление о том, какие замки им нужны. Крепости должны были быть воздвигнуты в стратегически важных местах, а при их строительстве следовало взять за образец лучшие крепости Северо-Западной Франции и Южной Валлийской марки – двух регионов, где в последние 100 лет разворачивались самые тяжелые и длительные военные действия и в которых, соответственно, были разработаны лучшие средства защиты. Король лично общался с мастером Джеймсом: инструктировал его, где возводить башни и копать рвы, обсуждал с ним мелкие детали воротных столбов, тип и цвет используемого камня и древесины и даже указывал, где хочет разместить отхожие места. Почти все замки, строительством которых руководил мастер Джеймс, стоят до сих пор. Одни он возводил полностью с нуля, другие – перестраивал из уже существовавших. Первыми вознеслись к небу крепости Флинт и Рудлен на северной границе с Англией, Аберистуит на западном побережье и Билт в Южной марке. Все они были заложены еще в 1277 году в рамках программы колонизации, предпринятой после первого вторжения Эдуарда в Уэльс. Во время мятежа, спровоцировавшего второе вторжение Эдуарда, первые три крепости подверглись атакам восставших, и наполовину возведенные постройки в Аберистуите были сожжены дотла: когда война закончилась, стройку пришлось начинать заново.

Ко времени возобновления строительства Аберистуита планы короля расширились как в объеме, так и в амбициозности. Кроме Рудлена, Флинта и Аберистуита, он приказал возвести замки в Денби, Харлече, Конвее и Карнарвоне. (И еще один, наверное самый впечатляющий, был заложен на Англси, в Бомарисе, в 1295 году.)

Красоту и устрашающее великолепие замков Эдуарда трудно преувеличить. Они, как и замки вообще, служили зримыми

символами богатства, военной мощи и художественного вкуса династии завоевателей. Но в этих замках крылся и дополнительный подтекст – отсылка к легендам о короле Артуре. Эдуард не просто возводил военные аванпосты, он искоренял национальное самосознание валлийцев, присваивал их легенды и вплетал их в мифологию Плантагенетов.

Строительство замков занимало долгие годы, а некоторые, как, например, Карнарвон, так никогда и не были завершены. В других крепостях работы велись по уже существующим планам – там без особых изысков укрепляли имеющиеся фортификационные сооружения. Но что касается великих крепостей севера – поражающих воображение Конвея, Карнарвона, Харлеча и Бомариса, – их мастер Джеймс возводил, взяв за образец цитадель, окруженную концентрическими стенами, утыканными башнями, с двухбашенными стрельницами над воротами; кроме того, он применил хитроумное нововведение – бойницы. Попасть в бойницу стрелой снаружи было практически нереально, но защитники замка могли с легкостью посылать арбалетные болты наружу сквозь узкую щель.

Замки Уэльса несут на себе следы самого разнообразного архитектурного и исторического влияния. Ничто не завораживало воображение Эдуарда сильнее Карнарвона – места, где стоял древний римский форт Сегонций, построенный, как говорили, императором Магном Максимом, который, по легенде, был отцом византийского императора Константина. Карнарвон был построен из разноцветного камня, башни же его были восьмиугольными, а не круглыми, как везде в Уэльсе, – образцом для них послужили многоугольные стены Константинополя. А когда на стройплощадке были найдены кости, принятые за останки Магна Максима – их эксгумировали и захоронили в городской церкви, – символическое значение замка еще более возросло.

Нередко рядом с новыми замками вырастали укрепленные города – поселения, построенные специально, чтобы помочь гарнизону пустить в стране корни и обеспечить доход, компенсирующий ошеломительную стоимость крепости. В эпоху стремительного роста численности населения, какой был XIII век, страна не испытывала недостатка в переселенцах и рабочих, готовых отправиться на запад за новой жизнью, даже если в Уэльсе им приходилось сталкиваться с враждебностью покоренных местных жителей.

Но один «колонист» был важнее всех прочих. Весной 1284 года, когда строительство замка в Карнарвоне только началось, в город приехала королева Элеонора. Здесь у нее начались схватки – вероятно, 16-й раз в жизни. У королевской

четы уже было шестеро выживших детей: пять девочек – Элеонора, Джоанна, Маргарита, Мария, Элизабет, и мальчик по имени Альфонсо, названный в честь деда по матери. (Как минимум восемь других детей, включая первого и второго сыновей, Иоанна и Генриха, умерли в младенчестве.) 25 апреля королева родила еще одного сына, которого нарекли Эдуардом – в честь отца. Он родился всего на пару дней позже Дня святого Георгия, но во всех других смыслах его рождение было очень символично. Принц Плантагенетов, разделивший с отцом имя древней саксонской династии, появился на свет в городе с богатой историей. Маленький мальчик, названный Эдуардом Карнарвонским, стал символом завоевания и инструментом пропаганды. Он был четвертым сыном Элеоноры, и с его появлением на свет в мифологию Плантагенетов влилась еще одна легенда. Его рождение стало частью повествования об Артуре, Магне Максиме и о людях, живших на Британских островах в незапамятные времена. Наверное, этому мальчику самой судьбой было предначертано унаследовать трон своего отца. Так и случится, потому что десятилетний Альфонсо умрет в августе 1284 года в Виндзоре. В возрасте четырех месяцев маленький Эдуард неожиданно станет наследником обновленного Британского королевства. Уэльс был покорен, миф создан, наследник рожден: Эдуард последовательно воплощал в жизнь свое представление о царствовании. Теперь ему осталось лишь оплатить его.

Цена завоевания

Закрепиться в Уэльсе оказалось делом, требующим гигантских вложений. Первая валлийская война обошлась в сравнительно скромные 23 000 фунтов, но цена второй взлетела уже до 150 000 фунтов. Большая часть этих денег пошла на возведение замков, призванных упрочить победу: на каждый было потрачено от 14 000 фунтов (окончательная цена так и не достроенного замка в Бомарисе) до 20 000 фунтов (крепость в Англси).

Вложениями в камень и дерево дело не ограничилось. Эдуард навязал Уэльсу мир с позиции силы, такой же суровый, как нормандская колонизация Англии. Колонизация Уэльса, равняясь на правовую революцию, начатую Робертом Бернеллом в Англии, опиралась на статутное право. Уэльский статут, принятый в 1284 году, прекратил действие большинства исконно валлийских правовых и административных институтов. Флинт, Англси, Мерионет и Карнарвон стали графствами, устроенными по английскому образцу, и обзавелись административным аппаратом шерифов и судов, сформировавших центральную нервную систему правительства на местах. Английское уголовное право обрело формальный приоритет перед валлийскими обычаями и юридическими процедурами. Эдуард вымещал свою злобу на валлийских князьях: семью за семьей уничтожал, лишал земель и конфисковал имущество. Чтобы подтолкнуть процесс англизации сверху, в княжество направлялись верные Эдуарду люди.

Завоевание кардинально изменило облик Уэльса, но и его влияние на Англию тоже оказалось колоссальным. Заоблачная цена военных действий в чужой стране – пусть она отделена от Англии всего лишь Маркой – давила на Эдуарда, заставляя его поддерживать политический консенсус дома. Еще ребенком, во времена Второй баронской войны, Эдуард видел, как его отец пускает деньги на ветер внешней политики – и пожинает плоды в виде сопротивления политического сообщества, вынужденного ее оплачивать. Эдуард всеми силами старался избежать повторения этого опыта.

С завоевательными войнами в Уэльсе была тесно связана и масштабная программа английских законодательных и финансовых реформ. Изменения коснулись практически каждой сферы управления, правосудия и финансового регулирования: администрация Эдуарда стремилась как очистить механизм правления от враждебных элементов, так и внедриться глубже в

графства. Реформы стали первым большим шагом к построению правового государства, начатому во времена Генриха II. Какие-то меры назрели еще в годы безынициативного правления Генриха III, но, кроме того, готовность правительства Эдуарда заниматься реформами была критически важна для самого короля: без этого он не смог бы собрать невероятной суммы, необходимой для достижения амбициозных целей внешней политики Англии на Британских островах.

Основным инструментом реформ стали статуты, сфера ответственности Бернелла, вклад которого в создание нового английского государства был не менее фундаментален, чем роль мастера Джеймса в возведении замков. Реформы начались с трех статутов, выпущенных перед вторым вторжением в Уэльс (Вестминстерский, Глостерский и Статут о праве мертвой руки). После вторжения статуты хлынули потоком. Актон-Бернеллский статут (1283) и Статут о купцах (1285) регулировали вопросы взыскания долга. Второй Вестминстерский статут (1285), как и Первый Вестминстерский, представлял собой пространный законодательный акт, в 50 конкретных и подробных пунктах устанавливающий новые процедуры, правила и формы приказов по множеству вопросов: от наследования земель, их отчуждения и передачи имущества умершего вдове до наболевших тем ложного обвинения в убийстве и случаев, когда богатые люди давали шерифам взятки, чтобы уклониться от выполнения обязанностей присяжных.

Законодательные реформы должны были не просто облегчить баронам разрешение земельных споров и заключение торговых соглашений – они должны были просочиться в самые нижние общественные слои. Винчестерский статут 1285 года кардинально изменил практику уголовного правоприменения на уровне деревень, где, как считалось, преступники остаются безнаказанными, потому что присяжные не желают обвинять и осуждать своих соседей и укрывают их от наказания по всей тяжести закона. «Ввиду того что изо дня в день растет количество грабежей, убийств, поджогов и случаев воровства, – гласит статут, – а (обвинительные) присяжные не желают изобличать своими показаниями преступников, предпочитая лучше оставлять безнаказанными ограбления пришлых людей, чем обвинять этих преступников, которые большей частью являются жителями их графства… наш господин король для уничтожения засилья преступников установил в этих случаях наказания с тем, чтобы отныне присяжные не щадили бы и не укрывали преступников… хотя бы из-за страха наказания»[7].

Винчестерский статут требовал, чтобы местные жители взяли

на себя ответственность за выявление преступников. Если совершалось преступление, а преступник не был найден, наказание несла вся сотня. В новой системе закона и порядка каждый субъект был в ответе за поддержание мира. «Народ, живущий в этой местности, будет считаться ответственным за совершенный грабеж или другое преступление», – объявляет статут. «В больших городах, окруженных стенами, ворота должны быть заперты на время от захода до восхода солнца… любой, поселивший у себя или как-нибудь иначе принимавший лиц, подозреваемых в нарушении мира», должен был нести наказание как соучастник преступления.

Но самый заметный след Винчестерский статут оставил в английском ландшафте. Как рабочие и дровосеки прорубали широкие просеки в лесах Уэльса, преследуя Лливелина Последнего, так и каждый торговый путь в Англии должен был быть очищен в целях безопасности: «Далее приказано, чтобы большие проезжие дороги, ведущие от одного рыночного местечка к другому, были бы расширены в тех местах, где имеется лес, кусты или канавы так, чтобы там на расстоянии двухсот футов по обе стороны от дороги больше не было канав, подлеска или кустов, в которых мог бы спрятаться близ дороги какой-либо человек, замышляющий преступление», – гласил статут. Торговые артерии Англии превратились в лишенные леса дороги, позволяющие товарам и деньгам свободно перемещаться по королевству.

Наряду с проведением статутных реформ правительство Эдуарда старалось рационализировать систему королевских финансов. В 1279 году была произведена перечеканка монет – деньги эпохи Генриха III, по словам Матвея Парижского, были «так ужасно повреждены фальшивомонетчиками и злоумышленниками, обрезающими монеты, что ни граждане страны, ни иностранцы не могли смотреть на них без гнева и раздражения».

Эдуард реформировал и систему королевской бухгалтерии. Рудленский статут 1284 года постановил вычеркнуть старые долги из свитков, в которых записывались государственные дела, процесс взыскания долгов и штрафов через королевские суды ускорился, и королевские поверенные отправились в поездки по стране, чтобы собрать сведения о задолженностях перед короной.

Но даже эти меры не помогли заполнить зияющую дыру в королевском бюджете, образовавшуюся к 1289 году. Стремясь увеличить свой доход, Эдуард полагался на банковские займы и обычные налоги, выплачиваемые мирянами и духовенством. Его программа реформ пользовалась широким политическим

доверием, и только благодаря этому в начале царствования ему удалось собрать налог, равный 1/15 от стоимости всего имущества мирян и священников; это доверие и в дальнейшем помогало ему привлекать инвестиции.

В сфере законодательства, как и на войне, Эдуард настаивал, чтобы его правительство придерживалось радикальных и неизменных стратегий: их он оставит стране в наследство после смерти. Только активное правительство такого типа могло сплотить нацию и обеспечить общественную поддержку дорогостоящей внешней политики короля. Реформы Эдуарда были крайне необходимы и жизненно важны для финансовой и политической безопасности короны, но была у них и темная сторона. Самым черным пятном в истории эдвардианских реформ стало то, как король обошелся с английскими евреями.

Изгнание евреев

10 октября 1290 года группа бедных лондонских евреев села на корабль, следующий вниз по Темзе. В руках у них были королевские патенты на беспрепятственное передвижение, а на одежде – желтые опознавательные знаки в виде книжки: закон обязывал носить их, чтобы отличаться от христиан. В узлах и свертках они несли все свои пожитки. Евреи направлялись к побережью и далее на континент. Они знали, что никогда не вернутся в Англию.

Судно миновало Лондон и ближайшие к столице поселения. Они оставляли за спиной город, жить в котором становилось все тяжелее; город, где еврейский народ страдал от все более жестоких и кабальных законов, запрещающих им торговать, зарабатывать деньги и даже контактировать с соседями-христианами, что их предки делали вполне свободно. Их синагоги сжигали, их друзей избивали и вешали, а буйные проповедники требовали обращения евреев в христианство. Лондон больше не нуждался в них и не принимал их. У евреев не было другого выхода, кроме как уехать.

Корабль шел по течению. После многих миль река расширилась, и пейзаж Кента, открывшийся по правому борту, рассыпался островами и песчаными отмелями. Впереди лежало открытое море. Был отлив.

Капитан, христианин, повернул судно к югу, к острову Шеппи. Вода опускалась все ниже, и капитан бросил якорь и остановился в устье Темзы, у песчаной косы, обнажившейся благодаря отливу. Обратившись к пассажирам, он объяснил, что, пока вода не поднимется, корабль не сможет двигаться дальше. Можете выйти, сказал он им, – размять ноги на песочке.

Все пассажиры последовали его совету и вышли из лодки прогуляться по влажному песку. Они не заметили, что вода уже начала подниматься.

Капитан, конечно же, заметил. Он, как и вся его команда, знал, что после отлива воды Темзы хлынут на песок, увлекая за собой все подряд. Капитан кинулся к кораблю и взобрался на борт, а затем посоветовал своим еврейским пассажирам – прогуливающимся по отмели и отрезанным от безопасного места – взывать к Моисею, который один раз уже раздвинул для них воды морские, и попросить его сделать это вновь. Затем корабль уплыл, увозя с собой украденный багаж евреев. Прилив, поднимаясь, увлекал за собой людей. Все они утонули.

За то, что они сделали, капитана и команду корабля позже

бросили в тюрьму. Это было одно из самых бесчеловечных преступлений, совершенных в 1290 году, во время изгнания из Англии небольшого еврейского сообщества. Случай был нетипичным для в целом мирного исхода, но стал кошмарной иллюстрацией ненависти и бездушной жестокости, какую в XIII веке проявляли к евреям христиане и правительства Европы.

В годы царствования Эдуарда еврейское население Англии насчитывало около 2000 человек, составлявших 15 преимущественно городских общин и живших, как и в царствование Иоанна, подчиняясь условиям, изложенным в апокрифических законах Эдуарда Исповедника: «…сами евреи и все их имущество принадлежат королю». Но со времен правления Иоанна обстоятельства, в которых приходилось существовать английским евреям, становились все менее благоприятными. Все чаще в их адрес звучали кровавые наветы: в 1240 году три еврея из Норвича были казнены за то, что будто бы сделали обрезание пятилетнему мальчику, которого якобы планировали распять на Пасху, – этот случай спровоцировал еврейские погромы. В 1255 году еврей по имени Копин был обвинен в убийстве восьми– или девятилетнего христианского мальчика, которого он и его сообщники якобы запытали до смерти при проведении магического ритуала. Легенда утверждает, что тело мальчика не тонуло в воде и не горело на земле, а когда его бросили в колодец, испускало приятный запах и яркий свет. Когда Генрих III посетил Линкольн, он приказал казнить Копина, а еще 91 еврея схватили и отвезли в Лондон, где всех осудили на смерть; 18 человек казнили – прежде чем Ричард Корнуоллский вмешался и спас остальных. Подобные же случаи зафиксированы в Лондоне и Нортгемптоне в 1260-х и 1270-х годах.

В 1269 году Генрих III дополнительно ужесточил условия, на которых евреям дозволялось заниматься торговлей, а также с этого момента богохульство евреев каралось смертной казнью через повешение. Эдуард, вернувшись из крестового похода, утвердил Еврейский статут (1275): наложил запрет на большинство форм ростовщичества, запретил евреям жить в определенных городах, ввел ношение позорного желтого знака, описанного так: «…в форме двух соединенных табличек [скрижалей] желтого цвета, длиною шесть дюймов и шириною в три», и обложил ежегодным тройным налогом всех евреев старше 12 лет. Примерно в то же время, что был принят Еврейский статут, королева-мать, Элеонора Прованская, выгнала евреев из всех принадлежавших ей земель. Позже, когда в 1278–1279 годах Эдуард ввел суровые законы против обрезания монет, а его суды приступили к наказанию правонарушителей, евреи оказались

обречены на узаконенное истребление: несмотря на то что виновными в обрезании монет признавались как христиане, так и евреи, евреев за это преступление казнили в десять раз чаще. В конце 1270-х годов не было в Англии еврейской семьи, глава которой в какой-то момент не оказался бы в тюрьме под подозрением в обрезании монет. Евреи жили в атмосфере правового террора: нередко бессовестные соседи шантажировали их, угрожая донести властям, что они якобы обрезают монеты. Массовые аресты и налоговое вымогательство продолжались и в 1280-х годах. В 1283 году евреи были лишены защиты государства, гарантированной обычным купцам, а в 1284 году архиепископ Пэкхэм выпустил декрет, предписывающий разрушить все лондонские синагоги, за исключением одной. Два года спустя папа Гонорий IV потребовал, чтобы архиепископы Кентерберийский и Йоркский запретили общение христиан с «проклятыми вероломными» евреями.

Ничто из вышеперечисленного не было уникально английским. XIII век был, вероятно, самым жестоким в своем антисемитизме временем Средневековья. Короли всех европейских стран схожим образом притесняли своих евреев. Фридрих II потребовал, чтобы сицилийские евреи носили голубой знак в виде буквы Т и запретил им брить бороду. Французские короли, начиная с Филиппа Августа, приказывали французским евреям носить знак в форме колеса. Погромы, убийства, выселение в гетто, дискриминационные законы, преследования и злоупотребления в отношении евреев нарастали везде, где существовали еврейские диаспоры. Эдуард, покорный своему времени с его агрессивным, брутальным, нетерпимым христианством, следовал тренду фанатичного века.

Несмотря на растущую волну притеснений и юридических препятствий торговле, де-факто евреи по-прежнему выполняли функции финансового сектора Англии. Ростовщичество продолжалось подпольно, и евреи продавали долговые расписки спекулянтам: если заемщик не выполнял своих обязательств, те могли унаследовать земли, которыми были обеспечены займы. По очевидным причинам евреи были непопулярны среди землевладельцев, попавших в долговую ловушку. На Эдуарда всерьез давила религиозная и политическая необходимость уничтожить как евреев, так и их бизнес. Этому давлению король – одновременно набожный и радостно хватавшийся за любой способ наполнить свою пустую казну – не мог противостоять.

Самому Эдуарду было только на руку присутствие евреев в Англии. Его отец собрал с них пошлину в 6000 марок на оплату крестового похода сына, а между 1272 и 1278 годом казначей

Эдуарда попытался вытрясти из евреев еще 20 000 фунтов (хотя и безуспешно). Но Эдуард был принцем-крестоносцем, и нетрудно было разжечь в его душе презрение к другим религиям. Король был обычным мракобесом и ничем не отличался от своих темных английских подданных, которые, как архиепископ Пэкхэм и Томас Кантелупский, епископ Херефорда, считали, что евреев нужно либо обращать в христианство, либо нещадно травить.

Непосредственным поводом к изгнанию, как и причиной многих других событий, случившихся в царствование Эдуарда, стал вопрос финансов. Практически сразу после колонизации Уэльса королю пришлось ехать в Гасконь, восстанавливать свою власть в герцогстве. Он покинул Англию 13 мая 1286 года и отсутствовал дольше трех лет, разбираясь со своими феодальными привилегиями, основывая новые города и приводя в порядок систему правления в герцогстве, во главе которой стояли должностные лица, в силу удаленности от Англии вынужденные действовать по своему разумению. Гасконь испытала на себе всеохватывающую, последовательную и упорядоченную программу эдвардианских реформ, что, конечно, потребовало от короля расходов. По возвращении в Англию Эдуард остался должен банкирам Риккарди из Лукки больше 100 000 фунтов.

Он приехал 12 августа 1289 года и обнаружил, что политическая атмосфера в стране сильно изменилась. Против его ключевых министров, в том числе двух старших судей в Англии – верховных судей Суда королевской скамьи и Суда по гражданским делам, – были выдвинуты обвинения в серьезных злоупотреблениях. Официальные лица, тщательно изучавшие, каких привилегий король лишился на местах, раздражали население и провоцировали нестабильность, а некоторые из английских графов уже вслух поговаривали, что Эдуард не имеет права требовать финансовой помощи, когда сам пребывает вне королевства. В октябре Эдуард был вынужден написать в каждое английское графство и предложить всем, у кого есть претензии к королевским министрам или чиновникам, высказать их в Вестминстере перед королевскими уполномоченными. Вряд ли это была та политическая ситуация, в которой можно было требовать от парламента дополнительных денег, не делая ему серьезных уступок.

Но не думать о деньгах Эдуард не мог, потому что он снова начал размышлять, не отправиться ли ему на Святую землю, в очередной крестовый поход. Монголы слали дипломатические депеши, требуя, чтобы Эдуард явился воевать с мамелюками, а его верный союзник Оттон де Грандисон уже ехал на Святую землю с разведывательной миссией.

Переговоры с папским престолом насчет сбора налога на крестовый поход уже велись, но, если Эдуард хотел организовать кампанию успешнее первой, ему понадобилось бы глубже запустить руку в карманы своих баронов и мелких землевладельцев. Отчаянно нуждаясь в деньгах, готовый прибегнуть к любым средствам, которые помогут их добыть, он закономерным образом пришел к логичному финалу политики Плантагенетов в отношении евреев. Землевладельцы хотели от них избавиться; Эдуард колебался, но относился к этой идее скорее одобрительно. В 1287 году он выгнал евреев из Гаскони. Теперь он поступит так же в Англии, а попутно заработает себе политический капитал, успешно соберет налог, а может, даже наживется, присваивая имущество уезжающих евреев.

Поэтому, когда пэры и рыцари Эдуарда в июле 1290 года собрались в Вестминстере, сделка была заключена. В обмен на изгнание евреев бароны обещали королю уплатить желанный налог. 18 июля 1290 года был выпущен Эдикт об изгнании, под угрозой смерти приказывающий еврейскому меньшинству Англии покинуть королевство в срок до 1 ноября. Эдикт разослали по всей стране и зачитали в синагогах. Евреи не оказали никакого сопротивления. Летом они начали уезжать, и к осени практически все покинули Англию – или погибли, как те несчастные, кто сел на корабль, отправившийся вниз по Темзе 10 октября.

Эдикт об изгнании стал последней точкой в почти вековой враждебности к евреям со стороны Эдуарда и его предков. При всех страданиях, тяготах и невзгодах, что пришлось вынести евреям, покидавшим Англию ради столь же негостеприимной Европы, для короля изгнание стало успешным популистским ходом. Когда около 2000 евреев, избежавших смерти и разорения в первые 18 лет царствования Эдуарда, получили приказ покинуть Англию, королевские сборщики налогов принялись окучивать оставшееся христианское население. Обрадованные английские землевладельцы – как минимум те, что были представлены в парламенте, – обещали Эдуарду уплатить налог в 1/15 на все движимое имущество, что в денежном выражении составило огромную сумму в 116 000 марок – крупнейший налог, собранный в Англии за все Средние века. «Народ стонал безутешно», – писал автор хроники аббатства Осни, описывая эффект, произведенный сбором налога на простой английский люд. Громче всех стонали евреи, рассеянные по Европе. Но никто их не слушал. Эдуард еще раз доказал, что готов принимать законы и проводить реформы в соответствии с нуждами королевства Плантагенетов, которое снова готовилось погрузиться в еще одну затяжную и дорогостоящую войну.

Великая тяжба

Когда осенью 1290 года евреи покидали Англию, все указывало на то, что Эдуард I покинет страну вместе с ними и отправится в освободительный крестовый поход в Утремер. Сборщики налогов разъезжали по стране, выкачивая деньги из мирян и духовенства, и казалось, будто «новый Ричард» готовится возвестить начало очередной великой эпохи смертей и славы во имя Иерусалима. Но спустя несколько месяцев судьба распорядится по-своему: поход на Восток не состоится, и в истории крестовых походов Плантагенетов не появится новая глава. Остаток правления Эдуард будет занят делами поближе к дому: в Уэльсе снова поднимет голову сопротивление, а французская монархия возобновит агрессивные действия с целью выдворить Плантагенетов из Гаскони. Но самым кровавым событием из всех станет война с Шотландией.

«Когда всем валлийским злодеям дали укорот, шотландцы взялись за копья да камни». Слова этой бойкой песенки, записанной в 1298 году, вкратце описывают тот разворот, что пришлось сделать Эдуарду в середине царствования, переключившись с войны с валлийцами на войну с шотландцами. Истина же не была и вполовину столь внятной.

В начале сентября 1290 года флотилия кораблей вышла из порта Берген, расположенного на юго-западном побережье Норвегии. Корабли направлялись в Шотландию и везли невероятно ценный груз: девочку Маргарет, едва шести лет. Она была известна как Норвежская Дева, но обстоятельства требовали, чтобы девочка стала Шотландской Леди. На ее хрупких плечиках лежали надежды и безопасность многострадальной нации.

Девочка была внучкой Александра III, короля Шотландии, умершего в 1286 году. Смерть Александра вызвала замешательство в королевстве, поскольку вопрос престолонаследия не был улажен. Обстоятельства сложились так, что король не оставил прямого наследника. Хотя жена Александра, королева Иоланда, в 1286 году, на момент смерти короля, была беременна, ребенок родился мертвым. Династический кризис навлек беду на королевство. «Христос, рожденный от Девы, спаси и сохрани Шотландию, это потерянное государство», – писал хронист XIV века Эндрю Уинтонский, описывая десятилетия смуты в королевстве без короля.

Между 1286 и 1290 годом Шотландия пребывала в состоянии анабиоза, а правил ею Совет хранителей, старавшихся удержать

страну на плаву, пока не будет найден наследник престола. Наследником, на котором в итоге остановились, оказалась Маргарет, и летом 1290 года по итогам длительных переговоров с английским и норвежским двором шотландские магнаты согласовали ее переезд в страну. Так как самостоятельное правление маленькой девочки не разрешило бы кризиса власти, шотландцы убедили Эдуарда, что ребенка нужно привезти на Британские острова и выдать замуж за сына английского короля, Эдуарда Карнарвонского, которому тоже исполнилось шесть лет. Этот династический союз должен был связать воедино английскую, шотландскую и норвежскую фамилии. Биргамский договор, скрепленный 18 июля 1290 года, одобрял этот брак и гарантировал, «что королевство Шотландское должно оставаться самостоятельным и отдельным от королевства Английского… и что оно должно быть независимым».

Путешествие, предстоявшее Маргарет, не было ни необычным, ни опасным. Между Шотландией и Норвегией существовали тесные связи, королевства разделял лишь небольшой участок Северного моря, исчерченный регулярными торговыми путями. Перевалочным пунктом между двумя странами были Оркнейские острова, архипелаг у берегов Хайленда: графы Оркни присягали на верность как шотландским, так и норвежским королям. Корабль Маргарет вышел в море в первую неделю сентября 1290 года, а в Оркни прибыл на третьей неделе месяца. Шотландские и английские дипломатические каналы гудели новостями о приезде принцессы, а английские дипломаты во главе с Энтони Беком, епископом Дарема, отправились в Шотландию, чтобы приветствовать Деву. Они везли ей в подарок драгоценные каменья.

Но английские дипломаты так и не смогли вручить девочке богатые дары, посланные Эдуардом. В конце сентября ужасная новость достигла Шотландии: неделю проболев, Маргарет скончалась на Оркнейских островах, в Керкуолле. Причина ее смерти осталась неизвестна, но, скорее всего, она умерла, отравившись в пути испорченной пищей.

Со смертью Маргарет оборвалась Данкельдская династия, начавшаяся 300 лет назад, в конце первого тысячелетия, с царствования Дункана I. Шотландия окончательно лишилась правителя. Попытки найти нового чуть было не разорвали королевство в клочья.

С первыми слухами о смерти Норвежской Девы между двором Эдуарда и влиятельными лордами Шотландии начался интенсивный обмен письмами и ходатайствами. Письмо, отправленное епископом Сент-Эндрюса сразу после смерти

Маргарет, свидетельствует о широко распространившемся страхе гражданской войны. Магнаты вооружались и готовились заполнить вакуум власти кровью. Только король с такими возможностями и репутацией, как Эдуард, мог предотвратить сползание в анархию. «Пусть ваше величество соблаговолит, молю, приблизиться к границе для успокоения шотландского народа, чтобы не дать пролиться крови и чтобы честные люди королевства могли… короновать того, кто по закону должен унаследовать [трон]…» – писал епископ. Без того рода верховной власти, которым обладал Эдуард, невозможно будет законным порядком определить нового короля – намекал прелат.

В конце 1290 года Эдуарда постигло и личное горе. Когда до него дошли слухи о смерти Маргарет, он узнал, что королеву Элеонору опять настигла лихорадка, которую она подхватила в Гаскони в 1287 году. Она поехала в Линкольн, чтобы встретиться с мужем, но слегла и скончалась 28 ноября 1290 года в деревушке Харби в Ноттингемшире. Эдуард помчался ей навстречу и был рядом с женой в ее последние минуты. Элеоноре исполнилось 49 лет; пара прожила в браке 36 лет.

Эдуард не скрывал свою скорбь по жене, о которой год спустя писал: «…мы не можем разлюбить и после смерти». Тело Элеоноры, забальзамированное и набитое ячменем, отвезли обратно в Вестминстер. На каждой из 12 остановок Эдуард приказал поставить по многоярусному каменному кресту, увенчанному шпилем, – там, где лежало ее тело. Образцом для «крестов Элеоноры», ставших всенародным памятником скорби, послужили кресты Монжуа, воздвигнутые в память о Людовике IX Французском. Вдобавок Эдуард без конца заказывал мессы, чтобы помочь душе Элеоноры пройти сквозь чистилище: через шесть месяцев после ее смерти архиепископ Йоркский с гордостью сообщил королю, что – трудно поверить – за душу почившей королевы молились на 47 000 месс.

Эдуарду было крайне важно взять в свои руки Великую тяжбу – как называли сложное и обширное судебное дело, в котором 13 претендентов оспаривали право на шотландский трон. Дело тянулось два года и свелось к выбору между Иоанном Бэллиолом и Робертом Брюсом. Эдуард – в письме с соболезнованиями по случаю смерти Девы – называл себя «другом и соседом» Шотландии, но на Великую тяжбу он смотрел как на очевидный шанс усилить свой авторитет во внутренних делах Шотландии. Он взялся рассудить дело не только по доброте душевной, но и повинуясь неукротимому желанию утверждать и эксплуатировать привилегии короля. Он твердо верил в феодальное превосходство своей короны над короной

Шотландии, несмотря на то что в годы правления его династии эта верховная власть проявлялась лишь изредка. В процессе выбора короля – и после – Эдуард использовал любую возможность продемонстрировать, что он – лорд и хозяин всех Британских островов.

Судебный спор, который в итоге решился в пользу Иоанна Бэллиола, был обширным и запутанным. Кто вообще имел право выбирать короля? Претенденты на трон с неохотой согласились, что единственный способ ответить на этот вопрос – признать верховную власть Эдуарда. Но путь к этому решению не был ни легким, ни простым. Только через год после смерти Девы и после конференции в пограничном замке Норхэм шотландцы признали сюзеренитет Эдуарда. К ноябрю 1292 года дело было решено, и 30 ноября в Скуне, древней столице шотландского королевства, Иоанн Бэллиол был коронован как Иоанн Шотландский.

Но если Бэллиол надеялся, что коронация поставит его в один ряд с его южным «другом и соседом», то он просчитался. Эдуард надзирал за выборами вассала, а не равного. Генрих II и Иоанн были счастливы просто принимать оммажи шотландских королей и довольствовались скорее теоретической, чем реальной властью; на протяжении жизни многих поколений шотландские короли состояли в отличных отношениях с английским двором, держали английские графства (самый известный пример – графство Хантингдон) и служили в английском феодальном войске. Эдуарду I этого было недостаточно. Он ожидал полного и публичного подчинения – не только церемониального, но и реального.

За десять дней до интронизации Бэллиол принес присягу на верность Эдуарду, поклявшись на французском языке, что он держит Шотландию от английской короны и будет «хранить веру и преданность вам, защищать вашу жизнь, здоровье и земную честь от всех, кто живет и умирает…». 26 декабря он принес оммаж Эдуарду в присутствии 23 шотландских магнатов.

В этом не было ничего необычного, но вдобавок к традиционным формальностям Эдуард заявил, что в его права верховного властелина входит и право выслушивать апелляции против судебных решений шотландского короля. Это прямо противоречило положениям утвержденного в 1290 году Биргамского договора, который, несмотря на предполагаемое совместное царствование Эдуарда Карнарвонского и Норвежской Девы, гарантировал, что «права, законы, свободы и обычаи королевства Шотландского во всем и всегда будут целиком и нерушимо навечно сохранены во всем королевстве и в приграничных землях» и что «никто из королевства

Шотландского не должен быть привлечен к ответственности за пределами королевства по поводу любого договора, заключенного в нем, или за любое преступление, совершенное в этом королевстве, и во всех иных случаях». Времена изменились, и Эдуард посчитал целесообразным настойчивей насаждать свою власть. В 1293 году, рассматривая дело шотландского магната Макдаффа (Макдуфа) из Файфа, заявившего, что его лишили права владеть землями в Северном Файфе, Эдуард заставил Иоанна Бэллиола лично предстать перед осенней судебной сессией английского парламента. Бэллиол не признал права английского парламента рассматривать апелляции из Шотландии, но под давлением Эдуарда отступил, отозвал свои претензии и обновил ленную присягу. Это было унижение, от которого Бэллиол уже не оправится. Король-вассал, как и все очевидцы его правления, вскоре осознает, что с таким мощным соседом, как Эдуард, шотландская корона на самом деле фиктивна.

Но что ни говори, а Эдуард перешел все границы. Утвердить превосходство Англии над Шотландией – это еще куда ни шло, но бескомпромиссная позиция Эдуарда зажала Бэллиола между двумя несовместимыми принципами. С одной стороны, король Шотландии должен был подчиняться артуровским амбициям Эдуарда, с другой – отстаивать независимость шотландской короны. В результате правление Бэллиола окажется несостоятельным и вынудит Шотландию в едином порыве подняться на борьбу с Англией. Вместо того чтобы укрепить свой авторитет в шотландских делах, Эдуард лишь подтолкнул шотландцев в объятия Франции.

Война на всех фронтах

Главными торговыми артериями в XIII веке были морские пути через Ла-Манш и вдоль Атлантического побережья Франции. В тяжелых условиях, подвергая себя опасностям, подстерегающим в открытом море, купцы из богатых стран Европы перевозили товары между удаленными друг от друга территориями, в портовые города и на рынки от Фландрии до Иберийского полуострова и дальше. Торговая активность была постоянной, и купцы всех наций регулярно контактировали друг с другом. И тем не менее в начале 1290-х годов внезапно вспыхнула безжалостная война между судоходными компаниями Англии, Нормандии, Фландрии, Гаскони и Кастилии, вылившаяся в непрекращающиеся бои и пиратские налеты вдоль побережья Европы от «Пяти портов» до Лиссабона. В воздух взвились военные знамена, морские пути и устья рек стали чрезвычайно опасны, а в море лилась кровь людей всех национальностей.

Причины войны неясны. Трения между английскими и нормандскими моряками начались в 1292 году с потасовки в Нормандии. На протяжении следующего года ситуация усугублялась, а 15 мая 1293 года произошла серия отдельных стычек между частными армиями под английскими и нормандскими флагами. К этому моменту серьезность беспорядков требовала вмешательства правительства. Эдуард, который не очень хотел быть втянутым в международный конфликт из-за пиратов, постарался спустить дело на тормозах. Он отправил во Францию посольство, чтобы установить мир с Филиппом IV, унаследовавшим французский трон в возрасте 17 лет, когда его отец Филипп III в 1285 году скончался, подхватив дизентерию во время вторжения в Арагон.

Филипп IV смотрел на Эдуарда свысока – подобно тому, как сам Эдуард смотрел на короля Шотландии. Филипп обладал приятной внешностью и носил то же прозвище Le Bel (Красивый), что и Жоффруа, граф Анжуйский, основатель дома Плантагенетов. Но за его красивым лицом скрывалась холодная, негибкая личность. Данте называл его «чумой Франции», а епископ Памье писал: «Он не человек и не зверь. Он статуя». В годы своего царствования Филипп будет группами и поодиночке преследовать и казнить всех, кто покушался на его авторитет. Он пытал рыцарей-тамплиеров и разгромил их орден. В 1306 году он собрал французских евреев и изгнал их из страны (но в 1315 году им разрешили вернуться). В печально известном деле Нельской башни он бросил в тюрьму трех своих невесток, обвиненных в

супружеской измене, а их предполагаемых любовников приказал замучить до смерти на глазах у собравшейся толпы.

Этот человек по неуступчивости и безжалостности мог превзойти и самого Эдуарда. И хотя в 1286 году Эдуард на пышной церемонии принес Филиппу оммаж за Гасконь, в будущем Франция вновь окажется слишком мала, чтобы Капетинг и Плантагенет могли в ней ужиться.

Есть какая-то ирония судьбы в том, что, пока Эдуард пытался утвердить свою феодальную власть над Иоанном Бэллиолом, Филипп совершенно таким же образом хотел унизить Эдуарда в Гаскони. Используя войну судовладельцев как предлог, Филипп настоял, чтобы ему предоставили вершить суд над гражданами Гаскони и официальными лицами, причастными к жестоким нападениям. Когда их к нему не доставили, он потребовал, чтобы Эдуард сам предстал перед французским парламентом после Рождества 1293 года. Эдуард послал вместо себя своего брата Эдмунда, графа Ланкастерского. Но Филипп вступил в переговоры с недобрыми намерениями. Англичанам предложили сделку: Эдуард публично откажется от Гаскони и сдаст города и крепости, скрепив соглашение браком с сестрой Филиппа, 11-летней Маргаритой Французской. Французы подчеркнули, что, удовлетворившись публичной данью уважения, они отдадут свои гасконские приобретения обратно и не будут требовать, чтобы Эдуард отвечал перед французским парламентом.

Англичан феерически одурачили. Их наивность, проявившаяся в невероятном доверии беспардонно агрессивной и экспансионистской французской монархии, озадачивает. Это было так странно, что хронисты того времени решили, будто английского короля обуяла страсть к обещанной ему юной французской принцессе: мол, как его дед Иоанн украл несовершеннолетнюю Изабеллу Ангулемскую, так и Эдуард был готов пожертвовать политическими интересами ради соблазнов юного тела.

Это объяснение не выдерживает никакой критики, учитывая, что Эдуард был прожженным политиком, готовым испробовать любой политический маневр, способный открыть ему дипломатические пути к организации нового крестового похода. Но какой бы ни была мотивация англичан, их обвели вокруг пальца. Вызов в парламент не отменили: напротив, его обновили и повторили. Когда Эдуард отказался унижаться перед Филиппом в той самой манере, в какой он сам унизил Иоанна Бэллиола, Англия и Франция снова оказались в состоянии войны.

Обе стороны срочно занялись подготовкой к военным действиям. Эдуард вернулся к старой военной стратегии XIII века:

заключать союзы и вступать в коалиции с принцами, чьи земли граничат с Францией на севере и востоке, а затем вторгаться в земли врага, чтобы защитить и сплотить свои южные территории. Его дипломаты под руководством Энтони Бека начали переговоры с королем Германии, магнатами Нидерландов и Бургундии. В обмен на вступление в союз против Филиппа IV им пообещали денег и выгодных браков. Одновременно был объявлен призыв в английские вооруженные силы.

Для Ричарда I такой план сработал, но в пору Иоанна Безземельного и Генриха III он очевидным образом провалился. Эдуард тоже успеха не добился, потому что – как многие правители до и после него – он почти полностью исчерпал свои ресурсы. В октябре 1294 года король послал в Гасконь английскую армию под командованием своего неопытного племянника Жана Бретонского, однако численность ее оказалась меньше, чем планировалось. Внимание короля отвлекли другие события. Войска, которые нужны были ему на юго-западе Франции, пришлось оставить дома – наводить порядок в Уэльсе.

За месяц до того, как Жан Бретонский поднял паруса, в Уэльсе началось крупное восстание, которое возглавил Мадог ап Лливелин, очень дальний родственник Лливелина Последнего. Мадог объявил себя преемником Лливелина, но на самом деле причиной его мятежа стали неподъемные налоги, которыми обложили все движимое имущество английских подданных в 1292 году. Последний налоговый платеж был собран в Уэльсе в сентябре 1294 года и сопровождался требованиями, чтобы валлийцы отправились воевать в Гасконь.

Мадог объединил усилия с другими мелкими валлийскими князьями. Кинан ап Мередид, Майлгун ап Рис и Морган ап Мередид вовсе не были крупными магнатами, но выбор был невелик: после вторжения 1282 года Эдуард безжалостно срезал верхний слой валлийской знати. Люди Мадога атаковали новые английские замки по всему Уэльсу. Все крупные сооружения устояли, но, чтобы усмирить Уэльс, Эдуарду пришлось вернуть в Вустер значительную часть армии, готовой вторгнуться в Гасконь. Это истощило его ресурсы. Суть проблемы заключалась в следующем: Эдуард, может, и был самым могущественным человеком в Уэльсе, но даже до того, как Франция начала враждебные действия, надежды короля быстро организовать надежную оборону своих континентальных земель поперхнулись плодами его владычества на Британских островах.

Третье валлийское вторжение Эдуарда, начавшееся зимой в конце 1294 года, стало крупнейшим в его царствование. Его солдаты вошли в Уэльс в декабре, придерживаясь прежней

тактики: королевская армия наносит основной удар, двигаясь из Чешира в Конвей, а верные лорды Марки в это время предпринимают независимые атаки с юга.

Несколько раз им пришлось отступать. Валлийцам удалось захватить значительную часть английского обоза. Зимой Эдуард попал в осаду в замке Конвей – сильное наводнение отрезало его от основных сил. Говорят, что король отказался от своей небольшой порции вина, приказав разделить ее поровну между остальными, а сам пил воду, подслащенную медом. Это был не более чем красивый жест. Когда вода спала, осаду легко сняли.

Весна, как и ожидалось, принесла англичанам победу. 5 марта войска под командованием графа Уорика разбили людей Мадога в битве при Майс Мойдог. «Это были смельчаки, лучшие из валлийцев, каких только видывал мир», – писал один из очевидцев, чье свидетельство сохранилось в хронике Хагнаби. Но они были не в силах противостоять английской военной машине, уверенной в своей стратегии и отлично оснащенной. После сражения Эдуард спокойно покинул Конвей и за три месяца объехал Уэльс, окончательно гася выдохшееся сопротивление. К середине июня 1295 года Уэльс был покорен, а лидеры мятежников схвачены.

И в этот раз победа далась англичанам довольно легко, не вызвав сколько-нибудь серьезного сопротивления. Но Эдуарду снова пришлось потратить огромную сумму: сама кампания обошлась в 54 с лишним тысячи фунтов, а после, с 1295 по 1300 год, на строительство замка Бомарис на Англси пришлось выделить около 11 300 фунтов. Кроме того, король упустил драгоценное время для вторжения в Гасконь.

И времени, и денег у него теперь оставались жалкие крохи. Гасконь отчаянно нуждалась в защите крупной армии – такой, какую Эдуард только что развернул в Уэльсе. Хуже того, в августе 1295 года французские корабли атаковали южное побережье Англии, Дувр был сожжен, погибли люди. Однако, когда Эдуард в том же месяце приехал в парламент, собравшийся в Вестминстере, он столкнулся со знакомым до головной боли подходом: около четверти английских магнатов заявили о полном нежелании служить короне на заморских территориях. Типичный для XIII века протест звучал в 1295 году так же громко, как и в 1214-м: Гасконь – дело короля, а не Англии.

Эдуард был в ярости. Он наложил жесткие финансовые санкции на тех, кто не захотел помочь ему оплатить компанию в Гаскони, и заказал строительство новых боевых галер для укрепления береговой обороны. Тем не менее паника ширилась. Правительство буксовало, и возникли слухи, будто французы уже

готовят полномасштабное вторжение в Англию. Выяснилось, что придворный рыцарь Томас Турбервиль шпионил в пользу врага. Патрули прочесывали южное побережье от Кента до Корнуолла, а мужчины и женщины в тревоге устремляли взор на горизонт, высматривая флаги и паруса французского флота, явившегося разрушить королевство.

В отчаянии Эдуард прибег к тактике, которая всегда хорошо ему служила: к уступкам и консультациям. В конце ноября он созвал в парламент большую ассамблею баронов и епископов, рыцарей и представителей графств, городов и деревень. Это было крупнейшее политическое собрание, созванное Эдуардом со времен первого вторжения в Уэльс. Король прибыл в примирительном настроении, пообещав, что никто не будет разорен, примкнув к его кампании. Приказы, отправленные тем, кому следовало явиться в парламент, который позже назовут «Образцовым», взывали к долгу спасать отечество: «Король Франции, не удовлетворенный предательским вторжением в Гасконь, приготовил могучий флот и армию, чтобы вторгнуться в Англию и стереть английскую речь с лица земли».

Страну поставили перед необходимостью встать на защиту королевства от коварных французов. Но ко времени, когда Англия ответила на требование короля и съехалась на парламент, гасконское дело снова померкло перед кризисом поближе к дому. Как только Эдуард вернул себе власть над Уэльсом, его король-марионетка Иоанн Бэллиол лишился власти в Шотландии. Войну с Францией снова пришлось отложить, а Эдуард был вынужден переключить свое внимание на очередную проблему.

У войны с Шотландией было несколько причин. Но основной стала гордыня, задетая честь короля. Эдуард в своем желании вмешиваться в дела северного королевства вышел далеко за рамки простого отстаивания своих законных прав. Когда летом 1294 года был объявлен призыв в армию для освобождения Гаскони, он потребовал от Иоанна Бэллиола и еще 18 шотландских магнатов нести военную феодальную повинность в войне с французами. Война с Уэльсом помешала выполнению требования, которое еще раз проиллюстрировало, что Эдуард был твердо намерен в полной мере пользоваться своими королевскими правами в Шотландии, а не просто теоретически признавать их наличие.

По мере того как Эдуард становился все воинственнее, положение Иоанна Бэллиола в Шотландии ослабевало. Шотландские магнаты сошлись во мнении, что человек, который не в силах противостоять соседу, просто не может быть королем. В 1295 году они лишили Бэллиола власти и восстановили совет

двенадцати, управлявший страной от его имени.

Эдуард серьезно просчитался и не учел, что, унижая шотландского короля, которого сам же и посадил на трон, он подрывает институт шотландской монархии. Вероятно, он действительно не видел сходства между своим обращением с Бэллиолом и требованиями французской короны в отношении Гаскони. Неспособность Эдуарда сопереживать трудностям своих оппонентов стала причиной большинства мятежей, восстаний и кризисов его царствования. В 1295 году он умудрился объединить двух врагов, которые останутся союзниками на следующие 365 лет. В феврале 1296 года шотландское правительство ратифицировало договор о дружбе с Францией. Так родился Старый союз.

Завоевание Шотландии

Армия Эдуарда выдвинулась на север, в направлении Шотландии, в феврале 1296 года, с намерением надолго преподать болезненный урок мятежному вассальному королевству за демонстративное неповиновение власти английского короля и дерзкий союз с французами. С прибытием короля в центре внимания оказалась нечеткая государственная принадлежность пограничных территорий. Граница между Шотландией и Англией была политической, не культурной, – в зоне изменчивого верноподданства не существовало четкой постоянной линии, разделяющей два королевства. Граница была нечеткой, а вот кровавые последствия войны – до предела реальными.

Пока армия Эдуарда маршировала к границе, шотландцы начали военные действия, отправив в Камберленд партизанские отряды, которые терроризировали население и уничтожали деревни вокруг Карлайла. Англичане же не торопились вступать в бой, решив подождать окончания пасхальных торжеств. Их первой жертвой стал Берик-на-Туиде, пограничный городок на северо-востоке Англии, вечное яблоко раздора меж двух королевств: превосходная база, откуда можно было предпринимать вылазки как на север, так и на юг, в зависимости от того, кто удерживал город. Битва при Берике, как и короткая, решительная и беспощадная кампания, ею начатая, была варварским, кровопролитным сражением, которое оставило по себе долгую память и в английских, и в шотландских песнях и хрониках.

Война началась в пятницу, 30 марта 1296 года, через месяц после того, как Эдуард подошел к шотландской границе, и началась она не очень благоприятно. Высокий, светловолосый король Эдуард, приближавшийся к своему 60-му дню рождения, в полевых условиях посвящал молодых воинов в рыцари перед битвой, когда серое небо над морем внезапно затянулось густым дымом. Горели три английских корабля, вступившие в бой раньше: один из них сел на мель недалеко от города; ликующие шотландцы напали на судно и подожгли его.

С этого момента градус насилия только нарастал. Армия Эдуарда, возглавляемая Робертом, лордом Клиффордом, под звуки труб продвигалась вперед, и улицы портового города тонули в крови. Англичане убивали мужчин Берика тысячами, а после шотландцы обвинили их в том, что они убивали даже женщин и детей, в том числе одну беременную женщину, которую, как говорили, изрубили в куски. Наблюдая, как

англичане готовят атаку на город, шотландцы дразнили и высмеивали их, но, когда битва началась, им стало не до смеха. Защитников города рвали в клочья, а трупов было слишком много, чтобы хоронить. Тела сбрасывали в колодцы и топили в море: город погряз в гнусной, чудовищной резне. Хронист Уолтер из Хеминбурга подсчитал, что, прежде чем духовенству удалось вымолить городу пощаду, погибло около 11 600 человек.

Горе шотландцев стало большим успехом англичан. После боя английские землекопы, рывшие глубокий защитный ров вокруг поверженного города, пребывали в отличном настроении. Ширина рва равнялась 80, а глубина – 40 футам, причем первую тачку земли вывез лично король. Ров символизировал английскую мощь и победу над шотландцами, и рабочие, вгрызаясь в землю, развлекали себя веселой песенкой. Хронист Питер Лангтофт записал часть куплета:

Шотландцы с позором
Попрятались по норам,
Разбиты – и ничто их не спасет:
Сейчас они, смотрите –
Барахтаются в Твиде,
Который в сине море их несет!

Вот так Эдуард завоевал Шотландию. В его армии было около 30 000 воинов, и он вел ее по северному королевству, убивая всех, кто осмеливался сопротивляться.

Противники обменивались изощренными оскорблениями. Шотландцы называли англичан хвостатыми собаками, потому что в Средние века никто не сомневался, что у англичан есть хвосты. Но было у них и кое-что более реальное: отлаженная военная машина, которой шотландцы никак не могли противостоять. После разгрома Берика Эдуард получил письмо от Иоанна Бэллиола, который в резких выражениях отзывал свой оммаж. Из других пограничных областей стекались сообщения о поджогах и убийствах на полях Нортумбрии. Шотландская диверсионная группа – наверное, чтобы отплатить англичанам за их зверства – заживо сожгла в церкви 200 мальчиков-школьников.

Место следующей битвы определилось, когда три видных шотландских графа захватили замок Данбар – древнюю каменную крепость, с римских времен возвышавшуюся на скалистом мысу восточного побережья. Эдуард отправил на север графа Суррея, приказав осадить замок. Бэллиол послал против Суррея войско, но шотландцы понесли очередное унизительное поражение. Три графа, засевшие в замке, были взяты в плен вместе со множеством

других баронов, баннеретов[8] и рыцарей. Питер Лангтофт писал, что «графов отправили в лондонский Тауэр… Остальных повезли в другие крепости, усадив на коней по двое, а некоторых, закованных в цепи, везли в повозках». Удручающий способ транспортировки для пленников и важный символ сокрушительного разгрома шотландцев.

После Данбара шотландское сопротивление растаяло. Короткая и хорошо организованная английская кампания уложилась в 21 неделю. Эдуард торжественно разъезжал по королевству, забравшись далеко на север – до Элгина и Банфа. Непрочную оборону шотландцев можно в значительной мере отнести на счет слабости Иоанна Бэллиола, чей авторитет был подорван стараниями Эдуарда, а власть ограничена Советом хранителей. 2 и 10 июля 1296 года, за два дня и в четырех местах, Бэллиол был публично унижен на церемониях в Кинкардине, Стракатро, Брихине и Монтрозе – с его рыцарского табарда[9] сорвали родовой герб, из-за чего в Шотландии его стали звать Тум Табард («пустой плащ»). Бэллиола отправили в Тауэр – составить компанию пленным графам. Довершая разгром, люди Эдуарда увезли из Эдинбурга государственные документы и все шотландские королевские регалии, в том числе священный интронизационный Скунский камень.

Камень Судьбы перевезли на юг, в Вестминстерское аббатство, и встроили в коронационное кресло. Власть Плантагенетов с этого времени будет передаваться через предмет мебели, содержащий самую ценную реликвию шотландских королей. Вместо того чтобы избрать для Шотландии нового короля, Эдуард решил, что будет править страной напрямую, как Уэльсом. Наследник и тезка старого Роберта Брюса, противостоявшего Бэллиолу в тяжбе за королевство, воевал на стороне Эдуарда, надеясь, что победа Англии вознесет его на трон вместо Бэллиола. Теперь же его пренебрежительно отодвинули в сторону. «Ты что, думаешь, нам заняться нечем, кроме как завоевывать для тебя королевство?» – спросил его Эдуард.

Полностью перестроенный Берик должен был стать центром английской власти, и первым делом в городе созвали парламент. На него съехались тысячи шотландцев, чтобы присягнуть на верность напрямую Эдуарду. Под руководством графа Суррея была введена новая система английского государственного и административного управления. Передавая печать Шотландии Суррею, Эдуард пошутил: «Человек делает полезное дело, избавляясь от дерьма». Шотландцев бесстрастно утилизировали. Наконец, через два года тушения пожаров, Эдуард опять был

готов дать бой Франции.

Переломный момент

В феврале 1297 года в Солсбери собрали парламент. Ему предстояло встретиться с королем, твердо намеренным после многих лет задержек и проволочек начать наконец войну против Филиппа IV Французского. Война требовала денег, а деньги требовали согласия. «То, что касается всех, должно быть одобрено всеми» – таков был новый девиз Эдуарда, созывавшего на совет политическое сообщество страны. И то, чего Эдуард настоятельно попросил в парламенте, действительно касалось каждого в Англии.

Ситуация с Францией требовала безотлагательных действий. Потратив годы на дипломатию, Эдуард скрепил альянс северных союзников, завершив дело месяцем раньше свадьбой в Ипсвиче, где 12-летний граф Холланд женился на дочери Эдуарда Елизавете. Холланд присоединился к коалиции, в которой уже состоял король Германии, ряд бургундских лордов, а также графы Фландрии и Гелдерна. Им следовало поторопиться с началом военных действий против Филиппа: Гасконь была в ужасной опасности, а 30 января английские силы под командованием графа Линкольна понесли сокрушительное поражение, попав в засаду между Байонной и Бонгардом. Медлить было нельзя.

К несчастью для Эдуарда, парламент в Солсбери вовсе не жаждал дальнейших побед, достойных славы, добытой в Шотландии. Напротив, короля встретили гневом, раздражением и упрямым отказом участвовать в финансировании еще одной дорогостоящей войны.

Англия кипела недовольством. Каждое поместье в стране уже ощущало гнет непомерных денежных запросов Эдуарда, а к концу 1290-х военные издержки взлетели до небес. Даже не считая шотландской кампании, стоимость последних войн составляла что-то около 250 000 фунтов. Только ради скрепления северной коалиции на континенте Эдуард влез в долги, достигавшие 75 000 фунтов; реальная война во Франции и Гаскони грозила обойтись гораздо дороже.

Оттого и налоги Эдуард собирал регулярно и в крупном размере. Внушительные пошлины на шерсть, которые в народе называли *maltote* («дурная пошлина»), заставляли купцов снижать цены, по которым они закупали товар у обычных фермеров и поставщиков. В 1295 и 1296 годах король собрал еще два обременительных налога. С 1294 года королевские служащие конфисковали провизию и материальные средства в рамках программы насильственной реквизиции, известной как *prise*

(«захват»). «Велик был гнет, возложенный на население», – писал Уолтер из Хеминбурга. Денежные поборы тяжким бременем легли на всю страну. И первыми, кто отказался сотрудничать, стали служители Церкви.

После кончины архиепископа Пэкхэма, случившейся 8 декабря 1292 года, английскую церковь возглавил новый предстоятель, Роберт Уинчелси, высокопоставленный интеллектуал и ученый, ни остротой ума, ни темпераментом не уступавший Эдуарду. Опираясь на папскую буллу, выпущенную Бонифацием VIII, который не терпел королей, облагавших Церковь налогами, Уинчелси заставил английское духовенство начисто отказать в какой-либо финансовой поддержке французской кампании Эдуарда. Эдуард взбеленился, объявил вне закона все английское духовенство и приказал своим людям конфисковать имущество духовных лиц по всей стране. «Никакого правосудия не полагалось священникам… и духовенство серьезно пострадало от неправедных деяний, – писал Уолтер из Хеминбурга. – На королевских дорогах у священников отнимали лошадей и отказывали им в правосудии, пока они не выкупят себя и не вернутся тем самым под защиту короля». Тут Эдуард одержал небольшую победу, но дальнейшее сопротивление вскоре спутало его карты.

В парламенте в Солсбери король попросил магнатов отправиться воевать в Гасконь, пока сам он будет вести военные действия на севере Франции. Его брат Эдмунд, возглавлявший английскую экспедицию по защите южного герцогства в начале 1296 года, скончался предыдущим летом. Король намеревался атаковать Филиппа с двух сторон, что было невозможно без разделения сил. Такую тактику уже дважды хотели использовать раньше: в 1294 и 1295 годах, и в обоих случаях многие сопротивлялись и отказывались принимать участие в предприятии. Бароны и рыцари были не против сражаться рядом с королем, но отправляться воевать в далекую страну самостоятельно казалось им чем-то выходящим за рамки веления долга. В 1297 году Эдуард столкнулся с массовым дезертирством. Под влиянием Роджера Биго, графа Норфолка и маршала Англии, магнаты заявили королю, что он не имеет права требовать от них исполнения феодальной военной повинности в Гаскони, в то время как сам собирается воевать в Северной Франции. Аргумент Биго был в какой-то мере обоснован, потому что, как подчеркнул граф, по долгу службы маршала он обязан воевать вместе с королем, а не отдельно от него. Уолтер из Хеминбурга записал слова, которыми они обменялись:

– Охотно пойду с тобой, король, в первом ряду, выступая перед лицом твоим, как мне полагается по наследственному праву, – заявил Биго.

– И без меня пойдешь вместе с другими, – ответил Эдуард.

– Не обязан и нет у меня желания, король, без тебя отправляться, – сказал граф.

В ярости король взорвался, как говорят, с такими словами:

– Клянусь Богом, граф, или ты пойдешь, или будешь повешен.

– Той же клятвой клянусь, король, – ответил Норфолк, – и не пойду, и не буду повешен.

Биго попал в самую точку: при всем могуществе и желании короля, Эдуард был связан своим собственным законом, который четко устанавливал, что его бароны не обязаны служить без него. Эдуард неистовствовал, но все еще пытался послать подкрепление в Гасконь и продолжал планировать кампанию в Северной Франции. Он конфисковал имущество духовенства и потребовал возврата всех долгов от светских магнатов. Со своей стороны, некоторые священники и четверо влиятельнейших аристократов – графы Норфолка, Херефорда, Арундела и Уорика – уперлись и отказались участвовать в подготовке к войне.

Парламент разъехался в марте 1297 года, а в июле снова собрался, уже в Вестминстере. К этому времени Эдуард помирился с архиепископом Уинчелси и с некоторыми из графов. Они дали свое согласие на сбор налога в обмен на обновление Великой хартии вольностей и Лесной хартии. В субботу, 14 июля, король стоял на деревянном помосте у Вестминстер-холла и обращался к многолюдной толпе подданных. Он отстаивал свою позицию, признавал, что совершал ошибки, но утверждал, что действовал исключительно во благо страны. Хронист Питер Лангтофт записал его слова: «Я крепость ваша, и стена, и дом». Архиепископ Уинчелси в слезах стоял рядом с королем, когда Эдуард заявил, что отправляется воевать во Францию и просит всех присутствующих поклясться, что в его отсутствие они будут хранить верность его 13-летнему сыну Эдуарду Карнарвонскому.

Не всех ему удалось убедить, и графы Норфолк и Херефорд, которых сняли с ведущих военных постов – маршала и констебля Англии соответственно, – остались непреклонны. Они принялись составлять список претензий, известный как Ремонстрации. В августе Эдуард от безысходности приказал взыскать с Церкви еще

один суровый налог, а со всех остальных – налог в 1/8 с движимого имущества, и приказал конфисковать в стране шерсти на сумму 50 000 фунтов. Он утверждал, что эти меры одобрены парламентом; его противники же презрительно фыркали: этот «парламент» не более чем «люди, вхожие в его покои». 22 августа графы, примкнувшие к оппозиции, ворвались в казначейство в Вестминстере, протестуя против сбора шерсти и налога в 1/8, обозленные на короля, который, по их словам, обирал их как рабов. Ситуация в стране приближалась к гражданской войне.

И тем не менее, бросив королевство на грани хаоса, Эдуард отбыл на континент. Это был отчаянный шаг, но король больше не мог, сидя дома, ждать, пока Гасконь выскользнет у него из рук. Он высадился во Фландрии и 24 августа 1297 года вторгся во Францию с севера.

Кампания, которую он так долго предвкушал, обернулась бесплодной кутерьмой. Несмотря на постоянные обещания, не все из так дорого обошедшихся ему союзников горели желанием воевать. Король Германии так и не прислал подмогу, а моряки Эдуарда из Восточной Англии и «Пяти портов» с бóльшим удовольствием дрались между собой, чем с врагом. Фламандские союзники, которые действительно выступили против Филиппа IV, потерпели поражение в битве при Фурне за неделю до высадки Эдуарда. Прибыв на континент, Эдуард застрял в Генте: союзники оспаривали его роль лидера. Вскоре с востока пришло известие, что король Германии полностью отказался от участия в войне.

Коалиция распадалась у Эдуарда на глазах: с той же скоростью, хотя и не с той же драматичностью, как северные альянсы разбитого при Бувине Иоанна более 80 лет назад. К осени не оставалось ничего другого, как просить мира. В октябре было объявлено перемирие, а в конце января 1298 года оно было скреплено соглашением о прекращении военных действий сроком на два года.

Мир с Францией мог бы ознаменовать период стабильности, крайне необходимый стране, чтобы восстановиться после перенесенных тягот войны. Но этому снова помешали события в Шотландии. Пока Эдуард был за морем, там поднялось восстание против Берикской администрации графа Суррея. 11 сентября 1297 года мятежная шотландская армия окружила силы Суррея у моста Стирлинг-Бридж, весьма предусмотрительно выбрав поле боя примерно в 100 милях к северу от Берика, у переправы через реку Форт.

Командиром Суррей оказался трусливым, ленивым и беспомощным. У Стирлинг-Бридж его армия была уничтожена силами под командованием Уильяма Уоллеса, обычного

грабителя и бандита, – но настоящего народного героя, который отказался вести переговоры с англичанами перед битвой, ответив им: «Возвращайтесь и скажите своим людям, что мы пришли не ради мира, но будем драться, чтобы отомстить за себя и освободить свое королевство».

Шотландское восстание 1297 года, во главе которого встал Уильям Уоллес, на короткий срок объединило как шотландское, так и английское королевство. На севере соотечественники посвятили Уоллеса в рыцари и в отсутствие Иоанна Бэллиола объявили единственным защитником Шотландии. Он возглавил движение, готовое биться до последней капли крови, лишь бы освободить шотландское королевство от узурпаторов с юга. К югу от границы, в Йорке, Эдуард встретился с майским парламентом. Настроенный мирно, он задобрил политическое сообщество обещаниями расследовать злоупотребления министров и согласился утвердить переиздание Великой хартии вольностей, выпущенной регентским правительством его сына предыдущей осенью.

Демонстрируя верность идеалам политических реформ, Эдуард издал Подтверждение Хартий, подписанное 10 октября 1297 года – уже после того, как на юг просочились новости о победе Уоллеса у Стирлинг-Бридж. Документ еще раз подтверждал действие Великой хартии и Лесной хартии – обе уже имели статус легендарных – и вводил в действие несколько новых пунктов, в том числе отменял *maltote* – пошлины на шерсть, и устанавливал норму, согласно которой все налоги в будущем должны взиматься только с «общего согласия королевства». В дополнение к Подтверждению Эдуард обещал прекратить преследование непокорных графов, забыв свой глубокий «гнев и негодование».

Перевыпустив Великую хартию вольностей, правительство Эдуарда показало, что готово, как и раньше, соблюдать контракт XIII века: военная и финансовая поддержка в обмен на уступки и реформы. Теперь, когда английское владычество в Шотландии грозило вот-вот рухнуть благодаря неистовому Уоллесу, пришло время заставить этот пакт работать снова.

Майский парламент встретился в условиях крайне опасной военной обстановки на севере. Казначейство переехало севернее, из Лондона в Йорк, и финансировало сбор армии численностью более 30 000 человек в городе Роксборо. Войско выступило в поход в конце июня. Проблемы с поставками означали, что вина у солдат было больше, чем пищи, и вскоре валлийская и английская части передрались друг с другом. В отсутствие морского сопровождения, снабжавшего армию при завоевании

Уэльса, огромные вооруженные силы, продвигавшиеся на север, голодали. Тем временем Уильям Уоллес прятался где-то в шотландских холмах, отступая и уничтожая посевы и припасы, заманивая англичан вглубь Шотландии и выжидая удобного момента для прямого столкновения.

Эдуард уже был готов отойти к Эдинбургу, когда узнал, что Уоллес разбил лагерь в лесу Каллендар, недалеко от Фолкирка. Он погнал армию в ночной марш, чтобы встретиться с шотландцами рано утром 22 июля 1298 года. Во время этого ночного перехода лошадь сбросила короля, и он сломал себе два ребра – болезненное напоминание о непредсказуемости войны.

Когда слабый свет восхода пролился на окутанное туманом поле, Энтони Бек отслужил утреннюю мессу. На другой стороне заболоченного поля, у леса Каллендар, шотландцы готовились к бою, выстраивая надежную линию обороны. Уоллес разбил своих людей на четыре шилтрона[10], построив их «ежом», ощетинившимся длинными копьями и деревянными кольями. Битве суждено было стать яростной и кровопролитной.

Эдуард атаковал шотландцев с двух сторон, послав батальоны в обход разделявшего противников болотистого участка. Графы Норфолк, Херефорд и Линкольн возглавили атаку с запада, а Энтони Бек ударил с востока. Шотландская кавалерия, не вошедшая в состав шилтронов, бежала с поля боя. Англичане разбили шилтроны, расстреливая их из луков и арбалетов и бросая камни. Построение развалилось, оборона шотландцев пала, и дело кончилось безжалостным разгромом. Как минимум 2000 пехотинцев с английской стороны были убиты. Шотландцев же перерезали в кровавой бойне.

Битва стала унижением для Уильяма Уоллеса и сильно подточила его боевую репутацию. Однако вся шотландская знать, а с ней и Уоллес, уцелела, а значит, несмотря на реки крови, впитанные болотами в лесу Каллендар, битву нельзя было считать полной победой англичан наравне с успехом при Данбаре. Слабая, голодная, больная и разобщенная армия Эдуарда была не в состоянии удержать победу. Не утихали трения между королем и графами Норфолка и Херефорда, усилившиеся из-за несправедливо захваченных шотландских поместий. Лучшее, что мог сделать король, – отойти к Карлайлу, послав вглубь Шотландии не увенчавшуюся успехом экспедицию в поисках молодого графа и претендента на трон, Роберта Брюса.

Обострение

К концу XIII века Эдуард достиг 60 лет. Он по-прежнему был высоким и импозантным мужчиной, а когда его вьющиеся темно-русые волосы поседели, стал производить еще более сильное впечатление. Образцово плодовитый рыцарь, он продолжал расширять и так уже большую королевскую семью, женившись в 1299 году на младшей дочери Филиппа IV Маргарите Французской во исполнение обязательства, предусмотренного мирным договором 1297 года. Семнадцатилетняя Маргарита стала первой английской королевой французского происхождения – и идеальной спутницей энергичного короля. После свадебной церемонии в Кентербери она поехала вместе с ним в Йоркшир, где в июне 1300 года родила сына. Мальчика, Томаса Бразертона, назвали в честь святого Томаса Бекета, которому Маргарита молилась в родах.

Для Томаса и его младшего брата, Эдмунда Вудстока, родившегося следующим летом, был устроен пышный двор. Королева была известна своей расточительной любовью к модным нарядам и драгоценностям, и ее мальчики росли в изысканной роскоши. В младенчестве они спали в богато украшенных колыбельках, задрапированных пурпурными и голубыми тканями. Больше пяти десятков слуг следили за домом, где принцы катались как сыр в масле, усваивая тонкости жизни высшего света в самом богатом окружении, какое только мог обеспечить им старик, души не чаявший в самых младших из своих 16 детей, и активная молодая женщина, хорошо знакомая со вкусами европейской аристократии.

Томас Бразертон и Эдмунд Вудсток выросли в достатке и комфорте, но не они были главной надеждой королевской династии. Эта честь выпала Эдуарду Карнарвонскому, старшему из выживших сыновей Эдуарда от его первого брака с Элеонорой Кастильской. В 1300 году Эдуарду Карнарвонскому исполнилось 16 – подходящий возраст, чтобы принять на себя некоторые из обязанностей монарха. При всех потрясениях 1290-х годов, условия, в которых этот мальчик вырос и возмужал, были благоприятнее тех, что выпали на долю его отца. С Францией был заключен мир. Уэльс, его собственный удел, почти полностью покорился Англии – во многом благодаря замкам мастера Джеймса, нависающего над Уэльсом символа вечного английского владычества.

В среде баронов по-прежнему наблюдалось некоторое брожение, но к 1302 году, когда Эдуард I и Роджер Биго, граф

Норфолк, постепенно уладили свои разногласия, основной источник трений сошел на нет. Наряду с этим между королем Эдуардом и его бывшим другом и близким советником Энтони Беком, епископом Дарема, сыгравшим важную роль в Шотландских войнах, развернулась крайне непростая дискуссия по вопросам юрисдикций и привилегий. В 1305 году Эдуард конфисковал земли Бека, чем доказал, что еще не утратил воли к укрощению любых магнатов – светских ли, или церковных, – если они переходят ему дорогу.

Одна только Шотландия по-прежнему была источником проблем. В 1300, 1301 и 1303 годах туда опять пришлось отправлять английскую армию, но шотландцы выучили урок, преподанный им под Фолкирком. Они избегали прямых столкновений, а навязать северному королевству колонизацию по типу валлийской Эдуарду в полной мере не удалось. Были и успехи: молодой Роберт Брюс, внук претендента на трон в Великой тяжбе, зимой 1301–1302 года перешел на сторону англичан. В 1305 году Уильям Уоллес был взят в плен и жестоко казнен в Лондоне: его вымазанную дегтем голову насадили на пику на Лондонском мосту. Но Шотландия все еще отказывалась повиноваться. Чтобы развить успех и вдохнуть в кампанию новую жизнь, английскому правительству требовалось новое видение и новое руководство.

Был ли готов к этой роли Эдуард Карнарвонский? Наследник трона вырос сильным, атлетически сложенным юношей; как и его отец, он был отличным наездником. Он был всей душой предан семейной мифологии. В 1301 году юный Эдуард заказал для замка Честер картину, изображающую мученичество Томаса Бекета; на следующий год он принял в подарок иллюстрированную биографию Эдуарда Исповедника.

Однако этих знаков уважения к традициям Плантагенетов было недостаточно, чтобы уравновесить растущие опасения, что Эдуарду Карнарвонскому не хватает качеств, сделавших его отца таким успешным королем. Он не участвовал в турнирах, что давало основания предположить, что любовь Эдуарда I к сражениям на передовой не перешла к старшему из его выживших сыновей. С 1300 года при дворе начали подозревать, что юный компаньон наследника, известный как Пирс Гавестон, неподобающим образом влияет на принца Плантагенета. Гавестон поощрял в нем дерзкую импульсивность, которую окружающие с трудом могли выносить. В 1305 году юный Эдуард поругался с королевским главным министром Уолтером Лангтоном и в пылу ссоры бросал в лицо казначею такие «мерзкие и грубые слова», что король на несколько месяцев запретил принцу появляться при

дворе.

Несмотря на все эти тревоги, в 1306 году стало ясно, что Эдуарду Карнарвонскому пора выходить на передний план. В северном королевстве снова начались волнения, в этот раз вызванные жестоким убийством Джона Комина, лорда Баденоха и бывшего хранителя Шотландии, заколотого перед алтарем францисканской церкви в Дамфрисе. Убийцей был Роберт Брюс. Дважды изменник, в 1302 году он присоединился к англичанам, а в марте 1306-го короновался под именем короля Роберта I Шотландского в аббатстве Скун. Война в Шотландии возобновилась.

Эдуард готовился отправиться в Шотландию с еще одной военной кампанией, когда здоровье начало его подводить. Когда короновался Роберт I, Эдуард лежал больной в Винчестере. С конца весны 1306 года его уже носили в паланкине.

Эдуард Карнарвонский без промедления начал принимать атрибуты власти. В апреле 1306 года ему отдали Гасконь. На Троицу его посвятили в рыцари в Вестминстере: его и еще 300 молодых людей препоясали мечом в церемонии, символизировавшей передачу власти от одного поколения англичан другому. Церемония вошла в историю под названием Лебединый пир, потому что после ужина Эдуард приказал доставить в собрание пару золотых лебедей. Король в стиле легенд об Артуре пообещал, что не будет знать покоя, пока не отомстит Брюсу; а когда будет отомщен, навсегда сложит оружие и не будет больше воевать на земле Британии, отправившись на Святую землю биться с неверными. Юный Эдуард принял клятву, и в свою очередь в не менее артуровском стиле пообещал, что не ляжет спать в одном месте две ночи подряд, пока шотландцы не будут разбиты. Все присутствовавшие рыцари тоже принесли свои клятвы над золотыми лебедями, и, чтобы продемонстрировать твердость намерений, силы под командованием кузена короля Эмера де Валенса выступили на север, чтобы вновь воздать мятежным шотландцам по заслугам.

Тем не менее очередное путешествие Эдуарда в Шотландию было нерадостным. Он знал, что стареет, и понимал, что у него не хватит времени закончить начатое им объединение Британии под властью одной короны и возродить славный век Артура. Преследование Брюса, продолжавшееся в 1306 и 1307 годах, стало самой лютой военной операцией в его жизни: графов, епископов, женщин бросали в темницы и казнили, бесчеловечно и унизительно. И, как будто этого было мало, пока люди старого короля изо всех сил – хоть и без особого успеха – сражались, чтобы призвать Брюса к ответу, сын и наследник продолжал

разочаровывать отца. Между ними постоянно вспыхивали яростные ссоры, особенно из-за неподобающего расположения, которое принц оказывал Гавестону.

Вечером в пятницу, 7 июля 1307 года, Эдуард I умер в Бург-бай-Сандс, на пути на север во главе еще одной крупной армии, которая должна была разгромить Роберта Брюса. Смерть его была довольно жалкой: король испустил дух в тот момент, когда слуга пытался поднять его с кровати для обеда. Он был болен уже много месяцев, и, хоть еще в конце июня героически пытался оседлать старого боевого коня и вывести войска из Карлайла, его подкосили годы, проведенные в боях, бескомпромиссной политической деятельности и активном руководстве. В 68 лет от него осталась лишь тень того человека, каким он был всего два года назад.

Его сын между тем и близко не показывался в зоне военных действий, предпочитая комфорт Юго-Восточной Англии, хотя и лишился общества своего дружка Гавестона, которого король в мае 1307 года приказал отправить в ссылку.

Эдуард прожил свою жизнь леопардом и львом, строителем и солдатом. Когда он умирал, перед глазами его была Шотландия, а в душе – неосуществленная мечта об Иерусалиме.

Со смертью он перешел в царство легенд, как и его герой, Артур. Он сделал больше любого другого короля, правившего после Генриха II, чтобы усилить власть и могущество Плантагенетов. Он добился владычества Англии на большей части Британских островов и защищал то, что осталось от континентального домена Плантагенетов. Он понимал политическую реальность XIII века и умело действовал, сообразуясь с ней: реформировал английское законодательство и институты и регулярно избавлялся от коррумпированных чиновников, если подданные в благодарность соглашались финансировать военные экспедиции. Он поддался всеобщему предубеждению, изгнав евреев в 1290 году. Поставил нескольких великих баронов на грань вооруженного восстания, но гражданскую войну ему удалось предотвратить, а престиж и положение короны при нем никогда не опускались так низко, как при его отце.

Конечно, за все нужно было платить. Эдуард оставил след в истории Британии, чуть не обанкротив страну; он правил предвзято и с ошеломляющей жестокостью. Он оставил короне непосильный долг в 200 000 фунтов. Даже по стандартам своего века он был буйным и грубым человеком. Англия при нем стонала и роптала под тяжестью денежных поборов. Шотландцы и валлийцы вынашивали злобные планы против сюзеренитета,

навязанного им сверху. Но пройдет совсем немного времени, и Англия – хоть и не ее соседи – горько пожалеет о кончине леопарда.

Часть V
Эпоха насилия
(1307–1330)

О сокрушение! Увидеть, как человек, еще недавно одетый в пурпур и виссон, в рубище и в цепях сидит в темнице!

Жизнеописание Эдуарда II

Король и его братец

«Ты, ублюдок, сукин сын! Ты собираешься отдать земли? Ты, который сам не приобрел никаких земель? Богом клянусь, если бы я не боялся расколоть королевство, ты никогда бы не вступил в права наследства!»

Такой бранью, согласно одаренному богатым воображением хронисту Уолтеру из Хеминбурга, осыпал Эдуард I своего сына Эдуарда Карнарвонского во время одной из их последних ссор в феврале 1307 года. По словам летописца, младший Эдуард через посредника обратился к отцу с просьбой отдать графство Понтье своему близкому другу, наперснику и товарищу-рыцарю, Пирсу Гавестону. Понтье вошло в состав домена Плантагенетов благодаря Элеоноре Кастильской, горько оплакиваемой матери молодого Эдуарда. В ярости старый король набросился на сына, сначала с руганью, а затем и с кулаками, вырвал у него клок волос и прогнал со своих глаз.

Правда ли это? Несомненно, многие готовы были поверить в эту историю. Эдуард Карнарвонский был любопытной личностью. В чем-то – копией своего отца: высокий, атлетически сложенный, умелый наездник; миловидный принц Плантагенет, не унаследовавший шепелявости родителя или опущенных век деда, Генриха III. Он был «…красивым мужчиной, сильным телом, – сказано в Анонимной хронике. – Но ему не хватало качеств и манер, присущих отцу, потому что он был обеспокоен не деяниями рыцарства и доблести, но только собственными желаниями». Несмотря на его царственную красоту, с самого начала правления и до его драматического финала было очевидно, что Эдуард был очень слабым кандидатом в короли.

Это было весьма печально, потому что Эдуард II унаследовал трон в потенциально весьма благоприятных обстоятельствах. Два сановника, причинявших массу неприятностей его отцу, – графы Норфолк и Херефорд – недавно скончались. Влиятельнейшие из оставшихся, Томас, граф Ланкастерский, и Гилберт, граф Глостерский, были один – кузеном, второй – племянником Эдуарда. Архиепископ Кентерберийский Уинчелси отправился в ссылку, а Уолтер Лангтон, королевский казначей, с которым Эдуард конфликтовал в 1305 году, был быстро уволен, лишен земель и отправлен в тюрьму. Над короной висел долг примерно в 200 000 фунтов, но компетентный король, пользуясь кредитом доверия к новому монарху, без особых сложностей мог реструктурировать свой долг.

Однако с первых месяцев царствования к Эдуарду уже

относились с подозрением и враждебностью. Все стороны его жизни, казалось, приходили в противоречие с требованиями сана, и особенно это касалось его вредных привычек. В век, когда рыцарство и воинская отвага по-прежнему являлись критически важными чертами образа идеального короля, Эдуарда постоянно изображали выродком. Конечно, большая часть самых ядовитых его описаний, оставленных нам хронистами, была создана в годы, когда на его королевство навалились несчастья, и тем не менее все они презрительно повторяют, что Эдуард обожал мужицкие занятия вроде плавания, гребли, копания траншей и устройства соломенных кровель.

Хронист Ранульф Хигден упрекал Эдуарда в том, что тот предпочитал компанию «шутов, певцов, актеров, возчиков, землекопов, гребцов и моряков» обществу аристократов и рыцарей. И в самом деле, сохранились свидетельства, что моряки, шкиперы и плотники не раз обедали в королевских покоях. «Если бы только он уделял военному искусству столько же внимания, сколько тратил на мужицкие занятия, он поднял бы Англию до сияющих высот», – жаловался анонимный автор «Жизнеописания Эдуарда II», истории царствования, написанной современником короля. Королевский посыльный как-то обмолвился, что король предпочитает кровельные и земляные работы посещению мессы. Несмотря на наличие и других свидетельств, что Эдуард был традиционно религиозен и хорошо держался в бою, за ним закрепилась репутация легкомысленного человека, любителя низких забав. Он не устраивал турниров и не участвовал в них, не оплачивал крупных рыцарских праздников вроде Лебединого пира, на котором отец посвятил его в рыцари. Такой недостаток интереса к подобающему монарху образу жизни портил его репутацию на протяжении всего царствования и со временем сделал его посмешищем в глазах народа.

Хуже всего была склонность Эдуарда обзаводиться фаворитами. Он провел взрослую жизнь в тени закадычных приятелей, к которым питал нездоровую привязанность. «Король унижал честных людей своей страны и возносил ее врагов, всяких подхалимов, лживых советчиков и злодеев, которые давали ему советы, идущие во вред его королевскому положению и общей выгоде страны, но он очень их ценил», – написано в Анонимной хронике. На протяжении жизни Эдуард сменил несколько таких фаворитов, но был один, к которому он имел особую страсть. Примерно с 1300 года Эдуард подпал под влияние одной скандально знаменитой личности: Пирса Гавестона.

Гавестон, гасконский рыцарь, был несколько старше Эдуарда и, вероятно, попал в его окружение благодаря Эдуарду I, после

того как отлично послужил королю в военных кампаниях во Фландрии в 1297 году и в Шотландии в 1300 году. Согласно хронисту Джеффри Бейкеру, Гавестон был «изящен и гибок телом, остроумен, имел утонченные манеры… [и] знал толк в военном деле». Он, наверное, показался старшему Эдуарду идеальной ролевой моделью благородного рыцаря, которой мог бы подражать его сын.

Но вышло по-другому. Какие бы странные отношения ни возникли между Гавестоном и Эдуардом, с самого начала знакомства было очевидно, что их связывают подозрительно тесные узы нездоровой близости: податливый Эдуард шел на поводу у умного, честолюбивого и властного Гавестона. Гавестон был весьма харизматичным человеком, но невыносимо высокомерным – черта, которую автор «Жизнеописания Эдуарда II» назвал «нестерпимой для баронов и основной причиной их ненависти и гнева». Но раздутое эго Гавестона, которое так бесило его современников, очень нравилось королю. «Если граф или барон входил в палаты [Эдуарда]… когда Пирс был там, [Эдуард] не обращался ни к кому другому, а только лишь к Пирсу», – писал тот же хронист, который предполагал, что «Пирса считали колдуном».

Мы никогда не узнаем, были ли Эдуард II и Пирс Гавестон любовниками, в том ли смысле, какой мы сегодня вкладываем в это слово, или же в любом другом. Возможно, их связывали братские узы наподобие описанных в Ветхом Завете отношений Давида и Ионафана: «Ионафан же заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу». Каждый крупный летописец его царствования замечал, что Эдуард относился к Гавестону как к брату, и даже в официальных документах он именно так его и именовал. Вероятно, в этих отношениях был и эротический подтекст, но, даже если и так, об этом ничего не было известно в начале царствования Эдуарда, когда он обручился с Изабеллой, дочерью Филиппа IV Французского. Строго соблюдавший приличия король, каким был Филипп, никогда не отдал бы дочь за содомита и еретика.

Так или иначе, отношения Эдуарда и Гавестона были настолько интимными, что шокировали окружающих и вписывались в более широкий паттерн поведения, которое современники и подданные Эдуарда считали омерзительным и неподобающим для короля.

Это впервые стало вопросом государственной важности в 1305 году, когда Гавестону запретили приближаться к Эдуарду, чтобы наказать принца за грубую ссору с казначеем Эдуарда I Уолтером Лангтоном. Хотя на следующий год король вернул его

и посвятил в рыцари на крупной церемонии перед своим последним шотландским вторжением, Гавестон, как и еще 21 рыцарь, уклонился от участия в боях и уехал на континент биться в турнирах. За этот опрометчивый поступок он был изгнан из Англии и жил на пособие, составлявшее 100 марок в год.

Когда Эдуард Карнарвонский узнал о смерти отца в Бург-бай-Сандс и понял, что теперь он король Англии Эдуард II, первое, что он сделал – вернул Гавестона из ссылки, отдал ему графство Корнуолл и выдал за него Маргарет де Клер, дочь Гилберта, графа Глостерского и Джоанны Акрской, своей собственной сестры.

Это был невероятно щедрый подарок для простого рыцаря. На самом деле, на такое мог рассчитывать только родственник короля. Графство Корнуолл было одним из величайших титулов, какими могли распоряжаться Плантагенеты. Им владел, например, брат Генриха III Ричард, который в свое время был одним из самых знатных аристократов в Европе, королем Германии и графом Пуату. К титулу прилагались не только земли на юго-западе, но еще и Беркшир, Оксфордшир и Йоркшир. Годовой доход с графства составлял примерно 4000 фунтов. Это был королевский, семейный титул, к тому же наделявший своего обладателя огромной властью. Отдать его рядовому придворному вроде Гавестона было не только невероятно щедрым, но и политически очень опасным жестом.

Список тех, кого могло оскорбить продвижение Гавестона, был очень длинным, и первой среди них была Маргарита Французская – вдова короля, которой Эдуард I обещал, что графство достанется одному из ее сыновей, единокровных братьев Эдуарда II: Томасу Бразертону или же Эдмунду Вудстоку, родившимся в 1300 и 1301 годах соответственно, уже в конце правления старого короля. Несмотря на свой юный возраст, каждый из них мог ожидать номинального назначения на должность главы английского правительства, когда Эдуард отправился во Францию, чтобы жениться на дочери Филиппа IV Изабелле. Но этого не случилось: такая честь тоже досталась Гавестону.

С самого начала правления Эдуард ясно дал понять, что Гавестон не просто любимчик при дворе: он хотел, чтобы Пирс играл роль квазикороля. Когда Эдуард покинул Англию в январе 1308 года, чтобы жениться и принести ленную присягу за Гасконь, он оставил Гавестона регентом Англии и наделил его невероятной, беспрецедентной властью, подкрепленной новой королевской печатью, предназначенной для использования в период отсутствия короля.

Эдуарда не волновало, что на должность регента традиционно назначался высокопоставленный королевский чиновник, член королевской семьи или сама королева. Зато это волновало всех остальных. Гавестон, взлетевший так высоко, очевидно не был Плантагенетом. Не был он и юстициарием, канцлером или архиепископом. «Недавнего изгнанника и парию сделали правителем и хранителем страны», – в недоумении писал автор «Жизнеописания Эдуарда II». Но, как показала коронация Эдуарда, должность регента не станет вершиной карьеры Гавестона.

Коронация

Эдуард II короновался в Вестминстере 25 февраля 1308 года. На грандиозной церемонии присутствовала вся знать Англии и Франции. Аристократы набились в Вестминстерское аббатство, чтобы посмотреть на миропомазание нового короля и его 12-летней королевы, Изабеллы, на которой Эдуард женился в Болонье месяцем раньше – тот блестящий праздник почтили своим вниманием пять королей и три королевы.

Вестминстер был забит под завязку. Церковь и соседние улицы были заполнены зеваками и участниками церемонии. (Толкучка была такая, что рыцарь и бывший сенешаль Понтье сэр Джон Бакуэлль погиб под обвалившейся стеной.) Столпившиеся в церкви вельможи буквально блистали, разряженные в золотую парчу. Франция прислала внушительную делегацию, в которую вошли графы Валуа и Эврё, брат Изабеллы Карл (будущий король Франции Карл IV), Жан, герцог Брабантский, с женой Маргаритой, сестрой Эдуарда II, Генрих, граф Люксембурга (он вскоре станет императором Генрихом VII), и многие другие. Английские графы, бароны и рыцари теснились рядом, готовые увидеть важнейшее политическое торжество.

Символически присутствовал на церемонии и отец короля. Новая усыпальница Эдуарда I представляла собой простую, без излишеств, гробницу из пурбекского мрамора, на котором были вырезаны слова «EDWARDUS PRIMUS SCOTTORUM MALLEUS HIC EST. PACTUM SERVA» («Здесь лежит Эдуард I, молот шотландцев. Храни верность»). Бесстрастное напоминание, что царствование предполагает и военные обязанности, призывавшее всех, кто поклялся воплощать в жизнь видение объединенной, артуровской Британии к ответственности и к исполнению обещания, данного на Лебедином пиру.

Все взгляды были устремлены на короля. Об руку с юной невестой он вошел в церковь аббатства, одетый в зеленый хитон и черные рейтузы, босиком ступая по ковру из цветов. Над головами монаршей четы держали вышитый балдахин, а впереди них шествовали магнаты и прелаты Англии.

Порядок шествия регулировался строгим протоколом, который при каждой коронации неизменно становился предметом споров. У каждого графа в этом ритуале была своя роль. На коронации Эдуарда графы Ланкастер, Уорик и Линкольн несли великолепные мечи; кузен короля Генри Ланкастер держал королевский скипетр; четыре других барона – Хью Диспенсер Старший, Роджер Мортимер де Чирк, Томас де Вер, сын графа

Оксфордского, и Эдмунд Фицалан, граф Арундел, – несли носилки, на которых возлежали роскошные и тяжелые коронационные мантии.

Но посреди всех этих знатных людей шествовал Пирс Гавестон, гордо выступавший прямо перед Эдуардом и Изабеллой. По словам летописца собора Святого Павла, он был одет, как «бог Марс». Гавестон, будто на смех, затмил присутствовавших дворян, разодетых в золотую парчу, своим расшитым жемчугом шелковым платьем цвета королевского пурпура. Он нес корону святого Эдуарда Исповедника – самую священную из королевских регалий.

Это был веский и безошибочный знак того, какая роль уготована Гавестону при новом царствовании, и собравшиеся аристократы не могли истолковать его иначе как гнусное надругательство над их родословной и статусом. Но Эдуард и Гавестон именно этого и добивались. Месяцами новый король воображал, как публично заявит о своем новом партнерстве: о своей братской связи с Гавестоном.

Под взглядами обомлевшего собрания Эдуард произнес свои коронационные клятвы – на французском языке, а не на латыни, как было принято. Король пообещал соблюдать законы святого Эдуарда Исповедника и «законы и справедливые обычаи, которые установит население страны». В правление его отца парламент собирался часто и служил площадкой для политических дискуссий, возражений, дебатов и переговоров. Включение в священную коронационную клятву кивка в сторону растущей роли политического сообщества отражало новую политическую реальность.

Однако всеобщее внимание привлекла отнюдь не новая коронационная клятва, а Гавестон. Само его присутствие оскорбляло собравшихся аристократов. Когда пришло время церемониального обувания короля, Гавестон разделил почетную обязанность с графом Валуа и графом Пембруком, пристегнув левую шпору к королевскому каблуку. После помазания Эдуарда и Изабеллы король взошел на трон, внутри которого лежал Скунский камень, чтобы принять оммаж своих магнатов, а Гавестон возглавил процессию на выход: в руках он держал Куртану – королевский меч милосердия, который на пути в церковь нес граф Ланкастер.

Для общества, регламентируемого иерархией и неприкосновенными традициями, все это было грубым нарушением протокола, и, пока Гавестон красовался, из толпы раздавались неподобающие моменту возмущенные возгласы. Но худшее было впереди.

Организацией праздника, последовавшего за коронацией, занимался Гавестон, и он превратил его в вульгарную попытку покрыть себя еще большей славой. Стены банкетного зала были увешаны роскошными гобеленами, которые были расшиты гербами не Эдуарда и Изабеллы, но Эдуарда и Гавестона. Новоиспеченную королеву так беспардонно отодвинули в сторону, что это оскорбило всю ее семью, присутствовавшую на церемонии, и последней каплей стало поведение Эдуарда, который на протяжении всего застолья – где практически несъедобное угощение подавали с задержками – разговаривал и шутил с Гавестоном, не обращая на невесту никакого внимания. Еще до коронации юная королева писала отцу, жалуясь, что ее держат в нищете и обращаются с ней без уважения. Коронация стала публичной демонстрацией неподобающего обращения. Вдобавок ко всему позже стало известно, что Эдуард отдал своему фавориту свадебные подарки и лучшие из драгоценностей королевы.

Коронация обернулась кошмаром. В глазах всего политического сообщества, так же как и в глазах семьи Изабеллы, она лишь подтвердила опасную одержимость короля Пирсом Гавестоном, не только непристойную, но грозившую спровоцировать в стране политические потрясения. Эдуард не мог бы найти более эффективного способа расстроить и озлобить тех, кто готов был его поддержать.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы гнев, вызванный коронацией, а также высокомерное обращение Гавестона с графами и баронами спровоцировал политический кризис. В апреле должен был собраться парламент, и магнаты поговаривали о том, чтобы явиться на него при оружии и призвать Гавестона к ответу за его поведение. Предвидя неприятности, в конце марта король приказал сломать мосты через Темзу, а сам укрылся в Виндзорском замке. С его воцарения не прошло и года, а с момента коронации – считаные дни, и Эдуард уже до копейки растратил политический капитал и доброе расположение, которым обычно награждают нового короля. Он был вынужден готовиться к вооруженному восстанию английских баронов.

Когда в апреле 1308 года собрался парламент, группа магнатов, возглавляемая Генри де Ласи, графом Линкольна, сформулировала три тезиса величайшей конституционной важности. «Оммаж и присяга на верность – это дань короне, а не королю лично», – заявили они, впервые четко разграничив личность короля и институт монархии. Магнаты потребовали изгнать Гавестона из королевства и лишить его титула графа,

написав, что «он обездолил корону… и ослабил ее… и сеет раздор между королем и его людьми».

Это заявление не было манифестом недовольного меньшинства, но ясно сигнализировало о конституционном сопротивлении, объединившем практически всех английских баронов. Графы Ланкастер, Пембрук, Уорик, Херефорд и Суррей поддержали Линкольна и устроили в Вестминстере показательную демонстрацию силы, чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений. Король вызвал в Англию архиепископа Уинчелси, отсутствовавшего в стране в момент коронации. Приехав, тот тут же встал на сторону баронов и угрожал отлучить Гавестона от Церкви, если тот не покинет страну к концу июня. Только один из баронов, сэр Хью Диспенсер Старший, не оставил короля. Диспенсер был заслужившим доверие дипломатом и ревностным роялистом. В 1306 году он заплатил целое состояние – 2000 фунтов, – чтобы женить своего единственного сына, Хью Диспенсера Младшего, на сестре графа Глостера. И в дальнейшем он всегда будет на стороне короля.

Несмотря на то что опереться ему было практически не на кого, Эдуард попытался выкрутиться. Было ясно, что Гавестону придется уехать и что титул графа за ним сохранить не удастся. Но вместо того чтобы уступить требованиям оппозиции и услать фаворита подальше, Эдуард назначил Гавестона наместником короля в Ирландии и подарил ему замки и поместья в Англии и Гаскони, чтобы тому было на что жить. Он поехал с Гавестоном в Бристоль и устроил ему пышные проводы.

Это уже говорило о том, что король не имел ни малейшего понятия о своих обязательствах. Жизненный путь отца должен был бы научить Эдуарда II, что политика английской монархии базируется на согласии и компромиссе. Бароны не были закоренелыми бунтовщиками, не сопротивлялись власти короля, но они были крайне чувствительны к ненадлежащему или несправедливому поведению монарха и готовы были взять правление в свои руки, если чувствовали, что король не справляется со своей миссией.

Увы, Эдуард был неспособен это понять. Он считал изгнание Гавестона актом личной враждебности к человеку, которого он любил, а не политической акцией, продиктованной заботой о благе королевства. В 1308 году его не заботило ничто, кроме переговоров о возвращении фаворита. Такова будет привычная схема его поведения и в следующие четыре года, что в итоге еще раз поставит Англию на грань гражданской войны.

Чрезвычайная ситуация

Трудно преувеличить ненависть, какую возбудил к себе Гавестон после скандальной коронации. Эдуарду же эта ненависть казалась беспричинной. Он искренне считал Гавестона своим дорогим названным братом и, выражая свои чувства, осыпал его щедрыми подарками и дарил эмоциональной близостью. К большой досаде французов, королева в этих отношениях оказалась третьей лишней; но она, в конце концов, была всего лишь ребенком 12 лет, вряд ли годилась в сексуальные партнеры и не могла считаться значимой политической фигурой.

Эдуард тем не менее никак не мог принять точку зрения своих оппонентов. После высылки Гавестона в Ирландию он, вместо того чтобы решительно встать на путь исправления и взяться за неотложные государственные дела, хлопотал об аннулировании приговора об изгнании фаворита и слал петиции папе римскому с просьбой отменить условное отлучение Гавестона от Церкви, вынесенное архиепископом Уинчелси.

Эдуард не был дураком и понимал, что Гавестона не удастся вернуть, не умаслив магнатов. Все усилия по возвращению доброго расположения влиятельных графов и епископов он сосредоточил вокруг программы реформ. В июле 1309 года был выпущен Стэмфордский статут, касающийся продовольственной реквизиции – принудительного выкупа провизии для королевской армии, а также превышения власти со стороны королевских чиновников в графствах. В обмен Гавестону позволили вернуться в Англию, а в августе возвратили ему графство Корнуолл. Акт передачи засвидетельствовали самые важные люди Англии: епископы Дарема, Чичестера, Вустера и Лондона и графы Глостер, Линкольн, Суррей, Пембрук, Херефорд и Уорик. Однако кузен короля, Томас, граф Ланкастерский, граф Арундел, а также архиепископ Уинчелси отсутствовали.

Практически сразу по возвращении Гавестон взялся за старое. Согласно нескольким хронистам, он награждал английских графов оскорбительными кличками. Он называл графа Уорика «черной арденской собакой», Глостера – «сыном шлюхи», Линкольна – «вздутым брюхом», Ланкастера – «мужланом», а Пембрука – Иосифом-евреем. Гавестон обидел графа Ланкастерского, заменив его вассала в администрации короля своим человеком. Он, как и раньше, сохранял раздражающе сильное влияние на короля, в частности в период, когда страна должна была готовиться к возобновлению войны с Шотландией.

На протяжении всего 1309 года напряжение нарастало. Армия, которую было приказано собрать в сентябре для вторжения в Шотландию, не явилась. Однако чиновники Эдуарда продолжали эксплуатировать право на *prises* («изъятия») и продовольственную реквизицию, снабжая конфискованным продовольствием и другими ресурсами королевские гарнизоны на севере. В стране был собран налог в 1/25 доли имущества. Бремя, наложенное на Англию, было таким тяжким, что поползли слухи о надвигающемся крестьянском бунте.

Народный гнев прорвался на встрече парламента в начале 1310 года. Магнаты массово отказывались явиться, если король не выгонит Гавестона. Когда же король согласился на это требование, сообщает «Жизнеописание Эдуарда II», парламент тут же пожаловался, что «состояние короля и королевства ужасно ухудшилось со смерти старого короля Эдуарда… и все королевство немало пострадало…»

Свои жалобы они вписали в петицию. Ее авторы подчеркивали, что с 1307 года Эдуард прислушивался к дурным советчикам и так разорил казну, что министры короля вынуждены были нарушать Великую хартию вольностей, изымая деньги и товары у народа и Церкви. Эдуарда обвинили в потере Шотландии по причине нерадивости и в сокращении королевских владений в Англии и Ирландии.

Это было убийственное обвинение, но в целом оправданное. Обвинять Эдуарда в плачевной ситуации в Шотландии значило не учитывать того факта, что до предела напряженная военная ситуация была во многом создана еще его отцом. Но прочие претензии были справедливы.

Чтобы поддержать ослабшее государство, заявили в парламенте авторы петиции, необходимо «избрать 12 благоразумных и влиятельных мужчин, пользующихся уважением, по суждению и приказанию которых положение должно быть исправлено и улажено; и если нечто будет признано обузой для королевства, они должны своим ордонансом истребить это…» Это был смелый и решительный шаг, учитывая, что новый король правил всего третий год. Принятые меры демонстрировали озабоченность, с какой все политическое сообщество взирало на правление Эдуарда. Бароны не были безрассудными людьми, утоляющими свое честолюбие, и не собирались посягать на королевскую власть. Они просто хотели иметь сильного, достойного короля. В этом смысле их ненависть к Гавестону и к неэффективному управлению, в котором они его винили, была не только политической, но и конституционной.

И если при открытии парламента Эдуарда убедить не

удалось, то вскоре магнаты показали ему, насколько серьезно воспринимают ситуацию. В «Жизнеописании Эдуарда II» записано, что они обвинили короля в нарушении его коронационной клятвы и угрожали ему низложением, если он не подчинится их требованиям: «Бароны дружно [сказали], что, если король не выполнит их требования, они не будут держать его за короля, не будут хранить верность, в которой поклялись ему, особенно учитывая, что сам он не держит слова, данного при коронации».

Это была патовая ситуация, и Эдуард понимал, что у него нет другого выбора, кроме как склониться перед требованиями народа. 20 марта 1310 года был избран и приведен к присяге 21 ордейнер – так стали называть лордов, ответственных за исполнение Ордонансов. Ордейнеры представляли собой сбалансированный комитет лоялистов и реформаторов: в него входил архиепископ Кентерберийский и еще ряд английских епископов, а также все английские графы, за исключением графов Оксфорда, Суррея и – неудивительно – Пирса Гавестона. Они договорились опубликовать Ордонансы о преобразованиях в королевстве в сентябре 1311 года.

Ордонансы

В сентябре 1310 года Эдуард отправился на границу с Шотландией, чтобы занять себя делами военной кампании и уехать подальше от ордейнеров, засевших в Вестминстере. Те деловито – и, по мнению короля, нахально – составляли план преобразований в его королевстве. Король пробыл на севере до июля 1311 года. В его распоряжении не было крупных армий, какие водил на север его отец в предыдущем десятилетии, однако войско из 3000 пехотинцев и 1700 кавалеристов тоже представляло собой значительную силу.

Тем не менее успеха Эдуард не добился. Роберт Брюс по-прежнему избегал прямых столкновений с англичанами, предпочитая нанести удар и отойти. Английский и шотландский короли обменивались дипломатическими нотами, а Гавестон, надеясь поправить свою репутацию военными победами, привел крупный отряд в Перт. Но ничего у них не вышло. В конце концов у Эдуарда закончились деньги и ресурсы; набрать еще солдат ни в Ирландии, ни в Англии ему не удалось, и летом 1311 года он вернулся на юг: экспедиция провалилась. Как только Эдуард отступил, Брюс вторгся в северные районы Англии, сея горе и разрушение.

Вернувшись в Вестминстер, Эдуард застал полномасштабную программу политических реформ в самом разгаре и узнал, что его враги опасно укрепили свои позиции.

Пока он был в Шотландии, несколько влиятельных персон покинули этот мир. Энтони Бек, епископ Дарема, был одним из них; но еще тяжелее для монархии была потеря Генри Ласи, графа Линкольна. Линкольн, державший также графство Солсбери, во многих смыслах был старшим государственным деятелем среди магнатов. Он был весьма известен, очень опытен и уважаем. Его смерть лишила английскую политику влиятельной фигуры и изменила тонкий баланс сил среди английских баронов.

Дочь Линкольна Алиса была женой Томаса, графа Ланкастерского, двоюродного брата короля. Именно Ланкастер со смертью Линкольна унаследовал два графства старого лорда. Это обеспечило Ланкастера мощным силовым блоком, который он готов был использовать без колебаний.

Но и при жизни Линкольна 33-летний Ланкастер представлял собой значительную фигуру. Он уже владел тремя графствами: Ланкастером, Лестером и Дерби. Его отцом был брат Эдуарда I Эдмунд; его мать, выйдя замуж за Генриха I Наваррского, стала

супругой правящего короля; его единоутробная сестра Иоанна Наваррская была королевой Франции. Ланкастер был прямым потомком как Генриха III, так и Людовика VIII Французского. В его жилах текла кровь и Плантагенетов, и Капетингов. Он был примерно на шесть лет старше короля. В юности они были близкими друзьями, и в перипетиях начала царствования Ланкастер поддерживал монарха. Но поведение Гавестона и явные злоупотребления правительства – особенно невыносимая практика реквизиций – вынудили его, как и многих других английских баронов, примкнуть к реформаторам. Зимой 1308–1309 годов Ланкастер постепенно отдалялся от короля и проводил много времени вдали от Вестминстера, в своих северных поместьях, где мог в удовольствие играть роль самого влиятельного англичанина в регионе.

Когда Ланкастер унаследовал владения Линкольна, он в мгновение ока превратился в самого влиятельного вельможу Англии. Полученное наследство подняло его доход до 11 000 фунтов, что было почти в два раза больше, чем получал второй по значимости английский лорд – Гилберт, граф Глостерский. Более того, теперь он владел землями по всему королевству. Ланкастер легко мог собрать огромную частную армию из своих вассалов и обладал властью как на региональном, так и на национальном уровне.

Как и Симон де Монфор, еще один могущественный родственник Плантагенетов, изводивший Генриха III, Томас, граф Ланкастер, был конфликтным человеком. Гордый, несговорчивый и категоричный, он был склонен обособляться от товарищей-баронов и с трудом мог рассчитывать на верность нижестоящих. Он был крайне непопулярным землевладельцем, который часто нарушал закон в отношении своих арендаторов. Ланкастер не внушал любви, и, когда он вознесся до позиции второго из самых влиятельных людей в Англии, многих начал беспокоить свойственный ему недостаток политической рассудительности.

На протяжении жизни Ланкастер был самым рьяным из ордейнеров; он вплотную занимался составлением списка из 41 пункта преобразований, который представили Эдуарду в августе 1311 года, а стране объявили в ноябре.

Ордонансы 1311 года были всесторонними и исчерпывающими. Они били по привычным злоупотреблениям, уходящим корнями в годы царствования Эдуарда I: реквизиция и prise; перекачка средств от сбора пошлин итальянским банкирам с целью обслуживания долгов; право короля объявлять войну без одобрения парламента. По приказу ордейнеров права Эдуарда жестко ограничили: он не мог даровать земли без согласия

баронов парламента, пока не выплатит свои долги; государственные доходы должны были поступать напрямую в казначейство, а не лично королю; парламент должен был созываться один или два раза в год; должны были быть созданы парламентские комитеты с правом выслушивать жалобы на злоупотребления со стороны короля. Комитеты же наделялись правом утверждать кандидатов на все посты в администрации Эдуарда – от канцлера и казначея до шерифов в графствах.

Казалось, вернулся 1258 год. Правительство с успехом изъяли из-под оплошавшего короля Плантагенета и поставили над ним в жесткой и неукоснительной манере. Но каким образом осуществить на практике меры, предписанные Ордонансами, в 1311 году было не яснее, чем в период любого другого конституционного кризиса со времен Великой хартии вольностей. Каждая предыдущая попытка навязать реформы не желающему того Плантагенету неизбежно заканчивалась гражданской войной. Но, так как другого выхода не было, стоило попробовать еще раз.

И тем не менее выполнения одного конкретного требования – изгнания Пирса Гавестона – бароны добились. Как и в 1308 году, ордейнеры обрушили на Гавестона лавину нападок: теперь его считали источником всех дефектов царствования. В Ордонансах утверждалось, что Гавестон «уводит короля с пути истинного», что он «коварно и разными способами убеждает его поступать неправильно» и что он «отвратил сердце короля от его подданных».

Гавестона обвиняли во втягивании страны в войну без одобрения баронов. Его подозревали в том, что он ставил печати на пустых бланках хартий «для обмана и ограбления короля и короны», и в том, что он вел себя «хитро, злокозненно и вероломно, навлекая на королевство бесчестье и лишения». В третий раз в жизни Эдуард столкнулся с гневным требованием изгнать названного брата и друга Гавестона – в этот раз не только «из Англии, но и из Уэльса, Шотландии, Ирландии и Гаскони, и из всякой земли, не исключая и заморских… на которую распространяется власть короля Англии – навсегда и безвозвратно».

3 ноября Гавестон покинул Англию, отплыв из Дувра, и сошел на берег во Фландрии, намереваясь воспользоваться гостеприимством герцога и герцогини Брабантских, которым Эдуард послал письмо с требованием позаботиться о его изгнанном друге. Однако и на этот раз ссылка оказалась недолгой. В конце ноября был выпущен второй набор Ордонансов, вероятно по приказу Ланкастера и графа Уорика. Их единственной целью было очистить двор короля от всех, кто был

связан с Гавестоном. Новые Ордонансы вернулись рикошетом. Жесткость и провокативность этих ограничений только взбесила короля. Униженный и разозленный, он тайно вызвал Гавестона обратно всего через несколько недель после высылки. В начале января 1312 года преследуемый граф снова вернулся в Англию, прибыв в Йоркшир как раз вовремя, чтобы встретиться со своей женой Маргарет, которая родила их первого ребенка – дочь Джоанну.

Практически сразу Эдуард принялся рассылать по стране уведомления, сообщая, что он отказывается повиноваться Ордонансам, и подтверждая, что он вызвал Гавестона в Англию и вернул ему графский титул. В конце февраля Эдуард и Гавестон отпраздновали воцерковление рожденного Маргарет младенца – последнее радостное событие, которое они отметят вместе.

Облава

Деревня Деддингтон в Оксфордшире лепилась к замку, который был построен Одо, братом короля Вильгельма I и епископом Байё, вскоре после нормандского завоевания. Места были знакомы Эмеру де Валенсу, графу Пембрука: его жена находилась всего в 22 милях отсюда, в поместье Бамптон.

Граф приехал в деревню вечером 9 июня 1312 года и привез с собой скандально известного пленника – Пирса Гавестона. Фаворит короля пребывал под арестом с 19 мая, когда он сдался Пембруку, Суррею и еще двум баронам, осадившим его в замке Скарборо. Пембрук держал Гавестона в плену от имени политического сообщества Англии. Он был намерен выполнить свой долг безупречно: на переговорах с Эдуардом II в Йорке граф согласился лишиться всех своих поместий, если хоть волосок упадет с головы Гавестона, пока тот находится на его попечении.

Английские магнаты спланировали и осуществили облаву на Гавестона в примечательном взаимодействии. В марте – не прошло и нескольких недель с возвращения Пирса в Англию – графы созвали рыцарей со всей Англии и Уэльса якобы на турнир, «дабы не устрашить страну видом оружия», писал автор «Жизнеописания Эдуарда II».

Настоящей же причиной мобилизации была подготовка к войне с королем и его мерзким фаворитом. Движущей силой заговора был архиепископ Уинчелси, отлучивший Гавестона от Церкви, а также графы Ланкастер, Пембрук, Херефорд, Арундел и Уорик, а кроме них еще два барона рангом пониже – Генри Перси и Роджер де Клиффорд. Другие, в частности графы Суррей и Глостер, знали о заговоре, но были не так плотно в него вовлечены. Каждый из магнатов должен был поддерживать порядок в определенной части королевства, а Пембрук и Уорик обязались обеспечить поимку Гавестона.

В итоге именно Пембрук, Суррей, Перси и Клиффорд 19 мая, после недолгой осады, выдернули Гавестона из замка Скарборо, как пробку из бутылки. Немедленно начались переговоры с Эдуардом об освобождении Гавестона, которые должны были продолжиться летом где-нибудь поближе к Лондону. Пембрук повез пленного графа на юг и теплой июньской ночью остановился в Деддингтоне.

Несмотря на то что Пембрук торжественно поклялся обеспечить безопасность Гавестона, в тот вечер граф принял странное решение и объявил, что собирается покинуть Деддингтон и навестить свою жену в Бамптоне. Гавестона он

оставит практически без охраны.

Что это было – глупость или предательство? Пембрук всю жизнь будет отрицать последнее, но оставить на ночь в одиночестве человека, которого ненавидела вся Англия и врагов у которого было в избытке, было по меньшей мере легкомысленно. Не прошло и нескольких часов с отъезда Пембрука, как в деревню во главе большого отряда вооруженных людей ворвался граф Уорик. Человек, которого Гавестон дразнил «черной собакой», явился укусить своего мучителя. Автор «Жизнеописания Эдуарда II» живо описывает случившееся:

> Когда граф Уорик узнал обо всем, что происходило с Пирсом, он собрал большую силу и тайно приблизился к месту, где, как ему было известно, находился Пирс. В субботу, очень рано утром, он добрался до деревни, через ворота вошел во внутренний двор и окружил помещение [где находился Гавестон].
>
> Потом граф закричал громким голосом: «Подымайся, предатель, ты попался». Пирс, услышав графа и увидев, какую силу он привел с собой, понял, что стража, которая должна была его охранять, не сопротивляется, оделся и спустился вниз. Вот так Пирса схватили и повели дальше уже не как графа, но как вора; и его, который привык ездить на иноходцах, заставили идти пешком.

Уорик с триумфом вывел Гавестона из Деддингтона: его вассалы трубили в рожки, разнося весть о победе над расстилающимися округ полями Оксфордшира. Процессию окружила плотная толпа, выкрикивающая оскорбления поверженному фавориту. Гавестон прошел пешком весь путь до замка Уорик, где его бросили в темницу как государственного изменника.

Уорик явно не сам это задумал: через неделю после поимки Гавестона в город Уорик съехались графы Ланкастер, Херефорд и Арундел со своими свитами, а кроме них и мелкие бароны, принимавшие участие в заговоре. Явился и Пембрук – в неподдельном ужасе при виде безжалостности соучастников и возмущенный тем, что его клятву защищать Гавестона растоптали у него на глазах. От графа отмахнулись, посоветовав в будущем не давать опрометчивых обещаний.

Граф Ланкастер, родственник короля, Плантагенет и самый важный человек из всех присутствовавших, с этого момента взял на себя весь риск и всю полноту ответственности за судьбу Гавестона. Узник предстал перед судом, где

председательствовали Ланкастер и Уорик, и был обвинен в нарушении пункта Ордонансов, требовавшего его изгнания. Конечно же, он был виновен: человек, представший перед судом, созванным исключительно ради того, чтобы вынести ему обвинительный приговор согласно закону, принятому специально, чтобы его уничтожить.

Гавестона приговорили к смерти. 19 июня его вывели из тюремной камеры и привели к Ланкастеру. Хронисты описали душераздирающую сцену: узник молил о милосердии. Без всякой пощады Гавестона передали вооруженным стражам, которые протащили его две мили к северу от Уорика до холма Блэклоу. На вершине холма его ждали два валлийца. Каждый нанес смертельный удар: один пронзил его тело, другой – снес голову.

Ланкастеру показали отрубленную голову Гавестона – как доказательство, что страшное деяние свершилось. Но тело осталось лежать там, где упало, пока некий доминиканский монах не забрал останки. Он пришил к телу голову и увез его в Оксфорд. Два с половиной года забальзамированное и облаченное в золотую парчу тело лежало в доминиканском монастыре. Это было максимально возможное милосердие: Гавестон умер отлученным от Церкви, и его нельзя было хоронить в освященной земле.

Даже учитывая заносчивость и безответственное поведение Гавестона, его настиг шокирующий конец, и эхо его смерти еще откликнется в будущем. Эдуард, узнав о судьбе своего названного брата, чуть не потерял рассудок от горя. Вместо того чтобы обдумать свои ошибки, он еще прочнее утвердился в намерении не подчиняться Ордонансам. Король никогда не простит своего кузена Ланкастера за его бесчеловечный поступок, и все следующее десятилетие между ними будет кипеть кровная вражда.

Смерть Гавестона не объединила Англию, но разделила политическое сообщество страны. Раскол между баронами ширился: виновные в убийстве Гавестона навсегда лишились милости короля, а Пембрук и Суррей, чувствовавшие себя в какой-то мере обманутыми Ланкастером и Уориком, превратились в непоколебимых лоялистов.

Но страшнее было другое. Бароны, призвав Гавестона к суду, чья сомнительная легитимность опиралась на авторитет графа Ланкастерского и Ордонансов, за которые тот ратовал, пересекли опасную черту. При всех его прегрешениях смерть Гавестона никак не могла сойти за исполнение справедливого приговора, вынесенного по законам королевства. Обезглавленный и пронзенный мечом на холме Блэклоу, Пирс Гавестон – граф,

нравилось это баронам или нет, – был убит. И это убийство было политическим.

Больше 150 лет Плантагенеты правили Англией, соблюдая принцип верховенства закона. Только в исключительных обстоятельствах важные люди королевства гибли в результате политических и конституционных конфликтов: Томас Бекет из-за несчастного стечения обстоятельств, Симон де Монфор на поле боя; Артур Бретонский, хладнокровно убитый в тюремной камере. Теперь ближайшего друга короля расчетливо прикончили по приказу одного из влиятельнейших Плантагенетов в стране.

Похищения, насилие и убийства были обычным делом в средневековом обществе, но в ежедневной практике королевского правительства они считались неприемлемыми – и извинительными только в самых серьезных обстоятельствах. Теперь же насилие в Англии превратилось в политический инструмент. Бароны открыли ящик Пандоры. Эдуард и Ланкастер погружались в неукротимую взаимную ненависть, и семья Плантагенетов рисковала оказаться разорванной пополам – а вместе с ней и вся Англия.

Лето надежд

Побывать в Париже летом 1313 года значило познать самые изысканные наслаждения средневековой Франции. В начале июня все население города выплеснулось на улицы, а постоялые дворы были забиты бесчисленными аристократами, юными рыцарями, благородными молодыми дамами со всей Европы, почетными гостями из дальних стран. За публичными представлениями, церемониями и процессиями наблюдали огромные толпы народа. Улицы были увешаны разноцветными тканями, а на деньги горожан возвели фонтан, из которого било вино. Фонтан был декорирован фигурами сказочных чудовищ, русалок, львов, леопардов и мифических зверей. На крытом рынке в одном из районов города устроили настоящий лес и запустили в него кроликов, чтобы гуляки могли развлечься ловлей прирученных зверьков. Народ веселили уличными театральными представлениями и музыкальными концертами. Французские хронисты утверждали, что это был самый зрелищный праздник, какой когда-либо видывали во Франции. Это было лето торжеств и пышных церемоний. Король Эдуард II Английский и королева Изабелла находились в самой гуще событий.

Король и королева Англии прибыли во Францию с государственным визитом в конце мая. Их сопровождали графы Пембрук и Ричмонд, а также другие лоялисты, в том числе Хью Диспенсер Старший и Генри Бомонт. Монаршую чету пригласили во Францию на славное зрелище: посмотреть, как тесть Эдуарда, король Филипп IV, посвящает в рыцари 200 юношей, в том числе троих своих сыновей: Людовика, короля Наварры, Филиппа и Карла. Церемония подражала знаменитому Лебединому пиру, устроенному Эдуардом I в 1306 году накануне его последнего вторжения в Шотландию: тогда Эдуард и его новоиспеченные рыцари поклялись сначала завоевать Шотландию, а потом отбить у неверных Святую землю. Но французская монархия, как всегда, намеревалась устроить церемонию, превосходящую все, что было до нее: событие непревзойденной красоты и помпезности.

Английскую делегацию, прибывшую в Париж 1 июня, встретили всенародным ликованием и шумным праздником. Отметить их приезд планировалось шестью торжественными банкетами. Мероприятие недешево обошлось Эдуарду: он привез тестю в подарок около 100 быков, 200 свиней, 380 баранов, 200 щук, 200 карпов и 80 бочек вина для праздничного стола. На банкете, который устраивали англичане, Эдуард предусматривал обслуживание на лошадях – в шатрах, распахнутых настежь,

чтобы не мешать зевакам глазеть. Даже при свете дня этот банкет должны были освещать сотни факелов. Ради развлечения гостей король нанял прославленных менестрелей и музыкантов, а механик короля Наваррского построил «замок любви» для увеселения публики между переменами блюд.

Король и королева Англии заняли свое место на семейном портрете Капетингов. Дома Эдуард был непопулярен, но во Франции его принимали с почетом. Автор английской хроники «Жизнеописание Эдуарда II» пренебрежительно охарактеризовал первые шесть лет царствования Эдуарда как предательство ценностей Плантагенетов и написал, что король «не совершил ничего похвального или памятного, кроме того, что удачно женился и произвел на свет красивого сына… Какой контраст с началом царствования короля Ричарда, который уже к концу третьего года правления излучал на весь мир свет своей доблести». Но во Франции Эдуарда встречали с уважением благодаря его родственным связям с Капетингами.

У английского и французского королей было полно поводов для общего праздника. Устроив пышное семейное торжество в Париже, Филипп хотел отметить победу в долгом противостоянии с папским престолом и уничтожение французского ордена тамплиеров, а заодно похвастаться ветвистым фамильным древом и непревзойденным величием французской короны. Мирное решение гасконского вопроса казалось реальным и достижимым. Вдобавок два короля заключили самое христианское из соглашений между Плантагенетами и Капетингами: они договорились отправиться в новый крестовый поход против мусульман Египта. 6 июня оба, Филипп и Эдуард, принесли клятвы крестоносца в соборе Нотр-Дам: Эдуард стал шестым подряд королем Плантагенетом, давшим святой обет.

Насколько же этот июнь был лучше предыдущего! Тогда убийство Гавестона поставило страну на грань гражданской войны. Эдуард был настроен воинственнее всех. На публике он сетовал на глупость Гавестона, сдавшегося на милость Уорика, но в глубине души обдумывал, не пойти ли в наказание войной на Ланкастера и его сторонников. Только предостережения приближенных короля, опасавшихся, что гражданская война развяжет Роберту Брюсу руки для вторжения в Англию, заставили Эдуарда отказаться от мысли послать армию против своего личного врага.

Потребовалось шесть месяцев, чтобы отвести от страны угрозу бунта и анархии. Присоединившись к шумному веселью дома Капетингов, Эдуард и Изабелла были уверены, что дела идут на поправку. Прежде всего, они стали родителями. После

смерти Гавестона Изабелла вполне освоилась в роли королевы – не без помощи родной тетки, Маргариты Французской, мачехи короля. В трудные времена она сохраняла лояльность мужу и наконец 13 ноября 1312 года родила в Виндзоре сына. Не поддавшись давлению французов, требовавших назвать мальчика Людовиком или Филиппом, пара дала ему имя Эдуард. Монах-летописец из Сент-Олбани утверждал, что появление на свет сына отвлекло короля от скорби по Гавестону. Королева письменно обратилась к жителям Лондона, сообщая о рождении наследника, и столица встретила новость массовыми уличными гуляньями. Рождение Эдуарда Виндзорского стало облегчением для всех – хотя ребенку еще предстояло преодолеть опасности детства, само его появление на свет добавляло слабому режиму толику стабильности. Когда мальчику было 12 дней от роду, ему пожаловали титул графа Честерского. Чтобы укрепить статус королевских сыновей, а точнее верных королю Плантагенетов, Эдуард II после рождения сына сделал своего единокровного брата, 12-летнего Томаса Бразертона, графом Норфолкским.

Когда Эдуард и Изабелла в середине июля 1313 года вернулись из своего помпезного путешествия во Францию, казалось, что самый пик кризиса позади. Конечно, отношения короля и враждебно настроенных баронов оставались напряженными: те продолжали травить уцелевших компаньонов короля и прежде всего Хью Диспенсера, который практически единственный из баронов не покинул Эдуарда и защищал Гавестона до самой его смерти. И тем не менее Вестминстерский парламент в октябре официально зафиксировал мир между двумя партиями.

Переговоры о мире длились месяцами, и для их успешного завершения потребовалось посредничество представителей Франции и папского престола. В конце концов Эдуард согласился простить смерть Гавестона Ланкастеру, Херефорду, Арунделу, Генри Перси, Роджеру де Клиффорду и их союзникам. В обмен бароны пообещали не преследовать бывших сторонников Гавестона, в том числе Диспенсера, которого король по-прежнему держал при себе. Ордонансы не упоминались, и бароны не требовали смещения каких-либо министров. Гавестона и тех, кто его поддерживал, больше не именовали врагами короля и королевства. Это был шаг к миру, хотя и не полное воссоединение.

Были и другие хорошие новости. В конце ноября Эдуард добился согласия парламента на войну с Шотландией. В декабре он поехал во Францию просить у тестя разрешения отдать герцогство Гасконь в залог за папский заем. Все прошло успешно,

и весной 1314 года Эдуард получил из Рима 25 000 фунтов, что позволило ему финансировать крупную кампанию на севере. Казалось, король наконец готов продолжить с того места, где остановился его отец.

Эти недолгие надежды, увы, так и остались иллюзией. В считаные месяцы радость визита во Францию, рождения Эдуарда и примирения с магнатами развеется, столкнувшись с суровой реальностью, – подобно праздничным картинам, оживлявшим улицы Парижа тем прекрасным минувшим летом.

Бэннокберн

Шотландская кампания Эдуарда началась многообещающе. 17 (по другим данным 18) июня король отправился в поход из Берика. Его внушительная армия была хорошо вооружена, хорошо финансировалась и снабжалась. Рассказывали, что за войском тянулся обоз длиною в семь лиг (почти 20 миль), а вдоль берега курсировали корабли, снабжавшие армию продовольствием. Это была крупнейшая армия за 15 лет, прошедших с 1298 года – с Фолкиркской кампании Эдуарда I. Графы Глостер, Херефорд и Пембрук, Хью Диспенсер и Роджер де Клиффорд привели с собой крупные вооруженные отряды, а еще тысячи рыцарей и пехотинцев были завербованы непосредственно под знамена короля или в армию в целом. Графы Ланкастер, Уорик, Арундел и Суррей не явились, хотя и прислали тот минимум солдат, который, как они утверждали, по закону обязаны были предоставить. Графы, покривив душой, заявили, что кампания не была должным образом согласована с парламентом, но истинная причина их отказа сотрудничать заключалась в том, что они, ярые противники Эдуарда, опасались, что, добившись успеха в Шотландии, король может ополчиться против них и позариться на их английские земли.

Поначалу их отсутствие казалось не такой большой потерей в масштабах армии. Эдуард успел пройти 50 миль к северу от Берика, и громогласное продвижение английского войска, по словам автора «Жизнеописания Эдуарда II», создавало впечатление, что людей в нем «было достаточно, чтобы пройти насквозь всю Шотландию… некоторые думали, что и собрав всю мощь Шотландии они не выстояли бы перед армией короля». К несчастью для Эдуарда, это впечатление оказалось ошибочным. 23 июня англичане добрались до Стирлинга, где наткнулись на небольшое войско Роберта Брюса, состоявшее из 500 кавалеристов и не более чем 6000 пехотинцев. Войско заняло позицию в Новом парке, лесных охотничьих угодьях на пути к Стирлингу. В полумиле оттуда протекала речка Бэннокберн, которая регулярно затапливала окружающие поля, превращая болотистую землю в ненадежную опору – обстоятельство, которое люди Брюса постарались усугубить, выкопав в земле ямы и прикрыв их ветками и травой.

Битва при Бэннокберне проходила в два этапа. 23 июня дело ограничилось отдельными стычками между английскими и шотландскими рыцарями. Генри де Богун, племянник графа Херефорда, бросил вызов самому Роберту Брюсу. Смерть его была

мгновенной: шотландский король раскроил ему череп ударом боевого топора. Двадцатитрехлетний Гилберт, граф Глостер, посеял раздор в рядах англичан, разругавшись с Херефордом (констеблем Англии) за право возглавить авангард. Авангард был передовым из трех традиционных подразделений армии, и командовать им считалось весьма почетной обязанностью. Глостер победил в этом споре, но себе на беду: в бою он был сброшен с коня и чудом выжил. В тот же день английская кавалерия собиралась произвести разведку и выяснить, возможно ли снять осаду с замка Стирлинг, но ее атаковали шотландские копейщики. Под сэром Томасом Греем была убита лошадь, а самого его взяли в плен, как и многих других рыцарей.

Начало уже не предвещало ничего хорошего, а вскоре стало еще хуже: раскол в английском командовании ширился. Посрамленный Глостер всю ночь ругался с королем. Граф настаивал, что вступать в бой с Брюсом прямо сейчас нельзя: войска, утомленные переходом на север, остро нуждаются в отдыхе. Эдуард же желал немедленно продолжить битву. Он назвал графа предателем и лжецом, и между ними вспыхнула яростная ссора.

На следующее утро, когда армии стянулись на поле боя, Глостер попытался отстоять свою честь. Сгоряча он немедленно бросил английский авангард против шотландской пехоты. Но его дерзкая вылазка не увенчалась успехом: Глостер был окружен и пал в беспорядочной свалке коней и людей. Эта стычка послужила сигналом к общей атаке шотландских копейщиков, построенных шилтронами, как при Фолкирке в 1298 году. Тогда лучники Эдуарда I разбили ощетинившиеся копьями шилтроны смертоносным дождем из стрел. Но при Бэннокберне Эдуард слишком долго держал лучников в тылу, и его кавалерия с размаху напоролась на острые наконечники шотландских копий.

Когда битва перешла в беспорядочную резню, графу Пембруку и сэру Жилю д'Аржантану, который пользовался славой третьего из величайших рыцарей христианского мира, пришлось силком уволочь Эдуарда с поля боя. Отступая, король храбро сражался, отбивая атаки шотландцев своей булавой, несмотря на то что лошадь под ним была убита. Только усилиями Пембрука и сэра Жиля удалось избежать полной катастрофы и не допустить пленения Эдуарда. Но и его героическое спасение закончилось горестной потерей: сэр Жиль оставил короля в безопасном месте и, помня о своем долге рыцаря, наперекор неизбежному унизительному поражению вернулся в бой, где его изрубили на части.

Эдуард со свитой численностью около 500 человек

ускользнул из Бэннокберна и покинул Шотландию морем, спешно эвакуировавшись из Данбара. Позади они оставили тысячи обреченных на смерть людей. Бэннокберн, река Форт и болотистые поля, расстилавшиеся вокруг, стонали под тяжестью мертвых и умирающих англичан. Земля Стирлинга пропиталась кровью из крошечных ручейков, пересекающих поле битвы. Армия Роберта Брюса погубила многих величайших рыцарей христианского мира: одни пали в битве, другие утонули при попытке переплыть Бэннокберн или Форт. Кроме Глостера и сэра Жиля д'Аржантана погибло как минимум 200 рыцарей, в том числе сэр Роджер де Клиффорд. Графу Пембруку очень повезло унести ноги. Малая государственная печать короля пропала. Граф Херефорд, как и множество других знатных рыцарей, попал в плен к шотландцам. Англичане бежали, бросив все добро, а шотландцы продолжали преследовать их даже на английских землях. Автор «Жизнеописания Эдуарда II» сокрушался: «так много славных вельмож, так много военного снаряжения, дорогой одежды и золотой посуды – все погибло в один ужасный день, в один быстротечный час».

Но что там золотая посуда и ценная одежда – не это было главной утратой. В начале XIV века тактика войны менялась, и пехота, сталкиваясь с конными рыцарями, уже способна была одержать верх, но тем не менее поражение при Бэннокберне воспринималось как предельное унижение. Брюс был силен как никогда, и ничто теперь не мешало ему открыть второй фронт в Ирландии.

Тем временем Эдуард II опять очутился в прискорбно невыгодном положении в отношениях с графами, досаждавшими ему при жизни Гавестона. Ланкастер, Уорик, Арундел и Суррей отказались служить в шотландской кампании Эдуарда, сделав ставку на его военную некомпетентность, и теперь перевес был на их стороне. Нет, не король-триумфатор готовился сокрушить врагов, окопавшихся в его королевстве, но униженный монарх возвращался, чтобы взглянуть в глаза своим демонам. Судьба была так же немилостива к королю, как и во все время его царствования, и недовольные бароны снова могли навязывать ему желаемые реформы.

Новые фавориты

2 января 1315 года забальзамированное тело Пирса Гавестона было похоронено в Кингз-Лэнгли, в одной из любимых резиденций Эдуарда. Поместье принадлежало матери Эдуарда, королеве Элеоноре. Эдуард бывал там ребенком; позже замок перестроили и отреставрировали, чтобы обеспечить семью достойной резиденцией в Хартфордшире. Ярко разукрашенные залы освещались огромными каминами; в угодьях, таких огромных, что там можно было устраивать турниры, обитали всевозможные животные, а на территории парка и виноградника, окружавшего основной дом, размещался охотничий домик, который называли «маленьким Лондоном».

Это было место королевских услад – а теперь и скорби: бывший фаворит короля наконец был удостоен мемориала, о котором Эдуард для него мечтал. Есть веские основания полагать, что новый покладистый архиепископ Кентерберийский, Уолтер Рейнольдс, снял с Гавестона отлучение: теперь усопшего можно было переместить из доминиканского морга в Оксфорде в холодную землю Лэнгли. Его забальзамированное тело обернули в золотую парчу, которая обошлась королю в 300 фунтов, а затем с почестями похоронили в присутствии большинства епископов Англии.

А вот гостей из числа английских графов было значительно меньше. Щедрых поминок, на которых было выпито по меньшей мере 23 бочки вина, оказалось недостаточно, чтобы заставить Ланкастера и его пособников наблюдать за похоронами убитой ими жертвы. Отношения между Эдуардом и сподвижниками его кузена по-прежнему были весьма напряженными, и призраки 1312 года все еще мешали примирению.

После Бэннокберна король Плантагенет и граф Ланкастер пытались мирно сосуществовать и править Англией, но их усилия не увенчались успехом. Политическому исцелению, с одной стороны, препятствовала неуступчивость и чванство графа, а с другой – желание короля снова замкнуться в узком кругу доверенных лиц, желание, в котором страна не могла его поддержать.

Все основные действующие лица, которые вскоре составят новую свиту короля, присутствовали в Лэнгли и наблюдали за проводами в последний путь старого фаворита. Были там два преданных королю графа – Пембрук и Херефорд. Один спас ему жизнь при Бэннокберне, а второй недавно освободился из шотландского плена. Приехали Генри де Бомонт и Бартоломью

Бадлсмир, один из крупнейших вассалов погибшего графа Глостера и сам весьма влиятельный барон, свыше 50 других рыцарей и большинство высокопоставленных чиновников Эдуарда. Но самыми важными гостями были Хью Диспенсер и его сын и тезка, Хью Диспенсер Младший.

Диспенсеры всегда без колебаний сохраняли верность королю, а после смерти Гавестона заполнили пустоту, оставленную почившим фаворитом. Хью-старший неотступно находился подле короля, регулярно сопровождал его в зарубежных поездках и постепенно накапливал титулы и замки на западе Англии. Младший Диспенсер тоже тем временем внедрился в окружение короля и уже был на пути к тому, чтобы стать ему другом и союзником более близким, чем даже его отец. Когда правление Эдуарда устремится в бездну, влияние этих двоих на короля только возрастет.

Как только слезы по Гавестону высохли, пошел дождь. Между 1314 и 1317 годом Северную Европу терзала ужасная непогода: губительно суровая зима раз за разом сменялась исключительно дождливым летом. В 1315 году сильные дожди лили без перерыва с мая по октябрь: потоки воды смывали деревни, разрушали пахотные земли – кое-где навсегда – и сливались в крупные озера в низинах Йоркшира и Ноттингема. Ливни погубили посевы на корню, чем навлекли на Англию страшный голод, растянувшийся на два года. Люди в деревнях недоедали. Целые селения нищенствовали: урожайность снизилась на 80 %. Люди ели все, что только могли отыскать: птичий помет, домашних животных, отсыревшее и испорченное зерно, а иногда и человеческую плоть. Голодные толпы готовы были растерзать друг друга ради последних крох еды или того жалкого урожая, что можно было вырастить в раскисшей земле.

Овцы и крупный рогатый скот страдали от эпидемий: сбор шерсти и поставки мяса в Англии были парализованы, отчего пострадали военные части, размещенные у границ Шотландии. Нехватка продовольствия и вечная сырость сделали жизнь на переднем крае голодной и грязной.

Но и в этих малообещающих обстоятельствах английские магнаты изо всех сил старались установить прочное политическое согласие. После унижения при Бэннокберне инициатива перешла к графу Ланкастерскому и его сторонникам. Вскоре после похорон Гавестона собрался парламент, и бароны в попытке стабилизировать финансовую ситуацию и разобраться с коррупцией, которая в центральном и местном правительстве казалась повальной, переписали Ордонансы, выгнали несколько королевских министров, заменили всех шерифов в Англии,

приказали вернуть в казну все королевские пожалования и давили на Эдуарда, заставляя его выслушивать прошения и ходатайства со всех уголков страны. Чтобы оградить короля от негативного влияния, старшего Диспенсера и архиепископа Кентерберийского Рейнольдса лишили постов в правительстве. Но в других вопросах Ланкастер и Уорик с готовностью сотрудничали с магнатами-лоялистами, такими как Пембрук, и с министрами королевского двора.

Важность сотрудничества нельзя было переоценить: срочно требовали решения бесконечные вопросы внутренней и внешней политики. Умер французский король Филипп IV, ему наследовал его сын Людовик X. Новый король Франции потребовал возобновить дипломатическую миссию по закреплению статуса Гаскони. Шотландцы, воодушевленные успехом при Бэннокберне и смертью нескольких крупных лордов Северной Англии – в том числе графа Уорика, скончавшегося в августе 1315 года, – все глубже вторгались в английские земли. Брат Роберта Брюса Эдуард открыл второй фронт шотландской войны, в мае 1315 года возглавив вторжение в Ирландию.

Мерзкая погода и охвативший страну голод не давали Англии никакой возможности снарядить армию в дальний поход, чтобы отразить эту угрозу от своих границ. По этой причине Эдуард снова стал объектом интенсивного давления: в начале 1316 года в Линкольне собрался парламент, который назначил Ланкастера главой королевского совета с правом проводить в жизнь Ордонансы и реформировать королевскую администрацию.

К несчастью, Ланкастер оказался так же не заинтересован в правлении – или неспособен к нему, – как и его двоюродный брат. Он верил в принцип Ордонансов – необходимость контролировать власть короля, подчиняя ее коллективной воле баронов, – и сам аппарат власти рассматривал как средство для воплощения в жизнь этого принципа. Но дальше этого Ланкастер не заглядывал. Он упрямо настаивал на переиздании и подтверждении Ордонансов, однако его редко можно было застать в Вестминстере, и собственно управлению государством он уделял крайне мало времени. Ему больше нравилось раздувать щеки и обустраивать собственный двор на севере, а государственными делами он практически не занимался.

Ордонансы предусматривали отзыв королевских пожалований и вводили положение, согласно которому право опеки должно было утверждаться парламентом. Догматичное упрямство Ланкастера в этом вопросе без конца напоминало о разладе 1312 года и усиливало его изоляцию от остальных английских баронов, среди которых были и те, кто по-прежнему

таил на него злобу за позорное убийство Гавестона.

В итоге квазирегентство Ланкастера продлилось всего несколько месяцев, и в апреле 1316 года он удалился в свои владения на севере, обосновавшись в замке Понтефракт. В 1316 и 1317 годах, пока Ланкастер отсутствовал, вошла в силу новая компания фаворитов Эдуарда. Раскол закрепился. Учитывая число вассалов Ланкастера и размер его земельных владений, он не перестал быть доминирующей силой в английской политике, а благодаря размерам владений на севере сделался критически важной фигурой в войнах с Шотландией. Однако сотрудничать Ланкастер не желал ни в одной области, только без конца требовал, чтобы король подчинялся Ордонансам, которые тот ненавидел.

Эдуард, со своей стороны, совершенно не стремился примириться с кузеном. В число новых фаворитов кроме двух Хью Диспенсеров входили еще трое баронов: Хью Одли Младший, Роджер Дамори и Уильям Монтагю. Трое приближенных – Диспенсер-младший, Одли и Дамори – обзавелись крупным состоянием благодаря бракам с сестрами молодого графа Глостера, убитого на второй день сражения при Бэннокберне. Они разжились королевскими пожалованиями и опеками, большая часть которых располагалась в Уэльсе и Валлийской марке. Все пятеро стали чрезвычайно богаты – в нарушение Ордонансов, требовавших, чтобы король возвратил в казну прежние пожалования, а все новые отдал на утверждение парламенту.

Более того, даже бароны, стоявшие на умеренных позициях, такие как Пембрук и Херефорд, которые не выслуживались перед королем, но поддерживали его из принципа верноподданности, получили выгодные контракты, поощрявшие их служить королю в мирное и военное время. Не надеясь на очевидную обязанность баронов и лордов поддерживать короля из обоюдного личного интереса, Эдуард платил своим людям королевские зарплаты, чтобы привязать их к короне. Он сделал монархию личным, а не государственным предприятием, взращивал культуру «своих» и «чужих» и все сильнее вынуждал кузена к сопротивлению.

На протяжении 1317 года кризис усугублялся. Летом Эдуард повел против шотландцев крупную армию и обнаружил, что Ланкастер собрал собственное войско в залитом дождями Понтефракте. Напряженность росла и углублялась, и казалось, что север вот-вот погрузится в насилие. Надвигалась анархия: Ланкастер исподтишка расшатывал авторитет короля (и король платил ему взаимностью), хаос нарастал. В сентябре рыцарь королевского двора сэр Гилберт Миддлтон остановил и ограбил Льюиса Бомона, епископа Дарема и двух сопровождавших его

кардиналов, когда те выехали из Дарлингтона, направляясь на рукоположение Бомона. Это событие вызвало сильнейшее замешательство с обеих сторон. Когда Эдуард покинул север, вассалы Ланкастера атаковали замки, принадлежавшие фаворитам короля.

В этой ситуации единственно возможным исходом казалась гражданская война. Государственная власть была парализована, и, чтобы сохранить мир, умеренные бароны вроде Пембрука и Бадлсмира начали предпринимать отчаянные действия. Они попытались частным образом договориться с фаворитами Эдуарда: Роджер Дамори подписал один такой договор, в котором Пембрук и Бадлсмир обещали защищать его от всех людей (имелся в виду Ланкастер), а Дамори в обмен обязался не докучать королю, выпрашивая у него земли или что-то еще, что может причинить вред короне. Это был акт отчаяния. Королевской власти как таковой не существовало, и только благодаря посредничеству английских епископов, умеренных советников короля вроде Пембрука, Херефорда и Бадлсмира, а также посланников папы война в 1317 году не началась.

Пока длилось противостояние Эдуарда и Ланкастера, с королем случилось несколько диковинных происшествий. Эдуард в начале 1318 года был в Оксфорде, когда ко двору явился человек по имени Джон Паудерхэм. Кожевник из Эксетера предстал перед королем и заявил, что на самом деле именно он – сын Эдуарда I и что королевство Англия принадлежит ему «по праву рождения».

Он обвинил короля в том, что тот – подменыш, подброшенный в королевскую колыбель при рождении, и вызвал его на бой за корону. Паудерхэм сказал, что он – истинный король Англии, а Эдуард – самозванец. Человек был явно не в себе, но его история запомнилась. Согласно различным хроникам, где упоминается это происшествие, король был позабавлен эксцентричностью заявления, но страшно разозлился, когда по Англии поползли слухи о словах Паудерхэма. Таково было горе войны, потопа, голода и политического хаоса, что история о скандале и подмене нашла благодарную аудиторию, готовую поверить, что настолько беспомощный король не может быть отпрыском истинно королевской крови.

Сам Паудерхэм долго не протянул. Сначала Эдуард намеревался было держать его при себе как шута, но опасность была слишком велика. Родителей Паудерхэма вызвали на допрос, после чего его судили и 23 июля повесили в Нортгемптоне. (На суде он заявил, что в его кошку вселился дьявол, склонивший его к преступлению. Кошку повесили тоже.) Но возможно ли, чтобы

Эдуарда мучили мысли о собственной легитимности? Примерно в то же время, когда англичане пересказывали друг другу историю Паудерхэма, Эдуарда очаровал мошенник, доминиканский монах Николас из Уисбека. Николас утверждал, что у него есть склянка со святым миром, подаренная архиепископу Томасу Бекету во время его французского изгнания. Эдуард уверовал, что если его вторично помажут на царство этим маслом, то не только его политические неприятности минуют, но небеса одарят его доблестью и силой, которой хватит, чтобы вернуть христианам Святую землю. Возжаждав магического исцеления, он направил срочный запрос папе, который в 1309 году перенес папский престол из Рима в Авиньон, испрашивая позволения провести церемонию повторного помазания.

Даже учитывая суеверный образ мысли, свойственный средневековому обществу, все эти странные и удивительные события подчеркивают непрочную политическую позицию и легковерность Эдуарда. В действительности гражданскую войну предотвратило не божественное вмешательство эфемерного святого Томаса, но длительные и утомительные переговоры с вполне материальным графом Ланкастерским. Дело решилось в августе 1318 года соглашением об официальном установлении мира между королем и его кузеном: Ликский договор учредил постоянный королевский совет из 16 членов (восемь епископов, четыре графа и четыре барона – Ланкастер в их число не вошел), а Эдуард снова подтвердил свою готовность соблюдать Ордонансы 1311 года.

Но этот мир был так же хрупок, как и все предыдущие: в его основе лежали принципы, не удовлетворяющие ни одну из сторон. Через четыре года он лопнул окончательно и навсегда. Между 1317 и 1321 годом Англия безостановочно сползала в гражданскую войну.

Гражданская война

В мае 1321 года огромные отряды вооруженных людей пешком и верхом пересекали англо-уэльские границы и рыскали по Южному Уэльсу. Они присваивали товары, грабили усадьбы, крушили ограды охотничьих угодий и безжалостно резали обитающих там зверей. Они убивали или похищали слуг и сторожей, которые пытались им помешать. Огонь и гибель несли они с собой. Они забирали оружие и продовольствие, уничтожали важные хартии и официальные документы. Они уводили кобыл и жеребцов, коров и быков, овец и свиней, изымали повозки, тележки и плуги. Они вламывались в дома, портили или уносили ценные вещи – в поданных позже жалобах фигурирует шахматная доска из орехового дерева с фигурками из хрусталя, предметы интерьера из слоновой кости, золотая церковная утварь, дорогие гобелены и одежда. Они нанесли убытков на десятки тысяч фунтов.

Отряды выступали под флагами с гербом короля, подчеркивая свою верность короне. Но эти люди не имели никакого отношения к Эдуарду. Солдаты служили баронам Валлийской марки: графу Херефорду, Роджеру Мортимеру де Чирку, его племяннику Роджеру Мортимеру де Вигмору, Хью Дамори, Хью Одли, Роджеру Дамори и другим. Многие из них в прошлом были приближенными короля, но теперь делали все, что в их силах, чтобы уничтожить могущество и разорить владения Хью Диспенсера Старшего и Хью Диспенсера Младшего, двух ближайших фаворитов короля, ненависть к которым – как раньше к Гавестону – превышала все разумные пределы.

Война, которую английские бароны, стоявшие на умеренных позициях, так долго и неустанно сдерживали, наконец вспыхнула. Эдуард, вновь поддавшись влиянию нечистоплотных приближенных, восстановил против себя две могущественные группировки – северных лордов, сплотившихся вокруг графа Ланкастера, и западных лордов Марки. Собственными руками он навлек на себя и на Англию худшую из возможных бед: анархию, беспорядки и полный крах королевского правления.

И, что досаднее всего, как раз перед началом гражданской войны Эдуард убедительно продемонстрировал, что вполне способен править уверенной рукой. В августе 1318 года он заключил мир с Ланкастером, вслед за этим в октябре одержал грандиозную победу в войне с Шотландией. В Ирландии силы под командованием верного графа Лаута в битве при Фогарте разбили шотландское войско и убили Эдуарда, брата Роберта

Брюса, – самая важная военная победа в царствование Эдуарда II. В одночасье был положен конец попыткам Брюса выгнать Плантагенетов из Ирландии, восстановив там верховную власть шотландской короны. Надежда на победу сохранялась и в шотландской войне в целом.

В 1320 году Эдуард посетил Францию, чтобы принести оммаж новому французскому королю Филиппу V за Понтье и Аквитанию. Французы хотели, чтобы Эдуард поклялся своему шурину еще и в личной верности, что означало бы, что король Англии находится в более глубокой зависимости от французской короны, чем предполагает оммаж. Эдуард не покорился и экспромтом произнес мощную речь, защищая права своей короны. Он сказал Филиппу и его советникам, что принес оммаж «по условиям мирных договоров, заключенных нашими предками, и в манере, в какой они сами его приносили… никто не может на разумных основаниях требовать от нас поступать иначе; и мы совершенно точно не намерены этого делать». Несвойственные Эдуарду речи и его очевидное возмущение ошеломили французскую делегацию и заставили ее умолкнуть.

Более того, эти успехи были достигнуты на фоне, на первый взгляд, пристального внимания Эдуарда к делам монархии. Королева Изабелла в 1316 году произвела на свет второго сына, Джона Элтамского, а в 1318 году – дочь, Элеонору Вудстокскую: Эдуард явно заботился о преемственности. Говорили, что поднимается король рано, уделяет время делам парламента и милостив в суде. Тем не менее с годами все больше власти переходило к фаворитам. На этот раз в любимчиках ходили не легкомысленные и нахальные приятели вроде Пирса Гавестона, а вероломные и алчные недруги королевства.

Между 1317 и 1321 годом Диспенсеры уверенно набирали силу. Они методично захватывали власть в Марке благодаря женитьбе младшего Диспенсера на наследнице графства Глостер. Власть Диспенсеров опиралась на стратегические территории в Уэльсе и замки в Гламоргане, в том числе Кардифф, Ллантризант и Кайрфилли. Это были самые важные владения в Глостере: они наделяли Диспенсера несоразмерной властью в землях, входивших в сферу влияния других баронов Марки, в том числе и тех, кто принадлежал к ближнему кругу Эдуарда – в частности Одли и Дамори. Диспенсеры – прежде всего младший – использовали свою близость к королю, чтобы покушаться на земельные права других лордов, захватывать Марку и увеличивать свои и без того значительные владения. Это не просто раздражало подданных, которые не могли рассчитывать на справедливость королевского правосудия в отношении

Диспенсеров, это оскорбляло баронов Марки в целом: они считали, что король, беззастенчиво возносивший одного человека в ущерб другим, нарушает традиционный баланс сил в регионе и попирает законы Марки.

Кроме того, король, как и во времена Гавестона, снова был пешкой в чужих руках. Диспенсеры присвоили себе роль привратников короля, контролируя доступ к нему остальных баронов. Хронист Адам Муримут писал, что никто не мог поговорить с королем в отсутствие Диспенсера, беззастенчиво отвечающего просителю от имени монарха. Тому, кто переходил Диспенсерам дорогу, грозило лишение земель, собственности или даже тюремное заключение.

В конце 1320-х годов умерла вдовствующая графиня Глостер, и Эдуард отдал младшему Диспенсеру принадлежавшее ей владение Гауэр с центром в Суонси. В 1320-х годах Гауэр был предметом спора между Роджером Мортимером де Вигмором, графом Херефордом и другим лордом Марки, Джоном де Моубреем. Эдуард вернул владение в собственность короны, а затем пожаловал его Диспенсеру. Большинство баронов Марки, в том числе Херефорд, Одли, Дамори и Роджер Клиффорд, отнеслись к этому решению крайне враждебно. Задело оно и двух Роджеров Мортимеров – Чирка и Вигмора, с которыми Диспенсеров связывала старая кровная вражда. (Союзник Эдуарда I, предыдущий Роджер Мортимер, помог поймать и прикончить предыдущего Хью Диспенсера в битве при Ившеме.) Но когда Мортимеры пожаловались королю, он полностью отверг их претензии, а Диспенсер обвинил их в измене. В начале 1321 года лорды Марки взяли дело в свои руки и вторглись во владения Диспенсера. Война началась.

Зажатый между свирепым гневом лордов Марки и тлеющей враждебностью Ланкастера, который в 1321 году был занят тем, что сколачивал коалицию северных лордов против короля, Эдуард снова умудрился объединить и восстановить против себя львиную долю английского политического сообщества. Даже умеренные бароны вроде Бартоломью Бадлсмира и (ненадолго) графа Пембрука склонились на сторону оппозиции. В августе 1321 года парламент в Вестминстере составил список обвинений против отца и сына Диспенсеров и потребовал, чтобы к концу месяца оба покинули Англию. Приказ был вынесен властью графов и баронов королевства с одобрения парламента – властью, которая, как заявляли бароны оппозиции, перевешивала сопротивление короля. Королева Изабелла, в начале июля 1321 года родившая четвертого ребенка (девочку, названную Джоанной), на коленях умоляла Эдуарда уступить ради

королевства. Он так и сделал и услал Диспенсеров прочь. Но Эдуард не смирился. Уступив мольбам жены, король с негодованием поклялся, что не пройдет и полугода, как он «востребует такую компенсацию, что весь мир услышит и содрогнется».

1 декабря 1321 года архиепископ Кентерберийский созвал срочный совет в соборе Святого Павла в Лондоне. В письмах прелатам он подчеркнул, что дело неотложное. «Страна, наслаждавшаяся прежде счастьем мирной жизни, – писал он, – подверглась нынче опасности крушения в гражданской войне».

Крушение. Ту же аналогию использовали хронисты больше 180 лет назад, когда Англию рвала на части гражданская война кузенов, продлившаяся почти два десятилетия. Тогда это был король Стефан, которому бросила вызов его родственница, императрица Матильда. Теперь это был король Эдуард, рисковавший уступить власть, а может, и корону мятежникам, во главе которых стоял его кузен Томас, граф Ланкастерский.

Ссылка младшего Диспенсера продлилась едва ли несколько недель. В начале октября король вызвал его обратно в Англию и встретил на южном побережье, между Портсмутом и Саутгемптоном. Одновременно Эдуард нанес первый удар гражданской войны, осадив кентский замок Лидс, принадлежавший его бывшему союзнику Бартоломью Бадлсмиру. Король лично командовал осадой, а значит, нес персональную ответственность за казнь нескольких вассалов Бадлсмира и за тюремное заключение в лондонском Тауэре его жены и детей.

Без союзников Эдуард не остался. Несмотря на непопулярность Диспенсеров, были и те, кто боялся последствий войны с королем и пытался ему угодить. Короля поддержали два младших брата, Томас Бразертон, граф Норфолкский, и Эдмунд Вудсток, граф Кентский, а также графы Пембрук, Ричмонд, Арундел и Суррей. Кроме того, в подчинении у Эдуарда были элитные подразделения придворных рыцарей.

Оппозиция, чьи представители стали известны как «несогласные» (contrariants), разделилась сложным образом. Во главе ее встали лорды Марки – Херефорд, два Роджера Мортимера, Бадлсмир и бывшие фавориты Дамори и Одли, – и действовали они, опираясь на ограниченную поддержку графа Ланкастера, который до января 1322 года держался в стороне от военных действий.

Несмотря на недостаточную сплоченность в стане «несогласных», война началась для них неплохо: осенью и зимой 1321 года они захватили пограничные города Глостера Бриджнорт и Вустер. Но в начале 1322 года на «несогласных»

обрушился тяжкий удар: два Роджера Мортимера, чьи отряды поредели из-за массового дезертирства и атак верных Эдуарду уэльских лордов, сдались королю, который заключил их под стражу в Тауэре. С этого поражения начался процесс развала коалиции лордов Марки: в феврале капитулировали Морис де Беркли и Хью Одли Старший. Эдуард конфисковал у сэра Мориса замок Беркли – решение, о котором ему еще придется пожалеть.

Эдуард, при всей его политической глупости, мог быть умелым тактиком. Сокращая численность своих оппонентов, он все глубже загонял лордов Марки в состояние паники. Сопротивление Эдуарду утратило напор. Граф Херефорд, Хью Одли Младший и Роджер Дамори объединили усилия с графом Ланкастером в конце января 1322 года; но к этому времени корона уже перехватила военную инициативу.

Эдуард атаковал замки Ланкастера в феврале и успешно взял некоторые из них, в том числе крепость в Кенилуэрте, ту самую, что в XIII веке сыграла важную роль в войне против Симона де Монфора. На протяжении всей кампании Ланкастера покидали ключевые союзники. Как минимум десять из его вассалов переметнулись на сторону противника, либо не желая воевать против короля, либо опасаясь судьбы, которая постигла бы их в случае разгрома Ланкастера.

Хотя Марка и север Англии объединились против него, в 1321 и 1322 годах Эдуарду удалось добиться значительной поддержки со стороны коренных лордов Уэльса, в частности Риса ап Гриффида и Гриффида Львида. Валлийские князья чаще сталкивались с угрозой со стороны лордов Марки, чем с опасностью, исходящей от короля, и в союзе с Эдуардом увидели возможность захватить ценные земли соседей-баронов.

Наряду с военной кампанией Эдуарду удалось провернуть и блестящую пропагандистскую операцию. В феврале 1322 года всплыла обличающая переписка, доказывающая, что Ланкастер вел переговоры с шотландцами, собираясь сколотить союз против английского короля. Моральное превосходство графа моментально сдулось, как и его оборона. Эдуард распространил обличающие письма по всей стране. Архиепископы, епископы и шерифы получили приказ публично зачитать письма, доказывающие измену Ланкастера, который подговаривал шотландцев вторгнуться в Англию, чтобы оказать ему помощь в усобице с королем. Это был смертельный удар. Через десять дней после обнародования писем Эдуард и верные ему графы объявили Ланкастера государственным изменником и приказали графам Кента и Суррея атаковать замок Понтефракт.

Военные планы «несогласных» провалились, и Понтефракт

охватила паника. Бароны переругались, не в силах решить: то ли остаться в надежде выдержать осаду, то ли попытаться ускользнуть на север в направлении Шотландии. Сам Ланкастер согласился оставить свою крепость, только когда лорд Марки Роджер Клиффорд пригрозил ему мечом.

Конец настиг их в Бороубридже, в Йоркшире. Ланкастер и его союзники попытались пробраться в Нортумберленд, но путь им преградил сэр Эндрю Харкли, комендант замка Карлайл. У Харкли было в распоряжении 4000 солдат; войско Ланкастера они разбили наголову. Граф Херефорд пал в битве, пронзенный копьем; другие знатные лорды, в том числе Ланкастер, оставались на свободе еще несколько дней, но, когда они пытались скрыться, переодевшись нищими, их похватали поодиночке.

21 марта Ланкастера перевели из тюрьмы в Йорке обратно в несчастный Понтефракт, занятый силами короля. Король встретил графа насмешками и оскорблениями. Затем, согласно слухам, дошедшим до автора «Жизнеописании Эдуарда II», Ланкастера заперли и башне, которую сам он построил в ожидании дня, когда в его руки попадет Эдуард.

На следующее утро Ланкастера вывели из камеры и он предстал перед советом судей, в число которых вошел Эдуард, два Диспенсера, верные королю графы и один профессиональный судья. «[Ему] одно за другим предъявляли обвинения в преступлениях и за каждое преступление назначали отдельное наказание», – писал хронист. Ланкастера приговорили к смерти через повешение, волочение и обезглавливание. В уважение его королевской крови повешение и волочение отменили – как и право Ланкастера ответить на выдвинутые против него обвинения. «Это влиятельный суд, и весьма авторитетный, где ответов не слушают и приговоров не смягчают», – брызгал слюной граф, пока решалась его судьба. Без промедления его вывели из собственного замка и обезглавили. Палачу потребовалось нанести два или даже три удара, чтобы наконец отделить голову от тела крупнейшего вельможи, казненного в Англии со времен нормандского завоевания.

Кто-то увидел в ужасной судьбе графа Томаса справедливую симметрию. «Граф Ланкастер отрубил голову Пирсу Гавестону, а теперь король приказал лишить Ланкастера головы, – писал автор "Жизнеописания Эдуарда II". – Наверное, это справедливо, что граф пострадал так же, поскольку в Священном Писании сказано: "ибо какою мерою мерите, такою же отмерится и вам"».

Но возмездие было неравноценным. Скорее, это была гротескная эскалация убийственной политики недееспособного режима. В правление шестого Плантагенета насильственной

смертью погибло больше баронов и графов, чем за предыдущие пять царствований. Ланкастер не раз бросал кузену вызов. Он убил фаворита короля, развязал против него войну и был в сговоре с его врагами. Но он тем не менее был графом королевской крови. Суд и быстрая расправа над ним не компенсировали смерть Гавестона, но усугубили кризис насилия и политической анархии, в которую с этого момента погрузилась страна. Гражданская война закончилась, но, несмотря на это, смело можно было сказать, что Англия, а с ней и монархия Плантагенетов, потерпела крушение.

Тирания короля

Парламент, который съехался в Йорк в мае 1322 года, предназначался, как было объявлено, для «совещания» и «рассмотрения» – шанс для короля обсудить дела и провести переговоры со своей страной. Вызовы в парламент рассылались по всем долам и весям. Впервые представительство получили «Пять портов» – как выражение признательности за то, что предоставили Диспенсерам убежище на время ссылки; а княжество Уэльс вознаградили представительством за помощь в войне против лордов Марки. Но, вопреки этой новой инклюзивности и речам о переговорах и установлении мира, Эдуард использовал парламент для одной очевидной цели: наградить и восстановить в правах Диспенсеров и официально закрепить полный разгром программы реформ казненного Томаса, графа Ланкастерского.

Парламент собрался на фоне залитых кровью декораций. Эдуард мстил «несогласным» без всякой жалости. Прибывающие в Йорк парламентарии первым делом натыкались на виселицу, на которой болтались раздутые трупы Джона де Моубрея, Роджера де Клиффорда и Джослина д'Эвилля – лордов хорошо известных и богатых: их повесили, выставив на всеобщее обозрение, на следующий день после казни Ланкастера. 14 апреля в Кентербери жестоко казнили Бартоломью Бадлсмира, барона из умеренных, который в ранние годы царствования Эдуарда немало потрудился ради сохранения мира. Его проволокли по улицам, повесили и обезглавили, а голову водрузили на башню у городских ворот.

Последовали и другие казни. Еще 20 человек осудили на смерть за участие в восстании против Эдуарда. Ужасная месть короля шокировала страну. Виселицы стояли в Лондоне, Виндзоре, Бристоле, Кардиффе и Суонси. Закованные в цепи тела казненных качались на них, раздуваясь и разлагаясь, более двух лет. Каждый, кто въезжал в крупный английский город между 1322 и 1324 годом, вздрагивал при виде некогда важных людей, подвешенных как кабаньи туши. Неудивительно, что Роджер Вендовер, автор хроники *Flores Historiarum* («Цветы истории»), писал, что король «ненавидел магнатов с такой безумной силой, что собирался полностью и навсегда низвергнуть всех великих людей королевства».

Что касается самых известных «несогласных», двух Роджеров Мортимеров, эти лорды Марки, принимавшие участие в первых налетах на владения Диспенсеров, были приговорены к смерти, но приговор им заменили на пожизненное заключение. Морис де

Беркли и оба Хью Одли, Младший и Старший, – некогда лояльные лорды, которых развела с королем ненависть к Диспенсерам, – тоже избежали казни и сидели в заключении. Лондонский Тауэр трещал по швам, переполненный высокородными узниками, а семьи «несогласных» лишились земель и собственности или томились в казематах замков Англии и Уэльса.

Учитывая обстоятельства, неудивительно, что майский парламент 1322 года расторг практически все соглашения, которые Ланкастер и его союзники с 1311 года пытались навязать королю. Ордонансы были аннулированы, за исключением шести так называемых хороших статей, которые были подтверждены Йоркским статутом. Судебные дела, заведенные против Диспенсеров перед гражданской войной, были закрыты, и начался процесс, в результате которого обширные земельные владения Ланкастера перешли в руки короля. Парламент обсудил и передал королевскому совету и другие решения, касающиеся регулирования торговли и юридических процедур, но всем собравшимся в Йорке было ясно, что эти вопросы были второстепенными по сравнению с местью короля его врагам.

Остаток года Эдуард распределял добычу гражданской войны. Действовала ограниченная программа, по которой пережившие кровопускание «несогласные» могли выкупить свои поместья по грабительской цене. Но в основном Эдуард раздавал конфискованные владения своим приспешникам. Эндрю Харкли за участие в поимке Ланкастера он сделал новым графом Карлайлом. Верные графы Пембрук и Суррей получили поместья и земли, которые или были изъяты у них Ланкастером в 1318–1319 годах, или же были выделены из земель, принадлежавших самому Ланкастеру. Графу Арунделу достались владения, конфискованные у Роджера Мортимера де Чирка, а заодно и принадлежавший Роджеру пост Верховного судьи Уэльса. Брат короля Эдмунд, граф Кентский, разжился замками в центральных графствах и в Уэльсе, а младший сын Эдуарда Джон Элтамский, которому в августе 1322 года исполнилось шесть лет, получил ланкаширский замок Татбери.

Но больше всего перепало, конечно же, Диспенсерам. Шестидесятилетнему Хью-старшему досталось графство Винчестер, а также пять дополнительных земельных владений, соответствующих его новому титулу, в том числе ценное имение Денби в Северном Уэльсе, выделенное из земель Ланкастера. Хью-младший заполучил практически все земли (хоть и не все титулы) в графстве Глостер. Ему вернули владения в Уэльсе – Гламорган, кантрефы Маур и Гауэр, – разграбленные и отнятые у него во время гражданской войны, и в следующие два года эти

землевладения слились воедино, когда к нему перешли земли в Аске, Сеннене, Бреконе, Чепстоу и Пембруке. Де-факто он стал лордом Южного Уэльса, невероятно богатым, с доходом около 5000 фунтов в год, а кроме того, представителем практически неограниченной королевской власти на западе страны. После 1322 года два Диспенсера и Эдуард совместно контролировали чуть ли не три четверти территории Уэльса.

Диспенсеры процветали, и король вместе с ними. Десятки тысяч фунтов дохода с конфискованных земель и штрафы, выплаченные опальными аристократами, напрямую стекались в его карманы. Парламент Йорка одобрил налог на общую сумму более 40 000 фунтов для войны с шотландцами, но с треском провалившееся вторжение в августе и сентябре 1322 года, когда сама королева Изабелла чуть не попала в плен, быстро остановили, заключив мир на 13 лет. Больше половины суммы, собранной для обороны северной границы, так и не израсходовали и монеты, ссыпав в большие бочки, отправили на хранение в Тауэр. С помощью налогообложения церквей удалось раздобыть еще больше: эти деньги также предполагалось направить на финансирование шотландской войны. Король принимал самое непосредственное участие в сборе денег, и его сундуки наполнились доверху. Автор хроники «Брут» считал Эдуарда самым богатым королем со времен Вильгельма Завоевателя.

Осмелев и почувствовав себя в безопасности, какую дарует богатство, Эдуард превратился в тирана. Стране, которой он руководил в союзе с Диспенсерами, казалось, как позже писал хронист Томас де ла Мор, что в Англии заправляют три короля сразу. Младший Диспенсер распоряжался на высшем государственном уровне, рассылая письма, на которых стояла королевская печать; он глубоко погрузился в государственные дела и внедрил сеть своих вассалов и подручных в администрацию графств.

Никто не мог скрыться от возмездия короля и Диспенсеров, когда дела шли не так, как им бы хотелось. Жестокость уже никого не удивляла. Когда провалилось вторжение в Шотландию, наказание постигло и человека, который всего несколько месяцев назад был в фаворе: в начале 1323 года стало известно, что Эндрю Харкли, новый граф Карлайла, начал независимые переговоры с Робертом Брюсом, и его вздернули на виселице, выпотрошили и четвертовали как обычного изменника. Герой Бороубриджа расстался с жизнью – не прошло и месяца со совершенного им подвига верности.

Все противники короля были в опасности. Графа Пембрука,

сохранявшего несомненную лояльность в период со смерти Гавестона и до войны против Диспенсеров в 1321 году, заставили поклясться королю в верности и гарантировать ее своей жизнью, землями и имуществом. Его политической карьере пришел конец, а в 1324 году он скончался. Юную вдову Ланкастера, Алису де Ласи, после смерти графа держали в тюрьме в замке Йорк вместе с ее матерью. Диспенсеры пригрозили обеим женщинам сожжением на костре, если те не откажутся от своих владений в обмен на ничего не значащие почетные титулы и небольшое денежное пособие. Сотни других пострадали похожим образом. Тем временем Хью Диспенсер Младший построил себе зал поистине королевского великолепия в замке Кайрфилли, потратив целое состояние на оплату работы умелых мастеровых и на дорогие материалы. Диспенсер упивался своей ролью доверенного советника короля и бенефициара самых щедрых королевских опек, а его рука была видна во всех решениях правительства.

Под влиянием Диспенсера, и особенно Хью-младшего, период между 1322 и 1326 годом стал порой чудовищных зверств. «Жестокость короля сегодня усилилась настолько, что никто, каким бы он ни был знатным или мудрым, не смеет пойти против его воли, – сокрушался автор "Жизнеописания Эдуарда II". – Парламент, совещания и советы не решают ничего… Благородные люди королевства, запуганные угрозами и карами, обрушившимися на других, дали королю неограниченную свободу действий. Воля нынче одолела разум. Любое желание короля, каким бы неразумным оно ни было, имеет силу закона».

Эдуард попрал врагов и обогатил корону. Но он не позаботился об укреплении своей власти. В действительности, используя свою администрацию исключительно в личных интересах и в интересах фаворитов, он сделал свою верховную власть бесполезной для всех прочих подданных, не имевших доступа к правосудию или к защите закона. При всем богатстве, что он приобрел с победой, король роковым образом дискредитировал свое собственное царствование.

Мортимер, Изабелла и принц Эдуард

Ночью 1 августа 1323 года лондонский Тауэр тайно пробудился к жизни. Тауэр был полон политических заключенных Эдуарда, и главными среди них были двое мужчин из Марки: Роджер Мортимер де Чирк, 60 с лишним лет, и его 26-летний племянник Роджер Мортимер де Вигмор. Бывшие «несогласные» сидели в тюрьме с тех пор, как сдались короне в разгар гражданской войны. Обоих судили и приговорили к смерти. До настоящего времени приговор не был приведен в исполнение. Но с непредсказуемым королем-марионеткой во власти двух Диспенсеров, затаивших злобу на всю династию Мортимеров, они вряд ли могли надеяться протянуть хоть сколько-нибудь долго.

Заключение в Тауэре было для них губительным. Мортимеры были абсолютно беспомощны, потому что их земли в Марке и Уэльсе достались врагам. Но они не собирались мучиться бесконечно. За долгие месяцы заключения дядя и племянник выработали план побега для одного из них. Когда 1 августа на Тауэр опустилась ночная тьма, заместитель коменданта крепости Жерар д'Алспей подсыпал сонное зелье в напиток коменданта и стражей Мортимеров. Затем он поспешил к камере Роджера Мортимера – младшего, отпер дверь и через кухню вывел рыцаря на южную стену Тауэра.

Там они развернули веревочную лестницу. Лестница тихо легла на отвесную каменную стену, опустившись до самой Темзы, где их уже ждала лодка. Мортимер и д'Алспей спустились по лестнице, забрались в спасительное судно, переправились на южный берег и, оседлав лошадей, поскакали к южному побережью. Мортимер вышел в море из Порчестера и, избежав повторного пленения, через несколько дней нашел приют во Франции.

Этот блестяще организованный побег привел двор Эдуарда в состояние паники. Злейший враг короля сбежал из самой надежной крепости в столице! При дворе ходили слухи, что побег был только частью масштабного преступного умысла с целью захватить замки короля или даже подослать наемных убийц к Эдуарду и Диспенсерам. С осени 1323 года и далее шпионы слали с континента отчеты о заговорах и планах вторжения, где фигурировало имя Мортимера. События складывались в роковую для короля цепь.

Побег Мортимера стал ключевым элементом политического и дипломатического кризиса, который стабильно усугублялся с 1323 по 1326 год. Кризис, подпитываемый личными амбициями и

широкими геополитическими процессами, развернулся в регионе, который с момента воцарения Эдуарда не причинял ему никаких неприятностей: в Гаскони.

Новый король Франции радушно принял беглеца Мортимера. В январе, после смерти Филиппа V, трон унаследовал его брат Карл IV. Как все новоиспеченные французские короли, он жаждал показать королю Англии, что относится к его претензиям на Гасконь с подозрением, граничащим с враждебностью. Когда разразился яростный спор по поводу французской бастиды (укрепленного города), построенной на английской территории в Сен-Сардо в Ажене, Карл использовал конфликт как повод для вторжения в Гасконь. Английский король послал во Францию графов Кента и Пембрука, чтобы заявить протест, который был высокомерно отвергнут. Карл хотел максимально досадить англичанам. В августе 1324 года он привел многотысячное войско к границам герцогства и осадил его главные города. В мгновение ока Англия и Франция снова оказались в состоянии войны.

Разразившаяся война загнала Эдуарда в мучительный тупик, явственно показав, почему его агрессивный, сеющий распри стиль правления мог привести лишь к катастрофе. Король не мог доверять собственным подданным и не надеялся, что они будут подчиняться его требованиям (за исключением горстки щедро одариваемых фаворитов): он никогда не давал своим подданным оснований хранить верность. Что он мог сделать – и сделал, – так это арестовать всех французов в Англии и конфисковать все земли, принадлежащие французским подданным, в том числе королеве. Но, когда он задумался о том, чтобы повести армию в Гасконь лично, столкнулся с дилеммой. Если он оставит Англию, возглавив силы вторжения, ему придется взять с собой большинство вельмож и магнатов, которые все еще ему верны, и доверить регентство 11-летнему сыну и наследнику Эдуарду, графу Честеру. В этом случае Англия оказалась бы крайне уязвима перед заговорами, восстаниями и вторжением. Если же он оставит страну на Диспенсеров, рискует потерять их так же, как в свое время Гавестона. Более того, его пугали слухи о Роджере Мортимере, плетущем заговоры на континенте: Эдуард опасался, что люди Мортимера могут схватить его самого или Диспенсеров, если они пересекут Ла-Манш.

Вместо того чтобы поехать во Францию самому, Эдуард направлял туда все новых и новых послов в попытках договориться о мире. Сначала он отправил туда посольство во главе с епископами Винчестера и Норвича, графом Ричмондом и Генри Бомонтом. Но в марте 1325 года на континент прибыл дипломат высочайшего уровня: сама королева Изабелла.

Два старших брата Изабеллы побывали королями Франции; Карл IV стал третьим и последним. Она поддерживала близкие отношения со своими родственниками Капетингами, хотя и была скомпрометирована в скандале Нельской башни, который завершился тем, что жену Карла Бланку бросили в тюрьму за супружескую измену, а ее любовника принародно забили до смерти. Если кто-то и может уговорить Карла остановить агрессию, подумали Эдуард и Диспенсеры, так это Изабелла.

Решение оказалось фатальным. Хотя королева стойко хранила верность мужу во всех перипетиях его царствования, все, чем он вознаградил ее в итоге, так это таким же унижением, что она претерпела подростком, когда Гавестон задвинул ее в угол на коронации. С начала войны Эдуард и Диспенсеры притесняли ее со всех сторон: ее земли конфисковали, слуг выгоняли из страны и бросали в тюрьмы, а младший Диспенсер регулярно урезал или приостанавливал выплаты содержания, которое назначил ей король. (В ярости она писала брату Карлу, что с ней обращаются как с прислугой.) Вдобавок ко всему Диспенсер подрядил жену, Элеонору де Клер, тайно следить за перепиской Изабеллы. На публике королева переносила все эти оскорбления с достоинством, но в душе, несомненно, кипела от негодования. А теперь король и его приспешники решили, что в конце концов она может им пригодиться: они хотели воспользоваться ее связями с королем Франции, чтобы вытащить ее мужа из ситуации, в которой он рисковал лишиться последних континентальных владений Плантагенетов.

Неудивительно, что Изабелла была страшно рада покинуть Англию. «Королева отбыла в прекрасном настроении», – писал автор «Жизнеописания Эдуарда II». Она была «счастлива навестить свою родину и родню, счастлива избавиться от общества тех, кого не любила». Это еще мягко сказано. Изабелла не могла дождаться, когда наконец покинет своего слабого, противного супруга и Диспенсеров вместе с ним.

В конце марта состоялось счастливое воссоединение английской королевы и ее брата, а 1 апреля Изабелла торжественно въехала в Париж, одетая причудливым образом: черная амазонка, черные клетчатые сапожки и золотой головной убор. Ее навыки ведения переговоров оказались не более эффективны, чем старания всех прочих английских дипломатов, но королева исполнила свой долг и продлила хрупкий мир в Гаскони.

Ожидалось, что, завершив свою миссию, Изабелла вернется в Англию, но этого она делать не собиралась. Она провела лето 1325 года во Франции, путешествуя по имениям брата и ожидая,

когда наконец приедет ее муж, чтобы принести французскому королю оммаж в Бове.

Она ждала и ждала. Но Эдуарда невозможно было выманить из Англии. Ничего не изменилось. Он не мог ни оставить королевство, ни разлучиться с Диспенсерами. И в любом случае перспектива унизительной церемонии, на которой Эдуард должен был склониться перед младшим по возрасту французским королем, вряд ли казалась ему привлекательной. Вместо этого стороны пришли к компромиссу. Было решено, что место отца займет молодой Эдуард. Он получит Понтье и Аквитанию в собственное владение, а затем отправится во Францию, чтобы лично принести королю ленную присягу.

Это решение казалось Эдуарду II идеальным. Но Изабелле оно понравилось еще больше. Ее сын, которому уже исполнилось 12, получив от отца титул герцога Аквитании, прибыл во Францию в середине сентября 1325 года и принес оммаж за свои новые земли на церемонии в Венсене.

Наконец было найдено решение гасконской проблемы. Кризис разрешился благополучно, и королева Изабелла с сыном должны были, не откладывая, ехать в Англию. Но Изабелла и Эдуард наотрез отказались возвращаться в беспокойное королевство. В конце ноября Изабелла написала мужу, излив желчь, ненависть и отвращение, испытываемое ею к Диспенсерам, и недвусмысленно заявила, что отказывается возвращаться. Автор «Жизнеописания Эдуарда II» сообщает о содержании ее письма: «Я считаю, что брак – это союз мужчины и женщины, твердо намеренных жить вместе, – писала Изабелла. – [Но] кое-кто встал между мужем и мной и пытается разрушить нашу связь; я заявляю, что, пока нарушитель не будет изгнан, я не вернусь, но вместо этого сниму свои брачные наряды и буду носить одежды вдовства и скорби до тех пор, пока не отомщу этому фарисею».

Так она и поступила. Королева, которую с готовностью поддержал брат, осталась во Франции, насмехаясь над королем Англии, который так ее обижал. Она собрала вокруг себя всех недовольных английских аристократов и прелатов. Верная данному слову, Изабелла выражала свое раздражение и отчуждение от супруга, надев траур и черную вуаль. Это было мощное политическое заявление о несправедливости, от которой она пострадала, и о неблагополучии страны, из которой бежала.

Эдуард, сидя в Англии, исходил желчью. Он писал гневные письма жене и требовал, чтобы все крупные епископы Англии делали то же самое. Он упрекал Изабеллу в том, что ее отсутствие порождает слухи о французском вторжении в Англию, и обвинял ее в желании «из ненависти к одному человеку

уничтожить народ, так преданный вам». Но сердца Изабеллы эти послания не тронули. С нею был наследник королевства Плантагенетов, ее защищал брат, король Франции. А вскоре она предпримет шаг, который окончательно повергнет ее мужа в состояние глубочайшей тревоги. В конце 1325 года Изабелла совершила то, что Эдуард расценил как вопиющее святотатство. Она умножила страхи английского короля, связавшись с беглым Роджером Мортимером.

Развязка

Переправа из Геннегау в Англию была опасной. Бушевал шторм: порывистый ветер и бурные волны безжалостно разбросали корабли, направлявшиеся к побережью Эссекса. Два дня флот из 95 судов сражался со стихией, но в полдень 24 сентября 1326 года берег показался уже в пределах видимости. Флот встал на якорь в устье реки Оруэлл, у берегов Саффолка, и спешно приступил к разгрузке. Освободившись от людей, лошадей и припасов, корабли, не откладывая, пустились в обратный путь.

Войско, высадившееся в порту Восточной Англии, было небольшим. Костяк его составляли 700 голландских и германских наемников. Вместе с ними прибыла компания английских изгнанников, в том числе благородные участники битвы при Бороубридже, беженцы, спасшиеся от жестокой мести короля и несколько влиятельных магнатов, покинувших Англию в период тирании Диспенсеров. Были там и сводный брат короля Эдмунд, граф Кентский, и Жан Бретонский, граф Ричмонд, – эти двое, всегда сохранявшие безусловную верность королю, теперь тоже примкнули к оппозиции.

Во главе вторжения стояли королева Изабелла Английская, Роджер Мортимер де Вигмор и наследник английского трона Эдуард, граф Честер, герцог Аквитании. Беглецы наконец вернулись в Англию. Но явились они не посрамленные и готовые униженно молить о прощении – они пришли навсегда избавить страну от короля и его фаворитов.

Королева Изабелла и Мортимер представляли собой странную и эпатажную пару. Они встретились в Рождество 1325 года или около того и почти сразу сделались любовниками. Вскоре эти двое стали открыто жить вместе, а в мае 1326 года появились на публике уже как пара: на коронации третьей жены Карла IV, Жанны д'Эврё, Мортимер нес шлейф мантии принца Эдуарда. Эдуард II узнал об измене жены в феврале 1326 года, и в сердцах высказался: «…королева не возвращается к королю и не позволяет вернуться сыну, и король понимает, что она слушает советы Мортимера, бунтовщика и злостного врага короля». Эдуард давил на папу Иоанна XXII, требуя, чтобы тот осудил французского короля за укрывательство прелюбодеев, и Карл, под угрозой отлучения от Церкви, был вынужден приказать Изабелле и Мортимеру покинуть Францию. Мортимер же даром времени не терял, привлекая на свою сторону союзников с континента, и пара нашла убежище в графстве Геннегау: графа подкупили

предложением обручить юного Эдуарда с его дочерью Филиппой.

Поддержка Геннегау позволила Изабелле и Мортимеру собрать армию для вторжения, а паранойя, охватившая Эдуарда и Диспенсеров, – безопасно высадиться на английском побережье. Англию привели в состояние боевой готовности, но страна готовилась не к тому вторжению. Эдуард был убежден, что Карл IV собирается атаковать южное побережье из Нормандии. Он ошибался: Карл IV ничего подобного не планировал.

Эдуард обедал в Тауэре в компании младшего Диспенсера, когда ему донесли, что Изабелла и Мортимер высадились на восточном побережье. Король растерялся. Ему сообщили, что размер войска, высадившегося в Саффолке, невелик – вероятно, не более 1500 человек. Но, как верно рассудил король, это значило, что основная масса его врагов уже находится в Англии. «Увы, увы! – воскликнул король, согласно тексту хроники "Брут". – Мы все преданы, она никогда бы не явилась с таким малым войском, если бы люди этой страны этого не одобряли». Как король Иоанн до него, Эдуард своей агрессивной паранойей спровоцировал подданных на настоящую измену.

Когда новость о прибытии Изабеллы и Мортимера разошлась по стране, вокруг них стали собираться сторонники. Анонимная хроника сохранила для нас открытое письмо, написанное на французском языке и адресованное жителям Лондона. В нем говорилось, что королева пришла «с добрыми намерениями ради чести и благополучия Святой Церкви и нашего дорогого господина короля, чтобы сохранить и защитить все королевство». Она предложила награду любому гражданину, который поможет ей «уничтожить сэра Хью Диспенсера, нашего врага и врага всего королевства, как всем хорошо известно». Копии письма клеили на окна, а скрепленный печатью оригинал прибили к кресту Элеоноры на Чипсайде – место символичное для пропагандистских целей королевы. Изабелла изображала себя продолжательницей дела старого короля и его обожаемой супруги, и ее призыв нашел отклик.

Лондонцы взбунтовались 15 октября. Они вытащили из дома Джона Маршала, близкого сторонника младшего Диспенсера, и обезглавили посреди Чипсайда – оживленной проезжей улицы Лондона. Епископа Эксетера, бывшего королевского казначея, схватили, когда он искал убежища в соборе Святого Павла. Хотя он был верхом и в полном боевом снаряжении, его стащили с коня у северных ворот собора и приволокли на Чипсайд, где на земле валялся изуродованный окровавленный труп Маршала. С епископа сорвали доспехи и отрубили ему голову хлебным ножом. Двух его слуг убили за компанию.

Воцарилась анархия. Все сторонники короля – епископы, графы, судьи или простые прислужники – бежали, спасая свою жизнь. Члены любимого монашеского ордена Эдуарда – доминиканцы – попрятались. Учреждения, связанные с режимом Диспенсера, грабили, жгли и крушили. Памятный знак, который Томас, граф Ланкастерский, установил в соборе Святого Павла в честь Ордонансов 1311 года, впервые после смерти графа вернули на место.

Изабелла тем временем продвигалась на запад. Эдуард и Диспенсеры бежали из Лондона, как только узнали о ее прибытии: они направлялись на свою базу, в Уэльс, который твердо держал их сторону в гражданской войне 1321–1322 года. Они послали своим старым союзникам Рису ап Гриффиду и Гриффиду Львиду приказ собирать войско. Имея 30 000 фунтов, король уж точно был достаточно богат, чтобы оплатить крупную армию, которая его защитит.

В конце октября Эдуард и младший Диспенсер были в Чепстоу, а граф Винчестер забаррикадировался в замке Бристоля. Королева и Мортимер неуклонно продвигались вперед и были уже в Глостере, когда Изабелле доставили голову епископа Эксетера. В своем походе по Англии они собирали вокруг себя магнатов. На их сторону перешли второй сводный брат короля, Томас Бразертон, граф Норфолк, и Генри Ланкастер, граф Лестер, младший брат погибшего графа Томаса.

18 октября силы Ланкастера осадили замок Бристоль. Граф Винчестер отчаянно пытался выторговать себе жизнь, но ни Мортимер, ни Генри Ланкастер не собирались позволить Диспенсеру улизнуть. На восьмой день осады армия ворвалась в замок и Винчестера вывели оттуда в цепях.

Пока враг был занят осадой Бристоля, Эдуард и Диспенсер-младший решили, что их единственный шанс на спасение – побег в Ирландию. В Чепстоу они погрузились на корабль с небольшим отрядом солдат. Но ветер дул им навстречу. Усердные молитвы сопровождавшего их монаха не помогли, и после пяти дней бесплодного сражения с беспощадным морем король был вынужден сойти на берег в Кардиффе и бежать в обновленный и предположительно неприступный замок Кайрфилли, принадлежавший Диспенсеру.

Изабелла и Мортимер в это время одержали еще одну победу в дипломатической войне. В Бристоле они опубликовали заявление, где утверждали, что, так как король покинул страну, во главе правительства должен встать его сын Эдуард, герцог Аквитанский. В заявлении, сохранившемся в свитках, упоминается об одобрении этой идеи прелатами и баронами, в

том числе архиепископом Дублина, епископами Винчестера, Эли, Линкольна, Херефорда и Норвича, двумя единокровными братьями короля Томасом, графом Норфолком, и Эдмундом, графом Кентом, Генри Ланкастером «и другими баронами и рыцарями, присутствующими в Бристоле».

Согласно заявлению, герцог Эдуард был избран возглавить страну «с одобрения всего народа королевства, присутствующего здесь… что названный герцог и хранитель должен руководить и править королевством от имени и по праву короля, его отца». Короля лишили власти, передав ее – пусть и временно – 14-летнему мальчику, которого полностью контролировали королева и ее любовник. Он принял на себя эту великую ответственность 26 октября.

На следующий день старший Диспенсер предстал перед судом, руководил которым сэр Уильям Трассел: действо было намерено обставлено в стиле судилища, которому подвергли Томаса Ланкастерского. Диспенсера обвинили в разбое, измене и преступлениях против Церкви, а также сообщили, что, так как, рассматривая дело Ланкастера, он учредил суд, не признавший права ответчика на защиту, с ним обойдутся таким же образом. Цикл квазиправового насилия продолжился: Диспенсера публично повесили, выпотрошили, четвертовали и обезглавили на эшафоте в Бристоле. Голову отправили в Винчестер, чтобы выставить на всеобщее обозрение.

Всем в кругу Эдуарда было очевидно, что игра окончена. Арендаторы уэльских земель Диспенсера-младшего любви к нему не питали и отказались подняться на его защиту. 31 октября двор Эдуарда разбежался, и рядом с Эдуардом и Диспенсером осталось буквально несколько вассалов.

Король метался в панике и отчаянии. Он мог бы еще долго отсиживаться в Кайрфилли, потому что замок был надежно защищен и набит провизией; при нем были большие запасы денег и драгоценностей, его королевская печать и другие атрибуты верховной власти. Но в начале ноября Эдуард и Диспенсер решили перебраться в цистерцианское аббатство в Маргаме или Ните. В Ните они узнали, что на них объявлена охота: их искал Генри Ланкастер в компании баронов, мечтающих отомстить за обиды, которые король нанес им самим и их близким. Эдуард, Диспенсер и канцлер короля Роберт Болдок попытались бежать – вероятно по высокогорной тропе в направлении Ллантризанта, еще одного замка Диспенсера. По дороге они наткнулись на поисковый отряд: короля и последних его сторонников нашли и схватили, когда те прятались в лесу.

Низложение

24 ноября все жители города Херефорд собрались на рыночной площади. Перед ними восседал уже знакомый суд во главе с сэром Уильямом Трасселом, человеком, который меньше месяца назад отправил на эшафот старшего Диспенсера, графа Винчестера.

Теперь же перед судом предстал Диспенсер-младший, растерзанная бледная тень человека, который правил Англией из-за спины короля. Его только что ввезли в город – под звуки барабанов и труб. Огромная толпа сбежалась посмотреть на падшего фаворита: все они свистели и аплодировали, когда показался пленный Диспенсер, верхом на коне, на голове – крапивный венец, символизирующий его преступление – узурпацию власти короля, герб на плаще перевернут в знак предательства. Впереди на его тунике была надпись на латыни, цитата из Нового Завета: «*Quid gloriaris in malicia qui potens est in iniquitate?*» («Что хвалишься злодейством, сильный?») Всю неделю до конвоирования в Херефорд узник пытался уморить себя голодом. Но ему не позволили так легко отделаться. Толпа стащила Диспенсера на землю: с него сорвали одежду, а библейскую фразу выцарапали прямо у него на груди. Затем его приволокли в суд.

Суд опять следовал неразумной стратегии, которую впервые применили, когда приговорили к смерти Гавестона и Ланкастера. Безусловно, ответчик должен был умереть, и умереть без права высказаться в свою защиту. Графа Арундела обезглавили в Херефорде неделей раньше, и никто не сомневался, что Диспенсер последует за ним.

Суду зачитали список преступлений Диспенсера. Список был утомительно долог и включал несоблюдение условий ссылки, нарушение Великой хартии вольностей и Ордонансов 1311 года, убийства, лишение свободы и притеснение знатных и достойных людей королевства. Диспенсеру вменялось в вину, что он заставил короля начать войну с Шотландией, за которую пришлось заплатить тысячами жизней, узурпировал королевскую власть и пытался организовать убийство королевы Изабеллы и ее сына герцога Эдуарда во время их пребывания во Франции. Председательствующий в суде сэр Уильям вынес приговор, не подлежавший обжалованию: Диспенсер будет предан ужасной смерти, приличествующей грабителю, изменнику и тирану. Его повесят, выпотрошат и четвертуют, его внутренности сожгут, а затем отсекут ему голову. «Иди и встреть свою судьбу, предатель,

тиран, отступник, – гремел Трассел. – Иди, получи по справедливости, изменник, преступник, злодей!»

Диспенсера, как и его компаньона Симона де Рединга, которого судили вместе с ним, привязали к четырем лошадям и протащили по улицам Херефорда к стенам замка. Здесь обоим надели петлю на шею: Диспенсера вздернули на 50-футовую виселицу, построенную специально, чтобы казнь могли видеть все жители города. Под эшафотом развели огонь, а палач приставил к виселице лестницу, взобравшись на нее, отсек Диспенсеру гениталии и бросил их в костер. Затем повешенного выпотрошили: внутренности и сердце вырезали и тоже предали огню. Напоследок тело казненного опустили на землю и разделали, как тушу животного. Толпа вопила от восторга, когда голова Диспенсера отделилась от тела (ее отвезли в Лондон). Тело же разрубили на части и разослали их в разные концы страны.

Такова была судьба самого скандально известного предателя Англии: еще один барон пал жертвой оргии насилия, поглотившей королевство в царствование Эдуарда. Но что же сам король?

Никто не знал, что делать с Эдуардом. Учитывая обстоятельства, у него не было никаких шансов примириться с Мортимером и Изабеллой. Королева даже не могла навестить своего супруга в тюрьме в Кенилуэрте, где его держали на Рождество 1326 года. Адам Орлетон, епископ Херефорда, утверждал, что Эдуард – дай ему шанс встретиться с женой – может ее убить. Позже Орлетону приписывали слова (хотя сам он отрицал, что говорил подобное), будто «Эдуард прячет в рукаве нож, чтобы убить королеву Изабеллу, а если б у него не было другого оружия, он загрыз бы ее собственными зубами».

Двадцать погибельных лет показали всем, что этот король неспособен править как подобает. Почти 175 лет Плантагенеты строили свою монархию, развивая сотрудничество между королем и политическим сообществом королевства. Королям не раз угрожали смещением – Иоанн, Генрих III и Эдуард I в моменты кризиса слышали, что могут лишиться трона, – но нынешняя ситуация была совершенно иной. Правовая система и система правления Англии, которые по большей части работали эффективно и на благо большинства английских подданных, опирались на власть, которой корона полностью лишилась. Пусть король прислушивался к советникам, обсуждал с парламентом вопросы налогообложения и войны, но он, и только он, оставался единственным источником публичной власти и – в исправно функционирующем королевстве – бастионом против анархии. Кто

имеет право сместить его и провозгласить королем другого человека? Кто может выступать от имени такой верховной власти? Если королевство сбросит короля с трона или, хуже того, убьет его, не будет ли это самоубийством? Есть ли хоть какая-то надежда на порядок в стране, где король, разозливший кого-то из своих подданных, может быть бесцеремонно смещен?

Ответов на эти вопросы не было. Но из практических соображений все согласились, что короля следует лишить власти. Чтобы подкрепить обвинения, Изабелла и Мортимер привели в действие свою пропагандистскую машину. Епископ Орлетон активно проповедовал, будто Изабелле и ее сыну пришлось вернуться в Англию, потому что король и Диспенсеры были содомитами и тиранами. С этого момента и далее в хрониках того времени Эдуарда все чаще начинают изображать гомосексуалистом и извращенцем.

Как только закончились рождественские праздники, в Вестминстере собрался парламент, призванный решить судьбу короля. Эдуард наотрез отказался ехать из Кенилуэрта в Вестминстер и участвовать в этой процедуре, рассудив, скорее всего, что в его отсутствие парламент лишится легитимности. Но и тут он не рассчитал – процесс продолжился без него. 12 января епископ Херефорда обратился к парламенту и спросил собравшихся, может ли Эдуард II оставаться королем или его должен сменить сын. К вечеру было решено, что король должен быть смещен; кроме того, парламентарии составили обвинительный акт из нескольких пунктов.

На следующий день в Вестминстерском дворце перед вельможами и прелатами предстал Роджер Мортимер. Он сообщил о совместном решении магнатов: страну необходимо избавить от несостоятельного короля. Затем крупнейшие епископы прочли проповеди, придавая принятому решению духовный вес. Епископ Херефорда проповедовал, опираясь на текст Притчей 11:14 («При недостатке попечения падает народ»). Епископ Винчестера использовал фразу *Caput meum doleo* («Голова моя болит») доказывая, что дурная голова приносит беды всему телу королевства. И наконец, архиепископ Кентерберийский прочел проповедь на французском языке, построив ее вокруг фразы «Глас народа – глас Божий». Закончив свою речь, он сказал присутствующим, что Господь услышал их молитвы о спасении от невзгод царствования Эдуарда и представил им 14-летнего герцога Аквитанского, который должен был стать новым королем. Собравшиеся исполнили гимн «Честь, хвала и слава». Позже в тот же день в ратуше прозвучали клятвы охранять и защищать честь королевы Изабеллы и ее сына, будущего короля.

Все, что осталось сделать, так это убедить самого Эдуарда согласиться с желаниями народа страны и добровольно освободить трон. Чтобы надавить на него, в Кенилуэрт послали делегацию из 24 вельмож.

Генри Ланкастер и епископы Винчестера и Линкольна выехали вперед и 20 января встретились с королем. Они сообщили ему, что его время прошло. Эдуард сопротивлялся. Согласно записям хрониста Джеффри Бейкера, королю сказали, что если он не отречется в пользу сына, то будет смещен. Будет избран новый король, не Плантагенет, и не только сам Эдуард, но и вся его династия будет с корнем вырвана из королевства. Последовали слезливые пререкания, и ко времени прибытия остальных парламентариев Эдуард был так плох, что не мог стоять на ногах: Ланкастеру и епископу Винчестерскому пришлось его поддерживать.

24 января 1327 года Лондон разбудили объявлением, что Эдуард «по доброй воле и с общего согласия прелатов, графов и баронов, и других благородных людей, и всего народа королевства, сложил с себя полномочия правителя страны». Был определен новый король. Эдуард, герцог Аквитанский, стал королем Эдуардом III; короля Эдуарда II снова именовали Эдуардом Карнарвонским. Сэр Уильям Трассел, судья-вешатель, официально отозвал клятву на верность от имени всего королевства. Подданные принесли клятвы новому королю, а голоса несогласных потонули в шумном гомоне революционеров.

Ложная надежда

Мальчика-короля Эдуарда III короновали в Вестминстере 1 февраля, на церемонии, организованной с беспрецедентной скоростью. При его отце королевская власть ослабела до угрожающего состояния; ее восстановление стало первейшей задачей нового короля и его опекунов. К счастью, значительная часть английского политического сообщества в конце января находилась в Лондоне, и не составило труда незамедлительно созвать лордов в Вестминстер на церемонию посвящения в рыцари Эдуарда, а вместе с ним и трех сыновей Роджера Мортимера. Эту почетную обязанность исполнил 36-летний Генри Ланкастерский. Чуть позже, в день коронации, Вестминстерское аббатство заполнилось магнатами и прелатами, явившимися посмотреть, как Рейнольдс, архиепископ Кентерберийский, возлагает на голову 14-летнего короля громоздкую, тяжелую корону Исповедника, подбитую дополнительным слоем подкладки, чтобы не свалилась в самый ответственный момент.

Эдуард произнес те же коронационные клятвы, что и Эдуард II в 1307 году, в том числе ту самую, новую, которую его отец так и не смог исполнить: «…соблюдать и сохранять законы и справедливые обычаи, которые установит население страны». Начало нового царствования отпраздновали в Вестминстерском дворце с сумасбродной расточительностью и пышностью, которые станут приметой ближайших 50 лет. Зал превратили в богато обставленный монархический эдем, блистающий бесценными тканями и дорогой посудой. Королевский трон со всех сторон был увешан золотой парчой. Атмосфера праздника послужила столь необходимым контрастом к горестным и кровавым событиям предыдущего года, и политический посыл его считывался безошибочно: может, старый король и утратил власть, но монархия сохранила все свое величие и великолепие.

Однако перемен к лучшему пока не ощущалось. В 14 лет Эдуард достиг возраста правоспособности, но не мог еще править самостоятельно. Ситуация была двусмысленной: король уже не так мал, чтобы быть просто номинальным правителем, но все еще недостаточно взрослый, чтобы сжать рычаги правления обеими руками. Хотя с марта 1327 года в его распоряжении был собственный двор, государственными делами занимались королева Изабелла, которая контролировала влияние на сына и доступ к нему, и Роджер Мортимер, игравший ту же роль при королеве. Не потребовалось много времени, чтобы они сами стали извращать те принципы королевского правления, которые,

как предполагалось, должны были отстаивать.

Первоочередной задачей нового режима стала реабилитация изгоев режима предыдущего. Парламент, собравшийся на следующий после коронации день, отменил обвинение в измене, предъявленное в 1322 году Томасу, графу Ланкастерскому, и его союзникам, и вернул семье право наследования земель и титулов, которые в основном перешли Генри Ланкастерскому. Мортимеру тоже вернули его титулы и владения, и он тут же ринулся в агрессивное наступление на земли Марки, начиная с тех, что принадлежали его недавно скончавшемуся дяде Роджеру Мортимеру де Чирку. Тут не было ничего необычного: Мортимер, как и Генри Ланкастер, был вправе претендовать на имущество, несправедливо отнятое у него Эдуардом II и Диспенсерами. Но то были первые звоночки, возвещавшие, что Изабелла и Мортимер по натуре были такими же алчными, как и их предшественники-фавориты.

Перед коронацией Эдуарда, в период беспорядочного кровопролития, предшествовавшего свержению ее мужа, королева Изабелла вернула все свои земли, полученные в качестве приданого, стоимость которых оценивалась примерно в 4500 фунтов. После коронации сына в ее руки перешли и другие владения, повысившие ее доход с земель до 20 000 марок и сделавшие ее крупнейшим землевладельцем в Англии. Это масштабное накопление капитала вкупе с доступом к несметным сокровищам, собранным ее мужем и Диспенсерами, потрясало свидетелей.

Однако самую неотложную проблему представляло собой вмешательство Изабеллы в международную политику. Новое правительство ощущало груз трех актуальных проблем. Чтобы защитить спорные районы у границ Аквитании, необходимо было официально оформить мир с братом Изабеллы Карлом IV Французским. Нужно было пригрозить Шотландии и усмирить ее дерзких обитателей, которые 1 февраля, прямо в день коронации Эдуарда, предприняли удачную атаку на занятый англичанами замок в Норхэме. И, в конце концов, Эдуарду нужна была невеста, с которой он мог бы произвести на свет новое поколение Плантагенетов.

Неудачей закончились практически все эти начинания. Условия Парижского мира, в спешке согласованного с французской короной, королю сообщили в Линкольншире в середине апреля. Не вызывало сомнения, что условия эти имели целью не только унизить его, но и нанести финансовый урон его королевству. Английские владения в Юго-Западной Франции сократились до прибрежной полосы от Бордо до Байонны. Все

остальное переходило под прямой контроль французского короля. Причем, чтобы сохранить последние крохи бывшей империи Плантагенетов, Эдуард должен был оплатить счет в 50 000 марок. Похоже, Изабелла и Мортимер понимали, насколько высока цена этого мира, потому что подробные условия договора не афишировались на английском берегу Ла-Манша. Такой подход демонстрировал беспомощную покорность – понимание, что Англия так глубоко увязла во внутренних раздорах, что не может и мечтать о возвращении своих земель во Франции.

Даже когда в 1328 году Карл скончался, не оставив наследника, Англия не попыталась обернуть ситуацию себе на пользу. Хотя Эдуард был одним из трех выживших внуков Филиппа IV и мог претендовать на французский трон, английская монархия заявила лишь символический протест, когда кузен Карла Филипп Валуа короновался под именем Филиппа VI. В 1329 году Эдуард съездил в Амьен, чтобы принести новому королю ленную присягу за остатки Аквитании и графство Понтье. Было непохоже, чтобы Англия готовилась разыграть карту династических притязаний Эдуарда и таким образом выторговать себе некоторую безопасность на оставшихся континентальных землях Плантагенетов.

В Шотландии дела шли еще хуже. С февраля до весны продолжались пограничные набеги: банды шотландцев пересекали северную границу Англии, жгли и грабили совершенно безнаказанно. Пока разочарованный Эдуард III знакомился в Линкольншире с условиями Парижского мира, на север страны летели королевские приказы собрать в Ньюкасле-на-Тайне и в Йорке традиционную феодальную армию.

В конце мая Эдуард с матерью отправились в Йорк, где они встретились с отрядом из 500 фламандских рыцарей под командованием Жана, графа Геннегау, континентального союзника Изабеллы. Это элитное бойцовское подразделение немедленно настроило против себя граждан второго по величине города Англии своими сварами с английскими солдатами: войска буйствовали и устраивали беспорядки на улицах Йорка. Несмотря на такую малообещающую обстановку, в начале июля Эдуард, оставив Изабеллу в Йорке, выдвинулся к шотландской границе, намереваясь встретить вражеское войско, которым командовал ветеран прежних битв сэр Джеймс Дуглас, и дать ему бой. Миссия с треском провалилась: Дуглас несколько недель уклонялся от столкновения со своими английскими преследователями, а в конце месяца внезапно сменил тактику. Он напал на лагерь короля возле парка Стенхоуп недалеко от Дарема: устроив

совершеннейший хаос, он разогнал стражу и – согласно одной из хроник – въехал прямо в центр королевского лагеря, «выкрикивая "Дуглас!", и перерезал две или три веревки королевской палатки». Несколько дней спустя Дуглас повернул свое буйное войско назад в Шотландию.

Ряд хронистов утверждает, что Эдуард был настолько взбешен своей неудачей, что плакал от злости. Такое вполне могло случиться: кампания так быстро проела выделенные на нее средства, что для поддержания платежеспособности английского правительства пришлось заложить драгоценные камни из короны. Подписав Эдинбург-Нортгемптонский мирный договор (названный так, потому что в начале 1328 года он был подписан Робертом Брюсом в Эдинбурге, а в мае ратифицирован английским парламентом в Нортгемптоне), Мортимер и Изабелла подтвердили, что не могут позволить себе вести войну на севере. Они заключили с шотландцами мир, за ничтожные 20 000 фунтов позорно отказавшись от претензий Англии на верховную власть. Шотландию признали суверенным королевством, где будут править Брюс и его наследники, а границы государства были закреплены в том виде, в каком они существовали в годы правления Александра III. Шестилетняя сестра Эдуарда Джоанна была обручена и быстро выдана замуж за малолетнего сына Брюса, Давида. Но это не могло скрыть тот факт, что все, за что Англия сражалась со времен славной войны Эдуарда I, начавшейся в 1295 году, было вмиг утеряно.

Но хотя бы в вопросе женитьбы Эдуарда наметилась некоторая определенность. Договоренность с графом Геннегау, достигнутая перед вторжением Изабеллы и Мортимера, была подтверждена, и юная Филиппа Геннегау – родившаяся между 1310 и 1315 годом, а значит, приблизительно ровесница Эдуарда – прибыла в Лондон в конце 1327 года. Пара обвенчалась в кафедральном соборе Йорка 26 января 1328 года. Роскошная, блистательная церемония должна была так же убедительно продемонстрировать северным подданным Эдуарда, как коронация показала южным, что власть короля отнюдь не находится в состоянии упадка. (Такое великолепие в обстановке послевоенной бедности стало возможно благодаря щедрым к Плантагенетам итальянским банкирам, семейству Барди. Барди еще пожалеют о своей щедрости через несколько лет, когда неспособность Эдуарда исполнять свои обязательства разорит их, и эта финансовая катастрофа приведет к укреплению позиций семейства Медичи.) Брак стал единственной областью международной дипломатии, где Изабелла и Мортимер преуспели. Однако нежелание Изабеллы отказываться от роли

главной королевы заставляло ее еще почти два года откладывать коронацию девушки. Свадьбу Эдуарда омрачили и таинственные события личного характера.

Ночью 23 сентября 1327 года молодого короля, почивавшего в своей спальне в Линкольне, разбудили, чтобы сообщить ему о смерти отца. С апреля Эдуарда Карнарвонского держали в темнице в замке Беркли, в Глостершире, и именно там он скончался двумя днями ранее – как сказал посыльный, от естественных причин. Так как молодой король был чрезвычайно занят делами парламента, связанными с ситуацией в Шотландии, погребение старого короля отложили на декабрь.

В тот момент немногих интересовали причины смерти Эдуарда. Эдуард III, казалось, поверил, что отец его умер в ничем не примечательных обстоятельствах, и организовал ему похороны. Но по прошествии лет появились отчеты о смерти Эдуарда Карнарвонского, дающие основания заподозрить нечестную игру. Поначалу говорили, что король умер от горя или от болезни, возможно в мучениях. Вскоре, однако, пошли разговоры об убийстве.

Пока Эдуард Карнарвонский сидел в тюрьме, были раскрыты три заговора с целью освободить его: один в апреле, когда короля держали в Кенилуэрте, и еще два в июле и в сентябре, когда его уже перевели в Беркли. Первые два заговора спланировали братья-доминиканцы, а в третьем были замешаны валлийцы, прежде всего Рис ап Гриффид, давний союзник Эдуарда II, который пришел ему на помощь в 1321–1322 годах и был рядом до самого конца в 1326 году. Стали поговаривать, что такие упорные попытки организовать королю побег истощили терпение Изабеллы и Мортимера, и Мортимер приказал убить старого короля прямо в тюремной камере. В октябре 1330 года в парламенте впервые прозвучало заявление о насильственном характере смерти Эдуарда. Спустя 20 лет хорошо информированный хронист Адам Муримут писал, что король был убит с помощью хитрости и что Роджер Мортимер приказал его задушить.

Когда распространились новости о смерти Эдуарда и укрепились подозрения в убийстве, стали появляться самые дикие предположения о непосредственных причинах смерти. Возникла легенда, что короля придушили, а затем подвергли мучительной пытке: вставили ему раскаленный металлический прут в анальное отверстие, введя его через некий помещенный внутрь «рог» – чтобы не оставить следов. Эта версия и стала общепринятой, потому что – как ее создатели, должно быть, и надеялись – был некий наводящий ужас символизм в том, что не по-мужски

слабый, испорченный, вероятно гомосексуальный король был убит именно таким образом. Практически наверняка это не соответствует истине.

Тем не менее, скорее всего, Эдуард действительно был убит, и случилось это по приказу Роджера Мортимера. Вероятно, непосредственными исполнителями стали сторонники Мортимера Уильям Огл и сэр Томас Герни: они провернули дело с помощью мажордома королевского двора сэра Джона Малтреверса, который нес персональную ответственность за содержание Эдуарда под стражей.

Как бы там ни было, 20 декабря 1237 года Эдуарда Карнарвонского похоронили. Его погребли не рядом с дедом и отцом у могилы Исповедника в мавзолее Плантагенетов в Вестминстерском аббатстве: останки короля перенесли в аббатство Святого Петра в Глостере, где в 1217 году во время гражданской войны в возрасте девяти лет короновался Генрих III. Есть некая логика в том, что единственной персоной королевской крови, похороненной здесь, был Роберт Куртгёз, сын Вильгельма Завоевателя: тот, кто мог бы стать королем Англии, если бы родной брат Генрих I 30 лет не продержал его в плену в Девайзесе и Кардиффе. Эдуарда похоронили в хитоне, в который он был облачен на своей злосчастной коронации в 1308 году. Его могила примечательна тем, что на ней впервые в Англии появилась эффигия – традиция, которая продлится на века. Ему не устраивали по-королевски пышных похорон, и все-таки это был на удивление достойный финал для короля, запятнавшего честь английской королевской династии, которому вынесли крайне резкий вердикт, обнародованный его противниками в январе 1327 года. Там говорилось, что король был «неспособен править лично… его контролировали и им управляли другие люди, которые давали ему гнусные советы», что он не желал «слушать добрых советов, или следовать им, или посвятить себя достойному правлению королевством». Спустя 11 месяцев после его смещения, несмотря на то что тело короля уже покоилось в могиле, все по-прежнему были убеждены, что Эдуард II «ограбил свою страну и сделал все, что мог, чтобы разорить королевство и его людей, и, что хуже всего, своей жестокостью и слабостью характера показал, что неисправим, и надежды на улучшение нет, и все настолько испорчено, что это невозможно отрицать».

Но разве сменивший его режим был хоть сколько-нибудь лучше? Все чаще и чаще казалось, что ответом будет «нет». Изабелла и Мортимер полностью контролировали короля, не ограничиваясь лишь внешней политикой. В их поведении, как в зеркале, отражались злоупотребления, отравлявшие прежний

режим. К 1330 году они окончательно преступили черту, и Англия снова погрузилась в глубины зверского насилия.

Обретая уверенность в поддержке королевы, Мортимер вскоре обнаружил, что он, подобно Гавестону и Диспенсеру, не в силах противиться соблазну использовать свою близость к трону в целях собственного обогащения. Он непрерывно завладевал новыми территориями в Уэльсе и в Марках, часто – конфискованными у предателей в 1326 году. На серии турниров, устроенных в Англии, Мортимер задвинул Эдуарда III в тень, корчил из себя квазикороля, собирал круглые столы, изображая короля Артура, – намек на его валлийское происхождение. Он упивался своей ролью консорта при матери короля, а в 1328 году в парламенте в Солсбери закрепил свое положение среди высшей аристократии, получив специально учрежденный титул графа Марча.

Это было уже слишком, тем более что свежа была еще память о фиаско Диспенсера. При Мортимере Англия понесла двойное унижение на поприще войны и дипломатии; молодая жена короля так и не была коронована; специальные судейские комиссии, карательные суды, посланные в графства, чтобы разобраться со вспыхнувшим насилием и беспорядками, с задачей не справились, и монархия, несмотря на сокровища, унаследованные от старого короля, и крупные займы, взятые у банкиров Барди, была опасно близка к банкротству. Однако новоиспеченный граф Марч обогащался сверх всякой меры и в этом смысле мог соперничать с королем. Разочарование новым режимом ширилось, страна опять раскололась на враждебные фракции. Генри, граф Ланкастерский, возглавил оппозицию, которая уже в январе 1329 года угрожала перейти к открытым военным действиям. Звучали мнения, что король, не способный прислушаться к добрым советам и разумно править, нарушает как Великую хартию вольностей, так и свои коронационные клятвы. Война казалась почти неизбежной – для Эдуарда даже заказали новый комплект доспехов. На протяжении почти всего 1329 года 17-летнего короля держали подальше от Вестминстера и Лондона: ему не давали взять в свои руки правление; алчная мать и ее любовник сюсюкали с ним как с ребенком.

Полномасштабной гражданской войны, к счастью, удалось избежать, но весной 1330 года нянчиться с Эдуардом было уже непозволительно. Филиппа Геннегау была беременна: в феврале ее пришлось спешно короновать в Вестминстерском аббатстве. Тогда же двора достигли тревожные слухи, что Эдуард Карнарвонский – вроде бы похороненный в Глостере более двух лет назад – жив и на свободе.

Истории о предполагаемом спасении Эдуарда II в ходу и сегодня: до сих пор существуют легенды, как бывший король сбежал из плена и дожил свой век отшельником в Италии. Сейчас уже неважно, насколько они неубедительны, – но в 1330 году возвращение старого короля представляло собой перспективу, пугающую всякого, кто имел отношение к его пленению и похоронам и к воцарению Эдуарда III.

Есть вероятность, что эти слухи распускал человек, прежде всего ответственный за смерть короля. К 1330 году граф Марч совершенно утратил популярность. Ширились опасения, что французы аннексируют то, что осталось от Аквитании, и Мортимер потерял последних сторонников, попытавшись самовольно собрать средства для защиты Гаскони с местных общин и отдельных лордов. Он нажил себе множество врагов, не последними из них были Генри, граф Ланкастерский, и дядья короля – Томас, граф Норфолкский, и Эдмунд, граф Кентский. Хотя оба они заявляли о своей верности короне, Мортимер считал, что они угрожают его положению защитника и опекуна короля.

На заключительной встрече парламента в Вестминстере в марте 1330 года, где горячо обсуждалось финансирование обороны Гаскони, Мортимер предпринял атаку на графа Кента. Когда парламент был распущен, Кента внезапно арестовали за измену и обвинили в заговоре с целью вступить в контакт с его (предположительно живым) братом Эдуардом II в замке Корф. Графа приволокли в спешно созванный суд под председательством Мортимера. Его обвинили в предательстве, представили какие-то обличающие письма и признали виновным. Его бесцеремонно лишили наследства, жену и детей приговорили к заключению в замке Солсбери, а самого Кента – к смерти у стен Винчестерского дворца. Решение Мортимера было настолько диким и пугающим, что долгое время не удавалось найти никого, кто взял бы на себя приведение приговора в исполнение. В конце концов другой узник Винчестера, в чьи обязанности входила чистка выгребных ям, получил свободу в обмен на то, что взялся отрубить бедному Кенту голову. Еще один граф отправился на смерть – и опять граф королевской крови. Эдмунд был сыном Эдуарда I и стал самой значительной жертвой кровавой эпохи начала XIV века – пожалуй, заметнее даже Томаса Ланкастерского.

Распустив парламент, Эдуард поехал в Вудсток, чтобы быть рядом с женой, которая вот-вот должна была родить их первое дитя – мальчика по имени Эдуард, который появится на свет 15 июня. Король был в смятении. Он хотел помиловать Кента, но

Мортимер не позволил ему этого сделать. Эдуард III был мужем, отцом и королем; но королевством правил другой человек: он спал с его матерью и убивал его родственников без разбора. В период тирании жестокого и алчного Мортимера королевство, разоренное отцом Эдуарда, достигло точки полного разложения. Три ужасных года дурного руководства навлекли на Англию не меньше бед, чем царствование прежнего короля, и последней каплей стало узаконенное убийство, совершенное по капризу тирана, который верховодил в Англии, будто бы сам был королем. Пришло время действовать. Эдуард III – отчаянный, отважный и бесстрашный – начал думать, как вернуть себе королевство. Забрезжила заря новой светлой эры английской монархии.

Часть VI
Эпоха славы
(1330–1360)

Долгие лета молодому Эдуарду, и пусть он воплотит в себе все те добродетели, что украшали каждого из его праотцов по отдельности. Пусть он унаследует трудолюбие короля Генриха II, знаменитую удаль короля Ричарда, пусть он достигнет возраста короля Генриха [III], возродит мудрость короля Эдуарда [I] и напоминает нам о физической силе и пригожести своего отца.

«Жизнеописание Эдуарда II», по поводу рождения Эдуарда III

Королевский переворот

Стараясь не шуметь, заговорщики крались по тайному подземному ходу, расположенному глубоко в недрах замка Ноттингем. Их было как минимум 16, а возможно, даже больше 20 человек: до зубов вооруженные молодые люди, преданные королю и готовые дорого продать свою жизнь. Замок над ними готовился ко сну, а дневные посетители возвращались в свои дома в городе за стенами. Единственное, что нарушало тишину тоннеля – сдавленное дыхание, приглушенный лязг доспехов и треск пылающих факелов.

Они действовали, исполняя срочный приказ короля. Чуть раньше в тот же день пятерых из тех, кто был сейчас в туннеле, а вместе с ними и 17-летнего короля вызвали на допрос в сомнительный дознавательный комитет во главе с Роджером Мортимером, графом Марчем, любовником королевы, который уже три года контролировал английское правительство, отстранив короля и запустив свои щупальца во все государственные дела. Шпионы сообщили Мортимеру, что приближенные молодого короля планируют покушение на жизнь графа. Все допрошенные категорически это отрицали. И все ушли с допроса, понимая, что пришло время действовать.

Командовал отрядом Уильям Монтегю, 29-летний придворный рыцарь-баннерет и личный друг Эдуарда III. Недавно он сопровождал Эдуарда в деловой поездке во Францию и только что вернулся из папской курии в Авиньоне, куда его отправляли с тайным посланием к Иоанну XXII. Монтегю был солдатом, лоялистом и товарищем короля – положение, какое его отец занимал при дворе Эдуарда II. Он больше прочих боялся, что жизнь короля в опасности и исходит эта опасность от Мортимера. В тот день Монтегю сказал королю, что крайне важно действовать не откладывая. «Лучше съесть пса, чем позволить ему съесть тебя», – сказал он, и Эдуард последовал его совету, одобрив план, который мог обернуться либо самоубийством, либо спасением монархии.

Рядом с Монтегю шли еще четверо придворных Эдуарда: баннереты Эдуард Богун, Роберт Аффорд и Уильям Клинтон и придворный рыцарь Джон Невилл из Хорнби. Ради своего господина смельчаки готовы были рискнуть жизнью, ввязавшись в крайне опасное предприятие. Однако ключевой фигурой миссии был шестой: Уильям Эланд, спекулатор замка Ноттингем. «Спекулатор» скорее исполнял обязанности стражника, и Эланд знал все коридоры и переходы крепости как свои пять пальцев.

Туннель, по которому пробирались Монтегю и его люди, был единственным способом попасть в замок, ключи от которого хранились у Мортимера – на ночь граф клал их под подушку королевы. Подземный ход вел от реки за стенами резиденции Изабеллы в самое сердце крепости. 19 октября 1330 года Эланд пренебрег своей обязанностью запереть потайную дверь туннеля и указал заговорщикам путь в кромешной темноте.

Мортимер даже не подозревал, что в замке Ноттингем затаилась измена. Соучастник заговора, личный врач Эдуарда Панчо де Контроне, обеспечил королю алиби на весь вечер, оправдавшее его отсутствие рядом с матерью и Мортимером. Кроме того, кто-то должен был отпереть дверь, соединявшую тайный проход с главной башней замка. Когда Эланд и Монтегю во главе отряда поднимались по винтовой лестнице, ведущей из подземелья в королевские покои, они наверняка молились, чтобы их заговор не был раскрыт, пока они не доберутся до последней двери. Если Мортимер переманил на свою сторону кого-то из их союзников, он наверняка уже послал в туннель солдат с приказом схватить заговорщиков. Их ждал бы провал и неминуемая смерть.

Опасения не подтвердились. Изабелла была в своей приемной: совещалась с Мортимером, его сыновьями Джеффри и Эдмундом, а также с Симоном Берефордом, сэром Хью Терпингтоном и Генри Бургершем, епископом Линкольна. Они обсуждали, как следует поступить с теми, кто, неведомо для них, уже миновал туннель, вошел в башню и приближался к совещательной комнате, лелея страшный замысел.

Первым, на кого наткнулись Монтегю и его отряд, ворвавшись в жилые покои, был Терпингтон, камергер, на котором лежала полная ответственность за безопасность, так грубо нарушенную этим вечером. Джон Невилл напал на него и убил. Шум привлек внимание тех немногих придворных, что стояли на страже у входа в зал. Двоих из них заговорщики закололи на месте.

Мортимер побежал в свои покои за мечом, но его, как и двоих его советников, схватили и арестовали, намеренно оставив графа Марча в живых, чтобы судить как изменника. Сыновей Мортимера и Симона Берефорда тоже взяли под стражу. Если верить хронике «Брут», епископ Бургерш совершенно позабыл о своем духовном сане. Он попытался бежать через отхожее место, протиснувшись в трубу, по которой фекалии сливались во внешний ров. Пока люди Монтегю вытаскивали епископа из вонючей дыры, королева Изабелла стояла в дверях залы и взывала в темноту к сыну, который, как она думала, прячется за спинами заговорщиков.

Такими радикальными мерами 17-летний Эдуард III

избавился от назойливой опеки матери и ее любовника и взял правительство Англии под личный контроль. На следующий же день шерифам Англии направили уведомление, сообщавшее, что Эдуард будет «с этого момента править своим народом по справедливости и размышлению, как подобает его королевскому достоинству, и что вопросы, которые касаются его и трех сословий королевства, должны решаться общим советом магнатов королевства и никаким другим образом…».

Арестованного Мортимера поместили под стражу, а в ноябре 1330 года в парламенте, собравшемся в Вестминстерском дворце, начался грандиозный суд. Мортимер предстал перед пэрами Англии униженный, связанный и с кляпом во рту. Согласно официальным записям парламента, его обвинили в «узурпации королевской власти и правительства страны и присвоении имущества короля», а заодно и в том, что с помощью своего слуги Джона Рэя он «шпионил за действиями [Эдуарда] и его речами; так что наш вышеназванный милорд король был окружен врагами и посему не мог поступать как хочет и жил словно бы под арестом». Длинный список обвинений (Мортимеру вменялось 14 отдельных преступлений) включал отчуждение королевских земель с целью создания графства Марч, войну с Ланкастером и его сторонниками, очернение графа Кента как изменника и растрату королевских финансов, в том числе контрибуции, уплаченной шотландцами по условиям мирного договора.

Но, что самое важное, Мортимера без обиняков обвинили в убийстве Эдуарда II. «Названный Роджер королевской властью, узурпированной им… приказал, чтобы [старого короля] сослали в замок Беркли, где он был предательски, злонамеренно и обманным путем убит Роджером и его сторонниками», – гласят записи. Впервые было официально заявлено, что Эдуарда II убили, и этого было достаточно, чтобы приговорить Мортимера к «повешению как предателя и врага короля и королевства».

Стране представился шанс завершить цикл насилия, начавшийся в 1312 году и продлившийся почти два десятилетия. Точно так же, как и в других случаях расправы с аристократами, Мортимеру не позволили высказаться в свою защиту. Но со смертью предателя в Тайберне 29 ноября 1330 года эта страница истории перелистнулась.

Изабеллу обижать не стали. Мать короля просто отстранили от власти и отправили в отставку. Ее не изолировали от мира, и следующие 27 лет она вела царственно роскошную жизнь в замке Райзинг в Норфолке, играла важную роль в дипломатии короны и неизменно присутствовала на все более пышных церемониях и семейных праздниках, которые устраивал ее сын.

Организовав дерзкий переворот и решительно захватив власть незадолго до своего 18-летия, Эдуард III убедительно продемонстрировал, что обладает достаточно сильным характером и способностью восстановить нормальную жизнь и порядок в полностью опустошенном королевстве. Так он и сделал. Своими поступками он сразу показал, что будет поддерживать все, на чем стоит его королевство: он определял проблему и предпринимал радикальные – иногда опрометчивые – действия, чтобы разобраться с ней, а помогала ему сплоченная группа доверенных сторонников. Такая форма монархии окажется чрезвычайно эффективной. Однако пройдет немало трудных лет, прежде чем Эдуарда признают тем, кем он и был: вероятно, величайшим из королей Плантагенетов.

Славный король разрушенного королевства

После Ноттингемского переворота Эдуарда в Англии превозносили до небес. В ноябре 1330 года, в возрасте 18 лет, он наконец стал единоличным хозяином своей судьбы и королевства. Своим символом он избрал восходящее солнце: золотые лучи, прорывающиеся сквозь плотные тучи – такие ассоциации хотел вызывать у подданных молодой король, освободившийся от мертвой хватки родителей и Мортимера, чтобы самостоятельно править страной. Новый король символизировал свет, надежду и энтузиазм.

Начало царствования он отметил серией турниров, которые в основном проходили недалеко от Лондона и в графствах на юго-востоке страны. Он подавал себя как короля-рыцаря, а свой двор – как средоточие веселья и забав, романтики и состязаний в военном искусстве. «Этот король вел веселую жизнь на турнирах и поединках и развлекал дам», – писал сэр Томас Грей. Его царствование запомнится чуть ли не ежемесячными турнирами, каждый из которых станет для знати отличным поводом продемонстрировать восхитительные костюмы, примерить на себя роль диких зверей, сказочных существ или небесных созданий; знатные мужчины и женщины с удовольствием будут слушать потрясающие истории и легенды прошлого и резвиться, наряжаясь францисканскими монахами, купцами и священниками. В дни турниров устраивались широкомасштабные, отлично организованные потешные бои: они помогали сплотить аристократов, принимавших в них участие, и готовили их ко временам, когда учебные сражения уступят место настоящим.

Все крутилось вокруг короля – энергичного, атлетически сложенного, предприимчивого юноши. Судя по большинству его изображений, у короля были довольно мягкие черты лица, длинный, ровный нос, большие, глубоко посаженные глаза, высокий лоб и прямые брови. По моде того времени Эдуард носил длинную бороду – каштанового цвета, как сказано в поэме, написанной в 1350-е годы, когда он был уже взрослым мужчиной. Густые, вьющиеся волосы Эдуарда спускались на уши и выбивались из-под изысканной шляпы или командирского шлема, который он носил практически не снимая. Он был исключительно умелым всадником и доблестным воином – образцом царственного благородства. И король, и королева Филиппа питали слабость к красивым нарядам, на которых вышивали

девизы и слегка таинственные речения короля, – позднее излюбленными лозунгами Эдуарда стали, например, такие: «Как есть, так есть», «Хэй, хэй, белый лебедь, Божьею волей я твой слуга» и «Силен как жимолость». Королеве Филиппе нравились девизы: «Обовьюсь [вокруг тебя]» и «Я приказываю». На монете, выпущенной, чтобы увековечить коронацию Эдуарда, был отчеканен лозунг, отражавший всегдашнюю уверенность этого короля в своем положении: «Я не взял; я принял».

Любой монарх обязательно должен уметь пускать пыль в глаза, но Эдуарду это удавалось лучше любого из предшественников, за исключением разве что Генриха III. Он ввозил с Востока тончайшую золотую парчу; на его одежде были вышиты экзотические животные: леопарды, тигры, пеликаны и соколы. Он любил музыку: в путешествиях его двор сопровождали песни менестрелей, по округе разносились звуки лютни и барабанный бой, и король веселился от души, наслаждаясь произведенным впечатлением. Он держал зверинец, где жили львы, леопарды, медведи, мартышки и обезьяны. Он был заядлым охотником, как и все короли до него, – из его предков разве что Генрих II мог бы сравняться с Эдуардом, когда он, оседлав коня, упоенно мчался по паркам, лесам и полям, преследуя диких животных и проливая их кровь. На дорогую одежду и расточительные развлечения для семьи и друзей он тратил тысячи фунтов, выстраивая образ королевской власти, достойной прославления. Полагаясь на личный талант очаровывать придворных дам и заводить близкую дружбу с мужчинами, Эдуард с первых дней царствования старался сплотить вокруг себя аристократов и рыцарей Англии – политический класс, с которым любого успешного короля связывают тесные узы.

Но Эдуарда нельзя считать только лишь королем-франтом: он был хорошо образованным молодым аристократом, сведущим во всех областях знания и культуры, приличествующих его положению. Он говорил по-английски и умел изъясняться учтивым языком Северной Франции. Он воспитывался в окружении ученых мужей – таких как Ричард Бери (который станет одним из его ближайших советников), и впитывал все, чему они его учили. Он был образован сверх обыкновенного, читал на латыни и по-французски. Эдуард стал первым английским королем, оставившим нам собственноручные записи. Он учился управлению государством по классическим текстам, известным как «Зеркало принцев», – в этих книгах, написанных европейскими учеными, анализировались славные достижения и позорные провалы правителей современных и древних; их авторы старались сформулировать и донести до читателя

основополагающие принципы лидерства. Эдуард с юных лет живо интересовался великими героями истории и мифологии и особенно любил популярный в XIV веке литературный труд: жизнеописание Девяти достойных. (К ним причисляли трех «великих язычников» – Гектора, Александра Великого и Юлия Цезаря; трех знаменитых библейских вождей – Иисуса Навина, Давида и Иуду Маккавея; и трех выдающихся королей-христиан – Артура, Карла Великого и Готфрида Бульонского, первого короля Иерусалима.) Тщательно изучив биографии королей, Эдуард попытается усвоить их лучшие качества и избавиться от приписываемых им недостатков. Он был зачарован прогностической силой истории, ее способностью предсказать события его собственной жизни и предопределить условия жизни его потомков. Современники, восхищенные решительностью Ноттингемского переворота, готовы были увидеть в нем исполнение пророчества Мерлина, и Эдуард их не разочаровал, посетив в 1331 году аббатство Гластонбери и проинспектировав знаменитую гробницу Артура и Гвиневры, построенную по приказу Эдуарда I. К слову, из своих предков Плантагенетов Эдуард III выше прочих чтил именно Эдуарда I: по его приказу могилу деда в Вестминстере задрапировали золотой парчой; он разделял его любовь к легендам об Артуре и сделал все, чтобы годовщина смерти Молота Шотландцев никогда не была забыта. Леопард – неодобрительное прозвище молодого Эдуарда I – стал теперь символом царствования Эдуарда III, приняв вид геральдического льва с поднятой передней лапой.

Но при всем своем щегольстве Эдуард понимал, что монархия теперь, более чем когда-либо, представляет собой священные узы, связывающие короля и королевство. Эдуард не только красовался перед своим королевством как принц в роскошных одеяниях, он еще и ловко перенимал повадки бедного рыцаря. На турнирах он порой сражался инкогнито – одетый как простой воин, он участвовал в состязаниях бок о бок со своими друзьями и ровесниками. При всей любви к легендам об Артуре он избегал спесивой самонадеянности Роджера Мортимера, примерявшего на себя роль легендарного короля. В 1330-е годы Эдуарду нравилось отождествлять себя с простым рыцарем Круглого стола – чаще всего с сэром Лайонелом. Мортимер первый подсказал ему эту роль, когда на турнире, состоявшемся в 1329 году в родном городе Мортимера – Вигморе, тогдашний тиран вручил королю кубок с гербом сэра Лайонела. Продолжая изображать сэра Лайонела – в 1330-х годах Эдуард выступал на турнирах под его гербом и крестил своего третьего сына, рожденного в Антверпене в 1338 году, именем прославленного рыцаря, –

король показывал, что не отрекся от ценностей предприимчивости и инициативности, которые помогли ему свергнуть Мортимера. Кроме того, здесь, вероятно, присутствовала и доля иронии.

За семь лет, прошедших с начала его реального вступления на трон в 1330 году, Эдуард хорошо узнал свое королевство. Почти непрерывные турниры сблизили его с политическим сообществом страны как на символическом, так и на социальном уровне. В удачном браке с королевой Филиппой, в 1330 году подарившем ему юного принца Эдуарда Вудстокского, продолжали с равными интервалами появляться дети: Изабелла Вудстокская родилась в мае 1332 года, Иоанна Тауэрская (Лондонская) в конце 1333 года, Уильям Хатфилдский (умерший в детстве) в декабре 1336 года, а Лайонел Антверп – в 1338 году. Но в королевстве множились проблемы, требовавшие действий, помимо шумных пирушек и воинственной риторики. Цветущее великолепие молодого короля не могло оградить Англию от бед. Первые три десятилетия XIV века роковым образом повлияли на общественный порядок и на общее состояние королевства. Великий голод 1315–1322 годов принес нищету и мор, а политическая турбулентность, отравлявшая царствование Эдуарда II с коронации до самой смерти, привела к расцвету беззакония. В центральных графствах банда Фолвилля – преступной семейки мелкопоместного дворянина из Лестершира – пристрастилась к насилию и мародерству: они безнаказанно убивали своих политических противников и даже брали в заложники разъездные суды. Похожая банда, известная как Коттерилы, орудовала в Пик-Дистрикте. Многочисленные попытки восстановить порядок и правосудие на местах с помощью выездных судейских комиссий встречали сопротивление и рушились под тяжестью неискоренимой коррупции.

В этой ситуации Эдуард показал, что не чужд радикальных экспериментов, и провел правовую реформу. Институт медленно путешествующих по стране передвижных судов – которым требовалось семь и более лет, чтобы объехать территорию своей юрисдикции, – был неповоротлив и давно устарел, и в марте 1332 года Эдуард устроил парламентские слушания, поручив главному судье сэру Джеффри Скроупу провести дебаты по вопросам реформирования закона и правопорядка. В итоге в графствах была создана система постоянных королевских представительств, призванных обуздать разгул преступности. В результате реформы появится должность хранителя мира (предшественника мирового судьи), и усилиями этих чиновников, подкрепленными деятельностью королевских комиссий,

разбиравших особые случаи, такие как дело Фолвиллей или Коттерилов, комиссий oyer and terminer («заслушать и решить»), а также с помощью периодических визитов Вестминстерского Суда королевской скамьи программа установления мира на местах продлится на остаток века. Система английского правосудия превратилась в полноценный институт – ни один король больше не будет, как некогда Иоанн, заседать в суде, лично представляя интересы короны. Роль короля-судьи уходила в прошлое: Эдуард считал, что на первый план должен выйти король как главнокомандующий.

Его первой целью стала Ирландия. За 120 лет – с экспедиции Иоанна в 1210 году – нога английского короля не ступала на землю княжества, страна страдала от регулярных вспышек насилия, а авторитет короля Англии среди англо-нормандских баронов-поселенцев сократился практически до нуля. Летом 1332 года король планировал послать за Ирландское море крупную армию и восстановить в стране королевское правление. Но, когда план почти созрел, от него пришлось отказаться: 11 августа 1332 года у Дупплин-Мура, в Шотландии, недалеко от Перта, войска, поддерживавшие нового шотландского короля Давида II, сына Роберта Брюса (зятя Эдуарда – женой Давида была младшая сестра английского короля Джоанна), столкнулись с силами мятежников, известных как «Лишенные наследства». Так называли шотландцев, которые потеряли все, что имели, после битвы при Бэннокберне. Они сражались под командованием сына Иоанна Бэллиола Эдуарда и пользовались поддержкой друга и союзника Эдуарда – Генри Бомонта, седого ветерана всех крупных шотландских битв начиная с 1298 года, с Фолкирка.

Крошечное войско «Лишенных наследства» численностью, вероятно, не более 1500 человек – в десять раз меньше армии Брюса – одержало сокрушительную победу, лишив жизни бесчисленное множество шотландских рыцарей и графов. 24 сентября в Скуне Бэллиола объявили королем, и Шотландия снова погрузилась в хаос. Эдуард III немедленно отказался от своих планов отправиться в Ирландию и перенес внимание на северную границу. В парламенте, собравшемся в Йорке в январе 1333 года, он объявил о своем намерении ввести войска в Шотландию, нарушив Эдинбург-Нортгемптонский мирный договор и возобновив войну за верховную власть, которая вяло тянулась со смерти Эдуарда I.

Между 1333 и 1337 годом столицей Англии фактически стал город Йорк: Эдуард перенес правительственные институты на север, что позволило ему сосредоточиться на войне с Шотландией. Его армия состояла из королевской гвардии,

исполняющей феодальную повинность знати и их вассалов-рыцарей, а также из иностранных наемников, в том числе солдат из графства Геннегау, участвовавших некогда в злополучной кампании Изабеллы и Мортимера. Регулярные войска набирались по призыву – призывникам платили дневную зарплату начиная со дня, когда они покидали родное графство. В армию входили хобелары (легкая кавалерия), пехота, вооруженная копьями и ножами, и лучники, которые передвигались на лошадях, но сражались пешими. Конные лучники станут самым тактически эффективным и опасным подразделением английской средневековой армии, и Эдуард, который будет полагаться на них как на элитные боевые отряды, повысит их статус, поставив гораздо выше всех прочих рядовых. Конечно, с кавалерией, где сражались аристократы, конные лучники не могли сравняться, но их почитала и боялась вся Европа XIV века. Лучников, как и остальную армию Эдуарда, кормили и содержали в походах за счет реквизиций со всего королевства, которые вызывали постоянное недовольство английских подданных.

Кампания Эдуарда стартовала весной 1333 года. Все лето его командующие, в том числе Уильям Монтегю, Генри Перси и Генри Гросмонт, сын Генри, графа Ланкастерского, – бароны того же возраста и поколения, что и король, – помогали Эдуарду Бэллиолу совершать вылазки на территорию Шотландии. Потом англичане осадили Берик и сошлись с шотландцами в битве при Хэлидон-Хилле, в двух милях от города.

Тактику, использованную при Хэлидон-Хилле, изобрел Генри Бомонт при Дупплин-Муре, и в годы царствования Эдуарда к ней не раз еще будут прибегать. Хотя английская армия была, наверное, раза в два меньше войска шотландцев, Эдуард занял прочную оборонительную позицию на холме: пешие лучники прикрывали с флангов каждое из трех подразделений спешившихся латников. Король командовал центром, Эдуард Бэллиол – левым флангом, а дядя короля, граф Норфолк, возглавлял правый фланг, и с ним вместе находился Джон Элтамский, граф Корнуоллский, младший брат короля. Кавалерийских атак на шотландские шилтроны не предполагалось: Бэннокберн научил англичан, что подобная тактика – чистое самоубийство. Вместо этого, когда отряды шотландских копейщиков двинулись вверх по холму, английские лучники обрушили на них смертоносный град стрел: сея панику и страх, они остановили наступление шотландцев, прежде чем те добрались до тяжеловооруженных рыцарей. К началу рукопашной шотландцы устали и были до смерти напуганы. Эдуард и его люди смело атаковали врага, и король вступил в поединок с

Робертом Стюартом, 17-летним сенешалем Шотландии. Битва очень быстро превратилась в беспорядочное отступление: люди Эдуарда и Бэллиола, оседлав лошадей, кинулись в погоню за разбитыми шотландцами. Итогом битвы стало очередное истребление лучших шотландских воинов и вельмож, в том числе пали шестеро графов, которых король с приличествующим рыцарю великодушием похоронил.

Победа Эдуарда при Хэлидон-Хилле была безоговорочной: он смог посадить на трон Эдуарда Бэллиола, присоединить к Англии Берик и заявить свои права на огромные территории на Шотландских равнинах. Король провел вторую половину 1333 года на юго-востоке Англии – охотился и устраивал турниры. В начале 1334 года Бэллиол согласился вернуть Шотландии статус доминиона, в очередной раз поставив шотландскую корону в зависимость от английской. Казалось, победа далась до обидного легко.

Однако это было не так. С 1326 года Шотландия состояла в союзе с Францией, и в июне 1334 года, когда Эдуард Бэллиол принес Эдуарду ленную присягу в Ньюкасле, стало известно, что французский король Филипп VI вывез смещенного короля Давида II и его жену Джоанну из Шотландии и предоставил им убежище в Нормандии, где они укрылись в построенной Ричардом Львиное Сердце великой крепости Шато-Гайар. В отсутствие Давида шотландское сопротивление возглавили внук Роберта Брюса Роберт Стюарт и Джон Рэндольф, граф Морей. Большую часть зимы 1334 года и лета 1335 года Эдуард провел в походах по шотландским равнинам, устроив кровавый и разрушительный тур устрашения. В июле 1336 года он повторил такой же прием на Шотландском нагорье, где заодно укрепил легенду о своем рыцарском благородстве, придя на выручку дамам, которых держали в плену в замке Лохиндорб. В остальном в этой жестокой кампании не нашлось места благородству. Эту же тактику – жестокие налеты на вражеские деревни, поджоги, грабежи и убийства безо всякой стратегической цели, кроме деморализации мирного населения, – Эдуард впоследствии использует в войнах на континенте, создав английским солдатам репутацию самых свирепых воинов христианского мира.

Но, сколько бы несчастий ни обрушивалось на шотландцев, ситуация оставалась далека от урегулирования. Эдуард и его товарищи, особенно Генри Гросмонт, который показал себя уверенным и энергичным командиром, – учились искусству войны, но едва ли устраиваемые ими кровавые бойни способствовали тому, чтобы шотландцы полюбили короля Бэллиола. Основной проблемой был союз мятежных шотландцев

и короля Франции. Для Филиппа VI деятельность Плантагенетов в Шотландии была накрепко увязана со статусом доминиона Плантагенетов в Аквитании. Пока англичане будут отказываться признать полный суверенитет Франции в Гаскони, Филипп будет поддерживать шотландцев в их борьбе за независимость. К 1337 году Эдуард немного устал огнем и мечом принуждать Шотландию к повиновению. Этот монарх предпочитал решать проблемы прямо и решительно. Но в 1337 году проблемой стала уже не Шотландия, а Франция. Новый театр войны манил его неудержимо. Мир стоял на пороге крупнейшего военного конфликта эпохи Плантагенетов.

Новые графы, новые враги

Парламент, собравшийся в Вестминстере в марте 1337 года, гудел от волнения и возбуждения. Тому были причины. Стране должны были представить радикально новое законодательство. Планировалась реформа торговли шерстью. С двух сторон грозила война. Но больше всего волнений, по крайней мере у самих парламентариев и почитателей парадного блеска монархии Плантагенетов, вызывало предстоящее появление шести новых пэров Англии.

Эдуард III царствовал уже десять лет. Семь из них он правил самостоятельно. С самого начала молодой человек демонстрировал, что заинтересован в хороших отношениях с аристократией. На турнирах, которые он регулярно устраивал, король свел дружбу с богатой военной элитой страны. К людям этого типа он чувствовал искреннее расположение.

Положение аристократии в предыдущие два правления значительно ухудшилось. Эдуард I не доверял знати – и, соответственно, скупился на графские титулы. Подозрительность, с какой он относился к правам дворян, с особой силой проявлялась при рассмотрении правомерности притязаний на привилегию (Quo Warranto): процедура, которой бароны должны были доказывать суду свое право применять власть и отправлять правосудие там, где его можно было посчитать привилегией самой короны. Эдуард II был свободен от таких предрассудков и творчески подходил к вопросу распределения земель и титулов, но он предпочитал приберегать крупные пожалования для подарков своим сиюминутным фаворитам и не стремился основывать великие династии, которые, как он опасался, станут оспаривать его авторитет. Эдуард II сделал Гавестона графом Корнуоллским, Эндрю Харкли – графом Карлайла, Хью Диспенсера – графом Винчестера, а своих единокровных братьев – графами Норфолкским и Кентским; но из всех них только граф Норфолк дотянул до 1330 года. К тому же младший брат Эдуарда III Джон Элтамский, получивший титул графа Корнуоллского в 1328 году, в 1336 году заболел и умер во время военной операции в Перте и теперь покоился в Вестминстерском аббатстве.

В отличие от своих отца и деда, Эдуард III прозревал истинные основы английской монархии, которые так часто затмевались вспышками гражданской войны между королями и крупными магнатами. Истина же заключалась в том, что естественным состоянием страны было единство, а не конфликт интересов короля и его крупнейших подданных. На мартовской

сессии парламента 1337 года Эдуард в недвусмысленных выражениях изложил эту философию. Он сказал собравшимся лордам: «из всех свойств монархии мы считаем наиважнейшим, что путем надлежащего распределения позиций, титулов и должностей королевство подкрепляется мудрым советом и прирастает могучими силами». Эдуард признал, что число благородных семейств Англии, и прежде всего влиятельных графов и баронов, сократилось: как он сказал, «королевство длительное время страдало от серьезной убыли имен, почестей и титулов».

Эдуард объявил, что принимает решительные меры с целью создать новое поколение английской аристократии, с которой разделит и престиж, и бремя монархии. Эти люди неизменно были к его услугам на протяжении десяти лет царствования, а некоторые из них держали сторону короля со времен заговора в замке Ноттингем, в результате которого был смещен Мортимер. Они были закадычными друзьями амбициозного молодого короля, и вскоре им придется вместе с ним взяться за дело.

В тот день шестерых возвели в графское достоинство. Первым стал Уильям Монтегю, возглавивший переворот 1330 года. С того славного октябрьского дня Монтегю не раз доказывал, что может быть и умелым дипломатом, и храбрым солдатом на полях шотландских войн, где он лишился глаза. Король уже делил с ним военные трофеи, жаловал ему опеки и земельные владения, а теперь Монтегю возвели в ранг графа Солсбери.

Получили свою награду и другие соучастники заговора 1330 года. Роберт Аффорд стал графом Саффолком, а Уильям Клинтон – графом Хантингдоном, получив титул, некогда принадлежавший шотландским королям. Наследникам величайших английских семей были розданы титулы, соответствующие их статусу. Генри Гросмонт стал графом Дерби. Уильям Богун, еще один участник переворота 1330 года и ветеран шотландских войн, – графом Нортгемптоном. Хью Одли, опытный солдат и давний враг Роджера Мортимера, получил в награду графство Глостер.

В дополнение к новым графским титулам Эдуард добавил к лестнице рангов еще одну ступень. Старший сын Эдуарда и Филиппы, Эдуард Вудстокский, в марте 1337 года был крепким мальчишкой шести лет. В эпоху Тюдоров он станет известен под прозвищем Черный принц, данным ему (предположительно) за черные доспехи и репутацию неукротимого воина. В 1337 году, подчеркивая его роль наследника английского трона, принцу присвоили новый титул. Эдуард III сделал его герцогом Корнуоллским – впервые французский титул *duc* перевели на

английский язык в подтверждение того, что величайшее из королевских графств будет теперь иметь особый семейный статус. Тем самым Эдуард, не теряя времени, передал сыну титул почившего Джона Элтамского и косвенным образом дал понять, что никогда больше этот титул не достанется безродному проходимцу вроде Гавестона.

Присвоение новых титулов отметили грандиозным пиршеством, потратив сотни фунтов на еду и развлечения. Двадцать человек посвятили в рыцари и праздновали с размахом: Эдуард и Филиппа устроили два отдельных собрания, чтобы прославить момент, когда Англия приумножила число своих благородных семейств.

Но беспрецедентная раздача земель и титулов отнюдь не была бездумной щедростью со стороны Эдуарда. Скорее того требовала ситуация, сложившаяся к 1337 году. Королю нужны были богатые сподвижники, крупные феодальные хозяйства и аристократы, обязанные сражаться за корону. Не только Шотландия то и дело бунтовала: на горизонте снова маячила война с Францией. В этот раз, однако, условия ее ужесточились, ставки возросли, а возглавили каждую из сторон такие несговорчивые и воинственные лидеры, что их можно было сравнить разве что с Ричардом I и Филиппом Августом, противостоявшими друг другу в конце XII века. Мир Плантагенетов стоял на грани войны, которая затянется не на месяцы или годы, но на поколения.

Начало Столетней войны

26 января 1340 года Эдуард III в сопровождении всего своего двора прибыл во фламандский город Гент. С ним поехала и беременная королева, носившая шестого за десять лет ребенка. (Мальчик, который родится здесь 6 марта, получит имя Джон Гонт, по английскому названию города.) Короля встретили грандиозным торжеством, а большую открытую площадь Пятничного рынка красиво украсили в ожидании большого скопления народа.

В центре площади поставили платформу, а вокруг развесили штандарты с королевским гербом Эдуарда – символом, украшавшим практически все, на что снисходило королевское одобрение. Но это был не тот герб, с которым были хорошо знакомы собравшиеся.

На протяжении 142 лет, начиная с предпоследнего года царствования Ричарда Львиное Сердце, Плантагенеты обозначали государственный суверенитет Англии тремя львами с поднятой передней лапой – которых в геральдике называют леопардами – на ярко-красном поле. Новый королевский герб отличался радикально. Леопарды, вместо того чтобы гордо шествовать по всему полю герба, делили его с древним символом французской короны – золотой геральдической лилией на голубом фоне. Более того, французская лилия занимала почетное место в верхнем левом и нижнем правом квадратах герба.

Древний геральдический знак претерпел ошеломительные изменения, не оставлявшие никаких сомнений относительно послания, которое Эдуард готовился донести до толпы, собравшейся на рыночной площади.

Эдуард вышел на помост и предстал перед народом, окруженный знатными придворными и магистратами трех главных городов Фландрии. Повысив голос, чтобы перекричать общий гул, он призвал горожан Гента признать его королем не только Англии, но и Франции. Он потребовал от них повиновения и принял оммаж фламандских вельмож, в том числе Ги Фландрского, сводного брата графа Фландрии. Эдуард заверил всех собравшихся, что будет чтить их свободы и защищать их имущественные интересы. Затем день продолжился излюбленным торжеством Эдуарда: рыцарским турниром.

Действо, произошедшее на запруженной людьми рыночной площади Гента, отметило самый широкомасштабный «ребрендинг» монархии Плантагенетов с тех времен, как Эдуард I вознамерился стать новым Артуром. Официальное присвоение

Эдуардом титулов и символики короля Франции кардинально изменило взаимоотношения королевств, что в свое время не удалось даже Генриху II. С этого начнется изматывающий, практически бесконечный период вражды двух государств, который войдет в историю под названием «Столетняя война».

Корни этой войны уходят глубоко: они вплетены в ткань истории Плантагенетов и политики стран Ла-Манша в XIV веке. Традиционным яблоком раздора для французских и английских королей был затяжной спор по поводу статуса последних как герцогов Аквитанских. Ситуация провоцировала трения с 1259 года, когда Генрих III принес Людовику IX оммаж за герцогство и отказался от претензий семьи на Нормандию, Анжу и остатки бывшей континентальной империи.

В течение XIV века интересы Англии и Франции в Северо-Западной Европе постоянно приходили в столкновение. Французская корона входила в очередную стадию агрессивной экспансии. Французские короли намеревались отстаивать свои права, расширять границы и распространять пределы своей политической власти методами, к каким не прибегали с начала XIII века, с эпохи Филиппа Августа. Такая политика привела к прямому столкновению интересов двух стран в торговых баталиях на землях исторических Нидерландов; в Шотландии, союзнице Франции с 1295 года; а также в борьбе за контроль над морскими перевозками по Ла-Маншу – морскими путями англичане доставляли во Фландрию шерсть (а позже ткани), а обратными маршрутами ввозили вино из Бордо. Но за всеми этими мелкими трениями крылась одна фундаментальная причина: принципиальная перемена статуса двух королевств.

В 1328 году умер французский король Карл IV. Новым королем стал Филипп VI: прямая линия Капетингов, восседавших на троне с воцарения Гуго Капета в 987 году, закончилась, и началась очередная эпоха династической неопределенности. В правление Изабеллы и Мортимера юный Эдуард съездил в Амьен и принес оммаж за свои континентальные владения – процедура, предполагавшая признание прав Филиппа. Из-за политических осложнений, омрачивших начало царствования Эдуарда, его право на двойное наследование домов Плантагенетов и Капетингов – что могло сделать его неоспоримо величайшей фигурой как в истории каждой из семей, так и в истории средневековой Европы – было, к сожалению, упущено.

Ко времени, когда Изабеллу и Мортимера лишили власти, Филипп уже прочно утвердился на троне. Казалось, не во власти молодого короля Эдуарда потребовать пересмотра французского престолонаследия – не в последнюю очередь потому, что каждый

сезон военных кампаний с 1333 по 1337 год ему пришлось посвящать экспедициям в Шотландию. Вместо военных действий два королевства были заняты осторожной дипломатией. В 1332 году они даже вели переговоры о новом крестовом походе, но с 1334 года Филипп поддерживал Давида Брюса, что Англия посчитала возмутительной провокацией.

Однако нельзя сказать, что французы подстрекали английского короля к войне, которой он не искал. Французским пропагандистам не стоило особого труда выставить Эдуарда главным поджигателем войны. В 1334 году он предоставил убежище в Англии Роберту Артуа – стареющему, но все еще деятельному беглецу от французского правосудия, которому не повезло превратиться из ближайших советников и друзей Филиппа VI в его заклятые враги.

Эдуард принял Роберта со всем почтением: он высоко ценил его бесшабашность и военное мастерство. Но этим поступком он страшно разозлил короля и аристократию Франции. Фламандская пропагандистская поэма середины 1340-х годов, известная как «Обеты цапли», обвиняла Роберта в том, что он спровоцировал войну: он якобы обвинил Эдуарда в трусости за отказ предъявить права на свое наследство – и публика встретила поэму благосклонным вниманием.

В «Обетах цапли» повествуется, как Роберт на немыслимо роскошном пиру подошел к королю и преподнес ему жареную цаплю, пойманную в тот день его соколом. «Я верю, что поймал самую трусливую из птиц, – будто бы сказал Роберт Эдуарду и его придворным. – Она собственной тени боится. Она кричит и вопит, словно ее убивают… И я намерен отдать эту цаплю самому большому трусу из тех, кто когда-либо жил на земле: Эдуарду Людовику (то есть Эдуарду III), лишенному прекрасной французской земли, которой он наследник по праву; но мужество оставило его, и из-за собственной трусости он так и умрет, не овладев ею».

Согласно поэме, Эдуард ответил на эти слова клятвой «пересечь море, взяв в собой своих подданных… Разжечь в стране пожар и… ждать моего смертельного врага, Филиппа Валуа, который носит геральдические лилии… Я не признаю его власть, можете быть уверены, и я буду вести войну с ним словом и делом».

«Обеты цапли» – чисто пропагандистское произведение; его задачей было изобразить Роберта Артуа коварным провокатором, а Эдуарда – хвастливым безнравственным агрессором. Но автору удалось заставить поверить доверчивую публику, что все именно так и было. В конце концов, Эдуард действительно дал приют

Роберту Артуа, что обеспечило Филиппу *casus belli*. В декабре 1336 года Филипп отправил послов в Гасконь, чтобы потребовать экстрадиции Роберта. Требование было отклонено, а через год Эдуард отправил послов в Париж к «Филиппу Валуа, который называет себя королем Франции». Дипломаты отозвали ленную присягу английского короля; предсказуемым и немедленным ответом Филиппа стала официальная конфискация Понтье и Гаскони. Война началась.

Собственно говоря, в 1340 году, когда Эдуард стоял на помосте в Генте, Англия и Франция уже три года находились в состоянии войны. Конфликт был по большей части вялотекущим: стороны переманивали друг у друга союзников и меняли позиции. Эдуард сконцентрировал свои военные усилия на территории исторических Нидерландов: он выплатил графу Геннегау, герцогу Брабантскому и другим союзникам десятки тысяч фунтов взяток в попытке сколотить крупный альянс против французского короля. Эту стандартную дорогостоящую тактику Эдуард подкрепил, купив у императора Людвига IV Германского титул императорского Генерального викария, дававший ему верховную власть над вельможами Северной Франции. Единственное крупное столкновение, прервавшее эту разорительную дипломатическую войну, случилось осенью 1339 года, когда Эдуард ввел войска в Северную Францию и начал агрессивную кампанию на пограничных территориях Камбрези и Вермандуа. Филипп тем временем отправил армию в Гасконь, углубившись на юг до Бордо.

Но это были лишь предварительные стычки. В 1340 году, когда Эдуард официально заявил права на французский трон, война перешла в новую стадию, и продлится она больше века, пока не исчерпаются последствия той речи в Генте.

Этой войне суждено было выйти далеко за рамки традиционных англо-французских войн. Разумеется, по сути она по-прежнему представляла собой противостояние между французским королем, настаивающим на своих правах, и Плантагенетом – лордом Аквитании, изворачивающимся, чтобы выказать как можно меньше почтения. Англия следовала знакомой схеме: подкупать вельмож и правителей Фландрии и восточных окраин Франции, формируя военный альянс на севере, и одновременно готовить армию, чтобы вести кампанию на юге. Но вспомнив о своих династических притязаниях на французский трон, Эдуард готовился полностью изменить отношения между королевскими домами Франции и Англии.

К октябрю 1337 года он стал в посланиях именовать себя королем Франции и Англии, а три года спустя прямо и

недвусмысленно заявил о своих требованиях на церемонии в Генте. Это была уже не война между сеньором и вассалом. Это была война за престолонаследие.

В бурном море

В надвигающихся сумерках вечером 24 июня 1340 года, через шесть месяцев с того дня, как он объявил себя королем чуть ли не всей Западной Европы, Эдуард стоял на палубе своего флагманского корабля, когга «Томас» (коггом называли крупное торговое судно, оснащенное единственным квадратным парусом), и вглядывался в море у берегов Слёйса, во Фландрии, море, вспененное кровью десятков тысяч французов. Он был ранен в ногу, но дело того стоило. Он видел, как развернулось ожесточенное сражение, в котором сошлись 213 французских и генуэзских кораблей колоссального военно-морского флота Филиппа VI и от 120 до 160 английских парусных судов, которые за два дня до этого покинули Восточную Англию под его личным командованием. Англичане одерживали безжалостную блистательную победу.

Эдуард пересек пролив, чтобы высадить армию на берегах Фландрии. Эта отчаянная вылазка была вызвана исключительными обстоятельствами. За два месяца до того его друзья и союзники, графы Солсбери и Саффолк, попали в плен в бою у Лилля. Французы заняли Фландрию и держали королеву Филиппу в заложниках в Генте. Французские корабли патрулировали Ла-Манш, угрожая погубить английскую торговлю шерстью, и два года подряд южное побережье Англии подвергалось налетам французских пиратов, оставивших от города Саутгемптон одни дымящиеся стены.

Эдуард уже несколько месяцев строил планы полномасштабного вооруженного вторжения. Конечно, их не удалось сохранить в тайне от Филиппа VI, и французы собрали у берегов Нормандии и Пикардии огромный флот с целью блокировать порты и помешать высадке английской армии. И теперь Эдуард, обозревая побережье, видел французские суда, выстроенные тесным порядком: бросив якоря, корабли, сцепленные друг с другом, в три ряда перекрывали устье реки Звин.

Проведя ночь на якоре в виду устрашающего леса мачт и бронированных носов кораблей французского флота, около трех часов утра Эдуард приказал своим кораблям двигаться к устью Звина. Они подошли с юго-запада, по ветру; солнце вставало у них за спиной. Оказавшись в пределах видимости врага, Эдуард, должно быть, ощутил приступ тревоги, даже страха. Он собирался вступить в бой с одной из крупнейших армад, когда-либо бороздивших пролив. Поражение грозило полным крахом.

Когда корабль Эдуарда сблизился с французами, он встретился с внушительным флотом. В первой линии стояли самые большие корабли, когда-либо выходившие в Ла-Манш: на коггах находились сотни солдат; палубы ощетинились арбалетами. Был там и «Христофор», огромный корабль, отбитый у англичан несколько месяцев назад; за коггами качались на волнах суда поменьше: в третьей линии стояли торговые корабли и королевские галеры.

Разношерстный английский флот при Слёйсе состоял из могучих коггов, небольших галер и торговых судов, реквизированных для нужд армии из гаваней на побережье Англии. Они отплыли во Францию вопреки мольбам и предупреждениям министров Эдуарда III, предостерегавших его, что французский флот так велик, что прямое столкновение означает неминуемую гибель и разгром небольшой английской эскадры. Эдуард, упрямый и целеустремленный, отправился в путь из Орвелла, оставив своих советников – во главе с архиепископом Кентерберийским Стратфордом – терзаться грубым укором: «Трусы могут сидеть дома».

Средневековое морское сражение мало отличалось от сухопутного. Маневров и погонь было немного: два флота сходились, сталкивались бортами, солдаты карабкались на палубы, а далее следовал отчаянный и кровопролитный ближний бой. На деревянных палубах судов шли в ход практически те же самые тактики, что и на полях сражений. Хотя на кораблях стояли гигантские приспособления, метавшие во врага камни и мощные болты, сплошь и рядом основной урон наносили обычные стрелы, арбалетные болты и безжалостные удары дубинок и палиц. «Эта великая морская битва была такой страшной, – писал летописец Джеффри Бейкер, – что только дурак осмелился бы наблюдать за ней, хотя бы и с расстояния».

Французов, которыми командовали Гуго Кирье и Николя Бегюше, погубило решение сцепить суда вместе в три ряда поперек устья Звина и полностью пожертвовать мобильностью ради того, что считалось – но не оказалось – надежностью тесно сомкнутых рядов. Два ряда кораблей, стоявших позади первой линии, не были задействованы в бою – им мешали суда, стоявшие перед ними, и, когда англичане атаковали, французы не смогли уклониться от лобовой атаки.

Битва свелась к безжалостному ближнему бою. Воздух заполнился сигналами труб, барабанным боем, свистом стрел и грохотом, какой издавали огромные суда, сталкиваясь друг с другом. Английский флот атаковал французов волнами. Английские лучники и французские арбалетчики обменивались

дождем острых стрел и болтов, а английские корабли врезались во вражеские суда и сцеплялись с ними крюками и баграми. Лучники занимали выгодные позиции на высокой корме и на мачтах, и, когда они перестреляли достаточное число обороняющихся, латники взобрались на французские суда, сея смерть и разрушение.

Французы были окружены и уничтожены. «Это была действительно кровавая и смертоносная битва», – писал Фруассар, великий французский хронист, который заметил, что «морские сражения всегда яростнее сухопутных, потому что отступление и побег невозможны. Каждый воин вынужден рисковать своей жизнью и надеждами ради победы, полагаясь лишь на личную храбрость и умение». В бою пало от 16 000 до 18 000 французов и генуэзцев, убитых на палубе или сброшенных в воду. Погибли оба французских главнокомандующих: Кирье был убит при абордаже судна, а Бегюше повесили на мачте.

Это была одна из первых величайших морских побед в английской истории. Англичане и их фламандские союзники радовались и праздновали победу, не веря сами себе. Почти весь французский флот был уничтожен или захвачен, что в мгновение ока обезопасило передвижение английских торговых кораблей по Ла-Маншу и лишило Филиппа шанса изолировать Англию от континента. Потери только с французской стороны были шокирующе велики. Хронист Томас Бертон писал, что «еще три дня после битвы казалось, что крови в Звине было больше, чем воды. И столько было мертвых и утонувших французов и нормандцев, что в насмешку говорили: если бы Господь дал рыбам дар речи после того, как они полакомились таким количеством мертвецов, то они смогли бы бегло разговаривать по-французски».

Столетия спустя при Елизавете и короле Иакове флот, сражавшийся при Слёйсе будет восприниматься как исторический предвестник Непобедимой армады. Драматург XVI века, автор пьесы «Эдуард III» (соавтором которой считается Шекспир, но следующий отрывок ему не приписывается), так будет представлять себе итоги сражения:

Кругом от крови раненых все море
Окрасилось в багряный цвет так быстро,
Как будто кровь широкими ручьями
Из кораблей простреленных лилась.
Здесь голова оторванная, там
Поломанные руки, ноги, словно
Сухая пыль, подхваченная вихрем, –

По воздуху летели и кружились[11].

Этими словами битва при Слёйсе была впоследствии увековечена в истории английских морских сражений. Но в 1340 году это была всего лишь одна победа посреди неутихающего ропота.

За три года боевых действий война Эдуарда с Францией легла на английское правительство и систему финансов бременем более тяжким, чем любое другое военное предприятие со времен Третьего крестового похода. Слёйс был великой победой, без сомнения. Но досталась она недешево.

Эдуард затеял самую крупномасштабную войну из возможных – не по средствам даже королю Плантагенетов, который, что неудивительно, влез в итоге в огромные долги. Хроники Ланеркоста оценивали выплаты Эдуарда его фламандским и германским союзникам в 1337–1340 годах в «одну тысячу марок в день, согласно другим источникам – две тысячи». Это конечно, преувеличение, но не такое уж большое.

Уже к 1340 году, когда Эдуард стоял на борту когга «Томас» и смотрел, как горят французские корабли, он вложил в эту войну 400 000 фунтов, большую часть которых занял у итальянских банкиров, в основном у Барди и Перуцци во Флоренции, хотя у него были открыты крупные счета и у Портинари из Флоренции, и у Бусдрахи из Лукки, а также у банкиров и торговцев Ганзейского союза и Нидерландов. В Англии купец с севера страны Уильям де ла Поль организовал королю еще более крупный заем у торговых синдикатов Лондона и Йорка, ссудивших короне сотни тысяч фунтов. Хотя ростовщичество было по-прежнему под запретом, банки и торговцы-христиане задействовали разнообразные бухгалтерские хитрости, чтобы скрыть тот факт, что ссудный процент достигал 40 %. В качестве финансового обеспечения займов выступали королевские венцы и драгоценности, а также груды золотой и серебряной утвари, насильственно изъятой в английских монастырях. Огромные долги, которые Эдуард набрал по всей Европе, уже начинали доставлять ему проблемы. Ровно через месяц после уничтожения французского флота кредиторы арестовали в Брюсселе графов Нортгемптона, Уорика и Дерби. Их удерживали в качестве гарантии оплаты просроченных долгов, и их освобождение стоило Эдуарду больших усилий.

Англия отдувалась за новую войну Эдуарда. Ее последствия ощущали все слои населения. Налоги взимались часто и помногу – 1/10 и 1/15 доли имущества взыскивались со страны в

1337, 1338 и 1339 годах, а в 1340 году последовал общий налог в 1/9. Король без зазрения совести прибегал к ненавистной практике реквизиций. Правительство делало попытки повлиять на рынок шерсти, продавая крупным купцам монопольные права на торговлю, но этот прожект провалился.

Народные песни протеста отражали негодование бедноты, пытавшейся выдержать требования правительства, обиравшего их так, как ни одно прежнее. Баллада, известная сегодня как «Песня против королевских налогов», сетует, что «такой оброк никак не должен длиться долго; что можно взять из пустого мешка, кто может потрогать то, чего нет? Людей довели до крайности; им нечего больше отдать; был бы у них предводитель, они подняли бы восстание. Лишения часто затуманивают разум».

Крестьянин, родившийся в 1300 году, должен был быть очень везучим, чтобы отметить свой 40-й день рождения в год победы при Слёйсе. А если бы это ему удалось, на его долю выпали бы постоянные войны на двух фронтах, семь лет Великого голода, за которым последовал период сокращения заработков и ужесточения налогов, обременительных и непрерывных. Такая жизнь, по контрасту со слухами, что Эдуард III использовал свои дорогостоящие кампании во Фландрии как повод устраивать роскошные и расточительные турниры, не способствовала спокойному существованию. В ближайшие 40 лет Англии не грозили неистовые крестьянские бунты, но в 1340 году хроническая нужда Эдуарда в деньгах опять погрузила страну в политический кризис, подобные которому одолевали его деда в 1297 году и омрачили чуть ли не все царствование его отца.

Кризис 1341 года

Бурное море швыряло корабль короля три дня, прежде чем он, покинув берега Фландрии, добрался до устья Темзы. Заканчивался ноябрь 1340 года, и с приближением зимы пересекать Ла-Манш становилось все опаснее. Но, безрассудный и злой как черт, Эдуард горел желанием задать трепку королевским министрам – а заодно и Англии – со всей своей неукротимой энергией. Война с Францией застопорилась: королю не хватало денег, триумфов и союзников. И Эдуард убедил себя, что во всем виновата оставленная им в Вестминстере регентская администрация во главе с Джоном Стратфордом, архиепископом Кентерберийским.

Король не только уверовал, что ему намеренно не выделяют средств, необходимых для ведения войны; стрессовая ситуация давила на него, и Эдуард начал думать, что враги хотят его гибели. «Я верю, что архиепископ, лишив меня денег, желал, чтобы я был предан и убит», – писал он позже папе римскому. Король решил вернуться из Фландрии в Англию и лично наказать виновных.

В церквях давно уже затих вечерний звон, когда корабль достиг Лондона. Вечером 30 ноября 1340 года серые воды устья Темзы были так неспокойны, писал автор летописи, известной как *Scalachronica,* что Эдуард сам «подвергался опасности утонуть». Около полуночи капитан причалил к пристани у Тауэра. Промокшие мрачные пассажиры сошли на берег при мерцающем свете факела. Мокрые, замерзшие и уставшие, они смотрели на Тауэр, который, казалось, погрузился в сон. Не было слышно ни звука; на крепостных стенах не было заметно никакого движения. Возвращения короля явно не ожидали. Однако с наступлением темноты крепость в любом случае должна была находиться под бдительной охраной – а их никто не встретил.

Увидев, что в разгар войны никто не сторожит крепость Лондона, Эдуард пришел в ярость. Он ворвался в Тауэр, пронесся по крепости с инспекцией и принялся составлять список людей, которых желал видеть немедленно: казначей, канцлер и чиновники их ведомств; судьи; мэр Лондона и лондонские купцы, ответственные за торговлю шерстью; и, конечно, комендант Тауэра, чьим заботам была вверена главная цитадель столицы, возмутительным образом оставленная без охраны.

Гнев Эдуарда легко понять. Война – предприятие, в которое он вложил так много денег, – три года сводилась к случайным стычкам, а теперь практически полностью обанкротилась. При

Слёйсе англичане одержали крупную победу, но дальше оказались в патовой ситуации, которая к тому же дорого им обходилась: Филипп VI старательно уклонялся от любых попыток втянуть его в бой. Он отклонил эксцентричное предложение английского короля устроить личную дуэль или организовать сражение, выставив по сотне рыцарей с обеих сторон. Пятидесятилетний приземистый французский король разумно рассудил, что в первом случае у него нет шансов устоять против энергичного 28-летнего Плантагенета, а во втором он ничего не выигрывает, но потерять – в турнире, где на кону такая высокая ставка, – может все.

Эдуард посчитал отказ личным оскорблением; две военные операции, последовавшие за отвергнутым предложением, бесславно провалились. Нападения на пограничные города Турне и Сент-Омер дорого обошлись в плане денег и живой силы, но не привели ни к чему, кроме кровопролития и отступления. Шевоше – вооруженные конные налеты на вражескую территорию с единственной целью посеять ужас и хаос среди местного населения – возможно, доставляли удовольствие исполнителям, но стратегическому продвижению никак не способствовали. Эплешенский договор, который подвел итог сезону бесплодных кампаний, устанавливал мир на всей земле от Шотландии до Гаскони, но вряд ли знаменовал то победоносное возрождение Англии, о котором мечтал Эдуард, объявляя войну три года назад.

Эдуард не сомневался, что причина английских неудач после Слёйса – хронический недостаток финансирования. Он задолжал фламандским союзникам кучу денег и не мог продолжать военные действия, пока не выплатит гигантские суммы, обещанные им за поддержку. А чтобы король мог сделать это, его министры должны были выжимать из страны деньги – неважно, какими средствами. Эта заминка и породила серьезнейший кризис в истории царствования Эдуарда.

1 декабря 1340 года, наутро после первых гневных тирад в Тауэре, Эдуард принялся за полномасштабную чистку правительства. Он увольнял чиновников, начиная с самых высокопоставленных, а затем спускался ниже по иерархической лестнице. Первыми покинули свои посты канцлер и казначей. Затем король приказал арестовать главного судью по гражданским делам (одного из двух главных судей Англии), четырех других судей, коменданта Тауэра и трех крупнейших английских торговцев. Своих должностей лишилось множество служащих казначейства, а оставшимся приказали провести полную проверку всех последних операций. Выказав совершенное

отсутствие доверия этому учреждению, Эдуард приказал направлять налоговые поступления напрямую в чрезвычайное казначейство Тауэра.

Королевских служащих в графствах прочесали частым гребнем: Эдуард проредил таможенных чиновников, заменил почти половину шерифов, всех коронеров и судебных приставов, ответственных за сбор королевских доходов в графствах. Королевские комиссии oyer and terminer, наделенные правом разбирать жалобы на злоупотребление властью со стороны королевских чиновников за все годы правления Эдуарда III и Эдуарда II, переезжали из графства в графство, искореняя коррупцию.

Затем Эдуард принялся мстить архиепископу Кентерберийскому. Стратфорд возглавлял регентский совет и потому, по убеждению короля, нес полную ответственность за все обнаружившиеся недоработки английского правительства. Канцлером, которого Эдуард уволил в Тауэре, был брат Джона, Роберт Стратфорд, епископ Чичестера. В гневных письмах и публично король обвинял Джона Стратфорда в том, что тот ограничивал его в средствах, препятствовал утверждению парламентом новых налогов и превышал свои полномочия.

Стратфорд тем не менее остался непоколебим. Он считал, что во всех бедах виновата не его регентская администрация, но сам король, который предъявлял стране непомерные требования, следовал советам своих невежественных друзей и вел себя как тиран: массово арестовывал подданных и угрожал Церкви в лице архиепископа Кентерберийского. На письма Эдуарда он отвечал, не стесняясь в выражениях. Он называл Эдуарда «новым Ровоамом», намекая на библейского короля, который игнорировал советы мудрых, прислушивался к словам юнцов – своих друзей, и притеснял народ.

Это был болезненный укол. Ровоама помнили по словам, сказанным им народу Израиля: «Отец мой обременял вас тяжким игом, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (Третья книга Царств, 12:11). На случай, если Эдуард не поймет намека, Стратфорд расшифровал свое сравнение. Он обвинил Эдуарда в нарушении Великой хартии вольностей и коронационных клятв, предупредив его: «Вы хорошо знаете, Ваше Величество, что случилось с Вашим отцом».

На Рождество и ранней весной Эдуард устроил свои обычные расточительные турниры по всей стране. Эпистолярная война со Стратфордом шла своим чередом: Эдуард и его советники с невероятной злобой сыпали оскорблениями, которые Стратфорд

назвал *libellus famosus* («отъявленной клеветой»): в запале король обвинил архиепископа в предательстве.

Ситуация складывалась опасная. Эдуард небезосновательно был недоволен своими неумелыми управленцами, но, обвиняя архиепископа Кентерберийского в измене, он навлекал на себя подозрения в тирании. Стратфорд не позволил себе бурной реакции на злобные выпады короля, отклонил большую часть обвинений, выдвинутых против него, и потребовал права высказаться в свою защиту в парламенте. Распалившийся король начал пересыпать свои письма личными оскорблениями. Конфликт грозил стать повторением самого бесславного эпизода в истории Плантагенетов. Стратфорд, пылко возражавший королю, конечно, знал о прецеденте: о том, что случилось с его предшественником Томасом Бекетом.

Дело перешло в решающую стадию, когда был созван мартовский парламент 1341 года. Используя в качестве предлога невыплату налогов, Эдуард приказал своим слугам попросту не пускать Стратфорда в Расписанную палату Вестминстерского дворца, где заседал парламент. Зато он пригласил туда нескольких своих придворных и советников, которые не имели права голоса. Возмущенный Стратфорд упрямо торчал под дверью палаты при всех своих архиепископских регалиях, отказываясь двинуться с места, пока его не впустят. Противостояние тянулось три дня, пока не вмешался граф Суррей, сказавший королю: «Парламенты такими быть не должны. Ибо не допускаются те, кто должен быть здесь прежде всего, а вместо них сидят другие, низкого положения, не дело которых быть здесь». Стратфорду разрешили войти в палату и выслушать 32 обвинения в должностных преступлениях.

Если Эдуард думал, что одержал верх, он ошибался. В последующих дебатах стало ясно, что гневливый король переоценил свои силы. Члены парламента полностью встали на сторону архиепископа. Петиции в его поддержку представили крупные магнаты и прелаты, горожане Лондона и палата общин. Король, который хотел сохранить трон, мало что мог противопоставить такой оппозиции. 3 мая 1341 года Эдуард был вынужден униженно уступить. При посредничестве графа Солсбери и других лордов-лоялистов короля убедили принять участие в урегулировании конфликта с парламентом и архиепископом и одобрить программу реформ, согласно которой сборщики налогов должны были теперь отчитываться перед парламентом; практику реквизиций было постановлено пересмотреть. Король пообещал, что в будущем ведущие министры государства – канцлер, казначей и судьи, лорд –

хранитель печати и главные придворные – будут приводиться к присяге в парламенте; лордов и королевских министров нельзя будет подвергать аресту и никто не сможет судить их, «кроме как в парламенте судом равных».

К счастью для Эдуарда, это было самое мирное окончание полномасштабного политического кризиса, достигнутое в Англии с 1297 года. Драматический эффект и воодушевление, сопровождавшее его тайное вторжение в Тауэр, растворилось в публичном конфузе в парламенте. Он с пафосом, достойным Генриха II, поклялся никогда не назначать представителей духовенства на министерские должности – и вообще никого, кого он не сможет повесить, выпотрошить и обезглавить, если его подведут. Но это была лишь рисовка, никак не изменившая судьбоносного воздействия, какое кризис 1341 года оказал как на ход войны с Францией, так и на управление королевством. Личный конфликт Эдуарда с архиепископом и его попытка наказать министров помогли ввести в действие положение, согласно которому деятельность ведущих королевских чиновников будет строго контролироваться парламентом. Так был заложен механизм, с помощью которого Англия сможет решать политические кризисы, не допуская кровавой гражданской войны.

Более того – возможно, довольно неожиданно – своими скупыми уступками Эдуард заработал достаточно политического капитала, чтобы обсудить новый источник финансирования войны. Вместо того чтобы облагать налогом в 1/9 движимое имущество и прибегать к принудительным займам, парламент разрешил королю ввести прямой налог на шерсть – главную статью английского экспорта, – который оказался потрясающе доходным. Корона разжилась почти 30 000 мешков шерсти на продажу; их совокупная стоимость равнялась 126 000 фунтов, что сделало налог на шерсть крупнейшим из всех, востребованных в Англии с конца правления короля Иоанна.

Королева Филиппа во время всех этих пертурбаций находилась в Кингз-Лэнгли, где 5 июня 1341 года родила еще одного сына. Ему дали традиционно английское имя Эдмунд и в ознаменование его рождения устроили турнир. Съехавшаяся на турнир знать потом всем скопом отправилась в Лондон, чтобы принять участие в серии военных советов, решая, как приступить к следующему этапу противостояния с Францией. От Эдуарда не ускользнуло, что своим выживанием в распре со Стратфордом он был обязан тому факту, что ни один крупный аристократ не пошел против него так, как некогда выступали против короны Томас Ланкастерский или Симон де Монфор. Несмотря на

сложное положение в войне с Францией, изнурительные финансовые требования Эдуарда и его безрассудное упрямство в конфликте со Стратфордом, события 1341 года не вылились в вооруженное противостояние короне, подобное случившемуся недавно, в 1328–1329 годах, когда Генри Ланкастер столкнулся с Роджером Мортимером. В тисках кризиса стало ясно, что с авторитетными людьми королевства Эдуарда связывают могучие и необычно крепкие узы. И через некоторое время обе стороны по достоинству оценят выгоду таких отношений.

Доминирование

Знойным июлем 1346 года английская армия маршировала по разоренным, пылающим адским пламенем прибрежным районам Нормандии. Повсюду вокруг поля, подожженные мародерствующими бандами, вспыхивали жутким оранжевым светом. Позади них лежали в руинах опустевшие города и деревни, сожженные и разграбленные, в ужасе покинутые жителями. Дороги, ведущие вглубь страны, были забиты беженцами, спасавшимися от жадной пасти войны, втягивающей в себя все на своем пути. В середине июля гигантский флот в 750 кораблей прибыл во Францию, и на берег хлынули тысячи солдат из Англии и Уэльса. Ими командовали английские аристократы и рыцари из мелкопоместных дворян, но сеющая ужас толпа не подчинялась никому.

По ходу движения войска растекались по плодородной земле Нормандии на 12–15 миль в ширину, сжигая и уничтожая все, что попадалось им на пути. Летний воздух, должно быть, густел от удушающего дыма и полнился криками крестьян, которые не смогли или не успели убежать. Армия продвигалась по вражеской территории в нескольких милях от берега, а 200 кораблей английского военного флота курсировали вдоль побережья, обеспечивая снабжение войска; моряки высаживались на берег и стирали с лица земли все без исключения поселения, мимо которых проплывали. По оценкам одного из королевских служащих, буквально все на пять миль вглубь было разрушено и разорено.

Когда-то это была земля Плантагенетов. Давным-давно, когда на троне сидел Иоанн, ее жгли и грабили короли Капетинги, пробивая себе путь на запад. Теперь же прапраправнук Иоанна Эдуард III сводил счеты, погнав армию вторжения численностью примерно в 10 000 человек в противоположном направлении: через герцогство Нормандское к Сене и двум великим городам, Руану и Парижу.

Между 1341 и 1346 годом война не утихла, скорее обострилась. В июле 1341 года, когда Давид II вернулся из Нормандии и сместил Роберта Стюарта с поста хранителя королевства, Эдуард потерпел поражение в Шотландии. Давид восстановил в стране самодержавие семьи Брюсов, и в 1343 году Эдуарду пришлось подписать с ним мир сроком на три года. Можно было бы удивиться, что Эдуард не отреагировал агрессивнее на восстановление на троне его зятя Давида, если бы не события на другом берегу пролива: в апреле 1341 года

скончался герцог Жан III Бретонский, и Эдуарду представилась возможность продолжить конфликт с Францией чужими руками. Теперь фокус конфликта дома Плантагенетов и дома Валуа сместился на кризис преемственности в Бретани, где Эдуард поддерживал Жана де Монфора, а Филипп – своего кузена Карла Блуа.

Война за Бретонское наследство длилась, затухая и разгораясь, пять лет. Материально-техническое снабжение военных действий на северо-западе Франции давалось нелегко; потери были значительны: погиб Роберт Артуа, беглый враг Филиппа VI, который первым призвал английского короля заявить права на французскую корону и со временем стал достойным доверия командиром в армии Эдуарда. Роберт умер от осложнений ранения, полученного при атаке на город Ванн. Для Эдуарда, однако, цель оправдывала средства.

Амбиции короля росли. В какой-то момент между 1341 и 1343 годом он поручил подготовить копию истории царствования Генриха II, написанную Вильямом Ньюбургским, чтобы освежить память о славных днях, когда короли Англии правили Нормандией, Меном, Туренью и Анжу, а кроме того, Бретанью и всей Аквитанией. Война, по мысли Эдуарда, обретала цель значительней, чем просто сохранение статуса его гасконских земель и Понтье. Эдуард хотел перевести стрелки часов назад и вернуться ко временам, когда его предки правили обширной континентальной империей – до Парижского договора 1259 года, даже до потери Нормандии в 1204 году. В 1344 году на международный валютный рынок вышла новая золотая монета, провозглашавшая Эдуарда «королем Англии и Франции». Дело уже не ограничивалось сиюминутной риторикой. Мирные переговоры по Бретонскому вопросу, которые прошли в 1345 году в Авиньоне при посредничестве папы Клемента VI, ни к чему не привели, и Эдуард приготовился к эскалации конфликта.

Он планировал нанести удар сразу с трех сторон. Уильям де Богун, граф Нортгемптон, повел армию в Бретань. Генри Гросмонт, граф Дерби, который к тому времени стал лучшим другом короля и самым доверенным его командиром, возглавил меньшую по размеру экспедицию на юге, в Гаскони, и был назначен наместником в Аквитании. Сам Эдуард встал во главе огромного войска численностью от 14 000 до 15 000 человек, пересек Ла-Манш и высадился в Нормандии. В совокупности три армии составляли самую крупную военную силу, какая высаживалась во Франции с 1214 года, когда Иоанн пытался отвоевать Нормандию.

Английская тактика войны за время, прошедшее с 1340 года,

поменялась. Эдуард отказался от устаревшей стратегии сколачивать альянсы на северо-западе и от непосредственного вмешательства на юге. Альянсы обходились слишком дорого, а на верность союзников рассчитывать не приходилось. Одной из жертв политики заоблачных взяток, которой придерживался Эдуард, стал банк Барди, разорению которого английский король поспособствовал, когда не смог в срок вернуть крупные займы, частично потраченные им на авансы северным союзникам. К 1346 году единственными союзниками Эдуарда были проанглийская фракция в Брета и Фландрия. Поэтому все солдаты, призванные под королевские знамена в 1346 году, прибыли на континент из Англии.

Люди, высадившиеся с королем в Сен-Вааст-ла-Уг 12 июля 1346 года, говорили на одном языке. Их боевым кличем было «Святой Георгий!». (Французы кричали «Монжуа Сен-Дени!».) Специальности у них были разные: добрая половина была лучниками, научившимися в родных деревнях более-менее метко стрелять из смертоносного длинного лука. Остальные были инженерами, минерами, землекопами, клерками и слугами. Многие были призваны на обязательную службу, а некоторые были преступниками, помилованными в обмен на службу в армии. Все были соответствующе снаряжены и обеспечены изрядным количеством припасов и оружия, в принудительном порядке закупленным в ходе усердной подготовки к войне. Они привезли с собой тысячи выкрашенных в белый цвет луков и стрел и больше еды, чем могли съесть за то время, пока она не испортится.

Ступив на французскую землю, армия получила от Эдуарда приказ не притеснять местное население, не грабить святилища и церкви, не устраивать бессмысленных поджогов. Король призывал к сдержанности, печалясь о том, что королевские прокламации называли «безотрадной судьбой… его французского народа». Тщетная надежда! Эдуард привел с собой старых и опытных воинов, возглавлявших обученные отряды конных лучников, хобеларов и латников, но король никоим образом не мог сказать, что в его распоряжении – единая, вымуштрованная армия. Размер сил вторжения был беспрецедентным: значительную часть пехоты составляли насильственно мобилизованные, плохо экипированные и недисциплинированные йомены, еще в Англии взбаламученные неустанной королевской пропагандой, обличающей Филиппа VI и всех французов как диверсантов и агрессоров, которые хотят завоевать Англию, заставить ее население говорить на французском языке и подстрекают шотландцев вторгаться в северные графства. Никакие

дисциплинирующие директивы не могли помешать им, словно своре обезумевших псов, разнести Нормандию в клочья.

Армия маршировала по сельской местности, убивая и терроризируя население. Флаги и копья трех подразделений колыхались над ними. Арьергард возглавлял Томас Хатфилд, воинственный епископ Дарема. Король командовал центром. Авангардом номинально командовал старший сын Эдуарда – Эдуард, принц Уэльский и герцог Корнуоллский. Шестнадцатилетний, высокий и притягивающий взгляды, храбрый молодой солдат, копия отца. Его посвятили в рыцари сразу по высадке с корабля, вместе с еще несколькими молодыми воинами: Уильямом Монтегю, сыном графа Солсбери, и Роджером Мортимером, внуком человека, смещенного в результате переворота. Графы Нортгемптон и Уорик ехали рядом с Черным принцем, давая ему советы.

Подготовку ко вторжению держали в секрете. До того как огромная армия короля покинула английский берег, очень немногие знали, куда она направляется. Филипп VI получил информацию, что король собирается в Гасконь, чтобы помочь Генри Гросмонту (который после смерти отца в 1345 году унаследовал титул графа Ланкастерского) снять осаду Эгийона, города, расположенного в месте слияния рек Лот и Гаронна, далеко на юго-западе страны. Осадой командовал сын Филиппа Иоанн, герцог Нормандии; так что, когда основные силы вторжения Эдуарда высадились в Сен-Вааст-ла-Уг, они не встретили серьезного сопротивления.

Армия достигла Кана 26 июля. После коротких переговоров с гарнизоном замка англичане пронеслись по богатому жилому пригороду, оставив на улицах 2500 изуродованных окровавленных тел; самых зажиточных горожан отослали в Англию в качестве заложников. Затем англичане в течение двух недель двигались вдоль южного берега Сены. Французская армия с опозданием заняла оборонительные позиции; французы сломали мосты через реку, чтобы помешать врагу форсировать ее, и следовали за захватчиками по северному берегу.

К 12 августа англичане были уже в 20 милях от Парижа. Когда горожане осознали, что такая свирепая и безнравственная армия может сделать с их жизнью и имуществом, Париж охватила паника. Крупнейший город Европы обуял ужас, и правительству Филиппа для поддержания порядка пришлось нанять пять десятков тяжеловооруженных солдат. По всему городу и в пригородах люди баррикадировали свои дома и заколачивали двери: население готовилось к уличным боям. Чуть ниже по течению Сены уже был виден дым пожаров – горели города Сен-

Клу и Сен-Жермен-ан-Ле. Англичане приближались.

Филипп VI заседал со своими советниками в Сен-Дени и не знал, что предпринять. 16 августа англичане восстановили мосты через Сену. Отчаянно пытаясь удержать их на расстоянии, Филипп предложил устроить бой на равнине в четырех милях к югу от Парижа, и французская армия выдвинулась к намеченному полю битвы.

Но англичане, вместо того чтобы отправиться на юг и дать бой или пойти на восток и осадить Париж, двигались строго на север, в направлении Фландрии, намереваясь объединить силы с фламандской армией, стоявшей недалеко от Бетюна. Они потратили на дорогу чуть больше недели и двигались с такой скоростью, что изможденная пехота износила обувь в клочья, а фуражиры обирали деревни до нитки, подчистую выгребая всю еду и припасы.

Когда англичане явились к месту встречи, они обнаружили, что фламандцы передумали и отправились по домам. Но было уже поздно уклоняться от столкновения. Старший сын Филиппа, Иоанн, герцог Нормандский, в середине августа покинул Эгийон и быстро шел на север, чтобы защитить свое осажденное герцогство. Стычка была неизбежна.

В конце концов французы и англичане встретились у леса между деревнями Креси и Вадинкур в субботу, 26 августа 1346 года. Англичане выстроились в две линии: пехота и панцирные всадники в своих впечатляющих пластинчатых доспехах, спешившиеся перед боем. Черный принц – вместе с Уориком и Нортгемптоном – командовал первой линией. Выстраивая войска, король смеялся и шутил с ними; затем он занял свое место командующего арьергардом. По обеим сторонам от пеших солдат располагались крупные отряды лучников. От кавалерийских атак их должны были защитить поставленные вокруг повозки. Именно лучники решат судьбу этой легендарной битвы.

Французы прибывали на поле боя неорганизованными группами, но их было намного больше, чем англичан, – в распоряжении Филиппа VI имелось примерно 25 000 солдат, в том числе множество генуэзских наемников. Англичан было в два раза меньше. Французский король организовал своих людей в три батальона: арбалетчики в первой линии, а за ними два кавалерийских отряда. С флангов их прикрывала пехота.

Противники стояли лицом к лицу, выкрикивая оскорбления в сторону врага, и ждали команды. Около пяти часов вечера начался дождь. Перекрывая оглушительный гул барабанов и горнов, французские арбалетчики и английские лучники дали

первый залп. Английские стрелы несли смерть: каждый лучник выпускал от пяти до шести стрел в минуту, и они градом сыпались с неба. Генуэзские арбалетчики, наемники Филиппа, более чем в два раза уступали лучникам в скорострельности, а арбалетные болты не долетали до цели. В этом заключалось и принципиальное отличие противников, и преимущество, которое еще не раз скажется на протяжении Столетней войны: длинный лук был самым страшным оружием на полях сражений.

Может, король Давид II Шотландский и рассказывал своему покровителю Филиппу VI об опустошении, произведенном английскими длинными луками при Хэлидон-Хилле; если и так, тот не усвоил урока. Французская кавалерия – до этого дня гордость и гроза Европы – увидала, как дрогнули арбалетчики, стоявшие перед ними, и приняла их замешательство за трусость. Кавалерия шла в атаку сквозь разбитые ряды арбалетчиков, но жестокий шквал белого дерева и металла, впивающегося в тела всадников, сбрасывал их с коней. Наконечники стрел вонзались в плоть людей и лошадей: все смешалось в корчащемся и кричащем хаосе встающих на дыбы животных и умирающих, объятых ужасом людей.

Пока стрелы взвивались в воздух, Эдуард отдал приказ применить еще одно новое оружие. Впервые на поле боя во Франции прогремели пушки. Англичане привезли с собой несколько примитивных устройств, в которых использовался порох: они бесконтрольно палили металлическими болтами и каменными ядрами в сторону противника. Это оружие было не таким смертоносным, как длинный лук, но, когда на фоне боя барабанов и гудения труб к свисту стрел присоединились богомерзкие раскаты пушечных выстрелов, а яростные боевые кличи рыцарей, вступающих в рукопашную, слились с ржанием обезумевших лошадей и мучительными стонами людей, умирающих, с отсеченными конечностями и выпущенными кишками, поле боя при Креси могло бы ужаснуть и самого дьявола.

Героем этого сражения позже признали Черного принца, который отважно бился в первом в своей жизни вооруженном столкновении: бросаясь в атаку, он валил людей и лошадей и выкрикивал приказы окружавшим его солдатам. В какой-то момент Эдуарда-младшего сбили с ног, и его знаменосец совершил акт абсолютного безрассудства: он немедленно бросил штандарт наземь и помог поверженному принцу встать на ноги. Фруассар записал историю, которая вошла в английские легенды. Когда схватка стала особенно горяча и принц увидел, как люди вокруг него падают один за другим, он послал к отцу с просьбой о

помощи.

«Мой сын убит или сброшен с коня?» – по словам хрониста, спросил Эдуард.

Узнав, что принц жив, но подвергается серьезной опасности, Эдуард ответил: «Возвращайтесь к нему и к тем, кто послал вас сюда, и скажите им от меня, чтобы сегодня ко мне больше не посылали, что бы ни случилось… до тех пор, пока мой сын жив… они должны позволить ему заслужить свои рыцарские шпоры».

Через несколько часов яростной кровопролитной схватки король Филипп и его союзники были обращены в бегство. Французская кавалерия атаковала умело: всадники перегруппировались и бросались в бой с невероятной смелостью и мастерством. Но они оказались беспомощны против пешего строя англичан – так же как кавалерия Эдуарда II ничего не смогла противопоставить шотландским шилтронам при Бэннокберне. Французский король потерял несметное количество солдат: 1542 рыцаря и сквайра были найдены мертвыми у переднего края, а потери среди рядовых никто даже не считал. Расстались с жизнью многие из знатных вельмож, примкнувших к Филиппу, в том числе слепой король Иоганн Богемский, подражавший сэру Жилю д'Аржантану, павшему герою Бэннокберна. Услышав, что французы уступают, слепой король приказал провести его в гущу битвы, точно зная, что будет убит. Его тело нашли привязанным к павшим товарищам, которые отважно присоединились к самоубийственной миссии короля. Кроме него, погибли еще два герцога и четыре графа. Всем им победившие англичане устроили почетные похороны.

Эдуард отправил в Англию донесение о победе, хвастаясь в письме к парламенту, что «уложил целую армию французов». Новость со скоростью пожара распространилась по стране через сеть доминиканских монахов, которых королевское правительство использовало как путешествующих глашатаев. Все понимали, что битва при Креси стала действительно громогласной, потрясающей победой. Для народа Англии она стала осязаемой наградой за все трудности, с которыми столкнулось население, оплачивая содержание своей разудалой армии. Пропагандистская ценность победы была несомненна. К тому же в октябре силы под командованием Ральфа Невилла, Генри Перси и Уильяма Зуша, архиепископа Йорка, разбили крупное шотландское войско при Невиллс-Кроссе в графстве Дарем. Англичане взяли в плен четырех шотландских графов; маршал, гофмейстер и констебль Шотландии были убиты, погиб и граф Морей. Военное превосходство Шотландии испарилось в один день, а король Давид II был схвачен и доставлен в Англию, где и проведет

следующие 11 лет.

Битва при Креси стала переломным моментом в истории средневековых войн. Новые, более профессиональные методы вербовки и радикально пересмотренные тактики боя доказали свою эффективность не только в стычках с шотландцами, но и в столкновении с мощной французской армией.

Для английской военной машины 1346 год стал очень удачным, но он не положил конца войне. Причиной тому было противоречие, лежавшее в основе тактики Эдуарда: несмотря на то что английская армия нанесла сокрушительное поражение объединенным силам французского короля и его сына, победа Англии не внушила народу Нормандии никакой любви к английскому правлению и не заставила их предпочесть английского короля французскому. Разгромив Филиппа VI, герцога Нормандии и их союзников при Креси, Эдуард не разрушил французского военного потенциала и не нанес урона политической мощи Филиппа в целом.

Обе армии оставались на позициях. Остаток лета граф Ланкастер руководил операциями у границ Гаскони. Сэр Томас Дагворт одержал выдающуюся победу в Бретани, где он разбил и взял в плен Карла Блуа в Ла-Рош-Дерьен. Тем временем Эдуард III и Черный принц в сентябре 1346 года начали безжалостную осаду Кале, которая продлится до октября 1347 года.

Осада Кале была в каком-то смысле событием более масштабным, чем даже битва при Креси. В ней приняло участие почти 26 000 человек – это была крупнейшая английская армия, отправлявшаяся в поход за всю историю Столетней войны. У стен Кале отметились все английские графы, за исключением четверых, что были слишком стары или немощны. Финансовое бремя, возложенное на Англию, вынужденную более года содержать громадное войско, было чудовищным: правительство востребовало в военный фонд целый ряд новых товаров и экспортных пошлин, что вызвало всенародный ропот. Однако победа при Креси изменила статус Эдуарда. Хронист Жан Лебель писал, что 1346 год перевернул представление об англичанах, превратив их в глазах европейцев из отсталой расы в самый благородный и славный народ на земле. Когда англичане стояли лагерем у стен Кале, этот общенациональный съезд великолепных воинов являл собой цвет рыцарства – и грозную армию захватчиков.

А тем временем жители города, запертые в его стенах, потеряли всякую надежду и так оголодали, что начали есть кожаные седла. Они продержались год, и все это время Филипп VI пытался отвлечь англичан от Кале, подводя свои войска

достаточно близко, чтобы соблазнить врага генеральным сражением. К октябрю 1347 года стало ясно, что англичане не уйдут, и делегация горожан явилась сдаваться Эдуарду с веревками на шее, символизирующими их полное подчинение. В тщательно срежиссированной демонстрации своего могущества и рыцарского великодушия Эдуард позволил королеве Филиппе вымолить пощаду для членов делегации. Замызганных просителей освободили, но город перешел в руки англичан и оставался в их власти 200 с лишним лет. Король и его соратники вернулись в Англию как герои-завоеватели.

1346–1347 годы стали одним из самых знаменательных и кровопролитных периодов в истории Плантагенетов. Но на заднем плане сцен героизма и жестокости, сопротивления и лишений маячила иная, жуткая разновидность смерти, которая уже собиралась с силами у границ Европы: зародившись в азиатских степях, она проникала на континент через порты, торгующие с Востоком. Погибель путешествовала со скоростью, недоступной и самой грозной армии христианского мира. В 1347 году пришла чума.

Смерть принцессы

Английское лето 1348 года выдалось сырым, но страна вопреки погоде сияла торжеством. В октябре прошлого года король вернулся в Англию с победой. Кале был взят. Продвижение французов в Гаскони остановлено. Филипп VI унижен как на поле боя, так и на переговорах, подготовивших годичное перемирие. Шотландцы повержены.

Королевская семья, как и вся страна, праздновала победу с размахом. Торжественные церемонии и гуляния шли полным ходом, начиная с устроенного на Рождество карнавала, ради которого придворные разоделись в диковинные маски и наряды. Знатные гуляки красовались друг перед другом в костюмах кроликов, драконов, фазанов и лебедей, а король и его рыцари щеголяли в великолепных зеленых мантиях и павлиньих перьях. Когда Рождество закончилось, был составлен календарь турниров. С февраля по сентябрь в Рединге, Бери-Сент-Эдмундсе, Личфилде, Элтаме, Виндзоре, Кентербери и Вестминстере устраивались рыцарские поединки, развлечения и забавы.

На каждом турнире король уделял пристальное внимание зрелищности представления. Часто это было феерическое и всегда роскошное шоу: члены королевской семьи появлялись в дорогих пурпурных мантиях, сверкающих замысловатыми узорами из жемчугов и бриллиантов, вышитых на рукавах и груди. На одном из турниров король вырядился гигантской птицей, на другом одел свою команду в одинаковую униформу, голубую с белым – видимо, цвета должны были напоминать о геральдической лилии, позаимствованной с французского герба. В Личфилде король участвовал в состязаниях в цветах одного из рыцарей-ветеранов, сэра Томаса Брадестона, – великодушно демонстрируя скромность и верность боевому братству.

Любовь к рыцарству и зрелищности занимала особое место в душе Эдуарда. Даже своих знатных пленников он выставлял напоказ: короля Давида II Шотландского и всех пленных аристократов Парижа обеспечили дорогими одеждами; они купались в щедрости короля.

Гвоздем программы празднований было большое королевское семейство, продолжавшее взрослеть и умножаться. Эдуарду было всего 35 лет, а королеве Филиппе – на два года меньше, но у них уже было девятеро детей: старший, Черный принц, в свои 18 был взрослым мужчиной и героем войны, солдатом до мозга костей; младший, Уильям Виндзорский, – грудным младенцем. Малыш родился в июле; проживет он недолго.

Черный принц уже участвовал в войнах как полноценный политик и командир. Отец его обожал: сын заполнил пустоту, оставленную в жизни короля гибелью Уильяма Монтегю, графа Солсбери, смертельно раненого на рыцарском поединке в 1343 году. На тот момент Эдуард был единственным из сыновей короля, кто достиг возраста, позволявшего участвовать в сражениях. Лайонелу Антверпу было девять лет, Джону Гонту – восемь, а Эдмунду Лэнгли – семь. (Еще один мальчик, Томас Вудсток, родится в 1355 году.) В огромном выводке Плантагенетов были и четыре девочки. Изабелла (16 лет) и Джоан (15) воспитывались в той же семье, что и Черный принц, вместе с их кузиной Джоанной Кентской; Мария и Маргарет, трех и двух лет, в 1348 году были еще совсем крошками, но их уже ждали блистательные браки.

Начав свой путь к всеевропейской славе с войны против Франции, в конце 1340-х годов Эдуард принялся развивать еще одну стратегию: он хотел вплести нить семьи Плантагенетов в ткань европейской аристократии через договорные династические браки детей. Ни один король Плантагенет после Генриха II не производил на свет столько отпрысков, доживших до совершеннолетия. Хотя Лайонел Антверп еще в возрасте трех лет был обручен с наследницей графства Ольстер, для других детей, особенно для дочек, король искал союзов подальше от дома.

И вот, в августе 1348 года, в самый разгар турнирного сезона, вторая дочь короля, Джоан, готовилась оставить родительскую семью и начать новую жизнь в качестве невесты Педро, сына короля Кастилии Альфонсо XI. У Плантагенетов были давние родственные связи с Кастилией: дочь Генриха II Элеонора была замужем за Альфонсо VII, а ее внучка, тоже Элеонора, вернулась в Англию как возлюбленная королева Эдуарда I. Пятнадцатилетней Джоан все это сулило удачный брак, и приготовления к ее отплытию велись с приличествующей случаю торжественностью.

Путешествие юной принцессы началось в Портсмуте. Чтобы доставить до места назначения ее саму, ее слуг и личные вещи, снарядили флотилию из четырех кораблей. Свадебное платье принцессы дает нам представление об умопомрачительном блеске, в каком она должна была представлять свой королевский дом: Джоан собиралась выйти замуж в платье, на которое пошло 450 футов аксамита – роскошного плотного шелка, расшитого золотыми нитями.

Корабли были хорошо вооружены. Прибытие английской принцессы в Бордо – где она сойдет на берег, прежде чем отправиться на юг, в Кастилию, – должно было напомнить Аквитании о некогда безграничной власти бывшего герцога и

короля. Джоан путешествовала в компании знаменитого испанского менестреля, которого жених послал ей в качестве предсвадебного подарка, двух высокопоставленных чиновников и 100 королевских лучников. Алтарное покрывало в часовне на борту корабля Иоанны было расшито изображениями дерущихся драконов. Может, перемирие и действовало, но Ла-Манш и Гасконь по-прежнему были горячими точками, и флотилия должна была напоминать всем, кто ее видел, об английской военной мощи.

Но когда принцесса добралась до Бордо, богатство и роскошь вошли в город, который находился во власти равнодушного чудовища. Мэр Бордо, Раймунд де Бискуале, стоял на пристани, с тревогой ожидая прибытия гостей. Как только корабли появились в поле зрения, он подал зловещий знак пассажирам и команде. В городе свирепствовала чума. Сходить на берег было небезопасно.

Все, кто находился тогда на борту кораблей, должны были знать о болезни, которая меньше чем за три года добралась из азиатских степей до самого сердца Европы. Континент уже страдал от ее последствий. Французы называли чуму *la très grande mortalité*. Английское название представляло собой прямой перевод: «великий мор», буквальное описание болезни, которую историки начиная с XVI века именовали Черной смертью. Наступление чумы на фоне охватившей Европу жестокой войны Валуа и Плантагенетов перевернет образ жизни и мышления, свойственный Средневековью. В сражениях пали десятки тысяч: в городках на берегах Сены, на виноградниках Бордо, у леса Креси и у городских ворот Кале. Черная смерть сотрет с лица земли миллионы без разбора.

Чума уже пронеслась по Кипру, Сицилии, Святой земле и по странам Италии. Она попала во Францию через Марсель, а теперь безостановочно и неумолимо продвигалась на север и на юг. Она обрушилась на Арагон и Кастилию на юге и приближалась к Руану и Парижу на севере, заставив Филиппа VI бежать из столицы. (Его королева, Жанна Бургундская по прозвищу Хромоножка, умрет от чумы 12 сентября.) Черные флаги развивались над деревнями, куда проникла болезнь. Предупреждение путников оставалось единственно возможной мерой предосторожности.

Именно это попытался сделать мэр Бискуале, завидев корабли Джоан. Однако королевская делегация не отреагировала. От его предостережения отмахнулись. Англичане прибыли из страны, которую еще не затронуло бедствие, охватившее остальную Европу. С 1340 года Господь одарил англичан таким количеством побед, что принцесса и ее советники – в том числе

Эндрю Алфорд, ветеран битвы при Креси, – вероятно, уверовали, что и новая опасность их минует.

Увы. В середине августа Алфорд подхватил болезнь, которая с осени 1347 года мчалась по Западной Европе со скоростью две с половиной мили в день. Пока семья Эдуарда наслаждалась блестящей каруселью турнирной жизни, Алфорд лежал в Шато д'Омбриер и умирал медленно и мучительно, как и миллионы европейцев. У типичной жертвы чумы на коже появлялись крупные, похожие на опухоли бубоны: поначалу с миндальный орех, вскоре они достигали размера яйца. Болезненные на ощупь, раздуваясь, они чудовищно деформировали тело. Бубон под мышкой не давал больному опустить руку, и она неконтролируемо торчала вбок. Если бубон располагался на шее, голова несчастного была постоянно наклонена в противоположную сторону.

Бубоны часто сопровождались черной сыпью, которую называли «божьим знаком» – безошибочным признаком, что к несчастному прикоснулся ангел смерти. Вкупе с этим у обезображенной жертвы развивался сухой кашель с кровью, переходящий в неукротимую рвоту. Больной испускал зловоние, которое, казалось, источала каждая клетка его тела – слюна, дыхание, пот и экскременты смердели невыносимо, – а в какой-то момент несчастный начинал терять рассудок и бродил, не разбирая дороги, стеная и теряя сознание от боли.

Алфорд умер 20 августа: его судьба была решена в момент, когда он вошел в зараженный город. Смерть быстро расправилась с королевской делегацией. Принцесса скончалась 2 сентября. Она так и не надела свадебного платья и не встретилась со своим кастильским женихом. В крови и зловонии она умерла в 15 лет, на пороге юности. Единственным утешением для нее могло быть, что скончалась она девственницей и не носила во чреве дитя. Беременные женщины в предсмертной агонии неизбежно проходили еще и через родовые муки.

Сентябрь 1348 года стал горьким месяцем для Эдуарда III. Примерно в то самое время, как до него дошли известия о гибели дочери, чума добралась до южных графств, и тогда же он узнал о смерти младшего сына, трехмесячного младенца Уильяма Виндзорского. Малыша похоронили с королевскими почестями, которых не удостоилась Джоан: ее тело загадочным образом исчезло в Бордо и так и не было обнаружено.

Потеря двоих детей за месяц разбила сердца короля и королевы. Но предаваться личному горю не было времени, потому что королевство внезапно погрузилось в состояние разрухи и отчаяния. Черная смерть терзала население. Она

набросилась на страну, проникнув с корабля, прибывшего то ли в порт Саутгемптон, то ли в Мелкомб Реджис (сейчас это часть Уэймута) в Дорсете: люди начали умирать в Уилтшире, Гемпшире и Суррее. 24 октября епископ Винчестера писал, что чума «беспощадно атаковала прибрежные районы Англии» и что его «охватывает ужас» при мысли о распространении болезни.

Но чума продолжала распространяться. Между 1348 и 1351 годом многие деревни потеряли от трети до половины населения: опустошение, произведенное чумой, вдобавок ко всем бедам, совпало с чудовищным падежом скота. Хронист Генри Найтон писал, что «никто со времен Вортигерна, короля бриттов, не припомнит смерти такой неумолимой и жестокой: в те дни, как свидетельствует Беда Достопочтенный, не хватало живых, чтобы хоронить мертвых». Поселения, особенно пострадавшие от наводнения и Великого голода 1315–1322 годов, вымерли полностью. Великий мор не щадил никого, невзирая ни на добродетели, ни на высокое социальное положение. Никто не мог спастись: ни принцессы – как Джоан, ни нищие, которые истекали кровью и блевали прямо на улицах. Эдуард, уничтоживший войска Филиппа VI, был абсолютно беспомощен перед армиями бактерий *Yersinia pestis*.

Рождение рыцарства

23 апреля 1349 года в Виндзоре праздновали День святого Георгия. После зимнего затишья Англию снова терзали вспышки Черной смерти. Но ничто не могло отвлечь Эдуарда от излюбленного времяпрепровождения: он устраивал турнир для рыцарей королевства, фестиваль поединков и молебнов во дворце, где он был рожден и где планировал на следующий год начать серьезные строительные работы.

Двадцать пять мужчин, приглашенных на турнир, были в основном ветеранами французских войн. Присутствовали Черный принц, графы Ланкастер, Уорик и Девон, Роджер Мортимер (к которому скоро вернется титул его деда – граф Марч), новый граф Солсбери – сын Уильяма Монтегю, тезка отца, и другие друзья и товарищи короля. Звезды турниров, они предвкушали возможность щегольнуть военным мастерством перед собравшимися дамами.

Форма турнира была определена заранее. Рыцари должны были разделиться на две команды по 13 человек и пытаться выбить друг друга из седла, пока одна из команд не одержит верх. Здесь дело приняло пикантный оборот. Уильям Монтегю, граф Солсбери, и его сенешаль, сэр Томас Холланд, сражались за разные команды. Этих двоих связывала неловкая ситуация: оба они были женаты на одной и той же женщине, кузине Эдуарда Джоанне Кентской. Джоанна, которой на тот момент исполнилось 20 лет, ослепительная красавица королевской крови, воспитывалась вместе с Черным принцем. Она была внучкой Эдуарда I, и Фруассар называл ее «самой красивой женщиной в Англии».

Ее семейное положение было весьма необычным. Джоанну выдали замуж за Солсбери, юного воина, которого вместе с Черным принцем посвятили в рыцари перед битвой при Креси. Но за год до турнира, на котором она сейчас заняла свое место, Холланд заявил, что она уже замужем – за ним, и что брак был консумирован. Дело отправили на рассмотрение папе римскому, и между двумя «мужьями» Джоанны вспыхнула яростная вражда.

Гостей ожидало захватывающее зрелище с Джоанной в роли эффектной главной героини, наблюдающей, как соперники сходятся в битве. Но этот турнир был особенным еще по одной причине: именно этой оказией намеревался воспользоваться Эдуард III, чтобы создать институт рыцарства, который со временем покроет себя всемирной славой. Турнир в Виндзоре стал днем официального основания ордена Подвязки, самого

элитарного рыцарского клуба Англии и одного из самых блестящих начинаний Эдуарда.

Король, как и его дед Эдуард I, был очарован легендами об Артуре, с их героическими свершениями, грозной военной репутацией героев и знаменитой учтивостью в отношении женщин и поверженных врагов. Как и его дед, Эдуард III был убежден, что монархия Плантагенетов должна впитать и повторить все возвышенные ценности мира артурианы.

Первую попытку воплотить свои мечты в реальность он предпринял в январе 1344 года, в разгар бретонской фазы войны с Францией. Тогда он тоже организовал турнир в Виндзоре, чтобы создать рыцарское общество Круглого стола. Хронист Адам Муримут писал, что король «устроил роскошный ужин, где положил начало своему Круглому столу и принял клятвы от некоторых графов, баронов и рыцарей, которых он хотел видеть за этим Круглым столом». Затем, желая создать материальное средоточие рыцарского культа, король, по словам Муримута, приказал своим архитекторам пристроить к дворцу Виндзор «самое благородное здание… где вышеназванный Круглый стол будет в назначенное время собираться». Этот благородный дом должен был быть построен из камня, иметь 200 футов в диаметре и, возможно, черепичную кровлю по периметру, какая позднее появилась у елизаветинского круглого театра. За первый год строительства на дом для Круглого стола было потрачено 507 фунтов 17 шиллингов и 11,5 пенсов – достаточно крупная сумма. Но в погоне за идеалами артурианы денег не жалели, и в 1345 году Эдуард расширил проект, приказав отыскать останки предполагаемого предка Артура – Иосифа Аримафейского.

Когда в середине 1340-х годов война разгорелась с новой силой, проект Круглого стола заморозили из-за нехватки средств. Цена военных действий в Бретани заставила перенаправить все финансовые потоки в военный фонд. Но и пять лет спустя Эдуард не отказался от своих амбиций основать закрытое братство, которое поможет ему сплотить вокруг своей особы лучших рыцарей и аристократов страны. Весь сезон турниров 1348 года король держал в голове идею создания ордена Подвязки. В 1349 году в Виндзоре он претворил ее в жизнь и назвал членов ордена.

Подвязка – странный выбор в качестве символа общества, которое, по сути, было клубом воинов. Популярна легенда, что название ордена родилось случайно, когда графиня Солсбери потеряла подвязку во время танца, а Эдуард поднял ее, сказав: «*Honi soit qui mal y pense*» («Пусть стыдится подумавший об этом плохо»), и таким образом придумал ордену девиз. Но история эта

апокрифическая и, скорее всего, соединяет в себе намек на скандальное семейное положение графини Солсбери (Джоанны Кентской) с фривольной байкой о том, как король выбрал пикантный предмет женского гардероба в качестве символа воинского братства. Вечеринки Эдуарда пользовались сомнительной славой; байка нашла благодарную аудиторию среди высокомерных ханжей, которые, наблюдая распущенность нравов и скандалы английского двора, неодобрительно качали головами.

Гораздо вероятнее, что эта идея посетила Генри Гросмонта, графа Ланкастера, героя английских войн в Гаскони и Кале, который по молодости щеголял подвязками (тогда деталью рыцарского костюма – в женский гардероб они переберутся позднее). В начале царствования король и сам носил подвязки, расшитые жемчугом и золотом, – на турнирах в 1333 и 1334 годах. Ко времени основания ордена Ланкастеру было 39, а Эдуарду 37. Вероятно, выбор в качестве эмблемы подвязки преследовал сразу две цели: служил аллюзией на рыцарскую доблесть, присущую им самим в юности, которую они хотели передать новому поколению рыцарей, а также был шуткой для посвященных, связанных воспоминаниями о шальной молодости.

Какой бы ни была причина, Эдуард определенно следовал европейской моде: в середине XIV века короли основывали рыцарские ордена по примеру Альфонсо XI Кастильского, который в 1330 году создал орден Перевязи. В 1350-х годах германский император Карл Люксембургский основал орден Застежки, а граф Амадей Савойский – орден Черного лебедя; в 1360-х король Сицилии Людовик создал орден Узла, а Иоанн II Французский – орден Звезды. В дальнейшем веяние стало всеобщим.

Итак, в День святого Георгия орден был основан, и 26 первых его членов поклялись торжественно отмечать это событие каждый год, по возможности собираясь вместе. Любой член общества, который не сможет посетить в этот день Виндзор, должен будет самостоятельно устроить такой же праздник, в какой бы точке мира ни находился. Общество священными узами связало рыцарей, принимавших участие в турнире 1349 года, и новые члены не могли к ним присоединиться, пока не скончается кто-то из старых. Ряд славных воинов вроде сэра Томаса Дагворта, сэра Уолтера Мэнни и графов Нортгемптона и Хантингтона не вошли в число первых 26 членов ордена. Все они были во Франции и не смогли приехать на турнир. Нортгемптону, Хантингтону и Мэнни придется ждать своей очереди; в случае Хантингтона – до 1372 года. Дагворт скончается раньше, чем ему

выпадет шанс примерить знаменитую орденскую мантию.

Многим современникам орден Подвязки показался безвкусным и неуместным. В годы, когда Англию опустошала Черная смерть, когда народ нищал под тяжестью денежных поборов, направлявшихся на военные нужды, хронисты вроде Генри Найтона считали верхом бесчувственности для короля предаваться расточительным и беспечным игрищам.

Но для Эдуарда орден имел цель и смысл, выходящие за рамки простого развлечения и потворства своим прихотям. Каждый король Плантагенет, начиная с Иоанна, столкнувшегося с этой проблемой еще в 1205 году, испытывал трудности с обороной своих заморских земель из-за рыцарей и графов, игнорировавших долг служить за границей. Судьба благословила Эдуарда победами – особенно в 1340 и 1346 годах, – способными оправдать крупные траты, напряжение всех сил и гибель людей на полях сражений во Франции. Но он хорошо знал историю своей семьи. Если Господь лишит его своих милостей и победоносное продвижение замедлится, потребуются убедительные причины, чтобы знать согласилась воевать за морем.

Решить эту проблему можно было, сделав заграничную службу знаком отличия, а не утомительной обязанностью и досадным пережитком времен феодальной повинности. Было ясно, что рыцарство в новые времена подразумевает весьма вероятную гибель, крупные расходы и другие неудобства, поэтому Эдуарду было необходимо сплотить вокруг себя рыцарское сообщество страны, предложив ему закрытую кастовую культуру, в центре которой стояла бы власть короля. Орден Подвязки обеспечил монархию Плантагенетов явным знаком отличия, которым можно было отметить и вознаградить благородный рыцарский дух. Экзотический девиз на французском языке напоминал всем, претендовавшим на членство в ордене, что английская аристократия была частью панъевропейского братства, а не сугубо местной иерархией.

Итак, в 1349 году на легендарном турнире в День святого Георгия орден Подвязки был основан официально. Орден стал средством, способным связать короля и его сыновей с людьми, которых они в ближайшие десятилетия поведут воевать на континенте. Отказавшись пятью годами раньше от плана построить в Виндзоре здание для Круглого стола, теперь Эдуард отдал приказ основать в городе коллежскую церковь. Часовня при колледже Святого Георгия станет духовным и церемониальным домом ордена Подвязки. Стройка началась в 1350 году и заняла семь лет; она потребовала таких же гигантских трат, как некоторые из величайших уэльских замков Эдуарда I. На

перестройку Виндзора между 1350 и 1357 годом было потрачено 6500 фунтов – и практически вся сумма пошла на часовню. Чтобы окружить часовню мистическим флером, Эдуард передал в дар Нейтский крест – фрагмент Животворящего Креста, конфискованный у Лливеллина Последнего во время окончательного покорения Уэльса в 1283 году.

В грядущие столетия часовня Святого Георгия станет символизировать опьяняющую смесь воинской доблести, ревностного служения, возвышенной учтивости и расточительного церемониала, который культивировали Эдуард и его сподвижники. Основав орден Подвязки и построив для него дом, Эдуард показал себя, вероятно, величайшим, наиболее всесторонне одаренным королем из Плантагенетов. Он сочетал чутье Генриха III к изобразительному и архитектурному величию с грозным талантом полководца, унаследованным от Эдуарда I. Воистину, эта провидческая пропагандистская кампания исключительно самонадеянного короля стала кульминацией династической истории Эдуарда.

Триумфальное десятилетие

В юности, в первые годы царствования, Эдуард III, следуя принятой при дворе моде подражать блистательному миру короля Артура, равнялся на сэра Лайонела, скромного рыцаря Круглого стола, верного товарища по оружию, который сражается плечом к плечу со своими людьми. К 1350-м годам такая скромность была уже не к лицу королю-триумфатору: Эдуард стал воплощать в себе самого Артура, который правит своим славным королевством из нового Камелота – Виндзорского дворца. Король истратил огромные, невообразимые деньги на ведение войн, но победы принесли ему уважение и славу, которая гремела по всему христианскому миру; процветание Англии было тесно связано с ее военной фортуной. Эдуард не только подражал Артуру, он насаждал новый военный порядок, водружая повсюду штандарт святого Георгия. Красный крест развевался на мачтах военно-морского флота Англии, флагманом которого выступал когг «Томас», усиленный десятками кораблей, патрулировавших пролив. Святой Георгий появился на Большой государственной печати Англии рядом с Девой Марией. Под защитой воинственного небесного покровителя в 1348 году Эдуард чувствовал себя достаточно уверенно – как в своих ратных победах, так и в своей окрепшей монархии, – чтобы отвергнуть предложение германских курфюрстов занять трон императора.

Отношения с Францией и Шотландией были теперь у короля под контролем. Английский двор мог похвастать высокородными заложниками: среди множества ценных французских и шотландских пленников важнейшими были король Давид II Шотландский, граф Э и граф Танкарвиль. Несмотря на опустошение, вызванное Черной смертью и ставившее под угрозу полномасштабные военные кампании, Эдуард не снижал активности ни на одном из направлений. Английская армия регулярно совершала вылазки за Ла-Манш, некоторые – под личным командованием короля, другие – под руководством его доверенных полководцев, прежде всего Генри Гросмонта, графа Ланкастерского, возглавившего небольшую экспедицию в Гасконь зимой 1349–1350 годов.

24 декабря 1349 года, когда двор праздновал Рождество в эссекском Хаверинге, Эдуард III получил срочное донесение: Кале вот-вот перейдет на сторону французов. Времени собирать армию не было, и король, взяв с собой Черного принца и небольшой отряд проверенных бойцов, в обстановке строжайшей секретности немедленно отплыл во Францию. 1 января 1350 года передовой

отряд Эдуарда был у Кале. Они тайно пробрались в город. На исходе ночи вероломный итальянский наемник поднял над цитаделью Кале французский флаг – сигнал, заметив который, отряд французских рыцарей ворвался в городские ворота. Король уже ждал их. Он и его люди обрушились на захватчиков под знаменами сэра Уолтера Мэнни: Эдуард, чтобы избежать разоблачения и плена, как в старые времена, нарядился простым рыцарем. В результате яростных уличных боев город удалось отстоять: король и его люди прогнали врага с криками «Эдуард и святой Георгий!». Не прошло и нескольких часов, как Кале был спасен. История об этой дерзкой и эффектной вылазке войдет в народные предания, прославляющие храбрость Эдуарда III и Черного принца.

22 августа 1350 года скончался Филипп VI. Ему наследовал его сын Иоанн II, герцог Нормандии, давний враг англичан, сражавшийся против Ланкастера в Гаскони и командовавший армией при Креси. Однако его восхождение на трон совпало с годичным перемирием между королевствами, и летом 1350 года Эдуард переключился на другого врага: Кастилию. Иберийским королевством правил еще один новоиспеченный король, Педро I Жестокий, и Эдуард быстро отреагировал на в основном беспочвенные слухи, будто Педро хочет завоевать Англию. В действительности кастильские корабли выходили в пролив по пути во Фландрию, где они закупали шерсть, и приобрели раздражающую привычку на обратном пути атаковать английские суда. Этого предлога Эдуарду было достаточно. На закате 29 августа 1350 года крупный флот англичан, состоявший примерно из 50 коггов, встретился с флотилией из более чем 20 гигантских кастильских галер у берегов Уинчелси. Английскими кораблями командовал король, Черный принц и графы Ланкастер, Нортгемптон и Уорик. Вместе они вовлекли жаждущих столкновения кастильцев в кровавую морскую битву.

Хотя с XII века конструкцию кораблей усовершенствовали, средневековые тактики морского боя в суровых морях к северу от Средиземного оставались примитивными, особенно по сравнению с теми, к каким прибегали наземные армии Эдуарда, использовавшие пеших латников и конных лучников. Искусство военных действий в открытом море все еще не шагнуло дальше высадки десанта на борт вражеского корабля и рукопашного боя. Эдуард приказал своим коггам атаковать кастильские галеры: идти на таран, забрасывать крючья на борта кораблей и пытаться высадить рыцарей, чтобы те перебили вражеских моряков и сбросили их тела во вспененные воды. Маневрированию в боевом порядке или обстрелу с расстояния почти не уделяли внимания.

Бой велся на ближней дистанции, а победа во многом зависела от везения.

При Уинчелси эти тактики чуть не погубили короля. Под звуки труб, под крики людской боли и ярости его когг, столкнувшись с галерой, получил серьезную – почти фатальную – пробоину. Только проложив себе путь сквозь град стрел и металлических прутьев, которые метали в англичан кастильцы, и захватив вражеское судно, Эдуард избежал гибели в бушующих волнах. Тут же корабль Черного принца столкнулся с другим кастильским кораблем и получил такие же тяжелые повреждения: принца спас вовремя подоспевший Ланкастер. А уже ближе к концу схватки, когда на пролив опустилась тьма, вражеский корабль чуть было не утащил с собой английское судно, на котором находилось множество придворных Эдуарда. Один из них, самый предприимчивый, сохранил присутствие духа, взобрался на борт галеры и перерезал фал, чтобы спустить паруса и помешать галере удалиться с ценной добычей. В конце концов, несмотря на все эти почти равноценные эскапады, английские когги победили, захватили множество кастильских галер, разгромили еще столько же и сбросили сотни поверженных моряков в безжалостное море, где те и утонули. Позже битва при Уинчелси стала известна как *Les Espagnols sur Mer*: «Битва испанцев на море».

Эдуарду, его капитанам и лейтенантам сильно повезло выйти сухими из хаоса морской битвы, но эту удачу король Англии заслужил всей своей блестящей военной карьерой. Кастильскому флоту путь в Ла-Манш был закрыт на многие годы, а флот Эдуарда укрепил свое морское преимущество, сопровождая торговые суда на маршрутах между Бордо и английскими портами.

Король отпраздновал победу, вознеся благодарственные молитвы в святилище Томаса Бекета, которое посетил по пути в свои северные владения, где собирался поохотиться. Его полководцы вернулись во Францию и продолжили тревожить границы Аквитании. К осени 1352 года благодаря ряду крупных побед в Бретани и Гаскони Эдуард взял под контроль Аквитанию, Бретань и область вокруг Кале. Вакуум власти в Шотландии – Давид II оставался пленником Эдуарда – развязал руки английским лордам, хозяйничавшим на Шотландских низменностях. Следующие восемь лет Эдуард искал способа сделать свое господство вечным.

Составляя военные планы, Эдуард не забывал удостовериться, что полностью контролирует правительство Англии. Как следствие первой волны Черной смерти пошатнулись основы

рынка труда страны. Чума унесла жизни тысяч рядовых тружеников, поэтому цены на услуги оставшихся росли, что могло обернуться ущербом или даже катастрофой для рыцарей-землевладельцев, заседавших в английском парламенте, плативших налоги и служивших королевскими чиновниками на местах. К тому же, если бы расходы на содержание имений резко возросли, корона как крупнейший землевладелец в Англии могла понести схожие потери. Быстро отреагировав на угрозу, в 1349 году Эдуард издал Ордонанс о рабочих, в 1351 году ратифицированный парламентом как Статут о рабочих. Законы о рабочих устанавливали жесткие ставки оплаты труда для каждого класса работников, искусственно удерживая их на уровне, предшествовавшем эпидемии Черной смерти. «Седельные мастера, скорняки, кожевники, сапожники, портные, кузнецы, плотники, каменщики, кровельщики, кроющие черепицей, лодочные и корабельные мастера, возчики и всякие иные ремесленники и рабочие не должны брать за свой труд и мастерство больше того, что в названный двадцатый год [1347] и в другие предшествующие обычные годы, – гласил Статут, – и если кто возьмет больше, будет заключен в ближайшую тюрьму». Лорды получили право принуждать тружеников, как крепостных, так и свободных, работать на них, а правительство удерживало цены на продукты питания на пониженном уровне: «…мясники, содержатели харчевен, пивовары, хлебники, торговцы живностью и все другие продавцы каких бы то ни было съестных припасов обязаны продавать эти съестные припасы по умеренной цене»[12], – гласит Статут.

За соблюдением Статута о рабочих надзирал тот же социальный класс, на защиту интересов которого он был нацелен. Для расследования случаев завышения цен или избыточной оплаты труда были назначены особые уполномоченные, и, появляясь в городах и селах, чтобы разузнать о правонарушениях и оштрафовать виновников, они десятилетиями раздували классовую неприязнь между элитой графств и низшими сословиями. Эффект был удвоен тем фактом, что введение трудовых комиссий стало лишь одним из этапов радикального пересмотра всей системы охраны закона на местах, чего английская политическая элита ждала чуть ли не полвека. Не рассчитывая более на редкие выездные судебные сессии, Эдуард учредил мелкие регулярные суды, где заседали крупные местные землевладельцы. Представители местных элит возглавляли мировые суды (в качестве мировых судей – должность, заменившая введенную чуть раньше в это же царствование позицию хранителя мира) и целый ряд других местных комиссий,

в первую очередь тех, что надзирали за исполнением законов о рабочих. Ощущение, что управление королевством сконцентрировалось в руках эгоистичной элиты, в последующие десятилетия вызовет острую социальную напряженность. Но на тот момент быстрые действия Эдуарда, отреагировавшего на самый очевидный экономический эффект Черной смерти, сохранили ему доверие класса, обеспечивавшего финансирование войн.

Добившись политического согласия дома, Эдуард мог сконцентрироваться на достижении долгосрочного мира с Францией и Шотландией. Поиски решения осложнялись тем, что Эдуард и сам толком не понимал, как должен выглядеть этот вечный мир. Он не отказывался от своих династических прав на французскую корону, но становилось все очевиднее, что их лучше использовать как рычаг, способный повернуть переговорный процесс в интересах восстановленной империи Плантагенетов. На мирных переговорах в Гине в 1354 году Эдуард выдвинул предложение: он откажется от претензий на трон Иоанна II в обмен на полный суверенитет Англии над Аквитанией, Пуату, Анжу, Меном, Туренью, Лиможем и Понтье, еще до обсуждения вопроса о сюзеренитете над Бретанью, Нормандией и Фландрией. Позднее, на грандиозной мирной конференции, проведенной под эгидой папского престола в Авиньоне зимой 1354–1355 годов, Генри Гросмонт (в 1351 году получивший титул герцога Ланкастерского) и граф Арундел заняли еще более агрессивную позицию, требуя контроля Англии над Аквитанией, Пуату, Меном, Туренью, Анжу, Ангулемом, Нормандией, Пикардией, Керси и Лимузеном.

При столь чудовищных требованиях и грубой переговорной тактике Ланкастера неудивительно, что мирные переговоры провалились. Послы Иоанна II возражали: уступка таких огромных территорий станет нарушением коронационных клятв французского короля. Вместо поисков мирного урегулирования обе стороны занялись подготовкой к новой войне. К осени 1355 года Эдуард собрал две крупные армии вторжения – одну под личным командованием, а другую под командованием Черного принца, – чтобы преподать Иоанну II тот же урок, что его отец получил при Креси и Кале в 1346–1347 годах.

Из двух армий, отплывших во Францию в конце 1355 года, только войско Черного принца продержалось достаточно долго. Король высадился в Кале в конце октября, отправил Иоанну II петицию с требованием встретиться с ним на поле боя, а уже 12 ноября вернулся в Англию, исполненный презрения к французскому королю, отказавшемуся сражаться. Остаток зимы

он был занят тем, что устраивал кошмарные шевоше на Шотландской низменности, причиняя местному населению столько горя и сжигая столько земель и собственности, что январь 1356 года вошел в историю как «горелое Сретенье».

Но даже опустошение, произведенное королем на севере, не могло сравниться с тем, что устроил на юго-западе Франции Черный принц со своими товарищами. Весной 1356 года стало ясно, что открытое столкновение между англичанами и Иоанном II неизбежно. Черный принц перезимовал в Бордо; у границ французской Аквитании рыскали отряды солдат – некоторые на жаловании у принца, другие – уволенные со службы в армии и занятые грабежом и разбоем. В мае еще одна английская армия под командованием герцога Ланкастера высадилась в Нормандии; разрушив ряд крупных нормандских городов, Ланкастер отступил на безопасное расстояние. Французская аристократия высказывала крайнее недовольство ходом войны, и французский король столкнулся с открытой оппозицией со стороны своего кузена Карла Злого, короля Наварры и графа нормандской провинции Эвре: он хотел сместить Иоанна и посадить на трон дофина. За такую дерзость в апреле 1356 года Карла арестовали, но уже в августе его брат Филипп Наваррский перешел на сторону англичан, провел в Кларендоне переговоры с Эдуардом III и принес оммаж английскому королю как «королю Франции и герцогу Нормандии». Давление на Иоанна II становилось невыносимым – он был вынужден решительно выступить против англичан.

Переломный момент наступил 19 сентября 1356 года, на поле у города Пуатье. Армия Черного принца насчитывала 6000–8000 английских и гасконских солдат; она была разделена на уже привычные три части; принц командовал центром. Французы превосходили по численности англо-гасконскую армию, вероятно в соотношении два к одному. Однако англичане были вымуштрованы и хорошо организованы, особенно по сравнению с недисциплинированной и неорганизованной армией Иоанна. Несмотря на то что французы усвоили некоторые из уроков Креси и тяжеловооруженным всадникам было приказано спешиться и встать в оборонительный строй, а не гибнуть попусту в самоубийственных кавалерийских атаках, французам не хватало грамотного руководства, чтобы воспользоваться своим численным преимуществом и тактическими планами. Когда люди принца развернули передовую линию французов, отступив за густую живую изгородь, они спровоцировали двух французских командиров на поспешную атаку. Против передового отряда и арьергарда англичан по традиции бросили кавалеристов: всех их

перебили, когда они продирались сквозь кустарник, где укрылся их противник.

Так начался день безжалостной расправы над французами, разгрома, превзойти который сможет разве что битва при Азенкуре в 1415 году. В жарком бою французы потеряли больше 2000 человек, в том числе герцога Бурбонского, констебля Франции, одного из двух маршалов и хоругвеносца Орифламмы, священного алого боевого штандарта французской армии, который, как говорили, красен из-за того, что залит кровью святого Дионисия (Сен-Дени). Практически столько же французских аристократов попали в плен, в том числе младший сын короля Филипп, архиепископ Санса, множество графов, два других маршала и – полная катастрофа – сам Иоанн II. Англичане потеряли не более нескольких сотен человек и захватили ценных заложников, за которых можно было выручить сотни тысяч фунтов. Это самое сокрушительное поражение, какое принц Плантагенет когда-либо наносил Капетингу или Валуа, увенчало славное военное наследие Черного принца. В честь победы в английском лагере закатили пир, на котором поднимали бокалы за пленных французов: принц и его полководцы обращались с ними с величайшим почтением. Иоанна II славили как великого короля, превосходившего храбростью всех прочих воинов. Но рыцарская куртуазность маскировала несомненную политическую реальность: Францию охватил кризис, а Англия, где Черного принца заранее неофициально именовали королем Эдуардом IV, была на подъеме. Заложников, взятых в битве при Пуатье, отправили королю Англии, который уже подсчитывал, какой выкуп за них взять – эта сделка позволит ему наконец восстановить утраченную империю Плантагенетов во Франции.

В январе 1358 года, после длительных и непростых мирных переговоров, за Иоанна II была назначена цена: 4 миллиона золотых экю, или невероятные 666 666 фунтов, – выкуп, на фоне которого, даже с учетом инфляции, бледнела сумма, выплаченная за Ричарда Львиное Сердце. Наряду с этим был предложен предварительный текст Лондонского договора, составленный по образцу провалившегося договора в Гине. Кроме огромного выкупа, за отказ от притязаний на французскую корону Эдуард потребовал суверенитета над Аквитанией, Сентонжем, Пуату и Лимузеном на юге, Понтье, Монтреем и Кале на севере. Двусторонняя ратификация договора была бы вполне возможна, если бы резко не обострилась ситуация во Франции: радикальные реформисты изгнали дофина из Парижа, а освобожденный из тюрьмы Карл Наваррский предложил англичанам сделку: разделить Францию, отдать Эдуарду корону и около двух третей

территории королевства. Летом 1358 года в Северной Франции вспыхнул крупный народный бунт, известный как Жакерия: крестьяне восстали против знати и рыцарей, которых они винили в предательстве интересов страны. Хронисты сообщали об ужасающих зверствах, совершаемых обычными мужчинами и женщинами, которые безжалостно мстили высшим сословиям. Хронист Жан Лебель описал один такой случай: крестьяне убили рыцаря и поджарили его на вертеле, изнасиловали его жену и силком накормили несчастную женщину и ее детей жареным мясом их мужа и отца.

Другой французский хронист, Жан де Венет, оставил живое описание сельской местности, какой она была в конце 1350-х годов. Он рассказал, как выглядели его родные места недалеко от Компьена, разрушенного неустанными атаками англичан:

> Виноград… не собрали, и он сгнил на корню… Поля не пахали и не сеяли… На лугах не было скота и дичи… Путники не шли по дорогам, не несли на рынок свой лучший сыр или молоко… Дома и церкви не радовали глаз заново перекрытыми крышами и представляли собой жалкое зрелище: всепожирающее пламя превратило их в дымящиеся руины… колокола, как и прежде, издавали приятный звон, но уже не для того, чтобы собрать прихожан на богослужение, а предупреждая о приближении врага, чтобы люди могли найти себе убежище, пока враг еще в пути… невзгоды сыпались со всех сторон, особенно на сельское население… Но их лорды… не давали отпора врагу и не пытались атаковать его, разве что изредка.

Понимая, в какое отчаянное положение попал его противник, в ноябре 1358 года Эдуард уже не считал мир наилучшим вариантом. Он начал планировать третье крупномасштабное вторжение. Пленному Иоанну II удалось упросить его на некоторое время отказаться от этого плана и рассмотреть вторую редакцию Лондонского договора, предусматривающую выкуп за короля в прежнем размере: 4 миллиона экю. Однако список территорий, переходящих к Плантагенетам в полный суверенитет, теперь включал Нормандию, Анжу, Мен, Турень и Булонь, кроме того, им доставался сюзеренитет над Бретанью.

С приближением сотой годовщины Парижского договора Эдуард прилагал все больше усилий, чтобы расторгнуть его окончательно и вернуться к славным дням превосходства Генриха II и Ричарда I над Филиппом Августом. Неудивительно, что второй вариант Лондонского договора был полностью отвергнут

Парижем. Летом 1359 года план вторжения был готов. В октябре король, герцог Ланкастерский и Черный принц вывели из Кале армию, разделенную на три части, общей численностью примерно 10 000 человек, и направились в средоточие французской монархии, в Реймс. Они не могли бы точнее попасть в сердце противника: в Реймсе стоял собор, в котором с 816 года короновались все французские короли, начиная с Людовика I. Более того, город находился всего в нескольких днях пути от Парижа: если Реймс падет, то английский король сможет короноваться как Эдуард I Французский, успешно завершив свой поход за верховной властью в королевстве.

К счастью для французов, Реймс был отлично укреплен, и в январе 1360 года, проведя под стенами города всего пять недель, Эдуард отказался от осады. Оставив попытки захватить Реймс, он заключил союз с герцогом Бургундии и нацелился на Париж, в надежде втянуть дофина в решающую битву. Дофин мудро отказался следовать примеру двух предыдущих поколений королей Валуа и рисковать своей свободой и троном в столкновении с английскими лучниками и латниками. Он остался в Париже, а в апреле Эдуард был вынужден увести свою армию, ослабленную чумой и утомленную многомесячными походами, обратно в Бретань. По пути на запад, у Шартреза, они попали в страшную бурю, разметавшую большую часть обоза. С неба сыпался град такого размера, что мог прикончить коня, темно было как ночью – позже этот день нарекли Черным понедельником. В мгновение ока удача отвернулась от короля Англии. В 1360 году не случится ни Креси, ни Пуатье. 1 мая в деревне Бретиньи начались переговоры, 8 мая они завершились. Эдуард подписал договор, по условиям которого ему доставался полный контроль над Аквитанией, Пуату, Сентонжем и Ангумуа на юге, а также над Понтье, Монтреем, Кале и Гином на севере. Он отказался от своих претензий на французский трон и снизил выкуп за Иоанна II до 3 миллионов экю. Иоанн обещал не поддерживать шотландцев в войне с англичанами, а Эдуард – не содействовать фламандцам, которые регулярно восставали против Франции. Нормандия, Мен, Анжу и Турень оставались в составе Французского королевства. Это, конечно, не сошло за великое восстановление империи Генриха II, которое казалось таким близким; но тем не менее это был настоящий триумф.

Эдуард вернулся в Англию к Рождеству 1360 года, как раз вовремя, чтобы объявить о мире и отпраздновать достижение практически всех целей, за которые он и его союзники бились с 1337 года. В январе 1361 года был созван парламент, который в установленном порядке ратифицировал мир. В том же году, в

День святого Георгия, в Виндзоре состоялась церемония, на которой сыновей Эдуарда Лайонела Антверпа, Джона Гонта и Эдмунда Лэнгли торжественно приняли в орден Подвязки в признание их ратных заслуг. (Младший сын Эдуарда, Томас Вудсток, рожденный в 1355 году, оставался номинальным регентом королевства во время последних отлучек короля.) Англия принялась праздновать окончание войны, на 23 года поглотившей большую часть страны.

Во Франции настроение было мрачным. Короля Иоанна 5 декабря 1360 года отпустили во Францию собирать выкуп, ради которого отчеканили первый золотой франк (*franc à cheval*). Но королевство было разорено: оно кишело бандами английских наемников, уволенных со службы в армии Эдуарда, которые теперь, когда война окончилась, рыскали в поисках новой работы и занимались преимущественно тем, что причиняли бесконечные бедствия жителям Бретани и юго-запада страны, захватывая деревни и замки, а затем продавая их обратно несчастным обитателям. Казалось, наследие Эдуарда III определено: пока Англия купалась в лучах славы, Франция лежала в руинах, территориально расчлененная и на поколения вперед разоренная выкупом за Иоанна. Несомненно, это была высшая точка истории Плантагенетов. Что поражает до глубины души, так это скорость, с какой повернулось колесо фортуны, и век славы рассыпался в прах.

Часть VII
Эпоха революции (1360–1399)

О Господи, что за странная и ненадежная земля!

Ричард II (по свидетельству Адама из Аска)

Дела семейные

13 ноября 1362 года Эдуард III отметил свой 50-й день рождения. На склоне лет он мог гордиться собственными достижениями. Он был феноменально богатым, могущественным, прославленным королем, слепившим Англию по своему образу и подобию: визуально, юридически, культурно и в военном отношении. И если он приближался к своему закату – ожидаемая продолжительность жизни для королей Плантагенетов составляла около 60 лет, – то и это делал со вкусом.

Король и королева Филиппа жили в блеске и роскоши. Обогатившись за счет крупных вознаграждений и огромных выкупов, полученных за пленных французов, Эдуард вел поистине королевскую жизнь. В 1360 году дворы короля и королевы слились воедино: подразумевалось, что после заключения мира в Бретиньи двор короля больше не будет скитаться по временным лагерям на континенте. На турниры и драгоценности, на соколов и собак, на красивую одежду тратились тысячи фунтов: королевская чета жила на широкую ногу. Впереди был 40-й юбилей воцарения Эдуарда, и королевский двор провел первый длительный период мира в бесконечных пирах и вечеринках.

Большая доля огромного королевского богатства пошла на модернизацию резиденций короля. Его визитной карточкой стал Виндзорский дворец. Под руководством нового талантливого министра Уильяма Уайкхема, выходца из простой семьи, король вложил в реконструкцию дворца огромные деньги (в середине 1360-х годов он потратил на него 8500 фунтов) и превратил Виндзор в памятник своей воинственной монархии и куртуазной любви. Старые здания снесли, а на их месте построили новые, просторные королевские залы, покои и часовни. Великолепные помещения соединялись между собой арочными галереями и мраморными аркадами. (Для одной только королевы Филиппы строились четыре комнаты: одна для сна, другая – для молитвы, третья – зеркальная и четвертая для танцев.) И это была лишь одна из королевских резиденций; король и королева жили там, когда не отдыхали в каком-нибудь из роскошных дворцов или охотничьих замков, разбросанных по долине Темзы и парку Нью-Форест.

Но и в 50 лет Эдуард не превратился в законченного эгоиста. Его мысли занимали думы о подданных и о том, как они относятся к его царствованию. Публичные празднования юбилея короля в основном проходили в парламенте, большую часть мест в котором занимали рыцари, представители городов и простые

граждане, и проходили они в духе безграничной королевской щедрости. Собравшись в октябре, парламент выслушал множество петиций и постарался ответить на максимальное количество жалоб и предложений. Король наконец-то одобрил Статут о снабжении, значительно ограничивший разорительную практику военных реквизиций, а также принудительные закупки провизии и товаров для короля, королевы и наследника. Поставщики королевского двора теперь именовались «закупщиками» и действовали, подчиняясь строгому своду правил. Конечно, Эдуарду было проще одобрить такой закон в мирное, а не в военное время, но сам этот факт подтверждает, что король понимал, каким лишениям подвергаются его подданные.

Были и другие знаменательные свершения. В век Эдуарда сам строй жизни в королевстве претерпел существенные изменения. Государственный язык постепенно менялся с французского на английский. Туземное наречие, которое некогда считалось грубым варварским диалектом, не подходящим для благородных бесед и общения должностных лиц, становилось общеупотребительным. Сам король говорил по-английски, и все аристократы того времени понимали этот язык. Странствующие менестрели исполняли в благородных собраниях новомодные английские баллады о Робине Гуде на родном языке. Подающие надежды профессора вроде Джона Уиклифа, которым в начале 1360-х годов восхищались коллеги по Оксфордскому университету, займутся переводом Библии на английский язык. Забрезжил век первых великих поэтов, творивших на английском – Джеффри Чосера, Уильяма Ленгленда, Джона Гауэра, а также неизвестного автора поэм «Жемчужина» и «Сэр Гавейн». Шагая в ногу со временем, в парламенте, созванном к его 50-му дню рождения, Эдуард возвестил новый век английского языка. Статут о прениях официально изменил язык обращений к парламенту и выступлений в королевском суде с французского на английский. (Записи по-прежнему велись на латыни.) Это был еще один популистский статут, принятый, как гласит документ, чтобы исправить ситуацию, когда «люди, которых привлекают… к королевскому суду… не имеют достаточных знаний, чтобы понимать, что сказано в их обвинение или оправдание приставами (адвокатами) и другими участниками прений».

И наконец, Эдуард обратился мыслями к своей семье. Теперь, когда ему исполнилось 50, пришло время облагодетельствовать следующее поколение Плантагенетов. На последнем заседании праздничного парламента король наградил своих взрослых сыновей новыми пышными титулами и полномочиями, чтобы

подготовить к моменту, когда отца не станет и им придется встать у штурвала могучей страны.

Девятеро детей Эдуарда и Филиппы перешагнули порог совершеннолетия. К 1362 году в живых осталось шестеро. Юная Джоан погибла от чумы в эпидемию Черной смерти, а когда в 1361 году болезнь вернулась в Англию, умерли еще две ее сестры. Детская чума, как называли вторую волну эпидемии, выкосила около четверти всей молодежи Англии; не избежали этой участи и 17-летняя принцесса Мария, и 15-летняя принцесса Маргарет. К 1362 году в живых осталась единственная дочь короля: Изабелла – женщина приблизительно 30 лет, которая в 1350-х годах отказалась стать женой гасконского вельможи и навсегда вычеркнула себя из дипломатических планов Эдуарда, заявив, что выйдет замуж только по любви.

Тем не менее, несмотря на печальную судьбу одних дочерей и несговорчивость другой, Эдуард все еще мог похвастаться пятью живыми и здоровыми принцами Плантагенетами, и все они, кроме семилетнего Томаса Вудстокского, в 1362 году получили крупные пожалования. Первым из них был, конечно, Черный принц. Наследник трона был уже величайшим английским полководцем, полным сил ветераном всех великих кампаний, начиная с 1346 года, и наконец-то женатым человеком. В 1361 году в Виндзоре состоялась довольно скандальная свадьба: Черный принц женился на своей кузине Джоанне Кентской. Автор, писавший под псевдонимом Герольд Чандоса, сообщает, что Джоанна была «леди, обладающей многими достоинствами… очень красивой, нежной и мудрой». Не все были к ней так добры, но этот брак был заключен по любви, а не из политических соображений. До этого Джоанна уже дважды побывала замужем. У нее было пятеро детей от сэра Томаса Холланда, а ее первый муж, граф Солсбери, был еще жив. Она была без ума от драгоценностей, обожала тратить деньги и не принесла короне важных международных союзов. Более того, казалось, что этот брак мог наделить Черного принца сомнительным статусом первого короля Плантагенета, женившегося на разведенной матери, – с тех пор, как Генрих II повел под венец Алиенору Аквитанскую.

Это не помешало отцу щедро наградить Черного принца. Ко дню своей свадьбы Эдуард уже был графом Честерским, герцогом Корнуоллским и принцем Уэльским. Его доход превышал 8000 фунтов. После свадьбы они с супругой обосновались в Кенсингтоне, новехоньком дворце, построенном мастером-каменщиком Генри Йевелем, который станет известнейшим строителем своего времени. Незадолго до своего юбилея Эдуард

подарил им новый дом. Он передал Черному принцу герцогство Аквитанское – фактически на условиях палатината[13]. Великие короли Ричард I и Эдуард I приобретали в Аквитании первый опыт правления, а Черный принц у северных границ герцогства одержал величайшую победу в битве при Пуатье. Передавая герцогство старшему сыну в дни празднования своего 50-летия, Эдуард III недвусмысленно давал понять: скоро придет время царствования Черного принца. Принц Эдуард и принцесса Джоанна уехали в Бордо в феврале 1363 года.

Участь Черного принца была определена. Но Эдуард III отлично знал историю собственной семьи и не обошел вниманием других своих сыновей. Эдуард читал записи Вильяма Ньюбургского, относящиеся к XII веку и повествующие о первых королях Плантагенетах, и в преддверии юбилея принялся планировать собственную версию семейной стратегии, которую Генрих II задумывал для своих сыновей 200 лет тому назад. Каждому из них должны были достаться уделы в разных уголках Европы, и самое крупное владение предназначалось старшему сыну.

В день своего рождения, который пришелся на последний день парламентской сессии 1362 года, Эдуард явился в парламент со своими третьим и четвертым сыновьями, Джоном Гонтом и Эдмундом Лэнгли, и наделил их необыкновенными новыми титулами. Парламентские записи дают нам представление о пышности церемонии.

> Затем канцлер сказал вельможам и представителям общин, что милорд наш король обсудил с некоторыми вельможами, что Господь истинно благословил его во многих отношениях, и особенно рождением сыновей, к этому времени достигших совершеннолетия, и он теперь хочет умножить их титулы и почести; иначе говоря, его сын Лайонел [Антверп], пребывающий в Ирландии, должен теперь именоваться герцогом Кларенсом…

Как гласят записи, Лайонел был за границей. Но Джон Гонт и Эдмунд Лэнгли были на месте и лично получили причитающиеся им почести:

> И затем наш вышеназванный милорд король одарил своего вышеназванного сына Джона копьем, и водрузил на его голову меховую шапку, а сверху – золотой венец с драгоценными каменьями, и назвал и сделал его герцогом Ланкастерским, и вручил ему хартию на имя герцога Ланкастерского. И затем он одарил своего

вышеназванного сына Эдмунда копьем, и назвал и сделал его графом Кембриджским, и вручил ему хартию на имя графа Кембриджского.

Герцог Кларенс, герцог Ланкастер, граф Кембридж: поистине, это были великие титулы. И каждый из них предусматривал номинальную ответственность за конкретную часть домена Плантагенетов.

Титул Лайонела Антверпа был относительно новым. Герцогство Кларенс было ирландским владением, к которому прилагались земли на западном побережье Ирландии. (Название Кларенс связано с семьей Клэр, от которых земля была унаследована.) Вместе с графством Ольстер, которым Лайонел владел по праву своей жены Елизаветы де Бург, графини Ольстер, новое графство Кларенс представляло собой крупнейший силовой блок в Ирландии. К моменту, когда о присвоении ему титула было объявлено в парламенте, Кларенс уже находился в Дублине: в 1361 году он был назначен наместником в Ирландии, получив в свое распоряжение 50 рыцарей, 300 тяжеловооруженных всадников и 540 конных лучников, а также право доукомплектовать армию в Ирландии. Его задача была ясна: он должен был расширить и укрепить власть Плантагенетов на диком ирландском западе. Лайонел стал первым после короля Иоанна принцем Плантагенетом, ступившим на землю княжества.

Джона Гонта король облек титулом герцога Ланкастерского, чтобы заменить Генри Гросмонта, своего друга и полководца, скончавшегося в 1361 году, предположительно от чумы, в возрасте 51 года. Гонт женился на дочери Гросмонта Бланке Ланкастерской в Редингском аббатстве в 1359 году, а со смертью тестя целиком унаследовал одно из крупнейших и важнейших владений в Англии. Заодно он вернул в собственность королевской семьи наследство заклятого врага Эдуарда II Томаса Ланкастерского. Герцогство играло ключевую роль в поддержании порядка и безопасности на севере Англии, рядом с шотландской границей, зоной военных действий, требовавшей пристального внимания.

Итак, север стал сферой ответственности Гонта. В 1350-х и 1360-х годах Эдуард III неоднократно требовал, чтобы его третий сын был признан наследником короля Давида II Шотландского, выпущенного из тюрьмы в 1357 году, но придавленного грузом обязательства выплатить гигантский выкуп. Требовал ли он корону Шотландии для Гонта, только чтобы занять выгодную позицию на переговорах и заставить шотландцев платить выкуп за своего короля, или же намерения Эдуарда были более

амбициозными, вопрос спорный. Но в начале 1360-х все шло к тому, что, пока Черный принц будет присматривать за Аквитанией, а Лайонел, герцог Кларенс, заниматься Ирландией, Джона Гонта подготовят к карьере, предполагающей ответственность за оборону севера и отношения с Шотландией.

Томас Вудстокский был еще ребенком; оставался только Эдмунд Лэнгли. Четвертому сыну короля досталась одна из важнейших сфер международной политики: Фландрия и страны исторических Нидерландов.

В ноябре 1361 года умер герцог Бургундский, оставив вдову, 12-летнюю девочку по имени Маргарет. Девочка была дочерью Людовика Мальского, графа Фландрии, и наследницей графств Невер, Ретель, Бургундия и Артуа, а также герцогств Брабант и Лимбург. Вместе эти земли создавали на севере силовой блок, не уступающий Аквитании, располагавшейся на юге: крупную, потенциально независимую группу графств, объединенную под властью одного человека, можно было использовать как силу, способную уравновесить могущество французской короны. Фландрия же, с ее богатыми торговыми городами, была настоящей сокровищницей для каждого, кому повезет ее заполучить.

Как только стало известно о смерти герцога Бургундского, Эдуард начал тайные переговоры о браке Эдмунда и Маргарет. Дело осложнялось необходимостью заручиться разрешением на брак от профранцузски настроенного папы Урбана V (1362–1370). Как и Черный принц и Джоанна Кентская, Эдмунд и Маргарет были связаны недопустимо близкими узами кровного родства. Но Эдуард III не пасовал перед трудностями. Сделав Эдмунда, которому к тому времени исполнился 21 год, графом Кембриджским, король, дабы обеспечить сына постоянными интересами в регионе, отдал ему контроль над северными французскими графствами Понтье и Кале. Началась дипломатическая кампания, требующая неистощимой энергии и коварства; она занимала все время и силы Эдуарда на протяжении 1360-х годов.

Итак, Эдуард отметил свой 50-й день рождения важными законами, уступками парламенту, созданием новых титулов для членов семьи и осуществлением династического плана для своего большого, хоть и поубавившегося выводка детей. Казалось, план был составлен так, чтобы каждый из четверых возмужавших сыновей Эдуарда мог расширить свои владения, не вступая при этом в конфликт с братьями, подобный тому, что омрачил последние десятилетия царствования Генриха II. Если Эдуард III и почерпнул что-то из текстов Вильяма Ньюбургского, так это

убеждение, что птенцы орла, покидая родное гнездо, принимаются яростно драться.

Действительно, как показали последующие десятилетия, дети Эдуарда III сохранили гораздо больше семейной верности, чем сыновья Генриха II. Их братские чувства были прочны, но, к несчастью для Эдуарда, полосе удачи, которой семья наслаждалась в 1350-х годах, приходил конец.

Фортуна разбушевалась

1369 год оказался крайне неблагоприятным для Эдуарда III и его семьи. Это был год бесконечных потерь и поражений, увенчавший десятилетие сгущающейся тьмы. Смерть следовала за смертью, болезнь за болезнью, и все, что сияло славой в 1350-х годах, внезапно развеялось по ветру, словно пепел. В делах на континенте судьба переменилась, и царствование Эдуарда неудержимо погружалось в немощность, недееспособность и смерть.

Хотя в 1360-е король заметно сократил свою деятельность по сравнению с предыдущими декадами, он вовсе не пребывал в покое. С середины десятилетия его здоровье начало ухудшаться. Король, королева и их двор проводили большую часть времени в охотничьих замках в Нью-Форесте, избегая появляться в Вестминстере и медленно сдаваясь возрасту. Эдуард нашел утешение в объятьях фрейлины своей жены, Алисы Перрерс – девушки 20 с лишним лет, одаренной чарующим голосом и умением воспользоваться подвернувшейся оказией. В 1364 году Алиса родила первого внебрачного ребенка короля; с этого времени она пользовалась своим положением фаворитки, дабы как можно выше подняться в дворцовой иерархии.

В области внутренней политики Эдуард мудро потратил отведенное ему время. Страна под его руководством пользовалась прежней славой и, как и раньше, устраивала государственные торжества. Например, в 1364 году в Лондоне одновременно принимали трех королей: Шотландии, Франции и Кипра. Полным ходом шла реформа государственного управления. Эдуард добился принятия законов, позволивших усовершенствовать механизмы обеспечения правопорядка на местах и наделить мировых судей властью отправлять правосудие в графствах. Кроме того, парламент принял ряд законов о роскоши: они определяли, какую одежду могут надевать представители разных слоев общества, и запрещали низшим классам носить дорогие меха, плащи и обувь. Продолжались последовательные попытки закрепить империю Плантагенетов за детьми короля.

Но волна угасания уносила с собой все. Какими бы тщательно продуманными ни были планы короля, прежде всего его покинула удача на международной арене. В 1364 году в Савойском дворце Джона Гонта, у самых стен Лондона, умер Иоанн II Французский. Выплаты огромного выкупа за Иоанна прекратились, и Французское королевство обрело шанс на возрождение в правление нового короля Валуа, Карла V (годы царствования:

1364–1380). Новый король намеревался опрокинуть англичан, и ему повезло найти себе умелого полководца. Бертран Дюгеклен был ветераном затянувшейся войны за Бретонское наследство, воевал с англичанами больше 20 лет, причем против таких выдающихся военачальников, как Генри Гросмонт, граф Ланкастерский. Со временем он станет грозой англичан, мастером партизанской тактики и изнуряющих кампаний, способных довести до изнеможения английские армии вторжения.

Театром, на котором война возобновилась в первую очередь, стала не Северная Франция или Аквитания, где достичь успеха было бы проще. Но Англию втянули, сыграв на амбициях Черного принца, в сложную и истощающую чужую войну в жарких землях и нездоровом климате Иберии. Между двумя сыновьями Альфонсо XI развернулась борьба за трон Кастилии. Одним из претендентов был бастард Энрике Трастамара, другим – правящий король, его сводный брат Педро Жестокий. Хронист Томас Уолсингем описывал Педро как «гнусного злодея и тирана», а его имя на Иберийском полуострове стало синонимом зверства и смертоубийства.

Педро унаследовал трон от отца в 1350 году, а в 1362 году вышел из давнего союза с Францией и перешел на сторону Англии. Когда Карл V взошел на французский престол, ему очень пригодился повод наказать кастильского короля за нарушение верности. Война давала возможность перехватить инициативу и, что еще важнее, надежду, что вольные отряды жестоких рутьеров, опустошавших и терроризировавших сельскую Францию, отвлекутся на новую, многообещающую войну на юге. Эти бандформирования годами устраивали беспорядки и хаос во Франции, особенно в Бретани, Нормандии и в долине Луары.

Никому не подчинявшиеся шайки демобилизованных солдат, рассеявшись по французским долам и весям, захватывали замки, поместья и церкви, используя их как базы для оккупации прилегающих территорий. Они грабили, убивали, жгли и насиловали без разбору. Затем, разорив окрестности, они перемещались в соседнюю местность и принимались за нее. Простые французы считали их наказанием, посланным Богом. Новый король видел в них помеху стабильности любого правления. И, когда представился шанс, король Карл встал на сторону Энрике Трастамары, поддержав его в попытке низложить Педро. В 1366 году кастильского короля вытеснили из Кастилии прямо в руки Черного принца, в Байонну. Вполне предсказуемо, принц принял Педро как друга и быстро втянул Англию в новую войну.

Как и все эдвардианские войны, война за трон Кастилии оказалась страшно дорогой. Черный принц, прибыв в герцогство в 1363 году, уже успел обложить Аквитанию серией непопулярных *fouages* («подымная подать»), что не способствовало сплочению его нового герцогства и охладило теплый прием, каким поначалу встретили его правление. В 1366 году он бесстрашно согласился взять на себя все затраты по вторжению в королевство Педро и по изгнанию французов. В обмен Педро отдал двух своих дочерей, Констанцию и Изабеллу, в качестве обеспечения расходов на военную экспедицию, составивших 276 000 фунтов. (Девушки позднее выйдут замуж за братьев Черного принца, Джона Гонта и Томаса Вудстока.) Но принцу следовало бы задуматься, есть ли у такой маленькой и бедной страны, как Кастилия, средства, достаточные, чтобы покрыть свою долю расходов.

Кампания началась многообещающе. Пока собиралась армия, 6 января 1367 года принцесса Джоанна родила Черному принцу второго сына. Мальчик появился на свет в Бордо и получил имя Ричард в честь Ричарда Львиное Сердце, славного сына Аквитании. На его крестины собрались те, кого кентерберийский хронист Уильям Торн назвал тремя «волхвами»: король Педро Испанский, король Майорки Хайме IV и армянский царь. Три короля при дворе и ребенок, рожденный в крещенский сочельник, – это посчитали знаком, что мальчику уготованы великие свершения, и благоприятным началом сезона военных кампаний для его отца.

Через несколько месяцев принц одержал третью и в некоторых отношениях величайшую победу в своей военной карьере, в битве при Нахере. Вместе с братом, Джоном Гонтом, принц Эдуард повел армию гасконцев и наемников через Пиренеи вниз, мимо Логроньо, к берегам реки Нахерильи, где ждал его Энрике Трастамара.

Принц по-прежнему был на пике своей военной формы, а в битве при Нахере ему помогла и некомпетентность Энрике Трастамары. Кастилец проигнорировал письмо Карла V, настойчиво предупреждавшего его об опасности столкновения с англичанами, в армии которых, как писал французский король, воюет «мировой цвет рыцарства». Так оно и было. Объединенными силами гасконских вассалов и английских солдат командовали прославленные командиры: сэр Джон Чандос, Стефан Кушингтон и пуатевинский дворянин Жискар д'Англ. Спускаясь с Пиренеев к месту битвы, Черный принц посвятил в рыцари еще 200 своих соратников.

Когда эти рыцари, спустившись с гор, внезапно появились перед ним, Энрике Трастамара запаниковал. Вместо того чтобы

уклониться от битвы, он занял оборонительные позиции у реки Нахерилья и приготовился к бою, против которого Карл V так настоятельно его предостерегал. Рано утром 3 апреля английские части застигли Энрике и Дюгеклена врасплох, атаковав их с левого фланга, и устроили полный хаос. Под уже традиционным огнем из длинных луков и яростными атаками спешившихся латников франко-кастильские силы дрогнули, а затем кавалерия загнала их в реку. Как минимум 5000 человек со стороны Энрике утонули или были убиты. Энрике бежал, спасая свою жизнь, но Дюгеклена удалось схватить, а вместе с ним почти всех аристократов франко-кастильской армии.

Это был еще один славный триумф английского принца в битвах с французской армией. Тактически это была лучшая из побед Черного принца, пусть в этот раз его блистательные заложники и не могли сравниться с теми, что были захвачены при Пуатье в 1356 году. В гуще битвы Черный принц еще раз показал себя умелым, безжалостным и храбрым воином.

Но, если военная победа была полной и блестящей, политические и личные последствия битвы при Нахере оказались чуть ли не катастрофическими. Хотя Педро Жестокий вернул себе трон, он не смог собрать денег, чтобы заплатить Черному принцу за помощь. Черный принц фактически обанкротился, а гасконские лорды давили на него, требуя оплаты своих услуг. Даже продав драгоценности Педро и получив выкуп за ценных заложников, взятых при Нахере, не удавалось покрыть военные расходы.

Хуже того, английскую армию подкосил зной южного лета. Инфекции и болезни, в том числе повальная дизентерия, пронеслись по ее рядам и сопровождали воинов на обратном пути в Бордо, куда они отправились в конце длинного лета 1367 года.

Хвори мучали богатых так же тяжко, как и бедняков. Где-то в Нахере Черный принц подхватил серьезную болезнь – возможно, малярию или, что более вероятно, водянку, которая то и дело приковывала его к постели на протяжении оставшейся жизни. Когда принц вернулся в Гасконь, священник прочел проповедь, сравнивая его с Сыном Божьим. «Никто не должен даже величайшего принца превозносить так прямо в глаза, – вспоминал Эдуард позже, когда болезнь сотрясала его тело. – Фортуна может предать его в любой момент и все его славные деяния будут забыты и превратятся в ничто».

Так оно и оказалось. От болезни, которую он подхватил в Иберии, Черный принц никогда окончательно не оправится. Двойной удар, нанесенный пошатнувшимся здоровьем и банкротством принца, стал губительным для правительства Аквитании и в целом для положения Англии во Франции. Педро

Кастильский удержался на троне, но Черному принцу он за это не заплатил ни пенни. Хотя за ценных заложников вроде Дюгеклена удалось получить крупные выкупы, по сравнению с огромным долгом это были жалкие крохи. Единственным выходом Черному принцу показалось решение обложить Аквитанию очередными неподъемными *fouages*. Этим он настроил против себя местных вельмож, и в 1368 году они пожаловались на Черного принца Карлу V, как «сюзерену герцога и всего герцогства Аквитания». Апелляция по сути представляла собой не слишком замаскированное требование к Карлу возобновить войну с Англией на французской территории. В конце 1368 года у границ Аквитании скопились французские войска. Весной 1369 года сотни городов присоединились к апелляции против власти Плантагенетов, и крупные области герцогства перешли к Франции.

Тем временем в Кастилии собрался с силами Энрике Трастамара. В марте 1369 года он убил своего братца Педро, заколов его кинжалом в палатке после битвы при Монтелье. Вскоре после этого Энрике и Карл подписали совместный договор, который позволял крупному военному флоту ходить у берегов Гаскони. Паника охватила не только прибрежные гасконские города, но и южное побережье Англии, где ощутили новую угрозу со стороны Атлантики и Ла-Манша. Пришло болезненное осознание бесплодности кастильской кампании Черного принца, а сам он был слишком болен, чтобы собрать новые силы и защитить свою землю от усилившейся Франции. В 1370 году он готовился отбыть во Англию; совершенно сломленный, принц вернулся домой в январе 1371 года.

Одновременно с ним Англии достигло известие, что Плантагенеты лишились одного из братьев. Лайонел Антверп, герцог Кларенс, как и все принцы до него, нашел свою задачу по внедрению в Ирландии английского закона и порядка совершенно непосильной. Его жена скончалась в 1363 году, а в 1366 году он отказался от укрощения Ирландии, признав задачу безнадежной. Эдуард III устроил для него новый брак, сугубо корыстную сделку: герцог женился на 13-летней Виоланте Висконти, наследнице Павии и представительнице знаменитой династии Висконти – воинственных властителей Милана, грозы соседних итальянских городов-государств. Лайонелу и Виоланте организовали пышное венчание в Миланском кафедральном соборе, а свадьбу, не скупясь на расходы, праздновали еще несколько месяцев. Говорят, что среди гостей на одном из шикарных обедов, устроенных молодоженами, был и поэт Петрарка. Но жизнь на широкую ногу не пошла Лайонелу на

пользу. Через несколько месяцев он скончался.

Королева Филиппа угасала. В 1357 году она вывихнула плечо на охоте и так и не оправилась от этой травмы. С 1365 года ей было сложно передвигаться, а к 1367 году она могла путешествовать только в паланкине или на лодке.

15 августа 1369 года она скончалась. С нею рядом присутствовали Эдуард и их сын-подросток Томас Вудсток. Король держал жену за руку и плакал горькими слезами. Девушка, прибывшая в Англию через несколько дней после похорон Эдуарда II, прошла с мужем и их семьей путь от марионеток в руках Изабеллы и Мортимера до самой грозной европейской династии. Она вела фантастически богатую и роскошную жизнь: Фруассар в своих хрониках утверждает, что последнее, о чем она попросила короля, – оплатить ее долги заморским купцам. Филиппа была мужу замечательной спутницей жизни, а своим многочисленным детям – заботливой матерью. Эдуард был безутешен.

Сам король тоже был нездоров. С середины десятилетия он все чаще прибегал к услугам дорогостоящих хирургов и докторов – горькая судьба мужчины на шестом десятке лет. Родные и друзья уходили в мир иной, и Эдуард вел замкнутую жизнь в кругу придворных. Он пережил свои великие победы.

И все же в 1369 году пришло время дать еще одну битву. На натиск Карла V Эдуард мог ответить только войной. Парламентские записи 1369 года гласят: «…было решено всеми прелатами, магнатами и общинами Англии… с согласия всего парламента, что король Англии должен вернуть себе имя короля Англии и Франции, каковым он пользовался до заключения мира…» Мирный договор был официально расторгнут. Больному, страдающему Эдуарду нужно было каким-то образом мобилизовать страну на новый виток кровопролития. Это была нелегкая задача.

Добрый парламент

Здание капитула Вестминстерского аббатства было забито решительно настроенными людьми. Шел второй день парламентской сессии, 29 апреля 1376 года. На протяжении трех недель, с самой Пасхи, люди со всех уголков Англии съезжались на политическое паломничество в Вестминстер. На заседание палаты лордов прибыли чуть ли не все английские магнаты. К ним присоединились представители графств: рыцари и джентри, заполнившие капитул в качестве палаты общин.

Накануне все члены парламента собрались вместе. Хворающий король приехал из Хаверинга и присутствовал на церемонии открытия, но это была его последняя встреча с парламентом. В его отсутствие королевскую власть представлял Джон Гонт. Он заседал с прочими лордами в Расписанной палате Вестминстерского дворца. Палата общин разместилась в здании капитула аббатства – большом восьмиугольном каменном сооружении, в котором монахи ежедневно молились, читали и обсуждали главы устава святого Бенедикта. Здание было памятником бурных 1250-х годов, когда Генрих III капитально перестраивал аббатство – в те самые дни, когда его зять Симон де Монфор во имя реформ причинил столько неприятностей монархии Плантагенетов.

Это было величественное здание: Матвей Парижский называл его «несравненным». Пол был выложен плиткой с изображениями королей и королев, а также герба Плантагенетов. По нему вилась надпись, превозносившая красоту капитула и необыкновенную щедрость его строителя-короля: «..как роза есть цветок цветков, так и это есть обитель из обителей, которую король Генрих, чтящий Христа и Святую Троицу, им посвятил…»

Теперь же каменное помещение заполнили члены палаты общин: прошагав по устланному плиткой полу, они заняли свои места на каменных ступенях у стен. Над их головами свет пробивался сквозь витражные окна, украшенные геральдическими символами, которые всем, кто их видел, должны были напоминать о могуществе Плантагенетов. Но палата общин собралась не для того, чтобы превозносить монархию. Люди явились сюда, чтобы предпринять нечто в духе де Монфора и призвать короля навести порядок в бедствующем королевстве.

В годы, последовавшие за возобновлением войны с Францией, страна испытывала унижение за унижением. Игнорировать ситуацию было невозможно. Необходимо было что-то предпринять. Шесть лет Англия все стремительнее погружалась в

кризис. В военной сфере страна пережила весь ассортимент катастроф. Новую войну предполагалось начать там, где Англия остановилась в 1359 году. Но на этот раз англичане столкнулись с решительно настроенным врагом, собственным слабым командованием и хронической нехваткой везения.

Поражения уже перестали считать. На организацию шевоше под командованием опытного рыцаря и непревзойденного джентльмена удачи сэра Роберта Ноллеса в 1370 году постоянно не хватало денег; солдат распустили через шесть месяцев с начала кампании, которая должна была продлиться два года. В том же году к недомогающему Черному принцу, пытавшемуся сдержать французов у границ Аквитании, присоединились его братья Джон Гонт и Эдмунд, граф Кембриджский. Их усилия оказались бесплодными. Герцогству не по нраву пришлось господство англичан, и город за городом добровольно распахивал ворота перед французами, стоило тем только показаться. В середине сентября 1370 года, когда Лимож сдался герцогу Берри, Черный принц жестоко отомстил городу, в наказание за измену разгромив и спалив его дотла. Фруассар, может, и приукрасил свое описание и преувеличил количество жертв, но запечатлел творившийся кошмар:

> Принц, герцог Ланкастер, графы Кембридж и Пембрук, мессир Жискар д'Англ и другие, ринулись в город вместе со своими людьми и полчищами мародеров. Все они были вооружены до зубов… Это было душераздирающее зрелище, когда горожане падали на колени перед принцем, умоляя: «Пощады, господин, пощады!» Но он был так разъярен, что никого не слушал… Захватчики, не внимая мольбам, предавали мечу всех, кто попадался им на пути… Три тысячи человек, мужчин, женщин и детей, было убито в тот день. И разбой не прекратился, пока весь город не был разрушен и предан огню.

Жалкое зрелище: Черный принц, которого несут в паланкине, приказывает убивать невиновных, обуреваемый бесплодной жаждой мести. Таким стал последний значительный вклад принца в войну. В 1371 году Черный принц, сломленный, слишком больной, чтобы воевать или править, вернулся в Англию. Два года спустя от английских владений в Аквитании всего-то и оставалось, что узкая полоса вдоль побережья.

Черный принц вышел из игры, и 1372 год принес Плантагенетам новые несчастья. Англия предприняла две попытки вторгнуться в Аквитанию с моря. Первый флот, под

командованием графа Пембрука, был захвачен; второй флот, отплывший из Кале под командованием короля, сильный встречный ветер загнал обратно в порт. Это была последняя кампания, которой король пытался руководить лично. Попытка провалилась, и он удалился от мира: разум и тело все сильнее его подводили.

Теперь и война, и дела государства легли на плечи Джона Гонта. В военном отношении герцог, конечно, не мог сравниться со своим отцом или старшим братом, но к 1373 году под его защитой осталось не так уж много земель. Правивший в Бретани проанглийский герцог Жан де Монфор был вынужден бежать к английскому двору. Аквитания пала, и от территорий, отошедших к Англии в 1360 году, остались жалкие крохи. Шевоше, которыми в 1373 году Гонт командовал лично, не принесли успеха из-за осторожной стратегии французов, которые увиливали от боя, доводя англичан до полного изнеможения. Пролив заполонили пираты. Для многих, особенно для богатейших лондонских торговцев шерстью, угроза морским перевозкам стала настолько актуальна, что они фрахтовали частный флот для самозащиты. Английские претензии на французский трон обернулись такой же пустой юридической фикцией, как и всегда начиная с 1340 года. Все, что оставалось, – это просить мира, и в 1375 году в Брюгге Англия и Франция заключили перемирие сроком на год.

Палата общин, заседавшая в здании капитула, знала обо всех этих бедствиях не хуже любого в королевстве. В конце концов, это к ним регулярно поступали запросы на взыскание новых налогов для финансирования безрезультатных кампаний начала 1370-х годов. Чтобы никаких сомнений не осталось, свидетельствует Анонимная хроника, когда парламент начал работу, канцлер сэр Джон Найвет, стоя перед собравшимися, рассказал, «что королевство Англия в опасности и под угрозой уничтожения неприятелем… и поэтому сэр Джон от имени короля просит о помощи и поддержке в борьбе против его врагов». Король, сказал он, просит налога в «1/10 с клириков и в 1/15 с мирян». Перемирие, заключенное в Брюгге, закончится, и через год снова будет нужно воевать. Знакомая история.

Но провалы в международной политике были только частью проблемы. В стране росло ощущение, что уверенное, харизматичное правление, к которому привыкли за годы царствования Эдуарда, сменилось вакуумом власти. Как это все было не похоже на славные дни, какие некогда знавала Англия! «Мало-помалу все радостные и благословенные вещи, везение и процветание угасали и таяли», – писал хронист Томас Уолсингем.

Король, как и его старший сын, сдался немощи и потерял

дееспособность. Двор Эдуарда, некогда обитель рыцарского духа, заполонили ненасытные прихлебатели во главе с Алисой Перрерс. Амбициозная любовница короля годом ранее до глубины души возмутила общественность, продефилировав на лошади по Лондону, по дороге из Тауэра на турнир в Смитфилде, разодетая, как Леди Солнца. Она разряжалась в пух и прах за счет стареющего короля, пока страна слабела от неустроенности. В графствах углублялся кризис законности и правопорядка. Великие магнаты конфликтовали друг с другом. Епископы были недовольны: чтобы расплатиться с папой римским за посредничество на переговорах в Брюгге в 1375 году, Джон Гонт впервые с 1340-х годов разрешил обложить английских клириков налогом в пользу папы.

Для финансирования войны все чаще применялись коррупционные схемы. Чтобы по-быстрому стрясти денег с итальянских купцов, им продавали лицензии, позволявшие обходить закон об обязательной выгрузке в порту Кале. Другие торговцы или ссужали правительству деньги под грабительские проценты, или выкупали государственные долги по сниженной ставке и обналичивали их – практика, которая обеспечивала короне краткосрочную ликвидность, но поощряла спекуляцию. Лондон гудел от напряжения между торговыми гильдиями и иностранными купцами. Власть слабела как в центре, так и на местах. Это был кризис – вне всякого сомнения.

Палата общин была настроена воинственно. Различные группы интересов – торговцы, рыцари, мелкопоместные дворяне – объединились, спаянные общим ощущением, что их долг – наставить короля и правительство на путь истинный и исправить их ошибки. Более того, они знали, что обладают необходимой для этого властью: если они откажутся одобрить очередной налог, королю не на что будет воевать. Следующие десять недель – самая длительная сессия с момента основания парламента – они были заняты продвижением ряда незаурядных реформ и судебных процессов в отношении королевского правительства и тех его чиновников, кто, по их мнению, действовал ему во вред.

Чуть ли не каждый день с открытия так называемого доброго парламента 28 апреля и до его роспуска 10 июля 1376 года приносил все новые потрясения правительству Эдуарда. Члены палаты общин начали с того, что поклялись друг другу во взаимной поддержке, а затем перечислили все жалобы на коррупцию и дурное руководство в одной бесконечной петиции. После этого они избрали спикера – сэра Питера да ла Мара.

Де ла Мар был сенешалем графа Марча. Видный представитель хартфордширского рыцарства, он служил в

графстве шерифом и собирал войска под знамена Марча для ирландской кампании 1373 года. Он был красноречив, отважен, дальновиден и имел хорошие связи с членами палаты лордов. И именно палате лордов, во главе с Джоном Гонтом, де ла Мар предъявил в начале мая длинный список претензий палаты общин к правительству страны. Представители графств потребовали создать комитет из 12 лордов, которые должны были встретиться с палатой общин и обсудить, как навести порядок в королевстве.

Инструмент давления, которым пользовался де ла Мар на переговорах в «добром парламенте», был не нов. Без реформ, упорно твердил он Джону Гонту и комитету лордов, не будет никаких налогов. Требованием прямого непосредственного участия в реформах де ла Мару и палате общин в 1376 году удалось повысить роль представителей графств в правительстве Плантагенетов до невиданного уровня. В 1341 году, когда правительство Эдуарда переживало последний серьезный политический кризис, основные дебаты разворачивались между лордами и королем, а роль общин была крайне незначительна. В 1376 году общины вышли на первый план.

Учитывая неурядицы в правительстве и настоятельную необходимость добыть денег на войну, пока не истек срок перемирия, заключенного в Брюгге, Джону Гонту не оставалось ничего другого, кроме как выслушать их. Он услышал хор жалоб на политику короля, сводившихся к недовольству нечистыми на руку людьми, приближенными к впадающему в старческий маразм монарху. После долгих совещаний Гонту и парламенту представили обвинения против трех конкретных лиц: лорда Латимера, старого солдата, служившего управляющим королевского двора; Ричарда Лайонса, богатого купца и советника короля, ссудившего короне внушительную сумму; и против фаворитки Алисы Перрерс, захватившей земли, опеки и драгоценности, принадлежавшие королеве Филиппе. Ее власть над королем была сродни колдовской; Томас Уолсингем писал, что Алиса «имеет сегодня такое влияние и силу, что никто не осмеливается и слова против нее сказать». Первых двух обвинили в финансовой коррупции и нарушении законов, регулирующих торговлю в порту Кале; что касается Алисы Перрерс, палата общин потребовала, чтобы ее удалили от короля. К концу мая были выдвинуты новые обвинения: против лорда Невилла, еще одного ветерана и сенешаля королевского двора, а также трех торговцев.

Все, что мог сделать Джон Гонт перед лицом таких серьезных обвинений, так это попытаться выиграть время. Он приостановил

работу парламента и уведомил отца, что возникли серьезные проблемы и что ряду его приближенных грозят аресты. Согласно Анонимной хронике, «герцог [то есть Гонт] послал нескольких лордов, чтобы сообщить [Эдуарду] о рекомендациях палаты общин и о том, что с согласия лордов ему советуют избавиться от присутствия тех, кто не приносит ему ни добра, ни пользы… и король благодушно сказал лордам, что он полностью согласен сделать все, что пойдет на пользу королевству… [и] что он готов поступать согласно их совету и постановлению». Это был удивительно смиренный ответ. Вероятно, Эдуарда предупредили, что парламент подумывает низложить его, как в свое время его отца. Этого позора он бы не перенес. Лев, грозно рычавший в 1341 году, превратился в мышь.

Все, кого палата общин обвинила в преступлениях, предстали перед судом парламента в июне 1376 года. Когда де ла Мара спросили, кто выдвинул обвинения против подсудимых, он ответил, что сделали они это «сообща». Тем самым был дан старт первому парламентскому импичменту. Латимера обвинили в целом ряде преступлений, совершенных в Бретани, включая вымогательство денег у короля, пренебрежение обороной герцогства, крупную растрату военных фондов и так далее. Его признали виновным и приговорили к тюремному заключению. Лайонс, купец Адам Бьюри и Алиса Перрерс поплатились землями и имуществом, а дело в отношении лорда Невилла прекратили. В помощь королю был избран совет девяти.

Правительство обновили капитально и с самыми благими намерениями. Однако предусмотреть все отдаленные последствия реформ не удалось. Парламент был занят процедурой импичмента, когда на Троицу, 8 июня 1376 года, скончался Черный принц. Даже пока он лежал, прикованный к постели, противоборствующие фракции «доброго парламента» пытались заручиться его поддержкой. Сэр Ричард Лайонс, например, послал ему большую бочку золота, чтобы тот защитил его от палаты общин. (Когда принц отверг подношение, Лайонс передал золото королю, который от подарка не отказался, сказав: «Он не может дать нам ничего, что нам бы и так уже не принадлежало».)

«Умерла надежда Англии», – писал Томас Уолсингем о смерти Черного принца. И действительно, многие авторы в 1376 году разделяли ощущение, что – пусть великий король Эдуард еще цеплялся за жизнь – с уходом Черного принца Англия потеряла последнего из героев эдвардианской эры. На счету Черного принца были победы, которые англичане считали величайшими из всех, какие когда-либо выпадали на долю королевства: Креси, Пуатье, Нахера, Лимож. Принца похоронили,

воздав ему величайшие воинские почести. В своем завещании он просил, чтобы его погребли не в Вестминстере, а в Кентербери (куда его тело перенесли в октябре 1376 года), рядом с Томасом Бекетом.

> Когда наше тело понесут по городу Кентербери в аббатство, два боевых коня, покрытых попонами с нашим гербом, и два человека, облаченных в наши доспехи и в наших шлемах, пусть шествуют перед нашим телом, а именно один – с нашим воинским гербом, на четыре части разделенным, а другой – с нашим мирным гербом с перьями страуса и с четырьмя штандартами того же вида: каждый из тех, кто понесет штандарты, должен иметь головной убор с нашим гербом. Рядом с тем, кто понесет воинский герб, должен идти вооруженный человек, несущий черный вымпел со страусиными перьями.

Это были проводы солдата. Его могилу украсили символами Святой Троицы, перед которой принц благоговел, доспехами, напоминающими о его воинской славе, и девизом принца «Ich dien» («Я служу»). В последние годы, омраченные болезнью, принц стал склонен к меланхолии, – угнетенный тем, что сила его воинского духа ограничена неминуемой хрупкостью плоти. Вокруг своей гробницы в кафедральном соборе Кентербери он завещал выгравировать слова французской поэмы, предупреждающей других об этом проклятии:

> Когда-то я таким же был, как ты.
> И ты таким, как я, однажды станешь.
> Так редко я о смерти вспоминал,
> Пока земною наслаждался славой,
> Несметными богатствами владел,
> Именьями, домами, лошадьми, сокровищами, златом и деньгами…
> Но ныне я несчастный узник,
> Лежу глубоко под землей…
> Конец настал красе моей,
> И плоть сошла с костей…

Потеря принца, хоть и была неизбежна, нанесла последний роковой удар по царствованию Эдуарда. Более того, скончавшись, принц катапультировал в центр английской политики последнего из Плантагенетов: девятилетнего мальчика по имени Ричард

Бордоский.

Новый король, старые проблемы

Ребенок вышел к своему народу. Ричард Бордоский предстал перед собравшимися в «добром парламенте» лордами и общинами и услышал, как несколько сотен человек приветствуют его и требуют, чтобы ему воздали почести и наделили титулами. Вокруг восседали разодетые магнаты, важные епископы и аббаты, торговцы в прекрасных мантиях и драгоценностях, представители графств – и все глядели на него с надеждой. Его окружали старые, мудрые и богатые мужчины. Юного Ричарда не отпускала мысль, что все эти люди приветствовали его, и только его одного. Неплохое начало политической карьеры для новоиспеченного наследника трона.

Это было 25 июня 1376 года, всего через две недели после смерти Черного принца. «Добрый парламент» взялся за дело всерьез, вычищая королевский двор и призывая к ответу людей, которых общины обвиняли в некомпетентном ведении войны. Главным образом страсти кипели вокруг смелых попыток сэра Питера де ла Мара дать бой за реформы напрямую Джону Гонту. Но, когда умер Черный принц, разгорелись споры вокруг другого вопроса: что произойдет, когда король сойдет в могилу вслед за старшим сыном? Кто сможет обеспечить преемственность рода Плантагенетов?

Со смертью принца Эдуарда следующим в очереди на престол стал Ричард Бордоский. Это было несомненно. Сомнения вызывал вопрос, позволят ли ему взойти на трон мирно. Ребенку было девять лет. Учитывая, что Эдуард III превратился в заговаривающегося слабоумного, царствование нового короля почти наверняка начнется с длительного периода малолетства, какой с нормандского завоевания наблюдался в истории страны лишь однажды – при Генрихе III, строителе величественных зданий, где заседал теперь парламент. Каждый, кто был в курсе семейной истории Плантагенетов, знал, что малолетство Генриха III было омрачено вторжением Франции, а также долгой и разрушительной гражданской войной.

Можно было вспомнить и о коротком – с 1327 по 1330 год – малолетстве нынешнего короля Эдуарда III, прошедшем под властью жадного регентского правительства Роджера Мортимера и королевы Изабеллы. Многие считали подобную опасность такой же реальной и в 1370 году. Распространился страх, особенно в Лондоне, что Джон Гонт, подобно Мортимеру в 1320-х годах, имеет собственные виды на трон.

Это было несправедливое обвинение. Гонт – безусловно,

прямолинейный политик и беспощадно честолюбивый магнат, тем не менее едва ли намеревался отнять у наследника отцовскую корону. Он был лоялистом до мозга костей. Но в 1376 году в Вестминстере верили в это не многие.

В качестве гарантии, что Гонт не готовит захват трона, палата общин потребовала, чтобы 25 июня малолетний Ричард Бордоский предстал перед ними, дабы – как сформулировано в официальных документах – «лорды и общины могли увидеть и поприветствовать Ричарда как законного наследника королевства». Это отчаянное желание определить несомненного наследника, должно быть, буквально пульсировало в воздухе Лондона, когда Ричард вышел к своим будущим подданным.

Симон Садбери, 60-летний архиепископ Кентерберийский, поднялся и обратился к собравшимся лордам и представителям общин. Король, сообщил он, уполномочил его говорить от его имени. Согласно парламентским свиткам, Садбери сказал, что, «несмотря на то что благороднейший и могущественнейший принц милорд Эдуард, бывший принц Уэльский, усоп и отошел ко Господу, принц как будто бы еще здесь и не покинул нас, потому что он оставил по себе такого благородного и прекрасного сына, свою точную копию или истинное подобие…»

Когда Садбери закончил говорить, общины подняли шум. Они спрашивали «все как один, не будет ли [королю] угодно наградить Ричарда именем и почестями принца Уэльского», принадлежавшими его отцу. Им ответили, что наделять титулами – исключительная прерогатива короля. Но Ричард, как и все окружающие, знал, что ему не придется долго ждать титулов и почестей, соответствующих его новому положению.

Примерно через год Эдуард III умрет: в одиночестве – если не считать священника, – пережив несколько ударов, практически лишившись рассудка и едва способный говорить. Томас Уолсингем писал, что Алиса Перрерс, бросив короля на смертном одре, прихватила с собой перстни с его пальцев. Последний раз он появился на людях, когда в Шин прибыла делегация лондонцев: король встретил их спеленутый в парчу и буквально пришпиленный к креслу – иначе он не мог держаться прямо. 21 июня 1377 года сознание окончательно покинуло короля, который царствовал больше 50 лет. Эдуарду было 64 года. Он пережил почти всех своих товарищей – и все свои победы.

Старого короля проводили в последний путь в воскресенье, 5 июля, устроив ему самые помпезные похороны из когда-либо виданных в Англии. Литании длились три дня и обошлись в тысячи фунтов. Чуть ли не весь Лондон и Вестминстер были задрапированы черной тканью; город освещали тысячи мрачных

факельщиков, одетых во все черное. Церемонию проводил архиепископ Садбери: тело короля, укрытое красным плюшем с белым крестом, положили в гроб и отнесли в Вестминстерское аббатство, где поместили рядом с усыпальницей жены, королевы Филиппы. Посреди похорон в аббатскую церковь вошел рыцарь и передал в качестве подношения меч и щит. Другой церемониальный меч поместили над сиденьем короля в часовне Святого Георгия в Виндзоре. После чего судьба Англии и дома Плантагенетов оказалась в руках внука усопшего – и поколения, знавшего мир только таким, каким он был в 1370-е годы, во времена упадка, разрухи и увядания. Вся страна в ожидании взирала на Ричарда.

Коронация состоялась в четверг, 16 июля. Толпа, собравшаяся в Лондоне ради торжественных похорон короля, наблюдала теперь, как город расцветает: трепещущее сердце, полное светлой надежды. В 1377 году Адам Хоутон, епископ Сент-Дэвидса, сказал, обращаясь к парламенту, что Ричард послан Англии Богом, подобно тому, как Христос был послан на землю, чтобы спасти свой народ. Когда вечером перед коронацией королевская процессия двигалась из Тауэра в Вестминстер, улицы столицы запрудила такая толпа, что Джону Гонту пришлось разгонять людей мечом. На Чипсайде, главной магистрали, пересекавшей город с востока на запад, из трубы три дня текло вино: темная пурпурная река вела к большому потешному замку на западном конце улицы. На башенках замка сидели девочки – ровесницы Ричарда, одетые во все белое, символизируя возрождение и очищение, охватившие страну с восхождением на трон нового короля – впервые за полвека.

Ричард, в самом центре процессии, купался в обожании масс. Рядом с ним ехал наставник мальчика, заменивший ему отца: сэр Саймон Берли, верный солдат, служивший отцу Ричарда в Аквитании, воевавший с ним при Нахере и в Лиможе. Он был рядом с Ричардом все его детство и активно участвовал в воспитании юного короля последние несколько лет. Он готовил принца к церемонии коронации, но не мог подготовить его к тому шуму и энтузиазму, с каким люди приветствовали его на улицах.

Церемония коронации и помазания на царство, состоявшаяся в тот бурный четверг, запомнится королю на всю жизнь. Ему было всего десять лет, когда он стоял перед своим народом и торжественно клялся соблюдать законы и обычаи предков, осуществлять правосудие и соблюдать законы, которые его народ «справедливо и разумно» установил. Потом, под шумное одобрение, его представили всем собравшимся в аббатстве. Обычно делали наоборот: сперва люди приветствовали короля, а

потом он произносил клятвы. В этот раз все устроили по-другому, чтобы подчеркнуть, что этот король взошел на трон по праву его семьи, а не потому, что избран народом.

Когда приветственные возгласы стихли, Ричарда помазали святым миром, укрыв от взглядов собравшихся золотой парчой. Масло коснулось обнаженной кожи на руках, груди, плечах и лбу, освящая его и отделяя от обычных людей. Ричарду вручили скипетр, меч и коронационный перстень, а затем архиепископ Садбери и граф Марч его короновали. Это был опыт, повергший маленького мальчика в трепет и навсегда внушивший Ричарду уверенность, что он король по праву, данному Богом. Из аббатства его вынес на плечах сэр Саймон Берли. Вокруг юного короля была такая суматоха, что с его ноги слетела туфля.

Такой опыт был типичен для первых лет царствования Ричарда. На одной публичной церемонии за другой его приветствовали и превозносили как подобного Христу спасителя измученного народа. Великие люди королевства постоянно призывали народ повиноваться новому королю: на следующий день после коронации епископ Рочестера Томас Бринтон прочел проповедь, где потребовал, чтобы каждый подчинился Ричарду ради безопасности всего королевства. При дворе Ричарда постоянно равняли с отцом: мальчик рос в окружении старых товарищей отца, ожидавших, что он станет королем, каким не суждено было стать Черному принцу.

Но у монархии была и другая сторона. Как бы ни радовалась страна, заполучив нового короля, она отчаянно ждала от него исполнения неотложных обязанностей. Англия находилась в страшной опасности. Лето, озаренное коронацией Ричарда, омрачалось расширяющимся кризисом в области безопасности. Как писал хронист, известный под именем Монах из Ившема:

> В этот год… полностью провалились мирные переговоры [с Францией]; французы отказались сохранять мир, если только не будут достигнуты крайне выгодные для них условия… Тогда же шотландцы сожгли город Роксборо… Вслед за этим французы 21 августа высадились на острове Уайт; разграбив и сжегши несколько поселений, они взяли с острова тысячу марок выкупа. Затем они вернулись в море и вплоть до Михайлова дня ходили вдоль берегов Англии. Они сожгли множество поселений и убили… всех людей, кого смогли найти… Считается, что в это время случилось больше зла, чем принесли вражеские атаки на Англию за предыдущие 40 лет. [Во время битвы с

французскими пиратами при Льюисе] был взят в плен один француз… который, умирая… заявил: «Если бы англичане избрали своим королем герцога Ланкастера, французы не вторгались бы в страну, как они делают это сейчас».

Что мог противопоставить этому малолетний король?

Очень мало. Англии нужен был какой-то институт управления на то время, пока спаситель вырастет и станет полноправным королем. Имелся и пример для подражания – правление Генриха III, регентом при котором был официально назначен Уильям Маршал. Но в 1377 году единственным кандидатом на этот пост был, по утверждению Монаха из Ившема, Джон Гонт. Гонт урегулировал конфликт с парламентской палатой общин после бурь 1376 года, но его мотивы и способности все еще вызывали большие сомнения. В феврале 1377 на судебном процессе, состоявшемся в Лондоне, он выступил в защиту своего протеже, религиозного реформатора Джона Уиклифа. Неуклюжее вмешательство Гонта спровоцировало волнения в столице. Он мог вывести из себя кого угодно, что делало его маловероятным кандидатом на официальную должность в новом правительстве.

Вместо этого страна остановилась на наспех состряпанной стратегии. С момента коронации и в дальнейшем Ричарда считали королем в собственном праве, установив видимость компетентного правления. В помощь Ричарду беспрестанно собирались советы в составе 12 влиятельных вельмож, но приказы и хартии Ричард скреплял собственной печатью. Правление велось от имени короля, но государственными делами заправляли его придворные. Ближе всех к нему были бывшие вассалы и слуги Черного принца: Берли, сэр Жискар д'Англ, который после коронации был повышен до графа Хантингдона, и Обри де Вер. Решение не идеальное, но продиктованное необходимостью. Южному побережью грозила опасность, существовала серьезная угроза Кале и Бордо, двум самым важным английским прибрежным аванпостам во Франции и Аквитании.

Чтобы защитить королевство и усохшие владения Плантагенетов на континенте, правительству необходимо было действовать быстро. Но дать отпор французам в Ла-Манше и на континенте было невозможно, не располагая достаточными для этого средствами. Жизненно важно было обложить налогом все население страны. К несчастью, это решение спровоцировало один из самых чудовищных всплесков насилия и народного гнева, какой когда-либо выпадал на долю Англии.

Беспорядки

Великий бунт – или Крестьянское восстание, как его чаще называют историки, – стало первым крупным народным восстанием в Англии. Началось оно с деревенских бунтов, прокатившихся по Эссексу и Кенту в конце мая и начале июня 1381 года. В ноябре 1380 года парламент утвердил подушный налог, к сбору которого приступили уже следующей весной. Королевские налоговые инспекторы, путешествующие по стране, расследуя случаи уклонения от уплаты подати, столкнулись с организованным сопротивлением и насилием. Королевских чиновников убивали, а на шерифов Эссекса и Кента напали и похитили.

Когда сопротивление окрепло, конные отряды повстанцев объехали главные города Кента. Они разгромили Мейдстон, Рочестер и Кентербери и всюду предавали огню официальные записи. Состояли отряды из простого деревенского люда, а командовали ими йомены рангом повыше – приходские священники, деревенские старосты и зажиточные крестьяне. Они нападали на юристов, королевских служащих и особенно ненавистных местных землевладельцев. Однако действовали обдуманно и со смыслом: согласно одному хронисту, вожаки восстания издали приказ, «что никто, живущий на расстоянии менее 12 лиг от моря, не должен к ним присоединяться, но должен охранять побережье от врагов».

К середине июня мятеж в Кенте возглавил Уот Тайлер. Позже ходили слухи, что он принимал участие в войнах с Францией, но у нас нет достоверных сведений о его биографии. Его правой рукой стал Джон Болл – поп-вероотступник из Йоркшира, которого по приказу архиепископа Садбери не раз сажали в тюрьму за еретические и крамольные проповеди, которые тот читал у церквей по воскресеньям. Болл сочинял привязчивые куплеты и доходчивые лозунги, распространяя в народе представление о бесклассовом обществе, где власть лордов упразднена, а земля и имущество находятся в общей собственности. Самый известный его куплет вопрошает: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?»

Кентские и эссекские повстанцы не только грабили родные графства, но и поддерживали контакты с недовольными жителями Лондона. Город в 1370-х годах был расколот на фракции и охвачен раздорами. Между конкурирующими торговыми братствами и гильдиями, между местными торговцами и заморскими купцами, между сторонниками и противниками

Джона Уиклифа, между подмастерьями и их богатыми хозяевами пылала лютая вражда. 11 июня бунтовщики Кента и Эссекса по приглашению лондонцев повернули к столице. Кентцы шли через Гринвич и Блэкхит; эссекцы – через Майл-Энд.

Ричард II в то время был в Вестминстере, окруженный своими придворными советниками, несколькими графами и торговцами, а также членами семьи. С ним была его мать Джоанна, сводные братья Томас и Джон Холланды и его кузен, сын Джона Гонта, юный Генри Болингброк. Когда бунт только начался, советники короля послали в графства солдат, чтобы силой принудить бунтовщиков к подчинению. Восставшие солдат прогнали, некоторых убили. С запозданием правительство осознало, с сопротивлением какого масштаба столкнулось. Архиепископ Садбери запаниковал и отказался от должности канцлера, вернув Большую государственную печать. В поисках безопасности сторонники короля переехали в Тауэр. Они отправили мятежникам предложение встретиться. В среду, 12 июня, восставшие добрались до Блэкхита, где разбили лагерь на ночь. Ричард тем же вечером сел в лодку и отправился в Ротерхит, чтобы поговорить с народом, но его советники увидели, какая огромная толпа ждет их на противоположном берегу, испугались и заставили короля повернуть назад.

Это страшно разозлило Тайлера и его людей, которые заявляли, что восстали потому, что верны королю, и всего лишь хотят очистить его двор от недобрых советников. «У общин был пароль на английском языке, – сказано в Анонимной хронике. – "С кем ты?" – и ответ был "С королем Ричардом и честными общинами", а тем, кто не мог или же не желал так отвечать, рубили головы…» Лишенные возможности встретиться с обожаемым монархом, бунтовщики впали в ярость и в тот же вечер сожгли Саутворк. На следующий день, в четверг, 13 июня, они убедили сочувствующих в Лондоне опустить подъемный мост Лондонского моста. Вопя от радости, повстанцы ввалились в город и промаршировали по нему, двигаясь к Стренду – богатому пригороду, расположенному между Лондоном и Вестминстером и застроенному дворцами и особняками. Прекраснейшим из них был Савой, великолепная лондонская резиденция Джона Гонта. Восставшие влезли на стены, подожгли пристройки и принялись за дворец. Они пронеслись сквозь здание, что смогли – разломали, а все добро герцога вытащили наружу и сожгли. Сам дворец взорвали с помощью найденных в подвале бочек с порохом.

В тот же день лондонцы разнесли Темпл и разложили на улицах костры из судебных книг. Они выпустили заключенных из

городских тюрем; зато полевые псевдосуды ловили и казнили на месте отъявленных злодеев, до поры наслаждавшихся своей безнаказанностью. К вечеру языки пламени вздымались до небес. Закончился день кутежом и пьянкой: повстанцы выкатывали на улицу ворованные бочки с вином и вышибали из них затычки.

В первую ночь после того, как бунтовщики ворвались в Лондон, Ричард, которому было всего 14 лет, стоял в орудийной башне Тауэра и уныло смотрел вниз, на разношерстную армию своих подданных, разбивших лагерь на поле у крепостных стен. Лондон горел, а он и его советники фактически были растерянными узниками Тауэра. Хотя во второй половине XIV века в Европе уже случались подобные восстания – французская Жакерия 1358 года самый страшный тому пример, – советников короля захватила врасплох свирепость бунта простого народа Лондона и юго-востока страны. Восстание набирало обороты. Беспорядки охватили даже Йорк и Сомерсет, хуже всего дела обстояли в Кембриджшире, Хартфордшире, Саффолке и Норфолке. Англия, которая всего четыре года назад в едином порыве рукоплескала новому королю, казалось, погружалась в безбожную анархию.

Что же вызвало такой пароксизм ярости у простых англичан? На первый взгляд, вопрос не сложный. Между 1377 и 1381 годом подушная подать взималась трижды – революционный эксперимент в обложении налогом имущества общин, которые никогда прежде не подвергались прямому налогообложению. Поначалу налог вызвал недовольство, но, когда инспекторов, уполномоченных расследовать массовое уклонение от уплаты налога, уличили в применении силовых методов, недовольство быстро переросло в безудержное неистовство.

Подушная подать стала последней каплей, переполнившей чашу народного недовольства, копившегося в английских городах и деревнях с середины века. Когда население выкосила Черная смерть и последующие эпидемии чумы 1360-х годов, вся структура средневекового общества начала трещать и ломаться. Рабочая сила, некогда имевшаяся в перенаселенном королевстве в избытке, стала дефицитной и дорогой. Чтобы защитить землевладельцев, правительство Эдуарда III утвердило рестриктивное трудовое законодательство, установив пределы оплаты труда и наказывая всякого, кто брал или требовал больше законно установленной повременной оплаты каких бы то ни было работ – от покоса и жатвы до починки крыш и подковывания лошадей.

За исполнением законов надзирали местные уполномоченные, многие из которых происходили из богатых

помещиков, больше всех выигравших от нового трудового законодательства. Они наказывали зажиточных крестьян, нанимавших на работы своих соседей, а также самих этих работников, которых обвиняли в получении незаконной оплаты. Работы для стряпчих и королевских чиновников, старающихся сохранить за элитой графств их привилегированную позицию, было навалом. Лица, служившие в трудовых комиссиях, часто занимали должности шерифов, членов парламента и мировых судей. Росло ощущение, что простых англичан угнетает весь коррумпированный правящий класс как одно целое. Крепостное право в конце XIV века отмирало как институт, но многим восставшим в 1381 году казалось, что на его место приходит новая система угнетения, и с ее помощью юристы и судьи будут держать деревенскую бедноту в такой же нищете, от которой крестьяне страдали с тех пор, как были привязаны к земле.

Подушная подать, сильнее всего ударившая именно по бедноте; трудовое законодательство, не дававшее заработать разумные деньги; с позором проигранная война, в которой население Кента и Эссекса непосредственно столкнулось с опасностью, какую представлял собой французский флот, бороздивший пролив; общие опасения, что молодой король, который должен был стать спасением Англии, попал под дурное влияние злодеев, окопавшихся при дворе, – в 1381 году всего этого было достаточно, чтобы разжечь бунт, который потряс Англию до основания. Мы не знаем, много ли осознавал Ричард, наблюдая из Тауэра, как пылает страна. Но он, несомненно, чувствовал, что как король, причем король Плантагенет, должен действовать.

Подавление крестьянского бунта показало, что Ричард, бледный мальчик 14 лет, обладал большой личной храбростью и качествами настоящего лидера. Но это же столкновение и напугало его на всю оставшуюся жизнь.

События разворачивались чрезвычайно драматично. Утром 14 июня, в пятницу, Ричард встретился с крупной делегацией бунтовщиков, убедил их оставить Лондон и уйти в поля Майл-Энда, где пообещал встретиться с ними и обсудить их требования. Когда они подчинились, королевская процессия поехала через все еще охваченный волнениями Лондон к оговоренному месту встречи. Ричард ехал на коне в сопровождении своих сводных братьев Холланд, младшего дяди Томаса Вудстока, теперь графа Букингема, графов Уорика и Оксфорда, Уильяма Уолворта, мэра Лондона, опытного солдата сэра Роберта Ноллеса и множества других. Его мать Джоанна Кентская ехала позади них в карете. Вокруг все дрожало от возбужденных криков и воплей горожан и

повстанцев; но королевский отряд планомерно продвигался к Майл-Энду. В Тауэре остались архиепископ Садбери, казначей Хейлз и несколько королевских приближенных, имевших причины опасаться, что мятежники хотят их убить. План состоял в том, чтобы использовать отъезд короля как отвлекающий маневр и позволить отмеченным черной меткой людям бежать по реке.

План провалился. В Майл-Энде Ричард пообещал повстанцам все, что они просили. Он приказал выдать им хартии, гарантирующие, что возврата к крепостному праву не будет, что труд будет свободным и что любой человек сможет взять землю в аренду максимум за 4 пенса за акр. Он также наивно согласился, что Тайлеру и его людям должно быть позволено схватить всех, кого они считают предателями, и привести к нему на суд.

Этим он подписал смертный приговор Садбери и Хейлзу. Они не успели бежать: толпа вломилась в Тауэр, вытащила их оттуда и жестоко расправилась с канцлером и казначеем. Головы несчастных насадили на пики и пронесли по Лондону, а потом водрузили на Лондонский мост – там, у входа в город, они проторчали несколько дней, причем красную епископскую митру Садбери прибили ему к черепу. Та же участь постигла и восьмерых других, в том числе личного врача Джона Гонта и Джона Легге, одного из телохранителей Ричарда II. Сын Гонта Генри Болингброк, который тоже остался в Тауэре, избежал поимки и смерти от рук мятежников только благодаря находчивому солдату, который спрятал его в шкафу. Толпа издавала звуки, которые, как писал хронист Томас Уолсингем, не были «похожи на крики, какие обычно производят люди, но были звуками того сорта, что неимоверно превосходит все человеческие шумы и который можно сравнить лишь с завыванием обитателей ада».

Когда Тауэр пал, Лондон погрузился в хаос. На Чипсайде, где всего несколько лет назад по улицам текло вино, теперь установили деревянные мясницкие колоды, и земля пропиталась остывающей кровью убитых мужчин и женщин. В местечке Сент-Мартин-Винтри на улице громоздились мертвые тела сотни с лишним фламандских торговцев. Толпа вытащила их из церкви, где они пытались найти убежище, и растерзала. Вокруг бушевала свистопляска убийств, грабежей и мародерства. Бунт, имевший конкретные цели, перерос в массовые беспорядки. «Это продолжалось весь день и следующую ночь и сопровождалось чудовищными воплями и ужасным шумом», – сказано в Анонимной хронике.

К субботе стало ясно, что пора принимать решительные меры. Уже была осквернена священнейшая часть мавзолея

Плантагенетов, усыпальница Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве: группа бунтовщиков вытащила прятавшегося там ненавистного смотрителя тюрьмы Маршалси. Его конвоировали в Чипсайд, где и обезглавили. Поползли слухи, что Уот Тайлер и Джон Болл хотят сжечь Лондон дотла, захватить короля и сделать его своей марионеткой, установив хваленый новый порядок, при котором не будет других лордов, кроме них.

Король и сократившийся отряд его советников – они к тому времени нашли убежище в здании Королевской гардеробной в Блэкфрайерс, хорошо укомплектованном оружейном складе, – придумали еще один, последний, отчаянный план. Пока писари королевской канцелярии продолжали пачками раздавать вольные, бунтовщикам сообщили, что король встретится с ними еще раз на турнирном поле у города Смитфилд.

Ричард подготовился к самому опасному моменту в своей юной жизни молитвой в святилище Исповедника, где несколько часов назад бунтовщики напали на свою очередную жертву. Во второй половине дня он приехал в Смитфилд. Рядом с ним скакал Уолворт, мэр Лондона. Уолворт и Ноллес шепнули верным людям в городе, что им в какой-то момент может понадобиться помощь. Они готовились дать бой.

Ричард лицом к лицу встретился с Уотом Тайлером – это были самые странные переговоры в истории семьи Плантагенетов. Вожаку бунтовщиков, казалось, вскружил голову успех и несколько дней полной власти над Лондоном, а значит, и над всем королевством. Он поверг Ричарда в изумление, с энтузиазмом пожав ему руку и посоветовав «мужаться и радоваться, потому что буквально через пару недель с вами будет на 40 000 человек больше, чем сейчас, и мы станем добрыми товарищами».

Ошеломительная новость для мальчика, которого помазал на царство архиепископ – ныне покойный, убитый по приказу стоящего перед ним головореза. Но Ричард хранил невозмутимость. Согласно хроникам, он лично провел переговоры с Тайлером. «Король спросил, чего он хочет, – сказано в Анонимной хронике. – И тогда Уот… сказал, что не должно быть иного закона, кроме Винчестерского статута [требование вернуть централизованную власть, какой она была при Эдуарде I, противопоставляя ее власти местного дворянства, заседающего в мировых судах, как повелось при Эдуарде III], чтобы судьи и чиновники ни одного человека не ставили вне закона; чтобы ни один человек не претендовал на господство над простым людом… и что единственным лордом должен остаться король; чтобы собственность Святой Церкви… была по справедливости

распределена между прихожанами; чтобы во всей Англии был только один епископ… и чтобы в Англии больше не было вилланов, не было крепостного права и крепостной зависимости, а все люди были свободны и равны».

Невероятный список требований: манифест настолько революционный, что отдавал безумием. Но Ричард, пытаясь угодить Тайлеру, как недавно в Майл-Энде, согласился, «что отдаст [Тайлеру] все, что может по справедливости пожаловать, но сохранит для себя королевские права и привилегии. Затем он приказал ему без промедления вернуться домой. Все время, что король говорил, ни один лорд и никто из советников не смел и не желал дать ответа народу, а только сам король». Именно Ричард, демонстрируя нетипичное для его возраста хладнокровие, вел эти переговоры.

Но в этот раз, в отличие от встречи в Майл-Энде, дело шло к развязке. Когда Тайлер потребовал принести ему воды и грубо сплюнул под ноги королю, кто-то из королевской свиты не выдержал и оскорбил вождя бунтовщиков. Завязалась драка, и Уильям Уолворт вытащил кинжал и глубоко вонзил его в бок Тайлеру, смертельно его ранив. После чего мэр ускакал в Лондон, чтобы призвать на помощь ополчение во главе с Ноллесом.

Пришел звездный час Ричарда. Армия Тайлера располагалась на другой стороне поля, но почувствовала, что что-то пошло не так. Как только Уолворт пырнул его кинжалом, Тайлер вскочил на свою маленькую лошадку и поскакал по направлению к своим, выкрикивая; «Измена!» Когда он, полумертвый, упал перед ними наземь, повстанцы поняли, что их обманули. «Они начали натягивать луки и стрелять», – пишет хронист. Ричард, осознав, что нужно что-то предпринять, шокировал собственную свиту, пришпорив коня и поскакав прямо к повстанцам. Он заявил, что теперь он их командир и вождь и что они должны следовать за ним.

Это был поступок удивительной отваги; юный король продемонстрировал быстроту реакции, достойную Эдуарда III, Черного принца или любого из своих великих предков. Бунтовщики пали перед королем, буквально подавленные его величием. Пока он их отвлекал, на поле прибыло городское ополчение. Оно окружило повстанцев и вывело их из Лондона почти без кровопролития. Ситуация была спасена, и спас ее 14-летний Ричард. Он предотвратил революцию – хотя бы на некоторое время.

Кризис возвращается

Момент, когда король стоял перед своими бунтующими подданными у Смитфилда, стал такой же славной победой монархии, как и любой из легендарных подвигов его предков. Ричард в 14 лет показал свой поистине королевский характер.

Показал он и настоящий королевский гнев. Подавив восстание, он настойчиво собирал кровавую правовую жатву с мятежников. Разрывая в клочья вольные перед бунтовщиками, явившимися умолять его о восстановлении дарованных прав, он произнес фразу, которая вошла в историю: «…рабами вы были, рабами и останетесь; отныне ваша рабская зависимость будет несравненно более суровой… Ибо до тех пор, пока мы Божьей милостью правим этой землей, мы приложим усилия… чтобы держать вас в таком подчинении, чтобы ужас вашего рабского положения стал примером для потомков». Это были жестокие, продиктованные злопамятностью слова, но и вполне обдуманные. Безусловно, поведение Ричарда во время кризиса 1381 года предвещало 14-летнему королю большое будущее.

Оно показало, что король входит в возраст, когда сможет по-настоящему, а не только для вида, взять правление в свои руки. Непрерывные советы – характерная примета первых лет его царствования – через три года прекратились, и теперь правление осуществлялось напрямую из королевского дворца. Начиная с мая 1381 года и далее официальные записи свидетельствуют о заметном увеличении числа приказов, изданных самим королем или как минимум с его персонального одобрения, подтвержденного личной печатью.

К 1381 году Ричард действительно достиг возраста зрелости. В 14 лет он уже мог жениться и сделал это без промедления. Его невестой стала Анна Чешская, сестра Вацлава IV, короля Чехии и избранного императора Священной Римской империи. Ричарду и его советникам этот брак казался весьма благоприятным. Сестра Анны была королевой Венгрии и Польши, а тетка, Бона, – королевой Франции. Имперский союз напоминал о ранней эпохе Плантагенетов, о днях, когда императрица Матильда основала великую династию. Не менее важно, что этот союз зафиксировал Англию на одной стороне разлома, разделившего Европу в 1378 году, когда были избраны сразу два папы и в Церкви произошел раскол. По примеру правителей Германии и Италии Англия последовала за папой римским Урбаном VI. С этой точки зрения союз с Чехией имел смысл, потому что Франция, Шотландия и Кастилия встали на сторону Клемента VI,

сидевшего в Авиньоне.

Брак казался престижным и прагматичным, но он тяжким финансовым бременем лег на работавшее на износ казначейство. Новый шурин Ричарда, король Вацлав, был банкротом. Если бы Ричард выбрал итальянскую принцессу, он мог бы рассчитывать на значительное приданое. Но вместо того чтобы благодаря браку разбогатеть, Ричард обнаружил, что Вацлав рассчитывает получить от зятя 15 000 фунтов при скреплении династического союза. Это была крайне невыгодная сделка, и, когда Анна в январе 1382 года венчалась и короновалась в Лондоне, лондонцы выразили свое неодобрение, сорвав с городского фонтана полотнище, расшитое королевскими и императорскими гербами.

Тем не менее приезд 14-летней Анны в Англию в декабре 1381 года положил начало отношениям, основанным на истинной любви: король будет искренне предан своей супруге. Анна и Ричард представляли собой странную, эфемерную пару. Вестминстерский хронист описывал Анну как «крохотное создание». Ричард был блондином, совершеннейшим мальчишкой, с глазами слегка навыкате и вытянутым, скорбным лицом, характерным для поздних Плантагенетов. У него не росла борода, и, за исключением зарождающейся склонности к припадкам ярости в случаях, когда, как он считал, что-нибудь угрожало его королевскому достоинству, Ричард говорил тихо и с запинкой.

Тем не менее вокруг этих слабых подростков начал формироваться элегантный и экстравагантный королевский двор. Уже в юности Ричард ощутил вкус к внешнему блеску царствования. Он унаследовал любовь деда и отца к торжествам и изысканным развлечениям, хоть и не разделял их энтузиазма относительно турниров и личного участия в рукопашных боях. Его царствование будет преимущественно визуальным, эстетическим, и на первый план выйдут публичные демонстрации богоданности власти монарха и утонченные ритуалы. Королевские дворцы в Элтаме, Кингз-Лэнгли и Шине были оборудованы прекрасными отдельными ваннымиии танцевальными залами, современными кухнями и кладовыми для специй, откуда на столы подавались необычные, щедро приправленные деликатесы. Ричард, Анна и их придворные одевались по последней моде: мужчины носили тугие лосины и гульфики, расшитые драгоценностями мантии с высокими воротниками и дорогие камзолы; женщины надевали тесно подогнанные платья, изысканные украшения и туфли с такими длинными и острыми носами, что их приходилось специальными веревочками подвязывать к коленям. Двор Ричарда должен был

излучать не меньше великолепия, чем двор Эдуарда III, – и долги короля росли с такой же скоростью.

Приобретая собственный стиль, двор постепенно начал изменяться и в составе. Старые друзья, такие как сэр Саймон Берли, оставались близки королю, но от бывших слуг Черного принца он отдалялся, предпочитая им общество молодых придворных рыцарей вроде Джона Бошана, Джеймса Бернерса и Джона Солсбери. Текущими государственными делами занимался в основном Майкл де ла Поль, верный слуга Черного принца. Де ла Полю было чуть больше 50; место при дворе он получил по настоянию парламента. Отец де ла Поля был богатым торговцем, основным спонсором Эдуарда III, и у Ричарда он тоже был в большой милости. Но главным баловнем двора Ричарда был, конечно, Роберт де Вер, молодой граф Оксфорд. Де Вер был всего на пять лет старше Ричарда, и его близость к королю породила те же самые подозрения и опасения, что сопровождали взлет другого королевского фаворита, Пирса Гавестона. Через несколько лет после смерти де Вера язвительный хронист Томас Уолсингем обвинит его в том, что он манипулировал Ричардом с помощью черной магии, и предположит, что этих двоих связывали гомосексуальные отношения.

Предположение маловероятное. Но было совершенно ясно, что Ричард, как и любой молодой король, хотел окружить себя своими людьми, что и привело к постепенному отдалению от старших, в особенности от дядей короля: Джона Гонта, герцога Ланкастерского, Эдмунда Лэнгли, графа Кембриджского, и Томаса Вудстока, графа Букингемского. Старшие магнаты стали замечать, что Ричард и его окружение относятся к ним с надменностью, граничащей с враждебностью. Жалуя земли и замки своим приближенным, король нарушал установившийся баланс сил на местах. Кроме того, инфантильность и капризный характер Ричарда рассорили его с рядом самых влиятельных вельмож. Когда граф Арундел в 1384 году в парламенте в Солсбери раскритиковал действия короля, Ричард побелел от гнева и, как пишет автор Вестминстерской хроники, сказал Аруделу: «Если ты имеешь в виду, что дурное управление королевством – это моя вина, то ты бессовестно лжешь! Иди ты к черту!» В другой раз, годом позже, он страшно поругался с архиепископом Кентерберийским Куртене. Когда Куртене упрекнул его в слабом руководстве правительством, Ричард вытащил меч и напал бы на архиепископа, если бы короля не удержал его дядя Букингем.

Такое поведение не подобало королю, и безответственность, с какой он жаловал привилегии своим друзьям за незначительные

заслуги, раздражала многих в королевстве. Но, как доказали поколения Плантагенетов, политическое сообщество готово терпеть фаворитов короля до тех пор, пока они не наносят ущерб Англии на поле боя или не используют свое положение, чтобы покушаться на собственность других магнатов.

С первым пунктом Ричарду не повезло. На протяжении 1380-х годов успех в войне постоянно был на стороне французов, и, пока двор пополнялся свежими лицами и купался в роскоши, позиции за Ла-Маншем были утрачены.

Назвать английские перспективы в начале 1380-х годов мрачными было бы преуменьшением. Они были попросту постыдными, особенно в сравнении со славной порой Эдуарда III. В руках англичан оставался только Кале да узкая прибрежная полоса в Гаскони. Ла-Манш кишел французскими и кастильскими судами, а то, что называлось английским военно-морским флотом, сгнило. Торговля стала таким рискованным занятием, что доходы от торговли шерстью рухнули, и жители Лондона обсуждали проект строительства гигантского подъемного моста через Темзу, который должен был защитить город от налетов и поджогов. В 1380 году умер Карл V, и на престол взошел его сын Карл VI, что ненадолго ослабило французскую агрессию. Однако Францию по-прежнему обуревало страстное желание изгнать англичан с континента. Без короля вроде Эдуарда III, закоренелого вояки, ясно представляющего, как добиться победы и объединить королевство ради достижения цели, английская военная машина развалилась на части.

Планы строились самые разнообразные. Джон Гонт считал, что будущее за Кастилией. В 1372 году он женился на дочери Педро Жестокого Констанции Кастильской. (Его брат Эдмунд Лэнгли в то же самое время женился на младшей сестре Констанции, Изабелле.) Когда в 1379 году Педро умер, Гонт официально заявил о своих правах на трон. С этого времени он уверовал в «португальский путь» – английское завоевание через Иберию. Братья его поддерживали, но, по сути, это была его персональная династическая идея фикс, которая в 1380-х годах удалила Гонта из активной политической жизни и ни капли не помогла продвижению национальных интересов.

По мнению большинства англичан, воевать следовало во Фландрии. Фландрия была ближе, а богатство торговых городов северо-запада Европы имело колоссальное значение для английской торговли шерстью. Более того, графству Фландрия напрямую угрожал дядя Карла VI герцог Бургундский, который намеревался завоевывать богатые торговые города один за другим. В 1383 году воинственный епископ Норвичский

Диспенсер, сыгравший ключевую роль в подавлении восстания 1381 года в Восточной Англии, отправился во Фландрию в «крестовый поход», получив от папы разрешение защитить графство от посягательств герцога.

Увы, несмотря на обильное финансирование и одобрение парламента, миссия была плохо подготовлена и вернулась в Англию, потерпев катастрофическое поражение. К 1385 году Фландрия пала. Становилось очевидным, что в данный момент лучший способ развязаться с Францией – мирное урегулирование. Мечта о восстановлении древней империи Плантагенетов, не говоря уже об объединении английской и французской короны, растаяла.

В 1385 году Ричарду было 18. Он не был пацифистом, но его совершенно не привлекала идея предпринять очередную бесполезную и дорогостоящую атаку на Францию. Хотя все три его дяди, Гонт, Букингем и Кембридж, убеждали короля всерьез приступить к военным действиям, Ричард больше прислушивался к канцлеру де ла Полю, который советовал действовать осторожно. Даже если бы король и хотел воевать, вряд ли парламент, напуганный Крестьянским восстанием, разрешил бы ему обложить страну налогами, необходимыми для ведения войны на другом берегу пролива. С учетом обстоятельств, летом 1385 года Ричард повел войска в Шотландию, намереваясь выбить оттуда французские гарнизоны. Это было прагматичное решение. Король возглавит знать, выполнит желание тех, кто хочет видеть в нем воина, и несколько укрепит уверенность в военном могуществе страны, не накопив при этом крупных долгов.

Но затем последовало фиаско. Ричард отправился на север с армией, объединившей в своих рядах практически всю знать, всех английских баннеретов и около 14 000 солдат. Добравшись до шотландской границы, он отметил это событие, пожаловав Эдмунда Лэнгли титулом герцога Йоркского, а Томаса Вудстока сделав герцогом Глостерским. Кроме того, он присвоил де ла Полю титул графа Саффолка, а своему дружку де Веру совершенно невероятный титул маркиза Дублина. В мгновение ока де Вер оказался выше всех английских графов и встал чуть ли не в один ряд с герцогами королевской крови. «Как небо становится чистым и ясным благодаря звездам, так титулы даруют свой свет не только королевствам, но и королевским венцам», – так позже объяснял Ричард свое решение парламенту.

Но повышение престижа монархии мало способствовало военным планам Ричарда. Англичане гонялись за шотландцами, а те уклонялись от битвы. Они отступали к холмам, опустошая на своем пути сельскую местность. Это была та же тактика, которая

в 1328 году заставила Эдуарда III плакать от злости. Шотландцы увильнули от англичан, пробрались на юг и сожгли Карлайл. В середине августа англичане добрались до Эдинбурга, не нашли там ни еды, ни противника и спустя три недели уже были в Вестминстере. Бессильная вылазка не дала никаких результатов.

В октябре 1386 года, когда собрался очередной парламент, настроение в стране было бунтарским. Список претензий все рос. Английская внешняя политика пребывала в состоянии глубокого кризиса. Королевская система финансов балансировала на грани. Уязвленный до глубины души Джон Гонт покинул страну, встревоженный как тем, что его советами во время шотландской кампании пренебрегали, так и слухами, что придворные рыцари планируют его убить. Ходили слухи, что Карл VI собрал в Слёйсе целый лес мачт, крупнейший флот вторжения, когда-либо угрожавший Англии. Совет исправить поведение короля, направленный в парламент сразу после неудачного вторжения в Шотландию, был полностью проигнорирован. Необычная памятка, адресованная монарху, включала не предвещающее ничего хорошего предложение, чтобы Ричард «приблизил к себе людей неподкупных, состоятельных и достойных, водил компанию с ними и избегал общества других; потому что, если он так поступит, будет ему великая польза и слава и завоюет он сердца и любовь своего народа. Но если он поступит иначе, тогда случится обратное, и будет великая опасность для него и его королевства, не приведи Господь». Ответ короля в записях не зафиксирован. Но официальные парламентские свитки сохранили его реакцию на подобные предложения, сделанные на заседании парламента. Она лаконична и показательна: «Король будет поступать так, как считает нужным».

Зато весь с трудом собранный налог был пущен по ветру, а обнищавший король посчитал уместным повысить своего друга де Вера до статуса герцога Ирландии. Де Вер получил неограниченные полномочия и титул, который делал его ровней дядям Ричарда, он стал первым герцогом не королевской крови. (Генри Гросмонт, первый герцог Ланкастер, был, по крайней мере, кузеном Эдуарда III.) Было трудно избежать сравнения с тем, как Гавестону пожаловали королевское графство Корнуолл.

Всем присутствовавшим в октябре 1386 года на «замечательном парламенте», как его станут называть, было ясно, что в стране наступил кризис руководства.

Нападки начались, как только парламент открылся. Когда граф Саффолк встал перед собравшимися и объявил, что король планирует возглавить вторжение во Францию, палата общин взорвалась гневными выкриками. Члены палаты адресовали свое

возмущение лично Саффолку как представителю всех тех бестолковых советников, что окружали короля. Они требовали его смещения и вынесения ему вотума недоверия на основании бесчисленных обвинений в некомпетентности и халатности. Палата отказалась рассматривать другие вопросы, пока не будет улажен этот.

И тут король показал свое истинное лицо. Ричард был женатым мужчиной, который уже водил войска в бой. Возмущенный беспардонными требованиями общин, он отказался явиться в Вестминстер. В сообщении, отправленном им из поместья в Элтаме, король писал, что по требованию парламента не уволит даже поваренка с кухни.

Дядя короля Томас, герцог Глостер, и Томас Арундел, епископ Эли, в попытке урегулировать вопрос отправились в Элтам, чтобы переговорить с Ричардом лично. Король встретил их в сварливом и задиристом настроении. Когда они попытались урезонить Ричарда, тот принялся их оскорблять. Хронист Генри Найтон записал этот разговор. Посланники сказали королю, что если он отказывается явиться в парламент «по своему собственному безответственному решению», тогда парламент может самораспуститься по истечении 40 дней.

Это заявление привело Ричарда в ярость. Очевидно, слова дяди и епископа затронули укоренившуюся в его душе паранойю, которая, без сомнения, выросла из треволнений юности. «Мы уже давно знаем, что наш народ и общины склонны к неподчинению и бунту против нас, – возмущался он. – И перед лицом этой угрозы нам кажется лучшим выходом обратиться к нашему кузену [королю] Франции и просить его поддержки и помощи против наших врагов, и лучше уж сдаться ему, чем нашим собственным подданным».

Французский флот вторжения находился всего в 100 милях, и Глостер и Арундел в недоумении воскликнули: «Король Франции ваш наипервейший враг и величайший недруг вашего королевства». Они уговаривали Ричарда, умоляли его «вспомнить, как ваш дед, король Эдуард III, и ваш отец, принц Эдуард, от имени своего отца в поте лица всю жизнь трудились в жаре и холоде, безустанно пытаясь завоевать Французское королевство… вспомните и о том, как… бесчисленные массы народа гибли и рисковали жизнью на войне, и как общины королевства не ропща жертвовали своими товарами, и имуществом, и бесчисленными богатствами, чтобы снабжать войну».

Им, наверное, казалось полным абсурдом говорить все это королю Англии. Но им пришлось повторять свои доводы снова и снова, прежде чем удалось успокоить короля и убедить его

посетить парламент. Последним аргументом стало завуалированное напоминание о низложении Эдуарда II («у вашего народа… есть древний закон, который, к сожалению, не так давно пришлось применить…»), которое, наконец, успокоило капризную истерику короля и заставило его смириться с необходимостью реформирования правительства.

Присмиревший Ричард наконец явился в Вестминстер. И там ему пришлось униженно наблюдать, как «замечательный парламент» снял де ла Поля и казначея сэра Джона Фордхэма с их постов и учредил комиссию, которая должна была исполнять их обязанности в течение года. Комиссию обязали провести ревизию королевской системы финансов, взяв на себя управление казначейством, и наделили правом использовать Большую и Малую государственные печати. По сути, правительство целиком вырвали из рук Ричарда II. Девятнадцатилетний король снова был понижен до положения несовершеннолетнего, его королевская власть фактически аннулирована. Этого его гордое юное сердце никак не могло вынести.

Измена и душевная травма

20 декабря 1387 года, ровно через год после завершения «замечательного парламента», Роберт де Вер, герцог Ирландии, осторожно продвигался сквозь зимнюю хмарь, направляясь к мосту Рэдкот неподалеку от Чиппинг-Нортона в Оксфордшире. С ним было несколько тысяч солдат, набранных в королевском графстве Чешир и его окрестностях. Местность, по которой он пробирался, кишела врагами. Опасность подстерегала буквально на каждом шагу.

Он скакал на юго-восток, направляясь на встречу с королем в Лондоне. Монархия Плантагенетов столкнулась с очередным кризисом: судьба Ричарда была в руках его подданных, взбунтовавшихся против его правления, и особенно против влияния де Вера. Герцог знал, что время работает против него. Объединенные силы самых могущественных английских лордов отправились за ним в погоню. Вражеские отряды рассеялись по стране, захватив не только деревни Котсволда, по которому он сейчас прокладывал путь, но и все центральные графства; местность к западу от Нортгемптона заполонили враги. Их появления долго ждать не придется.

В результате действий «замечательного парламента», состоявшегося в октябре 1386 года, отношения короля с магнатами не только не улучшились, но испортились вконец. Де Вер ехал в Лондон, зная, что вскоре в Англии начнутся беспорядки.

Как дела могли пойти настолько плохо? Ответ нужно искать в характере Ричарда. Его реакция на реформаторский совет, навязанный ему парламентом, была и вздорной, и грозной. Униженный и оскорбленный король несколько месяцев провел в раздумьях в своих охотничьих замках в долине Темзы. Разгневанный и возмущенный тем, как с ним обошлись, в феврале 1387 года он демонстративно покинул Лондон, чтобы отправиться, как сказал один хронист, в «объезд»: путешествие по королевству в надежде избежать контроля и вмешательства совета и понять, на чью помощь он может рассчитывать.

За девять месяцев он объехал места от Беверли до Шрусбери, уделив особое внимание северу и северо-западу центральных графств – местам, расположенным поблизости от королевского палатината Чешир. Ричард взял с собой своих друзей де Вера и де ла Поля и по дороге принялся обдумывать план, как вернуть себе власть по истечению срока полномочий совета. Он заметил, что его магнаты обеспечивали себе поддержку, нанимая людей на

постоянную службу и оплачивая их лояльность: в обмен на регулярное жалование те носили отличительные знаки своего лорда, а часто и униформу, защищали его интересы, при необходимости – с оружием в руках.

Как граф Честер, подумал Ричард, он мог бы предпринять нечто в этом духе – создать постоянную политическую опору из людей, которых он может не бояться и о которых может не беспокоиться, что они пойдут против него, и тогда ему не придется опасаться публичных экзекуций, которым подвергали короля его, казалось бы, естественные союзники, члены палаты лордов и общин. Решено. Ричард станет не только королем, но и частным магнатом.

Летом 1387 года Ричард стал подыскивать юридические средства, с помощью которых он мог бы отменить решения «замечательного парламента». Дважды в августе он тайно созывал главных судей королевства во главе с сэром Робертом Тресильяном и ставил перед ними вопросы, касающиеся ордонансов, которыми он был связан. Вердикт – который из некоторых судей он выбил под угрозой смерти – гласил, что «статут, ордонанс и комиссия, учрежденные прошлым парламентом», «унизительны для королевского достоинства и исключительных прав нашего господина короля». Более того – и здесь легко различить руку Ричарда, – когда судей «спросили, какого наказания заслуживают те, кто принудил или заставил короля утвердить названный статут, ордонанс и комиссию… те в один голос ответили, что наказать их следует как изменников».

Это был роковой ответ. Призрак измены преследовал политиков в годы царствования Эдуарда II: смертоносное, неотвратимое обвинение, которое привело на эшафот Пирса Гавестона и Томаса Ланкастера; Эдмунда, графа Кента, и Роджера Мортимера, графа Марча. Чтобы такое ужасное кровопролитие больше никогда не повторилось, в 1351 году Эдуард III принял Статут об измене, который уточнял определение преступления и сводил его к заговору или покушению на жизнь короля, королевы, их старшего сына, изнасилованию старшей дочери короля, убийству канцлера, казначея или главного судьи или военным действиям против короля в его королевстве.

Теперь же Ричард снова расширял определение измены. Изменником считался не только тот, кто предпринимал атаку на короля, его семью или ключевых официальных лиц. Это мог быть любой, кто попытается провести реформы через парламент или вмешаться в дела королевского двора. Судьи постановили, что предателями были все, кто в 1386 году пытался ограничить власть короля. Предателями считались все, кто не послушал

приказа короля распустить парламент, кто вынес импичмент королевскому министру и кто посмел напоминать Ричарду о судьбе его прадеда Эдуарда II.

Последствия, которые могло повлечь за собой заявление судей, ужасали. Исходя из него, все вышеупомянутые заслуживали смерти. В ноябре 1387 года Ричард вернулся в Лондон, и, учитывая, чего он достиг своим объездом, было совершенно ясно, что события этого лета могут развиваться только по одному из двух сценариев: кровавая судебная мясорубка или гражданская война.

К гражданской войне и готовился де Вер, погоняя коня по холмам Оксфордшира. Он сам был поводом к войне. Пока король путешествовал, сформировалась новая оппозиция: ее единственной целью было навсегда выдавить из окружения короля де Вера и людей, подобных ему. Ее членов называли лордами-апеллянтами, потому что 14 ноября герцог Глостер и графы Арундел и Уорик явились к королю с официальным визитом, представив ему «апелляцию» (или официальное обвинение) в адрес членов королевского окружения, которых они, со своей стороны, считали виновными в измене.

В списке обвиняемых было пять имен: Александр Невилл, архиепископ Йоркский; Майкл де ла Поль, граф Саффолк; Роберт Тресильян, главный судья; Николас Брембр, торговец, бывший мэр Лондона, участвовавший в подавлении Крестьянского восстания; и сам де Вер, герцог Ирландии.

Король, разъяренный самонадеянностью лордов, попытался собрать войско, но не преуспел. Шерифы не стали призывать солдат в армию короля, потому что было известно, что общины поддержали апеллянтов. Лондонцы, к которым Ричард обратился напрямую, отказались вставать на его защиту. Вся надежда была на чеширскую армию де Вера.

Де Вер, который вел свое войско по холодным и сырым полям, знал, кого ему нужно остерегаться. Глостер, Уорик и Арундел пустились во все тяжкие. Они обзавелись двумя полезными союзниками: сыном Джона Гонта Генри, графом Дерби, и Томасом Моубреем, графом Ноттингемом. Эти пятеро представляли собой серьезную команду, и их поддерживали многие важные жители Лондона, а также рыцари и джентри по всей стране. Их отряды подобно пальцам протянулись по Котсволду, готовясь сжаться вокруг де Вера.

Утром 20 декабря де Вер первый раз столкнулся с войсками апеллянтов. Он ввязался в схватку с людьми герцога Глостера неподалеку от Бортон-он-Хилл. В неразберихе боя сотни чеширцев дезертировали. Позже в тот же день, вероятно у

Берфорда, произошла еще одна схватка, уже с людьми Арундела. Помощник де Вера, сэр Томас Молино, был убит. Вот почему герцог в отчаянии повел своих людей к реке и мосту Редкот: де Вер надеялся, как пишет Генри Найтон, что, «если ему удастся перейти мост, он спасется от врагов». Он решил, что единственная возможность благополучно добраться до Лондона и до Ричарда – пробить себе путь на юг от Темзы.

Но удача была не на его стороне. Когда де Вер привел своих людей к островерхим каменным аркам построенного в XII веке моста, он понял, что его опередили. По обеим сторонам переправы стояли вооруженные люди и лучники в ливреях Генри, графа Дерби. Обернувшись, де Вер увидел и самого Дерби, приближавшегося к нему с тыла с большим отрядом солдат. Де Вер был окружен. У него не оставалось другого выхода, кроме как принять бой.

Однако люди, которыми командовал де Вер, смотрели на ситуацию иначе. Когда взвыли трубы и развернулись королевские штандарты, по рядам пронесся ропот, что силы не равны и ввязываться в бой глупо. «Их было слишком мало по сравнению с врагом, – писал Генри Найтон, – они не смели бросить вызов такому множеству лордов и знати целого королевства».

Де Вер запаниковал. Нет смысла гадать, что с ним будет, если его схватят. Колесо насилия раскрутилось, и вряд ли герцога теперь просто принудят покинуть общество короля. Ему нужно было спасать свою шкуру. Он послал людей на штурм переправы, надеясь прорваться на другой берег. Но, поднявшись на мост, они увидели баррикады. Кроме того, дорога в трех местах была разбита, так что пересечь мост мог только один всадник за раз. «Нас одурачили», – вскричал герцог и, пришпорив коня, попытался уйти берегом реки.

Но впереди беглец вдруг различил худшую опасность. Пока Дерби приближался к нему с тыла, спереди заходил сам Глостер. Де Веру оставался единственный выход – рискнуть жизнью. «Пришпорив коня, [он] сбросил латные рукавицы и меч и прыгнул в Темзу, – писал Найтон. – Вот так [он] спасся с удивительной отвагой».

Де Вер сбежал и укрылся во Франции, а его люди тут же сдались.

Ричард провел нерадостное Рождество в Виндзоре. 30 декабря он встретился в Тауэре с пятью торжествующими апеллянтами. Те явились к нему в сопровождении 500 тяжеловооруженных людей и закрыли за собой ворота. Встреча была бурной. Апеллянты отчитали Ричарда за его поведение. Они предъявили изобличающую переписку между королем и де Вером. Они

обвинили его в желании натравить короля Франции на собственных подданных. Они потребовали очистить королевский двор и отправить под суд тех пятерых, против кого они выдвинули свои обвинения.

Когда Ричард вспылил, они угрожали низложить его и сообщили, что уже выбрали ему преемника. (Один хронист даже утверждал, будто они сказали Ричарду, что он уже низложен и что об этом еще не объявлено только потому, что Глостер и Дерби не могут решить, кому из них должен достаться трон.)

3 февраля в Вестминстере открылся парламент. Лорды и представители общин собрались вместе в Белой палате в Вестминстере, в зале, стены которого были расписаны сценами из жизни Эдуарда I. Король занял свое место перед собравшимися сословиями и приготовился к худшему. Затем, согласно хронисту Томасу Фавенту, «пятеро благороднейших апеллянтов… в окружении большой толпы людей вошли в зал вместе, рука об руку, одетые в золотую парчу, и, посмотрев на короля, преклонили колена, приветствуя его. Народу в зале было столько, что даже углы были заняты…»

Потянулись дни и месяцы тщательных судебных разбирательств, касающихся обвиненных слуг короля. Довольно некстати четверо из пятерых обвиняемых скрылись, и их дела разбирались заочно. Присутствовал только Николас Брембр, бывший мэр, – суд над ним начался через две недели после открытия парламента.

Приговор тем не менее всем – как присутствующим, так и отсутствующим – вынесли одинаковый. Архиепископ Невилл, герцог Ирландии, граф Саффолк и сэр Роберт Тресильян заочно были признаны виновными в измене. Герцога, графа и судью постановили проволочь по Лондону и повесить в Тайберне как изменников и врагов короля. Архиепископа приговорили к изгнанию. Все четверо должны были быть лишены наследства. Брембра также осудили на смерть.

Разворачивалась трагедия. Архиепископу Невиллу, де Веру и Саффолку удалось бежать за море – в отличие от Тресильяна. Через шесть дней после вынесения ему приговора кто-то заметил странную фигуру, подглядывающую за происходящим в Вестминстере с ближайшей крыши.

Дом обыскали и нашли там спрятавшегося под столом сэра Роберта, судью-вешателя, грозу Крестьянского восстания 1381 года. Он был одет в отрепья нищего и носил густую фальшивую бороду. Выдал его узнаваемый голос. Раздались крики: «Мы схватили его!» Тресильяна выволокли из-под стола и доставили в парламент. Судья взывал к убежищу в святых стенах

Вестминстера, жена его лежала без чувств. Но убежища ему не предоставили. Вопящего в ужасе Тресильяна без промедления притащили на волокуше в Тайберн, втолкнули на эшафот. С судьи сорвали одежду и нашли на его теле магические обереги. Была некая мрачная ирония в таком суеверии судьи, будто дешевые безделушки спасут его от петли. Тресильяна повесили обнаженным; конец его мучениям положил нож палача, перерезавший горло.

Но на этом аппелянты не успокоились. Покончив с Брембром и Тресильяном и осудив трех остальных заочно, парламент устроил кровавую чистку королевского двора. Начались процессы против тех, кто входил в окружение короля и, как предполагалось, сбивал его с пути истинного. К маю любимый наставник Ричарда сэр Саймон Берли, а также его придворные рыцари сэр Джон Бошан, сэр Джон Солсбери и Джеймс Бернерс были приговорены к казни как изменники. Судей, которые признали ордонансы «замечательного парламента» предательскими, теперь самих осудили на смерть; только ближе к завершению сессии их помиловали и отправили в изгнание в Ирландию.

Такой травматичный опыт выпадал на долю чуть ли не каждого из королей Плантагенетов. Ричард вынес почти четыре месяца политических процессов, наблюдал, как его друзей и союзников хватают и одного за другим осуждают на ужасную смерть через повешение, потрошение и обезглавливание. В отчаянии он умолял сохранить жизнь Берли – как и королева-мать, которая даже встала на колени перед тремя главными апеллянтами. Более того, ее поддержали некоторые из умеренных графов, в том числе Эдмунд Лэнгли, герцог Йоркский, и даже два младших апеллянта, Дерби и Ноттингем. Но в «безжалостном парламенте» не было шанса избежать смерти и уничтожения. Ричард в свои 20 лет хлебнул столько бед и унижений, что и целая жизнь не вместит.

Обновление монархии

По сравнению с мрачными временами, которые выпали на долю короля в первые десять лет царствования, пять или шесть лет после потрясений «безжалостного парламента» прошли сравнительно спокойно. Множество любимых, но неугодных знати друзей Ричарда были либо изгнаны, либо убиты апеллянтами. Но, когда чистки завершились, Англия вернулась в состояние своеобразного мира. Апеллянты достигли всего, к чему стремились. Ричарда призвали к порядку. Обеим сторонам, собственно, не за что было больше сражаться.

Разбитый наголову в 1388 году, Ричард, по ряду свидетельств, усвоил некоторые уроки. Казалось, по крайней мере со стороны, что он готов прилагать усилия. 3 мая 1389 года он устроил эффектную сцену на встрече с Большим советом. Восседая перед советниками, он прервал сессию, спросив всех собравшихся, сколько ему лет. Те уверенно ответили, что ему исполнилось 22 года. Тогда Ричард разразился речью, записанной несколькими хронистами. Согласно Генри Найтону, он сказал:

> Так случилось, что я провел несколько лет под вашим советом и управлением, и я возношу хвалу Господу, а после него и вам, потому что вы руководили мной и уберегли меня и мое наследство… Однако мы с Божьей помощью достигли возраста совершеннолетия, и теперь нам действительно пошел 22-й год. Следовательно, мы желаем и требуем свободного правления… и нашего королевства… права выбирать и назначать на должности наших командиров и министров и смещать тех, кто сейчас эти должности занимает…

Затем, согласно Томасу Уолсингему, Ричард приказал архиепископу Йорка Томасу Арунделу вернуть печать канцлера. «Король спрятал ее в складках своего платья, внезапно поднялся и вышел; однако вскоре вернулся и снова занял свое место, и отдал печать Уильяму Уайкхему, епископу Винчестера, хотя тот совсем не хотел принимать ее. И король назначил девять других чиновников… руководствуясь в каждом случае своими личными суждениями и авторитетом. Герцога Глостера и графа Уорика… он удалил из своего Совета…»

Дело могло обернуться катастрофой, однако все обошлось. На пороге нового десятилетия Ричард принялся за государственные дела с гораздо большей ответственностью, чем

прежде. Он отстоял свое право выбирать как членов королевского Совета, так и тех, кто консультировал его в неформальной обстановке, но осознал, что должен прислушиваться и к рекомендациям опытных людей вроде Уильяма Уайкхема, который в 1360-х годах был главным министром его деда.

Королю на помощь пришел и вернувшийся из Кастилии Джон Гонт, с которым тот сблизился: Гонт стал теперь ярым сторонником режима. Он разряжал напряженность между Ричардом и бывшими апеллянтами, устраивал для короля и королевы роскошные охоты и при любой возможности прогуливался под ручку с монархом. Король демонстрировал признательность своему старшему дяде тем, что носил ливрейную цепь Гонта с узором из двух переплетенных S. В 1390 году он пожаловал ему привилегии палатината в герцогстве Ланкастер с правом передачи его наследникам по мужской линии. Более того, король отдал Гонту в пожизненное владение герцогство Аквитанское. (Примечательным образом нарушив существовавшую с XIII века традицию Плантагенетов, согласно которой Аквитанию получал старший сын и наследник короля. Благодаря своему новому статусу Гонт был теперь лично заинтересован в заключении мира с Францией.)

Гонт присоединился к Совету в марте 1390 года. Совет постановил, что любое решение, затрагивающее финансовые вопросы, должно получить одобрение всех трех дядьев короля. Ричард, по всей видимости, с этим смирился, и воцарилось новое согласие: король и политическое сообщество снова начали сотрудничать. Совместными усилиями им удалось существенно оздоровить систему королевских финансов. Между 1389 и 1396 годом доходы королевской казны выросли на 36 %. Парламент перестал быть полем боя между королем, лордами и общинами и снова стал использоваться по своему прямому назначению как правительственный форум.

Политические волнения успокоились, и на этом фоне в начале 1390-х годов проявилась вся помпезность двора Ричарда. Эдвардианский двор прославлял рыцарство, любовь и войну; двор Ричарда прославлял величие и славу помазанного короля. Вошли в оборот новые, высокопарные формы обращений. В прошлом английских королей называли «Милорд», теперь же, в подражание модному французскому стилю, в обращение вошли новые титулы «Ваше Высочество» и «Ваше Величество». Письменные обращения стали напыщенными, избыточными: «Высочайший и могущественнейший принц» или «Ваше высочайшее королевское величество». Язвительный Уолсингем называл их «титулами не человека, но бога» и «мудреными льстивыми словами, вряд ли

подобающими простому смертному».

На фоне такой высокопарной почтительности к монархии расцвело меценатство, подарившее нам ряд выдающихся творений. Двор Ричарда стал центром притяжения литературных и художественных идей; под покровительством короля трудились некоторые из величайших писателей эпохи. Интерес короля к литературе был неустойчив, и сам он спонсировал не так много произведений – тем не менее его двор сыграл чрезвычайно важную роль в становлении английского языка как языка высокой литературы. Одним из тех, кому мы обязаны этим достижением, стал Джон Гауэр, выдающийся лондонский писатель. По личной просьбе Ричарда он сочинил *Confessio Amantis* («Исповедь влюбленного»), огромную, сложную любовную поэму длиной в 30 000 строк, которую Гауэр, по его собственным словам, написал под впечатлением от встречи с Ричардом на судне в 1386 году.

«Исповедь», написанная на английском языке, в первой редакции была опубликована в 1390 году и посвящена королю и Джеффри Чосеру, «Кентерберийские рассказы» которого тоже были созданы в период, когда он имел тесные связи с королевским двором. Французский хронист Фруассар посетил английский двор и подарил Ричарду собрание французских поэм, сэр Джон Кланвоу писал изящную любовную лирику, а герцог Эдуард Альбемарль, кузен Ричарда, перевел с французского на английский язык известное охотничье руководство. Даже царедворцы-вояки вроде сэра Джона Монтегю удостаивались высокой оценки на континенте, причем со стороны самой Кристины Пизанской, которая хорошо отзывалась о его литературных вкусах и поэтических способностях.

С особой щедростью король покровительствовал художникам и архитекторам. Множество впечатляющих строений XIV века возводилось под началом выдающегося мастера-каменщика Генри Йевеля. В 1390-х годах Йевелю было уже за 70. Расцвет его таланта пришелся на годы царствования Эдуарда III, однако в 1393 году по заказу Ричарда он приступил к самой известной своей работе: реконструкции Вестминстер-холла, в процессе которой стены надстроили, сводчатый потолок выполнили в форме грандиозной конструкции из консольных балок, а входная группа своей торжественностью стала напоминать кафедральный собор. Перевязку (выступающий ряд) каменной кладки украсили барельефами белых оленей и заказали 13 статуй королей – от Эдуарда Исповедника до самого Ричарда – с целью подчеркнуть преемственность английской монархии с древнейших времен до эры Плантагенетов.

Немного позже Ричард оплатил создание Уилтонского

диптиха – прекрасного образчика иконографической живописи. На диптихе трое святых – Эдуард Исповедник, малолетний саксонский король святой Эдмунд и Иоанн Креститель – представляют короля Ричарда Деве Марии и младенцу Христу. Ричард был одержим Исповедником не меньше другого знатного поклонника этого святого, Генриха III. В отличие от воинственных королей Эдуарда I и Эдуарда III, равнявшихся на легендарных рубак вроде короля Артура и святого Георгия, Ричард, как и Генрих, видел себя принцем дивного мирного времени – качество, за которое хронисты превозносили Исповедника. В 1395 году Ричард изменил королевский герб, потеснив геральдические лилии и шествующих львов гербом Исповедника – неслучайно тот занимает центральное место на Уилтонском диптихе.

Диптих полон зашифрованного символизма: намеки на древнее англосаксонское происхождение Ричарда переплетаются с безошибочными свидетельствами его буквальной веры в святость помазания. Даже ангелы, окружающие Деву, носят знак белого оленя, как будто оберегать короля – их вассальная повинность. На обороте диптиха помещено изображение лежащего белого оленя, чью шею обвивает цепь в виде короны.

Но сквозь всю эту праздничную и великолепно обновленную монархию просвечивали намеки, что сам Ричард – который, как казалось со стороны, стал спокойнее и рассудительнее – не особенно изменился. В начале 1390-х годов он все сильнее склонялся к авторитарному стилю правления, тенденция к которому была заметна и раньше. Источником власти теперь была не корона и не ее представительство в органах государственного управления, а лично Ричард.

Политически это выражалось в негласном продолжении его политики привлечения вассалов. Рыцари и дворяне в разных английских графствах стали носить эмблему королевского белого оленя. Многие из них уже служили в королевской администрации. Король, казалось, совершенно не доверял институтам государственной власти. Ему нужно было наглядно и официально привязать людей лично к себе как к их сюзерену.

Крупные публичные мероприятия демонстрировали неприглядную сторону королевского церемониала. В 1392 году он рассорился с гражданами Лондона по вопросу предоставления ссуды, и, чтобы примириться с королем, лондонцам пришлось устроить торжественную церемонию такой пышности, что она чуть не затмила коронацию. Король Ричард и королева Анна при полном параде продефилировали по улицам, а городские гильдии взирали на них в подобострастном внимании. Монаршую чету завалили подарками: мальчики, одетые ангелами, подносили им

золотые венцы; в Темпле им презентовали золотой стол; в Вестминстерском аббатстве отслужили большую благодарственную службу, включавшую крестный ход к гробнице Исповедника. Даже несколько месяцев спустя лондонцы все еще слали подарки, выражая королю свою безграничную признательность: на Богоявление 1393 года Ричард получил в подарок верблюда, а королева – пеликана.

Такая подобострастность была в каком-то смысле обычной спутницей монархии. Но самыми успешными Плантагенетами – и тому пример Генрих II, Ричард I и Эдуард III – оказывались те, кто тесно взаимодействовал со своими подданными, а не старался всеми силами от них обособиться. Генрих II отказывался от королевских почестей в пользу верховой езды и скитаний по полевым лагерям; он запросто общался со всеми, кто приходил к нему. Эдуард III инкогнито сражался со своими рыцарями на турнирах и усилил роль палаты общин в правительстве. Даже король Иоанн – эталонно бесславный король – исполнял обязанности судьи, решая судьбу самых отъявленных злодеев королевства. Ричард же, политически униженный в молодости, в 1390-х, казалось, пышностью королевского двора старался подчеркнуть свою уникальность и превосходство над всеми.

К середине десятилетия в желании короля доминировать просматривалось уже нечто нездоровое. Всегда слабая, мнительная душонка, к этому времени он окончательно простился со здравым смыслом. 7 июня 1394 года в Шине умерла королева Анна, ей было 27 лет. Она долгие годы была постоянной спутницей Ричарда, и он ее любил. Разбитый горем, король приказал разрушить дворец, где она скончалась, – их дом, на реконструкцию которого потратил огромную сумму. Затем он поклялся, что в течение года не войдет ни в одно здание, где бывал вместе с супругой, за исключением церкви. Он был настолько озабочен церемониалом, что отложил похороны на два месяца, пока из Фландрии не доставили особый сорт восковых свечей. Но это было нечто большее, нежели обычная скорбь. По-видимому, смерть Анны спровоцировала возврат к вспыльчивости и капризности, свойственным королю в юности. 29 июля Ричард созвал всех магнатов в Лондон, на похороны. Граф Арундел опоздал, и, когда он наконец предстал перед королем, Ричард так сильно ударил его по лицу, что тот, обливаясь кровью, упал на пол.

Король вел себя странно не только на этих похоронах. В 1392 году во Франции, в изгнании, погиб Роберт де Вер – его задрал дикий медведь. Забальзамированное тело герцога в ноябре 1395 года перевезли в Англию. Многие английские магнаты

отказались присутствовать на перезахоронении. Те же, кто явился, наблюдали, как король приказал открыть гроб своего друга, чтобы одеть на хладные пальцы де Вера золотые перстни и в последний раз взглянуть на лицо товарища, скончавшегося три года назад.

После смерти Анны и похорон де Вера одержимость Ричарда Эдуардом II усилилась. Он добился, чтобы Глостерское аббатство, где был похоронен Эдуард, ежегодно отмечало день памяти убитого короля, а в 1395 году ходатайствовал перед папой римским о канонизации своего прадеда. В тот же год он заказал странную эпитафию для своей собственной гробницы в Вестминстере. Она гласила: «Он поверг всех, кто посягал на права короля; он разбил еретиков и рассеял их сообщников». Это можно понять как намек на преследование Ричардом лоллардов – реформаторского течения, следующего учению Джона Уиклифа, но был в этом и какой-то зловещий намек.

В целом – и с расстояния лет – очевидно, что, хотя Ричард II в 1390-х годах выглядел довольно разумным и сдержанным, он всегда балансировал на грани возврата к юношеской нестабильности. Как и предок, которого он хотел канонизировать, Ричард не постиг природы успешной королевской власти, суть которой – уравновесить требования государственного управления и нужды королевства со своими личными желаниями, друзьями и вкусами. Его благоговение перед Эдуардом II и сочувствие королю, который не принес стране ничего, кроме раздоров, насилия, коррупции и кровопролития, недвусмысленно показывает, как он представлял себе долг короля. Тот факт, что он никогда не чувствовал себя в безопасности, что ему было необходимо делать государственных служащих своими личными вассалами, дабы гарантировать их повиновение, сообщает о глубоко укоренившейся паранойе, сопровождавшей Ричарда с юных лет.

Но Ричардом руководил и другой мотив, который на закате XIV века станет основным и который войдет в противоречие с самовосприятием короля как миролюбивого человека, подобного Эдуарду Исповеднику. Это была неутолимая жажда мести.

Ричард отмщенный

После жестоких потрясений, отравивших первое десятилетие царствования, Ричард потратил большую часть следующего на то, чтобы до некоторой степени восстановить доверие к своему режиму. И действительно, в начале 1390-х годов казалось, что король возвращает себе уравновешенность и самообладание. Между королем и Советом царило согласие, правительство работало стабильно. Парламент не пытался увольнять ответственных работников или унижать короля. Доходы казны росли. В 1394 году Ричард возглавил семимесячную экспедицию в Ирландию, взяв с собой массу молодых дворян и 7000 солдат, чтобы, как он сам писал в письме, «наказать бунтовщиков и поставить достойное управление и справедливую власть над нашими верными ленниками». Предприятие оказалось крайне успешным. Ричард добился в Ирландии большего – как минимум в ближайшей перспективе, – чем любой король, за исключением Генриха II.

Более того, ему удалось заключить с Францией мир, к которому он так давно стремился. В марте 1396 года был подписан мирный договор сроком на 28 лет, а кроме того, было достигнуто соглашение о браке английского короля и семилетней дочери Карла VI Изабеллы, за которой давали крупное приданое в 800 000 франков. Невесту передали королю в конце октября 1396 года, когда Ричард и Карл встретились в Ардре, недалеко от Кале. Помолвку отпраздновали на поле, усеянном разукрашенными шатрами, переполненными сокровищами и дорогими подарками: золотыми моделями кораблей и лошадьми под серебряными седлами и жемчужными хомутами. Короли Англии и Франции изображали из себя спасителей христианского мира, потому что теперь, когда они больше не воюют, появилась возможность избрать единого папу. Пошли разговоры о новом крестовом походе, на этот раз против турков. Томасу Уолсингему казалось, что Англия наконец «наслаждалась миром и надеялась на полное благоденствия будущее, обеспеченное величием короля».

6 января 1397 года Ричарду исполнилось 30 – знаменательный возраст, последняя веха на его долгом пути к возмужанию. Ну наконец-то он стал настоящим королем!

Или нет? Наряду с очевидными достижениями 1394–1397 годов появился и ряд зловещих признаков, подтверждавших, что Ричард, даже на вершине успеха, глубоко в душе оставался крайне неблагополучным королем: гиперчувствительным,

болезненно неуверенным и склонным ко вспышкам буйства и жестокого неистовства при малейшем ощущении угрозы.

Один из первых признаков того, насколько неуверенно он себя чувствовал, проявился во время мирных переговоров с Францией. В черновом варианте соглашения Ричард хотел обязать Карла VI оказывать английскому королю военную поддержку в случае, если тому вздумается воевать с собственным народом. Этот пункт не вошел в окончательный текст, но сама идея пугала. В 1386 году Ричард угрожал Аруделу и Глостеру, что призовет в собственное королевство французскую захватническую армию, а теперь продемонстрировал, что так и не отказался от этой мысли.

Еще ярче его неудовлетворенность проявилась в парламенте, состоявшемся в январе 1397 года. Парламент собрался по итогам заключения мира с Францией, и королю стало ясно, что не все разделяют его радость от нового мироустройства. Поднялся ропот, источником которого был, прежде всего, Глостер. Мол, как писал Фруассар, «народ этой страны хочет войны. Без нее люди не могут достойно жить. Мир им не на пользу». Другие жаловались, что семилетняя королева – неподходящая спутница 30-летнему королю, который до сих пор не произвел на свет наследника. Недовольство вызвал и размах празднований в Ардре, которые предположительно обошлись в целых 15 000 фунтов – бюджет солидного вооруженного вторжения. Когда Ричард попросил у парламента денег, чтобы помочь французскому королю снарядить экспедицию в Милан, и получил резкий отказ, он разгорячился и лично обратился к парламенту, чтобы отстоять идею «собственными словами». Когда ему представили петицию, якобы написанную «Томасом Хэкси, клерком» и содержащую жалобы на королевских чиновников, плохое состояние шотландской границы, непрекращающуюся практику ползучего вассального закабаления и «крупные и неумеренные» траты на содержание королевского двора, Ричард разъярился, приказал арестовать Хэкси и приговорил его к казни как изменника. (Приговор потом отменили на основании духовного статуса Хэкси.)

Все говорило о том, что в начале 1397 года король, который позже в этом же парламенте назовет себя «полновластным императором королевства Англия», ощущал растущее негодование оттого, что его императорское величие дискредитируют. Ничто не бесило Ричарда сильнее, чем открытая критика в короткие периоды его успехов. И опаснее всего он был, когда его загоняли в угол.

К июлю 1397 года три старших апеллянта, противостоявшие

королю десять лет тому назад, снова ощутили напряженность в отношениях с монархом. Глостер – первый критик мира с Францией – большую часть времени отсиживался в своем замке в Плеши, разжигая в себе (согласно Фруассару) «такую ненависть к королю, что не мог придумать ничего, что мог бы сказать о нем хорошего». Уорика в последние годы полностью отстранили от участия в политике, и Ричард позаботился, чтобы два резонансных правовых процесса обернулись не в его пользу. Арундел давно потерял политическое влияние из-за бесконечных ссор с Ричардом и Джоном Гонтом. Окончательно разошедшись с королем, он начал пропускать заседания Совета. Задним числом кажется, что едва ли кому-нибудь из них стоило сильно удивляться, когда Ричард внезапно и жестоко атаковал врагов, против которых всю жизнь таил злобу.

10 июля 1397 года Ричард, отужинав, возглавил отряд, который выдвинулся в Плеши, чтобы арестовать Глостера. Хорошо вооруженные люди мчались изо всех сил под покровом ночи; белые олени на одежде выдавали в них верных вассалов короля. Они спешили исполнить единственное, крайне важное задание: взять под стражу дядю короля, герцога Глостера.

Граф Уорик уже был заперт в лондонском Тауэре. Он был приглашен к Ричарду на ужин, а под конец оживленного пира король поднялся, приказал арестовать графа и бросить его в темницу. Теперь пришла очередь герцога.

На рассвете отряд прискакал к высоким каменным стенам крепости. Люди короля приготовились к стычке, но, как быстро выяснилось, при герцоге была всего горстка слуг. Роялистов было больше, и они с легкостью вошли в крепость. Ричард приветствовал Глостера, обратившись к нему «любезный дядя». Затем он приказал арестовать его и под охраной препроводить на корабль, который доставит герцога в тюрьму в Кале.

Эта вылазка стала кульминацией переворота, осуществленного с быстротой и эффективностью, не уступавшей аресту Роджера Мортимера Эдуардом III в 1330 году. В 24 часа, ничем не выдав заранее своих планов, Ричард схватил всех трех главных апеллянтов 1386 года. Глостера и Уорика король арестовал лично. Арундела уговорил сдаться его брат, архиепископ Кентерберийский, и Ричард сослал его на остров Уайт. Гром грянул. Наказание застало апеллянтов врасплох. Королевство, по словам Томаса Уолсингема, «внезапно и неожиданно пришло в расстройство». Следующие два года Англия трепетала под тиранией Ричарда II.

Внезапная месть Ричарда апеллянтам, ознаменовавшая начало эпохи тирании, вызвала большое замешательство. После

переворота король выпустил серию прокламаций, разъясняющих, что трое лордов были арестованы за «посягательство на его королевское величество», но отрицающих, что упомянутое посягательство имеет какое-то отношение к событиям 1386 года. Поверили в это немногие.

Естественно, в предположениях недостатка не было. Летописцы того времени фиксировали свои догадки и подозрения. Автор французской хроники «Предательство и смерть Ричарда Английского» слышал, что апеллянты злоумышляли против Ричарда, Джона Гонта и герцога Йорка. До Томаса Уолсингема дошли слухи, будто Ричард думал, что его вот-вот изберут императором Священной Римской империи, но, прежде чем отдать ему власть над тысячами тысяч новых подданных, выборщики хотят удостовериться, что он способен приструнить собственных. Другие, например хронист Адам из Аска, просто не поверили королевским прокламациям и писали, что Ричард давно точил зуб на бывших врагов, десять лет выжидал благоприятного момента и копил силы, чтобы отомстить.

Какими бы ни были его мотивы, удивительно, как быстро Ричард устранил своих врагов. Королю потребовалось всего три месяца со дня ареста, 10 июля 1397 года, чтобы полностью избавиться от старых недругов. К концу сентября 1397 года парламент, Уорик, Глостер и Арундел попросту сгинули без следа.

Парламент, открывшийся 17 сентября 1397 года, был напичкан верными Ричарду людьми и проходил в присутствии вооруженной стражи. Так как Вестминстер-холл был на реконструкции, парламентарии заседали внутри открытого всем ветрам деревянного каркаса. Общины и лорды заняли свои места под внимательными взглядами 300 чеширских лучников Ричарда. Сам Ричард восседал на троне, откуда он, по словам монаха из Ившема, мог «сообщать свои решения»; он руководил заседанием с «величайшей торжественностью, как ни один король до него».

Канцлер Стаффорд, епископ Эксетерский, официально открыл собрание. Он поведал всем присутствующим о новой доктрине королевской власти. В качестве темы проповеди он выбрал цитату из Иезекииля 37:22: «…один Царь будет царем у всех их». Пугающее начало. Разгорячившись, епископ Станфорд заявил собравшимся: «…дабы король был достаточно могущественен, чтобы править, он должен быть полноправным владельцем своих регалий, прерогатив и привилегий». Затем было объявлено всеобщее помилование, из которого, как было сказано, исключены 50 человек, «каковых королю будет угодно назвать». Однако Ричард не затруднил себя перечислением, но

призвал всех, кто думает, что ему есть за что повиниться, просить короля о помиловании лично. За следующий год 500 человек попросят короля о прощении и получат его. Ричард вынуждал своих недругов приходить и называть себя. Удостоенным прощения пришлось недешево за него заплатить.

Затем, опровергая собственное утверждение, будто Глостер, Арундел и Уорик были арестованы вовсе не за преступления десятилетней давности, Ричард обратился мыслями к 1386 году. За месяц до открытия парламента он с зеркальной точностью воспроизвел события прошлого, дав ход новой апелляции – обвинению в измене, выдвинутому против его врагов семью вельможами (Холландами – племянником и сводным братом Ричарда, графами Кентом и Хантингдоном, а также графами Сомерсетом, Ноттингемом, Солсбери, Томасом, лордом Диспенсером и сэром Уильямом Скроупом). Большинство из них впоследствии заявляли, что поступили так по принуждению. Тем не менее подписанную ими апелляцию использовали в полном объеме. Под руководством тщательно подобранного спикера, сэра Джона Буши, – Уолсингем говорил, что Буши обращался к Ричарду с такой подобострастностью, «как будто молился на него», – стесненный и запуганный парламент упразднил акт, на основании которого действовал Совет, а также отменил помилование, выданное «безжалостным парламентом» Глостеру, Аруделу и Уорику. Через несколько дней архиепископ Кентерберийский Арундел (брат графа Арундела) был снят со своего поста и отправлен в ссылку.

Все это время Джон Гонт председательствовал в парламенте как лорд-распорядитель. Для стареющего герцога это было болезненным испытанием, но ему нужно было думать об интересах Ланкастеров. Здоровье его ослабло, а после пребывания с 1394 по 1396 год в своем герцогстве Аквитанском он утратил политический вес в Англии. Теперь же он уповал на милость Ричарда, пытаясь защитить своего старшего сына, бывшего апеллянта Генри Болингброка, а также узаконить своих незаконнорожденных детей, прижитых с давней любовницей, позднее ставшей его третьей женой, Екатериной Суинфорд. Гонт выполнил свои обязанности. В пятницу, 21 сентября, он стоял рядом с королем, когда графа Арундела, одетого в плащ с алым капюшоном, привели на суд. Его официально обвинили в измене за деяния 1386 года – новоявленные апелланты вытанцовывали вокруг и кидали ему в лицо оскорбления. «Твое помилование аннулировано, предатель», – сказал Гонт своему старому врагу графу, прежде чем объявить его виновным в измене и приговорить к смерти. «Где же верные общины?» – взревел

Арундел, с горечью оглядываясь вокруг, а потом сказал спикеру Буши: «Я знаю все о тебе и твоей братии и о том, как ты здесь оказался». На пользу ему это не пошло. Графа вывели из парламента и обезглавили мечом на Тауэр-Хилл. Голова его слетела с плеч с первым же ударом, а тело простояло на ногах достаточно долго, чтобы можно было прочесть «Отче наш».

Томас Уолсингем писал, что призрак графа Арундела преследовал Ричарда, «вселяя в него неописуемый ужас». Если и так, это не заставило короля свернуть с намеченного пути. В следующий понедельник пришла очередь Глостера. Скорбное это было зрелище – еще один английский король жаждал казни герцога королевской крови. Томаса Моубрея, графа Ноттингема, послали в Кале с приказом доставить герцога в парламент. Теперь же Моубрей вошел в притихшее собрание и сообщил ошеломляющую новость: герцог мертв.

Чего Ноттингем парламенту не сказал, так это что герцога прикончили в Кале по его прямому приказанию (исходящему, естественно, от короля). Глостера перевели из тюремной камеры в жилое помещение, где и удушили пуховой периной – вероятно, в ночь 8 сентября, за девять дней до открытия парламента.

Утаив эту информацию, Ноттингем зачитал повинную, в которой Глостер признавался в бесчисленных преступлениях, связанных с событиями 1386 года, включая сомнительный рассказ о том, как апеллянты в течение нескольких дней обдумывали смещение короля, а потом, когда так и не смогли решить, кто должен занять его место, обновили свои ленные присяги. В последних строках герцог обращался к королю с просьбой «даровать мне прощение и милосердие… хоть я и недостоин этого». Но даже и в смерти ему не было оказано такой милости. Его посмертно осудили как изменника.

В пятницу 28 сентября настал черед Уорика. Он уже был совершенно сломлен. Появившись в парламенте, граф разразился слезами, обвиняя других в том, что они втянули его в мятеж и умоляя короля о милосердии. Это было жалкое зрелище: слабый старик, рыдая, умоляет сохранить ему жизнь. Уступив просьбам лордов парламента, Ричард приговорил Уорика к пожизненному заключению в тюрьме на острове Мэн и к конфискации всех земель и собственности. С апеллянтами 1386 года было покончено. Складывался новый политический порядок.

Ричард заложил его основы, перераспределив обширные земли, конфискованные у поверженных врагов и создав целый новый класс титулованного дворянства. Наказания избежали два апеллянта: сын Джона Гонта Генри Болингброк, граф Дерби, и Томас Моубрей, граф Ноттингем. Их повысили до герцогов

Херефорда и Норфолка соответственно, а бабушка Моубрея Маргарет Бразертон стала герцогиней Норфолкской в собственном праве. Эдуард, сын Эдмунда, герцога Йоркского, стал герцогом Альбемарлем. Племянник Ричарда, Томас Холланд, граф Кент, поднялся до герцога Суррея, а сводный брат короля Джон Холланд, граф Хантингдон, получил титул герцога Эксетерского. Джон Бофор, граф Сомерсет, был повышен до маркиза Дорсета. Появились четыре новых графа: друзья и придворные короля Ральф Невилл, Томас Диспенсер, Томас Перси и Уильям Скроуп стали графами Уэстморлендом, Глостером, Вустером и Уилтширом. Все это свидетельствовало о масштабном перемещении собственности, титулов и состояний. Пронеслись две недели, переполненные обескураживающими событиями.

30 сентября парламент закрылся – церемонией, повторяющей окончание «безжалостного парламента»: стоя у усыпальницы Исповедника, лорды поклялись подчиняться всем принятым решениям. Ричард, с короной на голове, восседал на троне, величественный и могущественный. Страна трепетала перед ним. Как с отвращением писал Джон Гауэр, один из немногих его литературных протеже: «На протяжении месяца сентября мечом размахивала дикость». Она будет размахивать им еще два года.

Ричард разгромленный

Ковентри гудел от возбуждения. С рассвета понедельника, 16 сентября 1398 года, на турнирное поле недалеко от Госфорда съезжались рыцари и лорды, епископы и почетные иностранные гости, толпы простых зевак. На траве стояли большие, затейливо украшенные шатры, в них толпились разодетые дворяне в доспехах и ярких ливреях всех расцветок, украшенных серебряными застежками; опасно поблескивало оружие. Этим утром, в девять часов, должно было случиться нечто особенное, такое, что привлекло к себе внимание всей страны. Два герцога должны были сойтись в судебном поединке на глазах у короля. Скорее всего, к концу дня либо Генри Болингброк, герцог Херефорд, либо Томас Моубрей, герцог Норфолк, будет мертв. Победитель будет оправдан. А королевство станет свидетелем одной из величайших рыцарских сенсаций века.

В 1386 году Болингброк и Моубрей вместе выступали под знаменами апеллянтов. В чистках 1397 года король удостоил их своей милости – они не только избежали участи Глостера, Арундела и Уорика, но и значительно обогатились при распределении земель и титулов по итогам переворота, устроенного Ричардом. Теперь же они стали смертельными врагами. Их яростный спор выплеснулся в обвинения в измене, прозвучавшие в присутствии короля в парламенте, и Ричард в своем величии решил, что единственный способ урегулировать конфликт – вооруженная схватка.

Спор был непростым и уходил корнями в прошлое. Он разгорелся из-за необоснованного утверждения, сделанного Болингброком в парламенте в Шрусбери в 1398 году. Герцог сообщил королю и собравшимся лордам, что Моубрей, потрясенный действиями мстительного парламента Ричарда, предупредил его, что с ними обоими скоро «расправятся» в отместку за проступки 1387–1388 годов. По словам Болингброка, Моубрей сказал ему, что их помилования ничего не стоят и что существует план, исходящий от самого короля, убить Болингброка и его отца Джона Гонта, отменить помилование Томаса Ланкастерского, выданное в 1327 году, и перевести все герцогство Ланкастер в собственность короля.

Это было серьезное заявление. Тут Моубрей либо был виновен в самом злостном предательстве, потому что раздувал бунт против короля, либо же он действительно верил, будто Ричард планирует уничтожить род Ланкастеров, вычеркнуть Гонта и его сына из порядка преемственности Плантагенетов и

таким образом прибрать к рукам еще одно крупное наследственное владение.

Но на самом деле причины конфликта были еще глубже. Двор Ричарда раскололся на фракции, одна из которых примкнула к Гонту и дому Ланкастеров, а другая относилась к Ланкастерам с подозрением, враждебностью и завистью. Причем скорее уж Моубрей, а не Ричард, хотел бы смерти Болингброка и Гонта. В конце концов, это он расправился с Глостером без всяких угрызений совести. Ричард склонялся к мысли, что его кузен Болингброк говорит правду, и заключил Моубрея под стражу в Королевской гардеробной. Но обвинения были не доказаны. А поскольку Моубрей, не стесняясь в выражениях, все отрицал, отказался примириться с Болингброком и потребовал устроить суд поединком, Ричард пошел ему навстречу.

Итак, Ковентри охватило нервное напряжение: возбужденные зеваки и вооруженные вассалы крупнейших лордов королевства жаждали увидеть, кто выйдет живым из очередного скверного спектакля эпохи деспотического правления Ричарда II.

В девять часов Болингброк на белом жеребце выехал из Госфорда: седло его исполинского коня было покрыто голубым и зеленым бархатом, расшитым золотыми лебедями и антилопами. Герцога сопровождали шестеро приближенных в ливреях, на нем самом была великолепная броня и кольчуга, которую он за сумасшедшие деньги купил у Галеаццо, герцога Милана. Болингброк был вооружен длинным мечом и кинжалом; его посеребренный щит пересекал яркий красный крест: символ Англии и святого Георгия. Он объявил констеблю и маршалу Англии, что явился «предать суду поединком Томаса Моубрея, герцога Норфолка, который есть предатель, лжец и изменник Господу, королю, королевству и мне». Он принес положенные клятвы, его оружие проверили и освятили и дали ему немного еды и вина, чтобы поддерживать силы во время битвы, которая могла продлиться и до заката солнца. Затем он опустил забрало, осенил себя крестом, взял из рук оруженосца копье, поехал в свой шатер, весь расписанный алыми розами, и стал ждать Моубрея.

Следующим явился король, о прибытии которого возвестили фанфары герольдов. Ричард, как всегда, был разодет в пух и прах; его сопровождала личная армия чеширских лучников и латников. Воздух искрился предвкушением драки, когда сэр Джон Буши, верный Ричарду спикер палаты общин, осудивший Арундела, Глостера и Уорика, объявил толпе, что под страхом отсечения руки никто не должен прикасаться к деревянным ограждениям ристалища. Последним прибыл герцог Норфолк, и наряд его своей пышностью не уступал одеянию соперника: конь был

покрыт накидкой из красного бархата, расшитой серебряными львами и тутовыми деревьями. Он принес клятвы и въехал за заграждения, направляясь в свой шатер. Миновав барьер, он вскричал: «Бог в помощь правому!»

Пришло время битвы. Копья герцогов измерили, шатры спешно свернули: турнирное поле было готово к битве. Противники оседлали коней. Констебль и маршал удалились. Справедливость вот-вот должна была восторжествовать. Болингброк двинулся навстречу сопернику. Моубрей стоял как вкопанный. Все ждали первого удара.

Внезапно Ричард вскочил на ноги и вскричал: «Стой! Стой!» Все замерли в оцепенении. Толпа взволновалась: герцогов отослали по шатрам, отобрав у них копья. Там они и просидели битых два часа, пока король размышлял в уединении. Наконец вперед опять вышел Буши и объявил толпе королевский вердикт. Суд окончен. Битвы не будет. Утолив свою тягу к драме и зрелищам, Ричард решил, что обоих противников следует изгнать из королевства: Болингброка на десять лет (срок позже сократили до шести), а Моубрея навечно.

В этом был весь Ричард – на пике своего грозного могущества, запутавшийся в паутине собственного параноидального правления. Прерванный судебный поединок между Моубреем и Болингброком стал высшей точкой его показного абсолютизма, начало которому было положено в 1397 году.

Уолсингем называл период между 1397 и 1399 годом тиранией Ричарда, и он не ошибался. Вся полнота королевского могущества и исключительных прав, которая, как подразумевалось, устанавливалась для защиты королевских подданных, обернулась против них и использовалась ради обогащения короля. Правление Плантагенетов зиждилось на защите земель, собственности и благосостояния. Опьяненный властью, Ричард, как до него Эдуард II, перевернул монархию с ног на голову.

Когда мстительный парламент 1397 года безжалостно расправился с тремя старшими апеллянтами, Ричард без зазрения совести поживился добычей. Конфискованные земли он распределил между своими приятелями и несколькими новыми пэрами. Земли Арундела на северо-востоке Уэльса он присоединил к графству Чешир, а это графство получило статус палатината и стало залогом политической силы короля. Ричард все больше времени проводил на северо-западе, в своем графстве Чешир, и даже парламент 1398 года провел в Шрусбери.

Короля всюду сопровождали его чеширские вассалы: рыцари,

сквайры и лучники, которые носили эмблему белого оленя и получали жалование за исполнение своего прямого долга – защищать короля. Ричард не показывался на людях без этих бесцеремонных лучников и латников, которые разговаривали между собой на грубом северном наречии, а короля фамильярно называли «Дикан», то есть Дик. Здоровенные стражники, вооруженные внушительными боевыми топорами, по ночам охраняли вход в его спальню. Они говорили ему: «Дикан, почивай спокойно – мы не спим». Согласно Адаму из Аска, чеширцы безнаказанно совершали жестокие преступления: «…куда бы король не явился, они были рядом, охраняя его… они насиловали, убивали и совершали бесчисленное множество других злодеяний». Кроме лучников, Ричарда повсюду сопровождал огромный и свирепый грейхаунд, который до того принадлежал почившему графу Кенту. Постоянно настороже, постоянно запугивая свой народ: поведение Ричарда нисколько не походило на поведение короля. Он был похож скорее на заносчивого магната, который воюет со всем остальным королевством.

Летом 1397 года король начал требовать от подданных принудительных займов. В графства полетели письма, скрепленные Малой государственной печатью, с приказом выделить королю определенную денежную сумму, но имя предполагаемого кредитора в них было не проставлено. Чиновники Ричарда штамповали типовые письма, чтобы на законных основаниях грабить тех, кто, по их мнению, мог заплатить. Более того, от подданных требовали грамот, в которых они вверяли королю свою жизнь и собственность. С помощью такой грамоты можно было в один момент уничтожить человека, впавшего в немилость. Паранойя короля усиливалась: он принялся требовать от своих подданных «пустые хартии»: чистые листы бумаги, к которым человека принуждали приложить личную печать: их можно было использовать, как сказал Уолсингем, «так, что, когда бы он ни захотел нанести удар [по выдавшим грамоту], у него был бы инструмент, чтобы атаковать их по одному». Трудно вообразить себе более вопиющее нарушение Великой хартии вольностей, этого священного основополагающего документа английского политического устройства, срок действия которого обычным порядком продляли на каждой парламентской сессии.

Все это свидетельствовало о крайней неуверенности и страхе, о правлении, основанном на сети финансовых обязательств, а не на вере в монархию как источник публичной власти и общего блага. Целые графства и города, чтобы не попасть в опалу,

должны были покупать помилования по баснословной цене и гарантировать свое примерное поведение ценой многих тысяч фунтов. Общее помилование, пожалованное стране в 1397 году, оказалось условным и вступало в действие только по получении Ричардом выкупа. Герцоги Альбемарль и Кент (кузен и племянник Ричарда) получили позволение использовать закон об измене против недругов короля. Тем не менее Ричарду удавалось притворяться, что его карающая десница устанавливает в королевстве мир и порядок. В письме к Альбрехту Баварскому, датированном 1397 годом, он писал, что «суровое мщение», «выразившееся в разгроме и разорении» его врагов, принесло «нашим подданным мир, который, с Божьей помощью, может продлиться вечно».

Утверждение, страшно далекое от истины. Власть террора и раздувание штата личных вассалов короля не успокаивали королевство, но подталкивали его к гражданской войне. Король умножал число своих вассалов, но то же самое делали и лорды. Крупномасштабное перераспределение земель, предпринятое им по завершении мстительного парламента 1397 года, серьезно пошатнуло местную иерархию. Манера короля набирать вассалов повсюду, куда бы он ни поехал, вторгаясь при этом в сферу влияния магнатов, дестабилизировала местные сообщества, надежно сбалансированные верностью местным лордам.

Временами поведение Ричарда было без преувеличения психопатическим и пугало даже его придворных. В одном сообщении живо описывается, как «в торжественных случаях, когда, по обыкновению, исполнял королевские ритуалы, он приказывал поставить трон в его комнате: он любил демонстративно восседать на нем с ужина и до вечерней звезды, ни с кем не разговаривая, но наблюдая за каждым; и, когда взгляд его падал на кого-нибудь, этот человек, независимо от своего положения, должен был преклонить колена перед королем».

Атмосфера террора, созданная Ричардом, вселяла неутолимую тревогу в его подданных. Не только аристократы были сбиты с толку: разгоралось недовольство простого народа, вспыхивали восстания. Взбунтовавшиеся в марте 1398 года оксфордские йомены угрожали убить короля и лордов; бунтовщики Беркшира собирались устроить засаду на монарха, когда он будет проезжать через их графство. И хотя большая часть нового дворянства, обязанного своим положением Ричарду и рисковавшего потерять все под иссушающим жаром его пристального внимания, клялась ему в верности, эта верность была тоньше бумажного листа.

Такая атмосфера создавала идеальную питательную среду

для ссор, вражды и злобных козней в кругу приближенных Ричарда. Так случилось, что конфликт Болингброка и Моубрея, высветивший все аспекты тирании Ричарда, превратился в драму национального масштаба, и кульминацией этой драмы стало утверждение королем своего абсолютного права выносить судебные решения, касающиеся жизни, смерти и высшей политики.

Когда в октябре 1398 года Болингброк покидал Лондон, отправляясь в шестилетнюю ссылку, улицы заполонили сочувственно настроенные горожане, которые (согласно Фруассару) говорили изгнаннику: «Эта страна не будет счастлива, пока ты не вернешься».

Вряд ли кто-то из них мог предположить, как быстро это произойдет.

3 февраля 1399 года Джон Гонт скончался в замке Лестер. Ему было 58 лет. Похоронили его, как писал Адам из Аска, «с большой пышностью» в Лондоне, в соборе Святого Павла. Кортеж, продвигавшийся по сельским дорогам в Лондон, сопровождали одетые в черное плакальщики. Король нанес визит дяде, лежавшему на смертном одре; позже говорили, что перед смертью Гонт показывал Ричарду свои изъязвленные гениталии, таким вот образом предостерегая того от распутства.

Гонт на протяжении свой долгой политической карьеры не всегда был популярен, но он вел жизнь, полную приключений, и верно служил дому Плантагенетов, порой в очень сложных условиях. Он командовал армиями и блистательными дипломатическими миссиями. Он долго и трудно добивался для себя испанской короны – ее он так и не получил, зато выдал двух своих дочерей за королей Кастилии и Португалии. В Англии он неустанно отстаивал права монархии Плантагенетов в последние годы царствования Эдуарда III и герцогства Ланкастер в царствование Ричарда II. Он одним из первых стал поддерживать радикального религиозного реформатора Джона Уиклифа, он был ключевой фигурой в фракционной борьбе жителей Лондона. Но что важнее всего, Гонт обзавелся не имеющим себе равных земельным владением, которое мог передать по наследству. Годовой доход с него превышал 12 000 фунтов. Мало того, наследник герцогства Ланкастер унаследует и положение Гонта, самого богатого и могущественного магната в Англии (после короля, разумеется).

Больше всего кончина Гонта значила для его старшего сына, Генри Болингброка. Болингброк должен был унаследовать герцогство Ланкастерское целиком, и поэтому к 1399 году он представлял собой страшную угрозу для своего кузена Ричарда II.

После несостоявшейся дуэли в Ковентри Болингброк и Моубрей покинули Англию. Моубрей, лишенный своего герцогства, решил отправиться в паломничество в Иерусалим, но добрался только до Венеции, где скончался от чумы. Болингброк, чье изгнание многие считали несправедливым, поехал в Париж, ко двору Карла VI. Там ему оказали радушный прием, кроме того, оттуда он с близкого расстояния мог следить за ситуацией в Англии.

И что же он видел? Короля, который пытается захватить собственную страну. Одно за другим Ричард и его подельники прибирали к рукам великие и древние английские владения. Земли и замки, которые некогда принадлежали Уорику, Глостеру, Арунделу и Норфолку, вернулись в собственность короля. В 1398 году Роджер Мортимер, четвертый граф Марч и вероятный наследник Ричарда по женской линии через Лайонела Антверпа, был убит в Ирландии. Его сын Эдмунд был еще ребенком, и земли Марча также перешли под королевскую опеку.

Ричард формировал из новообретенных земель крупный силовой блок, что неизбежно сталкивало его с герцогством Ланкастер. Так и случилось, когда сферы влияния короля и Джона Гонта пересеклись и усилилась конкуренция за вассалов: огромные территории в центральных графствах были втянуты в этот конфликт.

После похорон Гонта Ричард поехал в Кингз-Лэнгли – любимую резиденцию Эдуарда II, место, где было захоронено тело Пирса Гавестона и где Эдуард размышлял об отмщении своему давнему сопернику Ланкастеру. Когда Ричард добрался до Кингз-Лэнгли, он уже принял решение. По словам его верного слуги сэра Уильяма Багота, Ричард объявил, что скорее восстановит в правах наследников Глостера, Уорика и Арундела, чем позволит Болингброку вернуться в Англию. Багот послал Болингброку весточку и уведомил его, что с этого момента тот стал «окончательным врагом» короля. Тем временем Ричард 18 марта созвал Совет в Вестминстере, где официально аннулировал право Болингброка наследовать герцогство Ланкастер и приговорил его к вечной ссылке.

Беспрецедентный захват земель состоялся. Случилось именно то, чего так боялся Гонт в последние годы жизни. Весной 1399 года огромные земельные владения конфискованного наследства Ланкастера были распределены между ключевыми сторонниками Ричарда: Ланкастер, Татбери и Кенилуэрт отошли герцогу Суррею; уэльские земли – графу Эксетеру; Лестер, Понтефракт и владение Болингброк были пожалованы герцогу Альбемарлю. Остальное оставалось в руках короля, и

внушительные доходы теперь стекались напрямую в сокровищницы, которые Ричард устраивал в королевских замках. Всем в Англии стало ясно, как сказал Уолсингем, что Ричард отправил кузена в ссылку не из-за конфликта с Моубреем, но «потому что это была отличная возможность присвоить собственность герцога». Ричард был не королем, он был беспутным грабителем, отнимавшим земли своих подданных, врагом общего блага. Он сам подписал себе приговор.

Когда новость о лишении наследства достигла в Париже Болингброка, вряд ли он очень удивился. Он знал Ричарда всю жизнь, был непосредственным участником и свидетелем всех кризисов, через которые пришлось пройти стране: от Крестьянского восстания 1381 года, когда он прятался в шкафу в Тауэре, и до противостояния с Ричардом на стороне лордов-апеллянтов. Он знал, что Ричарду нельзя доверять.

Удивить его могла другая новость: Ричард – как будто бы не подозревая, какие опасности может навлечь на него атака на наследство Ланкастеров – готовился ко второму вторжению в Ирландию. С собой за Ирландское море он собирался взять своих сторонников и большую часть личных вассалов, оставив Англию без защиты на несколько месяцев.

Такой возможностью было грех не воспользоваться. У Ричарда было полно врагов как во Франции, так и в Англии, и Генри связался со всеми. Первым на его сторону встал Томас Фицалан, бывший архиепископ Кентерберийский, которого Ричард снял с должности и отправил в изгнание, казнив его брата, графа Арундела. Ланкастеры и Арунделы не всегда ладили, но ненависть к королю объединила их. В Англии они связались с настроенными против короля лордами: Генри Перси, графом Нортумберлендом и Ральфом Невиллом, графом Уэстморлендом. Вести из Англии убедили герцога, что его вторжение с целью вернуть себе наследство может оказаться успешным, поскольку найдет поддержку среди достаточного количества лордов.

Ричард отправился в Ирландию в конце мая и высадился на острове 1 июня. Наверняка он предполагал, что вторжение возможно или даже весьма вероятно, иначе зачем бы он захватил с собой короны и регалии Англии – важнейшие символы монархии Плантагенетов, – а также Генри Монмута, сына Болингброка. Взял он с собой и большинство лояльных ему лордов, а также армию латников и лучников и с этими силами принялся за покорение ирландских вождей.

Генри покинул Францию в июне, не встретив препятствий со стороны французского правительства, которое пришло в полное

расстройство из-за повторяющихся приступов безумия короля Карла VI. 4 июля 1399 года он сошел на берег недалеко от Равенспурна, в устье реки Хамбер. Он высадился с крошечным отрядом не более 100 человек, что вряд ли было похоже на грозное вторжение. Но как только он сошел на берег, пишет киркстоллский хронист, «огромное множество рыцарей и дворян пришли к нему». Явилась в том числе широкая коалиция северных графов и рыцарей и сам Гарри «горячая шпора» Хотспур – сын Нортумберленда, считавшийся лучшим рыцарем Англии.

Королевство Ричарда, так долго мучимое и шантажируемое, просто упало в руки Болингброку. Автор «Предательства и смерти» писал, что «не было ни одного достойного мужчины, кто не явился бы к герцогу и не предложил ему как свои услуги, так и свое добро». Новость о прибытии Болингброка пронеслась по Англии. Правительство, которое оставил вместо себя Ричард, возглавлял Эдмунд Лэнгли, герцог Йоркский, который приходился дядей как Болингброку, так и королю, и состояли в нем фавориты короля, в том числе сэр Джон Буши и сэр Ричард Скроуп. Они попытались в середине июля собрать армию из верных людей в Оксфорде, но, когда центральные графства перешли на сторону Болингброка, они были вынуждены отступить еще дальше на запад. Адам из Аска утверждал, что Болингброк собрал под свои знамена 100 000 человек. На сей раз он, скорее всего, не преувеличивал.

Ричард вернулся в Англию в конце июля и попытался собрать войско в Южном Уэльсе. Но Болингброк уже был в Бристоле, и через границу просочились известия, что практически вся страна оставила короля. Переодевшись францисканским монахом, король бросил войско, собранное им на юге, и в компании нескольких товарищей поскакал на север, через весь Уэльс, в Конвей, где граф Солсбери собирал армию лоялистов. Но когда Ричард добрался до цели, его ждало еще большее разочарование. Сорокатысячная армия графа разбегалась, прихватив с собой имущество короля – золото и серебро, драгоценные камни, хороших лошадей и дорогие одежды.

К началу августа Болингброк был уже несомненным хозяином Англии. Беспомощный Ричард сидел в замке Конвей, молил Бога и Деву Марию об иностранном вторжении и говорил друзьям, что надеется на помощь короля Франции, а его королевство демонстрировало, как мало верности он заслужил. 5 августа палатинат Чешир, средоточие власти Ричарда, запросил мира. 9 августа замок Честер сдался армии Генри, не оказав и видимости сопротивления. Хотя герцог приказал не устраивать в

Чешире кровопролития, без грабежей и разорения дело не обошлось: когда Адам из Аска попытался отслужить мессу в Коддингтонской церкви, он не нашел там ничего, кроме голых стен и разбитых сундуков.

С Ричардом, который пытался принудить свой народ к верности, вместо того чтобы заслужить ее, было покончено. Его союзники герцог Альбемарль и граф Вустер переметнулись к Болингброку. Герцоги Эксетер и Суррей были взяты в плен. Болингброк, пользуясь своей властью сенешаля Англии, отправил графа Нортумберленда в Конвей за Ричардом. Условия, предложенные ему, были неприемлемы для короля, который все еще находился во власти иллюзии о своих королевских привилегиях. Ему приказали добровольно явиться в парламент, где Генри должен был заседать как «главный судья» Англии и в котором пятерым его союзникам, герцогам Эксетеру и Суррею, графу Солсбери, епископу Карлайла, и Ричарду Моделину предъявят обвинение в измене. Король по привычке принялся бушевать и угрожал предать своих недругов смерти: «А с некоторых, – вопил он, – я живьем шкуру сдеру». Но выбора у него не было. Ему пришлось следовать за Нортумберлендом.

Ричард и Генрих встретились лицом к лицу во Флинте. И хотя всем было ясно, что король теперь – пленник герцога, они исполнили все положенные ритуалы бессмысленной учтивости. Болингброк низко поклонился королю; Ричард обратился к нему «наш добрый кузен Ланкастер».

По свидетельству автора «Предательства и смерти», который видел все своими глазами, Болингброк сказал Ричарду: «[Я вернулся в Англию] прежде чем ты послал за мной», потому что «ты не правил достойно эти 22 года… и, с согласия общин, я буду помогать тебе править».

«Наш добрый кузен, если это угодно тебе, то угодно и нам», – сказал Ричард. Затем он официально сдался герцогу. Ему и Солсбери дали двух тощих лошадок, и вместе с Болингброком, под вооруженной охраной, они отправились в Честер. Город, который был убежищем короля-параноика, стал его тюрьмой, а все величие и блеск Ричарда развеялись раз и навсегда.

Ричард покинутый

21 сентября 1399 года брат графа Уорика сэр Уильям Бошан навестил короля Ричарда – теперь пленника Тауэра. С ним был писатель Адам из Аска, который в своей хронике заметил, что их визит пришелся на вторую годовщину казни Арундела. Бошан и Аск, горячие сторонники Болингброка, пришли, по словам Аска, «специально, чтобы оценить настроение и поведение Ричарда».

Ричард был заперт в крепости уже 19 дней: в конце августа по приказу герцога Генри его перевели из замка Честер и 2 сентября доставили в столицу. Визитеры нашли короля в угнетенном состоянии: лишенный личной прислуги, окруженный шпионами Ланкастера, свергнутый король был совершенно одинок. Даже грейхаунда при нем не было: собака убежала, когда король был в Южном Уэльсе.

Ричард по вполне понятным причинам был несчастен. Герцог поместил кузена в Тауэр – и вряд ли он мог найти место, способное пробудить в душе короля больше воспоминаний. Королевская тюрьма была той самой крепостью, где оба они прятались во время крестьянского бунта 1381 года, когда Генрих чудом избежал плена и смерти от рук сторонников Уота Тайлера и Джона Болла. Наверняка Ричарда обуревали детские воспоминания о том, как он смотрел на пылающий Лондон из одинокого окошка на верху Тауэра, и видел, как вся его страна восстала. Теперь он снова был там же, и, хотя Англия уже не была охвачена крестьянскими волнениями, страна снова взбунтовалась против его правления.

Когда король и его гости сели обедать, Ричард «завел горькую беседу», как писал Адам из Аска. «О Господи, какая странная и ненадежная земля, – сказал король – она сгубила и сокрушила стольких королей, стольких правителей и великих людей; ее вечно раздирают конфликты, изнуряют вражда, раздоры и междоусобная рознь».

Углубившись в прошлое, король принялся рассказывать гостям грустные истории об английских королях, погубленных своим народом. Адам из Аска слушал, как Ричард перечислял «имена и судьбы тех, кого постигла такая участь, начиная со времен, когда эту землю заселили люди». Это было душераздирающее зрелище: король Плантагенет, который так глубоко интересовался древней историей своего королевства и деяниями предков, обнаружил, что история повторяется – с ним самим в роли жертвы.

Состояние короля и человека, настолько подавленного и

униженного, произвело сильное впечатление на летописца. «Наблюдая… его душевные терзания, – писал он, – и видя, что никто из тех, кто должен бы заботиться о нем, нисколько не был к нему привязан и не умел услужить ему, что все они были незнакомцами, приставленными за ним следить, я был тронут до глубины души, размышляя о его былом величии и о переменчивых судьбах мира».

Адам не уточнил, каких именно королей называл Ричард. Но нетрудно догадаться, кого он точно упомянул: своего героя Эдуарда Исповедника, на царствование которого пришлось несколько восстаний, умершего вскоре после бунта в Нортумбрии; короля Иоанна, первого из Плантагенетов, чьи королевские привилегии были ограничены волей баронов; Генриха III, ставшего пленником собственных магнатов; Эдуарда II, прадеда, которого Ричард пытался спасти от забвения, в 1395 году обратившись к папе с просьбой канонизировать предка.

Ричард предавался воспоминаниям, охваченный жалостью к себе. Но на свой лад он был хуже, чем все прежние короли. Подобно Исповеднику, он ставил свою божественную природу выше практической необходимости обзавестись детьми, способными продолжить династию. Как Генрих III, он был одержим священными ритуалами и не смог защитить английские завоевания во Франции. Подобно Иоанну, он тиранил свой народ. Как Эдуард II, настроил против себя дом Ланкастеров, отнимал земли у знати, в политике не гнушался вероломства и доказал свою совершеннейшую неисправимость, хотя на протяжении длительного царствования ему не раз давали шанс измениться. Он прислушивался к негодным советникам и возводил в дворянское достоинство людей низкого происхождения. Он грабил своих подданных и забирал себе их собственность, вместо того чтобы защищать ее. Он укреплял свое могущество как частного вельможи, враждующего со всеми прочими, вместо того чтобы исполнять свой высший долг – являть собой источник публичной власти. Он верил, что власть короля – вопрос престижа, а не лидерства, и в итоге остался ни с чем.

30 сентября, во вторник, через девять дней после того, как Адам из Аска отобедал с королем, лорды и члены палаты общин собрались в Вестминстер-холле. Это был полноценный парламент во всем, кроме названия, потому что собрание, не подкрепленное властью короля, не могло претендовать на официальный статус. В конце зала стоял пустой трон, накрытый золотой парчой. Ричард все еще находился в Тауэре.

Ричард Скроуп, архиепископ Йоркский, встал и зачитал официальное заявление. Король Ричард, сообщил он, согласился

отречься от трона по причине своей несостоятельности. Поднялся Томас Арундел, восстановленный в должности архиепископа Кентерберийского; он спросил, угодно ли народу принять отречение. Если верить официальным записям, все лорды ответили согласием. Затем шумно выразили свое одобрение общины.

Действительно ли Ричард отрекся? Похоже, выбора у него не было. Официальные записи составлены так, чтобы создать представление, будто он добровольно уступил корону: там сказано, что король в своем отречении «признал, что заслужил низложения». Но «Предательство и смерть», сочувствующий королю источник, предполагает иное. Там описан ожесточенный спор между Болингброком и Ричардом, который произошел накануне «парламента». Король сквернословил, выкрикивал проклятия и требовал встречи с женой, а Болингброк отказывался выпустить его из Тауэра или вообще предпринимать какие-либо действия вне рамок парламентского процесса. Вот что пишет «Предательство и смерть»:

> Король [пребывал] в страшном гневе, но ничего не мог поделать и сказал герцогу, что тот совершает ужасное преступление по отношению к нему и к королевству.
>
> Герцог ответил: «Мы не можем ничего сделать, пока не соберется парламент».
>
> Король был так разозлен этими словами, что с трудом мог говорить, и сделал 23 шага по комнате, не проронив ни слова; а затем выпалил: «…ты признавал меня своим королем эти 22 года, как ты смеешь обходиться со мной так жестоко? Я бы сказал, что ты поступаешь со мной, как лживый изменник, как предатель своего лорда; и я докажу это, я сражусь с четырьмя лучшими из вас – таков мой обет». Сказав это, король швырнул наземь свою шляпу…

Это не возымело результата. Ассамблея, собравшаяся с целью принять низложение короля, не медля инициировала беспрецедентный правовой процесс. Епископ Сент-Асафа зачитал 33 пункта документа о низложении: весь длинный перечень ошибок Ричарда – с восхождения на трон и до последних дней тирании. Документ упоминал его «порочное правление» в 1380-х; расправу с апеллянтами («к которым король питал злобу, потому что они хотели, чтобы король подчинялся надлежащему руководству»); сбор армии под командованием де Вера для войны с собственным народом; использование «огромного множества

преступников» из Чешира против своих подданных; грабительскую торговлю помилованиями; фальсификацию парламентских записей; отказ Болингброку в правосудии; злоупотребление налогами и займами; отказ «соблюдать и защищать справедливые законы и обычаи королевства»; бесчисленные примеры вымогательства и обмана; перевозку королевских регалий и драгоценностей в Ирландию; нарушение Великой хартии вольностей. В заключительном, убийственном пункте прямо говорилось, что «король был настолько непостоянен и лицемерен в своих словах и письмах, особенно к папе римскому и правителям других стран, что никто не мог доверять ему».

Дочитав до конца, епископ Сент-Асафа вынес приговор о низложении. Затем Болингброк поднялся со своего места, перекрестился и объявил королевство своим, сказав по-английски:

> Во имя Отца, Сына и Святого Духа, я, Генрих Ланкастер, требую королевство английское и корону со всеми ее подданными и преимущественными правами, поскольку я происхожу по прямой линии от доброго господина короля Генриха III, и по праву, данному мне Господом Богом в его милости, с помощью моей родни и моих друзей, чтобы исцелить его; это королевство было на грани краха из-за неисполнения правительством своих обязанностей и нарушения законов.

Он достал печать Ричарда II, показал ее народу теперь уже своего королевства и взял за руку архиепископа Арундела.

Архиепископ Кентерберийский подвел Генриха Болингброка к золотому трону. Генрих преклонил колена и помолился. Когда он совершил молитву и открыл глаза, архиепископы Кентерберийский и Йоркский взяли его за руки и усадили на трон. Огромный Вестминстер-холл – сердце монархии Плантагенетов – взорвался приветствиями и аплодисментами лордов и представителей общин.

Воздух вибрировал от криков и гомона народа Англии. Шум устремлялся ввысь, к готической крыше с консольными балками, построенной Генри Йевелем за баснословные деньги. Он обтекал белых оленей, окаймляющих стены, и отражался от статуй 13 королей, правивших Англией – от Исповедника до Ричарда II. Он отзывался звоном в ушах первого монарха новой династии: Генриха Болингброка, первого короля из дома Ланкастеров.

Новый король был избран. Или, если смотреть на дело под другим углом, нагло узурпировал трон. 1 октября 1399 года Ричарда II официально лишили присяги на верность и самой

короны. Через четыре месяца его уже не будет в живых – он умрет от голода в тюрьме в замке Понтефракт. Тем временем 13 октября, в день Эдуарда Исповедника, Генрих, герцог Ланкастерский, короновался под именем короля Генриха IV. Дата была выбрана неслучайно: Генрих хотел подчеркнуть свое королевское происхождение. Но это не помогло ему скрыть очевидного факта: спустя восемь поколений и 245 лет правления ненарушенная преемственность рода Плантагенетов прервалась. Теперь ничто не мешало крупным магнатам королевской крови силой отбирать корону друг у друга, сообразуясь с текущей политической ситуацией. Ричард II – недальновидный, алчный, абсолютно превратно понимавший чуть ли не каждый аспект монархии, избавился от людей, способных укротить его жажду власти, – и бросил все, что унаследовал, в костер истории.

Начинался новый век английской монархии.

Заключение

Когда Генрих IV узурпировал трон, горячий сторонник нового короля архиепископ Арундел сравнивал его с Иудой Маккавеем, библейским героем, который поднял богоизбранный народ на бунт против угнетателей, изгнал нечестивых из Иерусалима и очистил осквернённый Храм. Меткое сравнение: подобно Генриху, Маккавей выдвинулся в лидеры благодаря личной отваге и военному таланту. Он взошел на престол, опираясь на свою правоту, а не только на право по рождению.

Начало царствования Генриха ознаменовалось настойчивой пропагандой, которая особо подчеркивала праведность нового короля, а также его практическое соответствие этой должности. Он не только короновался в день памяти святого Эдуарда; Генриха помазали святым миром из фиала, который, по легенде, архиепископ Томас Бекет получил от самой Девы Марии и который затем перешел во владение к деду нового короля – Генри Гросмонту, прославленному полководцу Эдуарда III. Кульминацией праздничного пира в честь коронации Генриха стало прибытие в Вестминстер-холл рыцаря, сэра Томаса Даймока, который объявил гостям, что является защитником короля и что если кто-нибудь оспаривает право Генриха на английскую корону, то «он готов лично доказать это право здесь и сейчас». Никто не принял вызова.

Казалось, Генрих, новый король Англии, пользовался бесспорной поддержкой, в то время как смерть Ричарда Бордоского, последовавшая через четыре месяца после низложения, была неизбежна. Адам из Аска восторгался скоростью, с какой старый король утратил власть: «… раздавленный колесом фортуны, ты с позором пал перед герцогом Генрихом под молчаливые проклятья своего народа», и замечал, что если бы «ты в своих делах руководствовался Божьей волей и поддержкой народа, тогда ты в самом деле заслуживал бы славословий». Действительно, если судить по тому, как легко и быстро Генрих Болингброк захватил власть, немногие оплакивали Ричарда – так же как и Эдуарда II.

Однако, как в свое время Эдуард II, живой Ричард представлял собой эпицентр, вокруг которого зрели заговоры поверженных фаворитов прежнего режима. В декабре 1399 года был раскрыт заговор группы сторонников Ричарда во главе с графами Ратлендом, Хантингдоном, Кентом и Солсбери. Они планировали ворваться в Виндзорский замок в праздник Богоявления, 6 января 1400 года – 43-й день рождения Ричарда, –

прервать празднование крещенского сочельника, похитить нового короля и его сына, принца Гарри (которого возвели в ранг принца Уэльского, герцога Аквитанского, Ланкастерского и Корнуоллского и графа Честера), а после этого освободить старого короля. Но фортуна давно оставила Ричарда и его приверженцев: заговорщиков предали, их планы были сорваны. Ни Генриха, ни принца захватить не удалось, а мятежные графы разбежались по Англии, безуспешно пытаясь поднять народ на восстание. Графов Кента и Солсбери обезглавили разъяренные горожане Сайренсестера, граф Хантингдон лишился головы в Плеши (на том самом месте, где Ричард в 1397 году арестовал графа Глостера), а сэра Томаса Диспенсера, еще одного заговорщика, прикончили ремесленники в Бристоле. Какое там народное восстание в защиту старого короля! Люди приходили в ярость, узнав о попытках сторонников Ричарда в очередной раз дезорганизовать политическую систему Англии.

Раскрытие Богоявленского заговора предопределило смерть Ричарда. Согласно Томасу Уолсингему, когда бывший король, отбывавший пожизненное заключение в Понтефракте, «услышал об этих печальных событиях, его ум помутился, и он сам заморил себя голодом – ходили такие слухи». Сочувственно настроенный автор «Предательства и смерти» предполагал грязную игру: он утверждал, что короля прикончил «сэр Пирс Экстон», который топором раскроил Ричарду череп. Скорее всего, истина лежит где-то посередине, и Ричарда намеренно заморили голодом по приказу нового режима: Ланкастеры не могли терпеть его присутствие в королевстве, точно так же, как Роджер Мортимер в 1327 году не мог мириться с существованием Эдуарда II. Адам из Аска винил в голодной смерти Ричарда некоего «сэра Н. Суинфорда» (скорее всего, сэра Томаса Суинфорда, придворного рыцаря Генриха).

Одно известно наверняка: когда Ричард был уже мертв – вероятно, ко Дню святого Валентина 1400 года и уж совершенно точно к 17 февраля, – Генрих IV приложил массу усилий, чтобы продемонстрировать народу труп кузена. Из Понтефракта в Лондон истощенное тело Ричарда везли в открытом гробу, чтобы все желающие могли увидеть его лицо. Тело два дня пролежало в соборе Святого Павла, прежде чем его перевезли в Кингз-Лэнгли в Хартфордшире, где и похоронили.

На низложение Ричарда и восхождение на трон Болингброка современники взирали в некотором замешательстве. Метафора колеса фортуны, к которой прибег Адам из Аска, казалась особенно удачной. Когда прежний король изгнал Болингброка из страны, а тирания достигла своего апогея, он казался самым

могущественным королем династии. Но всего через несколько месяцев режим его рухнул, а сам он был мертв. Поистине, пути Господни неисповедимы. Но падение Ричарда относили не только на счет переменчивости высших сфер. Многие думали, что он сам навлек на себя такую судьбу чудовищным поведением, жестоким и неэффективным правлением и неудачным выбором советчиков и друзей. Он пустил правление на самотек и думал лишь о личном обогащении, он постоянно нарушал свои коронационные клятвы и Великую хартию вольностей и презирал решения парламента. Он сам вымостил Генриху, своему ближайшему наследнику по мужской линии, дорогу к трону. Тому стоило лишь обратиться к древнему принципу монархии Плантагенетов, принципу, лежавшему в основе всех политических и конституционных кризисов, начиная с 1215 года: король должен править согласно собственным законам и советоваться с достойнейшими людьми королевства.

Несмотря на неустанные попытки нового режима узаконить и оправдать смещение старого короля, монархия так до конца и не оправилась от травмы свержения Ричарда. В отличие от Эдуарда II, Ричарда заменили не бесспорным наследником, но аристократом, в жилах которого текло достаточно королевской крови, чтобы он мог завладеть троном, и он это сделал – в некотором смысле по собственной инициативе. Генрих, может, и был ближайшим наследником своего кузена по мужской линии, но Эдмунд Мортимер, правнук Лайонела Антверпа по линии его дочери Филиппы, графини Ольстер, по крови имел больше прав на корону. Генрих IV отнюдь не был Эдуардом III. Рубикон был перейден. Война, вспыхнувшая в середине XV века, сегодня известная как Война Алой и Белой розы, началась как политическая, но, поскольку узурпация трона Генрихом IV подняла множество оставшихся без ответа вопросов, она быстро превратилась в войну за наследство Плантагенетов и закончилась только с восхождением на трон Генриха VII, который вряд ли вообще имел отношение к Плантагенетам. (Более того, после того как Генрих VII узаконил новую узурпацию демонстрацией гербов, долженствующих доказать его происхождение от Эдуарда III, он, как позже и его сын, Генрих VIII, начал преследовать и убивать английских аристократов, в жилах которых текла хоть капля крови Плантагенетов.) Низвержение Ричарда стало первым шагом на пути к этому печальному исходу.

В каком-то смысле воцарение Генриха IV отбросило английскую монархию назад к почти забытым временам. С тех пор как Генрих II в 1150-х годах заменил Евстахия, сына короля Стефана, в роли наследника английской короны, преемственность

английских королей никогда настолько явно не сочетала в себе принцип крови с принципом выборности и грубой политической реальностью силового захвата власти. Ни одной королевской династии никогда больше не удастся удерживать корону так прочно и непринужденно на протяжении стольких поколений, как это делали Плантагенеты между 1189 и 1399 годом.

Безусловно, смещение Ричарда не повернуло часы истории вспять к временам нормандцев. Здесь наследие Плантагенетов было нерушимо: к 1400 году страна изменилась до неузнаваемости и уже нисколько не походила на англо-нормандское королевство, каким она была в середине XII века.

Институты королевской власти изменились кардинально. К 1400 году король был не просто самым могущественным человеком в стране, с прерогативой выносить судебные решения, взимать феодальную дань и вести войны от лица королевства. Теперь он возглавлял государственный аппарат, и его колоссальные права уравновешивались колоссальными же обязанностями согласно сложному конституционному контракту, связывающему его с различными сословиями. Если нормандские короли (и саксонские короли до них) периодически жаловали своим подданным куцые, крайне туманные хартии вольностей и правили в соответствии с традицией, то в годы правления Плантагенетов сложилась изощренная политическая философия, определявшая обязанности короля по отношению к королевству и обязанности королевства по отношению к королю, сформировалась обширная нормативно-правовая база, согласно которой осуществлялось управление государством. Король по-прежнему являлся источником власти в королевстве, но теперь эта власть опиралась на сложную систему закона и порядка.

Несмотря на то что принципы правления изменились, поступки короля и его желания по-прежнему имели колоссальное значение. Личные качества отдельных монархов, так же как и характеры членов их ближайшего окружения – жен, братьев, детей и кузенов, определяли специфику царствования и изменяли окружающий их мир. В этом смысле политический процесс оставался крайне непредсказуемым и нестабильным. Однако теперь явственнее, чем когда-либо прежде, королевская власть была отделена от короля, а механизм и философия царствования – от его персоны. Каждого последующего короля Плантагенета все сильнее ограничивала система институтов, вовлекавших в управление страной широкое политическое сообщество. Парламентам, куда входили выборные представителей графств, а не только великие бароны и церковные магнаты, принадлежало право вводить налоги; предполагалось,

что в обмен на эту привилегию они могут рассчитывать, что их недовольства будут услышаны и устранены. Они могли требовать отчета от правительства, увольнять неподходящих министров и отстранить от дел самого короля: даже самые успешные и способные из последних королей Плантагенетов, Эдуард I и Эдуард III, переживали кризисные моменты в 1297, 1341 и 1376 годах. В XV веке не только ратное поле, но и парламент станут плацдармом политических битв.

Кроме парламента, Плантагенеты подарили Англии комплексную, глубоко укоренившуюся систему правления на местах. Правительство больше не было монополией одних только священнослужителей и клерков, входивших в свиту короля, и великих магнатов, осуществляющих власть на определенной территории. Теперь правительственные обязанности делили между собой профессиональные чиновники в Вестминстере и обычные люди в графствах – местные жители, представлявшие интересы короны. Судей и стряпчих, клерков и счетоводов, шерифов, бейлифов, коронеров и судебных приставов отбирали из людей среднего социального слоя: происхождение теперь могло обеспечить им не только военную, но и профессиональную карьеру. В результате политическое сообщество, в правление нормандцев включавшее горстку влиятельных епископов и баронов, настолько расширилось, что даже зажиточные крестьяне – как те, что взбунтовались в 1381 году, – чувствовали, что представлены в королевском правительстве и имеют право высказать свое неудовольствие. Принципы Великой хартии вольностей, регулярные переиздания которой в XIII веке вывешивались на дверях чуть ли не каждой церкви в стране, проникали в мировоззрение каждого, независимо от его социального класса и происхождения. Когда в 1450 году, в правление Генриха VI, вспыхнуло восстание под началом Джека Кэда, стало очевидно, что низшие сословия Англии осознают свое место в английском государственном устройстве глубже, чем когда-либо в истории. Нормандская Англия была не более чем колонией, управляемой сверху и на расстоянии, но Англия Плантагенетов, благодаря развитым институтам государственной власти, стала одним из самых политически развитых королевств Европы.

Окончательно оформилась и символика английской монархии. В стране теперь имелись два национальных святых: Эдуард Исповедник и святой Георгий. В совокупности они представляли собой два лика монархии Плантагенетов: набожный, помазанный, освященный король и воин, угодный Богу. Святые английской старины, такие как святой Эдуард

Мученик или святой Эдмунд, были практически позабыты, а святой Эдуард Исповедник и святой Георгий искусно вплетались в английскую историю, взирали со стен грандиозных сооружений, проникали в иконографию монархии. Оба они долго еще будут пленять воображение англичан – особенно святой Георгий, который станет знаменем английской военной славы. «С отвагой в сердце риньтесь в бой, крича: «Господь за Гарри и святой Георг!"»[14], – писал Шекспир, вспоминая Генриха V в зените славы, отдавая дань английским победам в Столетней войне. Слова поэта увековечили в воображении народа культ, развитию которого способствовал Эдуард III, основавший орден Подвязки.

Два очага английской монархии обрели священный статус благодаря святым, культ которых оформился в эпоху Плантагенетов. Культ Исповедника возник в правление Генриха III, и со временем вокруг великолепной гробницы святого в сердце обновленного аббатства выросла родовая усыпальница Плантагенетов. Интересно, что короли не получали доступа в этот некрополь автоматически. Эдуард II, хоть и был назван в честь Исповедника, вел слишком порочную жизнь, чтобы умереть как король. В наказание за позорное царствование его похоронили отдельно от остальных членов семьи, в Глостерском аббатстве. Ричарду II в 1400 году тоже не позволили упокоиться в Вестминстере: в великолепной двойной гробнице из пурбекского мрамора с медными эффигиями, которую он заказал в 1395 году, лежало тело одной только Анны Чешской. Ричарда, сообразно его грехам, похоронили в Кингз-Лэнгли, там, где упокоился отъявленный злодей Пирс Гавестон. Только в царствование Генриха V, который взошел на престол в 1413 году, тело Ричарда перезахоронили в Вестминстере, с запозданием поместив его рядом с женой и с Исповедником, у могилы которого он молился о защите перед встречей с Уотом Тайлером в Смитфилде в 1381 году.

Если королевская усыпальница в Вестминстере была местом, где славили святого Эдуарда, то более позднего национального святого воспевали в резиденции ордена Подвязки, в часовне Святого Георгия в Виндзоре. (Позже английских монархов стали хоронить не только в Вестминстере, но и в перестроенной Эдуардом IV часовне.) Основав орден Подвязки, посвященный святому Георгию и рыцарскому кодексу чести, Эдуард III изменил отношения короля-воина с верхушкой английской знати. Орден помог окружить ореолом почета и славы жестокие, опустошительные войны с Францией, которые вел Эдуард и его сыновья. Пожалуй, можно сказать, что святой Георгий потеснил мифического короля Артура в роли символа английских

завоевательных войн. Несомненно, культ Артура – народного героя, ловко украденного у валлийцев при Эдуарде I, – развивался на всем протяжении эпохи Плантагенетов: из излюбленной темы устного народного творчества артуриана превратилась в безотказную метафору великолепия английской монархии. (Фольклор тоже развивался, обогатившись запретными балладами вроде песен о Робине Гуде.) Однако культ святого Георгия, окрепший в правление Эдуарда III, обладал большим потенциалом. Артур обеспечил Эдуарда I удобным поводом для завоевания Уэльса и подчинения Шотландии; стяг святого Георгия оказался еще полезней: он объединил общей целью короля, аристократов и простых рыцарей и наконец обеспечил Англию причиной воевать за Ла-Маншем – причиной, которую королям Плантагенетам не удавалось отыскать с 1204 года, когда Иоанн потерял Нормандию, запустив болезненный процесс распада англо-нормандского королевства.

В эпоху Плантагенетов сложился культ не только святого Эдуарда и святого Георгия. К ним примкнули герои, память которых стала священной, даже если их не канонизировали официально: великие люди, выступившие против Плантагенетов. Могила Томаса Бекета в Кентербери стала прибыльным и фешенебельным местом паломничества. Гробница строптивого архиепископа, убитого Генрихом II, была омыта кровью и окутана преданиями, и многие континентальные достопримечательности, лежавшие на путях пилигримов между Сент-Шапель в Париже и Сантьяго-де-Компостела в Галисии, уступали ей в святости. Все Плантагенеты, начиная с самого Генриха II, приходили к гробнице святого Томаса, чтобы помолиться о стойкости или поблагодарить за победы; ореол святости не развеется вплоть до 1538 года, когда Генрих VIII прикажет разрушить гробницу святого во время роспуска монастырей. Усыпальницу снесли, а кости Бекета выбросили в реку. Сегодня только маленькая свеча и мемориальная доска отмечает место, где некогда было святилище, но имя Бекета по-прежнему одно из самых славных в английской истории, а его убийство остается одним из ключевых событий английского исторического канона. Даже в наши дни Бекет определенно известнее двух других противников Плантагенетов – Симона де Монфора и Томаса Ланкастерского, хотя и в том и в другом случае рассказывали, что вокруг останков и могил этих двоих происходили чудеса.

Наследие каждого из королей Плантагенетов накрепко связано с их боевыми победами, и именно военные свершения этой династии оставили в Англии самый глубокий след. В эпоху Плантагенетов в корне изменились государственные институты и

политическая культура страны; наряду с этим кардинальную перестройку претерпели стратегия и тактика ведения войн.

Генрих II, Ричард I и Иоанн недалеко ушли от своих предков-нормандцев: в их век искусство войны было искусством осады. Чуть ли не все крупные столкновения XII и начала XIII веков происходили у стен замков или укрепленных городов. Крупнейшим – хоть и неудачным – сражением Генриха II, куда он бросил все силы объединенного домена Плантагенетов, стала осада Тулузы в 1159 году; Ричард I сделал себе имя, штурмуя Акру и Яффу, и встретил свою смерть у стен осажденного Шалю-Шаброля. Иоанн потерял Нормандию, потому что в 1203 году не смог отвоевать Шато-Гайар у Филиппа Августа; его попытка дать отпор Филиппу в решающей битве при Бувине в 1214 году обернулась катастрофой, предопределившей падение режима. Три насыщенных событиями года спустя династию Плантагенетов спас от гибели сын Филиппа, принц Людовик, сдавший город Линкольн Уильяму Маршалу, который штурмовал его от имени Генриха III и оттеснил французов к Ла-Маншу.

Однако уже с середины XIII века на смену осаде как основному методу ведения англичанами войн приходит встречный бой. Поначалу к этому средству вынуждены были прибегать короли Плантагенеты, чье царствование погружалось в пучину гражданской войны: Симона де Монфора жестоко зарубили в битве при Ившеме в 1263 году, а Томаса Ланкастерского обезглавили в 1322 году после того, как он уступил в бою своему кузену Эдуарду II. С конца XIII века и далее английские короли гораздо чаще стали полагаться на искусство встречного боя, атакуя врага и за пределами страны. Эдуард I ужаснул Шотландию битвами при Фолкирке и Данбаре; Эдуард II был наголову разбит при Бэннокберне. Эдуард III постигал искусство войны на ошибках унизительного поражения при Стенхоуп-парке горьким летом 1327 года и взял реванш при Хэлидон-Хилле в 1333 году: после этого не было в мире зрелища страшнее, чем вид английских войск на поле боя.

Новые тактики ведения боя, появившиеся в царствование Эдуарда III, – использование в ближнем бою спешившихся латников, а также конных лучников, которые рассеивали кавалерийские атаки и обрушивали смертоносный дождь стрел на пехоту, – помогли королю одержать ряд самых славных побед в истории Англии. Столетняя война обеспечила Англии военный паритет с Францией, который станет неотъемлемой чертой отношений двух стран вплоть до эры Наполеона. Слова «Креси» и «Пуатье» гремят в веках и поныне, а революция в тактике ведения военных действий позже увенчается потрясающей победой

Генриха V при Азенкуре в День святого Криспина в 1415 году – победой, которая увековечит образ непобедимого английского лучника. Невозможно переоценить важность образа этих внушающих ужас стрелков для английской истории и мифологии. Английские лучники, скакавшие в бой с крестом святого Георгия и с гербом, на котором английские леопарды красовались рядом с французскими лилиями; короли Англии, сходившиеся врукопашную с королями Франции; Черный принц, заслуживший свои шпоры при Креси: все они стали славными символами английской истории, романтическими героями, вдохновлявшими поколения англичан.

Битва при Креси, которая произошла, когда Эдуард III обдумывал идею создания ордена Подвязки, ознаменовала начало военной карьеры Черного принца и короткого, но яркого периода английского военного превосходства, который вспоминается и поныне. Иконография английской монархии, особенно та, что связана с орденом Подвязки, берет начало прежде всего в триумфах Плантагенетов на полях сражений во Франции. Но не стоит забывать и о власти мифов и воспоминаний, связанных с Ричардом Львиное Сердце и Третьим крестовым походом. Термин «крестовый поход» до сих пор остро отзывается в душах христиан и мусульман XXI века, которые сегодня пытаются жить бок о бок. Хоть это и противоречит принципам исторической науки, но многие современные ораторы не в силах устоять перед соблазном обратиться к прошлому и посмотреть на нынешнее столкновение культур как на продолжение войн, которые вели Ричард и Саладин более восьми веков назад.

В военное наследие Плантагенетов уходят корнями и отношения Англии с другими странами Британских островов – отношения, сохраняющиеся до сих пор. До Плантагенетов только мифический король Артур, как гласит предание, удерживал в повиновении не только королевство Английское, но и Уэльс, Ирландию и Шотландию. Однако короли Плантагенеты усвоили образ Британии, объединенной под английским господством, и принялись претворять его в жизнь, начиная с Генриха II. Генрих первым заставил Шотландское королевство покориться английской короне, отомстив таким образом за вмешательство Вильгельма Льва в войну 1173 года. Эдуард I пошел дальше: он заставил шотландского короля принести унизительную ленную присягу и увез из аббатства в Скуне священный коронационный камень скоттов, обеспечив надежным основанием свое коронационное кресло в Вестминстере, где камень и оставался на протяжении семи веков, пока в 1996 году его не вернули на место. Но, как обнаружили Эдуард и его внук Эдуард III,

шотландцев не заставишь любить английскую монархию – и действительно, враждебность, вызванная жестокими кампаниями Плантагенетов к северу от границы двух стран, так до конца и не угасла. Причины шотландского национализма нужно искать в событиях XIII и XIV веков, и, если в наше время шотландским националистам удастся добиться своей цели и обрубить связи с Британским союзом, многие готовы будут увидеть здесь окончание длительного исторического процесса, начавшегося в Средние века.

В Уэльсе Плантагенеты тоже оставили практически неизгладимый след. Кольцо крепостей, построенных Эдуардом I в 1280-х годах, памятник давнишнего завоевания, стоит до сих пор, и до сих пор напоминает жителям Северного и Западного Уэльса о древней борьбе за господство, до сего дня определяя многие аспекты отношений Уэльса и Англии. Такой же давнишней является и обида ирландцев на английских захватчиков. Некоторые считают, что начало долгой и непростой истории англо-ирландских отношений положила папская булла *Laudabiliter*, дарованная в 1155 году единственным папой-англичанином, Адрианом IV, первому королю Плантагенету, Генриху II. Из всех королей Плантагенетов только Генрих II, Иоанн и Ричард II ступали на землю Ирландии, и ни один – с достойными похвалы результатами. Но они достаточно потрудились, чтобы укрепить идею английского владычества на другом берегу Ирландского моря и чтобы разжечь яростное сопротивление оскорбленных ирландцев. Они положили начало истории, которая еще ждет своего завершения, – но это начало тем не менее было положено именно ими.

Кроме этого, Плантагенеты изменили Англию самым наглядным образом. Королевство к 1400 году не только было устроено по-другому; оно и выглядело иначе. Восемь поколений строителей и покровителей искусств изменили английский ландшафт. Плантагенеты закладывали величественные крепости, дворцы и охотничьи замки. Они нанимали величайших художников и архитекторов своего времени. Вестминстер, Виндзор и замки Уэльса – очевидные тому примеры, но на протяжении двух с половиной веков династии королевство укреплялось и созревало во множестве иных аспектов. Лондон преобразился, столица быстро росла и уже была на пути к тому, чтобы стать крупнейшим центром международной торговли. Мощная крепость Дувра, перестроенная Генрихом II в последние годы царствования, нависала над белыми утесами, бросая вызов французам. Золотой век церковного строительства отметился готическими шпилями и арочными контрфорсами,

взметнувшимися по всему королевству. Впервые после того, как римляне покинули остров, возобновилось каменное строительство. Росли новые города и порты – большая их часть, конечно, появилась до резкого сокращения численности населения вследствие эпидемии Черной смерти. Портсмут был основан Ричардом I как военная база, но под королевским покровительством расцвели и другие города, такие как Харидж (получивший свою хартию в 1238 году от Генриха III) и Ливерпуль (основанный королем Иоанном в 1207 году). Вместе с тем демографический кризис XIV века опустошил множество поселений, хотя, конечно, приписывать это прямому влиянию Плантагенетов было бы преувеличением.

И наконец, Англия Плантагенетов говорила теперь на английском языке. Когда молодой Генрих II в холодном 1140 году впервые высадился на неприветливом английском берегу, он в лучшем случае кое-как понимал местный язык. И уж точно он вряд ли считал его пригодным для серьезных разговоров. Никто, кто хоть чего-то стоил, не стал бы говорить с королем по-английски. Придворные Генриха II разговаривали на нормандском диалекте французского языка и, вероятно, на *langue d'oc, лангедоке*, языке Алиеноры Аквитанской и ее южно-французской свиты. Официальные записи велись на латыни.

Такое положение дел сохранялось вплоть до сравнительно позднего периода правления Плантагенетов, а в какой-то мере и далее: французский оставался утонченным и благородным языком, лучше всего подходящим для уст аристократов, а латынь – деловым языком судебных записей и правительственных учреждений. Но к XIV веку английский язык окреп. Статут о прениях, принятый в 1362 году в рамках празднования 50-летия Эдуарда III в парламенте, ставшем кульминацией английской средневековой монархии за весь изученный нами период, сделал английский язык языком судебных и парламентских слушаний. Акции грубого местного языка заметно повысились. В правление Ричарда II Джеффри Чосер, Джон Гауэр, Уильям Ленгленд и автор «Гавейна» (и многие другие) трансформировали английский из языка смердов и неучей в язык поэзии и науки. Пройдет время, и на английском языке заговорят не только принцы и короли, но и практически весь мир.

День, когда тело Ричарда II повезли из Понтефракта в Лондон, отметил и печальный конец династии, и начало нового непростого периода английской истории. Низложение Ричарда и его мучительная смерть оборвали прямую линию королей, которая началась с Генриха II, и бросили тень на его королевство. Но эта смерть ознаменовала и окончание периода

трансформации, развития и роста: времени, когда Англия сложилась как энергичная и уверенная нация. За 246 лет неспокойного правления Плантагенеты вылепили Англию по своему образу и подобию. Они превратили слабо управляемую, нестабильную, раздробленную страну в одну из самых могущественных и сложно устроенных держав своего времени и навсегда запечатлели себя в воображении и памяти английского народа.

Рекомендуемая литература

Читатели, желающие больше узнать об основных персонажах и темах, которые обсуждаются в этой книге, найдут ниже литературу, которую я рекомендую в качестве отправной точки.

Любому, кто хочет углубиться в изучение биографий английских королей – или других ключевых фигур английской истории, – следует начать с Национального биографического словаря (*Oxford Dictionary of National Biography*), который теперь доступен онлайн по подписке на oxforddnb.com. (Многие библиотеки и учреждения предоставляют бесплатный доступ.)

Еще один полезный интернет-источник – British History Online (british-history.ac.uk) – база, объединяющая множество ценных первичных и вторичных источников и правительственных документов. Повторюсь, бесплатный доступ есть у многих библиотек. Особенно полезны будут Парламентские свитки средневековой Англии (доступны также на sd-editions.com/PROME/home.html).

Читателям, желающим ознакомиться с первоисточниками, полезно будет обратиться к Английским историческим документам (*English Historical Documents*), изданным под общей редакцией Дэвида Чарльза Дугласа: в частности, к томам 2, 3 и 4, охватывающим период с 1042 по 1485 год. Подробный обзор строительных работ периода можно найти в книге «История королевских строек» (*The History of the King's Works*) Говарда Колвина (2 тома, 1963).

ЧАСТЬ I. ЭПОХА КРУШЕНИЯ (1120–1154)

Полезный общий курс ранней истории Англии – «Англия под властью нормандских и анжуйских королей» (*England Under the Norman and Angevin Kings*) Роберта Бартлета (2000). Классическая биография Генриха I – книга Уоррена Холлистера «Генрих I» (*Henry I*), 2001.

Лучшее из недавних исследований жизни Матильды – книга Хелен Кастор «Волчицы: женщины, которые правили Англией задолго до Елизаветы» (*She-Wolves: The Women Who Ruled England Before Elizabeth*), 2010. Последняя полная ее биография – «Императрица Матильда: супруга короля, королева-мать и Леди Англии» Марджори Чибнелл (*The Empress Matilda: Queen Consort, Queen Mother and Lady of the English*), 1993. В поисках информации о Матильде и других английских королевах стоит заглянуть в

книгу Лизы Хилтон «Королевы-консорты: английские средневековые королевы» (*Queens Consort: England's Medieval Queens*), 2008. Взгляд с другой стороны линии фронта предлагают Дэвид Крауч в книге «Царствование короля Стефана» (*The Reign of King Stephen*), 2000, и Эдмунд Кинг в работе «Анархия в правление Стефана» (*The Anarchy of Stephen's Reign*), 1994.

Очень информативны хроники *The Ecclesiastical History of Orderic Vitali* («Церковная история Ордерика Виталия»), переведенные и отредактированные Марджори Чибнелл, 1968–1990, *Historia Novella* («Современная история») Вильяма Мальмсберийского, в переводе К. Р. Поттера, под редакцией Эдмунда Кинга, 1998, а также *Gesta Stephani* («Деяния Стефана»), в переводе и под редакцией К. Р. Поттера, 1976.

ЧАСТЬ II. ЭПОХА ИМПЕРИИ (1154–1204)

В качестве портрета основателя династии Плантагенетов по-прежнему непревзойденной остается работа У. Л. Уоррена «Генрих II» (*Henry II*), 1973, хотя лучше читать ее с точки зрения, представленной в книге «Генрих II: новый взгляд» (*Henry II: New Interpretations*), под редакцией Николаса Винсента и Кристофера Харпер-Билла, 2007. Новое исследование жизни первой королевы-консорта Плантагенетов – книга *Ральфа В. Тернера* «Алиенора Аквитанская» (*Eleanor of Aquitaine*), 2009. См. также: «Алиенора Аквитанская: владычица и госпожа» (*Eleanor of Aquitaine: Lord and Lady*), 2003, под редакцией Бонни Уилер и Джона Карми Парсонса. Свежая биография сварливого архиепископа Генриха – книга Джона Гая «Томас Бекет» (*Thomas Becket*), 2012. Сведения о жизни и смерти Бекета содержатся в средневековом сборнике его биографий «Житие Томаса Бекета» (*The Lives of Thomas Becket*), изданном в переводе и под редакцией Майкла Стаутона, 2001. Полезное описание правовых реформ Генриха – «История английского законодательства до эпохи Эдуарда» (*A History of English Law Before the Time of Edward*) Фредерика Поллока и Ф. У. Мейтленда, 1968. Классическая биография Львиного Сердца – книга Джона Гиллингема «Ричард I» (*Richard I*), 1999. Книга Томаса Эсбриджа «Крестовые походы» (*The Crusades*), 2010, рассказывает о приключениях Ричарда в Утремере, помещая их в исторический контекст. Сравнительная биография Франка Маклина «Львиное Сердце и Безземельный: король Ричард, король Иоанн и завоевательные войны» (*Lionheart and Lackland: King Richard, King John and the Wars of Conquest*), 2006, делает упор на войнах Ричарда с Филиппом II. В книге «Король Иоанн» (*King*

John) – *вторая редакция, 1978, У. Л. Уоррен старается уравновесить промахи Иоанна его успехами в сфере управления*. В ряду предыдущих, более пристрастных биографий можно назвать «Иоанн Безземельный» (*John Lackland*), 1902, за авторством Кейт Норгейт и книгу Дж. Т. Эпплби «Иоанн, король Англии» (*John, King of England*), 1959. Эти источники лучше читать вместе с книгой «Король Иоанн: новый взгляд» (*King John: New Interpretations*), под редакцией С. Д. Черч (1999). Широкое представление о войнах, которые вели Плантагенеты в Британии и Ирландии, дает книга «Борьба за господство: Британия в 1066–1284 годах» Дэвида Карпентера (*The Struggle For Mastery: Britain 1066–1284*), 2003. О значении потери Нормандии пишет Дэниел Пауэр в книге «Нормандский кордон в XII и в начале XIII века» (*The Norman Frontier in the Twelfth and early Thirteenth* Centuries), 2004. Новейшая биография французского соперника Иоанна – книга Джима Бредбери «Филипп Август: король Франции в 1180–1223 годах» (*Philip Augustus: King of France 1180–1223*), 1998. «Английские исторические документы» (*English Historical Documents*), том 2 и 3 содержат объемные фрагменты хроник Вильяма Ньюбургского, Уолтера Мапа и Геральда Камбрийского. «История Уильяма Маршала» (*The History of William the Marshal*), под редакцией Э. Дж. Холдинга в переводе С. Грегори с примечаниями Дэвида Крауча (в 3 томах, 2002–2006), – обстоятельное и превосходное чтение. Хроника Роджера Ховеденского в английском переводе называется «Анналы Роджера Ховеденского (*The Annals of Roger de Hoveden*) и издана под редакцией Г. Т. Райли в 1853 году. Представление об институтах власти и о государственном управлении дают «Диалоги казначея» Ричарда Фицнила (Dialogue of the Exchequer), опубликованные под названием *Dialogus de Scaccario and Constitutio Domus Regis*, в переводе и под редакцией Эмили Эмт и С. Д. Черч, 2007.

ЧАСТЬ III. ЭПОХА ОППОЗИЦИИ (1204–1263)

Классический анализ восстания против Иоанна – «Северяне: исследование правления короля Иоанна» Дж. К. Холта (*The Northerners: a study in the reign of King John*), 1961. «Великая хартия вольностей» (*Magna Carta*, второе издание, 1992) того же автора – блестящее специальное исследование хартии; оно содержит полные тексты документа за период с 1215 по 1225 год. Вклад Иоанна в становление системы правосудия изучается в работе Ральфа В. Тернера «Король и его суд: роль Иоанна и Генриха II в

отправлении правосудия» (*The King and His Courts: the role of John and Henry III in the administration of justice, 1199–1240*), 1968. Притеснение Иоанном евреев обсуждается в работе Х. Дж. Ричардсона «Английские евреи при анжуйских королях» (*The English Jewry Under Angevin Kings*), 1960, и рассматривается в историческом контексте в книге Энтони Джулиуса «Суды над диаспорой» (*Trials of the Diaspora*), 2010.

Генрих III – один из немногих английских монархов, которому не посвящено ни одной работы в Йельской серии книг. Читатели могут обратиться к книгам Ф. М. Поуика «Генрих III и Лорд Эдуард: общество в королевстве XIII века» (*Henry III and the Lord Edward: The Community of the Realm in the Thirteenth Century*), 1947, Д. Э. Карпентера, «Правление малолетнего Генриха III» (*The Minority of Henry III*), 1990, и сборнику эссе «Царствование Генриха III» того же автора (*The Reign of Henry III*), 1996. Одержимость Генриха его царственными предками обсуждается в статье Д. Э. Карпентера «Король Генрих III и святой Эдуард Исповедник: происхождение культа» ('King Henry III and Saint Edward The Confessor: the Origins of the Cult') в журнале *English Historical Review* 122 (2007). Интересна книга Николаса Винсента «Питер де Рош, епископ Винчестерский: чужак в английской политике» (*Peter des Roches, Bishop of Winchester 1205–38: An Alien in English Politics*), 1996. О войнах 1250-х и 1260-х годов повествует Дж. Р. Маддикотт в книге «Симон де Монфор» (*Simon de Montfort*), 1994. Поведение лорда Эдуарда в начале политического кризиса хорошо освещено в книге Марка Морриса «Великий и ужасный король: Эдуард I и становление Британии» (*A Great and Terrible King: Edward I and the Forging of Britain*), 2008; о политическом образовании Эдуарда до его восхождения на трон можно прочесть в работе «Эдуард I и уроки баронской реформы» (*'Edward I and the Lessons of Baronial Reform'*), изданной в серии *Thirteenth Century England*, i (1986).

Хроника Роджера Вендоверского «Цветы истории» (*Roger of Wendover's Flowers of History*), 1849, в переводе Дж. А. Джайлса – ценный источник информации о борьбе Иоанна с баронами. Матвей Парижский, продолживший хронику Вендоверского, был близок ко двору Генриха III – его работа, опубликованная на латыни под названием «*Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani, Chronica Majora*», издана в редакции Г. Р. Луарда (7 томов, 1872–1873). Корреспонденция двора Генриха собрана в труде «Королевские и другие исторические письма, иллюстрирующие правление короля Генриха III» (*Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of King Henry III*), под редакцией У. У. Ширли (2 тома, 1862–1886). Документы, касающиеся войны с Монфором,

собраны в работе «Документы баронского движения за реформы и баронской войны 1258–1267» (*Documents of the Baronial Movement of Reform and Rebellion 1258–1267*), под редакцией Р. Ф. Трекарне и И. Дж. Сандерс, 1973. Песни и документы эпохи оппозиции представлены в книге «Политические песни Англии, собранные Томасом Райтом» (*Thomas Wright's Political Songs of England*), 1996, под редакцией П. Кросса.

ЧАСТЬ IV. ЭПОХА АРТУРА (1264–1307)

Две исчерпывающие биографии – Майкл Прествич «Эдуард I» (*Edward I*), 1988, и Э. Л. Г. Стоунс «Эдуард I» (*Edward I*), 1968. Одержимость Эдуарда I королем Артуром – главная тема книги Марка Морриса «Великий и ужасный король» (*A Great and Terrible King*), 2008, и подробно рассматривается в статье Р. Ш. Лумиса «Эдуард I: горячий поклонник артурианы» ('Edward I: Arthurian Enthusiast'), в журнале *Speculum* 28 (1953). Замки Эдуарда описаны в статье Э. Д. Тейлора «Мастер Джеймс Сент-Джордж» ('Master James of St George'), в журнале *English Historical Review* 65 (1950) и в книге Марка Морриса «Замки: история строительства, сформировавшего средневековую Британию» (*Castle: A History of the Buildings That Shaped Medieval Britain*), 2003. Информацию о конкретных замках можно найти в труде Х. М. Холвина «История королевских строек» (*The History of the King's Works*), 2 тома, 1963.

Об уэльских завоеваниях Эдуарда I повествуется в книге Р. Р. Дэвиса «Эпоха завоеваний: Уэльс 1063–1415» (*The Age of Conquest: Wales 1063–1415*), 2000, и в книге того же автора «Господство и завоевание» (*Domination and Conquest*), 1990. О Шотландии можно прочитать в книге А. А. М. Дункана «Королевство скоттов в 842–1292 годах» (*The Kingship of the Scots, 842–1292*), 2002, и в книге Ф. Уотсона «Под Молотом: Эдуард I и Шотландия, 1286–1306» (*Under the Hammer: Edward I and Scotland 1286–1306*), 1998. Становление английского статутного законодательства в правление Эдуарда I – важная часть долговременного процесса, который исследуется в труде М. Т. Клэнчи «От запоминания – к записям» (*From Memory to Written Record*), второе издание, 1993. Самые непростые для Эдуарда годы изучаются в книге Майкла Дж. Ходдера «Баронская оппозиция Эдуарду I: графы и кризис 1297 года» (*Baronial Opposition to Edward I: the earls and the crisis of 1297*), 1976.

Автора, заложившего основы артурианы, можно почитать и в наши дни: «Гальфрид Монмутский, история королей Британии» (*Geoffrey of Monmouth, History of the Kings of Britain*), 1966, под редакцией Л. Торпа. Законы Эдуарда собраны в первом томе

«Королевских статутов» (*The Statutes of the Realm*), под редакцией Э. Людерса, Т. И. Томлинса, Дж. Франса, У. Э. Тонтона и Дж. Рейтби (1810). Документы, связанные с Великой тяжбой, собраны в труде «Эдуард I и шотландский трон 1290–1296: письменные источники, касающиеся Великой тяжбы» (*Edward I and the Throne of Scotland 1290–1296: An Edition of the Record Sources for the Great Cause*), под редакцией Э. Л. Г. Стоунса и Дж. Г. Симпсона (2 тома, 1977). Источник, освещающий проблемы в правительстве Эдуарда: «Документы, иллюстрирующие кризис 1297–1298 годов в Англии» (*Documents Illustrating the Crisis of 1297–98 in England*), под редакцией М. Прествича (1980). Не современный событиям, но не менее ценный взгляд на войны Эдуарда с позиции Шотландии предлагает хроника сэра Томаса Грея (*Scalacronica by Sir Thomas Grey of Heton, Knight*), под редакцией Дж. Стивенсона (1836).

ЧАСТЬ V. ЭПОХА НАСИЛИЯ (1307–1330)

Новейшая биография Эдуарда II (*Edward II*), 2010, написанная Сеймуром Филипсом, дополняет труд Роя Мартина Хайнса «Король Эдуард II» (*King Edward II*), 2003. Новые аспекты его биографии рассматриваются в книге «Царствование Эдуарда II: новый взгляд» (*The Reign of Edward II: New Perspectives*), под редакцией Гвилима Додда и Энтони Мюссона, 2006. Финал царствования изучается в книге Натали Фрайд «Тирания и падение Эдуарда II, 1321–1326» (*The Tyranny and Fall of Edward II 1321–1326*), 1979. Ошибки короля и его отношения с заклятым врагом освещены в книгах Дж. С. Гамильтона «Пирс Гавестон, граф Корнуоллский», 1988, и Дж. Р. Маддикотта «Томас Ланкастер» (*Thomas of Lancaster*), 1970. О его поздних фаворитах рассказывается в статье Майкла Прествича «Обвинения против Диспенсеров, 1321» ('The Charges Against The Despensers, 1321'), в журнале *Bulletins of the Institute of Historical Research* 48 (1985).

Правление Эдуарда помещено в исторический контекст в книгах М. Маккисека «Четырнадцатый век» (*The Fourteenth Century*), 1959, и Майкла Прествича «Англия Плантагенетов, 1225–1360» (*Plantagenet England, 1225–1360*), 2005. Информация о жизни жены Эдуарда есть в статье Х. Джонстона «Изабелла, французская волчица» ('Isabella, the She-Wolf of France'), в журнале *History*, новая серия, 21 (1936–1937). Теории спасения Эдуарда обсуждаются в книгах Иэна Мортимера «Знаменитый предатель: жизнь сэра Роджера Мортимера, правителя Англии, 1327–1330» (*The Greatest Traitor: The Life of Sir Roger Mortimer, Ruler of England*

1327–1330), 2003, и в статье того же автора «Смерть Эдуарда II в замке Беркли» ('The Death of Edward II in Berkeley Castle'), в журнале *English Historical Review* 120, 2005.

Самая важная хроника периода (упоминаемая в тексте как «Жизнь Эдуарда II») – это *Vita Edwardi Secundi*, в переводе и под редакцией Венди Р. Чайлдс (2005). «Хроники Ланеркоста, 1272–1346» (*The Chronicles of Lanercost, 1272–1346*), в переводе сэра Герберта Максвелла (1913), – надежный источник знаний о войне между Эдуардом II и семьей Брюсов. «Хроника Питера Лангтофта» (*Peter Langtoft's Chronicle*), под редакцией Т. Хирна (2 тома, 1725), тоже весьма полезна. Частичные переводы других хроник того времени приведены в третьем томе «Английских исторических документов» (*English Historical Documents*), под редакцией Х. Ротвелла (1975).

ЧАСТЬ VI. ЭПОХА СЛАВЫ (1330–1360)

Марк Ормод недавно написал замечательную биографию Эдуарда III (*Edward III*), 2011, а Иэн Мортимер посвятил ему свою занимательную работу «Идеальный король: жизнь Эдуарда III, отца английской нации» (*The Perfect King: The Life of Edward III, Father of the English Nation*), 2006. Эссе, посвященные, в частности, военным технологиям, можно найти в работе «Эпоха Эдуарда III» (*The Age of Edward III*), под редакцией Дж. С. Босвелла, 2001. Книга Р. Барбера «Эдуард, принц Уэльский и Аквитанский» (*Edward, Prince of Wales and Aquitaine*), 1978, посвящена жизни и деятельности Черного принца. К этому же периоду относится книга Энтони Гудмена «Джон Гонт: власть принца в Европе XIV века» (*John of Gaunt: The Exercise of Princely Power in fourteenth-century Europe*).

Лучший источник информации о первом периоде Столетней войны – книги Джонатана Сампшона «Столетняя война I: суд поединком» (*The Hundred Years War I: Trial by Battle*), 1990, и «Столетняя война II: испытание огнем» (*The Hundred Years War II: Trial by Fire*), 1999. Кризис 1341 года освещается в статье Натали Фрайд «Увольнение Эдуардом III министров и судей, 1340–1341» ('Edward III's Removal of his Ministers and Judges, 1340–1'), в журнале *Historical Research* 48 (1975). Беспорядки в Англии в начале правления Эдуарда описываются в статье Э. Л. Г. Стоунса «Фолвиллы из Эшби-Фолвилла в Лестершире и их сообщники по преступлениям» ('The Folvilles of Ashby-Folville in Leicestershire, and their associates in crime'), в журнале *Transactions of the Royal Historical Society*, пятая серия, 7 (1957). Работа Джона Хэтчера

«Черная смерть: личная история», (*The Black Death: an intimate history*), 2008, – одна из последних книг, посвященных демографическому кризису 1348 года. Для ознакомления с рыцарством эпохи Эдуарда можно порекомендовать работу Хью Э. Л. Коллинза «Орден Подвязки, 1348–1461» (*The Order of the Garter, 1348–1461*), 2000.

Предполагаемые причины войны Эдуарда с Францией описываются в «Обетах Цапли» (*The Vows of the Heron*), под редакцией Дж. Л. Гризби и Н. Дж. Лэйси (1992). Хроники Фруассара (*Froissart's Chronicle*), в переводе Г. Бреретона (1978), – живо, хоть несколько сумбурно написанная летопись войн и сопутствующих им событий, которая берет за образец «Хронику Жана Лебеля» (*Chronique de Jean le Bel*), вышедшую под редакцией Ж. Виара и Э. Депреза (2 тома, 1904–1905). Взгляд Церкви представлен в «Сент-Албанских хрониках Томаса Уолсингема» (*The St Albans Chronicle: The 'Chronica Maiora' of Thomas Walsingham*), в переводе и под редакцией Дж. Тейлора, Венди Чайлдс и Л. Уоткисса (2003).

ЧАСТЬ VII. ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ (1360–1399)

Книга Джорджа Холмса «Добрый парламент» (*The Good Parliament*), 1975, посвящена оппозиционному движению 1376 года. Книга Г. Л. Харриса «Выковывая нацию: Англия в 1360–1461 годах» (*Shaping The Nation: England 1360–1461*), 2005, предлагает необходимый контекст, обзор и анализ внутренней и внешней политики. Книга Найджела Сола «Ричард II» (*Richard II*), 1997, – образцовая биография последнего Плантагенета. Майкл Беннет в книге «Ричард II и революция 1399 года» (*Richard II and the Revolution of 1399*), 1999, фиксирует внимание на последних годах династии.

О том, как от Англии отвернулась военная удача во Франции, пишет Джонатан Сампшон в книге «Столетняя война III: расколотые дома» (*The Hundred Years War III: Divided Houses*), 2009. «Кровавое лето: Крестьянский бунт 1381 года» (*Summer of Blood: The Peasants' Revolt of 1381*) Дэна Джонса, 2009, повествует о крупном народном восстании и его последствиях. Статья Найджела Сола «Ричард II и язык монархии» ('Richard II and the Vocabulary of Kingship'), в журнале *English Historical Review* 60 (1995), изучает идеи Ричарда о величии короля. Статья Каролин Баррон «Тирания Ричарда II» ('The tyranny of Richard II'), в журнале *Bulletins of the Institute of Historical Research* 41 (1968), описывает, как Ричард тиранил народ в последние годы

царствования; свержение его с трона освещается в статье Б. Уилкинсона «Низложение Ричарда II и воцарение Генриха IV» ('The Deposition of Richard II and the Accession of Henry IV'), в журнале *English Historical Review* 54 (1939).

Документы, касающиеся низложения Ричарда, можно найти в третьем томе «Английских исторических документов» (*English Historical Documents*). Информация о мятеже и других аспектах царствования Ричарда собрана в книге Р. Б. Добсона «Крестьянский бунт 1381 года» (*The Peasants' Revolt of 1381*), второе издание, 1983. Другие хроники времен правления Ричарда: Томас Уолсингем (см. выше), «Хроника Найтона, 1337–1396» (*Knighton's Chronicle, 1337–1396*), под редакцией Дж. Х. Мартина (1995), и «Хроники Адама из Аска, 1377–1421» (*The Chronicle of Adam of Usk, 1377–1421*), в переводе и под редакцией К. Гивен-Уилсона (1997). «Хроника предательства и смерти короля Ричарда Английского» (*Chronicque de la traïson et mort de Richart Deux roy Dengleterr*), опубликованная Английским историческим обществом (1846), приводит массу личной информации о низложении Ричарда.

notes

Сноски

1

Цит. по: Городская жизнь в средневековой Европе. – М.: АН СССР, 1987/Пер. Н. А. Богодаровой.

2

Пер. А. Г. Наймана.

3

Здесь и ниже текст Хартии дается по переводу, сделанному академиком Д. И. Петрушевским в сборнике: Памятники истории Англии XI–XIII веков. – М., 1936.

4

Пер. В. Н. Захарова, 2002 (http://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/frametext.htm).

5

Пер. с латыни А. Бобовича (http://www.vostlit.info).

6

Повод к войне (лат.).

Пер. Е. В. Гутновой. Здесь и далее текст цит. по: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. – М.: Гос. изд. юр. лит., 1961.

8

Рыцарь-баннерет, или просто баннерет – в феодальную эпоху рыцарь, имеющий право вести в бой группу людей (часто также рыцарей) под собственным знаменем с изображением его собственных геральдических символов. – *Прим. науч. ред.*

9

Короткая накидка с короткими рукавами или вовсе без рукавов, которую носили рыцари. Часто украшалась гербом владельца. – *Прим. пер*.

10

Плотное круговое построение с копейщиками в первых рядах. – *Прим. ред.*

11

Эдуард III/Пер. В. С. Лихачова // Шекспир В. Полное собрание сочинений/Библиотека великих писателей/Под ред. С. А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 5. – С. 290–331.

12

Пер. Д. М. Петрушевского. Текст приводится по изданию: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. – М.: Гос. изд. юр. лит., 1961 (http://www.vostlit.info).

13

Граф-палатин получал юрисдикцию над королевской территорией с фактически неограниченными полномочиями, хотя был связан с королем узами непосредственной вассальной зависимости. – *Прим. пер.*

14

Пер. Е. Бируковой.